Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

HERALD OF ANTHROPOLOGY

2025 № 2

Журнал «Вестник Антропологии» учрежден решением Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН 20 марта 2014 г.
Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации
Регистрационный номер ПИ № ФС77–61734

Журнал входит в систему Russian Science Citation Index (RSCI)

12 февраля 2019 г. приказом Минобрнауки России № 21-р «Вестник Антропологии» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

ГЛАВНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Мартынова М. Ю.,
Васильев С. В. (физическая антропология)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Анчабадзе Ю. Д., Бондаренко Д. М., Боруцкая С. Б., Буганов А. В., Бутовская М. Л., Герасимова М. М., Дубова Н. А., Казьмина О. Е., Каландаров Т. С., Канукова З. В., Крадин Н. Н., Мажиа А. (Итальянская Республика), Пушкарева Н. Л., Радойичич Д. (Республика Сербия), Харламова Н. В., Халид А. (США)

ОТВЕТСТВЕННЫЕ СЕКРЕТАРИ

Григорьева О. М. (физическая антропология), Зыкина О. А.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Тишков В. А. (председатель, РФ), Балзер М. (США), Бутитта И. Э. (Итальянская Республика), Васильев С. В. (РФ), Веселовская Е. В. (РФ), Головнев А. В. (РФ), Гонзалес Алкантуд Х. А. (Испания), Дроздова Е. (Чешская Республика), Кобылянский Е. (Израиль), Мартынова М. Ю. (РФ), Паскуалино К. (Франция), Пашалы П. М. (Республика Молдова), Печенкина К. (США), Радойичич Д. (Республика Сербия), Слезкин Ю. (США), Функ Д. А. (РФ), Хан В. С. (Республика Узбекистан), Чае-ван Лим (Республика Корея), Чистов Ю. К. (РФ), Юхас К. (Венгрия).

Адрес редакции:

119991 Москва, Ленинский проспект, 32-А
Институт этнологии и антропологии РАН

Контакты:

По вопросам этнологии, социокультурной антропологии
Мартынова Марина Юрьевна
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

По вопросам физической антропологии
Васильев Сергей Владимирович
vasbor1@yandex.ru

Интернет-сайт: https://journals.iea.ras.ru

ISSN (print) 2311–0546
ISSN (online) 2782–1552

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2025
© Журнал «Вестник антропологии», 2025

The journal "Herald of Anthropology" was established by the RAS Institute of Ethnology and Anthropology Academic Council decision of 20/03/2014
The journal is registered with the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation. Registration number PI No. FS77–61734

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index (RSCI)

By the order No.21-p of The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of 12/02/2019 "Herald of Anthropology" is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended for publishing scientific results of theses for Candidate and Doctoral scientific degrees

EDITORS-IN-CHIEF

M. Yu. Martynova,
S. V. Vasilyev (Physical Anthropology)

EDITORIAL BOARD

Yu. D. Anchabadze, D. M. Bondarenko, S. B. Borutskaya, A. V. Buganov, M. L. Butovskaya, N. A. Dubova, M. M. Gerasimova, O. E. Kazmina, T. S. Kalandarov, Z. V. Kanukova, N. N. Kradin, N. V. Kharlamova, A. Khalid (USA), A. Maxia (Italy), N. L. Pushkareva, D. Radojičić (Serbia)

EXECUTIVE EDITORS

O. M. Grigorieva (Physical Anthropology), O. A. Zykina

ADVISORY BOARD

V. A. Tishkov (Chairman, Russia), M. Balzer (USA), I. E. Butitta (Italy), Yu. K. Chistov (Russia), E. Drozdova (Czech Republic), D. A. Funk (Russia), A. V. Golovnev (Russia), J. A. González Alcantud (Spain), K. Juhász (Hungary), V. S. Khan (Uzbekistan), E. Kobyliansky (Israel), Chae-wan Lim (Korea), M. Yu. Martynova (Russia), P. M. Pashaly (Moldova), C. Pasqualino (France), K. Pechenkina (USA), D. Radojičić (Serbia), Yu. Slezkine (USA), S. V. Vasilyev (Russia), E. V. Veselovskaya (Russia)

Address:

119991 Moscow, Leninskiy prospect, 32A
RAS Institute of Ethnology and Anthropology

Contacts:

Ethnology, Social/Cultural Anthropology
Marina Yurievna Martynova
martynova@iea.ras.ru
journal_of_anthropology@mail.ru

Physical Anthropology
Sergei Vladimirovich Vasilyev
vasbor1@yandex.ru

Web: https://journals.iea.ras.ru

ISSN (print) 2311–0546
ISSN (online) 2782–1552

© RAS Institute of Ethnology and Anthropology, 2025
© Journal "Herald of Anthropology", 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Великая Победа в памяти поколений

Бойко И. И., Ертмакова Г. В., Толстова Н. Ю. Воспитанники детских домов Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны — 7

Педагогическая антропология

Мартынова М. Ю. Социальные ориентации школьного образования в условиях культурного разнообразия общества как фактор благополучия — 23

Иванова Е. В., Барсукова Е. М., Янгуразова А. О. Взаимодействие обучающихся с артефактами учебной повседневности как антропологическая практика — 44

Дети с миграционной историей и школа

Омельченко Е. А., Шевцова А. А., Бурова А. А. Социокультурная среда как ресурс адаптации обучающихся с миграционной историей — 67

Кривенькая М. А. Роль социокультурной среды в адаптации учеников из Центральной Азии: опыт Челябинской и Томской областей — 86

Хабенская Е. О. Использование ресурсов социокультурной среды для адаптации детей-мигрантов: опыт Санкт-Петербурга — 97

Теплова Е. Ф. Трудные вопросы взаимодействия с иноэтничными родителями в практике российских школ — 109

Омельченко Е. А., Шевцова А. А. Профессиональные компетенции педагогов как ресурс адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей — 122

Миграции и современный социум

Онуфриенко Э. А. Миграционные настроения населения г. Краснодара (по материалам этносоциологического исследования) — 132

Белозерова М. В., Куринских П. А., Бобылев В. В. Адаптация студентов-иностранцев: кейс — туркмены Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы — 145

The Great Victory in the Memory of Generations

Boyko, I. I., G. V. Ertmakova, and N. J. Tolstova. Children from Orphanages in Chuvashia on the Eve and During the Great Patriotic War — 7

Pedagogical Anthropology

Martynova, M. Yu. Social Orientations of Schooling in the Multicultural Societies as a Factor of Well-Being — 23

Ivanova, E. V., E. M. Barsukova, and A. O. Iangurazova. Students Interaction with Educational Everyday Artifacts as an Anthropological Practice — 44

Children with Migration Background at School

Omelchenko, E. A., A. A. Shevtsova, and A. A. Burova. Sociocultural Environment as a Resource for Adaptation of Students with Migration History — 67

Krivenkaya, M. A. The Role of Sociocultural Environment in Adaptation of Students from Central Asia: Case of Chelyabinsk and Tomsk Regions — 86

Khabenskaya, E. O. The Resource of the Socio-Cultural Environment for the Adaptation of Migrant Children: Saint Petersburg's Experience — 97

Teplova, E. F. Complex Issues of Interaction with Parents — Representatives of Ethnic Minorities in the Practice of Russian Schools — 109

Omelchenko, E. A., and A. A. Shevtsova. Teachers' Professional Competencies as a Resource for the Adaptation of Foreign Minors and Children with a Migration Background — 122

Migrations and Contemporary Society

Onufrienko, E. A. Migration Attitudes Among the Population of Krasnodar (Materials of the Ethnosociological Research) — 132

Belozerova, M. V., P. A. Kurinskikh, and V. V. Bobylev. Adaptation of Foreign Students: The Case of Turkmens in the Sochi Branch of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia — 145

Фролова Е. В., Хайруллина А. И. Языковые практики и социокультурные ориентации молодых мигрантов в городах Республики Татарстан (по материалам этносоциологического исследования) 161

Frolova, E. V., and A. I. Khairullina. Linguistic Practices and Socio-Cultural Orientations of Young Migrants in the Cities of Tatarstan (Materials of the Ethnosociological Study)

Антропология цифрового человека

The Anthropology of a Digital Human

Грязнова Е. В. Антропология цифрового человека: к вопросу о методологии исследования 173

Gryaznova, E. V. The Anthropology of a Digital Human: Research Methodology

Ягафова Е. А. Чувашский этноблогинг: практики репрезентации этничности в киберпространстве 187

Yagafova, E. A. Chuvash Ethnoblogging: Representing Ethnicity in Cyberspace

Махмутов З. А. Татарские виртуальные сообщества: репрезентация идентичности, функции и риски конфликтогенности 207

Makhmutov, Z. A. Tatar Virtual Communities: Identity Representation, Functions and Conflict Risks

Белоруссова С. Ю. Открытость и закрытость: этнические стратегии коренных малочисленных народов в виртуальности и реальности 223

Belorussova, S. Yu. Openness and Closedness: Ethnic Strategies of Indigenous Minorities in Virtuality vs Reality

Зубко Д. Г. Влияние китайских мифических существ на современную поп-культуру: исследование образа дракона в видеоиграх 241

Zubko, D. G. The Influence of Chinese Mythical Creatures on Contemporary Pop Culture: A Study of Dragon Imagery in Video Games

Народные знания и системы жизнеобеспечения

Folk Knowledge and Subsistence Systems

Сулейманов А. А. «Конец вечной мерзлоты?»: влияние деградации многолетнемерзлых пород на локальные системы жизнеобеспечения сельских поселений юго-западной Якутии (на примере с. Юнкюр) 259

Suleymanov, A. A. The Impact of Permafrost Degradation on Local Life Support Systems of Rural Settlements in Southwestern Yakutia (the Case of the Yunkyur Village)

Дубова Н. А., Навруzбеков М. Н., Никифоров М. Г. Традиционный календарь и астрономические знания жителей долины Хингоу (Таджикистан) 281

Dubova, N. A., M. Navruzbekov, and M. G. Nikiforov. Traditional Calendar and Astronomical Knowledge of the Khingou Valley Inhabitants (Tajikistan)

Никонова Л. И. Водные средства передвижения у мордвы в этнологическом аспекте 301

Nikonova, L. I. Mordovian Water Vehicles from the Ethnological Perspective

Окимбеков У. В. Социально-экономическая жизнь немусульманских общин Афганистана XIX в. 324

Okimbekov, U. V. Social and Economic Life of Non-Muslim Communities in Afghanistan in the 19th Century

Исторические источники и народные традиции

Historical Sources and Folk Traditions

Москвитина (Сиим) А. Ю. Занзибарская принцесса и антропология родства и гендера 340

Moskvitina (Siim), A. Yu. Princess of Zanzibar and Anthropology of Kinship and Gender

Пузанов Д. В. Мир мертвых и природные катаклизмы в книжности домонгольской Руси 358

Puzanov, D. V. The World of the Dead and Natural Disasters in the Books of Pre-Mongol Rus

Добровольский Л. С. Символика скифской пекторали из кургана Толстая Могила в аспекте орфической дионисийской религии 376

Dobrovolskyi, L. S. The Symbolism of the Scythian Pectoral from the Thick Grave Kurgan in Terms of the Orphic Dionysian Religion

Физическая антропология

Physical anthropology

Пяткин А. Н., Дуков Д. В., Аверченко И. В., Веселовская Е. В. Изучение краниофациального соответствия структур глазной области на анатомическом материале. Методические аспекты 393

Pyatkin, A. N., D. V. Dukov, I. V. Averchenko, and E. V. Veselovskaya. The Study of Craniofacial Correspondence of the Eye Region Structures on Anatomical Material. Methodological aspects

Боруцкая С. Б. Комплексное остеологическое исследование погребений средневекового посадского населения города Курска XI–XIII вв. 404

Borutskaya, S. B. A Comprehensive Osteological Study of the Burials of Medieval Kursk Posad (11th–13th Centuries).

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА В ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/7-22
Научная статья

© И. И. Бойко, Г. В. Ертмакова, Н. Ю. Толстова

ВОСПИТАННИКИ ДЕТСКИХ ДОМОВ ЧУВАШИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

У нас и детства не было отдельно,
А были вместе – детство и война
Р. Рождественский

Дети и война — одно из тяжелейших испытаний, которое приходится пережить всем участникам вооруженных противостояний. Для народов СССР в полной мере оно проявилось в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., в ходе которой число уже имевшихся беспризорных и безнадзорных детей значительно возросло в результате призыва взрослого населения в действующую армию, гибели солдат и офицеров, эвакуации миллионов семей в тыловые районы страны. В них развернулась деятельность по приему и обеспечению жизни и воспитания несовершеннолетних граждан. Одной из форм работы в этом направлении было расширение действовавших и создание новых воспитательных и образовательных учреждений, в частности, детских домов. В статье рассматриваются особенности этой работы в Чувашской АССР, не располагавшей серьезными материальными и финансовыми ресурсами, в условиях, когда основные усилия власти были направлены на всестороннее обеспечение фронтовых нужд. Архивные документы свидетельствуют о практически чрезвычайных условиях, в которых оказались воспитанники детских домов, особенно в первой половине военного времени. Нехватка теплой одежды, обуви, перебои с поставками продовольствия, заготовкой дров, недостаточное оборудование учебных и жилых помещений, болезни детей, многие из которых впервые переживали отрыв от семей, и другие обстоятельства — все это предстояло решать коллективам воспитательных учреждений, сотрудникам местного министерства просвещения, руководителям партийных и советских организаций городов и районов Чувашии. Совместные усилия позволили преодолеть основные трудности, сохранить жизни детей, обеспечить их обучение и воспитание, подготовку к взрослой жизни.

Бойко Иван Иванович — д. и. н., профессор, главный научный сотрудник, БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Минобразования Чувашской Республики (Российская Федерация, 428015 Чебоксары, Московский пр-т, 29, корп. 1). Эл. почта: boyko2003@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9202-615X

Ертмакова Галина Васильевна — к. и. н., директор, БУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики» (Российская Федерация, 428000 Чебоксары, пр. Ленина, 16В). Эл. почта: gertmakova@yandex.ru

Толстова Наталия Юрьевна — к. и. н., заведующая Научным центром, БУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики» (Российская Федерация, 428000 Чебоксары, пр. Ленина, 16В). Эл. почта: nykuznetcova@yandex.ru

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Чувашская АССР, детские дома, воспитанники, эвакуация*
Ссылка при цитировании: *Бойко И. И.*, *Ертмакова Г. В.*, *Толстова Н. Ю.* Воспитанники детских домов Чувашии накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 7–22.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/7-22
Original Article

© Ivan Boyko, Galina Ertmakova, and Natalia Tolstova

CHILDREN FROM ORPHANAGES IN CHUVASHIA ON THE EVE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The fate of children during the war is one of the most difficult trials that all participants in armed confrontations have to go through. For the peoples of the USSR, it was fully manifested in the days of the Great Patriotic War of 1941–1945, during which the number of children who already were homeless or neglected increased significantly as a result of the call of the adult population to the army, the deaths of soldiers and officers, and the evacuation of millions of families to the rear areas of the country. Those areas launched activities to receive and to ensure the life and upbringing of minors. One of them was the expansion of existing and the creation of new educational institutions, orphanages in particular. The article examines how this work was done in the Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, which did not have serious material and financial resources, while the main efforts of the authorities were aimed at providing comprehensive front-line needs. Archival documents show the almost extreme conditions in which the children in orphanages found themselves, especially in the first half of the wartime period. The shortage of warm clothes, shoes, interruptions in food supplies, firewood storing, insufficient equipment for educational and residential premises, diseases among children, many of whom were experiencing separation from their families for the first time, and other circumstances — all this had to be solved by the staff of educational institutions, employees of the local Ministry of Education, and heads of the party and Soviet organizations in cities and districts of Chuvashia. Joint efforts had made it possible to overcome the main difficulties, to save the lives of children, and to ensure their education and upbringing.

Keywords*: The Great Patriotic War, the Chuvash ASSR, orphanages, pupils, evacuation*
Authors Info: **Boyko, Ivan I**. — Doctor of History, Chief Researcher, Chuvash State Institute of Humanitarian Sciences, (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: boyko2003@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-9202-615X
Ertmakova, Galina V. — Ph.D. in History, Director of the Budgetary Institution of the Chuvash Republic «State Historical Archive of the Chuvash Republic» of the Ministry of Culture, Nationalities and Archival Affairs of the Chuvash Republic (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: gertmakova@yandex.ru
Tolstova, Natalia Ju. — Ph.D. in History, Head of the Scientific Center for the Study of Archival Materials on the Feat of Home Front Workers of the Budgetary Institution of the Chuvash Republic «State Historical Archive of the Chuvash Republic» of the

Ministry of Culture, Nationalities and Archival Affairs of the Chuvash Republic (Cheboksary, Russian Federation). E-mail: nykuznetcova@yandex.ru
For citation: Boyko, I. I., G. V. Ertmakova, and N. J. Tolstova. 2025. Children from Orphanages in Chuvashia on the Eve and During the Great Patriotic War. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 7–22.

Введение

Проблема детей, оставшихся без родителей и родственников, для России являлась актуальной с дореволюционных времен, особую остроту она приобрела в ходе Первой мировой и Гражданской войн. Численность беспризорников в начале 1920-х годов определяется различными цифрами, в Большой российской энциклопедии речь идет о 7 млн чел. в 1922 г. (БРЭ 2005: 417). К концу 1920-х годов государству в основном удалось решить эту проблему, но с началом коллективизации отмечалась новая волна роста числа таких детей. В 1935 г. правительством страны и ЦК ВКП (б) было принято постановление, направленное на борьбу с данной масштабной проблемой, в котором определялись меры по ликвидации этого социального явления путем организации различных учреждений для содержания детей, их обучения, приобщения к труду (О ликвидации 1935). Также предусматривалось создание детских домов для детей, нуждавшихся в длительном лечении, для детей-инвалидов. Речь шла и о подростках, нарушавших уголовное законодательство, которые должны были задерживаться и помещаться в изоляторы, трудовые колонии, приемники-распределители.

О судьбах детей и истории детских учреждений Чувашии в военные годы имеется ряд публикаций, в том числе историков. Прежде всего, отметим издания, имеющие скорее документальный характер, основанные на материалах архивов и воспоминаний воспитанников и работников детских учреждений. Речь идет о статьях В. Ф. Питерновой (*Питернова* 2004), Н. Андреевой и О. Игнатьевой (*Андреева, Игнатьева* 2006). В 2014 г. увидела свет книга В. Н. Ивановского, посвященная ленинградским детям, жившим в годы войны в Чувашии (*Ивановский* 2014). Анализ истории организации и деятельности детских домов и специальных школ выполнен известным исследователем детской беспризорности и безнадзорности в России А. А. Славко (*Славко* 2010). Обобщенные сведения об эвакуированных детских учреждениях Волго-Вятского региона приведены в статьях В. В. Тимофеева (*Тимофеев* 2010), а также Г. В. Серебрянской и Н. В. Сакович (*Серебрянская*, *Сакович* 2020).

В настоящей статье сделана попытка обобщить архивные материалы и осветить проблемы текущей повседневности в работе детских домов и жизни воспитанников. Речь идет об организации и комплектовании детских домов, бытовых условиях жизни детей, их питании, медицинском обслуживании и т. д. Вне рамок исследования остается учебный процесс.

Детские дома Чувашии накануне войны

После принятия указанного выше постановления правительства и ЦК ВКП (б) работа по его реализации велась во всех регионах страны с разной степенью интенсивности, в зависимости от числа детей, оказавшихся вне семей. В Чувашской АССР действовали пять детских домов. В четырех из детских учреждений данного типа жили и обучались

воспитанники школьного возраста. Один из таких детских домов был предназначен для содержания трудновоспитуемых подростков и находился в городе Мариинский Посад — районном центре республики. Кроме того, еще в одном учреждении жили дети дошкольного возраста. Всего в Чувашии детские дома были рассчитаны на 758 чел., к началу февраля 1941 г. там проживал 761 ребенок, в том числе 144 дошкольника, 49 трудновоспитуемых (ГИАЧР 1: 1).

Судя по архивным документам, ситуация в детских домах республики перед войной была далекой от благополучия. В течение 1940 г. в детские дома было принято 185 чел., за этот же период было направлено на производство 104 чел., в училища ФЗО и ремесленные — 16 чел., к родственникам — 43 чел. Кроме того по графе «убыли» числилось 46 сбежавших. Наибольшее число самовольно покинувших детские дома (25 человек) пришлось на Цивильское воспитательное учреждение, в котором насчитывалось 325 детей. Детдом с трудновоспитуемым контингентом самовольно покинули 15 человек, остальные 6 воспитанников проживали в Чебоксарском (Заволжском) детдоме (ГИАЧР 1: 1–2). Практически все дети посещали школьные занятия, за исключением двух воспитанников Мариинско-Посадского детдома из числа трудновоспитуемых.

Успехи в учебе были разными, но достаточно низкая успеваемость отмечалась в отчетах проверяющих, документах Министерства просвещения. В детских учреждениях не хватало помещений для мастерских, работы кружков, были трудности с освещением комнат, их отоплением. Особенно напряженная ситуация с учебой наблюдалась в Мариинском Посаде. В справке заместителя министра просвещения ЧАССР констатировалось, что в этом учреждении у детей интерес к занятиям отсутствовал. Дети срывали уроки, грубили, курили. Дисциплина практически во всех детских домах нередко поддерживалась окриками, физическим воздействием. В непростых условиях педагоги и воспитатели пытались наладить и внешкольную работу, в частности организовывались и работали различные кружки: хоровой, музыкальный, драматический и т. д., в которых в основном занимались девочки. Мальчикам находили занятия в столярных и слесарных мастерских. В двух детских домах работали вышивальные мастерские, развивая чувашские семейные традиции. Но воспитанники, особенно мальчики, были слабо подготовлены к самостоятельной жизни, многие не могли даже пришить пуговицу к рубашке (ГИАЧР 1: 2 об.).

Состояние здоровья детей не могло не вызывать обеспокоенность. В Цивильске и Мариинском Посаде они были завшивлены, у многих наблюдались хронические болезни. (ГИАЧР 1: 3). Имелись регулярные трудности с питанием, не всегда в блюдах присутствовали в достаточном количестве мясо, жиры, были перебои с поставкой макаронных изделий, сахара и др.

Все детские дома имели подсобные хозяйства, содержали лошадей, коров, свиней, на полях засевались сельскохозяйственные культуры. Но в 4 из 5 детских домов эта деятельность оказалась убыточной и только в Заволжском детском учреждении была получена прибыль (ГИАЧР 1: 4).

Судя по заключениям работников органов просвещения, проверяющих деятельность детских домов, имелась значительная недоработка администрации, педагогов и воспитателей. В детских домах регулярно проводились проверки, справки о ситуации в этих учреждениях направлялись в вышестоящие органы. Достаточно благополучным воспитательным учреждением считался Ибресинский детский дом, к началу апреля в нем насчитывался 91 воспитанник, из которых почти половину (47%) составляли дети

в возрасте от 14 до 16 лет. Пятая часть приходилась на 9–11-летних, и треть составляли 12-ти и 13-летние. Все воспитанники состояли в ВЛКСМ, пионерской организациях, за исключением самых младших, которые были октябрятами. С детьми работали 5 воспитателей и одна пионервожатая. Учиться воспитанники ходили в школу соседней деревни. Обувью и одеждой они были обеспечены. При этом детский дом располагался в старом здании, не отвечавшем санитарным требованиям, в общежитии не хватало 20 мест, и некоторые дети спали по двое в кроватях при большой скученности.

Существенной проблемой для Чувашии в довоенное время была трахома, не обошла эта болезнь и детские дома. В Ибресях трахомой болели воспитательница, пионервожатая, техничка, прачки. Среди детей было 11 воспитанников, подверженных этой болезни, кроме того, 26 страдали чесоткой, но не было завшивленных воспитанников. Несколько человек имели хронические болезни, в том числе туберкулез легких, лимфатических желез, спондилит, нуждались в клиническом лечении трахомы и др. (ГИАЧР 1: 35 об.–36). Но учреждение постепенно развивалось, в Ибресях строился новый корпус, баня, склады и т. д. Детский дом располагал наборами домино, шашек, шахмат, гармонью, гитарой, двумя балалайками, правда последние инструменты были неисправны, как и пианино, находившееся на ремонте. В подсобном хозяйстве содержались лошади, коровы, овцы, свиньи.

Другая ситуация была в г. Мариинский Посад, в котором размещался детский дом для трудновоспитуемых подростков. Инспектор министерства просвещения Чувашской АССР, направленный туда для проверки, отмечал, что учебные классы при детском доме должны посещать 41 чел. из 51 воспитанника. Остальные ходили на занятия в городские школу и техникум, один воспитанник работал, кроме того, двое находились в больнице. По наблюдениям проверяющего, на первый урок, в лучшем случае, приходили до 20 человек, к последнему занятию оставались 3–5 школьников, а в солнечные теплые дни классы оставались пустыми. Собственно, и занятия трудно было назвать такими: воспитанники приходили и уходили с уроков «беспрерывно», в классе играли в карты, курили, пели, свистели и т. д. О дисциплине речь и не шла. Стараниями столичного инспектора численность детей на уроках доходила до 27, но он признавал, что более половины из них ничего не делали в рамках занятий, рвали тетради, делали из чистых листов игральные карты, словом, речь о нормальной учебе идти не могла (ГИАЧР 1: 54). В мастерской по обработке металла занимались только 3 человека, для остальных не хватало материала. В солнечные теплые дни воспитанники чаще всего находились на крышах или улицах города, нередко промышляя кражами (ГИАЧР 1: 54 об.–55). На питание воспитанникам по нормам должно было использоваться 3 руб. 85 коп., но реально уходило меньше из-за отсутствия продуктов или же неправильно составленного меню. Например, 17 апреля на продукты было использовано только 2 руб. 54 коп., и вот как выглядел этот день с точки зрения питания воспитанников: завтрак — картофельный суп с молоком и черным хлебом; обед — щи мясные с черным хлебом и каша гороховая; ужин — картофельное пюре с черным хлебом (ГИАЧР 1: 55 об.–56). Конечно, такой, достаточно скудный, набор блюд не мог восполнить расход энергии растущих молодых людей.

Не все было благополучно и в других детских домах. 4 января 1941 г. Министерство просвещения Чувашии получило отношение из Чувашского обкома ВКП (б), в котором органу управления образованием республики поручалось выявить ситуацию с нарушениями в Цивильском детском доме, о которых шла речь в письме деткора (детского корреспондента).

Письма с жалобами были направлены и в Москву на имя И. В. Сталина, М. И. Калинина, а также в «Пионерскую правду». Инспектор министерства был срочно направлен в Цивильск для изучения положения дел. По мнению проверяющего, дети справедливо написали о непорядках в детдоме. Самая большая трудность для них — очень низкая температура в зимние холода на первых этажах двух корпусов, где жили учащиеся третьего класса. Печи давали мало тепла, запаса дров хватало только на 1–2 дня, постоянно приходилась их «раздобывать». Цивильский райсовет исполком депутатов трудящихся обязал Цивильский леспромхоз обеспечить детдом дровами, но решение не выполнялось. Одежда не соответствовала морозам, поскольку многие дети ходили в худых валенках, дырявой одежде. На питание воспитанников использовались не все деньги, заложенные в бюджет, в блюдах было меньше нормы мяса и жиров. Например, в октябре 1940 г. на каждого воспитанника использовалось по 52 гр. мяса, в ноябре — по 60 гр., в декабре — по 36 гр. Количество жиров колебалось от 1 до 4,6 гр. в день на человека. Среди детей было много с подорванным здоровьем: из 325 воспитанников насчитывалось 225 больных, в том числе с болезнями органов дыхания — 50 чел., туберкулезом болели 26 чел., ушные болезни имелись у 20 чел., малокровие — у 19, ангина — у 14 чел. и т. д. Занятий для воспитанников вне школы находилось немного: около 20 чел. трудились в столярной мастерской, примерно по столько же — в вышивальной мастерской и в кружке духовых инструментов. (ГИАЧР 1: 138 об.–139). Наиболее удовлетворительной признавалась работа Ядринского детского дома, в котором воспитывались дошкольники. Для других воспитательных учреждений были характерны типичные недостатки, к которым, кроме слабой хозяйственной обустроенности, относились грубость между воспитанниками, их разобщенность, третирование младших (ГИАЧР 1: 150).

В феврале 1941 г. правительство республики приняло постановление, направленное на хозяйственное и организационное укрепление Цивильского и Мариинско-Посадского детских домов. Народному комиссариату просвещения предлагалось подобрать для двух учреждений директоров и их заместителей по воспитательной работе. Для ремонта помещений выделялись дополнительные средства, кроме того, для Мариинско-Посадского и Заволжского детских домов планировались строительство новых школьных зданий. Всем руководителям детских домов вменялось обращать особое внимание на соблюдение правил питания, гигиены обеспечение воспитанников одеждой и обувью и т. д. Наркомату торговли были поставлены задачи по обеспечению всех детских домов продуктами питания, а предприятия местной промышленности должны были поставить всем детским домам валенки (ГИАЧР 2: 71, 73, 74).

Воспитанники детских домов в военное время

С началом Великой Отечественной войны государственные органы, учитывая имеющийся опыт последствий Первой мировой и Гражданской войн, а также послевоенной разрухи, приняли ряд решений, направленных на сглаживание детской беспризорности и безнадзорности. Наверное, в самом начале войны не было понимания, что по стране будут перемещаться огромные массы эвакуированного населения. В первые дни войны речь шла о детях тех лиц, которые начинали призываться в Красную Армию. 28 июня 1941 г. из Министерства просвещения РСФСР в регионы было направлено инструктивное письмо, в котором предписывалось принять меры для расширения мест в детских домах, обеспечении их необходимым инвентарем. Чувашия должна была дополнительно выделить для воспи-

танников детских домов 150 мест (ГИАЧР 2: 54, 56). В этот же день Наркомпрос Чувашии направил письмо к коллегам из наркомата торговли с просьбой предоставления продуктов питания для вновь открывающихся детских домов на 750 мест (ГИАЧР 3: 63).

От имени министра просвещения Чувашии 27 июня в гг. Алатырь и Цивильск были отправлены телеграммы с заданием подготовить детдомы-интернаты на 300 и 200 мест соответственно (ГИАЧР 2: 45, 46). Совнарком Чувашской АССР 10 июля принял решение об открытии нового детского дома на 120 мест и о расширении Ядринского детского дома на 30 мест (ГИАЧР 2: 50, 51). 15 июля 1941 г. на базе республиканского пионерского лагеря был создан Чебоксарский детский дом № 2 на 120 мест для детей школьного возраста (ГИАЧР 2: 37, 38).

Но прошло совсем немного времени, и проблема с детьми, оставшимися вне семьи, предстала во всей масштабности и сложности. 25 июля правительство республики приняло решение о преобразовании Кувшинского дома отдыха в Заволжье в детский дом на 150 мест. Новый детский дом предназначался для размещения детей как тех, чьи родители были мобилизованы в Красную Армию, так и эвакуированных в Чувашию и оставшихся без попечения воспитателей (ГИАЧР 3: 73).

В августе в Чувашию были эвакуированы два детских дома: из Кингисепского района Ленинградской области (82 чел.) и из Москвы (10 чел.). Первый располагался в с. Покровском Октябрьского района, второй — в с. Убеево Красноармейского района. Всего к 15 октября 1941 г. в Чувашии было взято на учет 17085 детей в возрасте от 3 до 17 лет, в том числе прибывших вместе с детскими домами — 92 чел. Кроме того, в Чебоксарах был размещен детский дом Государственного книжного издательства из Москвы, в котором находилось 49 чел. дошкольного и школьных возрастов. Он не входил в систему Минпросвещения Чувашии и обслуживался отдельно. Позднее в республику был переведен детский дом из Карело-Финской ССР (64 ребенка), его разместили в с. Порецком одноименного района (ГИАЧР 4: 10; ГИАЧР 5: 13–13 об.). До сентября 1941 г. шло перераспределение детей по детским домам в связи с необходимостью учебы бывших дошкольников, комплектованием старших классов, выбытием почти 100 чел. в ремесленные училища, школы ФЗО и на производство.

Комплектование детских домов шло разными путями, но чаще всего детей направляли районные и городские отделы народного образования (в 1941 г. по неполным данным от них поступило 140 чел. из всех 690, принятых в 1941 г.), шло перераспределение между детскими домами (511 чел.), через приемники-распределители (30 чел.), из домов младенца (14 чел.). С началом войны до конца года выбыло из детских домов 244 чел., в т. ч. по перераспределению между детскими домами 149 чел., на работу — 25 чел., к родным — 37 чел., по другим причинам — 21 чел. и др. (ГИАЧР 6: 63, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 75).

В Управление детскими домами Министерства просвещения РСФСР, которое с началом войны было переведено в Киров, было направлено отношение с просьбой выделения одежды и обуви для воспитанников, одеял, тазов, ведер и другого инвентаря (ГИАЧР 1: 172). Детские дома обеспечивались кадрами, дополнительно на должности директоров были направлены 2 чел., заместителей по учебно-воспитательной работе — 3 человека. Кроме того, 20 выпускников педагогических училищ стали работать воспитателями, а 7 чел. — учителями школ при детских домах. Территории детских домов очищались от захламленности, в них организовывались дежурства воспитателей и воспитанников старших классов, приводился в порядок пожарный инвентарь. В Ибресинском детском доме воспитанники участвовали в охране линии железной дороги,

проходящей рядом с детским домом на протяжении 1,5 км, создавались санитарные, стрелковые, пожарные команды и т. д.

В связи с военным временем все детские дома придерживались «лагерного режима», работа велась на сельскохозяйственных участках и на животноводческих подсобных хозяйствах. Воспитанники запасали овощи, мясо и молочные продукты для своих учреждений. Всего за детскими домами было закреплено свыше 131 га земли, в т. ч. 124 га пашни, 3 га — сады и огороды. В подсобных хозяйствах имелись 32 лошади, 29 коров, 120 свиней, 53 овцы и козы, 44 пчелосемей и др. Финансово детские учреждения обеспечивались нормативно, но были проблемы с поставками продуктов, в том числе хлеба и круп. Например, Ибресинский детский дом в июне получал только хлеб, в июле — 1 ящик макаронных изделий, 2 мешка ячневой крупы, а в августе — только 15 кг пряников. В Цивильское воспитательное учреждение с 318 воспитанниками в августе 1941 г. было поставлено 80 кг муки и 200 кг разных круп. Детдом, прибывший из Ленинградской области, не получал сахар, кондитерские изделия, жиры. Сокращались поставки и другим детским домам. Выходить из положения приходилось за счет денежных средств, покупая продукцию на рынках (ГИАЧР 1: 182, 183). Ситуация изменилась в лучшую сторону с 1 октября, когда все детские дома стали снабжаться продуктами питания централизованно. Но заготовка овощей постановлением правительства республики возлагалась в основном на сами детские учреждения на выделенных земельных участках.

В сентябре 1941 г. в системе детских домов произошли изменения, связанные с ликвидацией самого большого по численности воспитанников Цивильского детского дома, и 318 воспитанников были перераспределены по другим учреждениям. К середине октября в детских домах насчитывалось 908 детей, и по нормативам имелась возможность принять еще 166 человек.

Работа детских домов находилась под постоянным контролем Министерства просвещения Чувашии. Так, в июле и начале августа методист министерства по детским домам Отачкина осуществила проверку работы Заволжского детского дома и, отмечая недостатки в организации хозяйственной и воспитательной деятельности, констатировала, что сравнительно с довоенным временем, имеются серьезные положительные подвижки. В детском доме были организованы несколько кружков, в том числе вышивальщиц, авиамодельный. Девушки вышивали изделия по заказу артели «Вышивка» для торгующих организаций, мальчики готовились к соревнованиям по авиамодельному спорту. Также работал кружок «Будь готов к санитарной обороне», велась подготовка к сдаче норм БГТО (ГИАЧР 1: 208). В целом к положительной оценке деятельности этого детского дома пришла и комиссия, направленная в детское учреждение республиканским министерством, после получения жалобы от бывшей воспитательницы детского дома, уволенной за ряд нарушений по работе. Они отметили проблемы с кадрами воспитателей, значительная часть которых не имела соответствующего образования, отсутствие дружеских контактов между девочками и мальчиками, меньшую организованность последних во внешкольной работе и т. д. Но в целом речь шла о неплохо организованной кружковой работе, вовлеченности детей в художественную самодеятельность и т. д.

В ходе подготовки к зиме в детских домах велись ремонтные работы в учебных корпусах, мастерских, общежитиях. Большое внимание уделялось ремонту печей и заготовке дров, остеклению корпусов. Верхним и нижним бельем, валенками и кожаной обувью дети были в основном обеспечены. Не хватало около 500 пар зимних пальто, и в некоторых детских домах их начали шить самостоятельно. Для воспитанников требо-

валось около 5 тыс. пар чулочно-носочных изделий, не доставало примерно 500 одеял. Самостоятельное изготовление последних обходилось для детских домов дорого, и надежды возлагались на централизованное снабжение (ГИАЧР 1: 281, 282).

На 1 января 1942 г. в республике насчитывалось свыше 17 тыс. эвакуированных детей в возрасте от 3 до17 лет, из которых 705 прибыли в составе детских домов и детских яслей, остальные — с родителями и родственниками (*Андреева, Игнатьева* 2006: 87).

Напряженнее с обустройством детей была ситуация во вновь организованных детских домах, в частности, в Кувшинском, располагавшемся на противоположном от Чебоксар берегу Волги. Воспитательное учреждение начало функционировать только с 1 сентября 1941 г., подготовка к зиме была не завершена к началу ноября, в частности, не все печи были отремонтированы, не хватало вторых оконных рам, некоторые требовали остекления. Санитарное состояние оставляло желать лучшего, среди детей, численность которых составляла 150 чел., начали распространяться заболевания дифтерии (15 чел.) и чесотки (17 чел.), многие дети были завшивлены. Воспитанники, находившиеся там, были эвакуированы в Чувашию из других регионов, или же были из семей мобилизованных. Все они учились в 1–4 классах школы, работавшей при детском доме. Имелись случаи «разрушения детьми социалистической собственности». Почему-то они, например, сломали все пружины, автоматически закрывавшие двери, которые, в свою очередь, часто оставались открытыми, пропуская в помещения холодный воздух. Двор детдома был захламлен, на нем «валялся» не только сломанный, но и исправный инвентарь. Проблемы были с теплой одеждой и обувью детей, которых не хватало на всех, а имевшиеся требовали ремонта. Критику проверяющих вызвала организационная деятельность администрации, не сумевшей наладить нормальный учебный и воспитательный процессы (ГИАЧР 1: 392–394 об.).

Непросто шла адаптация детей в Ибресях в связи с переводом сюда значительной части воспитанников детского дома из Цивильска. В отчете о работе Ибресинского детского дома за первое полугодие 1941/1942 учебного года признается, что между коллективами детей наблюдалось противостояние, связанное с тем, что воспитанники, проживавшие и ранее в Ибресях, представляли дружный, достаточно сплоченный коллектив, основой которого была справедливость, совместная работа, сплоченность. В коллективе Цивильского детдома было больше тех ребят, которые ориентировались на принципы «блатности», круговой поруки. Объединение детских домов было не очень хорошо организовано, здания для вновь прибывших не были полностью отремонтированы, не хватало дров, скот в подсобном хозяйстве был истощен, корма также не были подготовлены.

Война ломала привычные принципы жизни, на первый план выходили мобилизационные задачи. В то же время нельзя утверждать, что дети, в том числе воспитанники детских домов, оказались вне внимания властей. Просто многие руководители, часть из которых заменяла мобилизованных на фронт, не смогла, особенно в первые месяцы войны, соответствовать новым временам, умело организовать учебный и воспитательный процесс, хозяйственную жизнь детских домов. Прибывшие в Ибреси из Цивильска воспитанники преобладали численно и стали навязывать свои представления о жизни коллектива, зачастую путем угроз и избиений. В результате произошло падение дисциплины, закрепление негативного отношения к учебе и т. д. Коллективу педагогов пришлось прикладывать немалые усилия, в частности разделение учеников по классам с тем, чтобы во время уроков минимизировать негативное влияние нарушителей дисциплины. Большой проблемой для детского дома стало организация освещения, поскольку

не хватало не только стекол для керосиновых ламп, но и самого керосина. Санитарное состояние комнат общежития нельзя было отнести к удовлетворительному. При этом имелась ощутимая разница с этой точки зрения между двумя корпусами общежитий, в одном из которых проживали дети, прибывшие из Цивильска. Воспитанники имели слабые представления о гигиенических навыках, воспитатели их слабо контролировали и по причине собственной невысокой санитарной культуры. В детдоме не хватало уборщиц, инвентаря для поддержки чистоты. В другом корпусе, где находились в основном воспитанники, ранее проживавшие в Ибресях, порядок поддерживается более регулярно (ГИАЧР 7: 83–84об.).

В ходе проведения медицинского осмотра было выявлено, что детей, не имеющих болезни, оказалась половина от всех воспитанников. Было выявлено 30 случаев туберкулезной интоксикации, 20 больных бронхоаденитом (первичный туберкулез), у 15 человек проявился рецидив трахомы, 10 воспитанников страдали пороком сердца, 11 — импетиго (болезнь кожи), 8 — чесоткой, у 7 детей было ночное недержание мочи и т. д. Со времени объединения воспитанников двух детских домов (середина ноября 1941 г.) к 1 января 1942 г. было госпитализировано 46 чел. с гриппом, корью, желудочно-кишечными заболеваниями, коклюшем, ангиной, пороком сердца и т. д. При этом следует помнить, что заболевшим в основном было не больше 15 лет, и ослабленное здоровье таких молодых людей стало следствием многих причин, в том числе отсутствия домашнего ухода, неполноценного питания. Правда, в документах отмечалось, что по весу продуктов, блюда в столовой находились в пределах нормы, но по калорийности составляли 80% от требуемого, что было связано с перебоями в снабжении маслом сливочным и растительным, кондитерскими изделиями. Часть продуктов, остававшуюся в Цивильском детском доме, не смогли перевезти в Ибреси и т. д. (ГИАЧР 7: 84–86).

Благополучнее дело обстояло в Покровском детском доме Октябрьского района, в котором значительная часть детей была из числа эвакуированных. Всего в январе 1942 г. их там насчитывалось 82 чел., в возрасте от 8 до 16 лет. Летом 1942 г. в школу ФЗО было направлено 2 чел., в детском доме жили 55 мальчиков и 25 девочек. Различных эпидемий во время учебы не было, каждый ребенок был обеспечен двумя комплектами белья, но валенки имелись не у всех. Воспитанники в основном ходили в обмундировании, в котором они приехали в Чувашию, требовалась его смена. Доставка питания райпотребсоюзом в первом половине учебного года задерживалась примерно на месяц, кроме того, детский дом должен был часть продуктов доставлять из Канаша (железнодорожная станция) и Чебоксар самостоятельно, что для воспитательного учреждения оказалось весьма затруднительно. Часть мясных продуктов приходилось покупать по рыночным ценам. Здания оказались достаточно разбросаны, баня, закупленная у частного хозяина, также находилась не близко, что затрудняло мытье детей и стирку белья в зимнее время. Весной 1942 г. в организованном подсобном хозяйстве было засажено 4 га картофеля, засеяно 2 га овса, 0,5 га занимали огородные культуры. Посевом и посадками занимались 2 соседних колхоза, а также воспитанники и воспитатели самого детского дома. Весной и летом собирались лекарственные травы. Значительная часть производственных процессов осуществлялась путем самообслуживания, организацией соревнования между отдельными бригадами. Финансирование детского дома, как и других воспитательных учреждений осуществлялось в плановые сроки (ГИАЧР 1: 1–9).

Летом 1942 г. Министерство просвещения Чувашии провело совещание директоров детских домов и спецшкол, на котором обсуждалась работа этих учреждений. Часть про-

блем была однотипной, в своих выступлениях руководители сетовали на недостатки в оборудовании жилых помещений, для их ремонта не всегда находилась возможность нанять рабочую силу. Особой заботой для детских домов была заготовка дров на зиму и ремонт печей, без чего трудно было добиться нормальной температуры в помещениях, и дети зимой не снимали верхнюю одежду. Проблематичным в таких условиях было выдержать приемлемый уровень санитарного состояния. Постоянной заботой для руководителей был ремонт одежды, валенок, другой обуви. Частично это проводилось своими силами, в том числе с участием воспитанников. В летнее время они привлекались к работе в подсобных хозяйствах, на колхозных полях. В свою очередь, сельскохозяйственные артели закреплялись для оказания помощи детским учреждениям. В качестве положительного примера зам. министра просвещения Чувашии отметил инициативу Убеевского детского дома, который организовал помощь 7 колхозов (ГИАЧР 8: 7–13об.).

В Мариинском Посаде проблемы необустроенности детского дома накладывались на недисциплинированность воспитанников, не желавших жить по установленным правилам. За учебный год было 6 побегов, по-прежнему срывались уроки, работа токарно-слесарной мастерской не была нацелена на выпуск продукции, которую можно было бы реализовать и получать средства. Директор учреждения просил подобрать заместителей, воспитателей и выделить средства на наем рабочих для ремонта зданий. Были предъявлены претензии своим коллегам, которые присылали в Мариинский Посад детей, которые или «не дотягивали» до уровня их воспитанников, или же, наоборот, переступили такую черту. Речь, в частности, шла о воспитаннике Заволжского детского дома, прегрешения которого сводились только к ночному недержанию мочи. Про другого 14-летнего молодого человека из Покровского детского дома директор заявил, что его за воровство следовало отдавать под суд, а не направлять в Мариинский Посад. В детском доме доставало своих воспитанников с подобными наклонностями. Так, после учебного года 8 человек было направлено в ФЗО при местной судоверфи, и двое уже были осуждены за хищение с базы столовой водников (ГИАЧР 8: 2, 5, 6).

Следует отметить, что нахождение детского дома в районном центре не соответствовало требованиям, предъявляемым к учреждениям для трудновоспитуемых подростков. Они практически беспрепятственно могли уходить из детского дома, находиться в городе, совершать правонарушения. Позднее воспитанники были переведены в трудовой лагерь.

Министр просвещения Макаров, выступая на этом совещании, отметил, что недостатки в работе серьезные, руководство Заволжского и Кувшинского детских домов пришлось менять, но все-таки с главной задачей — сохранением жизни детей в детских домах они все справились (ГИАЧР 8: 14). В резолюции совещания отмечалось, что деятельность учреждений еще не перестроена на военный лад. Высказывалась мысль, что следовало более тесно работать с предприятиями, куда направлялись выпускники детских домов, иметь сведения о качестве их жизни и работы. Критиковались многие аспекты воспитательной и учебной работы, трудового воспитания, намечались конкретные направления по их совершенствованию (ГИАЧР 9: 12–12об.). Стоит отметить, что сложная ситуация с благоустройством детских домов, снабжением продуктами, одеждой и обувью и т. д., была характерна не только для Чувашии. Применительно к России в целом об этом писал А. А. Славко. Он также констатировал, что серьезная ситуация складывалась с руководством детских учреждений, часть из которого не всегда могла организовать работу на должном уровне (*Славко* 2010: 83).

В 1943 г. после прорыва блокадного кольца в Чувашию прибыли дети из Ленинграда, и в республике открылись новые детские дома в Алатырском, Сундырском, Чебоксар-

ском и Янтиковском районах. В 1944–1945 гг. заработали детские дома в Алатырском и Комсомольском районах. Теперь в республике в детских домах воспитывалось около 2 тыс. детей дошкольного и школьного возрастов. Имеется достаточно много публикаций о работе детского дома в с. Ишаки Чебоксарского района, куда в августе 1943 г. прибыло около 120 детей из Ленинграда. Как отмечают авторы, для эвакуированных детей еда была главным смыслом жизни. В Чувашии в этом отношении было легче, но проблем, в том числе с питанием, хватало (*Ивановский* 2014: 86).

Становление новых детских домов сопровождалось традиционными трудностями, поскольку размещались они в неприспособленных помещениях, которые требовали ремонта, начиналось освоение участков, выделенных для ведения приусадебного хозяйства, с осени шла заготовка дров, ремонт зимней одежды, обуви и т. д. Финансирование детским домам было обеспечено, но для пользования им требовались опыт, умение организовать коллектив и т. д.

Средства выделялись на воспитательную, учебную, хозяйственную и др. деятельность учреждения. Рассмотрим смету расходов 1943 г. на примере типичного детского дома, который располагался в г. Ядрин. В нем насчитывалось 300 мест, на 1 января 1943 г. там воспитывалось 292 ребенка, из которых школьники составляли 157 чел., остальные 135 — дошкольники. Самая большая сумма (414,6 тыс. рублей) направлялась на питание, исходя из 1382 руб. на 1 воспитанника в год, то есть 3 руб. 79 коп. в день. На приобретение и ремонт инвентаря и оборудования выделялось 165 тыс. руб. На заработную плату сотрудникам (68 штатных единиц) предусматривалось 142,3 тыс. руб. Заработная плата директора детдома составляла 600 руб., старшего повара — 200 руб., медицинской сестры — 180 руб. Самую многочисленную группу сотрудников составляли воспитатели, их насчитывалось 22 чел. (заработок 230 руб.), нянями работали 16 чел. (90 руб.). Уборщицы, которых было 3 чел., зарабатывали по 60 руб. На канцелярские и хозяйственные расходы определялось 36,5 тыс. руб. Сюда включались средств на канцелярские и почтовые расходы, заготовку дров (во всех зданиях приходилось топить 50 печей), приобретение 500 кг керосина для освещения помещений детского дома, 250 бочек воды ежемесячно для водоснабжения и другие расходы (ГИАЧР 10: 48–49).

В ходе инспектирования деятельности детских домов, проверяющие отмечали, что в 1943/1944 учебном году работа шла планово, за исключением Кувшинского и, особенно, Алдиаровского детских домов. В последнем занятия начались только с ноября месяца, условия жизни и учебы были непростыми. Не везло детскому дому с администрацией: в течение учебного года там сменилось 5 директоров и 3 заместителя по учебной работе. Алдиаровский детский дом оказался своеобразным рекордсменом по самостоятельному оставлению детей этого учреждения: с конца августа по конец декабря 1943 г. из 147 воспитанников детдом самовольно оставили 106 человек; с 1 января по 1 августа 1944 г. — 23 чел. Проверяющий перечислил причины побегов детей: неудовлетворительные материально-бытовые условия, невнимательное отношение со стороны воспитателей. Некоторые дети уходили для поисков родных. При этом отмечалось, что дети в основном вежливые, «ласковые». Правительством было принято решение перевести детский дом в Цивильск в здания, освобожденные воинской частью (ГИАЧР 11: 22, 23).

Изменилась ситуация в Мариинско-Посадском детском доме, который с 1 мая 1944 г. перестал быть учреждением с особым режимом. Ревизор Минпроса Чувашии проверял его работу за 1,5 года и отметил изменения к лучшему в организации питания и содержании воспитанников. Продукты поступали централизованно, а также из своего под-

собного хозяйства. Случались перебои с хлебом, который поставляло Мариинско-Посадская кооперативная потребительская организация (горпо). На рынке покупались отдельные товары, например, лук и чеснок. Об улучшении питания свидетельствовали меню столовой в июне 1944 г. за несколько, произвольно взятых нами, дней:

1.06. Завтрак. Картофель отварной с огурцами и помидорами. Чай с конфетами. Хлеб 100 гр.
Обед. Щи с капустой мясные. Простокваша с сахаром. Хлеб 200 гр.
Ужин. Щи зеленые с картофелем и животным маслом. Хлеб 100 гр.
7.06. Завтрак. Пирожки с грибами и луком. Чай с конфетами. Хлеб 100 гр.
Обед. Суп гороховый с картофелем и животным маслом. Студень. Хлеб 200 гр.
Ужин. Картофель жареный с молоком. Хлеб 100 гр.
17.06. Завтрак. Масло сливочное 15 гр. Чай с конфетами. Хлеб 100 гр.
Обед. Суп-лапша с мясом. Каша гороховая. Хлеб 200 гр.
Ужин. Окрошка с мясом, яйцами и луком. Хлеб 100 гр. (ГИАЧР 14: 8).

Стоимость питания одного воспитанника в 1943 г. составляла 3 руб. 59 коп. в день, недорасход — 31 коп. За 5,5 мес. 1944 г. — 4 руб. 23 коп., перерасход — 33 коп. в день. Перерасход был величиной условной, он возник в учетных книгах за счет отпуска продуктов из подсобного хозяйства. В июне уже не хватало картофеля, что отражалось на разнообразии блюд, но «в изобилии» имелись молочные продукты. В столовой была возможность для размещения 50 посадочных мест, то есть для всего контингента воспитанников. Но столов, скамеек и стульев было достаточно только для 20 человек. Поэтому питание организовывалось в 2 смены. Одеяла и матрасы имелись, но требовали обновления. Одеждой и обувью воспитанники были обеспечены, но на осень необходимы были кожаная обувь и галоши. В помещениях чисто, но требовалась побелка. Во дворе регулярно убирались и наводили порядок (ГИАЧР 14: 9, 12).

Из проблем также отмечалось, что в 1944 г. болели малярией 7 чел., чесоткой — 24 чел., недержанием мочи — 4 чел., трахомой — 2 чел. Другие болезни (ангина, грипп и др.) — 25 чел. коклюш —1 чел. Дети, находящиеся в детдоме 2–3 мес., по мнению ревизора, имели здоровый вид, в отличие от вновь прибывших (ГИАЧР 14: 12 об.).

Проверками, проведенные в августе 1944 г., во всех детских домах, отмечено, что в школах и жилых помещениях санитарное состояние удовлетворительное, белье чистое, дети соблюдают требования личной гигиены. Питание в целом соответствовало требованиям, но бывали перебои с хлебом, особенно это было характерно для Алдиаровского детского дома, о чем было сообщено в прокуратуру республики. В конце концов, учреждение было закрыто, дети переведены во вновь начавший действовать Цивильский детский дом.

К началу 1945 г. в Чувашии функционировали 4 школьных детских дома, в которых насчитывалось 539 воспитанников, 1 дошкольный с 71 воспитанником и 7 смешанного типа с 963 воспитанниками. Всего в 12 детских учреждениях находилось 1663 воспитанника. Кроме того, имелось 22 небольших колхозных детских дома с 415 воспитанниками. В них на средства колхозов содержались дети местного населения, оставшиеся без попечения родителей и родных (ГИАЧР 11: 30, 35). С 1943 г. количество подобных детских учреждений немного возросло, как и численность детей (19 детских домов и 367 чел.) (*Серебрянская, Сакович* 2020: 277).

Заволжский детдом, находившийся в сосновом лесу, в соответствии с распоряжением Совнаркома РСФСР от 21 декабря 1944 г., решением местного правительства от 19 января 1945 г. преобразовывался в учреждение санаторного типа, в котором планировалось

размещать детей дошкольного и школьного возрастов с «туберкулезной интоксикацией». Детский дом санаторного типа должен был 1 апреля 1945 г. принять 100 первых воспитанников. Соответствующим ведомствам республики вменялось обеспечение необходимых условий для проживания и лечения больных детей (ГИАЧР 12: 46–46 об.).

В 1945 г. численность воспитанников в детских домах Чувашии была установлена в 2500 человек. Трудоустроить подлежало 187 чел., из которых 150 чел. направлялось в систему трудовых резервов и на местные промышленные предприятия, а 37 чел., являвшиеся отличниками учебы, должны были продолжить посещение школ в 7–10 классах (ГИАЧР 13: 8). Дети, направляемые на трудоустройство, родом были как из Чувашии, так и других регионов страны. Например, из 17 воспитанников Порецкого детского дома, 8 были из Чувашии, 9 — из Москвы и Московской области, а также Карело-Финской ССР (по существующему в то время территориально-административному делению). Из детского дома в с. Явлеи планировалось трудоустроить 13 чел., из которых трое родились в Чувашии, а 10 чел. — в Ленинграде и Ленинградской области. Из 13 детей, воспитывавшихся в Мариинско-Посадском детском доме, только 4 являлись уроженцами Чувашии, остальные жили в Москве и Московской области и других регионах. Подобная ситуация наблюдалась и в других учебно-воспитательных учреждениях (ГИАЧР 13: 14, 16, 28).

С 1944 г. проходила реэвакуация детей как организованно эшелонами, так и частным образом — с родителями и родственниками. Например, с июня 1944 по август 1945 г. в Ленинградскую область было отправлено 7 эшелонов, которые должны были перевезти свыше 7 тыс. детей. Как затем оказалось, часть эвакуированных осталась в Чувашии на постоянное место жительства. Решением правительства Чувашии всем отправляемым из республики выделялись продовольствие, обувь, носильные вещи и т. д. В каждом эшелоне перевозились коровы, свиньи, козы, кролики и т. д., которые предназначались отъезжающим семьям (*Питернова* 2004: 89, 90).

Заключение

С началом Великой Отечественной войны в Чувашии примерно в 2,5 раза увеличилась численность воспитанников детских домов, и таким же образом возросло количество самих учреждений, которые перед началом войны переживали нелегкие времена с точки зрения материального обеспечения, хотя финансирование было регулярным в законодательно определенных объемах: не хватало учебного оборудования и материалов, теплой одежды и обуви, постельного белья и т. д. Ежегодно приходилось решать проблему заготовки дров для отопления учебных и жилых помещений, обеспечения полноценного питания и т. д. Реалии военного времени усугубили все названные трудности. Кроме того, следует учитывать, что с призывом значительного числа мужчин в Красную Армию, регулярных мобилизаций населения на сооружение оборонительных рубежей, других обязательных работ сократились возможности использовать рабочую силу для строительства, ремонта зданий и оборудования, заготовки дров. Отсутствие автомобильного, сокращение количества гужевого транспорта создавало трудности для своевременных поставок продуктов в детские учреждения. Труднее стало набирать кадры администрации, учителей, воспитателей для вновь открывающихся детских домов, замены тех, кто работал недостаточно хорошо. Иначе говоря, война заметно усугубила положение воспитанников в детских домах.

В документах отмечается значительный уровень заболеваний детей, недостаточное соблюдение требований санитарии и гигиены, что также стало одной из серьезных про-

блем для воспитателей и медицинских работников. В то же время следует подчеркнуть, что в годы войны не было допущено масштабных эпидемий заразных болезней, хотя отдельные случаи распространения тифа, кори и др. имели место. Своевременные прививки, достаточно оперативная работа медицинских служб позволяли не допустить или локализовать вспышки таких болезней. Жизни детей, как из Чувашии, так и эвакуированных из других регионов страны, в абсолютном большинстве были сохранены.

В целом, в ходе войны быт в детских домах хотя бы незначительно, но постепенно налаживался, улучшалось питание воспитанников, ситуация с одеждой и обувью оставалась достаточно проблемной, но решаемой. По мере освобождения зданий и помещений, занятых под формировавшиеся воинские части, часть из них передавалась для использования детскими учреждениями.

Архивные материалы свидетельствуют о напряженных усилиях властей Чувашии, коллективов педагогов, воспитателей, медицинских и вспомогательных работников по организации работы детских домов, сохранению жизни и здоровья подрастающего поколения, оказавшегося в большинстве своем без родителей и близких, переживавших тяжелые психологические травмы. Сборники воспоминаний учителей и воспитателей, самих подростков передают атмосферу сложного быта в условиях военного времени, и в то же время наполнены искренними чувствами любви и благодарности. Например, спустя 40 лет после окончания войны, в Ленинграде была организована встреча жителей с. Ишаки и бывших воспитанников детского дома. На ней произносились слова признательности, бывшие воспитанники с теплотой вспоминали учителей, воспитателей, жителей села, своих сверстников. Они считали, что нашли приют и заботу в этом уголке Чувашии (*Ивановский* 2014: 92, 97). С возрастом к выросшим детям пришло понимание того, что большинство из них встретило на своем пути добрых людей, которые своими усилиями сделали практически все возможное, чтобы провести воспитанников детских домов через серьезные, в том числе трагические, испытания военного времени.

Источники и материалы

Опубликованные источники

Андреева, Игнатьева 2006 — *Андреева Н., Игнатьева О.* «К чужим как к своим…» (эвакуированные дети в Чувашии в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы (Эхо веков). 2006. № 1. С. 86–90.

БРЭ 2005 — Большая российская энциклопедия. Т. 3. М.: Науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2005.

Ивановский 2014 — *Ивановский В. Н.* Мы с памятью слиты. Дети блокады в Чувашии: 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады посвящается: [воспоминания, архивные материалы]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. 127 с.

Питернова 2004 — *Питернова В. Ф.* «Здесь нас ждали и заботливо готовились». Дети Ленинграда в Чувашии // Отечественные архивы. 2004. № 2. С. 85–93.

О ликвидации 1935 — О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б). 31 мая 1935 г. [Электронный ресурс]. https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/371500 (дата обращения: 15.01.2025).

Архивные документы

ГИАЧР — Государственный исторический архив Чувашской Республики.

ГИАЧР 1 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2266.

ГИАЧР 2 — Ф. 221. Оп. 1. Д.2257.

ГИАЧР 3 — Ф. 221. Оп. 30. Д. 5.
ГИАЧР 4 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2208.
ГИАЧР 5 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2352.
ГИАЧР 6 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2292.
ГИАЧР 7 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2260.
ГИАЧР 8 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2261.
ГИАЧР 9 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2369.
ГИАЧР 10 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2502.
ГИАЧР 11 — Ф. 221. Оп. 1. Д.2536.
ГИАЧР 12 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2471.
ГИАЧР 13 — Ф. 221. Оп. 1. Д. 2623.
ГИАЧР 14 — Ф. 221. Оп. 2. Д.226.

Научная литература

Серябрянская Г. В., *Сакович Н. В.* Дети в годы Великой Отечественной войны (на примере Волго-Вятского региона) // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Международная научно-практическая конференция к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Оренбург, 23–25 апреля 2020. Сб. статей. Оренбург: Изд-во Оренбург. госуд. педагогич. института, 2020. С. 275–278.

Славко А. А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1. С. 79–88.

Тимофеев В. В. Детские эвакуированные учреждения в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) (на примере республик Волго-Вятского региона) // Единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (к 65-летию Победы): материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 28 марта 2010. Чебоксары: Изд-во Чуваш. госуд. педагогич. ун-та, 2010. С. 149–154.

References

Seriabrianskaia, G. V., and N. V. Sakovich. 2020. Deti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na primere Volgo-Viatskogo regiona) [Children During the Great Patriotic War (on the Example of the Volga-Vyatka Region)]. In *Velikaia Otechestvennaia voina i problemy natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii. Mezhdunarodnaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia k 75-letiiu Pobedy Sovetskogo Soiuza nad fashistskoi Germaniei (23-25 aprelia 2020)* [The Great Patriotic War and the National Security Problems of Modern Russia. International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 75th Anniversary of the Victory of the Soviet Union over Nazi Germany (April 23–25, 2020)]. Orenburg: Izdatel'stvo Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 275–278.

Slavko, A. A. 2010. Detskie doma i shkoly dlia detei-sirot v Rossii v gody Velikoi Otechestvennoi voiny i poslevoennyi period [Child Care Homes and Schools for Orphans in Russia during the Great Patriotic War and the Post-War Period]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* 1: 79–88.

Timofeev, V. V. 2010. Detskie evakuirovannye uchrezhdeniia v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941–1945 gg.) (na primere respublik Volgo-Viatskogo regiona) [Children's Evacuated Institutions during the Great Patriotic War (1941–1945) (on the Example of the Republics of the Volga–Vyatka Region)]. In *Edinstvo fronta i tyla v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. (k 65-letiiu Pobedy). Materialy Vserosciiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (28 marta 2010)* [Unity of the Front and Rear During the Great Patriotic War of 1941–1945 (To the 65th Anniversary of the Victory. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (March 28, 2010)]. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogichtskogo universitetata. 149–154.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 39+37.035.6
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/23-43
Научная статья

© М. Ю. Мартынова

СОЦИАЛЬНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР БЛАГОПОЛУЧИЯ

В статье с позиций социальной антропологии рассматриваются концептуальные подходы и практики школьного образования в условиях культурного и языкового многообразия общества. Модели поликультурного и полилингвального обучения молодого поколения анализируются преимущественно на примере российского опыта, показаны отличия и последствия отечественной государственной образовательной политики в разные исторические периоды за последние сто лет. В фокусе исследования — идентичность молодых людей и социокультурный аспект школьного образования как факторы позитивного мировосприятия, личностного и социального благополучия ребенка. Поскольку образование может являться эффективным инструментом реализации культурно-языковой политики властей, ставится вопрос о возможностях использования учебных программ в целях интеграции социума, консолидации представителей различных этнических групп в общегосударственном контексте, формирования средствами просвещения атмосферы гражданского согласия. По мнению автора, система образования как механизм интеграции молодежи в социальную жизнь, и, в частности, культурно-языковую структуру общества, обладает огромным потенциалом. Это делает необходимым рассматривать образование как стратегически важную сферу общественной жизни, как главный фактор развития интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности и международной конкурентоспособности. В то же время не только когнитивные результаты, но и некогнитивные результаты, такие как личное и социальное благополучие учащихся, должны восприниматься как две цели образования.

Ключевые слова: *межкультурный диалог, образовательная политика, школьное образование, идентичность, устойчивое развитие, благополучие*

Ссылка при цитировании: *Мартынова М. Ю.* Социальные ориентации школьного образования в условиях культурного разнообразия общества как фактор благополучия // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 23–43.

Мартынова Марина Юрьевна — д. и. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник — зав. Центром европейских исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: martynova@iea.ras.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7280-7450

* Публикация подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

UDC: 39+37.035.6
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/23-43
Original article

© Marina Martynova

SOCIAL ORIENTATIONS OF SCHOOLING IN THE MULTICULTURAL SOCIETIES AS A FACTOR OF WELL-BEING

The article considers conceptual approaches and practices of schooling in the situation of cultural and linguistic diversity from the perspective of social anthropology. The models of multicultural and multilingual education of the young generation are analyzed mainly in the context of the Russian experience, the differences and consequences of the domestic state educational policy in different historical periods over the last hundred years are shown. The focus of the study is given to the identity of young people and the sociocultural aspect of school education as factors of positive worldview, personal and social well-being of a child. Since education can be an effective means of implementing the cultural and linguistic policies of the authorities, the question is raised as to the possibilities of using curricula to integrate society, consolidate different ethnic groups in the national context, and create an atmosphere of national harmony through education. In the author's opinion, the educational system has great potential as a mechanism for integrating young people into social life and, in particular, into the cultural and linguistic structure of society. This makes it necessary to consider education as a strategically important sphere of social life, as the main factor in the development of the nation's intellectual potential, its independence and international competitiveness. At the same time, not only strategic outcomes but also the well-being of students should be perceived as two goals of education.

Keywords: *intercultural dialogue, education policy, school education, identity, sustainable development, well-being*

Author Info: **Martynova, Marina Yu.** — Dr. of History, Professor, Head of the Department for European Studies, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: martynova@iea.ras.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7280-7450

For citation: Martynova, M. Yu. 2025. Social Orientations of Schooling in the Multicultural Societies as a Factor of Well-Being. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 23–43.

Funding: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

Введение

Благополучие охватывает различные аспекты существования человека, в т. ч. ребенка: эмоциональное благополучие, физическое благополучие, благополучие отношений или социальное, общественное благополучие, благополучие на рабочем месте. Нас, как социальных антропологов, в первую очередь интересуют социальные аспекты благополучия. Поскольку, как и физическое здоровье, ключевой составляющей

развития каждого ребенка является его образование и обучение, в данном конкретном исследовании мы рассмотрим некоторые аспекты возможностей и способов достижения этой цели в рамках школьного образования. Статья посвящена школьному благополучию, определяемому как позитивное восприятие ребенком учебы, школы и своего академического потенциала. В фокусе нашего исследования — идентичность молодых людей и социокультурный аспект школьного образования как факторы их позитивного мировосприятия.

Важность социального благополучия часто упоминается исследователями в качестве одного из ключевых показателей успеха учащихся в школе. Благополучие на рабочем месте, а учебное заведение можно считать «рабочим местом» детей — это способность следовать собственным интересам, убеждениям и ценностям для того, чтобы обрести смысл и счастье в жизни и профессиональное обогащение (формулировка проекта Совета Европы «Свободно говорить — безопасно учиться»: The Council of Europe project 2016).

Образовательное учреждение — важнейший и даже основополагающий, наряду с семьей, субъект социализации ребенка. Более того, многие авторы, например, Т. Ригли, Дж. Никласен, Дж. Моват и др. (*Wrigley* 2012; *Niclasen* et al 2018; *Mowat* 2019) утверждают, что начальное образование (в возрасте от 6 до 12 лет), возможно, является наиболее существенным образовательным этапом с точки зрения социального благополучия учащихся, поскольку опыт детей на этом образовательном уровне может повлиять на их развитие на будущих этапах жизни. Целесообразность инвестирования в благополучие детей очевидна.

Исследование проблем школьного образования должно выходить за рамки изучения его когнитивного предназначения. В настоящее время обществом признается, что «некогнитивные результаты, такие как благополучие школьников, также важны и рассматриваются как образовательные цели сами по себе» (*Гордеева* и др. 2019: 33). При этом, согласно наблюдениям психологов, «субъективное благополучие школьников и их академические достижения связаны друг с другом, однако эта связь весьма слаба ($r = 0{,}16$; $N = 38946$), что означает, что хорошо успевающие школьники необязательно благополучны, а плохо успевающие школьники необязательно неблагополучны» (*Гордеева* и др. 2019: 33). Соответственно, когнитивные результаты, такие как успеваемость, и некогнитивные результаты, такие как благополучие учащихся, должны восприниматься как две разные и самостоятельные цели образования (*Opdenakker, Van Damme* 2000). В современной литературе выделяются три типа благополучия школьников — личное благополучие, благополучие отношений и школьное благополучие (*Bradshaw* et al 2011).

Объектом изучения являются молодые люди, представляющие собой демографический потенциал и будущие трудовые ресурсы страны. Молодёжь является специфической социальной (демографической) группой общества, которая активно откликается на происходящие общественно-политические изменения. Типичными особенностями молодёжного периода жизни является потребность в самоопределении, познании самого себя, осмыслении своего назначения в жизни и личного самоутверждения. В процессе школьного образования раскрывается новый общий смысл развития личности — профессиональное, личностное и социальное становление человека. Профессиональное самоопределение юношей и девушек осуществляется в единстве с их мировоззренческим и социальным самоопределением.

Благополучие детей, образование и идентичность

Значимым фактором для детского благополучия является среда, в которой растет ребенок. Она включает в себя семью, место жительства (*Скрябина* 2022) и окружающий детский коллектив. Для школьного возраста социальное благополучие молодых людей можно определить прежде всего, как степень, в которой они испытывают чувство принадлежности и социальной интеграции в своей образовательной среде (*Pang* 2018). В этой связи особого внимания заслуживает социум школьных коллективов в поликультурных обществах в аспекте его интеграционного потенциала. Речь идет не только о внутришкольных сообществах, но и в более широком плане о возможностях использования образования в целях *консолидации представителей различных этнических групп в общегосударственный контекст, о формировании средствами образования атмосферы гражданского согласия и толерантности в обществе.* Представляется важным проанализировать концептуальные подходы и различные (с учетом передового российского и мирового опыта), применяемые в школьных программах, образовательные практики на предмет их значимости для конструирования национальной (государственной) и этнокультурной идентичностей.

Необходимо учитывать и то, что существует коллективный аспект благополучия. Это коллективное измерение до сих пор почти не изучено. При исследовании детской среды обычно наибольшее внимание уделяется личностным (индивидуальным) процессам, в основном в семейном контексте. Отчасти это можно объяснить индивидуалистическим характером западных сообществ, где данная тема весьма популярна. В ином масштабе правомерно рассмотреть целесообразность вариативных форм образования, в т. ч. направленных на формирование у детей различных культурных и языковых компетенций.

Анализ мировоззренческих идей образования в поликультурной среде российского социума, изучение региональной специфики опыта совмещения в педагогических технологиях задач воспитания у молодых людей национально-гражданской и этнокультурных идентичностей, поиск баланса между ними требуют обстоятельного изучения с позиций разных наук, в том числе и с позиции социальной антропологии. Поскольку в стране не утихают дебаты о современной идентичности россиян и актуален вопрос и о ее месте в ряду других идентичностей (этнической, локальной и др.), представляется важным особо рассмотреть опыт их совмещения в образовательной политике, а также в ее практическом воплощении, масштабы признания многокультурности гражданской нации и как результат — реализации этой концепции в поликультурности образования.

Очевидно, что образовательная политика является одним из наиболее действенных инструментов социального конструирования идентичности. То, что люди принадлежат к разным культурным традициям обусловлено, прежде всего, воспитанием и социализацией в целом. В наибольшей степени это касается образования молодежи. Именно в детском возрасте люди, как правило, получают представление об этнически кодируемых различиях. Этому способствует не только личный опыт социальных отношений, но и целенаправленные усилия педагогов. Поэтому образование должно рассматриваться как стратегически важная сфера общественной жизни, как главный фактор развития интеллектуального потенциала нации, ее самостоятельности и международной конкурентоспособности. Система образования как механизм интеграции молодежи не только в социальную жизнь, но и в культурно-языковую структуру общества, обладает огромным ресурсом. Именно образование может являться эффективным инструментом реализации культурно-языковой политики властей, поскольку оно подконтрольно власти.

На актуальные задачи и тенденции государственной политики в социальной сфере не может не реагировать педагогика. Современное отечественное образование уделяет все большее внимание таким аспектам развития молодого поколения, как патриотизм, гражданственность, осознание места и роли России в мировом сообществе. Все чаще говорится, что ключевой целью общего образования является формирование гражданской идентичности подрастающего поколения. Понятие «идентичность» включено в Федеральный государственный образовательный стандарт нового поколения. В стандарте подчеркивается, что он, в частности, «направлен на обеспечение: формирования российской гражданской идентичности обучающихся; сохранения и развития культурного разнообразия и языкового наследия многонационального народа Российской Федерации, реализации права на изучение родного языка, овладение духовными ценностями и культурой многонационального народа России; воспитания и социализации обучающихся, их самоидентификации посредством личностно и общественно значимой деятельности, социального и гражданского становления, в том числе через реализацию образовательных программ, входящих в основную образовательную программу» (Приказ 2009).

Однако практическое воплощение поставленных задач требуют разработки подходов и методов формирования мировоззрения и укрепления роли российской идентичности в образовательном процессе в сочетании с определением ее места среди других идентичностей. Образовательная политика предполагает отбор вполне определенных культурных ценностей для их распространения по существующим или создаваемым каналам. Соотношение диалектики общечеловеческих компонентов и их этнокультурных частностей в обществе во многом зависит от государственной политики. Процессом сохранения традиций тоже в какой-то степени можно управлять. В любом обществе государство теми или иными способами задает тон отношениям между разнообразными субъектами общественной жизни. Это воздействие осуществляется, в том числе и через образовательную политику, через управление религией, наукой, искусством, через выработку и транслирование определенной идеологии с помощью средств коммуникации.

Модели поликультурного образования в концептуальном ракурсе

Тема нации и гражданина в школьном образовании, проблемы обучения детей разного этнокультурного происхождения, как важная задача воспитательного процесса, находятся в центре внимания правительственных структур многих стран. Все отчетливее просматривается глобальная тенденция к признанию необходимости оказания активной помощи в т. ч. и иммигрантам по интегрированию в общество, включая обучение языку, предоставление образовательных услуг и поиск работы.

Социально-педагогическое явление культурно-образовательного плюрализма получило отражение в литературе под разными терминами: кросс-культурное образование (австралийские ученые), мультиэтничное образование (Дж. Бэнкс), мультикультурное образование (англоязычные ученые Я. Пэй, Р. Люсиер), школа диалога культур (В. С. Библер), поликультурное образование (В. В. Макаев, Л. Л. Супрунова, В. Н. Сатуров), образовательный мультикультурализм (М. Уолцер), либеральный плюрализм в образовании (Б. Уильямс), поликультуризм в образовании (Г. М. Каджаспирова), поликультурное воспитание (А. А. Реан), многокультурное образование (Г. Д. Дмитриев), сложнокультурный подход (В. А. Тишков), воспитание конвертируемого человека (В. Д. Семенов), глобальное образование (А. Ю. Коджаспиров) и другие (см. подробнее: *Мартынова* 2004; *Мартынова* 2011; *Мартынова* 2013; *Сатуров* 2003: 16).

Первые попытки дать определение понятию мультикультурного образования содержатся в Международном педагогическом словаре, который был издан в Лондоне в 1977 г. В нем мультикультурное образование подается как отражение идеалов культурного плюрализма в сфере образования (International Dictionary of Education 1977: 273). В 90-х годах XX в. в Международной энциклопедии образования приводится более конкретное толкование термина «Multicultural Education»: «Педагогический процесс, в котором представлены две и более культуры, отличающиеся по языкам, этническим, национальным или расовым признакам» (The International Encyclopedia of Education 1994: 3963).

Несмотря на то, что имеется много признаков для дифференциации сформулированных теоретиками понятий, в педагогике довольно часто встречается отождествление предлагаемых терминов. Во всех случаях речь идет о плюрализме в образовании, о специальных программах для части населения страны, выделенной по этническому (или в более мягкой формулировке — культурному принципу). Существует также мнение, что мультикультурное (поликультурное, кросс-культурное) образование охватывает все формы взаимодействия школы с представителями этнических меньшинств. Концепция мультикультурного образования, по мнению американского ученого Джеймса Бэнкса, зачинателя научного подхода к поликультурному образованию в США, возглавляющего Центр поликультурного образования в Вашингтонском университете, заключается в предоставлении равных возможностей для всех, включая учащихся разных этнических, расовых и социальных групп (*Banks* 1997).

Научными разработками технологии поликультурного образования занимаются ученые, как за рубежом, так и у нас в стране. Как правило, концепции включают три вида программ, в соответствии с их основными задачами. Во-первых, это программы, ориентированные на содержание (Content-Oriented Programs), ставящие задачу интеграции в учебные программы материала, содержащего информацию о расовых, этнических и культурных группах. С этой целью в школах проводятся специальные уроки, посвященные тем или иным этническим и культурным группам, рассказывающие о вкладе всех граждан государства, включая представителей этнических меньшинств, в развитие и процветание своей страны. Во-вторых, это программы, ориентированные на учащихся (Student-Oriented Programs). Они направлены на повышение успеваемости определенных групп учащихся, главным образом из числа представителей этнических меньшинств. Имеются ввиду компенсаторные программы, в которых используется культурно-ориентированный стиль работы с учащимися, языковые, билингвальные и бикультурные программы, специальные программы по математике и естественным наукам. В-третьих, это социально-ориентированные программы (Socially-Oriented Programs), направленные на развитие культурной и расовой толерантности (*Banks* 1997; *Манжосова* 2002: 370).

Выше перечисленные подходы не чужды и российской педагогике. У нас в стране усилиями педагогов также разрабатываются технологии поликультурного обучения. Согласно мнению авторов российской Концепции поликультурного образования, подготовленной в 2003 г. в Пятигорском государственном лингвистическом университете, приемы и методы обучения в данной сфере могут быть сгруппированы тоже в три категории. Первый тип — это технологии усвоения знаний о различных культурах и культурных процессах. К названному типу относятся такие методы и приемы организации познавательной деятельности как рассказ, беседа, лекция, семинар, экскурсия и т. п.

Второй тип технологий — это формы, методы и приемы формирования культуры межличностного общения, позволяющие конструктивно взаимодействовать педагогу

и ученику, а также самим ученикам. Молодые люди вводятся в ситуацию диалога с культурой, со сверстниками, с педагогом. Они оказываются вынужденными принимать решения, определять свои симпатии. В технологиях этого типа, личностно ориентированных, особую значимость имеют такие методы и приемы, как активное слушание (уточняющие вопросы, актуализация проблемы, сопереживание), рефлексия, положительное подкрепление, создание ситуации успеха, метод диалога, способы и приемы разрешения конфликтной ситуации (переключение внимания, уклонение, компромисс, комплимент, шутка), организационно-деловые игры и др.

К третьему типу технологий авторы Концепции отнесли формы, отвечающие индивидуальным культурным запросам. Это вариативные образовательные программы для тех, кто хочет изучать родной язык и культуру, или культуру другого народа; различные формы интерактивных и проблемно-поисковых образовательных технологий (*Давыдов*, *Супрунова* 2003: 39–40).

Сопоставляя принципы поликультурного образования в России и США, сошлемся на мнение профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета И. С. Бессарабовой. Она считает, что «российские исследователи берут за основу, главным образом, философию гуманизма и кросскультурализма, предполагающую признание человека высшей ценностью, защиту его достоинства и гражданских прав, акцентирующую равенство, самоценность и многообразие культур, важность их интеграции, гуманных, толерантных отношений между представителями разных культур. Американские ученые, не отрицая значимости гуманистического и кросскультурного подходов, выдвигают на первый план основные положения критической теории расы и принципы критической педагогики». «В США важнейшей задачей поликультурного образования является устранение любого вида дискриминации, в первую очередь, по расовому признаку, что, по словам американских исследователей, служит основной причиной неравенства возможностей белых и цветных граждан в экономической, политической, социальной и образовательной сферах» (*Бессарабова* 2008: 99).

Исторический прогресс вносит свои коррективы в подходы к многообразию мира. Последнее время в педагогической науке стали разграничивать понятия мультикультурное (Multicultural) образование и межкультурное (Intercultural) образование. Имеется в виду, что мультикультурализм исходит из культурного многообразия человечества, направлен на позитивное взаимодействие между культурами, существующими параллельно. А межкультурализм видится его толкователям как «существование и равноправное взаимодействие между различными культурами, возможность генерировать общие культурные реалии через диалог и взаимное уважение» (UNESCO Guidelines 2007: 18). Межкультурализм подразумевает взаимный обмен между культурами, их развитие. Из такого подхода, считая культуру коллективным и историческим феноменом, исходит разработанное ЮНЕСКО и опубликованное в 2007 г. «Руководство по межкультурному образованию» (UNESCO Guidelines on Intercultural Education 2007). ЮНЕСКО усматривает тесную связь между культурой и образованием, а также отмечает центральную роль школ в развитии общества (UNESCO Guidelines 2007: 8, 12). В документе сформулированы четыре основных принципа образования, предложенные Международной комиссией по образованию для XXI века (Commission on Education for the Twenty-First Century): «Учиться, чтобы знать», «Учиться, чтобы действовать», «Учиться, чтобы жить вместе» и «Учиться, чтобы быть» (UNESCO Guidelines 2007: 19, 20). Каждый из этих принципов так или иначе касается и межкультурного общения. В

первом случае учеба дает знания, создающие условия для общения (в т. ч. через изучение языка и другие компетенции), во втором — через профессиональную ориентацию позволяет подростку найти свое место в социуме, учит работать в команде. Третий принцип непосредственно направлен на развитие взаимопонимания между людьми, в том числе и принадлежащих к разным культурам. Четвертый касается саморазвития личности учащегося.

В 2023 г. (20 ноября) на Генеральной конференции ЮНЕСКО 194 государства-члена этой организации приняли «Рекомендацию об образовании в интересах мира, прав человека и устойчивого развития» (“UNESCO Recommendation on Education for Peace and Human Rights, International Understanding, Cooperation, Fundamental Freedoms, Global Citizenship and Sustainable Development”). В документе отмечается, что мир строится не только посредством международных переговоров, но и посредством образования во всех его формах — на уроках в школе, на факультативных занятиях, в музыкальных и художественных школах, причем на протяжении всей жизни. Просвещение в разных его вариантах, в школах и за их пределами, формирует то, как мы видим мир и относимся к другим, оно может и должно стать путем к построению прочного мира (UNESCO Recommendation 2023).

Российские модели поликультурного образования в исторической ретроспективе

Россия на протяжении истории придерживалась разных моделей этнокультурной политики. Как многоэтничное и поликультурное государство она имеет давние традиции образования на разных языках народов России. Организацию школьной системы в многоэтничном государстве, определение задач школы не только, как института просвещения, но и как инструмента языковой и духовной интеграции народов, общество ставило еще в 60-е годы XVIII в. Наивысший расцвет образования на родных языках в нашей стране приходился на 1934 г., когда обучение велось на 104 языках. В 1939–1940 годы был взят курс на процесс русификации, в связи с чем в 1938 г. Совнарком СССР принял Декрет «Об обязательном обучении русскому языку в школах национальных республик и областей» (Постановление СНК СССР 1938). Он был направлен на двуязычное образование. Постепенно происходил отказ от принципа «школа на родном языке» и переход основной части национальных школ на русский язык обучения. Вводились (1952 г.) новые учебные планы со значительным увеличением часов на изучение русского языка. Реальным поворотом к утрате двуязычия и переходу обучения на русский язык стал закон «Об образовании» 1959 г., в котором содержалось положение о добровольном выборе родителями языка обучения их детей, это привело к тому, что русский язык как язык обучения стал доминировать. В 1960-е годы основным типом национальной школы в РСФСР стала школа с русским языком обучения и с преподаванием родного языка и литературы в качестве учебных предметов. К концу 1970-х годов образование можно было получить лишь на 14 языках народов СССР. К середине 1980-х годов число языков, изучавшихся как предмет в школах, снизилось до 44, национальная школа практически растворилась в общеобразовательном пространстве (*Мартынова* 2004; *Мартынова* 2013).

К чему это привело, говорят следующие цифры. В 1989 г. в СССР среди украинцев и белорусов русский язык как родной использовали 20,6% (в РСФСР — 58,9%), как второй — 55,9% (37,5%), в совокупности — 76,5% (96,4%). В неславянском населении СССР русским как родным владели 8,8% (в РСФСР — 19,5%), как вторым — 44,5%

(66,5%), в совокупности — 53,3% (86,0%) (*Кузьмин* 1997). И тем не менее, несмотря на целенаправленные и масштабные усилия по интеграции языкового пространства, которые внедряло государство через школу в 60-х–80-х годах XX в., в целом следует констатировать, по-видимому, фактическую остановку в 1980-е гг. процесса расширения зоны русского языка и культуры в ряде союзных республик. Это имело глубинные основания в реальных этносоциальных, этноязыковых и этнокультурных процессах, определявших формирование и развитие идентичности.

В советский период истории страны государство спонсировало этнические идентичности через правовые нормы и государственные институты и в то же время декларировало идею сближения народов, выравнивания их экономического и культурного развития. Все это находило отражение и в образовательной политике. После создания новой России, тридцатилетия политических и социально-экономических реформ перемены в сфере образования оказались радикальными. Одной из основополагающих стратегий его развития стала проблема многопланового учета «этнического измерения» российского социума.

В российском контексте поликультурной образовательной стратегии соответствуют модели национальной школы, школы с нерусским языком обучения или с этнокультурным компонентом образования. Концепция поликультурного образования во многом конструируется на базе существующих систем национальных школ открытого типа. Отметим, что поликультурное образование варьируется в регионах компактного проживания представителей тех или иных этнических групп, в городах со смешанным составом населения и применительно к зарубежным мигрантам. Идея поликультурного образования и идея национального образования близки между собой, но вместе с тем существенно различаются. Проблема поликультурного образования сначала сводилась педагогами к проблеме национальной школы, затем к проблеме многонациональной школы в полиэтничной среде. При более глубоком подходе выяснилась многогранность и сложность задач образования в многоэтничных регионах.

В новой образовательной политике важным фактором обозначилась идея поликультурности и поликонфессиональности социального пространства. Возродились школы с преподаванием на разных языках. В России 1990-х, судя по принятым документам — законам «О национально-культурной автономии», «О коренных малочисленных народах», Концепции государственной национальной политики и др., этническая политика в значительной степени определялась как политика мультикультурализма. Концепция интеграции полиэтнического общества в сочетании со стратегией политического и культурного равноправия и согласия реализовывалась и в образовательной сфере. Важнейшим инновационным моментом последнего десятилетия XX века стала вариативность развития педагогических систем и содержания образования. Принятый 10.07.1992 г. Федеральный Закон РФ № 3266-1 «Об образовании» в качестве приоритетных принципов государственной политики в области образования провозгласил сочетание единства федерального культурного и образовательного пространства и защиты системой образования национальных культур и региональных культурных традиций в условиях многонационального государства. В результате реформы была введена модель содержания образования, состоящая из трех компонентов — федерального, национально-регионального и школьного (Цит. по тексту ФЗ Закона 1992). Школы с нерусским языком преподавания у нас в стране традиционно носили название «национальная школа». Закон РФ 1992 г. «Об образовании» заменил это понятие. В подзаконных актах Министер-

ства образования Российской Федерации такие школы стали обозначаться как школы с родным (нерусским) и русским (неродным) языками обучения.

Сходные цели и задачи сформулированы и в утвержденной 04.10.2000 г. Постановлением Правительства РФ № 751 Национальной доктрине образования в Российской Федерации: «Государство в сфере образования обязано обеспечить … гармонизацию национальных и этнокультурных отношений; сохранение и поддержку этнической самобытности народов России, гуманистических традиций их культур; сохранение языков и культур малых народов Российской Федерации» (Национальная доктрина 2000).

Регионы получили возможность моделировать образовательную систему в соответствии со своими территориальными и этническими интересами. Первые, как правило, преобладали в субъектах, имеющих территориальную основу, вторые — в республиках, выделенных по этническому принципу. Поклонники регионализации основной целью образовательного процесса считали формирование человека — носителя традиций и обычаев своего народа, владеющего в совершенстве «родным» языком. В тот период данная модель соответствовала государственной политике на децентрализацию управления регионами и их суверенизацию. Однако время показало, что предложенная схема стала приводить к определенному противоречию между локальными, в т. ч. этническими, и надэтническими общегосударственными потребностями единого культурного пространства.

Согласно Концепции национальной образовательной политики Российской Федерации, принятой в августе 2006 г. к приоритетам политики в области образования принадлежат — удовлетворение этнокультурных и языковых образовательных потребностей народов России в сопряжении с сохранением единства федерального культурного, образовательного и духовного пространства, консолидация многонационального народа России в единую политическую нацию, формирование в корреляции с этнической самоидентификацией общероссийского гражданского сознания, обеспечение качественного образования детей, обучающихся на языках народов России (Концепция 2006*)*. В то же время все более настойчиво утверждается мысль о стратегической важности повышения этнокультурологической компетентности населения, целесообразности разработки программ и курсов, способствующих воспитанию культуры межэтнического общения, ознакомлению детей, молодежи, населения с традициями своего и других народов.

На формирование идентичности оказывают влияние разные учебные предметы, прежде всего гуманитарной направленности — язык, литература, история, география, основы религиозных культур и светской этики, история и география родного края, культура народов мира, разговор о важном, обществоведение и др. Мы в первую очередь остановимся на проблеме языка преподавания. Тем более, что вопрос о выборе языка школьного обучения для России в настоящее время является одним из принципиальных. Жизнь языка во многом зависит от языковой политики государства. О ее стратегической важности свидетельствует тот факт, что языковая политика всегда была и остается полем политических дебатов. Так было и в царской, и в советской, и в постсоветской России.

В начале 1990-х годов обучение на разных языках стало возрождаться во всех субъектах Российской Федерации. Право получения образования на любом языке народов России предусмотрено федеральным законодательством. Согласно Федеральному закону «Об образовании» от 10 июля 1992 г., «граждане Российской Федерации имеют право на получение основного общего образования на родном языке, а также на выбор языка обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования» (ФЗ Об образовании 1992: ст. 6, п. 2). В этот период роль нерусских языков в обществен-

ном процессе заметно возросла, актуализировалась и востребованность системы национального образования.

По данным Центра национальных проблем образования Федерального института развития образования (ЦНПО ФИРО) Минобрнауки России, количество языков, функционировавших в общеобразовательных учреждениях (в качестве языков изучения и обучения) в 1989 г. составляло 55. К 2010 г. в системе государственного образования работало около 9 тыс. «национальных» школ, изучалось уже 89 языков народов России. Из них на 39 велось обучение (*Артеменко* 2011: 124–131). В качестве учебного предмета в школах Российской Федерации изучалось еще 50 языков.

В постсоветские десятилетия в некоторых регионах России сеть общеобразовательных учреждений с обучением на родном языке значительно расширилась. Так, в общей сети образовательных учреждений Республики Саха (Якутия) школы с родным языком обучения составляли более 40%, Республики Башкортостан — 45%, Республики Татарстан — 60%, а Республики Тыва — 80%. Соответственно увеличивалось и количество детей, изучавших свой родной язык. В Республике Татарстан, например, доля детей, обучавшихся на родном языке, увеличилась с 12% в 1991 г. до 50% в 2006 г., в Республике Башкортостан — до 40% (*Артеменко* 2011: 124–131).

В 90-е годы XX столетия школы с преподаванием на разных языках стали создаваться не только в регионах компактного проживания тех или иных народов, но и в условиях иноэтничного окружения. Лидером в этом отношении стала Москва. Здесь возникли т. н. школы с этнокомпонентом. Также, например, в Оренбургской области родной нерусский язык, как предмет, изучался в 146 школах.

На определенном историческом этапе школы с этнокомпонентом оказались востребованными, это был социальный заказ жителей страны. Одним из адресатов учебных заведений с этнокомпонентом являлась старожительская часть представителей разных этнических групп, которая заинтересована в сохранении традиций и родного языка. Ряд языков, преподаваемых в этих школах (например, корейский) не является разговорным для семей школьников и изучается практически как иностранный. Наряду с этим, важная и достаточно новая проблема для российских школ — адаптация мигрантов. И именно их изоляция в условиях раздельного обучения может повлиять на дальнейшую социализацию ребенка. В ряде российских школ ведется серьезная работа по преодолению недавно приехавшими детьми адаптационного порога.

Вместе с тем концепции и подходы к многогранности образования в постсоветской России тоже не оставались неизменными. В 2007 г. на основании Федерального Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» от 01.12.2007 № 309-ФЗ, был ликвидирован т. н. национально-региональный компонент в образовании (ФЗ О внесении изменений 2007). В российских регионах и прежде всего в республиках неоднократно высказывались требования законодательно его восстановить. Отметим, что, с одной стороны, этот компонент спровоцировал некоторые общественные разногласия, поскольку помогал воспитывать этнически ориентированную личность. С другой стороны, он все-таки позволял удовлетворить потребности населения в изучении и поддержании региональных языков и культур.

В дальнейшем произошли и другие изменения в сфере образования. К этому привела некоторая корректировка национальной и языковой политики в стране в целом. Правительство России 25 августа 2013 г. утвердило федеральную целевую программу «Укре-

пление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014–2020 годы (Постановление Правительства РФ 2013). Подписанная в 2000 г. Национальная доктрина образования, рассчитанная до 2025 г., была упразднена в 2014 г. (Национальная доктрина 2000; О признании утратившими силу 2014). В принятый в 2012 г. Закон об образовании уже внесено более 120 поправок (ФЗ Об образовании 2012). О внимании к роли государственного русского языка свидетельствовал ряд решений на высшем уровне. Так, в 1996 г. была предложена на 2001–2005 гг. целевая программа «Русский язык» (ФЦП Русский язык 1996), затем срок ее действия был продлен, а в 2015 г. утверждена аналогичная программа на период 2016–2020 г. Программа реализовывалась в рамках государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы (ФЦП Русский язык 2015).

В последнее десятилетие в регионах обострилась напряженность из-за языковых разногласий. Оставалась актуальной тема «языкового баланса» и гражданственности в российской школе. Складывавшаяся ситуация со школьным преподаванием русского языка и других российских языков подвергалась критике как со стороны ученых и политиков, так и со стороны общественных движений. В 2013 г. в рамках Общероссийского народного фронта стала действовать рабочая группа «Образование и культура как основы национальной идентичности» (Рабочая группа ОНФ 2016), с целью общественного контроля российских школ. Активисты из Башкирии, а затем и Татарстана стали направлять по инстанциям жалобы, в том числе в прокуратуру, об избыточном, по их представлениям, и даже принудительном обучении школьников башкирскому и татарскому языкам, о «лишении детей полноценного изучения русского языка» и нарушении языковых прав. Возникли общественные организации «по защите русскоязычных родителей и учащихся». Одновременно усилилось встречное общественное движение в защиту и сохранение национальных языков. В системе управления по этим вопросам единого мнения не было. С одной стороны, федеральное законодательство о языках и образовании поддерживает изучение национальных языков, как наделенных наряду с русским языком статусом государственных в республиках, так и миноритарных. В то же время все активнее звучала мысль, что при изучении языков нет смысла игнорировать принцип добровольности — это соображение высказал президент России.

Перспективы российской идентичности и образование

После распада СССР заложенные в Конституции 1993 г. концепт «многонационального народа», принципы равенства представителей российских национальностей и поддержка культур были в центре строительства государства. Поддержка полиэтничности проводилась в России в т. ч. и в образовательной политике. В то же время все больше поклонников находит стратегическая позиция о значимости роли гражданской нации — россиян, о единстве российского народа в его многообразии.

Мы придерживаемся точки зрения, что наличие гражданской (государственной) идентичности у человека не исключает существование у него этнической идентичности. Но есть и другая точка зрения (особенно в республиках), согласно которой гражданская идентичность формируется в ущерб этнической. Так, озабоченность у одного из татарских педагогов вызывает тот факт, что «развиваемая сегодня концепция исторического образования основывается на господстве государственной идентичности над этническими идентичностями, с их последующим поглощением» (*Гибатдинов* 2005: 44). Как тема идентичности коррелирует с образовательной политикой в России?

Резонансным событием стали дискуссии, развернувшиеся вокруг внесения изменений в Федеральный Закон «Об образовании в Российской Федерации». Закон, вступивший в силу в августе 2018 г., дал право школьникам и их родителям выбирать, какой язык будет изучать ребенок в качестве родного. Русский язык тоже включен в перечень для изучения в качестве «родного». Предмет «Родной язык» остался в обязательной части программы, а не перешел в факультативную (ФЗ О внесении изменений 2018). Проблема преподавания языков оказалась в фокусе внимания не только педагогов и управленцев из образовательной сферы, но и политиков, политологов, активистов этнокультурного профиля, журналистов. Об этом рассуждают юристы, лингвисты, литературоведы, самые разные специалисты.

Поправки в закон об образовании 2018 г. были неоднозначно восприняты в обществе. По данным ВЦИОМ, опубликованным на сайте организации 27 ноября 2017 г., за обязательное преподавание национальных языков в школах республик РФ выступили 33% россиян. Еще 56% опрошенных уверены, что национальные языки должны быть дополнительным предметом на выбор родителей и школьников. 8% заявили, что такого предмета вообще не должно быть в школе, а 3% затруднились с ответом. Считают, что в основном преподавать национальные языки нужно в начальной и средней школах соответственно 60% и 58% респондентов. С проведением таких уроков в старшей школе согласен 41% опрошенных (ВЦИОМ 2017).

Сторонники и противники этнокультурного образования обычно приводят аргументы для обоснования своих точек зрения. Как пример того, что принцип добровольности изучения языков в республиках правилен, академик В. А. Тишков описал ситуацию в северных нефтегазовых поселках Республики Коми, где почти не проживают представители титульного народа, но в школьной программе коми язык обязателен. В. А. Тишков разъясняет: «Чем были недовольны часть учеников и их родители? Не только тем, что приходилось тратить школьное время на изучение языка, который мог быть довольно труден для освоения и ничего, с точки зрения некоторых родителей, не добавлял для финальной школьной аттестации и для вступительных вузовских экзаменов. Даже освоив республиканский государственный язык и оставшись проживать в регионе, применять его в повседневной жизни особой нужды не было: все вокруг говорят на русском. Это, например, характерно для Северной Осетии и Мордовии, где подавляющее большинство жителей дома и на работе используют русский язык. Особое недовольство вызывала ситуация у тех, кого можно условно назвать «двойными меньшинствами», то есть у представителей нерусской национальности, проживающих как бы не в «своей» республике. Тогда ученик-ингуш, проживающий в Пригородном регионе Осетии, должен был обязательно изучать в школе осетинский, а не родной ингушский, а чуваш в Татарстане — изучать татарский, а не чувашский, и т. д. От этой части жителей республик и было больше всего жалоб. Но высказывали недовольство самые разные категории, в том числе и татары в Татарстане и башкиры в Башкирии, которые хотели бы иметь больше учебных часов для подготовки к ЕГЭ» (*Тишков* 2017).

Так или иначе, по данным на 2018 г., т. е. ко времени внесения поправок в закон, в российском школьном образовании использовалось 105 языков. Из них 24 в качестве языка обучения и 81 изучались как учебный предмет. Но учебники, прошедшие федеральную экспертизу были только на 7 языках, остальные — инициативные (Текущий архив Министерства просвещения РФ 2018). Оценивать работу нового закона и новых программ можно будет спустя некоторое время. Пока же отметим, что дискуссии во-

круг проблемы родного языка подстегнули интерес к изучению и развитию всей палитры языков народов России. На проблему отреагировали власти, как в центре, так и в регионах, стали развиваться институты общественного управления системой. В стране проводится целенаправленная политика по поддержанию национальных языков и популяризации их в детской среде. С 2018 г. в России наблюдается небывалый всплеск внимания к национальным языкам.

В Башкортостане, к примеру, была утверждена Программа развития родных языков. На нее с 2019 по 2024 гг. планировалось выделить более 683 млн руб. (на русский язык — 32 млн, на башкирский — 172 млн и на остальные — еще 478,7 млн). Создана ассоциация учителей башкирского и родных языков. В Чувашии проводятся всевозможные олимпиады школьников по чувашскому языку и литературе, распоряжением Главы республики выплачиваются денежные премии учителям чувашского языка, на конкурсной основе авторы лучших детских книг на чувашском языке получают денежные призы в размере 200 тыс. руб. Татарстан выделил около 28 млн руб. на новые учебники по татарскому языку, запустил первый детский телеканал на татарском языке круглосуточного вещания, проводится Молодежный конкурс песен на родных языках для коренных народов «Амадины». В 2018 г. в Казани, а в 2019 г. в Новосибирске прошли Фестивали национальных литератур народов России на круглых столах которых обсуждались современные тенденции и состояние развития национальной литературы, проблемы перевода с национальных языков. В Удмуртии в нескольких городах и районных центрах с октября 2018 г. стартовали курсы удмуртского языка. Организаторами обучения выступили Ассоциация учителей удмуртского языка «Выжы», Удмуртский государственный университет и Институт повышения квалификации и переподготовки работников образования. В Москве с 2018 г. празднуется Всемирный день удмуртского языка. Мероприятие приурочено к принятию закона Удмуртии о государственных языках и иных языках народов Удмуртии, благодаря которому удмуртский язык получил статус государственного в УР. В Сыктывкаре (Коми) 25–26 октября состоялась VI Международная конференция «Родные языки в условиях двуязычия».

В Дагестане появилась Ассоциация учителей родных языков и литератур. В Ботлихском районе Дагестана 14–15 июля 2018 г. состоялся уже второй Республиканский слет учителей аварского языка. Он собрал, по данным пресс-службы администрации г. Махачкалы, более тысячи педагогов из 32 муниципальных образований республики. Республиканский фестиваль родного языка состоялся в Дагестане в 2019 г. В Дагестанском государственном университете разработаны он-лайн уроки по родным языкам. Они предназначены для повышения квалификации учителей родных языков. Для повышения интереса детей к изучению родных языков в Дагестане создаются анимированные азбуки лезгинского, аварского, лакского, кумыкского, даргинского, чеченского, ингушского, осетинского, кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков, их озвучат дети. В Ингушетии также разработано мобильное приложение с уроками ингушского языка. В Карачаево-Черкесии на научно-практической конференции «Табуловские чтения» в ноябре 2018 г. более 100 ученых и педагогов представили доклады, посвященные проблеме изучения абазинского языка. В Осетии стали выпускать обучающие мультфильмы на осетинском языке.

Народы Севера и Сибири тоже активны. Наиболее успешна в плане обучения на родных языках в этом регионе Якутия. В Якутии и ранее существовал Совет по языковой политике при главе республики, создано специальное Управление по вопросам языко-

вой политики. Работают программы в сфере образования и культуры. В ХМАО среди летних детских лагерей Югры самым популярным стало этностойбище «Нумсанг ёх» (Мыслящие люди), где впервые в 2018 г. проводилась языковая смена. Ее главной целью было стремление погрузить детей в хантыйскую языковую среду. Большинство детей до приезда в лагерь не говорило по-хантыйски, некоторые знали лишь отдельные слова. Занятия по специальной программе позволили им преодолеть языковой барьер и вызвали желание продолжить занятия в будущем. В Туве к дню тувинского языка детский литературный сайт «Радуга Тувы» представил новую серию «Российская классика на тувинском языке». В Хакассии объявили конкурс на сочинение на родном языке.

Очевидно, что в свете современных реформ и дискуссий позиции родных языков только усилились. Это касается не только народов, имеющих «свои» республики, но и малочисленных народов (в частности, КМНС), местные власти теперь обязаны создавать условия для изучения их языков. Научная группа культурологов (лингвистов) Сибирского федерального университета на основе полевых материалов разрабатывает письменность для энцев, малого народа Красноярского края (Энецкая письменность 2024). На сегодняшний день энцы — практически единственный таймырский северный народ, не имеющий юридически зафиксированной письменности, хотя еще 1986 г. Наталья Терещенко опубликовала проект энецкого алфавита с лесным диалектом языка в опоре. В Красноярском крае к началу 2020 г. подготовлены учебники эвенкийского языка, там впервые за несколько десятилетий начали готовить учителей эвенкийского языка. На Таймыре проводится конкурс лучшего учителя родного языка.

Больше внимания изучению различных языков стали уделять не только в республиках. В частности, в Ульяновской области на конференции педагогов родных языков, состоявшейся 20 августа 2018 г., глава области Сергей Морозов предложил проект по изучению родных языков народов региона на разговорном уровне. Здесь организована дистанционная школа по продвижению родных языков Курсы родных языков стартовали в Ставрополе (изучаются грузинский, черкесский, абазинский языки). Уже в седьмой раз в 2019 г. в Великом Новгороде проводился фестиваль языков. Фестивали, рассчитанные на школьников, ежегодно проходят в Калуге.

Настроения в обществе влияют на отношение детей к своему родному языку, вместе с тем ситуация с изучением национальных языков далека от идеальной. Например, со ссылкой на министра образования и науки Республики Ирину Азимову, 16 января 2018 г. ТАСС сообщил, что в Северной Осетии 99% родителей школьников выбрали осетинский язык для изучения детьми по предмету «Родной язык». Но несмотря на столь оптимистичное заявление, в республике, как и прежде, остро стоит вопрос о сохранении осетинского языка, знание осетинами которого по-прежнему остается плохим. В 2021 г. на сайте «Это Кавказ» опубликовано экспертное мнение, согласно которому во Владикавказе не владеют родным языком около 80% первоклассников-осетин (см., например: Это Кавказ 2021; Градус Про 2018). Марийский язык как родной, по данным 2019 г., изучали 10% школьников Марий Эл, в основном же он преподается как государственный язык или как интегрированный. Хотя в Башкортостане ситуация несколько лучше, в 2018/2019 учебном году башкирский язык в качестве родного здесь изучали 15,6% школьников, татарский — 9,45%, а русский — 63,05%. В Татарстане татарский язык как родной выбрали 68% школьников. Образование на татарском языке в РТ получают 70 тыс. детей. Русский как родной выбрали 30% учащихся РТ. Еще 2% школьников выбрали другие языки: чувашский, марийский, мордовский, иврит и др.

(Изучение 2019; В Башкирии 2018; В школах Чувашии 2020; В Татарстане 2018). В школах Чувашии в 2019–2020 учебном годах чувашский язык изучали 63,9 тыс. школьников. В 2020–2021 г. в Татарстане из 1402 школ в 679 предоставлена возможность обучаться на татарском языке (в т. ч. 261 школа — средняя, в некоторых из них есть и русские, и татарские классы) (В школах Чувашии 2020; Татарстанские школы 2020).

О реакции федеральной власти на проблему сохранения языкового многообразия России свидетельствует тот факт, что Президент РФ В. В. Путин 26 октября 2018 г. подписал Указ о создании Фонда сохранения и изучения родных языков народов РФ. Учредителями Фонда являются Министерство просвещения России и Федеральное агентство по делам национальностей, фонд формируется за счет бюджетных ассигнований. Цель работы фонда, по словам В. В. Путина — создание условий для сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации, являющихся национальным достоянием и историко-культурным наследием Российского государства. Государственная дума 29.10.2018 провела парламентские слушания на тему «Языковое многообразие Российской Федерации: состояние и перспективы».

Еще одним проявлением государственного подхода к преподаванию языков народов России стала разработка Концепции преподавания родных языков народов Российской Федерации, утвержденная протоколом заседания Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации от 1 октября 2019 г. N ПК-3вн» и Приказом Министерства просвещения России от 06.03.2020 № 85 (Концепция преподавания родных языков 2020). С июля 2020 г. в расчете на трехлетний период при поддержке Министерства просвещения России во всех федеральных округах проводились семинары-совещания «Языки народов России в системе общего образования Российской Федерации». Их цель — учебно-методическое обеспечение, экспертно-аналитическая и информационно-методическая поддержка преподавания развития языков народов Российской Федерации. В июне 2021 г. Распоряжением Минпросвещения России была утверждена ведомственная целевая программа «Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации» (Об утверждении ВЦП 2021).

Таким образом в российском образовании идет поиск оптимального сочетания изучения русского языка при сохранении и поддержке языкового разнообразия жителей России.

Заключение

Начало XXI в. стало для России, преодолевающей последствия переходного времени, периодом активного нациестроительства. Все чаще в публичном пространстве и, прежде всего, руководством страны стал употребляться термин нация не в этнокультурном значении, а в смысле государственной общности — политической нации. Понятие гражданская нация, национальная и гражданская идентичность достаточно новое явление в политическом лексиконе России. Исторически сложилось, что в нашей стране нацию толковали как этнокультурную общность, хотя и существовало понятие «советский народ», которое объединяло граждан одного государства. В постсоветское время в России все активнее стало внедряться понимание нации как граждан государства, аналогично тому, как это существует во многих странах мира.

Отметим, что социологические и антропологические исследования в молодежной среде, проводимые университетами и академическими институтами, в том числе Науч-

ным центром мирового уровня и Институтом этнологии и антропологии РАН, показывают, что в молодежной среде растет значимость российской идентичности, это находит отражение и в образовательных запросах подрастающего поколения (*Зыкина* 2024; *Мартынова* и др. 2023). В то же время замеры социологов показывают, что в сознании наших граждан прекрасно уживаются несколько идентичностей.

Актуальность подготовки молодежи к жизни и деятельности в многоязычном и поликультурном обществе мало у кого сегодня вызывает сомнения. Поиск баланса между общим и частным подчинен задачам выяснения ценностного профиля молодых граждан, определения их жизненных ориентиров и целей, что демонстрируют переломные тренды в ценностных установках молодежи. Свойственная юному возрасту чувствительность к проблематике, связанной с национальной и этнической идентичностью, подкрепляется полученными эмпирическими данными, нацеленными на выявление комплекса общегражданских ценностей молодых людей и последующий анализ региональной специфики его распространения в студенческой среде. Изучение ценностных ориентаций российской молодежи, их основных жизненных стратегий и представлений о личном благополучии ставит своей задачей решение проблемы реализации прав детей и юношества в современном мире. Эти права, на наш взгляд, включают право на уважение интересов подрастающего поколения, в том числе и в сфере образования.

Источники и материалы

В Башкирии 2018 — В Башкирии почти 2/3 школьников в качестве родного языка выбрали русский // Башинформ РФ. 21.08.2018. [Электронный ресурс]. В Башкирии почти 2/3 школьников в качестве родного языка выбрали русский | Новости Уфы (bashinform.ru) (дата обращения: 28.04.2025).

В Татарстане 2018 — В Татарстане татарский язык как родной выбрали 68% школьников // Национальный акцент. 09.11.2018. [Электронный ресурс]. В Татарстане татарский язык как родной выбрали 68% школьников (nazaccent.ru) (дата обращения: 28.04.2025).

В школах Чувашии 2020 — В школах Чувашии чувашский язык изучают более 63, 9 тысяч школьников // Министерство образования Чувашской Республики. 24.04.2020. [Электронный ресурс]. https://obrazov.cap.ru/news/2020/04/25/v-shkolah-respubliki-rodnoj-chuvashskij-yazik-izuc (дата обращения: 28.04.2025).

ВЦИОМ 2017 — Образование. Школа жизни: время прагматиков? // ВЦИОМ: [сайт]. 27 ноября 2017. https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/shkola-zhizni-vremya-pragmatikov (дата обращения: 28.04.2025).

Градус Про — Родители 99% школьников выбрали осетинский язык родным для изучения в школе // Градус Про. 17.01.2018. [Электронный ресурс]. Родители 99% школьников выбрали осетинский язык родным для изучения в школе | Gradus.Pro (дата обращения: 28.04.2025).

Изучение 2019 — Изучение родных языков в школах Марий Эл сокращается // Mari Uver. 30.08.2019. [Электронный ресурс]. Изучение родных языков в школах Марий Эл сокращается | MariUver (дата обращения: 28.04.2025).

Концепция 2006 — Концепция национальной образовательной политики Российской Федерации. Одобрена приказом Минобрнауки России от «03» августа 2006 г. N 201 // Российское образование. Федеральный портал. [Электронный ресурс]. https://edu.ru/documents/view/29467/?ysclid=ma0c8sv0uf23848975

Концепция преподавания родных языков 2020 — Концепция преподавания родных языков народов Российской Федерации (утверждена протоколом заседания Коллегии Министерства просвещения Российской Федерации от 1 октября 2019 г. N ПК-3вн). Приказ Минпросвещения России от 06.03.2020 N 85 // Министерство просвещения Российской Федерации. https://docs.edu.gov.ru/document/616ab265aa2810f14a2c3fd1203a0aaa/download/2400

Текущий архив Министерства просвещения РФ 2018 —Министерство просвещения РФ. Текущий архив 2018.

Национальная доктрина 2000 — Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // Юридическая информационная система «Легалакт»: [информационный портал]. https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-04102000-n-751/?ysclid=lythr2cr2i394466037

Об утверждении ВЦП 2021 — Распоряжение Министерства просвещения РФ от 04.06.2021 № Р-120 «Об утверждении ведомственной целевой программы “Научно-методическое, методическое и кадровое обеспечение обучения русскому языку и языкам народов Российской Федерации”» // Министерство просвещения Российской Федерации. https://docs.edu.gov.ru/document/ee30c9a82b7f7c982a8e73e30a06db84/?ysclid=ma0c0uu9k8850028844

О признании утратившими силу 2014 — Постановление Правительства РФ от 29 марта 2014 года № 245 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Правительство России. [Электронный ресурс]. http://government.ru/docs/all/90850

Постановление СНК СССР 1938 — Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» // Электронная библиотека исторических документов. https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/123876-postanovlenie-tsk-vkp-b-i-snk-sssr-ob-obyazatelnom-izuchenii-russkogo-yazyka-v-shkolah-natsionalnyh-respublik-i-oblastey-13-marta-1938-g

Постановление Правительства РФ 2013 — Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 г. № 718 г. Москва «О федеральной целевой программе “Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)”» // Интернет-портал «Российской газеты». https://rg.ru/2013/09/02/edinstvo-site-dok.html (дата обращения: 28.04.2025).

Приказ 2009 — Приказ от 6 октября 2009 г. № 413 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования» (в ред. Приказа Минобрнауки России от 29.12.2014 № 1645). https://fgosreestr.ru/uploads/files/cc49b8b607ab29a7ea856f3a8cfd17d9.pdf?ysclid=ma0uhqauu1970161816

Рабочая группа ОНФ 2016 — Рабочая группа ОНФ «Образование и культура как основы национальной идентичности» подвела итоги трехлетней работы» // Народный фронт: [сайт]. 15 ноября 2016. https://onf.ru/news/archive/2016-11-15-rabochaya-gruppa-onf-obrazovanie-i-kultura-kak-osnovy-nacionalnoy-identichnosti-podvela (дата обращения: 28.04.2025).

Татарстанские школы 2020 — Татарстанские школы с татарским языком обучения-2020: справочник для родителей // Международный Татарский Портал Tatarlar.Info. 25.07.2020. [Электронный ресурс]. Татарстанские школы с татарским языком обучения-2020: справочник для родителей | Общество | Селдон Новости (myseldon.com) (дата обращения: 28.04.2025).

Тишков 2017 — *Тишков В. А.* Язык до конфликта не доведет? // «Известия». 7.12.2017. https://iz.ru/678871/valerii-tishkov/iazyk-do-konflikta-ne-dovedet (дата обращения: 28.04.2025).

ФЗ Об образовании 1992 — Федеральный закон РФ № 3266-1 «Об образовании» от 10.07.1992 // Министерство образования и науки РФ. [Электронный ресурс]. http://mon.gov.ru/dok/fz/obr/3986/

ФЗ Об образовании 2012 — Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Президент России: [сайт]. http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698

ФЗ О внесении изменений 2007 — Федеральный закон № 309-ФЗ от 01.12.2007 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта» // Президент России: [сайт]. http://www.kremlin.ru/acts/bank/26578

ФЗ О внесении изменений 2018 — Федеральный закон № 317-ФЗ от 03.08.2018 «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 г. // Президент России: [сайт]. http://www.kremlin.ru/acts/bank/43466

ФЦП Русский язык 1996 — Постановление Правительства РФ от 23 июля 1996 г. № 881 «Об

утверждении федеральной целевой программы «Русский язык»» // Правительство России: [сайт]. http://government.ru/docs/all/19557/

ФЦП Русский язык 2015 — Постановление Правительства РФ от 20 мая 2015 года № 481. «Об утверждении федеральной целевой программы «Русский язык» на 2016–2020 годы» в рамках государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы // Правительство России: [сайт]. http://government.ru/docs/18169

Энецкая письменность 2024 — Энецкая письменность. [Электронный ресурс] // Проектный офис развития Арктики. 2024. https://enets.porarctic.ru (дата обращения: 28.04.2025).

Это Кавказ 2021 — Эксперт: Северной Осетии нужно принять региональный закон о языке для его сохранения // Это Кавказ: [сайт]. 10.02.2021. [Электронный ресурс]. https://etokavkaz.ru/news/107504?fbclid=IwAR3JMl-_FMoO4Z-dZtSmL7llRioB-I7oNl9clrsOoIufMwYWeLbMUV-J3MSQ (дата обращения: 28.04.2025).

The Council of Europe project 2016 — Free to Speak — Safe to Learn. Democratic Schools for All. Council of Europe [Электронный ресурс]. https://www.coe.int/en/web/campaign-free-to-speak-safe-to-learn

International Dictionary of Education 1977 — International Dictionary of Education, ed. by G. Terry Page and J. B. Thomas. London; New York: Kogan Page, Nichols Pub Co, 1977. 381 p.

The International Encyclopedia of Education 1994 — The International Encyclopedia of Education. Vol. 7. Oxford: Pergamon Press, 1994. P. 3963.

UNESCO Guidelines 2007 — UNESCO Guidelines on Intercultural Education. Paris: UNESCO, 2007. 46 p.

UNESCO Recommendation 2023 — UNESCO Recommendation on Education for Peace and Human Rights, International Understanding, Cooperation, Fundamental Freedoms, Global Citizenship and Sustainable Development. Paris: UNESCO, 2023. https://www.unesco.org/en/global-citizenship-peace-education/recommendation

Научная литература

Артеменко О. И. Удовлетворение этнокультурных образовательных потребностей народов России: государственность, этническая идентичность // Евразийский юридический журнал. 2011. № 8 (39). С. 124–131.

Бессарабова И. С. Цели, задачи и принципы поликультурного образования в России и США [Электронный ресурс] // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 8. С. 97–99. https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=24169

Гибатдинов М. М. Перспективы поликультурного подхода в преподавании курса «История Отечества» // Реализация национально-регионального компонента исторического образования в национальных республиках Поволжья и Приуралья: проблемы и перспективы / Под ред. Ф. М. Султанова, М. М. Гибатдинова. Казань: Институт истории АН РТ, 2005. С. 42–46.

Гордеева Т. О., Сычев О. А., Лункина М. В. Школьное благополучие младших школьников: мотивационные и образовательные предикторы // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 3. С. 32–42. https://doi.org/10.17759/pse.2019240303

Давыдов Ю. С., Супрунова Л. Л. Концепция поликультурного образования в высшей школе РФ. Пятигорск: ПГЛУ, 2003. 42 с.

Зыкина О. А. Гражданское vs этнокультурное образование в России: мнение учащихся // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 153–167. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-3/153-167

Кузьмин М. Н. Национальная школа России в контексте государственной образовательной и национальной политики. М.: ИНПО, 1997. 301 с. http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28-82

Манжосова Ю. А. О некоторых подходах к межэтническому образованию в американской теории // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации. СПб.: Астерион, 2002. С. 370.

Мартынова М. Ю. Поликультурное пространство России и проблемы образования // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 37–51. https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/2004/01/eoarchive_2004_1_037_martynova

Мартынова М. Ю. Школьное образование и идентичность. М.: ИЭА РАН / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 234. 2013. 51 с.

Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124

Сатуров В. Н. Сущность и парадигма поликультурного образования // Реалии и перспективы поликультурного образования в Дагестане / Отв. ред. Кислова Г. И., Муртузалиев С. И. Махачкала: ДНЦ РАН, 2003. 281 с.

Скрябина Я. А. Детское благополучие: социально-демографические аспекты // Социальные науки и детство. 2022. Том 3. № 2–3. С. 107–119. https://doi.org/10.17759/ssc.2022030207

Banks J. Educating Citizens in a Multicultural Society. New York: Teachers College Press, 1997. 171 p.

Bradshaw J., Keung A., Rees G., Goswami H. Children's Subjective Well-Being: International Comparative Perspectives // Children and Youth Services Review. 2011. Vol. 33. Issue 4. P. 548–556. https://doi.org/10.1016/j. childyouth.2010.05.010

Mowat J. G. Supporting the Socio-Emotional Aspects of the Primary-Secondary Transition for Pupils with Social, Emotional and Behavioural Needs: Affordances and Constraints // Improving Schools. 2019. Vol. 22. Issue 1. P. 4–28. https://doi.org/10.1177/1542305018817850

Niclasen J., Keilow M., Obel C. Psychometric Properties of the Danish Student Well-Being Questionnaire Assessed in >250,000 Student Responders // Public Health. 2018. Vol. 46. Issue 8. P. 877–885. https://doi.org/10.1177/1403494818772645

Opdenakker M.-C., Van Damme J. Effects of Schools, Teaching Staff and Classes on Achievement and Well-Being in Secondary Education: Similarities and Differences Between School Outcomes // School Effectiveness and School Improvement. 2000. Vol. 11. Issue 2. P. 165–196. https://doi.org/10.1076/0924-3453(200006)11:2;2-Q;FT165

Pang H. WeChat Use Is Significantly Correlated with College Students' Quality of Friendships but Not with Perceived Well-Being // Heliyon. 2018. Vol. 4. Issue 11. P. e00967. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2018.e00967

Wrigley T. School Policy in England and the USA: A Review Essay // Critical Studies in Education. 2012. Vol. 53. Issue 1. P. 109–117. https://doi.org/10.1080/17508487.2012.635667

References

Artemenko, O. I. 2011. Udovletvorenie etnokul'turnykh obrazovatel'nykh potrebnostei narodov Rossii: gosudarstvennost', etnicheskaia identichnost' [Satisfaction of Ethnocultural Educational Needs of the Population of Russia: Statehood, Ethnic Identity]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* 8(39): 124–131.

Banks, J. 1997. *Educating Citizens in a Multicultural Society*. New York: Teachers College Press. 171 p.

Bessarabova, I. S. 2008. Tseli, zadachi i printsipy polikul'turnogo obrazovaniia v Rossii i SShA [Goals, Objectives and Principles of Multicultural Education in Russia and the USA]. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii* 8: 97–99. https://www.top-technologies.ru/ru/article/view?id=24169

Bradshaw, J., A. Keung, G. Rees, and H. Goswami. 2011. Children's Subjective Well-Being: International Comparative Perspectives. *Children and Youth Services Review* 33(4): 548–556. https://doi.org/10.1016/j. childyouth.2010.05.010

Davydov, Ju. S., and L. L. Suprunova. 2003. *Kontseptsiia polikul'turnogo obrazovaniia v vysshei shkole RF* [The Concept of Multicultural Education in Higher Education in the Russian Federation]. Piatigorsk: Piatigorskii gosudarstvennyi lingvisticheskii universitet. 42 p.

Gibatdinov, M. M. 2005. Perspektivy polikul'turnogo podkhoda v prepodavanii kursa «Istoriia Otechestva» [Prospects of Multicultural Approach in Teaching the Course "History of the Fatherland"]. In *Realizatsiia natsional'no-regional'nogo komponenta istoricheskogo obrazovaniia v natsional'nykh*

respublikakh Povolzh'ia i Priural'ia: problemy i perspektivy [Realization of the National-Regional Component of Historical Education in the Republics of the Volga and Ural Region: Problems and Prospects], ed. by F. M. Sultanov, M. M. Gibatdinov. Kazan': Institut istorii AN RT. 42–46.

Gordeeva, T. O., O. A. Sychev, and M. V. Lunkina. 2019. Shkol'noe blagopoluchie mladshikh shkol'nikov: motivatsionnye i obrazovatel'nye prediktory [School Well-Being of Junior Schoolchildren: The Motivational and Educational Predictors]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie* 24(3) 32–42. https://doi.org/10.17759/pse.2019240303

Kuzmin, M. N. 1997. *Natsional'naia shkola Rossii v kontekste gosudarstvennoi obrazovatel'noi i natsional'noi politiki* [National School of Russia in the Context of State Educational and National Policy]. Moscow: INPO. 301 p. http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28-82

Manzhosova, Ju. A. 2002. O nekotorykh podkhodakh k mezhetnicheskomu obrazovaniiu v amerikanskoi teorii [On Some Approaches to Interethnic Education in American Theory]. In *Real'nost' etnosa. Obrazovanie i problemy mezhetnicheskoi kommunikatsii* [Reality of Ethnicity. Education and Problems of Interethnic Communication]. Saint Petersburg: Asterion. P. 370.

Martynova, M. Yu. 2004. Polikul'turnoe prostranstvo Rossii i problemy obrazovaniia [Multicultural Space of Russia and the Problems of Education]. *Etnograficheskoe obozrenie* 1: 37–51. https://eo.iea.ras.ru/wp-content/uploads/2004/01/eoarchive_2004_1_037_martynova

Martynova, M. Yu. 2013. *Shkol'noe obrazovanie i identichnost'* [Schooling and Identity]. Moscow: IEA RAN / Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii 234. 51 p.

Martynova, M. Yu., N. A. Belova, O. A. Zykina, and M. P. Klyaus. 2023. Obshchegrazhdanskie i sotsiokul'turnye tsennosti v vospriiatii rossiiskoi molodezhi [National and Socio-Cultural Values in the Perception of Russian Youth]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 102–124. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124

Mowat, J. G. 2019. Supporting the Socio-Emotional Aspects of the Primary-Secondary Transition for Pupils with Social, Emotional and Behavioural Needs: Affordances and Constraints. *Improving Schools* 22(1): 4–28. https://doi.org/10.1177/1542305018817850

Niclasen, J., M. Keilow, and C. Obel. 2018. Psychometric Properties of the Danish Student Well-Being Questionnaire Assessed in >250,000 Student Responders. *Public Health* 46(8): 877–885. https://doi.org/10.1177/1403494818772645

Opdenakker, M.-C., and J. Van Damme. 2000. Effects of Schools, Teaching Staff and Classes on Achievement and Well-Being in Secondary Education: Similarities and Differences Between School Outcomes. *School Effectiveness and School Improvement* 11(2): 165–196. https://doi.org/10.1076/0924-3453(200006)11:2;2-Q;FT165

Pang, H. 2018. We Chat Use is Significantly Correlated with College Students' Quality of Friendships but Not with Perceived Well-Being. *Heliyon* 4(11): e00967. https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2018.e00967

Saturov, V. N. 2003. Sushhnost' i paradigma polikul'turnogo obrazovanija [The Essence and Paradigm of Multicultural Education] In *Realii i perspektivy polikul'turnogo obrazovanija v Dagestane* [Realities and Prospects of Multicultural Education in Dagestan], ed. by G. I. Kislova, S. I. Murtuzaliev. Mahachkala: Dagestanskij nauchnyj centr RAN. 281 p.

Skriabina, Ya. A. 2022. Detskoe blagopoluchie: sotsial'no-demograficheskie aspekty [Child Well-Being: Socio-Demographic Aspects]. *Sotsial'nye nauki i detstvo* 3(2–3): 107–119. https://doi.org/10.17759/ssc.2022030207

Wrigley, T. 2012. School Policy in England and the USA: A Review Essay. *Critical Studies in Education* 53(1): 109–117. https://doi.org/10.1080/17508487.2012.635667

Zykina, O. A. 2024. Grazhdanskoe vs etnokul'turnoe obrazovanie v Rossii: mnenie uchashchikhsia [Civic vs Ethnocultural Education in Russia: Students' Opinion]. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 3: 153–167. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-3/153-167

УДК 39+37.01
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/44-66
Научная статья

© Е. В. Иванова, Е. М. Барсукова, А. О. Янгуразова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ С АРТЕФАКТАМИ УЧЕБНОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

В статье на основе проведенного в 2023/24 гг. исследования рассматривается взаимодействие обучающихся с артефактами учебной повседневности с позиции антропологических практик. В эпоху цифрового контента и виртуальных коммуникаций максимально интересно отслеживать процессы взаимодействия педагогов, обучающихся, родителей с предметами и вещами школьной жизни. Интерес детей к артефактам не случаен. В школе, музее, в домашней коллекции они сталкиваются с артефактами исторического, героического либо бытового прошлого, которые "говорят" с ними на языке эпохи. Школа — это сосредоточение ученических артефактов от грамот и кубков, наград и медалей до старой линейки, стенгазеты 1980-х или надписи на стене в школьном дворе. Артефакт учебной повседневности — это материальная или абстрактная сущность, созданная людьми ранее (имеющая историческую ценность) или создаваемая участниками образовательного процесса в моменте деятельности или события в образовательной среде, способная дать определенный опыт, эмоцию, впечатление, способствующая появлению традиций. Артефакты всегда определяются участниками образовательных отношений как важные, ценные, интересные, вызывающие эмоциональный отклик, социально значимые. В ходе нашей работы мы изучали антропологические практики взаимодействия обучающихся, администраторов, педагогов с артефактами учебной повседневности в образовательных организациях, занимающих как старые, исторические здания, с музейными пространствами и легендами, так и новые, без значимой истории. В ходе работы мы выявили

Иванова Елена Владимировна — к. психолог. н., доцент, заведующая лабораторией образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования г. Москвы «Московский городской педагогический университет» (Российская Федерация, 129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4). Эл. почта: ivanovaev@mgpu.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4740-4235

Барсукова Екатерина Михайловна — научный сотрудник лаборатории образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования г. Москвы «Московский городской педагогический университет» (Российская Федерация, 129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4). Эл. почта: barsukovaem@mgpu.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3080-7967

Янгуразова Александра Олеговна — младший научный сотрудник лаборатории образовательных инфраструктур научно-исследовательского института урбанистики и глобального образования, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Российская Федерация, 129226 Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4). Эл. почта: blinovaao@mgpu.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9917-0047

* Исследовательская работа финансируется Российским научным фондом по результатам конкурса "Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований малыми отдельными научными группами (региональный конкурс)" от 2022 г. Проект № 23-28-10209.

разные способы взаимодействия с артефактами учебной повседневности: через взаимодействие с исторической архитектурой и интерьерами, вещами и предметами музейных коллекций, артефактами учебной повседневности на уроках и во внеурочное время, созданием псевдоартефактов и символов для поддержания собственной значимости в образовательной среде. Было установлено, что старшеклассники лучше выделяют себя и выстраивают антропологические границы при взаимодействии с артефактами, чем ученики начальной школы и 5–6-х классов. Более глубокий социальный опыт, развитие самопрезентации и самоопределение себя и своих границ помогает им формировать свою историю через вещи и предметы школьной жизни, обогащая границы антропологического опыта своими ценностями, намерениями, интересами и ожиданиями.

Ключевые слова: *артефакт, антропологический подход, антропологическая практика, образовательная среда, репрезентация, история, учебная повседневность*

Ссылка при цитировании: *Иванова Е. В., Барсукова Е. М., Янгуразова А. О.* Взаимодействие обучающихся с артефактами учебной повседневности как антропологическая практика // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 44–66.

UDC 39+37.01
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/44-66
Original Article

© Elena Ivanova, Ekaterina Barsukova, and Alexandra Iangurazova

STUDENTS INTERACTION WITH EDUCATIONAL EVERYDAY ARTIFACTS AS AN ANTHROPOLOGICAL PRACTICE

Based on a study conducted in 2023/24, the article examines students' interactions with artifacts of everyday educational life from the perspective of anthropological practices. In the era of digital content and virtual communication, it is most interesting to monitor the processes of interaction between teachers, students, and parents with objects and things of school life. Children's interest in artifacts is not accidental. At school, in a museum, in a home collection, they encounter artifacts of the historical, heroic or everyday past that "speak" to them in the language of an era. The school is a concentration of student artifacts from diplomas and cups, awards and medals to an old ruler, a wall newspaper from the 1980s or an inscription on the wall in the schoolyard. The everyday educational artifact is a material or abstract entity either created earlier and of historical value or created by the participants of an educational process at a moment of activity or event in the educational environment, capable of giving a certain experience, emotion, the impression that makes tradition come alive. Artifacts are always defined by the participants of educational relations as important, valuable, interesting, emotional, socially significant. In the course of our work, we studied the anthropological practices of interaction between students, administrators, and teachers with artifacts of everyday educational life in schools occupying both old, historical buildings with museum spaces and legends, and new ones without notable history. In the course of our work, we have identified different ways of interaction with artifacts of everyday educational life: through interaction with historical architecture and interiors, objects of museum collections, artifacts of educational everyday life in the classroom, the creation of pseudo-artifacts and symbols to

maintain their own importance in the educational environment. It was found that high school students are better at building anthropological boundaries when interacting with artifacts than elementary school and 5th-6th grade students. Deeper social experience, the development of self-presentation and self-determination help them shape their history through the things and objects of school life, enriching the boundaries of anthropological experience with their values, intentions, interests and expectations.

Keywords: *Artifact, anthropological approach, anthropological practice, educational environment, representation, history, educational everyday life*

Authors Info: Ivanova, Elena V. — Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Head of the Laboratory of Educational Infrastructures, the Research Institute of Urban Science and Global Education Studies, Moscow City University (Russian Federation, Moscow). E-mail: ivanovaev@mgpu.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4740-4235

Barsukova, Ekaterina M. — Researcher at the Laboratory of Educational Infrastructures, the Research Institute of Urban Science and Global Education Studies, Moscow City University (Russian Federation, Moscow). E-mail: barsukovaem@mgpu.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3080-7967

Iangurazova, Alexandra O. — Junior Researcher at the Laboratory of Educational Infrastructures, Research Institute of Urban Science and Global Education Studies, Moscow City University. E-mail: blinovaAO@mgpu.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-9917-0047

For citation: Ivanova, E. V., E. M. Barsukova, and A. O. Iangurazova. 2025. Students Interaction with Educational Everyday Artifacts as an Anthropological Practice. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 44–66.

Funding: The research is funded by the Russian Science Foundation based on the results of the competition "Conducting fundamental scientific research and exploratory scientific research by small individual scientific groups (regional competition)" in 2022. Project No 23-28-10209.

Введение

Возникший в последнее время интерес гуманитарных наук к проблемам повседневности обусловлен кризисом идентичности, распадающейся целостностью мировоззрения, исчезновением положительных антропологических идеалов, нравственным дисбалансом при наметившейся межпоколенческой разности и разобщенности. Все больше образовательных и социальных систем ищут опору на уровне повседневности, который демонстрирует большую устойчивость по сравнению с политическими и идеологическими катаклизмами. Идентичная ситуация складывается и в сфере образования. Годы реформ, поисков идеологических смыслов и новых ценностей привели к развороту в сторону антропологических практик и практик повседневности через возврат к воспитательному дискурсу в рамках образовательных организаций, который направлен на передачу информации о нормах и правилах поведения в том числе через обращение к истории повседневности.

Ещё в начале 2000-х гг. на Генеральной конференции ЮНЕСКО представители государств-участников выражали озабоченность по поводу процессов разрушения важнейших общечеловеческих ценностей у молодых людей, начиная с младшего возраста (Акты Генеральной конференции 2002). Пандемия COVID-19 и закрытие школ в среднем на 4–5 месяцев усугубила образовательные и социальные потери, которые сейчас восполняются через ряд мер, связанных с корректировкой школьного учебного графика

и реализацией программ наверстывающего обучения, где акцент ставится на внутриклассных и внеклассных мероприятиях, а также построении индивидуальных маршрутов обучения через микропреподавание (Ответные меры ЮНЕСКО 2021).

Развитие устойчивой и качественной образовательной инфраструктуры является важной составляющей экономического роста и стабильности, отвечая на вызовы нового времени: изменения климата, загрязнение окружающей среды, рост социальных проблем неравенства, перенаселения и бедности. Неслучайно появление глобальной инициативы ЮНЕСКО «Счастливые школы», которая выступает за преобразующую реформу образования и смену парадигмы, чтобы поставить счастье в центр политики и практики в сфере образования. При этом счастье понимается по-разному в зависимости от людей и культур, но высокоуровневая структура модели счастливой школы включает 4 столпа: человека, процесс, место и принципы. Столп места стремится к трансформации как физического, так и цифрового школьного пространства посредством безопасной и устойчивой инфраструктуры, инклюзивных пространственных проектов и использования школы в качестве социального центра для обучения и взаимодействия с сообществом (Why the World 2024).

В Российской Федерации с 2015 г. (Распоряжение Правительства РФ 2015) активно реализуется Стратегия развития воспитания, предполагающая усилить значимость воспитания в общественном сознании, укрепить гражданскую идентичность, традиционные общенациональные ценности, утверждать в детской среде позитивные модели поведения как нормы, снизить уровень негативных социальных явлений и активно приобщать детей к культурному наследию. Воспитательные практики строятся на примерах из героического прошлого (военные музеи, памятные места, героические выпускники школ), исторического бэкграунда школы, семейных нарративов школьной жизни.

Воспитание в школе становится полноценной антропологической практикой, способствуя развитию счастливого ребенка в его учебной повседневности как универсальном способе трансляции культурно-исторического опыта, как механизма социального наследования (*Слободчиков* 2011). Антропологическая практика определяется «как деятельность субъекта, целью которой является становление в нем подлинно человеческой ипостаси, где главным результатом должно стать развитие человека во всех его духовно-душевно-телесных измерениях, человека — как жизнеспособного индивида, как субъекта собственной жизни и деятельности» (*Обухов* и др. 2018).

Антропологическую практику в контексте нашей работы мы будем понимать как взаимодействие обучающихся и педагогов с артефактами учебной повседневности в разнообразных проявлениях: через установление эмоционального контакта с предметами и их историями, через наращивание личных нарративов, субъектности, создание социальных связей. Проблема, лежащая в основе работы, заключается в изучении способов взаимодействия педагогов и учеников с артефактами учебной повседневности в контексте антропологического подхода, когда эмоциональное проживание разных временных школьных периодов и продукты учебной и внеучебной деятельности обучающихся становятся субъектно значимыми практиками повседневности.

Обзор исследований

Проблематизируя основные положения статьи, мы будем рассматривать взаимодействие обучающихся и педагогов с артефактами учебной повседневности как антропологическую практику, присущую школе в ее каждодневной рутинной деятельности.

Проблема классификации артефактов, в широком смысле являющихся любым продуктом деятельности человека, поднимается рядом исследователей. В частности, Е. А. Белов считает «изучение искусственных объектов с точки зрения скрытых в них смыслов, функций, знаков и прочих аспектов…одним из важнейших направлений культурологии, антропологии, археологии, искусствоведения, музейного дела и других гуманитарных наук» и называет артефакты, предметы, созданные людьми и для людей, «неким функциональным продолжением человека» (*Белов* 2014: 43–44). В то же время в своей статье «Алгоритм интерпретации культурных артефактов в образовании» А. Я. Флиер говорит об историко-культурном, событийно-ситуативном контексте возникновения артефакта и сложности его соотнесения с современными идеологиями, но при этом практиках стимулирования самоидентификации учащегося через взаимодействие с артефактом, самоопределения «кто он, где и когда он живет», что представляется ему одной из важнейших социализирующих задач образования (*Флиер* 2018). М. Вартофский предлагает трехуровневую модель артефактов: «первичные, т. е. инструменты; вторичные — те, что включают в себя первичные и способы действий при их использовании (предписания, нормы, обычаи); третичные, или производные абстрагирования (категории, символы, их значения)» (*Вартофский* 1988: 198–199).

Можно согласиться с мнением, что артефакт учебной повседневности (*Рождественская* 2014) не сразу становится таковым, изначально он может быть продуктом учебной деятельности, созданным на любом уроке, внеурочной и досуговой практиках, впитавшим эмоции владения и взаимодействия с ним.

Опираясь на труды предшественников, мы будем определять понятие «артефакт учебной повседневности» как некую сущность, материальную или абстрактную, созданную людьми ранее (имеющую историческую ценность) или создаваемую участниками образовательного процесса в моменте деятельности в школьной среде, способную дать определенный опыт, продукт, впечатление, сформировать традиции, которые определяются участниками школьной жизни как важные, ценные, интересные, социально значимые. В рамках работы мы будем сосредотачивать внимание на материальных и абстрактных артефактах и символах в предметно-пространственной среде школы.

Сошлемся на мнение культуролога, профессора Тюбингенского университета Гудрун М. Кениг (Gudrun M. König), которая отмечает, что «музеи, университетские и учебные коллекции — это места, где вещи, на которые наложено право вето, накапливаются, складываются и выставляются напоказ; они представляют собой скопление возражений. Не только музеи, но и школы являются учреждениями, тесно связанными с вещными практиками и вещными уроками. … Экспонируемые музейные предметы являются образовательными объектами в классическом понимании, качество показа которых делает их главными героями презентации» (*König* 2012). В школьных классах вещи и предметы учебной деятельности показываются и демонстрируются, организуются и сортируются. Эти способы освоения и присвоения встроены в практику и контекст. С педагогической точки зрения неоднозначность вещей также соответствует сложности контекстов, которые могут меняться и перекрываться в зависимости от ситуации.

При этом, например, «студенческие газеты ... представляют собой артефакты первого рода, „фабрикации“. Студенческие газеты, если рассматривать их в духе Шацкого как артефакты, — это не просто выражение школьных порядков, школьной культуры. Скорее, в школе они сами участвуют в создании того или иного индивидуального школьного порядка, школьной культуры; они являются составной частью порядка, установ-

ленного в практике — практике, при которой определенные, например, в технических условиях, артефакты создаются, а это, в свою очередь, оказывает обратное материальное воздействие. Школьная культура постоянно формируется и трансформируется в процессе создания и распространения среди учащихся школьных газет, создаваемых ими коммуникаций и общения с ними» (*Reh, Scholz* 2012).

Как отмечают Г. М. Кениг (*König* 2003) и Х. П. Хан (*Hahn* 2005), в области интерпретационных исследований, особенно с точки зрения антропологии образования, методологических предложений по адекватной интерпретации артефактов все еще недостаточно, хотя этнографическая традиция работы с материальностью, с материальной культурой, существует довольно давно. Артефакты учебной повседневности имеют значение не только в школьном контексте. В смысле цивилизационного развития, профессор Кениг согласна с архитектурным теоретиком и аналитиком вещей Зигфридом Гидионом в том, что для исторического исследования не может быть банальных вещей. Любая вещь в пространстве школы имеет своего создателя и кем-то оличена, эмоционально прожита и присвоена. В исследованиях образовательной биографии артефакты рассматриваются как выражение социальной принадлежности, как повод и носитель памяти. Они являются, так сказать, симптомами культурно-образовательных процессов (*König* 2003; *Hahn* 2005).

Сейчас всё чаще гуманитарные науки начинают обращаться к теме исследования повседневности, изучению поведенческих паттернов и иных проявлений человека через его повседневную жизнь, учебу, быт, работу. Повседневность как объект научного познания раскрывается, в частности, в одноименной статье доктора философских наук И. П. Поляковой, обозначающей повседневность как некий якорь стабильности частной социальной реальности в активно меняющемся современном мире (*Полякова* 2019). Значение обыденности во время социальных потрясений и мировых перемен рассматривается и в статье Джессики Мари Бредли (Jessica Mary Bradley) и Сари Пёйхёнен (Sari Pöyhönen), называющих стабильную повседневность «правом на повседневную жизнь» (‘right to an everyday’) и центральным понятием в понимании, что такое быть человеком (*Bradley, Pöyhönen* 2024). О важности изучения педагогической повседневности в ее текучести и человечности пишет в своей статье А. С. Роботова (*Роботова* 2016). Несколько другой ракурс предлагает Сара Мертсел (Sara Mörtsell), говоря о влиянии технического обслуживания и каждодневного качества организации занятий (*Mörtsell* 2024). Однако, существует и понимание повседневности как рутинной череды преподавательских задач, определяемой Сарваром Умировым как “Thunking” — выполнение повторяющихся интеллектуальных действий, основанных на правилах, в противовес “Thinking” — вовлеченному мышлению. Для большего развития потенциала педагога, С. Умиров предлагает постепенно передавать функциональные задачи искусственному интеллекту, определяя его, впрочем, не как ИИ, а как “AI =Automated Instruction” — устройство для автоматического выполнения инструкций (*Umirov* 2024).

Воеводин А. П. отмечает, что «антропологический подход в культурологии предлагает рассматривать человека в историческом контексте артефактов, технические условия использования и функционального обслуживания которых определяют необходимый набор человеческих умений и качеств, совокупность которых, в свою очередь, задает требуемый стандарт человека, образ которого креативно опредмечивается в соответствующих социально-экономических, мировоззренческих, образовательных и культурно-стилевых художественных системах» (*Воеводин* 2017).

Таким образом, мы подходим к идее использования антропологических практик при выстраивании образовательных систем, способствующих формированию культурной, гражданской и национальной идентичностей, восприятию и осмыслению молодыми людьми культурного и исторического наследия. Эти вопросы лежат в предметной сфере педагогической антропологии, которая нацелена на изучение воздействия воспитания на личный мир ребенка в разных контекстах и средах, одной из которых выступает образовательная среда. Школа с её повседневными рутинными делами обеспечивает устойчивость ребенка как некоего ритуала по наработке продуктов деятельности, которые со временем превращаются в артефакты его учебной истории. Коджаспирова Г. М., автор одного из немногочисленных учебных пособий по педагогической антропологии, даёт определение педагогической антропологии «как самостоятельной науки в системе философско-педагогически-антропологического знания, цель которой — вскрыть антропологические закономерности протекания процесса взаимодействия в системе «человек — человек» в ситуации передачи накопленного человечеством опыта последующим поколениям, определить принципы функционирования этого процесса, сформировать категориальный аппарат» (*Коджаспирова* 2012: 12).

Задачи же педагогической антропологии коррелируют с обозначенной проблемой нашего исследования в части понимания того, как люди разного возраста могут влиять друг на друга, какие есть формы и методы организации гуманистически ориентированного образовательного процесса через появление антропологических практик, понять ученика как объекта и субъекта воспитания и понять, насколько он обучаем и воспитуем на разных этапах жизни и обосновать условия его креативности, результатом которой могут стать продукты творческой деятельности, превращаясь в дальнейшем в артефакты учебной повседневности.

Что касается повседневности — это предмет изучения таких относительно новых направлений в гуманитарных науках как социальная история, историческая и социальная антропология, история повседневности. Тему учебной, школьной повседневности можно отнести к сфере интересов и педагогической антропологии. При этом исследования школьной повседневности — существенный пробел в современном научно-педагогическом знании. Повседневность образовательной организации представляется как сочетание будничных, монотонных бытовых и поведенческих факторов с педагогическим процессом и в таком понимании проблема повседневности «поможет понять устойчивое и изменчивое, статичное и динамичное, рутинное и новаторское в образовании» (*Роботова* 2016). Вместе с тем, термин «повседневность» может иметь и негативную окраску, как противопоставление творчеству, событийности и игре, отмечено у М. В. Воропаева (*Воропаев* 2015).

Можно согласиться с мнением профессора С. Д. Полякова, что «феноменология школьной повседневности живёт в четырёх мирах: в восприятии физического пространства образовательного учреждения; в восприятии «школьного времени»; в индивидуальных значениях, смыслах той части предметного (вещного) мира, которая соотносится с пребыванием педагогов и учащихся в образовательном учреждении, и, наконец, в содержании и стиле общения в школьной части жизни представителей школьного мира» (*Поляков* 2011: 231).

Школы в той или иной мере работают с артефактами учебной повседневности и их репрезентацией. Это либо консервация и сохранение артефактов, отображение которых происходит как в интерьерах образовательной организации, так и в музейной среде.

Другой подход связан с репрезентацией через сохранившиеся «исторические элементы как арт-объекты в современном интерьере (такими могут стать, например, части потолочной лепнины, тяжелая деревянная входная дверь, элементы мозаичного панно и т. п.). Через символизм интерьерных артефактов можно будет репрезентировать характер эпохи, особенности отношения государства к образованию, задачи, которые ставило общество перед школой» (*Иванова* и др. 2024: 74–75). Третий подход работает через демонстрацию исторических предметов быта, учебы, жизнедеятельности, которые размещаются в открытом доступе или музейном пространстве.

Следующий подход связан с накоплением и интеграцией, когда артефакты учебной повседневности постоянно генерируются самим процессом образовательной активности: среди сотен тетрадей попадется одна с уникальным рисунком, символ школы незаметно обрастает традициями, а у старого стула в коридоре появилась легенда — сев на него перед контрольной обязательно получишь пятерку (*Иванова, Тер-Григорян* 2023). Новая школа или школа с небольшой историей начинает работать над созданием псевдо-артефактов, наращивает новые традиции и символы. Так появляются традиции, ритуалы, связанные с символическими предметами или ученическими артефактами (бобер, нос которого надо потереть, чтобы получить пятерку; пройти по правильному пути, чтобы сопутствовала удача на контрольной; дотронуться до любимого учителя и др.). Подобные средовые элементы и традиции со временем могут стать полноценными артефактами школьной повседневности, взяв на себя функционал по трансляции преемственности и исторической ценности учебного заведения (*Иванова* и др. 2024).

Наше исследование имеет намерение сделать ещё один шаг в сторону осмысления и интерпретации артефактов учебной повседневности с точки зрения антропологического подхода, рассматривая создание, наделение смыслом, эмоциональное взаимодействие педагогов и обучающихся с подобными вещами и продуктами образовательной деятельности как антропологическую практику.

Методы и методология

Методологическую основу нашей работы составили фундаментальные исследования в области философии, социологии, антропологии, педагогики, психологии, включая средовой и антропологический подходы. В рамках средового подхода мы будем выстраивать наше исследование артефактов учебной повседневности в «образовательном пространстве, которое включает в себя информационно-знаковое пространство культуры, семиотическое пространство, память о прошлом, предвосхищение развития социума, его культуры в будущем» (*Швачко, Калугина* 2017: 21).

Антропологический подход в педагогическом исследовании — это «методологический принцип, в соответствии с которым исследование осуществляется с учетом достижений комплекса наук о человеке с целью получения целостного и системного знания о человеке в условиях развития и саморазвития образовательно-воспитательной системы» (*Ломакина, Дуранов* 2005: 53). А. П. Тряпицына определяет, что «для “антропологически ориентированных” исследований общим является построение гуманитарной исследовательской программы, которая отражает конкретно-технологический уровень реализации антропологического подхода как методологической позиции исследователя. Этот уровень характеризуется совокупностью качественных методов исследования, которые позволяют выявить объективные факты и закономерности содействия

становлению человека (разного возраста) средствами образования» (*Тряпицына* 2023). К таким методам можно отнести сочинения, глубинное и нарративное интервью, фокус-групповую методику (для выявления точек зрения, установок, конкретного опыта).

Методами нашего исследования в рамках обозначенной темы были определены:

- анализ теоретических источников и имеющихся практик взаимодействия с артефактами учебной повседневности в зарубежных и российских образовательных организациях;
- глубинное интервью как качественный исследовательский метод, предусматривающий личную беседу с респондентом по заранее сформулированным вопросам, но с возможными отступлениями от сценария в том случае, если тема обсуждения представляет собой исследовательский интерес. Интервью проводились с администрацией и педагогами школ в очном и онлайн формате;
- фокус-группы. Это метод исследования, который позволил нам через модерируемое групповое интервью с ограниченным числом схожих по выделенным параметрам участниками (обучающимися образовательной организации 5, 8 и 10-х классов) получить полуструктурируемую информацию по использованию артефактов учебной повседневности;
- представление результатов исследования на международном симпозиуме и Всероссийском лектории «10 лет РНФ», посвященном юбилею Российского научного фонда.

Характеристика совокупной выборки образовательных организаций — участников исследования

Критериями при отборе образовательных организаций для участия в исследовании мы определили:

- целенаправленную работу администрации и педагогической команды школы с историческими артефактами и артефактами учебной повседневности;
- работу с символами либо использование в учебной деятельности псевдоартефактов;
- наличие исторического здания либо школьного музея.

Для проведения исследования были отобраны как государственные, так и частные образовательные организации в нескольких регионах Российской Федерации. Московский регион был представлен двумя школами Центрального округа и одной — Западного. Школа № 1 расположена в двух корпусах, главный из которых построен по индивидуальному проекту в 1935 г. и является памятником архитектуры. Историческая архитектура сохраняется и восстанавливается силами администрации, проводящей последовательную политику по бережному отношению к наследию и артефактам учебной повседневности. Школа № 2 — небольшая частная образовательная организация, работающая по принципам вальдорфской педагогики, ведет активную работу с повседневными результатами детского труда. Школа существует с 1993 г., за этот срок трижды сменила арендные помещения, каждое из которых изначально являлось офисным пространством, не предназначенным для образовательной деятельности. Каждый раз после переезда коллектив школы вместе с родителями и старшеклассниками создавали предметно-пространственную среду в совместном, соучаствующем процессе. Еще одна московская школа расположена в Западном административном округе и присоедини-

лась к исследованию последней, поэтому имеет номер 7. Это частная начальная школа, основанная в 2020 г., занимающая новое (2019–2020 годы постройки) инновационное авторское здание, использующее технологии «умного дома», насыщенное новейшими инженерными системами по типу BIM-технологий. Школа рассчитана на 96 учеников, обучающихся с 1 по 4-й класс.

Следующая группа образовательных организаций представляет Калининградскую область и г. Калининград. Это Школа № 3 в Балтийске Калининградской области, которая ведет свою историю с 1945 г. Она располагается в историческом здании, имеющем статус культурного наследия, поэтому осуществляются работы по его сохранению и восстановлению. Данная школа является муниципальной бюджетной образовательной организацией, как и школа № 6, которая расположена в Калининграде и занимает два здания: начальные классы обучаются в корпусе 1896 г. постройки, остальные — в корпусе 1960–1961 г. сдачи в эксплуатацию. В непосредственной близости от школы расположен православный храм, со звона которого начинаются и заканчиваются уроки у начальных классов.

Школа № 4 — государственная бюджетная образовательная организация, является одним из старейших учебных заведений Санкт-Петербурга, основана в 1858 г. Занимает обновленное после реновации историческое здание, построенное на рубеже XIX–XX веков. Педагогическая команда школы ведет целенаправленную работу по сохранению традиций и материальных артефактов классического петербургского образования. Школа № 5 тоже является государственным учебным заведением и расположена в городе Набережные Челны, занимает типовое здание 1972 г. постройки, но администрация и педагоги, переосмысляя повседневную реальность, работают над созданием новых традиций и символов. В школе есть музей, посвященный различным предметам и свидетельствам повседневной жизни ее посетителей, а также псевдоартефакты, имитирующие элементы учебной повседневности Царскосельского лицея.

Инструментарий исследования

Инструментами исследования стал перечень вопросов для глубинного интервью, в которых был заложен интерес к тому, как формируется репрезентативная история школы, что из школьных артефактов хранится либо используется в учебном процессе, каким образом репрезентируются исторические события школы, как изменились артефакты за несколько последних поколений и что представляет интерес для современных детей. В глубинном интервью также были отступления, касающиеся контекста каждой образовательной организации в отдельности — контингент, место расположения и традиции школы, преемственность поколений педагогов, административной команды, родителей и детей.

Сценарий фокус-группового исследования разработан в логике антропологических практик, «...то есть действий человека, где человек является субъектом действия, активным действующим лицом, причиной и основанием действия» (*Гурин* 2014: 244). Фокус-групповое исследование проводилось в два этапа, с участием обучающихся 5, 8 и 10-х классов одной из школ — участниц нашей работы, занимающей историческое здание в центре города. Респондентам была представлена презентация с определением понятия «артефакт учебной повседневности», после чего было дано задание на выбор:

1. Нарисуйте (спроектируйте) «Музей имени меня», в котором экспонировались бы школьные артефакты, связанные с вашей жизнью, или которые были бы вам интересны. Подготовьте рассказ о взаимодействии с ними.

2. Напишите сценарий урока/классного часа с применением/созданием артефактов учебной повседневности, взаимодействием с артефактами.

Участники представляли результат своей работы индивидуально или в небольшой группе, по результатам презентации был проведен рефлексивный анализ. Данная антропологическая практика в формате фокус-группового исследования была нацелена на самовыражение и самоутверждение интервьюируемых, утверждение и защиту ими своих антропологических границ, когда человек не только показывает свои границы, но и предъявляет претензии на своё место в бытии, проявляет свои смыслы и демонстрирует своё бытие (*Гурин* 2014).

Результаты исследования

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, позволят нам определить формат взаимодействия педагогов и обучающихся с артефактами учебной повседневности и рассмотреть его как антропологические практики.

Глубинные интервью: результаты

По данным глубинных интервью можно выделить разные подходы во взаимодействии управленческих и педагогических команд с артефактами учебной повседневности, их разную степень погруженности в антропологическую тематику.

Выдержки из интервью:

Школа № 1

> Интервьюируемые эксперты называют артефактами пространства и предметы, имеющие историческую ценность, не принимая в данном значении современные элементы среды. Например, профессиональный интерьерный фотоальбом школы, сделанный недавно, не упомянут в интервью как артефакт школьной повседневности, хотя он достоверно существует. Получается, что историческая ценность здания снижает воспринимаемую значимость современных артефактов? Историчность же наоборот добавляет ценности даже неочевидным смыслам: учительница географии Ольга Яковлевна обсуждается как живой артефакт школы. Артефакт — носитель исторического знания.

Школа № 2

> Образовательный процесс в школе неразрывно связан с созданием, использованием, проживанием и экспонированием артефактов. Как было сказано респондентом, «в моем понимании артефакт — это некий предмет, который важен для того, чтобы прочувствовать тот материал, который мы изучаем». Создание артефакта — это подключение еще одного вида памяти — сочетания образов, тактильности, эмоций. Итог творческой, созидательной работы наполняет пространство школы смыслом, но в интерьерах продолжают существовать только те артефакты, которые вызывают необходимые в педагогическом процессе переживания у всех детей. Понравившиеся работы обучающиеся могут забрать с собой домой или оставить для экспонирования в школе.

Школа № 3

> По мнению респондента, школа неразрывно связана с историей города и страны, исторические события влияют на собственную историю школы. Таким

образом, важно создавать школьные музеи, которые отражают историю самой школы. На момент интервью готовилась экспозиция, посвященная истории лицея через призму города.

Ученики должны чувствовать свою причастность к артефактам: через их создание (например, ученики сделали макет лицея) или такие артефакты, которые связаны с учебной повседневностью предыдущих поколений, но современные дети могут соотнести и сравнить с собой: старые письма, пеналы, носители информации и другие.

Школа № 4

Формирование репрезентативной истории школы по мнению респондента происходит с осознания того, что школа начинает транслировать историю. В школе есть традиция приема в первоклассники, когда первоклассникам проводится экскурсия по школе. Старшеклассники, они же сотрудники школьного музея, проводят обзорные экскурсии по школе, организовывают небольшие квесты для ребят, направленные на изучение архитектурных особенностей школы. Школа постоянно освещает события, тем самым ведёт «бортовые журналы» истории, в которых описываются как события сегодняшнего дня, так и публикуется ретроспектива о памятных датах, связанных с историей нашей страны или школы. Артефакты в школе собраны в Музей истории школы, где хранятся архивы, содержащие воспоминания выпускников и учителей. Это фотографии, которые подтверждают те или иные события, выпускные альбомы, школьные принадлежности разных времен, дореволюционные, 20-х, 30-х годов. Респондент отмечает, что сейчас эпоха «серебряного века» школы, ее отреставрировали, возрождаются традиции. Организовывается много мероприятий, происходящих и внутри школы, и на город направленных, школа расцвела и развивается.

Школа № 5

Именно новый вектор на начальную школу послужил изменениям в дизайне, появились своеобразные артефакты, уникальная разрисовка стен отражает концептуальные идеи школы, ее ценности. Артефакты в школе стали появляться из другого века — воссозданная копия ученической мебели Царскосельского лицея из тщательно подобранного и обработанного под старину дерева. В школе есть музей имени Кабушкина (военный), хранятся архивные альбомы детей, которые учились в школе, что-то из предметов удалось сохранить во время ремонта. Была даже идея создать музей школьных принадлежностей прошлых лет. Тетрадей и дневников не сохранилось. Сейчас школа стала уникальной, потому что появилась концепция, завязанная на XVIII–XIX вв. и погружении в их историю. По мнению директора, дети должны искать наставника, который для них авторитетен, чтобы связь поколений не прерывалась. Город молодой, здесь никаких артефактов, никаких ценностей не было, кроме книг. Точно так же по опыту музейного класса в школе будет экологический, дальше театральный и так далее. То есть «мы создаём среду, а среда создаёт нас». Сама среда начинает работать и создавать артефакты.

Школа № 6

Живой интерес у учеников вызывают артефакты, которые можно сравнить со своей учебной повседневностью. Например, школе передали ученические работы

1950-х годов. Была организована выставка, где расположили тетради середины XX века и современные — ученикам было интересно сравнивать почерки разных времен. По словам респондента, созданию артефактов, *поиску* связи поколений, педагогический коллектив может дать начало, потом могут присоединиться ученики и все, кто так или иначе имеет отношение к школе — это общее дело.

Школа № 7

По мнению педагогов школы, современная среда требует наработки собственной значимости. Закладываются ценности: значок вручается после года работы; шоппер с символом «снегиря» сделан из переработанных тканей, карандаши из переработанных материалов; на посвящении в школьники вручается комплект спортивной формы с эмблемой школы. Сообщество родителей также поддерживает символ «снегиря». Как сказали респонденты, при создании/появлении артефактов необходимо наблюдать, брать обратную связь. Также необходимо поддерживать артефакты, возникающие спонтанно (как, например, с футболом — родители начали играть в футбол с детьми каждую пятницу, школа поддержала организацией мероприятия — предлагают чай зимой, прохладительные напитки в жаркое время). Поддержка может касаться и таких интерьерных замыслов, как временные и постоянные музейные экспозиции: в школе есть музей информации. Экспонаты приносили родители и директор школы. Ученики делают проекты, занимаются исследовательской работой, снимают ролики, связанные с экспонатами.

Общим итогом интерпретации материалов глубинных интервью можно обозначить описание антропологических практик работы и взаимодействия педагогов и обучающихся с артефактами учебной повседневности в зависимости от контекста самой школы.

1. Чувство причастности к истории школы и временного периода её существования, а также ценности материального наследия формируются через взаимодействие с архитектурой (школы № 1, 3, 4).

Само старинное здание школы является артефактом (*Рис. 1*), носителем исторического знания.

Рис. 1. Историческая архитектура школы № 3. Фото Е. Ивановой

Этот наш вывод подтверждают и данные по другим регионам. Так, в статье “Old School Buildings: Prehistoric or Worth Preserving?” (Старое школьное здание: былое или достойное сохранения?) отмечается, что люди должны ценить характеристики старой школы и её место в сообществе. «Когда-то школы считались важными городскими достопримечательностями, построенными на века. Они представляли собой общественные инвестиции, которые вдохновляли гражданскую гордость и участие в общественной жизни», — отмечает Ричард Мо, президент NTHP. «Многие из современных новых школ напоминают большие склады. Их архитектура не отражает особой гордости, и иногда они живут всего 30 лет» (Old School Buildings 2013). Как отмечает в своей работе B. Parker, «школы рассказывают свои истории…и поскольку школы изменились за последние десятилетия, то необходимо, чтобы исследователи деконструировали преднамеренные и непреднамеренные сообщения, передаваемые неодушевленными артефактами, составляющими современную школьную среду” (*Parker* 2016: 76). Действительно, старые здания школ рассказывают истории об общественных ценностях, идеалах, учебных целях, образовательных ожиданиях. Так и школы-участницы нашего исследования повествуют о своем прошлом: о послевоенной «развилке» истории немецкого Кёнигсберга и Пиллау, амбициозных архитектурных проектах школ-дворцов архитектора И. А. Звездина, классическом образовании дореволюционного Петербурга.

2. Межпоколенческая эмоциональная связь выстраивается через взаимодействие с артефактами учебной повседневности прошлого и реальным временем с его цифровыми технологиями и виртуальными ученическими «классами» и «следами» (Школы № 3, 4, 6).

Детям интересно знать, какое расписание было у их предшественников, какие предметы они изучали, сложны ли были контрольные работы и диктанты, какие проблемы волновали школьников 50 и более лет назад. Подобная практика характерна для школ, имеющих музеи, когда культура и нарративы учебной повседневности прошлого передаются через дизайн и эстетику артефактов. Можно говорить, что музей в большей степени — “это замкнутая, герметичная система вещей”. Санкт-Петербургская исследовательница О. В. Беззубова отмечает, что «музейные коллекции распределяются между двумя полюсами — вещь маргинальная и вещь идеальная, образцовая. То есть, с одной стороны мы имеем предметы, которые, не обладая самостоятельной ценностью, дают представление о целом классе повседневных вещей, с другой стороны — все уникальное, из ряда вон выходящее» (*Беззубова* 2001).

3. Создание псевдоартефактов и символов для поддержания собственной значимости в образовательной среде без истории (Школы № 2, 5, 7) характерно для новых школ или школ с неприметной историей, когда со временем символ становится содержанием, так как сообщение символов настолько глубоко укоренено в визуальном представлении, что они неразрывно связаны. Как пример — воссоздание исторической парты в школе № 5 (*Рис. 2*).

Подобная антропопрактика характерна для школ с высоким уровнем поддержки родительского сообщества и создания условий для развития креативности обучающихся. Согласимся с мнением Кармен Ричардсон и Пуньи Мирша (C. Richardson, P. Mishra), которые рассуждая о том, как учебная среда может поддерживать творческое начало учеников, подчеркивают важность разнообразия и доступности материалов, пособий и других ресурсов, включая ученические артефакты в образовательной среде школы, созданные в процессе творческой деятельности и ее поддержки со стороны учителей (*Richardson, Mishra* 2018).

Рис. 2. Воссоздание исторического артефакта — учебной мебели Царскосельского лицея (парта является репликой). Фото предоставлено школой

4. Воспитательная работа и образовательный процесс выстраиваются в непосредственном взаимодействии с артефактами прошлого и только что наработанными продуктами детской деятельности в рамках учебной повседневности (проекты, поделки, рисунки, стенгазеты, тетради, *Рис. 3*), а также через знакомство с героическими и легендарными артефактами — свидетелями истории школы либо её учеников (Школы № 3, 6).

Рис. 3. Выставка тетрадей в конце триместра в интерьере школы № 2. Фото Е. Барсуковой

Эффективность подобной работы подтверждается полученными данными исследования Натали Брезак, Мии Радованович и Аманды Вудворд (Natalie Brezack, Mia Radovanovic, Amanda L Woodward) о том, что малыши, взаимодействующие с артефактами, лучше учатся (*Brezack* et al. 2021). К. Силсет и О. Эрстад (K. Silseth, O. Erstad) в свою очередь подчеркивают, что «учителя считают повседневный опыт детей важным ресурсом для вовлечения учащихся в процесс обучения и что даже некоторые аспекты повседневности учеников вне школы определяются педагогами как более значимые для обучения в классе, чем другие» (*Silseth, Erstad* 2022).

5. Чувство собственной личности, собственной значимости, формирование самоидентичности через отражение себя в предметах учебной повседневности, эмоциональной вовлеченности через создание и экспонирование артефактов современности, в особенности — результатов творческой деятельности обучающихся (для педагогов — результат их наставнической деятельности через труд их подопечных, предметы их гордости — кубки, медали, грамоты) (школы № 2, 3, 6, 4, 7).

В исследовании С. Каире (S. Kaire) ученики выделяли места в пространстве школы, вокруг которых им нравится собираться во время, не связанное с учебой. Выяснилось, что ученики ценят менее заметные для взрослых места, потому что там можно уединиться. Как показывает анализ, различные артефакты для сидения (стулья, диваны, кресла-мешки) играют важную роль в создании таких частных «оазисов» учеников. С другой стороны, такие артефакты, как художественные работы учеников, информационные стенды и спортивные достижения, кажутся значимыми для учеников, если они вносили свой вклад в процесс создания или упоминались в этих артефактах (*Kairė* 2016).

Работа фокус-групп: результаты

Фокус-групповое исследование было организовано и проведено на базе школы № 1 с обучающимися 5, 8 и 10-х классов. Всего в работе фокус-групп участвовал 51 человек.

Рис. 4. Музей участницы из 8 «К» класса

Работы учеников 10-го класса были полностью посвящены теме «Музей имени меня». Из 8 работ на двух была маркировка «не в школе» и «максимально далеко от школы». Участники из 8 «К» класса представили 9 работ, из которых две посвящены сценарию урока, а 7 — музею. Пример работы ученицы 8 «К» класса посвящен спонтанному набору артефактов (*Рис. 4*). Музей вне школы захотели создать трое из семи участников.

Обучающиеся 8 «А» класса работали в группах по 3–4 человека и по итогам фокус-группового исследования представили 6 рисунков, только 4 из которых были содержательными, а два — скорее попыткой уйти от участия. Все обучающиеся выбрали тему музея.

Участники из 5 «Б» класса оказались самой сложной в интерпретации группой, большая часть работ представляет собой не связанные с поставленной задачей рисунки и только две работы можно расценивать как соответствующие теме исследования. Пятиклассники рисовали, в основном, в парах. Их музеи наполнены множеством случайных предметов и образов, изображениями запрещенных для детей предметов, не имеющих отношения к теме фокус-группового исследования (*Рис. 5*). Результат, точнее его отсутствие, очевиден в контексте возраста учеников — 11–12 лет, когда антропологический опыт еще не наработан и дети только выходят из семьи в сообщество сверстников, пробуя формировать антропологические границы. Нам не удалось качественно интерпретировать полученные с этой группой обучающихся результаты и в дальнейшем эта возрастная категория для проведения подобного рода фокус-групповых исследований не рекомендуется.

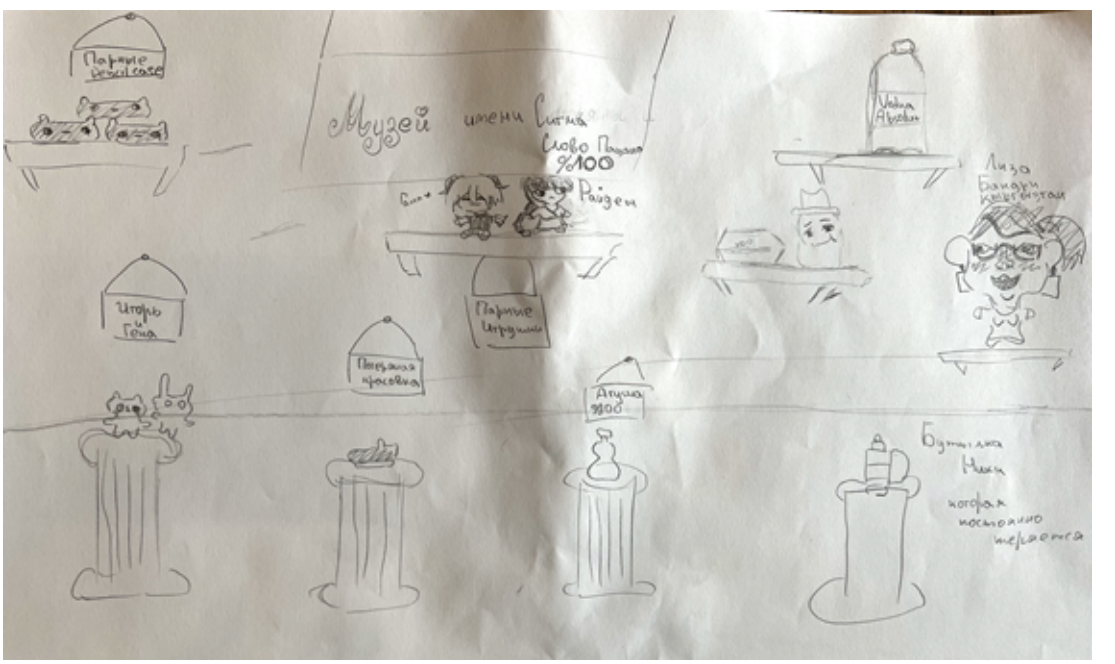

Рис. 5. Музей имени Сигма (групповая работа обучающихся 5 «Б» класса)

По тематикам результаты фокус-группового исследования можно распределить в следующие подразделы.

В «Музее имени меня» обучающиеся предлагают демонстрацию (темы ранжированы по числу и выраженности упоминаний):

1. Предметов из личной и творческой жизни. Фотоаппарат, брендовая одежда, музыкальные инструменты, будильник (опаздываю), режиссерский стул, собака, тарелка, журнал и ножницы, фотографии с друзьями и одноклассниками, гусь, рюкзак, наклейки, счастливая мышь-сережка, бутылка-просто-так, моя кровать, агуша, потерянная кроссовка и т. п.;
2. Нематериальных артефактов и чувств. Музыка, любовь, мечта, тишина и мысли, пустота, танец, поведенческие и социальные паттерны (одна из работ полностью нематериальна — православие, патриотизм, доброта, эгоизм, протест, странный юмор и т. д., *Рис. 6*), вся вселенная (*Рис.7*), память как явление, вопросы, эпитафия «основу жизни он играл на сцене и в компьютерные игры», “моя профессия в будущем», пожелания (хотелось бы, чтобы учителя остались добрыми и хорошими…);

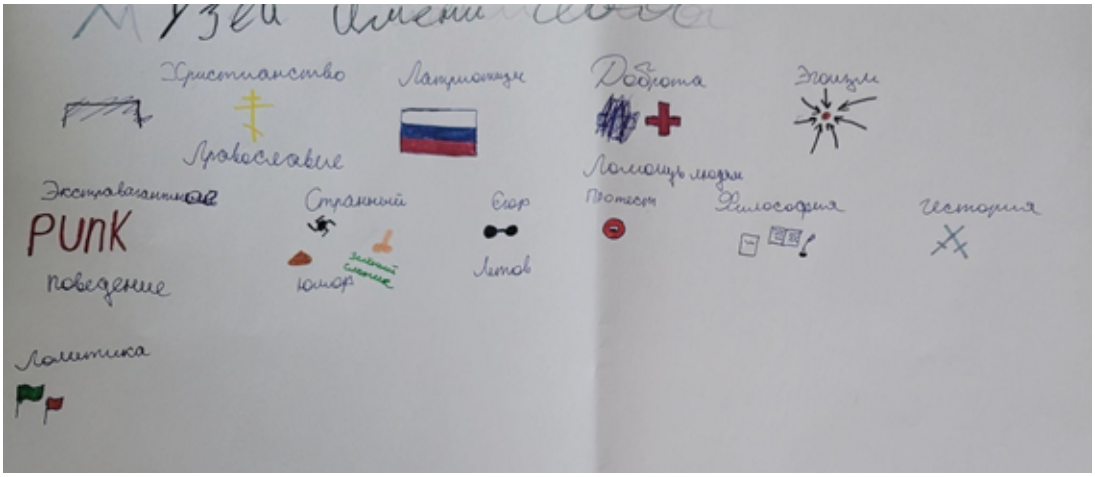

Рис. 6. Музей нематериальных ценностей. Фото Е. Барсуковой

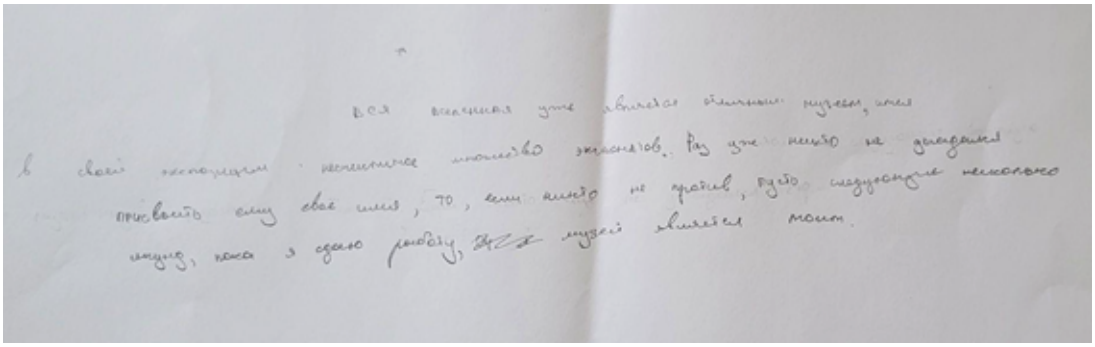

Рис.7. Предложение участницы считать всю вселенную своим музеем. Фото Е. Барсуковой

3. Свидетельств и артефактов путешествий и другого, выходящего за рамки учебной повседневности, опыта. Документы о посещении стран, осколки тарелок со съемок, фотографии;
4. Образовательного процесса как такового. Изучение иностранных языков, английского, музыки, алгебры (постер с невозможным — пятерка по алгебре), расписания уроков за каждый год;

5. Предметов искусства и результатов творческой деятельности. Изображения котов, жука, просто рисунки, кладбище незаконченных картин, музей мухи;
6. Артефактов образовательной повседневности, результатов и достижений. Дипломы, кубки, сертификаты, листы хорошо написанных сочинений, кубки и награды за конкурсы по вокалу, школьные награды за заслуги, среднегодовой балл по алгебре на плакате, школьная мебель, учебники и тетради, макет класса;
7. Городских объектов, связанных с учебной повседневностью: электробус, метро, трамвай.

При выборе сценария использования артефактов в образовательном процессе как части урока, участники предложили следующее:

1. Городские артефакты для составления экскурсионного маршрута. В центре экскурсии — памятник А. С. Пушкину.
2. Прямое взаимодействие с артефактами. Классный час, посвященный советским музыкальным инструментам с возможностью взаимодействовать с ними, играть на них.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что ученики старших классов осознанно создают свою идентичность в стенах школы, отстаивают свои границы, как пространственные, так и личностные и требуют внимательного отношения к себе, демонстрируя личностные достижения и собственную повседневность через трансляцию артефактов в «Музее имени меня». Но не каждый из них готов открыться взрослому со стороны в стенах школы даже в рамках такой, казалось бы, безобидной антропологической практики, часть ребят стараются скрыть личное за фасадом формальных экспонатов и ожидаемых от них организатором (как может показаться) творческих работ. Если ученики хотят оставить в интерьерах школы артефакты, связанные с их повседневностью, а также показывают свои ценности и представляют нарративы, то значит они чувствуют свою сопричастность к происходящему в образовательной организации, разделяют сложившиеся уклады и традиции.

Школы, в ответ, вполне могут и должны создавать возможности для рефлексии и формирования идентичности ученикам, для которых они работают, предоставляя пространство для трансляции и обсуждения артефактов, поддерживая и высоко оценивая их вклад в репрезентацию истории.

Заключение

Взаимодействие с артефактами как антропологическая практика имеет важное личностное значение в жизни детей разного возраста. Артефакты служат средством воспитания и обучения, формирования гражданской и исторической идентичностей, элементом самовыражения, объектом проживания эмоционального переживания. Антропологические границы у обучающихся формируются постепенно, повышая осознанность взаимодействия с артефактами к старшим классам школы. У детей сильна тяга к коллекционированию и если предложить им создавать собственные музеи, псевдомузейные и иммерсивные пространства, то отдача и эмоциональный отклик будет сильнее в разы. Преемственность и преодоление межпоколенческой разобщенности проявляются в работе с артефактами учебной повседневности через сравнение моделей жизни, учебы, быта других поколений школьников. Особое значение и интерес вызывают предметы и вещи, связанные с успешностью, лидерством и достижениями

сверстников из прошлого, именно такие артефакты чаще всего хранятся в семьях и передаются из поколения в поколение.

Наработка, сохранение и использование в повседневной деятельности артефактов усиливают актуальную для современного периода воспитательную повестку, позволяя считать эти процессы полноценной антропологической практикой образовательной организации.

Источники и материалы

Акты Генеральной конференции 2002 — Акты Генеральной конференции, 31-я сессия. Париж, 5 октября — 13 ноября 2001. Т. 1: Резолюции, 2002. 171 с. [Электронный ресурс]. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000124687_rus (дата обращения: 29.11.2024).

Воеводин 2017 — *Воеводин А. П.* Кризис человечности и тупики антропоцентризма // Terra культура. 2017. https://terra.lgaki.info/krizis-antropnosti/krizis-chelovechnosti-i-tupiki-antropotsentrizma.html

Ответные меры ЮНЕСКО 2021 — Ответные меры ЮНЕСКО в области образования на пандемию COVID-19. Тематические записки Сектора образования ЮНЕСКО. 2021. Тематическая записка № 7.4 — июнь 2021 г. 2021. 20 с. [Электронный ресурс]. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000377841_rus (дата обращения: 29.11.2024).

Распоряжение Правительства РФ 2015 — Распоряжение Правительства РФ от 29 мая 2015 г. № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. https://docs.cntd.ru/document/420277810 (дата обращения: 29.11.2024).

Тряпицына 2023 — *Тряпицына А. П.* Антропологический подход в современных педагогических исследованиях // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2023. № 9 (сентябрь). http://emissia.org/offline/2023/3292.htm (дата обращения: 02.12.2024).

Old School Buildings 2013 — Old School Buildings: Prehistoric or Worth Preserving? // Education world. 2013. [Электронный ресурс]. https://www.educationworld.com/a_issues/issues172.shtml (дата обращения: 25.11.2024).

Umirov 2024 — *Umirov S.* Focus on Teaching: AI for Mundane Tasks // Empowering Teachers: Advanced Strategies and Innovative Solutions for Teaching English for Specific Purposes (ESP). 2024. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.27264.65284

Why the World 2024 — Why the World Needs Happy Schools: Global Report on Happiness in and for Learning. [Электронный ресурс]. https://www.unesco.org/en/education-policies/happy-schools?hub=84596 (дата обращения: 29.11.2024).

Научная литература

Беззубова О. В. Музей как объект философско-антропологического исследования // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Материалы международной научной конференции: к 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана. Серия “Symposium”. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского философского общества, 2001. С. 179–183.

Белов Е. А. Проблема классификации культурных артефактов // Вестник ЧГАКИ. 2014. №1 (37). С. 43–46.

Вартофский М. В. Модели. Репрезентация и научное понимание. М.: Прогресс, 1988. 507 с.

Воропаев М. В. Проблема предметной определенности повседневности как педагогического феномена // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 4. С. 178–185.

Гурин С. П. Практики себя и практики другого // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2014. № 8. С. 244–264.

Иванова Е. В., Тер-Григорян А. Э. Сохранение артефактов учебной повседневности в процессе реновации школьных зданий // Образование и город: Третья миссия университета. Ресурсы взаимного развития: Сборник статей по итогам Пятого и Шестого ежегодных международных симпозиумов. 2022–2023 / отв. ред. С. Н. Вачкова. М.: Общество с ограниченной ответственностью «А-Приор», 2023. С. 127–142.

Иванова Е. В., Барсукова Е. М., Блинова А. О., Тер-Григорян А. Э. Репрезентация истории школы через сохранение артефактов учебной повседневности в процессе реновации и строительства школьных зданий // Перспективы науки и образования. 2024. № 2 (68). С. 62–79. https://doi.org/10.32744/pse.2024.2.4

Коджаспирова Г. М. Педагогическая антропология как отрасль знания // Вестник МГПУ. Серия "Педагогика и психология". 2012. № 4 (22). С. 8–20.

Ломакина И. С., Дуранов М. Е. Антропологический подход и профессиональная подготовка студентов // Вестник ЮУрГУ. Серия "Образование, здравоохранение, физическая культура". 2005. № 4 (44). Вып. 5. Т. 2. С. 52–55.

Обухов А. С., Федосеева А. М., Байфорд Э. Введение в профессию: психолог образования: учебник и практикум для академического бакалавриата. Серия: Бакалавр. Академический курс / отв. ред. А. С. Обухов. М.: Издательство Юрайт, 2018. 391 с.

Поляков С. Д. Школьная повседневность: эскиз пейзажа // Народное образование. 2011. № 5 (1408). С. 230–236.

Полякова И. П. Повседневность как объект научного познания // Философия и культура. 2019. № 2. С. 24–37. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2019.2.29185

Роботова А. С. Почему нужно изучать педагогическую повседневность? // Высшее образование в России. 2016. № 4 (200). С. 99–109.

Рождественская Л. В. Артефакт-педагогика: от артефакта к учебной ситуации // Поволжский педагогический вестник. 2014. № 2 (3). С. 25–29.

Слободчиков В. И. Концептуальные основы антропологии современного образования // Инновационные проекты и программы в образовании. 2011. № 3. С. 3–7.

Флиер А. Я. Алгоритм интерпретации культурных артефактов в образовании // Культура культуры. 2018. № 1 (17) С. 13–20.

Швачко Е. В., Калугина Т. А. Средовой подход в методологии педагогического исследования: содержательный и функциональный аспекты // Вестник «Өрлеу» — kst. 2017. № 3 (17). С. 21–25.

Bradley J. M., Pöyhönen S. Walking with: Understandings and Negotiations of the Mundane in Research // Applied Linguistics Review. 2025. Vol. 16. No. 1. P. 345–367. https://doi.org/10.1515/applirev-2024-0069

Brezack N., M. Radovanovic M., Woodward A. L. Everyday Interactions Support Toddlers' Learning of Conventional Actions on Artifacts // Journal of Experimental Child Psychology. 2021. Vol. 210. P. 105201. https://doi.org/10.1016/j.jecp.2021.105201

Hahn H.-P. Materielle Kultur. Eine Einführung. Berlin: Reimer Verlag, 2005. 206 p. http://dx.doi.org/10.5771/9783496030287

Kairė S. Significant Artifacts in Schools: Teacher and Pupil Perspectives // Journal of Education, Culture, and Society. 2016. Vol. 7. P. 131–149. https://doi.org/10.15503/jecs20162.131.149

König G. M. Auf dem Rücken der Dinge. Materielle Kultur und Kulturwissenschaft // Unterwelten der Kultur. Themen und Theorien der volkskundlichen Kulturwissenschaft / ed. by K. Maase, B. J. Warneken. Köln: Böhlau Verlag, 2003. P. 95–118.

König G. M. Das Veto der Dinge. Zur Analyse materieller Kultur // Die Materialität der Erziehung. Kulturelle und soziale Aspekte pädagogischer Objekte. Zeitschrift für Pädagogik. Beiheft / ed. by K. Priem, G. M. König, R. Casale. Weinheim u.a.: Beltz. 2012. P. 14–31. https://doi.org/10.25656/01:7195

Mörtsell S. 2024. Lesson Enactments: Maintenance in Everyday Educational Practice // Postdigital Science and Education. 2024. Vol. 6. P. 595–609. https://doi.org/10.1007/s42438-023-00401-z

Parker B. D. Schools as Discriminatory Artifacts // Perspectives on Urban Education. 2016. Vol. 13. P. 76–80.

Reh S., Scholz J. Schülerzeitungen als Artefakte. Schulkulturen in den 1950er und 1960er Jahren // Die Materialität der Erziehung. Kulturelle und soziale Aspekte pädagogischer Objekte. Zeitschrift für Pädagogik, Beiheft / ed. by K. Priem, G. M. König, R. Casale. Weinheim u.a.: Beltz, 2012. P. 105–123. https://doi.org/10.25656/01:7201

Richardson C., Mishra P. Learning Environments that Support Student Creativity: Developing the SCALE // Thinking Skills and Creativity. 2018. Vol. 27. P. 45–54. https://doi.org/10.1016/j.tsc.2017.11.004

Silseth K., Erstad O. Exploring Opportunities, Complexities, and Tensions When Invoking Students' Everyday Experiences as Resources in Educational Activities // Teaching and Teacher Education. 2022. Vol. 112. P. 103633. https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103633

References

Belov, E. A. 2014. Problema klassifikatsii kul'turnykh artefaktov [The Problem of Classification of Cultural Artifacts]. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv* 1: 43–46.

Bezzubova, O. V. 2001. Muzei kak ob"ekt filosofsko-antropologicheskogo issledovaniia [Museum as an Object of Philosophical and Anthropological Research]. In *Metodologiia gumanitarnogo znaniia v perspektive XXI veka. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: k vos'midesiatiletiiu professora Moiseia Samoilovicha Kagana. Seriia "Symposium"* [Methodology of Humanities in the Perspective of the 21st Century. Proceedings of the International Scientific Conference: to the 80th Anniversary of Professor Moisei Samoilovich Kagan. Series "Symposium"]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo filosofskogo obshchestva. 179–183.

Bradley, J. M., and S. Pöyhönen. 2025. Walking with: Understandings and Negotiations of the Mundane in Research. *Applied Linguistics Review*: 16(1): 345–367. https://doi.org/10.1515/applirev-2024-0069

Brezack, N., M. Radovanovic, and A. L. Woodward. 2021. Everyday Interactions Support Toddlers' Learning of Conventional Actions on Artifacts. *Journal of Experimental Child Psychology* 210: 105201. https://doi.org/10.1016/j.jecp.2021.105201

Flier, A. Ya. 2018. Algoritm interpretatsii kul'turnykh artefaktov v obrazovanii [Algorithm for Interpreting Cultural Artifacts in Education]. *Kul'tura kul'tury* 1: 13–20.

Gurin, S. P. 2014. Praktiki sebia i praktiki drugogo [Practices of Yourself and Practices of Others]. *Trudy Saratovskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii* 8: 244–264.

Hahn, H.-P. 2005. *Materielle Kultur. Eine Einführung* [Material Culture. An Introduction]. Berlin: Reimer Verlag. 206 p. http://dx.doi.org/10.5771/9783496030287

Ivanova, E. V., and A. E. Ter-Grigorian. 2023. Sokhranenie artefaktov uchebnoi povsednevnosti v protsesse renovatsii shkol'nykh zdanii [Preservation of Artifacts of Educational Everyday Life in the Process of Renovation of School Buildings]. In *Obrazovanie i gorod: Tret'ia missiia universiteta. Resursy vzaimnogo razvitiia: Sbornik statei po itogam Piatogo i Shestogo ezhegodnykh mezhdunarodnykh simpoziumov. 2022–2023* [Education and the City: The Third Mission of the University. Resources for Mutual Development: Proceedings from the Fifth and Sixth Annual International Symposia. 2022–2023], ed. by S. N. Vachkova. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoi otvetstvennost'iu "A-Prior". 127–142.

Ivanova, E. V., E. M. Barsukova, A. O. Blinova, and A. E. Ter-Grigorian. 2024. Reprezentatsiia istorii shkoly cherez sokhranenie artefaktov uchebnoi povsednevnosti v protsesse renovatsii i stroitel'stva shkol'nykh zdanii [Schools History Representation Through the Preservation of Educational Everyday Life Artifacts Through the Process of Renovation and Construction of School Buildings]. *Perspektivy nauki i obrazovaniia* 2: 62–79. https://doi.org/10.32744/pse.2024.2.4

Kairė, S. 2016. Significant Artifacts in Schools: Teacher and Pupil Perspectives. *Journal of Education, Culture, and Society* 7(2): 131–149. https://doi.org/10.15503/jecs20162.131.149

Kodzhaspirova, G. M. 2012. Pedagogicheskaia antropologiia kak otrasl' znaniia [Pedagogical Anthropology as a Branch of Knowledge]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriia "Pedagogika i psikhologiia"* 4(22): 8–20.

König, G. M. 2003. Auf dem Rücken der Dinge. Materielle Kultur und Kulturwissenschaft [On the Back of Things. Material Culture and Cultural Studies]. In *Unterwelten der Kultur. Themen und*

Theorien der volkskundlichen Kulturwissenschaft [Underworlds of Culture: Topics and Theories of Folklore and Cultural Studies], ed. by K. Maase and B. J. Warneken. Köln: Böhlau Verlag. 95–118.

König, G. M. 2012. Das Veto der Dinge. Zur Analyse materieller Kultur [The Veto of Things. For the Analysis of Material Culture]. In *Die Materialität der Erziehung. Kulturelle und soziale Aspekte pädagogischer Objekte. Zeitschrift für Pädagogik. Beiheft* [The Materiality of Education. Cultural and Social Aspects of Educational Objects. Journal of Education. Supplement], ed. by K. Priem, G. M. König, and R. Casale. Weinheim u.a.: Beltz. 14–31. https://doi.org/10.25656/01:7195

Lomakina, I. S., and M. E. Duranov. 2005. Antropologicheskii podkhod i professional'naia podgotovka studentov [Anthropological Approach and Professional Training of Students]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia "Obrazovanie, zdravookhranenie, fizicheskaia kul'tura"* 2(4): 52–55.

Mörtsell, S. 2024. Lesson Enactments: Maintenance in Everyday Educational Practice. *Postdigital Science and Education* 6: 595–609. https://doi.org/10.1007/s42438-023-00401-z

Obukhov, A. S. (ed.), A. M. Fedoseeva, and A. Byford. 2018. *Vvedenie v professiiu: psikholog obrazovaniia: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata. Seriia: Bakalavr. Akademicheskii kurs* [Introduction to the Profession: Educational Psychologist: Textbook and Workshop for Undergraduate Studies. Series: Bachelor. Academic Course]. Moscow: Yurait. 391 p.

Parker, B. D. 2016. Schools as Discriminatory Artifacts. *Perspectives on Urban Education* 13 (1): 76–80.

Poliakov, S. D. 2011. Shkol'naia povsednevnost': eskiz peizazha [School Everyday Life: Landscape Sketch]. *Narodnoe obrazovanie* 5: 230–236.

Poliakova, I. P. 2019. Povsednevnost' kak ob"ekt nauchnogo poznaniia [Everyday Life as an Object of Scientific Knowledge]. *Filosofiia i kul'tura* 2: 24–37. https://doi.org/10.7256/2454-0757.2019.2.29185

Reh, S., and J. Scholz. 2012. Schülerzeitungen als Artefakte. Schulkulturen in den 1950er und 1960er Jahren [School Newspapers as Artifacts. School Cultures in the 1950s and 1960s]. In *Die Materialität der Erziehung. Kulturelle und soziale Aspekte pädagogischer Objekte. Zeitschrift für Pädagogik, Beiheft* [The Materiality of Education. Cultural and Social Aspects of Educational Objects. Journal of Education. Supplement], ed. by K. Priem, G. M. König, and R. Casale. Weinheim u.a.: Beltz. 105–123. https://doi.org/10.25656/01:7201

Richardson, C., and P. Mishra. 2018. Learning Environments That Support Student Creativity: Developing the SCALE. *Thinking Skills and Creativity* 27: 45–54. https://doi.org/10.1016/j.tsc.2017.11.004

Robotova, A. S. 2016. Pochemu nuzhno izuchat' pedagogicheskuiu povsednevnost'? [Why is it Necessary to Study the Pedagogical Routine?]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* 4: 99–109.

Rozhdestvenskaia, L. V. 2014. Artefakt-pedagogika: ot artefakta k uchebnoi situatsii [Artifact-Pedagogy: from Artifact to Learning Situation]. *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik* 2(3): 25–29.

Shvachko, E. V., and T. A. Kalugina. 2017. Sredovoi podkhod v metodologii pedagogicheskogo issledovaniia: soderzhatel'nyi i funktsional'nyi aspekty [Environmental Approach in Pedagogical Research Methodology: Content and Functional Aspects]. *Vestnik "Өрлеу" — kst* 3(17): 21–25.

Silseth, K., and O. Erstad. 2022. Exploring Opportunities, Complexities, and Tensions when Invoking Students' Everyday Experiences as Resources in Educational Activities. *Teaching and Teacher Education* 112: 103633. https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103633

Slobodchikov, V. I. 2011. Kontseptual'nye osnovy antropologii sovremennogo obrazovaniia [Conceptual Foundations of the Anthropology of Modern Education]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii* 3: 3–7.

Voropaev, M. V. 2015. Problema predmetnoi opredelennosti povsednevnosti kak pedagogicheskogo fenomena [Everydayness as a Subject of Study in Pedagogy]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* 4: 178–185.

Wartofsky, M. W. 1988. *Modeli. Reprezentatsiia i nauchnoe ponimanie* [Models. Representation and the Scientific Understanding]. Moscow: Progress. 507 p.

ДЕТИ С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ И ШКОЛА

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/67-85
Научная статья

© Е. А. Омельченко, А. А. Шевцова, А. А. Бурова

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК РЕСУРС АДАПТАЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ

В статье обобщены результаты социологического исследования «Потенциал социокультурной среды и межведомственного взаимодействия для решения образовательных задач адаптации обучающихся из числа несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей». В исследовании 2024 г. приняло участие 125 педагогов из 14 регионов Российской Федерации, представляющих школы со значительной долей таких обучающихся. Авторы ставили перед собой задачи выделить основные факторы внутренней среды российских образовательных организаций, способствующие повышению уровня адаптированности несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей; изучить степень и характер взаимодействия школ (учителей, классных руководителей, администрации, социальных педагогов) с семьями с миграционной историей; выявить степень вовлеченности образовательных организаций во взаимодействие с национально-культурными и религиозными объединениями на направлении адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей; проанализировать внешнюю среду образовательных организаций и оценить доступность объектов, способствующих социокультурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей, на территории их проживания.

Ключевые слова: *социокультурная среда, адаптация детей из семей с миграционной историей, адаптация средствами образования, дети иностранных граждан, интеграция мигрантов, миграционные исследования*

Омельченко Елена Александровна — д. и. н., декан факультета регионоведения и этнокультурного образования, профессор кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов», заместитель директора, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119571 Москва, пр. Вернадского, д. 88). Эл. почта: etno1@dol.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2019-2586

Шевцова Анна Александровна — д. и. н., профессор кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов», Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119571 Москва, пр. Вернадского, д. 88). Эл. почта: ash@inbox.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3602-4728

Бурова Арина Александровна — магистр социологии, специалист кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов», Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119571 Москва, пр. Вернадского, д. 88). Эл. почта: aa.burova@mpgu.edu

*Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 124031100002-4 «Социокультурная среда как ресурс адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей»).

Ссылка при цитировании: *Омельченко Е. А., Шевцова А. А., Бурова А. А*. Социокультурная среда как ресурс адаптации обучающихся с миграционной историей // Вестник антропологии. 2025. № 2. С.67–85.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/67-85
Original Article

© Elena Omelchenko, Anna Shevtsova, and Arina Burova

SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT AS A RESOURCE FOR ADAPTATION OF STUDENTS WITH MIGRATION HISTORY

The article summarizes the results of the sociological project entitled 'The Potential of the Sociocultural Environment and Interdepartmental Cooperation for Solving Educational Problems of Adaptation of Foreign Minors and Other Categories of Children with Migration History'. In 2024 the study involved 125 teachers from 14 regions of the Russian Federation, representing schools with a significant proportion of such students. The authors aim to identify the main factors of the internal environment of Russian educational organizations that contribute to increasing the level of adaptation of foreign minors and other categories of children with migration history; to study the degree and nature of interaction between schools (teachers, class teachers, administrators, social pedagogues) and families with migration history; to identify the degree of involvement of educational organizations in interaction with ethnic, cultural and religious associations in the Russian Federation.

Keywords*: socio-cultural environment, adaptation of children from families with migration history, adaptation by means of education, children of foreign citizens, integration of migrants, migration research*

Authors Info: Omelchenko, Elena A. — Doctor of History, Dean of the Faculty for Regional Studies and Ethnocultural Education, Professor of the UNESCO Chair of International Education and the Integration of Migrants, Deputy Director, Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: etno1@dol.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2019-2586

Shevtsova, Anna A. — Doctor of History, Professor of the UNESCO Chair of International Education and the Integration of Migrants, Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ash@inbox.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3602-4728

Burova, Arina A. — Master in Sociology, Specialist of the UNESCO Chair of International Education and the Integration of Migrants, Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: aa.burova@mpgu.edu

For citation: Omelchenko, E. A., A. A. Shevtsova, and A. A. Burova. 2025. Sociocultural Environment as a Resource for Adaptation of Students with Migration History. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 67–85.

Funding: The research was conducted within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (theme №124031100002-4 **"**The Socio-Cultural Environment as a Resource for the Adaptation of Foreign Minors and Children with a Migration History".

В 2023 г. численность детей мигрантов (дети с иностранным гражданством, дети без гражданства) в российских школах составила более 200 тыс. человек. В этом показателе не учитывается, что среди учеников немало детей, которые уже являются гражданами России, но при этом не владеют государственным языком и не усвоили в достаточной степени российские традиции, культурные и социальные нормы. Данные были озвучены директором департамента госполитики и управления в сфере общего образования Минпросвещения Алексеем Благининым в ходе совещания на тему «Обеспечение прав граждан России при реализации миграционной политики» в Совете по правам человека при Президенте РФ (*Габдуллина* 2024).

В п. 23 Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. (Концепция 2018) обозначена необходимость создания для адаптации иностранных граждан и их несовершеннолетних детей условий, способствующих успешному освоению русского языка, общепризнанных в российском обществе норм поведения и приобщению к традиционным духовно-нравственным ценностям. Исследователями фиксируется «острая потребность российских школ в организации полномасштабной деятельности, направленной на поддержку и сопровождение детей-мигрантов» (*Иванова* и др. 2018). При этом очевидно, что усилия образовательных организаций и конкретных педагогов в работе по адаптации и интеграции несовершеннолетних иностранных граждан должны быть поддержаны воздействием социокультурной среды: в этой деятельности важно использовать ресурсы культуры, спорта, национально-культурных и других общественных объединений и т. п.

В связи с этим и был определен предмет социологического исследования, предпринятого коллективом специалистов МПГУ. Цель исследования — выявление потенциала социокультурной среды и межведомственного взаимодействия российских образовательных организаций для решения образовательных задач адаптации обучающихся из числа несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей. Для этого были поставлены следующие задачи: выделить основные факторы внутренней среды российских образовательных организаций, способствующие повышению уровня адаптированности несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей; изучить степень и характер взаимодействия образовательных организаций с семьями с миграционной историей; выявить степень вовлеченности школ во взаимодействие с национально-культурными и религиозными объединениями на направлении адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей; изучить внешнюю среду образовательных организаций и оценить доступность объектов, способствующих социокультурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей, на территории их проживания.

Метод исследования — онлайн-анкетирование. Время проведения исследования — май 2024 г. Выборка: педагоги и администрация образовательных организаций, 125 человек. Виды образовательных организаций: средние общеобразовательные школы, институт развития образования, центр психолого-педагогической и социальной помощи, организации дошкольного образования, организации дополнительного профессионального образования). Отметим, что опрос специально проводился в образовательных организациях, имеющих значительный многолетний опыт работы с несовершеннолетними иностранными гражданами: в основном, это участники проектов «Интеграция детей из семей мигрантов средствами образования: методическая и консультационная

поддержка образовательных организаций» и «Языковая и социально-культурная адаптация обучающихся с миграционной историей в российских регионах». С подробной информацией о проектах можно ознакомиться на сайте АНО Центр содействия межнациональному образованию «ЭТНОСФЕРА» (АНО Центр 2024) и ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» (Интеграция 2024). Нашими респондентами стали педагоги и представители администрации образовательных организаций, уже накопившие опыт в работе с детьми с миграционной историей, со сформированными управленческими и педагогическими компетенциями в этой сфере. Это были жители 14 регионов России: Калужской, Московской, Мурманской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Самарской, Свердловской, Томской, Тюменской, Челябинской областей, Пермского края, Республики Саха (Якутия), Республики Чувашия.

Общая характеристика уровня адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей

Всего 16% респондентов оценивают уровень адаптированности детей с миграционной историей, обучающихся в их образовательных организациях, как высокий. Определяют его как средний 69% участников опроса и 15% указывают на низкий уровень адаптированности. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что в большинстве образовательных организаций, несмотря на наличие у них уже неплохого опыта в данной сфере, все равно существует необходимость усиления мер для повышения уровня адаптированности несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей. Среди наиболее распространенных проблем, препятствующих быстрой адаптации детей с миграционной историей, респонденты выделяют следующие (*Рис. 1*):

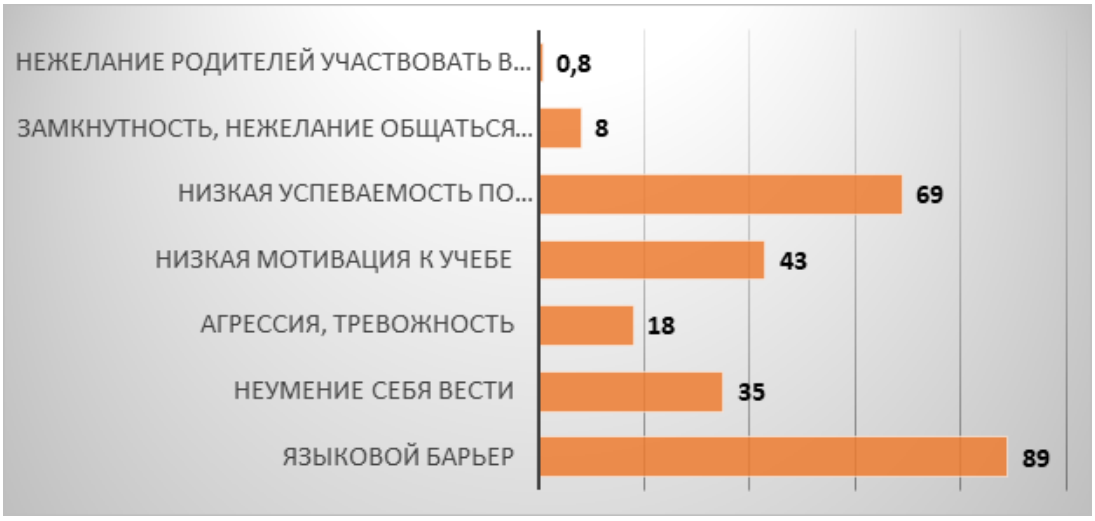

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Самые большие сложности у детей с миграционной историей – это…», % (множественный выбор ответов). Разработано авторами в 2024 г.

В первую очередь, практически всеми участниками опроса указывается как наиболее распространенная проблема низкий уровень владения русский языком, то есть наличие языкового барьера (89%). Вторая по значимости проблема тесно связана с первой и представляет собой низкую успеваемость по большинству предметов (69%). С этими двумя факторами также можно связать третью часто встречающуюся проблему — низкую мотивацию к учебе (43%). Также респондентами отмечаются не менее значимые сложности, связанные с социально-коммуникативными навыками новых учеников: неумение «себя вести» (35%), проявления агрессии и тревожности среди детей с миграционной историей (18%), их замкнутость и нежелание общаться с другими детьми (8%). Проблемы, связанные с нежеланием родителей участвовать в образовательном процессе, назвали всего 0,8% респондентов.

Данные проблемы актуальны для всех образовательных организаций, вне зависимости от того, в какую категорию они были включены по итогам анализа ответов на вопрос № 1 (*Рис. 2*). Даже в школах, где уровень адаптированности детей из семей мигрантов оценивается как высокий, самой большой проблемой является «языковой барьер» (80%), за ним следует «низкая успеваемость» (45%), неумение себя вести (40%), низкая мотивация к учебе (30%), «агрессия» (20%). Отсутствуют проблемы с замкнутостью и слабой вовлеченностью родителей.

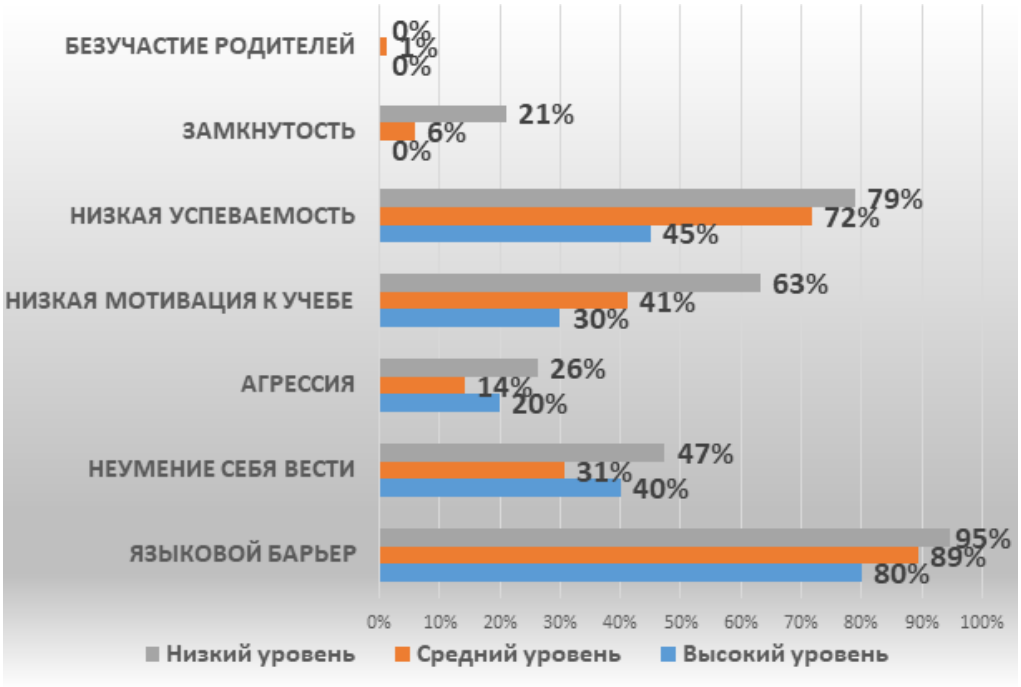

Рис. 2. Уровень адаптации и самые большие сложности детей с миграционной историей, %. Разработано авторами в 2024 г.

Наличие всех «проблемных для адаптации факторов» регистрируется в образовательных организациях, чьи представители оценили уровень адаптации своих учеников как средний: «языковой барьер» (89%), «низкая успеваемость» (72%), «низкая мотивация к учебе» (41%), «неумение себя вести» (31%), «замкнутость» (6%). Отмечается

наиболее низкий среди прочих категорий ОО показатель «агрессия» (14%). Присутствует фактор «нежелания родителей участвовать в образовательном процессе». При этом наивысший процент по большинству факторов, снижающих скорость адаптации, фиксируется в образовательных организациях, где уровень адаптации учеников определен как низкий: «языковой барьер» (95%), «низкая успеваемость» (79%), «низкая мотивация к учебе» (63%), «неумение себя вести» (47%), «агрессия» (26%), «замкнутость» (21%). Общей первостепенной задачей для образовательных организаций является повышение уровня владения русским (государственным) языком у детей иностранных граждан и детей с миграционной историей. Социализация на государственном языке связана с процессом равноправной включенности в школьное образование (*Хамраева* 2013; *Погребицкая* 2015; *Куприна* 2017).

Факторы внутренней среды образовательной организации, способствующие адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей

Основные факторы внутренней среды образовательной организации, способствующие повышению уровня адаптированности детей иностранных граждан и детей с миграционной историей в образовательных организациях субъектов РФ, разделены на несколько категорий.

В ходе проведенного исследования было выяснено, существует ли возможность углубленного изучения русского языка для детей-инофонов в образовательной организации. В основном изучение русского языка для детей-инофонов (как иностранного) доступно в рамках внеурочной деятельности (47%), в рамках дополнительно образования (21%), в рамках урочной деятельности (17%). Нет возможности углубленного изучения русского языка в 13% школ, которые представляли респонденты, еще 8% респондентов затруднились с ответом. Отдельно мы исследовали взаимосвязь уровня адаптированности детей с миграционной историей (по оценкам самих респондентов) и наличия возможности углубленного изучения русского языка в конкретной образовательной организации.

Так, в школах с высоким и средним уровнями адаптированности детей с миграционной историей (оценку уровня давали сами респонденты) наибольший процент занятий по изучению русского языка происходит в рамках внеурочной деятельности (70% и 66% соответственно). В школах с высоким уровнем адаптированности учеников из семей мигрантов также предлагаются занятия русским языком и в системе дополнительного образования (55%), и в рамках урочной деятельности (35%).

В школах, где уровень адаптации детей с миграционной историей оценивается как средний, на занятия в рамках дополнительного образования приходится 29% ответов, в рамках урочной деятельности — 22% ответов: как мы видим, возможностей дополнительного изучения русского языка у детей из семей мигрантов здесь значительно меньше. В школах с низким уровнем адаптированности учеников-мигрантов на каждый из вариантов углубленного изучения русского языка (на уроках, во внеурочной деятельности и через дополнительное образование) приходится всего по 16% ответов. Полностью отсутствует возможность углубленного изучения русского языка лишь в 5% школах с высоким уровнем адаптированности, в 13% образовательных организаций со среднем уровнем адаптированности и 47% образовательных организаций с низким

уровнем адаптированности учеников-мигрантов. Таким образом, мы фиксируем однозначную взаимосвязь в оценках респондентов между уровнем адаптированности детей с миграционной историей и доступом к различным программам углубленного изучения русского языка. Заметим, что исследователи фиксируют корреляцию между незнанием языка и значимостью этнических границ (*Деминцева* 2019: 109).

Для многих учеников в этих школах этническая граница перестает быть значимой, если их одноклассники поддерживают те же культурные и социальные нормы, в которых они живут сами. Этничность становится важна в том случае, если ребенок не говорит на русском языке или не разделяет интересы своих одноклассников.

Еще одним фактором, положительно влияющим на уровень адаптации детей с миграционной историей, является наличие квалифицированного, специально обученного педагогического персонала. Ряд исследователей фиксирует, что деятельность школьных психологов в отношении детей с миграционной историей в целом «проходит локально, бессистемно и в целом не приносит масштабных социально-психологических результатов» (*Хухлаев* и др. 2013).

На вопрос о наличии в образовательной организации психолога, прошедшего специальную подготовку для работы в поликультурной школе и/или с детьми с миграционной историей, 46% респондентов ответило положительно, 20% — отрицательно и 34% затруднились с ответом. В школах, уровень адаптированности учеников которых респонденты оценивают как высокий или средний, наличие специального психолога отмечают чаще (70% и 47% соответственно), чем в образовательных организациях с низким уровнем адаптированности обучающихся, где этот показатель составляет всего 20%.

Помимо наличия в школе психологов со специальной подготовкой, среди вопросов анкеты был и тот, что касается системы наставничества (тьюторинга) для работы с детьми с миграционной историей. Отметили наличие подобной системы в своей образовательной организации 40% респондентов, 30% указали на отсутствие системы наставничества и 30% затруднилось с ответом (что фактически можно приравнять к отрицательному ответу). Практически отсутствует система наставничества в образовательных организациях с низким уровнем адаптированности детей из семей мигрантов (всего 16% указали на наличие данной системы). Таким образом, фиксируется взаимосвязь наставничества / тьюторинга и высокого уровня адаптированности детей из семей мигрантов, в оценках самих респондентов.

Наличие специально обученного персонала помогает снизить нагрузку на преподавателей-предметников и административно-управленческий аппарат в их деятельности по адаптации детей иностранных граждан и детей с миграционной историей. Тем не менее, однозначно рекомендуется всем педагогам, работающим в поликультурных детских коллективах, в особенности классным руководителям, получение дополнительной профессиональной квалификации, связанной со спецификой работы в поликультурных классах, с детьми иностранных граждан и детьми с миграционной историей.

Социально-культурная адаптация обучающихся из семей мигрантов: роль системы дополнительного образования и участия в детских общественных объединениях

Для эффективной социально-культурной адаптации обучающихся из числа несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей в образовательной организации важно организовать их взаимодействие с однокласс-

никами не только во время учебной, но также и в рамках внеучебной деятельности (*Афонькина* и др. 2014: 96) — для повышения социального статуса через спортивные достижения, успехи в творческих предметах, через внеклассную работу. Рассмотрим, какие секции и кружки доступны для посещения детьми с миграционной историей в образовательных организациях.

Чаще всего несовершеннолетние иностранные граждане и другие категории детей с миграционной историей участвуют в деятельности отрядов Юнармии и спортивных секциях (по 80%). На втором месте по доступности — занятия в школьном музее (61%). Занимаются в музыкальных и танцевальных коллективах 54% детей с миграционной историей, по оценкам респондентов. Кружки с углубленным изучением предметов посещают 53%, театральные студии — 48%, изостудии — 30%, хор — 30%. Возможность участия в работе школьных СМИ как опцию для детей с миграционной историей выбрали 29% респондентов, клубы патриотического воспитания — 22%, читательский клуб — 18%, также по 5% ответов приходится на видеостудию и кулинарную школу. Менее одного процента было выделено на другие виды секций и дополнительных занятий, такие как:

1. Дополнительные общеобразовательные общеразвивающие программы социально-гуманитарной направленности стартового и базового уровней «Русский язык как иностранный для детей школьного возраста, не владеющих или слабо владеющих русским языком», «Социокультурная адаптация детей мигрантов школьного возраста, не владеющих или слабо владеющих русским языком»;
2. Курсы внеурочной деятельности;
3. Методика игровых конструкторов Cuboro, подготовка к школе;
4. «Орлята России» (для начальной школы), Движение Первых;
5. Медиацентр.

Наиболее доступны секции, которые в большей степени связаны с физической нагрузкой (отряды Юнармии, спортивные секции, танцевальные коллективы и т. д.): языковой барьер при их посещении чувствуется детьми с миграционной историей в меньшей степени, нежели в других случаях, а сами секции позволяют им проявить таланты и способности, показать себя, что однозначно положительно влияет на социализацию в школьном коллективе. Но такие формы объединений дополнительного образования, как занятия в музее, кружки с углубленным изучением предметов, театральная студия, хор и т. д. также достаточно популярны и помогают детям с миграционной историей быстрее адаптироваться в социокультурной среде. Интересно, что, по мнению респондентов, социально-культурной адаптации обучающихся с миграционной историей также помогает участие в обсуждениях на неформальных веб-страницах школы / класса и в соцсетях: этот фактор как доступный выбрала почти треть респондентов (29%).

Таким образом, можно констатировать достаточно высокий уровень доступности системы дополнительного образования (в рамках школы) для несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей. Этот фактор однозначно положительно влияет на их социально-культурную адаптацию. Поэтому все школы, сталкивающиеся с необходимостью обучения и социализации детей с миграционной историей, должны в полной мере использовать ресурс системы дополнительного образования, с особым вниманием к кружкам, направленным на повышение физической активности (поскольку они практически не требуют от ребят высокого уровня владения

русским языком, и в то же время помогают проявить себя, что способствует психологической и социальной адаптации).

Нас также интересовал вопрос проведения отдельных мероприятий воспитательно-просветительской направленности, в которых могли бы принимать участие дети с миграционной историей. По оценкам педагогов, среди таких воспитательных мероприятий спортивные состязания составляют 72%; творческие (танцевальные, музыкальные, художественные) конкурсы — 64%; на фестивали (дни, декады) национальных культур, национальной кухни приходится 59%; на военно-патриотические игры — 52%. Краеведческие и историко-культурные конкурсы, олимпиады проводятся в 46% образовательных организаций (судя по ответам респондентов), тренинги (психологические, профориентационные и др.) — в 30% образовательных организаций, тематические вечера, посвященные знаменитым людям разных национальностей — в 27% образовательных организаций. И только в 7% школ вообще не проводятся мероприятия воспитательно-просветительской направленности, в которых бы участвовали несовершеннолетние иностранные граждане и другие категории детей с миграционной историей.

Вновь отмечается высокая степень доступности мероприятий, связанных, прежде всего, с двигательной и творческой активностью, не требующей хорошего уровня владения русским языком (спортивные состязания, творческие конкурсы, военно-патриотические игры). При этом не менее значимая роль отводится организации мероприятий с этнокультурным компонентом (фестивали, олимпиады, тематические вечера), участие в которых позволяет детям с миграционной историей не только сохранить свою этнокультурную идентичность, но и воспринять многообразие и многонациональность нашей страны как своего нового места жительства.

В связи с этим, школам, недавно столкнувшимся с проблемой обучения и социализации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей, стоит учитывать важность наличия в школе разносторонних видов деятельности и секций, доступных для участия детям иностранных граждан и детям с миграционной историей. Это однозначно может помочь ускорить процессы социокультурной адаптации и позволит расширить круг вовлеченных в социокультурное взаимодействие.

Возможность неформального общения детей с миграционной историей с другими обучающимися как позитивный фактор социализации

Помимо специально спланированных и организованных мероприятий, а также секций им кружков, на социализацию сильное влияние оказывает повседневное общение с местными — русскоязычными сверстниками: между уроками и после них. Рассмотрим, имеется ли в образовательных организациях инфраструктура для такого общения и совместного неформального времяпровождения.

В рамках исследования респондентам был задан вопрос о наличии в образовательных организациях мест для неформального общения детей вне уроков. Наиболее доступными для внеурочного общения являются зоны рекреации; там также есть возможность посидеть, почитать, сделать уроки — 74%. Наличие игровых зон для неформального взаимодействия обучающихся отметили 42% респондентов. Оборудованные компьютерные классы и медиастудии, где проводятся внеурочные мероприятия и можно остаться для общения, присутствуют в 39% случаев. Подростковые клубы есть

лишь в каждой десятой школе. Всего лишь в 1% образовательных организаций, представители которых принимали участие в опросе, есть Центр детских инициатив, где также можно неформально пообщаться.

Инфраструктура для свободного, неформального общения детей с миграционной историей со своими русскоязычными сверстниками пока развита недостаточно, что отрицательно может повлиять на скорость социализации новых жителей России. Очевидно, что такая ситуация может быть связана с нехваткой помещений внутри школы, наличием второй смены (при ее наличии учеников первой смены как можно быстрее просят покинуть школу), но также и с недостаточным учетом администрацией образовательной организации возможности свободного взаимодействия детей для лучшей социализации.

Внутреннее оформление образовательной организации как фактор адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий обучающихся с миграционной историей

Любой ребенок, оказываясь в новой, непривычной для него обстановке, чувствует себя несколько потерянным, дезориентированным. А если эта новая обстановка еще и наполнена иноязычной речью, пестрит надписями на незнакомом языке, это еще более усугубляет ситуацию. Новым ученикам с миграционной историей нужно помочь как можно быстрее научиться ориентироваться в новом для него здании, это уже первый шаг к успешной социальной адаптации. Как же обстоит с этим дело в изученных нами образовательных организациях, чьи представители принимали участие в опросе?

Для изучения темы самостоятельной ориентации детей с миграционной историей в стенах школы, респондентам был задан вопрос о наличии в образовательной организации крупных надписей на кабинетах на русском языке, навигации (стрелки, указатели, в том числе на полу, на лестницах). Оснащены специальными указателями на русском языке и символами навигации 59% школ, еще в 15% указатели на русском языке присутствуют только на отдельных кабинетах (на остальных есть только номера). А 26% ответов респондентов указывают на отсутствие какой-либо помощи для самостоятельной навигации обучающихся с миграционной историей в стенах образовательной организации, что также может способствовать замедлению социальной адаптации и более медленному приспособлению детей к урочным и внеурочным занятиям в новом месте учебы.

Способствовать повышению скорости социальной и культурной адаптации детей иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей к поликультурной российской среде может также оформление школьных интерьеров элементами, рассказывающими о полиэтничности и многоязычии коллектива учащихся и педагогов (элементы орнамента или иного этнического оформления на стенах, тематические выставки, надписи на разных языках и т. п.). В ходе исследования респондентам был задан вопрос о наличии подобного оформления в их школе. В 31% случаях данные элементы в образовательных организациях присутствуют, в 19% присутствуют, но очень мало. В половине школ, принявших участие в опросе, этнокультурные элементы оформления среды полностью отсутствуют.

В настоящее время школы недостаточно используют ресурс оформления внутреннего пространства для содействия адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей. Однако, для самостоятельной адаптации и восприятия поликультурной составляющей образовательной организации

не везде присутствуют указатели на русском языке, элементы навигации, также редко встречаются элементы, способствующие восприятию полиэтничности и многоязычия коллектива учащихся и педагогов.

Взаимодействие с семьями с миграционной историей как фактор социально-культурной адаптации обучающихся

Одним из основных институтов адаптации и социализации выступает семья, именно поэтому в данном исследовании был рассмотрен вопрос взаимодействия образовательной организации и местных (русскоговорящих) родителей, с одной стороны, с родителями и семьями с миграционной историей, с другой стороны.

С точки зрения ряда исследователей, психологическое просвещение и дополнительное консультирование родителей входит в систему факторов, благоприятно сказывающимися на вхождении детей с миграционной историей в новую социальную среду, наряду с такими факторами, как доброжелательное отношение; толерантность к национальным различиям; малая психологическая дистанция между учителем и учениками; малая наполняемость класса; взаимопомощь учеников; празднование национальных праздников; повышение общей культуры; возможность детей из семей мигрантов иметь контакт со своим прошлым; знание собственных культурных истоков, поддержание связи с ним; возможность изучения в школе нескольких языков на выбор учащихся, в том числе родного языка (*Обухова, Евстратова* 2007; *Аббасова* 2010).

В большинстве школ, принявших участие в исследовании, налажена специальная работа с родителями / семьями с миграционной историей. Она может проходить в формате регулярных встреч, заседаний родительских клубов, совместных чаепитий и т. д.). Эти варианты взаимодействия с родителями с миграционной историей выбрали 69% респондентов. В 10% случаев такая работа совсем не ведется, 21% респондентов затруднились с ответом, что в данном случае можно практически приравнять к отрицательному ответу.

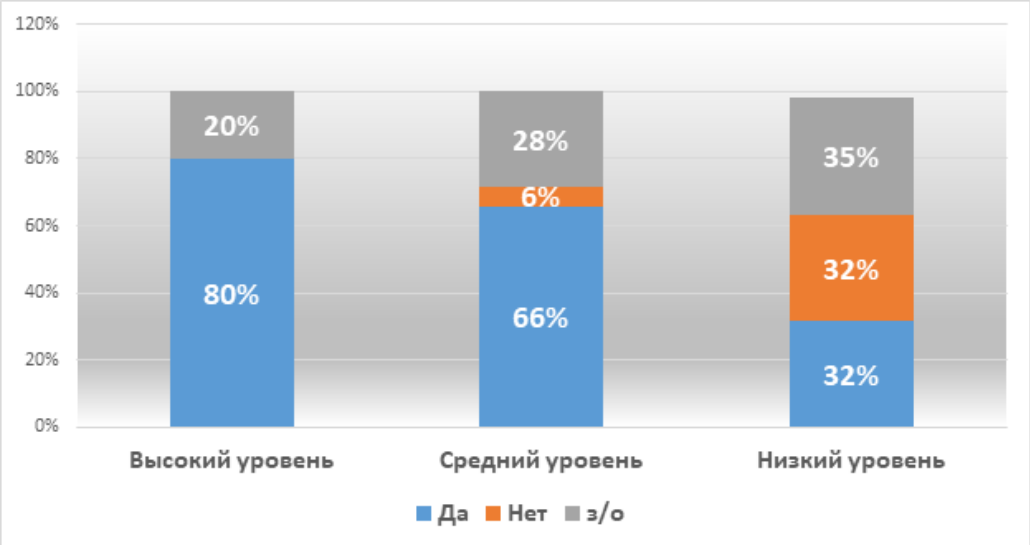

Рис. 3. Взаимосвязь наличия специальной работы с родителями / семьями с миграционной историей (встречи, родительские клубы, чаепития и т. д.) и уровня адаптированности детей с миграционной историей, обучающихся в конкретной образовательной организации, %

Как следует из диаграммы на *Рис. 3*, в 80% школ, обучающихся в которых респонденты оценивают как имеющих достаточно высокий уровень адаптированности, работа с родителями с миграционной историей налажена и ведется. В образовательных организациях, где обучающиеся, по мнению респондентов, имеют средний уровень адаптированности, специальная работа с родителями проводится в 66% случаев, и только в 6% случаев точно не проводится. В образовательных организациях, где ученики обладают низким уровнем адаптированности (по мнению респондентов), специальная работа с родителями проводится только в 32% случаев и точно не проводится тоже в 32% случаев. Таким образом, планирование и налаживание администрацией и педагогами образовательной организации специальной работы с родителями / семьями с миграционной историей однозначно положительно влияет на адаптацию обучающихся с миграционной историей.

Исследователи подчеркивают, что в процессе адаптации важны как «классические» возможности работы с родителями, например клубы родительской общественности, конференции для родителей («когда в рамках родительских собраний создается несколько групп родителей по интересам»), так и активизация участия родителей с миграционной историей в родительских комитетах классов, стимулирование вхождения в школьный родительский комитет, выступления родителей из числа мигрантов на родительских собраниях (*Хухлаев* и др. 2014).

Нас интересовало и то, проводится ли в образовательных организациях, представители которых участвовали в исследовании, какая-то работа с местными родителями, направленная на создание благоприятной атмосферы и предупреждение конфликтов, и как это связано с уровнем адаптированности детей с миграционной историей, обучающихся в этой образовательной организации. В образовательных организациях с высоким уровнем адаптированности детей с миграционной историей работа с местными родителями, направленная на создание благоприятной атмосферы и предупреждение конфликтов в поликультурной среде, также держится на уровне 80% ответов, хотя в 10% образовательных организаций, по мнению респондентов, точно не проводится. В образовательных организациях со среднем уровнем адаптированности детей из семей с миграционной историей работа с местными родителями налажена в большей степени, чем работа с родителями и семьями с миграционной историей: этот показатель составляет 71%, а точно такая работа не проводится в 5% образовательных организаций. В образовательных организациях с низким уровнем адаптированности обучающихся с миграционной историей работа с местными родителями налажена в 53% случаев, совсем не проводится в 26% случаев.

Взаимоотношения между родителями обучающихся с миграционной историей и «местными» родителями

В большинстве случаев респонденты оценили взаимодействие между этими категориями родителей как конструктивное (54%) и нейтральное (29%). Тем не менее, педагоги отмечают, что конфликты происходят, и их может быть достаточно много, но школа умеет их разрешать (11% ответов). Только в 1% ответов ситуация в образовательной организации характеризуется как остроконфликтная. В некоторых школах взаимодействие между двумя названными категориями родителей отсутствует (5%).

Конструктивные взаимоотношения между родителями соотносятся с 60% ответов, связанных с наличием в школе просветительской работы с родителями с миграционной

историей. В 64% случаев просветительская работа с родителями с миграционной историей позитивно коррелирует с нейтральным отношением между местными родителями и родителями с миграционной историей. Остроконфликтная ситуация соотносится с 9% случаев, когда работа с родителями с миграционной историей вообще не проводится.

Если же работа с местными родителями не проводится, в 27% случаев выявлены нейтральные взаимоотношения между местными родителями и родителями с миграционной историей, в 45% — полное отсутствие взаимодействия, в 9% отношения характеризуются как остроконфликтные.

Среди форм взаимодействия местных родителей и родителей с миграционной историей как наиболее эффективные респондентами были выделены следующие: родительские собрания — 75%, праздничные концерты — 62%, фестивали национальных культур — 53%, беседы с представителями власти, медиками, полицией — 42%, военно-патриотические игры и спортивные состязания — 32%, беседы в службе медиации — 18%.

Отсутствие просветительской работы с обеими категориями родителей может быть в большей степени связано с отсутствием налаженного взаимодействия этих категорий родителей между собой или же, в крайнем случае, с нейтральными взаимоотношениями, сложившимися между ними. Остроконфликтная ситуация однозначно коррелирует с отсутствием какой бы то ни было специально спланированной и организованной работы с родителями на базе образовательной организации.

Всем школам, только начинающим свою деятельность в сфере обучения и адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей, рекомендуется уделить особое внимание планированию и организации работы с родителями — как местными, так и обучающихся с миграционной историей. Наиболее эффективной формой взаимодействия являются родительские собрания, праздничные концерты, фестивали национальных культур, родительские клубы.

Роль диаспор и национально-культурных объединений в адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей к российской образовательной среде

Современные исследователи отмечают, что диаспора как символ страны происхождения, обладающая определенной притягивающей, консолидирующей силой, влияет на характеристики и направления интеграции мигрантов (*Волков, Хархордин* 2008; *Омельченко* 2022: 79). Поэтому важно рассмотреть мнения респондентов относительно роли диаспор и национально-культурных объединений в адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей к российской образовательной среде. Педагогов спрашивали о взаимодействии образовательных организаций с землячествами, диаспорами, национально-культурными объединениями, религиозными организациями региона проживания для решения задач адаптации обучающихся с миграционной историей.

Эффективное взаимодействие с этой категорией организаций отмечено только каждым пятым респондентом. Обозначили наличие взаимодействия 16% респондентов, но при этом признали его неэффективным. В 16% было отмечено отсутствие взаимодействия. И около половины (48%) респондентов затруднились с ответом, что, по нашему мнению, практически равносильно отсутствию взаимодействия (вряд ли завучи, отвечающие за адаптацию обучающихся, не знакомы со сложившимися практиками). Лишь

треть респондентов отметила наличие взаимодействия образовательной организации с землячествами, диаспорами, НКА, религиозными организациями; из них практически половина указала на неэффективность взаимодействия; как социальных партнеров, критически важных для выживания системы образования в целом (*Малиновская, Люрья* 2016: 106), их не рассматривают.

Можно с уверенностью констатировать, что ресурс общественных организаций, представляющих, в том числе, интересы мигрантов, задействован в очень ограниченном объеме, и образовательным организациям стоит уделять такому взаимодействию гораздо больше внимания. Например, через привлечение представителей диаспор и национально-культурных объединений для разрешения конфликтных ситуаций (например, связанных с внешним видом обучающихся), их участия в подготовке разного рода праздников и фестивалей, общая работа по патриотическому воспитанию молодежи и т. п.

Роль внешней среды образовательной организации в адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей

Для получения полноценных данных о среде, в которой происходит социально-культурная адаптация детей иностранных граждан и других категорий обучающихся с миграционной историей, мы исследовали, через ответы респондентов, внешнюю среду образовательных организаций, в частности, доступность объектов, способствующих социокультурной адаптации, на территории проживания детей иностранных граждан и детей с миграционной историей (*Рис. 4*).

Среди наиболее распространенных объектов внешней среды образовательной организации, расположенных в радиусе одного километра от образовательной организации, респондентами были названы: детская игровая площадка (74%), школа искусств (55%), дом культуры (54%), парк (44%), музей (42%), торговый центр (38%), детско-юношеская спортивная школа (37%), церковь (35%), рынок (29%), кинотеатр (27%), дом творчества юных (26%). Менее 20% ответов пришлось на такие разнородные объекты, как театр, мечеть, площадка для скейтеров / роллеров, промзона, железнодорожный вокзал или автовокзал, заброшенные постройки, свалки.

Большинство школ, принимавших участие в исследовании, соседствуют с объектами культуры, спорта, торговли городской инфраструктуры, потенциал которых также можно задействовать для решения задач социально-культурной адаптации обучающихся с миграционной историей. В большей степени это касается домов культуры, детских спортивных школ, разного рода кружков, музеев, театров и кинотеатров, а также религиозных организаций. Объекты городской инфраструктуры — такие, как вокзал, торговый центр, парк, игровые площадки могут также стать «помощниками» в изучении новыми учениками школы «городской» лексики, в обучении ориентации на местности (то есть социальной адаптации) и т. д. Важно, чтобы образовательные организации, планируя работу по социально-культурной адаптации обучающихся с миграционной историей, учитывали эти возможности и использовали возможности объектов внешней среды для повышения эффективности адаптации и интеграции несовершеннолетних иностранных граждан.

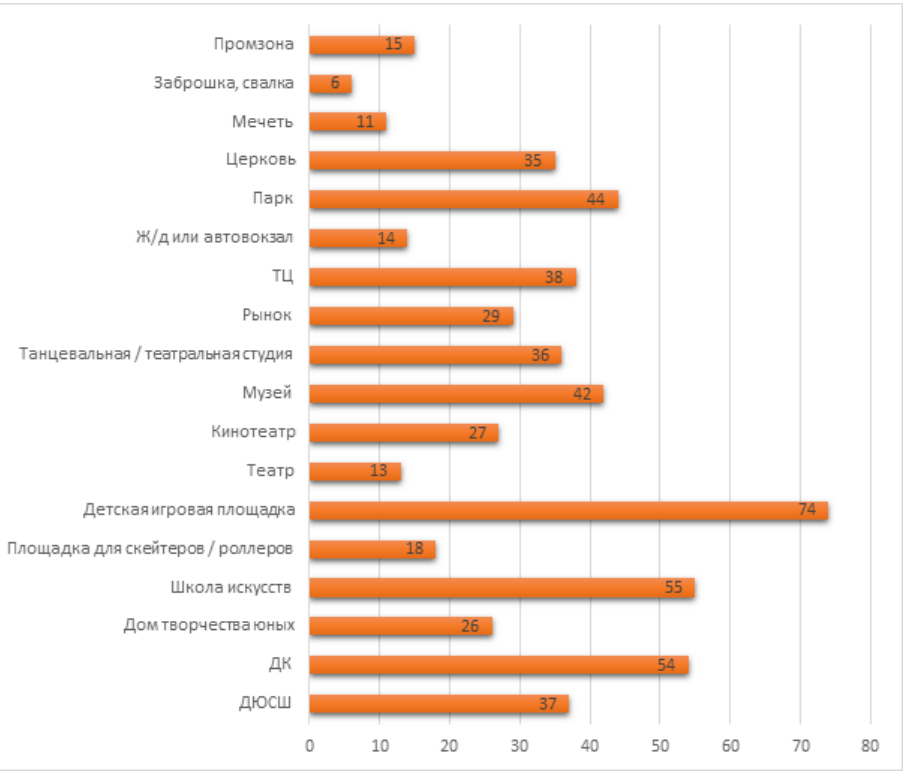

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Представьте круг радиусом примерно в 1 км, центр которого – ваша образовательная организация. Что из нижеперечисленного попадает в этот круг?», % (множественный выбор ответов). Разработано авторами в 2024 г.

Заключение

Подводя итоги исследования, можно выделить следующие основные особенности влияния социокультурной среды на адаптацию и интеграцию детей иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей в российскую образовательную среду.

Большинство опрошенных представителей образовательных организаций (69%) признают уровень адаптированности детей с миграционной историей в своей школе как средний, осознают необходимость дальнейшей работы по интеграции новых учеников в российскую образовательную среду. Самая распространенная проблема — наличие языкового барьера (89%), последствием наличия которого являются сложности с успеваемостью по большинству предметов, низкая мотивация к учебе, неумение себя вести в соответствии с принятыми в образовательной организации нормами и традициями.

Задачу языковой адаптации школы решают с помощью введения занятий по изучению русского языка как иностранного в рамках внеурочной деятельности (41%), дополнительного образования (21%) или в рамках урочной деятельности (17%). Работа с детьми иностранных граждан и детьми с миграционной историей для повышения уровня владения русским языком значительно увеличивает шанс высокого уровня адаптированности новых обучающихся.

Среди факторов внутренней среды образовательной организации, положительно влияющих на процесс адаптации, по мнению респондентов, важным является нали-

чие специально подготовленного персонала (психолога, системы наставничества / тьюторинга). Наличие данного персонала на данный момент фиксируется не более чем в половине исследованных образовательных организаций (46% респондентов отметили наличие в контингенте специализированных психологов и 40% — применяемые практики наставничества / тьюторинга).

На базе образовательных организаций работают доступные к посещению детьми с миграционной историей секции и кружки, проводятся специальные мероприятия, в которых можно принять участие. Эти факторы однозначно способствуют социальной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей. Наиболее популярными (от 60% до 80%) являются секции и мероприятия, связанные с физической активностью, для участия в которых не так важно знание русского языка (спортивные секции, танцевальные кружки, отряды Юнармии, участие в спортивных соревнованиях, военно-патриотических играх и т. д.). Тем не менее, немалая роль (от 40% до 65% ответов респондентов) отводится кружкам и мероприятиям с этнокультурным компонентом (посещение школьного музея, кружки с углубленным изучением предметов, проведение фестивалей национальных культур, краеведческие и историко-культурные конкурсы, олимпиады и т. д.). При планировании деятельности по интеграции обучающихся с миграционной историей в российскую образовательную среду важно обеспечить доступность в образовательной организации разносторонних видов деятельности и секций, доступных для участия детям иностранных граждан и детей с миграционной историей.

Во всех образовательных организациях, представители которых принимали участие в исследовании, есть пространства для неформального взаимодействия обучающихся. Из них 74% приходится на зоны рекреации с возможностью посидеть, почитать, сделать уроки, поболтать с одноклассниками. Этот ресурс вполне задействован образовательными организациями для содействия социальной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан.

При этом дизайн и оформление внутреннего пространства образовательных организаций практически не рассматривается администрацией как значимый фактор для содействия адаптации и интеграции новых учеников. В 26% образовательных организаций, чьи представители участвовали в опросе, полностью отсутствуют крупные надписи на кабинетах на русском языке (кроме номеров), навигация (стрелки, указатели, в том числе на полу, на лестницах) для помощи в самостоятельной ориентации и социальной адаптации детей с миграционной историей в здании. В половине школ в оформлении здания отсутствуют какие-либо элементы, рассказывающие о поликультурности и многоязычии коллектива учащихся и педагогов (элементы орнамента или иного этнического оформления на стенах, тематические выставки, надписи на разных языках и т. п.). Рекомендуем образовательным организациям в большей степени использовать ресурс оформления внутреннего пространства и предметно-эстетической среды школы для содействия адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и других категорий детей с миграционной историей.

По вопросам взаимодействия образовательной организации с семьями детей с миграционной историей можно сделать вывод, что в большинстве случаев школы организуют специальную работу как с родителями миграционной историей, так и с местными (русскоговорящими) родителями (около 70% ответов по обеим категориям родителей). Чаще всего данная работа приводит к поддержанию между родителями вполне кон-

структивных взаимоотношений. В то же время отсутствие просветительской работы с обеими категориями родителей может быть в большей степени связано с отсутствием налаженного взаимодействия этих категорий родителей между собой или же, в крайнем случае, с нейтральными взаимоотношениями, сложившимися между ними.

Остроконфликтная ситуация однозначно коррелирует с отсутствием какой бы то ни было специально спланированной и организованной работы с родителями на базе образовательной организации. Образовательным организациям, начинающим свою деятельность в сфере обучения и адаптации детей с миграционной историей, рекомендуется уделить особое внимание планированию и организации работы с родителями — как местными, так и обучающихся с миграционной историей.

Взаимодействие образовательных организаций с местными диаспорами, национально-культурными и религиозными объединениями сведено к минимуму: о наличии взаимодействия сообщили 36% респондентов, но чуть меньше половины при этом определили его как неэффективное. Таким образом, ресурс общественных организаций, представляющих, в том числе, интересы мигрантов, задействованы в очень ограниченном объеме, и образовательным организациям стоит уделять такому взаимодействию гораздо больше внимания. Например, через привлечение представителей диаспор и национально-культурных объединений для разрешения конфликтных ситуаций (например, связанных с внешним видом обучающихся), их участия в подготовке разного рода праздников и фестивалей, общая работа по патриотическому воспитанию молодежи и т. п.

При изучении внешней среды образовательных организаций, в целом, можно отметить наличие достаточно большого числа объектов, которые могут способствовать повышению эффективности социокультурной адаптации детей иностранных граждан и детей с миграционной историей. Это и детские игровые площадки (74% ответов), и школы искусств (55%), и дома культуры (54%), и парки (44%), и музеи (42%), и торговые центры (38%), и детско-юношеская спортивная школа (37%). Важно, чтобы школы, планируя работу по социально-культурной адаптации обучающихся с миграционной историей, учитывали эти возможности и использовали возможности объектов внешней среды для повышения эффективности адаптации и интеграции несовершеннолетних иностранных граждан.

Результаты исследования свидетельствуют, что роль социокультурной среды в адаптации и интеграции несовершеннолетних иностранных граждан достаточно существенна, и далеко не весь потенциал ее пока задействован образовательными организациями при планировании и выстраивании работы на данном направлении.

Источники и материалы

АНО Центр 2024 — АНО Центр содействия межнациональному образованию «ЭТНОСФЕРА». https://www.etnosfera.ru/ (дата обращения: 20.10.2024).

Габдуллина 2024 — *Габдуллина Э.* Язык наш — друг их // Коммерсант. 05.06.2024. https://www.kommersant.ru/doc/6746185 (дата обращения: 20.10.2024).

Интеграция 2024 — Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов средствами образования: методическая и консультативная поддержка школ и детских садов в регионах России // ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». www.mpgu.su/integration (дата обращения: 20.10.2024).

Концепция 2018 — Концепция государственной миграционной политики на 2019–2025 годы. Утв. Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 с изменениями и дополнениями от 12 мая 2023 г. // Гарант.РУ: информационный портал. https://base.garant.ru/72092260/ (дата обращения: 20.10.2024).

Научная литература

Аббасова А. А. Особенности обучения детей мигрантов в условиях поликультурной среды // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 4. С. 5–8.

Афонькина Ю. А., Кузьмичева Т. В., Бурцева А. В. Социальная и образовательная адаптация детей из семей мигрантов в условиях развития образования на Кольском Севере: проектирование деятельности образовательной организации: монография. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. 182 с.

Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2008. 297 с.

Деминцева Е. Б. Этнические VS социальные границы: дети мигрантов в школах // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 98–113. https://doi.org/10.31857/S086954150004878-5

Иванова Г. П., Стецевич М. Ю., Ширкова Н. Н. Проблема адаптации детей-мигрантов в образовательном учреждении: результаты теоретического и эмпирического исследования // Социальные отношения. 2018. № 2 (25). С. 106–115.

Куприна Т. В. Обучение детей мигрантов в школах России: проблемы и пути их решения // Многоязычие в образовательном пространстве. 2017. № 9. С. 65–74. http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/17120

Малиновская С. М., Люрья Н. А. Методологические основания и организационно-педагогические условия успешного образования детей мигрантов // Научно-педагогическое обозрение. 2016. № 1 (11). С. 103–111.

Обухова Л. Ф., Евстратова Е. Е. Психологические условия включения детей-мигрантов в новую социокультурную среду // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12. № 5. С. 175–181.

Омельченко Е. А. Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество (историко-этнографическое исследование на материалах системы образования): Дис. … д-ра истор. наук. 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки). М., 2022. 515 с.

Погребицкая Е. М. Адаптация детей-мигрантов в условиях образовательной организации // Пермский педагогический журнал. 2015. № 7. С. 106–112.

Хамраева Е. А. Достижение результатов ФГОС у детей мигрантов: коллективные формы обучения в поликультурной образовательной среде // Вестник РУДН. Сер. Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 4. С. 26–37.

Хухлаев О. Е., Кузнецов И. М., Чибисова М. Ю. Интеграция мигрантов в образовательной среде: социально-психологические аспекты // Психологическая наука и образование. 2013. Т. 18. № 3. С. 5–17.

Хухлаев О. Е., Чибисова М. Ю., Кузнецов И. М. Школа как транслятор культуры принимающего общества: интеграция детей-мигрантов в образовательной среде // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 1. С. 95–103.

References

Abbasova, A. A. 2010. Osobennosti obucheniia detei migrantov v usloviiakh polikul’turnoi sredy [Features of Training of Children of Migrants in the Conditions of the Polycultural Environment]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Voprosy obrazovaniia: yazyki i spetsial’nost’* 4: 5–8.

Afonkina, Yu. A., T. V. Kuzmicheva, and A. V. Burtseva. 2014. *Sotsial’naia i obrazovatel’naia adaptatsiia detei iz semei migrantov v usloviiakh razvitiia obrazovaniia na Kol’skom Severe: proektirovanie deiatel’nosti obrazovatel’noi organizatsii* [Social and Educational Adaptation of Children from Migrant Families in the Conditions of Educational Development in the Kola North: Designing the Activities of an Educational Organization]. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionnyi tsentr. 182 p.

Demintseva, E. B. 2019. Etnicheskie vs sotsial’nye granitsy: deti migrantov v shkolakh [Ethnic vs Social Borders: Children of Migrants in Schools]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 98–113. https://doi.org/10.31857/S086954150004878-5

Ivanova, G. P., M. Yu. Stetsevich, and N. N. Shirkova. 2018. Problema adaptatsii detei-migrantov v obrazovatel'nom uchrezhdenii: rezul'taty teoreticheskogo i empiricheskogo issledovaniia [The Problem of Adaptation of Migrant Children in an Educational Institution: The Results of Theoretical and Empirical Research]. *Sotsial'nye otnosheniia* 2(25): 106–115.

Khamraeva, E. A. 2013. Dostizhenie rezul'tatov FGOS u detei migrantov: kollektivnye formy obucheniia v polikul'turnoi obrazovatel'noi srede [The FSES (Federal State Educational Standart) Result Achievement of the Migrant Children: Collective Forms of Education in the Multicultural Educational Sphere]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Voprosy obrazovaniia: yazyki i spetsial'nost'* 4: 26–37.

Khukhlaev, O. E., I. M. Kuznetsov, and M. Yu. Chibisova. 2013. Integratsiia migrantov v obrazovatel'noi srede: sotsial'no-psikhologicheskie aspekty [Integration of Migrants in the Educational Environment: Socio-Psychological Aspects]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie* 18(3): 5–17.

Khukhlaev, O. E., M. Yu. Chibisova, and I. M. Kuznetsov. 2014. Shkola kak transliator kul'tury prinimaiushchego obshchestva: integratsiia detei-migrantov v obrazovatel'noi srede [School as a Translator of the Culture of the Host Society: Integration of Migrant Children in the Educational Environment]. *Kul'turno-istoricheskaia psikhologiia* 10(1): 95–103.

Kuprina, T. V. 2017. Obuchenie detei migrantov v shkolakh Rossii: problemy i puti ikh resheniia [Education of Migrant Children in Russian Schools: Problems and Ways to Solve Them]. *Mnogoiazychie v obrazovatel'nom prostranstve* 9: 65–74. http://elibrary.udsu.ru/xmlui/handle/123456789/17120

Malinovskaia, S. M., and N. A. Liuria. 2016. Metodologicheskie osnovaniia i organizatsionno-pedagogicheskie usloviia uspeshnogo obrazovaniia detei migrantov [Methodological Grounds, Organizational and Pedagogical Conditions of the Efficient Education of Migrants' Children]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie* 1(11): 103–111.

Obukhova, L. F., and E. E. Evstratova. 2007. Psikhologicheskie usloviia vkliucheniia detei-migrantov v novuiu sotsiokul'turnuiu sredu [Psychological Conditions of Inclusion of Migrant Children in a New Sociocultural Environment]. *Psikhologicheskaia nauka i obrazovanie* 12(5): 175–181.

Omelchenko, E. A. 2022. *Integratsiia detei iz semei inoetnichnykh migrantov v rossiiskoe obshchestvo (istoriko-etnograficheskoe issledovanie na materialakh sistemy obrazovaniia)* [Integration of Children from Families of Non-Ethnic Migrants into Russian Society (Historical and Ethnographic Research on the Materials of the Education System)]. Doctoral diss., Moscow Pedagogical State University. 515 p.

Pogrebitskaia, E. M. 2015. Adaptatsiia detei-migrantov v usloviiakh obrazovatel'noi organizatsii [Adaptation of Migrant Children in the Conditions of an Educational Organization]. *Permskii pedagogicheskii zhurnal* 7: 106–112.

Volkov, V. V., and O. V. Kharkhordin 2008. *Teoriia praktik* [Theory of Practice]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. 297 p.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/86-96
Научная статья

© М. А. Кривенькая

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В АДАПТАЦИИ УЧЕНИКОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ОПЫТ ЧЕЛЯБИНСКОЙ И ТОМСКОЙ ОБЛАСТЕЙ

Успех процесса интеграции детей с миграционной историей в образовательных организациях зависит от того, насколько системно выстраивается работа по их языковой, психологической и социокультурной адаптации. Использование ресурсов социокультурной среды и привлечение социальных партнеров играют в процессе выстраивания этой работы важную роль. Однако при том, что образовательные организации в разных регионах России испытывают примерно одинаковые проблемы, связанные с возрастающим в последние годы притоком мигрантов, и алгоритм работы внутри школ примерно одинаков, механизмы выстраивания взаимодействия с внешними партнерами в социокультурной среде каждого региона и города разные. В данной статье рассматривается опыт сетевого взаимодействия образовательных организаций и партнеров в Челябинской и Томской областях, который может быть представлен как интеграционная модель с региональным компонентом. Он демонстрирует не только активное использование, но и формирование среды: в работу вовлекаются самые разные социальные группы, среди которых социализация и интеграция детей с миграционной историей происходит довольно успешно. В целом, актуализируется понимание социокультурной среды как комплекса условий, от которых зависит существование и развитие личности и социума.

Ключевые слова: *миграция, интеграция, дети с миграционной историей, социокультурная среда, социокультурная адаптация, МПГУ, Этносфера*
Ссылка при цитировании: *Кривенькая М. А*. Роль социокультурной среды в адаптации учеников из Центральной Азии: опыт Челябинской и Томской областей // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 86–96.

Кривенькая Марина Александровна — к. филол. н., доцент кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов», директор Центра регионоведения и гуманитарно-образовательного сотрудничества, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119435 Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1). Эл. почта: marina1008@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8338-510X

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 124031100002-4 «Социокультурная среда как ресурс адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей»).

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/86-96
Original Article

© *Marina Krivenkaya*

THE ROLE OF SOCIOCULTURAL ENVIRONMENT IN ADAPTATION OF STUDENTS FROM CENTRAL ASIA: CASE OF CHELYABINSK AND TOMSK REGIONS

The success of integration of children with migration history into educational organizations depends on how systematically the work on their linguistic, psychological and sociocultural adaptation is built. The use of sociocultural environment resources and the involvement of social partners play an important role in this work. While educational organizations in different regions of Russia face similar problems related to the increasing influx of migrants in recent years, and the algorithm of work within schools is approximately the same, the mechanisms for building a network with external partners in the socio-cultural environment of each region or city vary. The article examines the experience of the network of educational organizations and partners in Chelyabinsk and Tomsk regions, which can be considered as an integration model with a regional component. It demonstrates not only active use, but also shaping of the environment with a variety of social groups being involved. Thus, the socialization and integration of children with migration history shows quite a success. In general, the understanding of sociocultural environment as a set of conditions on which the existence and development of the individual and society depend is actualized.

Keywords: *migration, integration, children with migration history, sociocultural environment, sociocultural adaptation, MPGU, Etnosfera*

Author Info: **Krivenkaya, Marina A.** — Ph.D. in Philology, Associate Professor of the UNESCO Chair of International Education and the Integration of Migrants, Director of the Center for Regional Studies, and Humanitarian and Educational Cooperation, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: marina1008@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8338-510X

For citation: Krivenkaya, M. A. 2025. The Role of Sociocultural Environment in Adaptation of Students from Central Asia: Case of Chelyabinsk and Tomsk Regions. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 86–96.

Funding: The research was conducted within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (theme №124031100002-4 **“**The Socio-Cultural Environment as a Resource for the Adaptation of Foreign Minors and Children with a Migration History”.

В практике современной общеобразовательной школы в России в последние десятилетия отмечается ряд общих проблем, которые связаны с увеличением числа учащихся, испытывающих стойкие трудности в обучении и адаптации к школе. Изменение контингента обучающихся, связанное с ростом доли тех, чьим родным языком является не русский язык, а язык страны их происхождения, фиксируется во всех регионах. Успешная языковая и социокультурная адаптации детей из семей мигрантов, а также

детей-граждан России с миграционной историей семьи, напрямую связана с национальной безопасностью — демографической, экономической, культурной.

Некоторые российские регионы или отдельные города испытывают постоянный приток мигрантов, и школы уже относительно адаптировались к этим реалиям, выработав собственную стратегию: коллективы образовательных организаций апробируют решения на практике, разрабатывают собственные методики. Другие регионы в тот или иной момент становятся новым местом притяжения миграционных потоков и сталкиваются с неожиданно быстрым ростом количества прибывших. Подобная ситуация зачастую вынуждает школы к принятию срочных мер по выработке решений, способствующих включению детей-инофонов в образовательный процесс.

У тех, кто сталкивается с этой необходимостью в последние годы, есть возможность использовать опыт своих коллег, наработанный в образовательных организациях, прошедших первоначальный этап «миграционной истории» (*Омельченко* 2018: 284–287). Их вклад в разработку системы мер на федеральном уровне для решения миграционных вопросов также очень важен.

Фактор внимания к проблемам мигрантов со стороны федеральных и региональных властей зачастую демонстрирует разновекторный характер, в зависимости от разных экономических, политических и, как в настоящее время, геополитических изменений в мире, оказывающих влияние на Россию, приграничные страны и регионы. Мировой опыт свидетельствует, что успешная адаптация и интеграция мигрантов зависит прежде всего от работы на низовом уровне, где ключевым игроком становятся органы местного самоуправления (*Ромодановский, Мукомель* 2015: 15). Региональные департаменты управления образованием должны поддерживать, через механизм государственных заказов, целевых субсидий и грантов, те образовательные организации, которые уже работают в сфере адаптации и интеграции мигрантов средствами образования и способны играть роль профильных ресурсных центров для других образовательных организаций.

В данном контексте считаем целесообразным обратиться к опыту образовательных организаций Челябинской и Томской областей, которые в течение многих лет демонстрируют успешные результаты разработки и применения образовательных технологий адаптации обучающихся с миграционной историей, в том числе не владеющих русским языком при поступлении в школу. Данный опыт интересен еще и тем, что, помимо педагогических и методических разработок, демонстрирует умелое и комплексное использование социокультурной среды, в данном случае городской. Активная позиция руководства — от директора конкретной организации до региональных властей, вовлечение в процесс разных общественно-культурных организаций и социальных партнеров приводит к значительному изменению самой среды — к формированию новых условий, в которых происходит социализация личности и интеграция сообществ.

Этнический состав прибывающих в российские регионы детей — самый разный: азербайджанцы, таджики, узбеки, киргизы, корейцы, армяне, цыгане, китайцы и др. Как правило, большинство детей, слабо владеющих или не владеющих русским языком по прибытии, испытывают серьезные проблемы социально-культурной адаптации. Усилия по адаптации и интеграции мигрантов — крайне важная задача для принимающего местного сообщества. По мнению экспертов, важнейшей характеристикой эффективности миграционной политики является взаимодействие мигрантских общин и принимающего населения, которое зависит от стратегии как общества и его различных институтов, так и самих мигрантов. К сожалению, в российском обществе пока недо-

стает понимания того, что для достижения интеграции необходимо взаимное приспособление, включающее в себя принятие обеими группами права всех этнических групп на собственную культурную идентичность (*Лебедева, Татарко* 2009).

Исследователи говорят о низком интеграционном потенциале принимающего российского общества, слабых адаптивных возможностях части мигрантов, специфических социальных практиках взаимодействия мигрантов и принимающего населения, что накладывает определенные социокультурные ограничения на успешную политику в сфере интеграции иммигрантов. При этом следует учитывать тот факт, что в российских городах, основных центрах притяжения миграционных потоков, формируется и стремится к кристаллизации и воспроизводству субкультура мигрантов-прагматиков, рассматривающая принимающую среду преимущественно как экономический ресурс, а не как среду обитания (*Кузнецов, Мукомель* 2005: 5).

В самом широком понимании, социокультурная среда — это сложившееся культурное своеобразие условий, обстановки, оказывающее соответствующее влияние на ее участников (*Мардахаев* 2016). Социокультурная среда трактуется как особый, социально организованный феномен культуры, в котором социальные и культурные процессы тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, развиваются в рамках общей идеи и оказывают влияние на деятельность социальных субъектов по созданию и освоению духовных ценностей и общественных ориентиров (*Козлова* 2019: 120).

С точки зрения социальной педагогики, это — «конкретное, непосредственно данное каждому ребенку социальное пространство, посредством которого он активно включается в культурные связи общества. Это совокупность различных (макро- и микро-) условий его жизнедеятельности и социального поведения» (*Бурмистрова* и др. 2016). Обычно это включает и коммуникативный ареал обучающегося, в том числе самые разные контакты и взаимодействия с другими людьми, а подчас и предметное окружение, которое несет культурное сообщение, транслирует культурные коды.

Возникающая социальная напряженность как в детской среде, так и в общественной жизни вне школы в целом обращает наше внимание на целесообразность использования всех доступных ресурсов социокультурной среды, в том числе способствующих вовлечению в процесс адаптации родителей, членов семей мигрантов, включенности районов компактного проживания прибывших в городскую среду и т. д. Такая работа, как правило, ведется в рамках сетевого взаимодействия школ, вузов, городских и муниципальных властей, общественных организаций, учреждений культуры, представителей бизнес сообщества и т. д. (*Омельченко, Кривенькая* 2021: 20–32). Модель Томской и Челябинской областей представляет собой объединения образовательных организаций-ресурсных центров или площадок, среди которых выделяется одна образовательная организация со статусом базовой площадки; координирующую роль выполняют городские и региональные органы управления образованием; к работе привлекается широкая сеть социальных партнеров.

Так, в Томской области с 2015 г. активно создается и успешно действует региональная сеть Центров этнокультурного образования. На данный момент в 13 муниципальных образованиях на базе школ, дошкольных детских учреждений, организаций дополнительного образования и учреждений культуры области работают более 40 этнокультурных центров. Координирует работу центров Федеральная инновационная площадка Министерства просвещения России — ОГБУ «Региональный центр развития образования».

Базовой площадкой является Заозерная средняя общеобразовательная школа № 16 г. Томска (директор Е. В. Астраханцева) — одна из старейших образовательных организаций Томска, крупный многопрофильный учебный комплекс, который в 2026 г. отметит свое 150-летие. Дети из семей мигрантов составляют 4–5 процентов от общего числа обучающихся, а в начальной школе доля может доходить и до 10 процентов (Отчет 2023: 30). Социальными партнерами школы являются национально-культурные автономии, представляющие основные этнические группы, проживающие в Сибири (например, Центр немецкой культуры), некоторые проекты школа реализует также во взаимодействии с Томским отделением Русского географического общества, местными вузами (Томский государственный университет, Архитектурный университет) и колледжами.

В сетевую работу наиболее активно вовлечены этнокультурные центры, созданные на базе МДОУ «Детский сад № 6 «Колобок» города Стрежевого на севере Томской области (дошкольное образование), МОУ «Михайловская СОШ» Зырянского района (сельская школа), МБОУ ДО Дом детства и юношества «Факел» (дополнительное образование, в т. ч. изучение истории и культуры славянских народов). В Томске, наряду с МАОУ Заозерная СОШ № 16, как центр этнокультурного образования успешно работает МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 28 г. Томска». ОГБУ «Региональный центр развития образования» на регулярной основе организует методические семинары по обмену опытом центров, а также так называемые «образовательные события» — комплексные мероприятия, аккумулирующие ресурсы всех участников проекта (Центр Российского образования 2024).

В Челябинске реализуется сетевой проект «Обучение детей-инофонов в поликультурной образовательной среде города Челябинска». Комитетом по делам образования в качестве базового ресурсно-методического центра по социокультурной и языковой адаптации выбрана МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 6 г. Челябинска имени Зои Космодемьянской» (директор Г. А. Ахметова), которая с 2023 г. является сетевым координатором-ресурсным центром по теме «Социализация семей с миграционной историей посредством изучения русского языка и приобщения к российской культуре в условиях поликультурной среды г. Челябинска». Опорными площадками проекта являются МБОУ «СОШ № 42 г. Челябинска», МБОУ «СОШ № 54 г. Челябинска», МБОУ «СОШ № 68 г. Челябинска». Соисполнителями данного проекта выступают: МБОУ «СОШ № 4 г. Челябинска», МАОУ «СОШ № 8 г. Челябинска», МБОУ «СОШ № 19 г. Челябинска», МБОУ «СОШ № 28 г. Челябинска», МАОУ «СОШ № 53 г. Челябинска».

Для эффективной реализации проекта ресурсным центром организовано сетевое взаимодействие, в которое включены: Управление по взаимодействию с общественными объединениями Администрации г. Челябинска, Управление по вопросам миграции ГУ МВД России по Челябинской области; МКУ «Центр народного единства», Ассоциация народов Южного Урала, Национально-культурные центры, Центр межкультурных коммуникаций; ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет», ФГБУ ВО «Челябинский государственный институт культуры», ФГБУ ВО «Челябинский государственный университет», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)»; ГБУ «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи Калининского района», ГБУ ДПО «Челябинский институт развития образования»; Челябинское региональное отделение ООПО «Союз женщин России» — Союз женщин Челябинской области; МАУДО «ЦДТ Гармония г. Челябинска»; Центральная

библиотека им. А. С. Пушкина, Челябинская областная универсальная научная библиотека, Президентская библиотека.

На данный момент базовые школы Челябинска и Томска аккумулируют не только педагогический и методический опыт сетевых партнеров, но также проводят мониторинг образовательных организаций города, собирают данные о количестве детей-инофонов и детей из семей с миграционной историей, об уровне их языковой подготовки, образовательных результатах, показывающих, усваивают ли они образовательную программу российской школы. Так, по состоянию на 2021/2022 учебный год в Челябинске проживало около 2000 детей-инофонов, нуждающихся в дополнительном сопровождении. Подавляющее большинство из таких детей не говорили к моменту поступления в школу по-русски. Особенностью Челябинска также является большой процент детей, поступающих в 7–9 классы. Этнический состав прибывающих разнообразный — армяне, таджики, узбеки, киргизы, корейцы, цыгане, в последнее время стали также прибывать казахи, белорусы, жители ДНР и ЛНР (Круглый стол 2022).

В Заозерной СОШ № 16 г. Томска, в соответствии с открытыми данными, размещенными на сайте школы, в последние годы количество обучающихся стремительно растет: так, за 5–6 лет оно почти удвоилось (МАОУ СОШ № 16 2023). Контингент обучающихся Заозерной школы № 16 формируется из детей, проживающих на закрепленной прилегающей территории, а также детей других районов города и пригорода. Местоположение старого корпуса близ Центрального рынка объясняет то, что в школе учится большое количество детей с миграцией в истории семьи, а всего среди учеников Заозерной школы — представители тридцати этнических групп. Большинство детей-инофонов родились уже в России, в семьях, которые приехали из Армении, Азербайджана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана.

Традиционно школы с большой долей детей мигрантов начинают с разработки методик преподавания русского языка детям-инофонам. В разных школах российских регионов функционируют центры русского языка, коллективы разрабатывают тесты и специальные программы по РКИ, методические рекомендации, касающиеся коррекции типичных ошибок при обучении русскому языку, идет интенсивный обмен опытом и практическими наработками. Большое значение для интенсификации межрегионального обмена опытом стало включение с 2020 г. организаций из регионов в проекты, реализуемые Центром содействия межнациональному образованию «Этносфера» и Московским педагогическим государственным университетом при поддержке Фонда Президентских грантов «Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов средствами образования: методическая и консультативная поддержка школ и детских садов в регионах России» (2020–2021) и «Языковая и социокультурная адаптация детей с миграционной историей в образовательных организациях России» (2022–2023). По итогам проекта 71 образовательная организация из 20 российских регионов, включенных в проект, готовы стать, и многие уже стали, ресурсными центрами по адаптации и интеграции обучающихся из семей иноэтничных мигрантов для дальнейшей информационной и методической поддержки других школ, сталкивающихся с этой проблемой.

Осмысление практического опыта образовательных организаций и аналитическая обработка материалов, накопленных в ходе реализации данных проектов, приводит к выводу о том, что в процессе адаптации и интеграции мигрантов в школу и общество важно не только использовать ресурсы социокультурной среды, но и формировать ее с учетом поиска социокультурных ориентиров развития современного общества, особен-

ностей процессов социализации, культурализации и инкультурации в глобализирующемся мире, специфики феномена границ в культуре, роли социокультурных факторов в организации регионального сотрудничества (см.: *Прищепа* 2018).

В данном контексте разработка региональных моделей интеграции мигрантов актуализируют понимание социокультурной среды как системной организации. И опыт Томска и Челябинска интересен с точки зрения выстраивания системной работы по разработке и внедрению программ не только языковой, но и социокультурной адаптации с региональным компонентом, направленных на создание атмосферы межнационального диалога и толерантных отношений, знакомство с традициями народов, населяющих регионы, развитие творческих способностей обучающихся.

В Томске точки притяжения в этом направлении — созданные на базе школы Центр этнокультурного образования по теме «Этнокультурное пространство Сибири» и Центр межкультурной коммуникации, где проходят этнокультурные уроки, приуроченные к памятным датам истории разных народов Томской области; фестивали национальных культур; мастер-классы и открытые занятия для педагогов региона. Традиционные мероприятия Центра этнокультурного образования с привлечением ресурса социокультурной среды города включают: Читательский марафон «По дорогам славянских сказок»; праздник католического Рождества в сотрудничестве с Центром польской культуры «Дом Польский»; Областной музыкальный фестиваль-конкурс имени Ф. Шопена «Прелюдия», учредителями которого являются Департамент по культуре и туризму Томской области, ЦПК «Дом польский», Институт искусств и культуры Национального исследовательского Томского государственного университета и МАОУ Заозерная школа № 16; Региональный Фестиваль национальных культур «Содружество», Открытый фестиваль-конкурс чтецов поэзии украинских поэтов «В гостях у Кобзаря» (МАОУ СОШ № 16 2023).

Пять школьных музеев (краеведческий, инноваций, музей под открытым небом («Томск купеческий») и др.) также вносят значительный вклад в культурную адаптацию и социализацию обучающихся. На базе музеев часто проводятся занятия спецкурса «Томск культурно-исторический»: это еще один учебный проект, призванный способствовать социально-культурной адаптации детей с миграцией в истории семьи, не родившихся в Томске, но сейчас живущих в этом городе.

В целом, в Томске реализуется почти 40 городских целевых программ, девять из которых тематически связаны с этнокультурной тематикой («Учимся жить вместе», «Диалог», «Летопись города», «Отражение» и др.). Посещение мероприятий в рамках таких программ предусмотрено планом работы школы и отдельных ее классов: ученики ходят на них организованно, вместе с педагогами. Безусловно, это расширяет этнокультурный кругозор и повышает межкультурную компетентность как учеников, так и учителей школы.

Интеграция личности в социокультурную образовательную среду и соответственно эффективность образовательной деятельности напрямую связаны с самоидентификацией субъектов педагогического взаимодействия (*Александров* 2005: 58). Участники образовательного процесса, физически находящиеся внутри среды, культурно и духовно могут быть, то есть идентифицировать себя, и существовать вне ее. В случае с детьми из семей мигрантов такая ситуация является довольно распространенным явлением. И одним из эффективных путей ее преодоления является конструирование особых культурно-образовательных пространств, в которое бы вовлекались все дети вне зависимости от их самоидентификации, в том числе этнической. Примером могут служить самые разные программы в сфере дополнительного образования по этнокультурной тематике.

Так, в Челябинской школе № 60 инструменты музейной педагогики и школьного краеведения активно использует программа дополнительного образования «Южный Урал: взгляд из школьного музея» (реализуется с 4-го класса), в которой есть разделы: «Что мы знаем о Южном Урале», «Этническое многообразие Челябинской области», «Славные страницы истории Южного Урала», «Челябинск — город, в котором я живу», «Заречье — большой район большого города», «Школа, в которой я учусь», «Творческая мастерская» (работы детей «Челябинск моими глазами», детская конференция «Мой Южный Урал»).

В рамках дополнительного образования разработан и активно внедряется курс «Чудеса из полимерной глины», где ребята не только работают с этим материалом, но и знакомятся с орнаментами, характерными для Южного Урала (например, башкирскими, татарскими и характерными для других народов, живущих на территории Челябинской области). Программа «Язык искусства понятен всем», реализуемая совместно с Центром дополнительного образования «Гармония», позволяет обучить больше детей из семей мигрантов на бюджетной основе. Знакомство с культурным и музыкальным наследием Южного Урала носит не только просветительский и информационный, но и продуктивный характер: дети приносят домой поделки, сделанные своими руками. Через «рукотворчество» дети узнают, что такое златоустовское литье, как развивается гончарное дело и т. п. Для проведения учителями уроков физкультуры создана картотека «Русские подвижные игры», при этом важно, чтобы в ходе урока ученик показал владение русским языком и понимание тех задач и ролей, которые нужно выполнить в рамках игры.

В свою очередь в Томске масштабируется опыт Заозерной СОШ № 16 по внедрению авторской интегрированной программы внеурочной деятельности, направленной в том числе на социализацию детей с миграционной историей, — «Общение без границ». Она также основана на музейной и театральной педагогике: учителя изобразительного искусства, музыки, хореографии, литературного чтения вместе с детьми готовят разнообразные театральные постановки. Это помогает адаптации и социализации детей, недавно приехавших в Томск, способствует сплачиванию учеников разной этнической принадлежности на основе совместного творчества.

В плане внеурочной работы школы — самые разные образовательные события для детей. Это регулярные фестивали национальных культур «Содружество», в рамках которых дети вместе со своими родителями, братьями и сестрами участвуют в организации «национальных гостиных» и получают возможность рассказать другим ребятам о своей этнической культуре. Это читательский марафон «По дорогам славянских сказок» как средство знакомства с культурой западных и восточных славян, представители которых учатся в школе. Это «Открытые житийные чтения» — культурно-исторический проект, направленный одновременно и на духовно-нравственное воспитание молодежи, и на развитие читательской грамотности в детско-молодежной среде.

Вовлечение детей из семей мигрантов в дополнительное образование эффективно на основе популярного сейчас эдьютейнмента. Так, в Челябинской области в проводимую на протяжении двух десятилетий при участии местного педагогического университета интеллектуальную игру «Русский мир» с 2021 г. была включена особая номинация «Послы мира», в которой принимают участие дети-инофоны. Ребята рассказывали не только о своих странах, откуда они приехали (команды этнически смешанные), они представляли свои знания по русской истории, культуре, литературе в соответствии со ступенью обучения. В 2022 году 200 детей-инофонов со всего города уже участвовали

в этой игре. Важно, что довольно много детей говорят в семьях на двух языках, причем на русском — с братьями и сестрами, которые учатся в тех же школах. У таких детей уровень коммуникативного навыка намного выше.

Уникальным творческим продуктом, созданным в результате совместной работы детей разной этнической принадлежности в рамках школьной проектной деятельности под руководством учителя истории Челябинской школы № 60 А. А. Сокулина, является интерактивная настольная краеведческая игра «Южный Урал — край, где мы живем». Игра адресована ученикам средней школы с билингвизмом, «новым жителям Южного Урала». Это погружение в «Южно-Уральскую Вселенную», в уникальное природное, историко-культурное и этническое разнообразие региона, через приключения персонажей южно-уральского фольклора — богатыря Таганая, купца Семигора, Змея-Полоза, Аниски, Сулеи и башкирской красавицы Золотой Волос. Разработано не только красочное игровое поле и планшеты участников с правилами, но и отдельные локации (Южный Урал, Челябинск и его достопримечательности). Это игра не на один вечер, ее потенциал в рамках дополнительного образования подтверждается восторгом игроков, которые копят баллы, выполняя специальные домашние задания вместе с членами семьи.

Чрезвычайно важный фактор успешности практики организаций, вовлеченных в процесс социализации детей мигрантов, — это комплексная работа с семьями, активное вовлечение родителей, прежде всего матерей, в процесс. Установлению стабильных контактов с родителями детей из Центральной Азии способствует привлечение представителей духовенства (муфтията), руководителей национально-культурных центров, переводчиков. Встречи с родителями проходят регулярно в опорных школах в каждом районе Челябинска, по запросу — организуются в Томске. Когда родители-мигранты слышат от авторитетных для них людей на родном для них языке слова о важности образования, следовании законодательству об образовании и школьным правилам, необходимости прислушиваться к мнению педагогов и администрации, отношение семей меняется. За последние годы в школах Челябинской области стало меньше девочек в хиджабах, девочки стали посещать физкультуру в спортивной форме, родители реже надолго увозят детей на родину во время учебного года под предлогом религиозных или семейных праздников. С другой стороны, идет разъяснительная и просветительская работа с местными родителями. Так, в школе № 60 предлагаются для ознакомления информационные брошюры, например, «Особенности национального и религиозного этикета таджикского народа», «Особенности национального и религиозного этикета узбекского народа». Опыт Заозёрной СОШ № 16 города Томска в организации урочной и внеурочной работы, формировании дружелюбной поликультурной среды может быть полезным для других образовательных организаций с полиэтничным составом обучающихся, в том числе тех, в контингенте которых есть дети – представители коренных народов и этнических меньшинств.

Приведенные выше примеры практик по языковой и социально-психологической адаптации детей мигрантов в школах Томска и Челябинска — не единственная модель успешной работы в этой области (*Омельченко, Шевцова* 2022: 8–25). Однако в контексте использования ресурсов и формирования социокультурной среды представляется важным транслирование опыта именно этих регионов. Прежде всего это распространение такой организационно-методической формы сетевого взаимодействия, как Опорная площадка в Челябинске или Центр этнокультурного образования в Томске. Они фактически представляют собой ресурсные центры по определенному направлению адаптации детей из семей мигрантов, могут получать дополнительное финансирование и разного рода поддержку со стороны местной администрации. Образовательным орга-

низациям в разных российских регионах может быть также интересна апробированная в Челябинске и Томске система социального партнерства. Активное использование ресурсов социокультурной среды города и региона, выстраивание сетевого взаимодействия с самыми разными организациями, трансляция и передача опыта применения регионального компонента — составляющие системной и последовательной работы по адаптации и социализации детей с миграционной историей семьи.

В обсуждаемом контексте опыт Челябинской и Томской областей обогащает понимание социокультурной среды как комплекса условий, от которых зависит существование и развитие личности и социума. Коллективы образовательных организаций в рамках широкого социального партнерства не только используют ресурсы социокультурной среды, но и формируют ее как пространство, наполненное культурными ценностями, имеющее социальную значимость для развития личности и конкретной социальной общности (*Евтушенко* 2009: 29–30). Опыт регионов позволяет рассматривать социокультурную среду как фактор, способствующий ориентации в социокультурных ценностях и, таким образом, играющий важнейшую роль в социализации детей с миграционной историей, их успешной интеграции в школу и общество.

Источники и материалы

Бурмистрова и др. 2016 — *Бурмистрова М. Н.*, *Васильева Л. Л.*, *Петрова Л. Ю.*, *Кащеева А. В. и др*. Социально-педагогический словарь. Саратов, 2016 [Электронный ресурс] // Национальная энциклопедическая служба России (НЭС): [открытый образовательный ресурс]. https://didacts.ru/slovari/socialno-pedagogicheskii-slovar-2016-g.html (дата обращения: 22.11.2024).

Круглый стол 2022 — Материалы Круглого стола «Обучение русскому как неродному в условиях поликультурной среды г. Челябинска: опыт, проблемы, перспективы» (15 октября 2022 г., г. Челябинск) // Опыт взаимодействия по обучению русскому языку детей-инофонов в поликультурной образовательной среде города Челябинска [Электронный ресурс] // Московский педагогический государственный университет: [сайт]. https://mpgu.su/novosti/vzaimodejstvija-polikulturnoj-obrazovatelnoj/ (дата обращения: 23.07.2024).

МАОУ СОШ № 16 2023 — Этнокультурный центр [Электронный ресурс] // МАОУ СОШ № 16 г. Томска: [сайт]. http://school16.edu.tomsk.ru/blog/category/novosti/etnokulturnyiy-tsentr/ (дата обращения: 18.09.2024).

Мардахаев 2016 — *Мардахаев Л. В.* Социальная педагогика. Краткий словарь понятий и терминов. Москва: РГСУ, 2016. 430 с.

Отчет 2023 — Отчёт о результатах самообследования Муниципального автономного общеобразовательного учреждения «Средняя общеобразовательная школа № 6 г. Челябинска имени Зои Космодемьянской» за 2023 год [Электронный ресурс] // МАОУ «Средняя общеобразовательная школа № 6 г. Челябинска имени Зои Космодемьянской» [сайт]. https://clck.ru/3C7dpK (дата обращения: 23.07.2024).

Центр Российского образования 2024 — Областное государственное бюджетное учреждение Региональный центр развития образования в Томске» [Электронный ресурс] // Центр Российского образования: [портал]. https://rusedu.center/org/oblastnoe-gosudarstvennoe-byudzhetnoe-uchrezhdenie-regionalnyy-tsentr-razvitiya-obrazovaniya-000036135/ (дата обращения: 08.12.2024).

Научная литература

Александров Е. П. Образовательная среда и социокультурные пространства // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2005. № 2. С. 56–58.

Евтушенко Ю. Н. Дополнительное образование как социокультурная среда развития личности // Вестник ЧГПУ. 2009. № 12. С. 29–30.

Козлова Н. Г. Педагогическая сущность понятия социокультурной среды образовательного учреждения, значение ее формирования // Педагогический журнал. 2019. Т. 9. № 3А. С. 119–126.

Кузнецов И. М., Мукомель В. И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: ИС РАН, 2005. 50 с.

Лебедева Н. М., Татарко А. Н. (под ред.). Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009. 420 с.

Омельченко Е. А. Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт. М.: Этносфера, 2018. 416 с.

Омельченко Е. А., Кривенькая М. А. Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в контексте национальной безопасности // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности [Электронное издание]. 2021. Т. 1, № 3. С. 20–32. https://doi.org/10.21672/2713-024X-2021-3-1-020-032

Омельченко Е. А., Шевцова А. А. (под ред.). Адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российской системе образования. М.: Этносфера, 2022. 123 с.

Прищепа И. М. и др. (под ред.). Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика: материалы международной заочной научно-практической конференции. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. 155 с.

Ромодановский К. О., Мукомель В. И. Регулирование миграционных процессов: проблемы перехода от реактивной к системной политике // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 5–17.

References

Aleksandrov, E. P. 2005. Obrazovatel'naia sreda i sotsiokul'turnye prostranstva [Educational Environment and Sociocultural Areas]. *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniia i ekonomiki* 2: 56–58.

Evtushenko, Yu. N. 2009. Dopolnitel'noe obrazovanie kak sotsiokul'turnaia sreda razvitiia lichnosti [Additional Education as a Sociocultural Environment for Personal Development]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 12: 29–30.

Kozlova, N. G. 2019. Pedagogicheskaia sushchnost' poniatiia sotsiokul'turnoi sredy obrazovatel'nogo uchrezhdeniia, znachenie ee formirovaniia [The Pedagogical Essence of the Concept of the Sociocultural Environment of an Educational Institution, the Importance of its Formation]. *Pedagogicheskii zhurnal* 9 (3A): 119–126.

Kuznetsov, I. M., and V. I. Mukomel. 2005. *Adaptatsionnye vozmozhnosti i setevye sviazi migrantskikh etnicheskikh men'shinstv* [Adaptive Capacities and Networks of Migrant Ethnic Minorities]. Moscow: Institut sotsiologii Rossiiskoi akademii nauk. 50 p.

Lebedeva, N. M., and A. N. Tatarko (eds.). 2009. *Strategii mezhkul'turnogo vzaimodeistviia migrantov i naseleniia Rossii* [Strategies of Intercultural Interaction Between Migrants and the Russian Population]. Moscow: Rossiiskii universitet druzhby narodov. 420 p.

Omelchenko, E. A. 2018. *Integratsiia migrantov sredstvami obrazovaniia: rossiiskii i mirovoi opyt* [Integration of Migrants Through Education: Russian and Global Experience]. Moscow: Etnosfera. 416 p.

Omelchenko, E. A., and M. A. Krivenkaya. 2021. Integratsiia detei iz semei inoetnichnykh migrantov v kontekste natsional'noi bezopasnosti [Integration of Children from Families of Non-Ethnic Migrants in the Context of National Security]. *Caspium Securitatis: zhurnal kaspiiskoi bezopasnosti* 1(3): 20–32. https://doi.org/10.21672/2713-024X-2021-3-1-020-032

Omelchenko, E. A., and A. A. Shevtsova (eds.). 2022. *Adaptatsiia i integratsiia detei iz semei migrantov v rossiiskoi sisteme obrazovaniia* [Adaptation and Integration of Children from Migrant Families in the Russian Education System]. Moscow: Etnosfera. 123 p.

Prischepa, I. M. et al. (eds.). 2018. *Sotsiokul'turnaia sreda: sistemnaia organizatsiia, antropologicheskoe izmerenie, pogranichnaia spetsifika: materialy mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Sociocultural Environment: Systemic Organization, Anthropological Dimension, Borderline Specifics: Proceedings of the International Online Scientific and Practical Conference]. Vitebsk: Vitebskii gosudarstvennyi universitet imeni P. M. Masherova. 155 p.

Romadanovskii, K. O., and V. I. Mukomel. 2015. Regulirovanie migratsionnykh protsessov: problemy perekhoda ot reaktivnoi k sistemnoi politike [Regulating Migration Processes: Problems of Transition from Reactive to Systemic Policy]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 5: 5–17.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/97-108
Научная статья

© Е. О. Хабенская

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕСУРСОВ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ-МИГРАНТОВ: ОПЫТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Проблема социокультурной и языковой адаптации и интеграции в российское общество семей мигрантов из стран ближнего зарубежья сохраняет актуальность уже не одно десятилетние после распада Советского Союза. Хотя интенсивность миграционных потоков в Россию в последние годы снизилась, уже переселившиеся на территорию страны семьи с детьми (преимущественно из республик Центральной Азии) создают высокую концентрацию мигрантов в отдельных регионах, районах и образовательных учреждениях, что требует от общества и государства принятия мер по гармоничному включению этих групп в принимающее сообщество. Для этого необходимо изучение и распространение успешных практик образовательных организаций регионов по работе в этом направлении. В статье рассматривается опыт Санкт-Петербурга по использованию ресурсов социокультурной среды в процессе адаптации и интеграции детей-инофонов — на примере опыта конкретной школы № 443 Фрунзенского района. За последние 10–15 лет педагогический коллектив школы накопил большой и успешный опыт в этой сфере, активно используя музейные комплексы Санкт-Петербурга, площадки учреждений дополнительного образования района, привлекая к этой деятельности социальных партнеров и родителей. Ежегодные результаты тестирований (предметных, психологических, на функциональную грамотность и т. д.) детей-мигрантов, обучающихся в школе, демонстрируют не только поступательное повышение уровня владения русским языком и общей успеваемости, но и позитивные изменения в структуре личности детей-инофонов, успешное включение их в культурное пространство города и страны, осознание себя частью социокультурного пространства города и российского общества в целом. Представляется весьма целесообразным распространение опыта школы на образовательные организации Санкт-Петербурга и других крупных городов РФ.

Ключевые слова: *адаптация и интеграция, дети-инофоны, практики адаптации, аккультурация, дети-мигранты, принимающее сообщество*

Ссылка при цитировании: *Хабенская Е. О.* Использование ресурсов социокультурной среды для адаптации детей-мигрантов: опыт Санкт-Петербурга // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 97–108.

Хабенская Елена Олеговна — к. и. н., доцент кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов», факультет регионоведения и этнокультурного образования, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119571 Москва, пр. Вернадского, д. 88). Эл. почта: etnoregion@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5000-0661

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 124031100002-4 «Социокультурная среда как ресурс адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей»).

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/97-108
Original Article

© *Elena Khabenskaya*

THE RESOURCE OF THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT FOR THE ADAPTATION OF MIGRANT CHILDREN: SAINT PETERSBURG'S EXPERIENCE

The problem of socio-cultural and linguistic adaptation and integration of migrant families from neighboring countries into the Russian society has persisted for over a decade after the collapse of the Soviet Union. Although the intensity of migration flows to Russia has decreased in recent years, families with children who have already relocated to the country (mainly from the Central Asian republics) have resulted in a high concentration of migrants in certain regions, districts and educational institutions. This requires society and the state to take measures to harmoniously integrate these groups into the host community. To do so, it is necessary to study and scale up successful practices employed by educational organizations. The article examines the experience of Saint Petersburg in using the resources of the socio-cultural environment for the adaptation and integration of non-native children, using the example of the experience of School No. 443 in the Frunzensky district. Over the past 10–15 years, the school's teaching staff has accumulated extensive and successful experience in this field, actively using the museum complexes of Saint Petersburg and out-of-school learning sites within the district, while engaging social partners and parents in these endeavors. The annual test results of migrant children studying at the school demonstrate not only a progressive increase in the Russian language proficiency and overall academic performance, but also positive changes in the personality structure of children for whom other languages are their native tongue. These children have exhibited successful inclusion in the cultural space of the city and the country, a sense of belonging to the socio-cultural spaces of the city and Russian society as a whole. It seems highly advisable to extend the school's experience to educational organizations in Saint Petersburg and other major cities of the Russian Federation.

Keywords: *adaptation and integration, non-native children, adaptation practices acculturation, migrant children, host community*

Author Info: **Khabenskaya, Elena O**. — Ph.D. in History, Associate Professor of the UNESCO Chair of International Education and the Integration of Migrants, Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: etnoregion@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5000-0661

For citation: Khabenskaya, E. O. 2025. The Resource of the Socio-Cultural Environment for the Adaptation of Migrant Children: Saint Petersburg's Experience. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 97–108.

Funding: The research was conducted within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (theme №124031100002-4 **"**The Socio-Cultural Environment as a Resource for the Adaptation of Foreign Minors and Children with a Migration History".

Распад Советского Союза привел к дестабилизации политической и экономической ситуации на всей территории бывшего СССР, а в ряде регионов, в особенности республик Центральной Азии и Закавказья — к пограничным спорам и межэтническим конфликтам. Как следствие — с этих территорий в Россию, в поисках работы и лучшей жизни в 1990-е годы массово поехали мигранты, беженцы и вынужденные переселенцы. В последующие годы, после некоторой стабилизации ситуации в ближнем зарубежье, характер миграционных потоков в Россию менялся, но интенсивность их оставалось высокой. В наши дни «пребывание на территории России миллионов иностранных граждан, большинство из которых заняты в российской экономике, стало привычным, неотъемлемым элементом российской повседневности» (*Мукомель, Григорьева* 2022: 6). Эта новая реальность постсоветского периода породила и новую проблему, которая остро стоит на повестке дня уже не одно десятилетние — проблему адаптации и интеграции в российское общество иноэтничных и иноязычных мигрантов. В последние несколько лет интенсивность миграционных потоков в Россию заметно снизилась, более того — после начала Специальной военной операции в 2022 г. и постепенного ужесточения российского миграционного законодательства произошел некоторый отток мигрантов. Однако этот отток затронул в большей степени маятниковую трудовую миграцию и в меньшей — семьи с детьми, которые переезжали с намерением осесть в Российской Федерации. Поэтому «социокультурная адаптация и аккультурация мигрантов с перспективой интеграции, например, во втором или третьем поколении остается актуальной как в ближайшем будущем, так и в долгосрочной перспективе» (*Барышева, Волжанцева* 2021: 208).

Как справедливо отмечает В. С. Малахов, «четыре пятых российской иммиграции — это миграции в пределах бывшего СССР» (*Малахов* 2015: 10). Подавляющее большинство современных российских мигрантов (в основном, переселенцы из республик Центральной Азии, с численным преобладанием Таджикистана) — это люди, сформировавшиеся уже вне российской/советской культуры, не владеющие или слабо владеющие русским языком, часто — с низким уровнем образования и социальным статусом. Российское законодательство до недавнего времени[1] не препятствовало обучению в школах детей-инофонов из таких семей на общих основаниях, несмотря на отсутствие гражданства РФ и/или слабое владение русским языком. В отдельных школах некоторых районов крупных городов России с высокой концентрацией иноэтничных мигрантов доля детей-инофонов могла достигать 70–80%. Оказавшись «на переднем крае» проблемы, школы в разных российских регионах за прошедшие годы накопили ценный практический и методический опыт обучения, адаптации и интеграции детей из семей мигрантов и в образовательный процесс и шире — в российское общество. Особенно ценен опыт образовательных организаций в выведении интеграционных процессов за пределы школы и использовании ресурсов социокультурной среды, что позволяет не просто учить детей из таджикских, узбекских, киргизских, азербайджанских и других семей русскому языку и добиваться их образовательных успехов, но и способствует формированию у этой категории учащихся российской идентичности, активному их включению в местную культуру и социум. Что особенно важно — школы, реализуя успешные программы и практики социокультурной и языковой адаптации детей-инофонов, имеют возможность включать в эти процессы и родителей, то есть имеют реальное влияние на всю семью (нередко мамы детей из Центральной Азии, в большинстве своем ограниченные в общении узким кругом семьи, ов-

[1] Совет Федерации РФ 20.12.2024 одобрил закон, ранее утвержденный Государственной думой, запрещающий зачислять в школы детей мигрантов, не прошедших тестирование на знание русского языка (Сайт ИА ТАСС. 2024).

ладевают русским языком через своих детей-школьников, общаясь с ними дома или посещая вместе с ними школьные мероприятия, праздники, кружки и т. д.). Таким образом, «роль школы как института, содействующего социокультурной и языковой адаптации… сложно переоценить» (*Омельченко* 2018: 267).

Несмотря на очевидную масштабность проблемы и востребованность программ по адаптации и интеграции детей из семей мигрантов, формированию межкультурной компетентности педагогов, обучающих детей-инофонов, целенаправленная деятельность в этом направлении до недавнего времени осуществлялась, в основном, научным и педагогическим сообществом, о чем свидетельствуют многочисленные научные и методические публикации по данной теме в 2010-е гг. (*Омельченко* 2018; Повышение профессиональной компетенции 2015). Внимание государства к этому вопросу проявилось сравнительно недавно — после известного Поручения Президента РФ по итогам заседания президентского Совета по межнациональным отношениям 30 марта 2021 г. (Перечень поручений 2021) и воспоследовавших за этим Методических рекомендаций Министерства Просвещения «Об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан» (Письмо Минпрос 2021).

В данной статье описан опыт конкретной школы Санкт-Петербурга, которая на протяжении 15 лет ведет работу по социокультурной и языковой адаптации детей иностранных граждан и детей-инофонов в городское сообщество. Образовательные и воспитательные практики, реализуемые школой в этом направлении, представляются автору успешными и подходящими для распространения в образовательных организациях Санкт-Петербурга, Москвы и других региональных центров РФ.

Указанное исследование имело вполне конкретную практическую цель по отбору и описанию успешных педагогических практик адаптации и интеграции детей-мигрантов в образовательных учреждениях разных регионов России. Автор далек от того, чтобы делать какие-то обобщающие теоретические выводы на примере одной школы и, разумеется, не претендует на репрезентативность такого исследования. Вместе с тем, учитывая масштабность проблемы (среди обучающихся большинства школ крупных городов и особенно мегаполисов РФ сегодня присутствует значительная доля детей-мигрантов, а в отдельных образовательных организациях она достигает критически высоких значений, превышая, иногда существенно, процент местных школьников), опыт каждой школы, которой удалось добиться успеха на этом нелегком поприще, представляется автору заслуживающим внимания и изучения. Поставленные обстоятельствами (и государством, в свое время пустившим миграционную ситуацию в стране «на самотёк») в непростое положение, не имея изначально специальной подготовки (этнологических знаний) и отдельного финансирования на обучение детей-инофонов, педагоги многих российских школ, как миссионеры, ищут и вырабатывают собственные пути, способы и методы приобщения школьников из семей мигрантов к российской культуре и русскому языку. Успешная практическая деятельность школ в этой сфере, ни много ни мало, помогает миллионам мигрантов влиться в российское культурное пространство и стать его частью, препятствует образованию в ближайшем будущем этнических анклавов в городах и регионах Российской Федерации.

Государственное бюджетное общеобразовательное учреждение Средняя общеобразовательная школа № 443 Фрунзенского района Санкт-Петербурга (далее — Школа) расположена в районе Купчино, в юго-восточной части города, вблизи КАД (кольцевой автодороги). Район исторически считается «спальным» районом города: здесь ниже стоимость

аренды жилья и больше возможностей для трудовой занятости в сфере неквалифицированного труда при отсутствии российского гражданства. Эти обстоятельства сделали район привлекательным для семей мигрантов из соседних республик, которые после распада СССР массово поехали в Россию в поисках заработка. Центром притяжения иноэтничных мигрантов в Купчино с 1990-х годов до наших дней являлась знаменитая Софийская овощная база — огромный мелкооптовый рынок и склад овощной продукции. Большинство её работников — иностранные граждане, мигранты из стран Центральной Азии. База является наследницей Невского межрайонного оптово-розничного объединения, снабжавшего в советский период северо-запад России сельскохозяйственной продукцией, поступавшей со всего Советского Союза. В 1993 г. предприятие перешло в частные руки и место сильно криминализировалось. С 2019 г. руководство района вело работу по переносу всего комплекса Софийской овощебазы за КАД. По неофициальной информации от жителей района Купчино, размещенной на новостной страничке социальной сети «ВКонтакте», в сентябре 2024 г. база окончательно переехала на новую территорию, дальше по Софийской улице — за Кольцевую автодорогу (ВКонтакте 2024). Родители, преимущественно отцы, многих обучающихся в Школе выходцев из республик Центральной Азии и Закавказья трудятся (и работали в прошлом) на Софийской овощебазе в качестве продавцов, грузчиков, разнорабочих. Тенденция к снижению количества детей-мигрантов в Школе в последние годы отчасти объясняется постепенным переездом оптового комплекса в более отдаленный от школы район и в целом — сокращением числа иностранных трудовых мигрантов в России в постковидный период.

Особенности этносоциальной стратификации жителей района и полиэтничный состав учащихся школы со значительной долей детей-инофонов заставили руководство и педагогический коллектив учебного заведения на протяжении полутора десятилетий опробовать и применять различные практики по работе в поликультурной среде и накопить большой опыт в этой сфере деятельности. Важно отметить — Школа является образовательной организацией, ориентированной на адаптацию не только детей-инофонов, но и широкого контингента детей с особенностями развития (инклюзивное образование), в связи с чем располагает достаточно обширным штатом специалистов психолого-педагогического направления — дефектологов, логопедов, психологов. Последние также активно задействованы в работе с детьми-инофонами.

В январе 2022 г. педагогическим коллективом Школы была разработана и запущена Целевая программа сопровождения «Адаптация, социализация и интеграция детей-мигрантов, детей-инофонов в школе» (далее — Программа). В числе авторов-разработчиков Программы — директор школы Е. П. Махаева, заместитель директора по воспитательной работе Е. В. Габышева, заместитель директора по УВР А. А. Николаев, учитель русского языка Д. В. Санянц, педагог дополнительного образования Н. И. Заболотская. В ноябре того же года Программа была презентована как опыт инновационной деятельности Школы на Межрайонном семинаре «Адаптация и социализация обучающихся инофонов в культурном пространстве образовательного учреждения». По сути, представленная Программа стала обобщением реальной практической работы по адаптации и интеграции детей-инофонов, которую педагоги Школы ведут уже на протяжении 10–15 лет.

В текущем 2024/2025 учебном году в Школе обучается 583 учащихся, из которых 98 человек — дети из семей с миграционной историей, выходцы из стран ближнего зарубежья. То есть примерно 1/6 часть всех учеников относится к этому контингенту. Страны исхода большинства семей в порядке убывания: Узбекистан, Азербайджан, Кыргызстан,

Таджикистан. В начале реализации Программы — в январе 2022 г. этот контингент обучающихся составлял 138 человек, примерно четверть от общего количества, и в его составе доминировали выходцы из Азербайджана (в основном, дети работников Софийской овощебазы). В целом в последние годы наблюдается тенденция сокращения численности семей мигрантов в районе, и соответственно, детей-инофонов в Школе.

При разработке Программы авторы ориентировались на приоритетные задачи в миграционной сфере, определенные Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы, включающие, в том числе, «создание условий для адаптации иностранных граждан» (Концепция 2018), другие законодательные и правовые акты РФ (Целевая программа 2022: 3–4). Основу Программы составляет *«созидающий подход к обеспечению равных условий для всех участников образовательного процесса»* (Целевая программа 2022). Этот подход подчеркивает формирующий и развивающий характер влияния образования на каждого человека и реализуется через создание такой образовательной среды, в которой каждый ребёнок имел бы равные возможности для получения образования, личностного роста и всестороннего развития. Программа учитывает особые образовательные потребности детей с миграционной историей семьи и детей-инофонов и реализуется Школой в нескольких направлениях:

1. Повышение уровня владения детьми-инофонами русским языком

Организации дополнительных занятий по русскому языку для детей-инофонов в Программе уделяется особое внимание. Большинство обучающихся-мигрантов из Центральной Азии, в особенности, переехавших в Россию недавно, владеют русским языком на уровне, не достаточном для успешного обучения и освоения разных предметов. Плохое владение русским не только тормозит учебный процесс, но и создает барьеры позитивной коммуникации со сверстниками, что в целом затрудняет адаптацию к новой культурной среде и интеграцию инофонов в принимающее сообщество. Дети-мигранты, плохо говорящие и понимающие по-русски, испытывают постоянный стресс, плохо учатся и склонны замыкаться в себе. Как отмечает в интервью один из разработчиков Программы, заместитель директора Школы по воспитательной работе Е. В. Габышева, основной приток новых детей-инофонов происходит в начальную ступень образования (1–4 классы) и в 5–6 классы (ПМА 2024). У большинства из таких детей русский язык не является родным, они начинают его изучать и использовать только с приходом в образовательное учреждение. Для повышения уровня владения русским и, соответственно, более успешного освоения других предметов, ускорения социокультурной адаптации и интеграции в принимающее русскоязычное пространство Санкт-Петербурга для детей-инофонов в Школе № 443 организованы дополнительные занятия по русскому языку как иностранному (далее — РКИ). Занятия проходят в вечернее время, два раза в неделю, в рамках программ дополнительного образования «Читаем, пишем, говорим по-русски» (для начальной школы) и «Дорога в Россию» (для средней школы). В настоящее время кружок РКИ посещают примерно половина детей-мигрантов, обучающихся в школе (около 50 человек). Учащиеся разделены на две возрастные группы (1–5 и 6–9 классы), а каждая из них — на подгруппы по 10–12 человек. Все учителя-русисты Школы, в том числе ведущие таких занятий, прошли повышение квалификации и являются специалистами по преподаванию РКИ. Практический опыт проведения дополнительных занятий по РКИ показывает, что скорость освоения русского до уровня, необходимого для успешного обучения и интеграции, напрямую зависит от возраста начала

занятий — чем раньше начинается освоение языка, тем быстрее оно происходит. Как отмечает заместитель директора Е. В. Габышева, дети-инофоны, поступившие в Школу с первого по третий класс при регулярном посещении кружка по русскому языку к пятому-шестому классу обычно начинают свободно говорить и писать по-русски. Пришедшие в среднюю школу осваивают язык уже медленнее. Так или иначе, при регулярном посещении дополнительных занятий по РКИ, к девятому классу все обучающиеся выравниваются в знании русского языка и уже свободно говорят, пишут, общаются с одноклассниками и вне школы (ПМА 2024).

2. Реализация дополнительных образовательных программ и программ внеурочной деятельности, в том числе с применением опыта народной и музейной педагогики.

Педагогический коллектив школы № 443 в работе с детьми-мигрантами не ограничивается только учебной деятельностью. Важной составляющей этой работы является погружение иноэтничных школьников в историю и культурное пространство Санкт-Петербурга. В этом процессе педагоги задействуют методы музейной педагогики. В том числе Школа активно использует собственный Музейный комплекс, включающий школьный музей и кабинет народных традиций «Горница», который существует уже 17 лет. В «Горнице» в формате дополнительного образования для учащихся начальной школы проходят занятия кружка на бюджетной основе «Народная традиция» (руководитель — Н. И. Заболотская), направленные на знакомство с народной славянской культурой и этикой. Цикл учебных занятий представляет собой процесс подготовки к праздникам годового календарного круга. На занятиях дети играют в народные игры, поют несложные обрядовые песни, знакомятся со словесным фольклором (сказки, пословицы, поговорки), с народной хореографией, осваивают разные направления декоративно-прикладного творчества (роспись, народная кукла, плетение). Важно, что руководитель кружка периодически проводит открытые уроки, к которым активно привлекаются родители (в основном, мамы) детей-мигрантов. Во время таких уроков родители могут не только наблюдать, но и сами приобщиться к народному творчеству.

Школьный музей и кабинет народных традиций играют роль воспитательных центров открытого образовательного пространства: здесь учащиеся школы изучают историю страны и города, народные традиции и ремёсла, организуют праздники, встречи с ветеранами, работают над различными проектами, проводят экскурсии, что способствует социализации, адаптации и интеграции детей-мигрантов в культурное пространство Санкт-Петербурга.

Посещение музеев, театров, обзорных экскурсий Санкт-Петербурга входят в план воспитательной работы школы № 443 и организуется классными руководителями постоянно, начиная с начального звена. В рамках дополнительного образования на базе школьного музея «Время традиций» (директор — Е. Е. Рябова) реализуются программы «Удивительный Петербург» и «Свой город», направленные на активное включение мигрантов в социокультурную среду Санкт-Петербурга и России через знакомство с музеями и историей города, в том числе — с героическими и трагическими страницами истории сопротивления ленинградцев в период блокады города во время Великой Отечественной войны. На первой ступени освоения программы дополнительного образования «Музееведение» в начальной школе («Удивительный Петербург») учащиеся посещают экскурсии, изучают историю и культуру города. На второй ступени (программа «Свой город»), в средней и старшей школе — изучают сравнительную историю

Петербурга — Петрограда — Ленинграда на примере трех поколений петербуржцев. В рамках проектной деятельности в школьном музее школьники, в том числе, дети-мигранты сами активно осваивают профессию экскурсовода. Ребята придумывают и ведут собственные экскурсии, что способствует формированию у подростков-инофонов восприятия Петербурга как «своего» города, а России — как своей второй родины. Занятия также повышают общий культурный уровень обучающихся детей-инофонов из семей с миграционной историей и способствуют активному взаимодействию и общению со сверстниками из числа местных жителей, которые тоже занимаются в кружке.

Для формирования здоровой творческой, созидательной образовательной среды, способствующей социализации, адаптации детей-мигрантов и детей-инофонов, а также их интеграции в культурное пространство Санкт-Петербурга и страны в целом, Школа ежегодно организует цикл культурно-образовательных мероприятий. Так, в рамках воспитательного модуля «Мы вместе» проводятся разнообразные праздники и фестивали национальных культур, на которых ученики различного этнического происхождения имеют возможность познакомиться с культурами и традициями разных народов и, также, представить свою. К проведению праздничных мероприятий Школа активно привлекает родителей детей из семей с миграционной историей. Ребята демонстрируют национальные костюмы, блюда национальной кухни и рассказывают о своих семейных и народных традициях. Подобные праздники пробуждают интерес школьников к культурам других народов, стимулируют общение между носителями разных этнокультурных идентичностей, способствуют сокращению культурной дистанции у представителей разных этнических и конфессиональных групп. На мероприятиях, приуроченных к Дню Победы, школьники-петербуржцы и дети-мигранты рассказывают о членах своей семьи (прадедушках и прабабушках), которые принимали участие в Великой отечественной войне, внесли вклад в общую для большой страны Победу. Дети-инофоны, в том числе, активно участвуют в спектаклях школьной театральной студии. В прошлом и текущем учебных годах они были заняты в постановке по художественному чтению писем детей блокады (приуроченной к памятным датам), новогодней сказке для начальной школы, драматических спектаклях по произведениям русской классики и т. д. Тема Великой отечественной войны, поданная не абстрактно, а через историю семьи, неизменно способствует сближению ребят разного этнического происхождения. Знакомство с другими культурами и возможность презентации своей также является сильным объединяющим фактором.

В Школе функционирует детское общественное объединение «Планета 443», которое организует большинство школьных мероприятий и конкурсов. Например, отряд юных волонтёров «Путями героев» много лет ухаживает за могилой лётчиков-героев, защитников Блокадного Ленинграда, на кладбище «9 января». Силами школьников-добровольцев была проведена поисковая работа и восстановлены имена лётчиков, найдены родственники одного из героев. Традиция чтить память героев передаётся от старших детей к младшим. Дети, прибывшие вместе со своими семьями из ближнего зарубежья, благодаря такой волонтёрской и поисковой деятельности осознают общее героическое прошлое (наши деды отстояли общую Родину) с жителями Санкт-Петербурга, что способствует преодолению культурной дистанции, сближению и интеграции в российское общество. Урочная и внеурочная деятельность Школы дополняют друг друга и направлены как на укрепление гармоничных взаимоотношений всех детей друг с другом, так и на социализацию детей-мигрантов.

В организации дополнительного образования и внеурочной деятельности по адап-

тации и интеграции детей-инофонов Школа активно использует ресурсы социокультурной среды и привлекает партнеров. Так, с ГБУ дополнительного образования Центр творчества и образования Фрунзенского района Санкт-Петербурга Школа реализует совместные сетевые программы «Петербург объединяет друзей», «Пути достижения общественного согласия», направленные на поддержку духовно-нравственного, культурно-эстетического развития, патриотического воспитания, успешной социализации, в том числе, детей-мигрантов; с Этноклубом «Славянка» Фрунзенского района Санкт-Петербурга — участвует в совместном проекте «Календарный круг», направленном на знакомство со славянскими и другими праздниками годового цикла, воспитание уважительного отношения к культурам разных народов.

3. Организация правовой помощи семьям детей-мигрантов.

Несколько раз в году Школа проводит Дни открытых дверей, во время которых с привлечением ресурса социального партнера — Российской Таможенной академии имени Бобкова — организует работу кабинета правовой помощи семьям детей-инофонов с миграционной историей. Юридические консультации для родителей мигрантов, в том числе попавших в трудную жизненную ситуацию, проводят практиканты Юридической клиники Академии. Помимо этого, в течение всего года у семей, обучающихся с миграционной историей есть возможность при необходимости, обратиться за консультацией и юридической помощью к более опытным юристам, принимающим на площадке Таможенной Академии.

4. Просветительская работа с родителями.

В Школе налажена реализация системы просветительской работы по формированию у обучающихся, педагогов и родителей культуры толерантного, уважительного отношения друг к другу. Работа с родителями ведется с привлечением социальных партнеров во время специальных классных часов. В частности, представители Российского Санкт-Петербургского отделения Красного Креста читают лекции для родителей, на которых рассказывают об истории и современности миграции, миграционных процессах в мире и в современной России, о роли мигрантов в экономике и на рынке труда РФ, об истории распада СССР и прежнем единстве постсоветского культурного пространства. Подобные мероприятия способствуют преодолению этнических стереотипов, предрассудков, анти-мигрантских настроений и последствий негативного опыта межнационального общения у родителей.

5. Обучение педагогов школы в сфере межкультурной компетентности.

Школа уделяет большое внимание повышению межкультурной компетентности всего педагогического коллектива. Педагоги Школы постоянно проходят курсы повышения квалификации в сфере поликультурного образования. На данный момент примерно половина учителей-предметников, а также социальных педагогов и педагогов дополнительного образования уже прошли курсы ПК на базе различных вузов по развитию этнокультурной компетентности и обучению работе в поликультурной среде, освоили современные технологии в этой сфере. Методическую помощь в обучении и повышении квалификации педагогов на постоянной основе оказывают: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Национальный

исследовательский университет «Высшая школа экономики» (также ведет просветительскую и профориентационную работа с детьми-мигрантами); Российский государственный университет имени Герцена (Факультет русской филологии, кафедра межкультурной коммуникации — совместная работа по языковой и культурной адаптации детей-инофонов); Санкт-Петербургское отделение организации «Красный Крест».

Интересной педагогической находкой руководства Школы в сфере адаптации детей-мигрантов стало целенаправленное привлечение в образовательную организацию в качестве учителей выходцев из республик Центральной Азии и Закавказья (Таджикистана, Узбекистана, Азербайджана, Армении и т. д.), педагогов-билингвов, закончивших российские вузы, способных при необходимости пообщаться с детьми-инофонами на их родных языках и объяснить материал с учетом особенностей понимания носителей другой культуры. Таким педагогам гораздо легче работать с иноэтничными учащимися, а ребята, особенно в начальной школе, чувствуют себя комфортнее в классе с учителем, понимающим их язык и культуру, что способствует сокращению культурной дистанции между ними и одноклассниками российского происхождения, и в целом в школьном сообществе. Некоторые из числа молодых педагогов-билингвов Школы сами являются ее выпускниками, прошли когда-то путь адаптации и интеграции в российское общество, успешно закончили вузы Санкт-Петербурга и теперь вернулись преподавать в родную школу.

6. Организация оптимальной работы службы сопровождения.

В школе действует служба сопровождения, в состав которой входят заместитель директора по воспитательной работе, социальный педагог, психолог, логопед, учитель-дефектолог, медицинский работник, педагоги-организаторы, классные руководители. Это позволяет реализовать комплекс мероприятий по адаптации, социализации и интеграции детей-мигрантов во всех формах и отслеживать результаты этой работы. При возникновении сложностей или проблем с учебой либо взаимодействию с одноклассниками ребенок-инофон всегда может обратиться за консультацией или помощью к представителям службы сопровождения. Кроме того, «сложные подростки» из числа детей-мигрантов привлекаются к мероприятиям ГБУ дополнительного образования Центр психолого-педагогической, медицинского и социальной помощи Фрунзенского района Санкт-Петербурга по раннему выявлению детей, имеющих трудности в социальной и школьной адаптации.

Итогом трехлетней инновационной деятельности школы № 443 Санкт-Петербурга по разработке и внедрению Программы адаптации и интеграции детей-инофонов стал Сборник методических материалов, впущенный в 2023 г. Здесь собраны методические материалы и статьи по теме, предназначенные для педагогов, которые работают в поликультурном образовательном пространстве. Сборник в электронном формате размещен на сайте школы в разделе «инновационная деятельность» (Сборник 2023). В создании сборника приняли участие не только педагоги школы (учителя-предметники, учителя начальной школы, педагоги службы сопровождения и классные руководители), но также ученики и социальные партнёры школы, в частности — Российская таможенная академия имени Бобкова. Показательно, что в иллюстрации обложки сборника использована работа ученицы школы из семьи с миграционной историей Ляман Гасымовой, победителя городского конкурса «Традиционные зимние праздники» в Санкт-Петербурге» 2020 г.

Заключение

Миграционные потоки и полиэтничность населения стали неотъемлемой составляющей жизни современного российского мегаполиса, в частности Санкт-Петербурга. Перед школами города остро стоит задача социализации, адаптации и интеграции многочисленных детей из семей мигрантов, которые поступают на учебу в образовательные организации и нередко составляют в них весомый процент.

Школа № 443 накопила большой и успешный опыт в сфере адаптации и интеграции детей-инофонов и детей с миграционной историей семьи, активно использует в этой деятельности ресурсы социокультурной среды (музейные комплексы Санкт-Петербурга, площадки учреждений дополнительного образования района и партнеров и т. д.), привлекает к ней социальных партнеров и родителей. Ежегодные результаты тестирований (предметных, психологических, на функциональную грамотность и т. д.) детей-мигрантов, обучающихся в школе № 443, демонстрируют не только поступательное повышение уровня владения русским языком и общей успеваемости, но и позитивные изменения в структуре личности детей-инофонов (мотивационные, когнитивные, эмоциональные и поведенческие), успешное включение их в культурное пространство города и страны, осознание себя частью российского общества и социокультурного пространства. Представляется весьма целесообразным распространение опыта школы на образовательные организации Санкт-Петербурга и других крупных городов РФ.

Источники и материалы

ВКонтакте 2024 — Софийская овощебаза окончательно переехала // Новости Купчино [электронный ресурс] / Социальная сеть «ВКонтакте» (https://vk.com/wall-41841130_1485073 (дата обращения: 18.12.2024).

Концепция 2018 — Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Kremlin.Ru [Электронный ресурс]: http://www.kremlin.ru/acts/news/58986 (дата обращения: 12 декабря 2024).

Перечень поручений 2021 — Перечень поручений Президента РФ от 19 мая 2021 г. по итогам заседания Совета по межнациональным отношениям от 30 марта 2021. П. 2. № Пр-831 // Kremlin.ru [Электронный ресурс]: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/65624 (дата обращения: 20.12.2024).

Письмо Минпрос 2021 — Письмо Министерства просвещения от 16 августа 2021 г. N НН-202/07 (Методические рекомендации органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации об организации работы общеобразовательных организаций по языковой и социокультурной адаптации детей иностранных граждан) // Институт развития образования [Электронный ресурс]: https://оирo.рф/wp-content/uploads/2024/09/Pismo_Minprosveshheniya_Rossii_ot_16_08_2021_N_NN_202_07_O.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

ПМА 2024 — Интервью автора с заместителем директора школы № 443 Е. В. Габышевой. 25.09.2024 // ПМА-2024. И-1-Спб.

Сайт ИА ТАСС. 2024 — Сайт ИА ТАСС. 20.12.2024. [Электронный ресурс]. https://tass.ru/obschestvo/22729751 (дата обращения: 20.12.2024).

Целевая программа 2022 — Целевая программа сопровождения «Помощь в адаптации, социализация и интеграции детей-мигрантов, детей-инофонов в школе. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения Средней общеобразовательной школы № 443 Фрунзенского района Санкт-Петербурга: https://школа443.рф/vospitatelnaya-sluzhba/innovacionnaya-deyatelnost/rajonnyj-konkurs-innovacionnyx-produktov-start-v-budushhee-2021-2022/ (дата обращения: 12.12.2024).

Научная литература

Барышева Ю. С., Волжанцева Е. В. Социокультурная адаптация детей мигрантов в России: интеграционные культурные мероприятия // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2021. Вып. 1. С. 207–218. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_1_843_207

Малахов В. С. Интеграция мигрантов: концепции и практики. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2015. 272 с.

Мукомель В. И., Григорьева К. С. (отв. ред.) Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы [коллективная монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2022. 400 с.

Омельченко Е. А. Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт. М.: Этносфера, 2018. 416 с.

Повышение профессиональной компетенции педагога по вопросам межэтнических отношений. Сборник материалов / [Горячев Ю. А. и др.; под ред. Ю. А. Горячева]. М.: ГАОУ ВО МИОО, 2015. 168 с.

Сборник методических материалов по результатам инновационной деятельности школы: в рамках реализации целевой программы «Помощь в адаптации, социализации и интеграции детей-мигрантов, детей-инофонов в школе» / [творческая группа Михеева Е. П. и др.]. СПб.: ГБОУ Средняя общеобразовательная школа № 443 СПб., 2023. 131 с. // Официальный сайт Государственного бюджетного общеобразовательного учреждения Средней общеобразовательной школы № 443 Фрунзенского района Санкт-Петербурга. https://школа443.рф/vospitatelnaya-sluzhba/innovacionnaya-deyatelnost/

References

Barysheva, Yu. S., and E. V. Volzhantseva. 2021. Sotsiokul’turnaia adaptatsiia detei migrantov v Rossii: integratsionnye kul’turnye meropriiatiia [Socio-Cultural Adaptation of Children of Migrants in Russia: Integrative Cultural Activities]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* 1: 207–218. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_1_843_207

Goriachov, Yu. A. (ed.). 2015. *Povyshenie professional’noi kompetentsii pedagoga po voprosam mezhetnicheskikh otnoshenii* [Improving the Professional Competence of a Teacher in Matters of Interethnic Relations]. Moscow: Gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel’noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniia Moskovskii institut otkrytogo obrazovaniia. 168 p.

Malakhov, V. S. 2015. *Integratsiia migrantov: kontseptsii i praktiki* [Integration of Migrants: Concepts and Practices]. Moscow: Fond “Liberal’naia Missiia”. 272 p.

Mikheeva, E. P. et. al. 2023. *Sbornik metodicheskikh materialov po rezul’tatam innovatsionnoi deiatel’nosti shkoly: v ramkakh realizatsii tselevoi programmy «Pomoshch’ v adaptatsii, sotsializatsii i integratsii detei-migrantov, detei-inofonov v shkole»* [Collection of Methodological Materials on the Results of Innovative Activities of the School: Within the Framework of the Implementation of the Target Program “Assistance in the Adaptation, Socialization and Integration of Migrant and Non-Native Children at School”]. Saint Petersburg: Gosudarstvennoge byudzhetnoe obshcheobrazovatel’noe uchrezhdenie Srednaia obshcheobrazovatel’naia shkola № 443 Frunzenskogo raiona Sankt-Peterburga. 131 p. https://shkola443.rf/vospitatelnaya-sluzhba/innovacionnaya-deyatelnost/

Mukomel, V. I., and K. S. Grigoreva (eds.). 2022. *Adaptatsiia i integratsiia migrantov v Rossii: vyzovy, realii, indikatory* [Adaptation and Integration of Migrants in Russia: Challenges, Realities, Indicators]. Moscow: Federal’nyi nauchno-issledovatel’skii sotsiologicheskii tsentr RAN. 400 p.

Omelchenko, E. A. 2018. *Integratsiia migrantov sredstvami obrazovaniia: rossiiskii i mirovoi opyt* [Integration of Migrants Through Education: Russian and International Experience]. Moscow: Etnosfera. 416 p.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/109-121
Научная статья

© Е. Ф. Теплова

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ИНОЭТНИЧНЫМИ РОДИТЕЛЯМИ В ПРАКТИКЕ РОССИЙСКИХ ШКОЛ

Поддержка образовательной организации и работа с родителями важны для адаптации учащихся из семей с миграционной историей. Родители, столкнувшись с трудностями на новом месте жительства, часто сами не могут помочь детям в адаптации, поэтому школа должна стать основным институтом помощи, применяя особый подход и оказывая непрерывную психолого-педагогическую поддержку. Опыт образовательных организаций из различных регионов показывает, что для решения затруднений, вызванных слабым владением русским языком у иноэтничных родителей, их культурными и религиозными особенностями, следует создавать волонтерские группы с участием школьных специалистов, представителей диаспор и других родителей с миграционной историей, имеющих позитивный опыт адаптации. Деятельное участие школы в жизни таких семей может заключаться в помощи с обучением взрослых русскому языку и приемам помощи детям, неформальному вовлечению их во внеклассные мероприятия — через театральную деятельность, спорт, интеллектуальные и соревновательные виды деятельности, в непрерывном сопровождении семьи сотрудниками школы — классным руководителем, психологом, социальным педагогом, педагогом дополнительного образования. Привлечение родителей к участию школьной жизни укрепляет уверенность ребенка, способствует социализации и формированию партнерских отношений между школой и семьей.

Ключевые слова: *иноэтничные родители, школа, адаптация, миграция, социализация*

Ссылка при цитировании: *Теплова Е. Ф.* Трудные вопросы взаимодействия с иноэтничными родителями в практике российских школ // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 109–121.

Теплова Елена Феликсовна — к. и. н., директор Центра историко-культурных исследований религии и межцивилизационных отношений, доцент кафедры культурологии, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119435 Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1). Эл. почта: ef.teplova@mpgu.su

* Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 124031100002-4 «Социокультурная среда как ресурс адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей»).

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/109-121
Original Article

© Elena Teplova

COMPLEX ISSUES OF INTERACTION WITH PARENTS — REPRESENTATIVES OF ETHNIC MINORITIES IN THE PRACTICE OF RUSSIAN SCHOOLS

School support and cooperation with parents are important for the adaptation of students from families with migration history. Parents who face difficulties in a new environment often can't help their children to adapt, so a school should become the main institution of assistance; therefore, it should apply a special approach and provide continuous psychological and pedagogical support. The experience of educational organizations from different regions shows that special volunteer groups can provide an effective solution to the difficulties caused by poor command of the Russian language among parents from non-Russian ethnic groups, their cultural and religious attitudes. Such volunteer groups are made up with school specialists, representatives of ethnic diasporas and other parents with migration history who have positive experience of adaptation. A school's active participation in such families' life may consist in helping adults to learn Russian and informally involving children in extracurricular activities — through theater, sports, intellectual and competitive activities. Continuous support provided to a family by school staff, that is, a class teacher, psychologist, social pedagogue, teacher of supplementary education, is essential. Involving parents in school life strengthens a child's self-confidence, promotes socialization and a partnership between a school and a family.

Keywords: *parents — representatives of ethnic minorities, school, adaptation, migration, socialization*

Author Info: Teplova, Elena F. — Ph.D. in History, Director of the Center for Historical and Cultural Studies of Religion and Intercivilizational Relations, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ef.teplova@mpgu.su

For citation: Teplova, E. F. 2025. Complex Issues of Interaction with Parents — Representatives of Ethnic Minorities in the Practice of Russian Schools. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 109–121.

Funding: The research was conducted within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (theme №124031100002-4 **"**The Socio-Cultural Environment as a Resource for the Adaptation of Foreign Minors and Children with a Migration History".

В XXI в. человечество столкнулось с беспрецедентными вызовами в сфере миграции: число людей, участвующих в миграционных процессах, год от года увеличивается, а тема адаптации и интеграции мигрантов становится все более острой и актуальной в общественном дискурсе большинства стран мира. Как правило, обеспокоенность у принима-

ющего населения вызывают иноэтничные мигранты — люди, этнически и культурно отличающиеся от большинства членов общества, вступающих с ними во взаимодействие в конкретном регионе. В основном это международные мигранты (семьи международных мигрантов), но в последние годы все чаще проблемное поле адаптации может распространяться и на тех людей, которые уже получили гражданство принявшей их страны (в нашем случае — Российской Федерации), но которые при этом недостаточно интегрированы в российское общество, имеют слабое представление о российской культуре и истории, плохо владеют русским языком, выстраивают свою жизненную стратегию, в основном, полагаясь на принятые в обществе исхода ценности и нормы, практически без ориентации на российские правила и принципы взаимодействия.

Система образования Российской Федерации и все ее учреждения являются важными участниками реализации государственной национальной политики России и должны вносить значимый вклад в сохранение единства всех народов, проживающих на территории страны, включая тех, кто недавно получил российское гражданство. Взаимодействие семьи и школы подразумевает выполнение иноэтничными родителями ряда процедур: регистрацию детей в учебном заведении, предоставление сведений о семье классному руководителю, участие в родительских собраниях и активное взаимодействие с учителем. Родители также должны осуществлять контроль за ребенком: следить за выполнением домашних заданий, сопровождать его в школу и встречать после занятий. Кроме того, возникает и необходимость вкладывать средства в образование ребенка: приобретать дополнительные материалы, материально участвовать в подготовке к внеклассным мероприятиям наравне с другими родителями и, при необходимости, нанимать репетиторов.

Традиционно учебные достижения и образовательные планы детей-мигрантов служат мерилом успешности их интеграции в принимающее сообщество (*Александров* и др. 2012). Среди современных исследований, посвященных проблематике адаптации иноэтничных мигрантов, достаточно мало полевых исследований, осуществленных в среде самих мигрантов: неясно пока, как идет процесс трансформации жизненных планов и стратегий человека с миграционной историей и его семьи, как и кем принимается решение об интеграции, в какой мере учитываются интересы части семьи, остающейся в «посылающем» обществе. Пока нет ответа на вопрос, воспроизводятся ли какие-то институты исходной среды обитания в принимающее общество и как это сказывается на процессе интеграции мигрантов (*Омельченко* 2022). Настоящая статья призвана отчасти решить эту проблему: объектом изучения автора стали иноэтничные семьи с миграционной историей, чьи дети поступают на обучение в российские школы. Практические вопросы взаимодействия педагогических и управленческих коллективов российских образовательных организаций с иноэтничными родителями волнуют многих представителей современной системы образования. Автор исследования провела ряд интервью с педагогами школ и детских садов из 14 субъектов РФ и представляет некоторые результаты изучения проблем взаимодействия с родителями иноэтничных учащихся, которые могут быть применены в российской системе образования.

Переезд на новое место жительства может быть трудным как для взрослых, так и для детей. Для детей дошкольного возраста наиболее значимым является проявление эмпатии по отношению к близким, которые часто испытывают тревогу, раздражение и недовольство собой, своим социальным положением и окружающими. Дети «заражаются» этими негативными эмоциями, не осознавая их причин. Для детей младшего школьного возраста становятся значимыми переживания, связанные с изоляцией семьи

и изменениями внутрисемейных отношений (тревога, раздражение, недостаток тепла и доверия), отсутствием преемственности в стилях общения, обучения и трудностями в усвоении знаний из-за перерыва в обучении. Для подростков характерны переживания, обусловленные ограниченностью числа сверстников с аналогичной культурой, своеобразием своего положения и положения своей семьи и близких как жертв социальной несправедливости, как пострадавшей стороны.

Образовательные учреждения играют важную роль в социально-психологической адаптации детей-мигрантов (*Омельченко* 2023). В процессе социально-психологической адаптации реализуются потребности, интересы и стремления личности, раскрывается и развивается ее индивидуальность, личность входит в новое социальное окружение. Для педагога, работающего с детьми из семей с миграционной историей, важно создать условия, способствующие успеху и мотивирующие учеников к обучению. У детей-мигрантов на этапе адаптации часто снижается успеваемость из-за их состояния, педагогической запущенности или несоответствия программ. Таким детям могут потребоваться дополнительные занятия для восполнения пробелов в знаниях. При оценке их знаний важно учитывать не только результаты, но и прогресс: оценка должна быть стимулом для дальнейшего развития.

Одной из ключевых составляющих индивидуальной поддержки учащегося из семьи с миграционной историей является работа с его родителями. Высокий уровень школьной тревожности у детей с миграционным прошлым может проявляться в волнении, пассивности или агрессии, беспокойстве перед учебными занятиями, безынициативности. Родители, не владеющие русским языком, часто бывают не в состоянии оказать помощь в освоении языка обучения и приспособлении к новым требованиям. Образовательная организация должна стать основным институтом, помогающим учащимся и их родителям влиться в российское общество, применяя особый подход к работе с семьями и оказывая непрерывную психолого-педагогическую поддержку (Межнациональные 2023).

Для успешной адаптации детей иностранных граждан и их семей к образовательному процессу и новой для них социальной среде необходима комплексная программа, целью которой является эффективная передача образцов поведения, ценностей и норм принимающего общества (*Омельченко, Шевцова* 2022). В рамках реализации Комплекса мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, утвержденного в 2022 г., предусмотрена организация мероприятий, направленных на повышение квалификации педагогических работников и специалистов, которые взаимодействуют с этой категорией детей в образовательной среде. Ответственность за организацию и проведение данных мероприятий возложена на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

В рамках образовательных программ, направленных на подготовку педагогов и других специалистов в области образования, особое внимание следует уделить вопросам социализации и языковой адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей, имеющих опыт миграции. Решение психолого-педагогических задач, связанных с содействием социальной, языковой и культурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, требует от педагогических работников и администрации определенных навыков и компетенций. Прежде всего, необходимо иметь сформированные профессиональные компетенции, включающие в себя понимание основных образовательных потребностей обучающихся-детей иностранных граждан, а также владение основными приемами и технологиями психолого-педагогического сопровождения.

Кроме того, важно уметь проектировать и реализовывать стратегии сопровождения, а также эффективно взаимодействовать с родителями-иностранными гражданами. Однако, успешность реализации деятельности по содействию социальной, языковой и культурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан напрямую связана с наличием у педагога межкультурной компетентности (*Хухлаев* и др. 2022). Педагоги с низким уровнем межкультурной компетентности могут испытывать трудности в адекватном восприятии учащихся иной культурной принадлежности и в выстраивании оптимальной стратегии взаимодействия с ними. В связи с этим, задачами методической поддержки педагогических работников в общеобразовательных организациях, в составе обучающихся которых есть дети иностранных граждан и дети с миграционной историей, слабо владеющие русским языком, являются:

- формирование профессиональных компетенций педагогов в области языковой, социальной, психологической и культурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан;
- содействие формированию межкультурной компетентности педагогов и администрации школы;
- оказание адресной помощи педагогическим работникам.

Необходимо отметить, что в настоящее время проводятся мероприятия и реализуются меры социальной поддержки семей с миграционной историей, которые должны быть известны администрации и педагогам школы. Существует широкий спектр поддерживающих решений, который уже существует на международном, всероссийском, региональном и муниципальном уровне:

- Международный: Международная научно-практическая конференция «Цифровизация образования: поиск и выбор инновационных решений»; Международная конференция «Современное образование: векторы развития. Социально-гуманитарное знание и общество»; Международная научно-практическая конференция «Современные образовательные технологии как ресурс совершенствования профессиональной деятельности педагога»;
- Всероссийский: Всероссийский научно-практический форум с международным участием «Современный ребенок — современный педагог — современный родитель — современный город»; Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы культурного образования»; Всероссийская научно-практическая конференция «Реализация особых образовательных потребностей детей-инофонов и детей иностранных граждан: региональный опыт, лучшие российские и мировые практики»;
- Региональный: гражданские форумы, посвященные вопросам межнационального общения; съезды национально-культурных объединений; круглые столы по вопросам этноконфессиональной безопасности в системе регионального образования и т. п.;
- Муниципальный: форумы, заседания координационных советов по работе с национально-культурными и религиозными объединениями, информационно-методические обучающих вебинары для администрации и педагогов образовательных организаций и т. п.

В п. 23 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. акцентируется внимание на необходимости создания условий для успешной интеграции иностранных граждан и их детей в российское общество.

Это включает в себя освоение русского языка, знакомство с нормами поведения, принятыми в России, а также приобщение к традиционным духовно-нравственным ценностям. Очевидно, что усилия образовательных учреждений и педагогов, направленные на адаптацию и интеграцию иностранных детей, должны быть поддержаны окружающей социокультурной средой. В этой работе важно использовать потенциал культуры, спорта, национально-культурных и других общественных организаций. Образовательной организации необходимо стремиться к установлению партнерских отношений с семьями с миграционной историей, проводя индивидуальные консультации и посещая семьи. Важно унифицировать требования школы и семьи для создания благоприятной среды для адаптации школьников: родители играют решающую роль в адаптации ребенка, поэтому важно привлекать их к взаимодействию.

Процесс адаптации взрослых людей к новым условиям жизни является более сложным и длительным по сравнению с адаптацией детей. Это особенно актуально для матерей, которые, как правило, совмещают воспитание детей с выполнением домашних обязанностей.

Важно учитывать, что родители, являющиеся иностранными гражданами, как и их дети-мигранты, представляют собой группу с разным уровнем образования, социально-экономическим статусом и планами на будущее. Работа с родителями-мигрантами должна быть выстроена с учетом этапов их адаптации в новом обществе:

- Первый этап — это выживание. На этом этапе находятся недавно приехавшие семьи, которые только начинают приспосабливаться к условиям жизни на новом месте. Однако адаптация у всех занимает разное время, и на этом этапе могут оставаться и семьи, которые приехали уже давно. Не стоит требовать от родителей, находящихся в стадии «выживания», активного участия в учебе. Если ребенок ходит в школу и в целом справляется, то для них пока что такой результат может быть достаточным;
- Второй этап — это обучение. На этом этапе бытовые и социально-экономические проблемы уже решены, и родители могут сосредоточиться на более сложных аспектах жизни в новой среде. Школа может помочь семье разобраться в тонкостях и нюансах, связанных с возможностями, которые предоставляет образовательная организация. Это можно сделать как через беседу, так и через ознакомление родителей с материалами, представленными на сайте образовательного учреждения. Именно на этом этапе семья наиболее активно участвует в школьных мероприятиях, помогает классу и знакомится с другими родителями;
- Третий этап — это установление контактов. На этом этапе родители уже достаточно адаптированы, и взаимодействие с семьями может происходить через их участие в мероприятиях класса и школы, помощь классному руководителю, обсуждение планов относительно детей и формулирование общих целей;
- Четвертый этап — это лидерство. На этом этапе родители обладают высоким уровнем межкультурной компетенции: они не только хорошо адаптированы в новом обществе, но и осознают культурные различия, могут объяснить разницу в поведении представителей своей культуры и носителей культуры принимающего общества.

Учителям, психологам и социальным педагогам необходимо поддерживать тесный контакт с семьями, недавно переехавшими в Российскую Федерацию. При этом следует учитывать, что каждая семья имеет свой уникальный социальный опыт и ожидания. На-

пример, семьи, прибывшие из городских населенных пунктов, адаптируются быстрее, чем те, кто не имеет опыта городской жизни. Для поддержки семей следует создавать волонтерские группы, включающие школьных специалистов, представителей диаспор и других родителей с позитивным опытом адаптации. Можно проводить специальные встречи, рассказывая о программах школы и возможностях летних лагерей.

Родителям следует объяснять правила проживания в РФ, правила дорожного движения и способы защиты детей от асоциальных групп. Из хорошо зарекомендовавших себя инструментов работы с семьями можно назвать «Этическую лесенку» — разговор о правилах поведения, а «Путешествие по России» поможет семьям лучше понять новую для них страну (ПМА 2024).

В образовательной организации эффективным инструментом взаимодействия с семьей, имеющей опыт миграции, является использование чата класса или группы в мессенджере. Как правило, родители понимают смысл информации, размещенной классным руководителем или воспитателем, и даже при слабом владении русским языком реагируют на вопросы и поставленные задачи. В таких случаях важно использовать простые слова, краткие предложения и четко, ясно, прямо излагать свои мысли. Иногда полезно поощрять участников чата, которые стесняются допускать печатные ошибки. Отправка голосовых сообщений также способствует продолжению диалога и участию родителей в школьной жизни. Родители учащихся часто сами приходят к такой форме взаимодействия, и другие русскоговорящие родители охотно ее используют, если хотят продолжить диалог.

В некоторых случаях одной из сторон может быть неудобно прослушивать аудиозаписи. Однако, если классный руководитель понимает, что для семьи с миграционной историей на данном этапе адаптации этот способ — единственно возможный, следует отправить в чат короткое сообщение с благодарностью за ответ и пояснением, что запись будет обязательно прослушана позже. В редких случаях, когда любые формы группового общения представляют сложность для родителей или законных представителей ребенка, классный руководитель или воспитатель может отдельно, в личном сообщении или звонке донести до семьи с миграционной историей суть обращения. Тем не менее, даже в такой ситуации важно стремиться к тому, чтобы семья не покидала общий чат. Фотографии и видео с эпизодами школьной жизни, в которых участвует ребенок, способствуют поддержанию положительного образа школы и класса.

Вопросы, связанные с управлением классным чатом, должны находиться в ведении классного руководителя или воспитателя, в зависимости от их компетенции. Хотя такое взаимодействие с родителями не является обязательным, оно стало удобным и приемлемым для большинства. Решение о том, оставлять ли чат открытым для всех или же закрывать комментарии родителей, остается за учителем. Тем не менее, чат с открытыми диалогами и комментариями, а также возможностью обмениваться медиафайлами и голосовыми сообщениями, представляется более позитивным и дружелюбным по отношению к участникам, особенно когда речь идет об адаптации и социализации семей с миграционной историей.

Основной проблемой образовательных организаций является неподготовленность семей с миграционной историей к помощи ребенку в учебе. Многие семьи не понимают, как помочь, так как русский язык часто знает только отец, а мать занята младшими детьми. Кроме того, большую роль играет и культурная разница: дети, особенно девочки, воспринимаются как помощницы по дому. В этой ситуации школе необходимо

активно взаимодействовать с местными национально-культурными и диаспоральными объединениями. При их поддержке можно организовать курсы для скорейшего обучения взрослых русскому языку — особенно для повседневной жизни — и приемам помощи детям. Родители, освоив общение с ребенком на русском, могут получить рекомендации для проверки домашних заданий, отработать фонетику и лексику, связанные с программой обучения ребенка: слова для урока и домашнего задания, тексты для заучивания, произношение и значение математических терминов и т. д. Эффективны совместные занятия для всей семьи, содержание которых коррелируется с календарно-тематическим планом ребенка. Для работы непосредственно с самими детьми-инофонами эффективно применять следующий алгоритм:

- Диагностика владения русским языком и предметных знаний;
- Составление заключения, содержащего рекомендации по дальнейшему обучению ребенка, включает в себя анализ типичных трудностей учащихся-инофонов с использованием диагностических тестов по русскому языку как иностранному;
- Индивидуальный учебный план, учитывающий дифференцированный подход к обучению и возможности учебного сотрудничества на уроках, разрабатывается с учетом результатов анализа;
- Подбор необходимых учебных материалов и пособий по предмету осуществляется с целью обеспечения эффективности образовательного процесса;
- Сочетание занятий в обычном классе с дополнительными индивидуальными или групповыми занятиями по изучению русского языка способствует более глубокому погружению в языковую среду и улучшению коммуникативных навыков;
- Организация внеурочной деятельности для детей-инофонов осуществляется в соответствии с календарно-тематическим планированием и принадлежностью к определенной возрастной группе;
- Индивидуальные логопедические занятия проводятся с целью коррекции речевых нарушений;
- Создание условий для эффективного речевого взаимодействия между детьми-инофонами и русскоязычными детьми достигается через элементарное общение с носителями языка и включение детей-мигрантов в творческую и познавательную деятельность.

Для развития речевых компетенций применяются разнообразные методы и средства, такие как игровые и проблемные ситуации, дидактические игры, направленные на развитие познавательных процессов, логические задачи и упражнения, чтение и инсценировка, слушание и заучивание стихотворений и рассказов, а также работа над произношением с целью развития фонологических, грамматических и коммуникативных навыков. Кроме того, используются методы, связанные с рассмотрением картин и слушанием музыкальных произведений.

Языковые проблемы, безусловно, оказывают существенное влияние как на успешность освоения образовательной программы детьми-инофонами, так и на социальные отношения, включая взаимодействие с окружающими, а также на формирование коммуникативной компетенции. В то же время, недостаточный уровень коммуникативных навыков определяет характер общения в группах и влияет на готовность или неготовность эффективно разрешать возникающие конфликты. Степень владения языком, на котором ребенку предстоит не только общаться в повседневной жизни, но и получать образование, оказывает значительное воздействие на его адаптацию и самоидентифи-

кацию в детском коллективе. Непонимание письменного текста учебных материалов может замедлить приспособление ученика к школе и участие родителей в его учебной жизни. Адаптация учебных пособий и материалов к родному языку учащегося и его семьи поможет понять содержание предмета и позволит родителям контролировать учебу ребенка, став эффективнейшим инструментом для школы.

В сотрудничестве с национально-культурными объединениями, землячествами и органами местной власти школа может создать реестр прибывающих детей для эффективной работы с семьями и создания системы сопровождения (*Горячев* и др. 2023). Также целесообразно ввести в образовательной организации отдельную ставку для педагога дополнительного образования для работы с детьми с миграционной историей, чтобы выделить этот аспект в самостоятельное направление деятельности школы.

В работе с семьями, в которых есть дети с миграционным прошлым, важно объяснить родителям, насколько важно для ребенка посещать кружки и спортивные секции, которые соответствуют его интересам. Участие в дополнительных занятиях помогает ребенку лучше адаптироваться в школе и освоить русский язык. Необходимо привлекать родителей к участию в итоговых мероприятиях дополнительных программ, таких как спектакли, концерты, матчи, выставки и другие. Важно постоянно напоминать родителям о том, как важно поддерживать увлечения ребенка и помогать ему выполнять задания, готовить материалы для поделок, создавать костюмы и т. д.

Участие родителей в жизни и развитии ребенка укрепляет его уверенность, делает процесс интеграции более желанным и способствует социализации как самого ребенка, так и родителей. Это также помогает установить партнерские отношения с учителем. Семьи с миграционным прошлым следует активно вовлекать в классные мероприятия, мастер-классы, походы и тематические выходные. Постоянное и активное участие родителей в школьной жизни ребенка положительно влияет на его социализацию. Интеграция семьи в школьную жизнь является ключевым условием успешного освоения учебной программы на русском языке и адаптации в российском обществе.

Одним из наиболее эффективных методов интеграции детей, имеющих миграционный опыт, в российское общество является их участие в театральной деятельности. Это не только помогает им лучше освоить русский язык и развить коммуникативные навыки, но и раскрывает их творческие способности, что, в свою очередь, способствует активной социализации. Чтобы повысить вовлеченность родителей в образовательный процесс, необходимо привлекать их к участию в подготовке школьных спектаклей. Формы взаимодействия могут быть самыми разнообразными: помощь в создании костюмов и декораций, участие в генеральных репетициях, подготовка реквизита и многое другое. Когда родители становятся частью команды по созданию спектакля, они не только усваивают правила взаимодействия и задачи образовательной организации, но и обретают навыки коммуникации с педагогами и другими родителями. Кроме того, это способствует формированию доверия к школе. Семьи, имеющие миграционный опыт, активно участвуя в подготовке школьных спектаклей, становятся партнерами школы в создании благоприятной среды для учащихся. Для детей важно не только внимание родителей к их успехам, но и постоянная поддержка и помощь со стороны членов семьи, вовлечение родителей в школьную жизнь. Ученики, в том числе земляки, могут помочь друг другу, используя систему «Дети учат детей»: тот, кто уже адаптировался, становится наставником для новичков, разъясняя трудные моменты и не оставляя их в одиночестве.

Участие же родителей в школьных делах и соревнованиях должно быть отмечено преподавателем и по возможности — получить поощрение при подведении итогов учебного года: семьи с миграционной историей становятся партнерами школы, поддерживая детей и помогая им в успешной адаптации. Полезно проводить тренинги на сплочение и взаимопонимание между детьми и родителями, создавая в классе и поддерживая внутри семьи психологически благоприятную среду (*Омельченко* 2018).

Особенно сложным для школы вопросом в контексте взаимодействия между семьями, имеющими миграционную историю, и коренными жителями региона, являются конфликты. Как правило, они возникают не в стенах образовательных учреждений, а в неформальной обстановке, например, на игровых площадках. Именно здесь дети-инофоны могут столкнуться с противодействием со стороны сверстников, а родители с обеих сторон вынуждены участвовать в разрешении возникающих проблем. Местные родители, не стремясь вникнуть в суть конфликта, могут проявлять неприязнь к тем, кто одевает своих детей в национальную одежду, говорит на ином языке и в целом отличается от привычного им образа. В таких ситуациях местные родители могут проявлять грубость по отношению к семьям мигрантов, в то время как у иноэтничных семей могут возникать сложности, связанные с различными аспектами вербальной и невербальной коммуникации: семья, принадлежащая к иной культуре, может не осознавать тех правил поведения, которые считаются естественными для местного большинства. В подобных условиях родителям детей из семьи с миграционной историей становится еще сложнее разрешить конфликт и отстоять свою правоту.

В процессе интеграции детей-мигрантов в новую среду можно выделить ряд аспектов, которые оказывают существенное влияние. Среди них значимы не только те, которые обычно разделяют людей на «своих» и «чужих», такие как язык, ценности, традиции и религиозные убеждения, но и такие факторы, как социальное благополучие, интеграция с местным населением, активность в социальной среде и оптимизм в отношении будущего. Также важно учитывать факторы, связанные с принимающей социокультурной средой. Нетолерантность часто связана с этнофобиями — социальными страхами, которые основаны на этнических признаках, наличии негативных стереотипов и предубеждений относительно друг друга, а также с нежеланием или неспособностью понять другого человека, найти пути к диалогу или компромиссу. Важно помнить, что этническая идентичность выполняет защитную функцию: в случае возникновения угрозы человек ищет защиты в своей этнической группе, с которой он разделяет ценности и видит в ней силу, способную его защитить.

Если рассматривать взаимоотношения между семьями мигрантов и местных жителей в целом, то можно отметить, что, как правило, родители-мигранты проявляют значительно большую открытость к общению с местными родителями по сравнению с последними.

Образовательная организация, получив информацию об имеющемся конфликте между местным населением и родителями учащихся из семьи с миграционной историей, не должна оставаться в стороне: необходимо принимать меры к решению подобных проблем, приглашая обе стороны для выяснения причин конфликта. Целью школы должен быть поиск выхода из ситуации и помощь родителям на пути к примирению, преобразование характера взаимодействия между семьями, представляющими различные этнические группы, в сторону обогащения культурными ценностями (*Починова* 2021). Это подразумевает интеграцию в местную культуру с одновременным изменением этнической

и языковой среды мигрантов, а также обогащение в этическом и личностном плане. Со стороны мигрантов происходит процесс изучения истории и современной жизни принимающей стороны, а со стороны их соседей, знакомых и одноклассников — культуры другого народа. У детей-мигрантов формируется готовность следовать существующим культурным образцам в детской и молодежной среде, а у детей принимающей стороны — навыки понимания и интерпретации, а также способность к диалогу, дискуссии и сотрудничеству. Важным шагом к успеху в этом процессе является правовое воспитание.

Чтобы сформировать уважительное отношение к представителям других культур и предотвратить межнациональную рознь, необходимо проводить просветительские мероприятия среди родителей. Одним из способов профилактики конфликтов является организация родительских собраний и классных часов, на которых разъясняются последствия правонарушений на почве национальной неприязни. Важно также пропагандировать толерантность по отношению к представителям других культур. Патриотическое и нравственное воспитание детей и подростков с участием родителей еще один эффективный способ предотвращения конфликтов. При этом патриотическое воспитание должно включать не только формирование любви к Родине, но и раскрытие темы многонациональности России и исторической роли страны как объединяющего начала для многих народов.

Проведение родительских собраний и встреч в небольших группах с целью предотвращения предубеждений и стереотипов в межличностном общении также является эффективным методом работы с семьями. Привлечение родителей из обеих сторон (принимающей и приезжей) к подготовке общеклассных мероприятий, таких как поездки, праздники, субботники, способствует созданию творческой атмосферы в группе и непринужденным дискуссиям. Важно привлекать родителей из обеих сторон к разработке и контролю участия детей в альтернативных формах реализации экстремального потенциала, таких как творческие занятия, спортивные мероприятия, походы и т. д.

Практика показывает, что включение семей из числа местного населения во взаимодействие с образовательной организацией может предотвратить многие конфликты и стать хорошим ресурсом для адаптации семей с миграционной историей. Совместные проекты, учебные экспедиции, экскурсии с родителями, изучение краеведения — все это помогает интегрироваться приезжим семьям в российское общество. Школа должна стать площадкой для взаимодействия семей через участие в различных мероприятиях, центром поддержки и сопровождения, формируя, буквально создавая условия для социализации.

Летний городской лагерь на базе школы — еще одно значимое направление интеграции, при котором родители не задействованы активно, но становятся косвенными участниками процесса. В образовательных лагерях можно формировать группы учащихся с миграционной историей и проводить мероприятия по усиленной социализации, включая занятия по русскому языку. Цель работы такого лингвистического отряда при летнем лагере — социализация и адаптация детей-инофонов через активные формы культурного и творческого досуга. В состав отряда входят преимущественно дети-инофоны, испытывающие сложности в общении на русском языке, а также несколько детей-билингвов с высокими результатами в обучении. Они помогают остальным участникам, переводя речь воспитателей и объясняя незнакомые слова. В лагере каждый день насыщен разнообразными занятиями: по русскому языку, окружающему миру, танцами, творчеством (рисование, лепкой, аппликацией, папье-маше, конструированием и др.), командными играми, квестами, игры-инсценировками.

Поддержка семьи — ключевое условие успешной интеграции ребенка в новую среду. Опыт образовательных учреждений из разных регионов России, в которых обучается большое количество детей, имеющих миграционное прошлое, позволяет сделать вывод о том, что принимаемые школами меры социальной, психологической и языковой поддержки семей с миграционной историей помогают им включиться в жизнь нового для них общества, реализуя свои потребности и интересы. Создавая для ребенка и его семьи атмосферу, способствующую успеху и мотивации к обучению, педагоги и иные сотрудники образовательной организации способствуют устранению трудностей не только в учебе, но и в воспитании, и в адаптации в целом, помогают отвлечься от травмирующих событий и открывают для семей новые горизонты. Предпринятое исследование показало, что роль этнического фактора системно недоучитывается в процессе практического взаимодействия с семьями иноэтничных мигрантов. Процесс интеграции иноэтничных мигрантов в принимающую среду заметно тормозится низким уровнем межкультурной компетентности педагогических и управленческих работников, что важно учитывать при разработке концептуальных документов, регулирующих сферу образования и политики адаптации и интеграции мигрантов. Изучение вопросов взаимодействия с родителями обучающихся с миграционной историей в практике российских школ должно быть продолжено.

Источники и материалы

ПМА 2024 — *Теплова Е. Ф.* Материалы полевых исследований автора. Интервью с классными руководителями 16 российских школ по вопросам взаимодействия с родителями при адаптации обучающихся с миграционной историей. 2024 г.

Научная литература

Александров Д. А., Баранова В. В., Иванюшина В. А. Дети и родители мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-176-199

Горячев Ю. А., Захаров В. Ф., Омельченко Е. А. Международные стандарты образования: уроки истории и современность: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Этносфера, 2023. 302 с.

Межнациональные и межконфессиональные отношения в современной России: учеб. пособие / А. Л. Абаев, Д. В. Иванюшин, В. Ю. Леденева и др.; отв. ред. М. А. Омаров. М.: РГГУ, 2023. 471 с.

Омельченко Е. А. Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество (историко-этнографическое исследование на материалах системы образования): дисс. … д-ра ист. наук. М.: 2022. https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2022/02/omelchenko_ea-disser.pdf

Омельченко Е. А. Интеграция детей из семей мигрантов: российский и мировой опыт. Монография. М.: Этносфера, 2018. 416 с.

Омельченко Е. А. Реализация задач государственной национальной политики Российской Федерации в сфере образования // Межнациональные и межконфессиональные отношения в современной России: учеб. пособие / А. Л. Абаев, Д. В. Иванюшин, В. Ю. Леденева и др.; отв. ред. М. А. Омаров. М.: РГГУ, 2023. С. 355–394.

Омельченко Е. А., Шевцова А. А. (под общ. ред.). Адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российской системе образования: монография. М.: Этносфера, 2022. 169 с.

Починова О. Г. (сост.). Специфика обучения и социально-культурной адаптации детей иностранных граждан в общеобразовательных организациях: методические рекомендации / Севастополь, ГАОУ ПО ИРО, 2021. 24 с. https://www.sev-iro.ru/files/02.06.2022-metodicheskie-rekomendatsii-spetsifika-obucheniya-i-sotsialno-kulturnoy-adaptatsii-detey-inostrannykh-grazhdan-.pdf?ysclid=m5v2wzw9vy293243050

Хухлаев О. Е., Чибисова М. Ю., Ткаченко Н. В. (под ред.). Методические рекомендации по проведению программы психолого-педагогического сопровождения процессов обучения, социальной, языковой и культурной адаптации детей иностранных граждан. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. 221 с.

References

Aleksandrov, D. A., V. V. Baranova, and V. A. Ivanyushina. 2012. Deti i roditeli migranty vo vzaimodeystvii s rossiyskoj shkoloy [Immigrant Children and Their Parents: Interaction with the Russian School] *Voprosy obrazovaniya* 1: 176–199. https://doi.org/10.17323/1814-9545-2012-1-176-199

Goryachev, Y. A., V. F. Zakharov, and E. A. Omelchenko. 2023. *Mezhdunarodnye standarty obrazovaniya: uroki istorii i sovremennost'* [International Standards in Education: Lessons from History and Modernity]. 2-nd ed. Moscow: Ehtnosfera. 302 p.

Khukhlaev, O. E., M. Yu. Chibisova, and N. V. Tkachenko (eds.). 2022. *Metodicheskie rekomendacii po provedeniyu programmy psikhologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya processov obucheniya, social'noy, yazykovoy i kul'turnoy adaptacii detey inostrannykh grazhdan* [Methodological Recommendations on Conducting a Programme of Psychological and Pedagogical Support for the Learning, Social, Linguistic and Cultural Adaptation of Children of Foreign Citizens]. Moscow: Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Moskovskij gosudarstvennyj psihologo-pedagogicheskij universitet. 221 p.

Omarov, M. A. (ed.). 2023. *Mezhnatsional'nye i mezhkonfessional'nye otnosheniya v sovremennoi Rossii*: *uchebnoe posobie* [Inter-Ethnic and Inter-Confessional Relations in Modern Russia: Textbook]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. 471 p.

Omelchenko, E. A., and A. A. Shevtsova (eds.). 2022. *Adaptatsiya i integratsiya detei iz semei migrantov v rossiiskoi sisteme obrazovaniya* [Adaptation and Integration of Children from Migrant Families in the Russian Education System]. Moscow: Ehtnosfera. 169 p.

Omelchenko, E. A. 2018. *Integratsiya detei iz semei migrantov: rossiiskii i mirovoi opyt* [Integration of Children from Migrant Families: Russian and International Experience]. Moscow: Ehtnosfera. 416 p.

Omelchenko, E. A. 2022. *Integraciya detej iz semej inoetnichnyh migrantov v rossijskoe obshchestvo (istoriko-etnograficheskoe issledovanie na materialah sistemy obrazovaniya)* [Integration of Children from Families of Non-Ethnic Migrants into Russian Society (Historical and Ethnographic Study on the Materials of the Education System)]. Doctoral diss., Moscow Pedagogical State University. 515 p. https://www.chuvsu.ru/wp-content/uploads/2022/02/omelchenko_ea-disser.pdf

Omelchenko, E. A. 2023. Realizaciya zadach gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii v sfere obrazovaniya [Implementation of Russian Federation State National Policy Objectives in the Field of Education] In *Mezhnatsional'nye i mezhkonfessional'nye otnosheniya v sovremennoi Rossii*: *uchebnoe posobie* [Inter-Ethnic and Inter-Confessional Relations in Modern Russia: Textbook], ed. by M. A. Omarov. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. P. 355–394.

Pochinova, O. G. (ed.). 2021. *Specifika obucheniya i social'no-kul'turnoy adaptacii detey inostrannykh grazhdan v obshcheobrazovatel'nykh organizaciyakh: metodicheskie rekomendacii* [Specifics of Education and Socio-Cultural Adaptation of Children of Foreign Citizens in General Education Organisations: Methodological Recommendations]. Sevastopol', Gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie professional'nogo obrazovaniya "Institut razvitiya obrazovaniya". 24 p. https://www.sev-iro.ru/files/02.06.2022-metodicheskie-rekomendatsii-spetsifika-obucheniya-i-sotsialno-kulturnoy-adaptatsii-detey-inostrannykh-grazhdan-.pdf?ysclid=m5v2wzw9vy293243050

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/122-131
Научная статья

© Е. А. Омельченко, А. А. Шевцова

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ ПЕДАГОГОВ КАК РЕСУРС АДАПТАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ДЕТЕЙ С МИГРАЦИОННОЙ ИСТОРИЕЙ

В статье обсуждается проблема профессиональных компетенций педагогов, работающих с детьми (обучающимися) с миграционной историей, то есть детьми с особыми образовательными потребностями. Предлагается понимать под «детьми с миграционной историей» тех детей, у которых хотя бы один родитель родился за пределами Российской Федерации. Именно учителя становятся основными помощниками и «направляющими» в сложном процессе языковой и социально-культурной адаптации, который проходит такой ребенок в школе. Полиэтничность российского государства влияет на содержание образования, которое во многих субъектах РФ имеет значимую этнокультурную составляющую, особенно в рамках внеурочной деятельности и дополнительного образования. Она определяет и повседневные практики педагогических работников — учителей и воспитателей, которые ежедневно приходят на работу в классы и группы, где за партами сидят дети самой разной этнической и конфессиональной принадлежности. Для успешного взаимодействия с ними и особенно с их родителями и членами семей, педагогу важно обладать межкультурной компетентностью и владеть технологиями адаптации и интеграции иноэтничных обучающихся в классные коллективы. Авторы предлагают обратить особое внимание на повышение квалификации педагогических работников и специалистов, работающих с несовершеннолетними иностранными гражданами в образовательной среде, предусмотренное пунктом 12 Комплекса мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, и включить в содержании любой подобной программы повышения квалификации ряд методических и дидактических аспектов.

Ключевые слова: *качество образования, межкультурная компетентность, адаптация детей из семей с миграционной историей, адаптация средствами*

Омельченко Елена Александровна — д. и. н., декан факультета регионоведения и этнокультурного образования, профессор кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов», заместитель директора, Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119571 Москва, пр. Вернадского, д. 88). Эл. почта: etno1@dol.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2019-2586

Шевцова Анна Александровна — д. и. н., профессор кафедры ЮНЕСКО «Международное (поликультурное) образование и интеграция мигрантов», Институт социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет (Российская Федерация, 119571 Москва, пр. Вернадского, д. 88). Эл. почта: ash@inbox.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3602-4728

*Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации (тема № 124031100002-4 «Социокультурная среда как ресурс адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей»).

образования, интеграция мигрантов, миграционные исследования, этноконфессиональные стереотипы

Ссылка при цитировании: *Омельченко Е. А., Шевцова А. А.* Профессиональные компетенции педагогов как ресурс адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 122–131.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/122-131
Original Article

© Elena Omelchenko and Anna Shevtsova

TEACHERS' PROFESSIONAL COMPETENCE AS A RESOURCE FOR ADAPTING FOREIGN MINORS AND CHILDREN WITH A MIGRATION BACKGROUND

The article discusses the issue of professional competence of teachers working with children (students) with migration history, i.e. children with special educational needs. It is proposed to understand "children with migration history" as those children who have at least one parent born outside the Russian Federation. It is teachers who become the main helpers and "guides" in the complex process of linguistic and socio-cultural adaptation that such a child undergoes at school. The polyethnicity of the Russian state influences the content of education, which in many subjects of the Russian Federation has a significant ethnocultural component, especially in extracurricular activities and supplementary education. It also determines the daily practice of educators, who teach children of different ethnic and religious backgrounds. For successful interaction with them and especially with their parents and family members, it is important for a teacher to have intercultural competence and to master the technologies of adaptation and integration of foreign-ethnic students into class collectives. The authors suggest paying special attention to the professional development of pedagogical workers and specialists working with foreign minors in the educational environment, provided for in paragraph 12 of the Set of Measures for the Socialization and Psychological Adaptation of Foreign Minors, and adding specific methodic and didactic aspects to all such professional development programs.

Keywords: *quality of education, intercultural competence, adaptation of children from families with migration history, adaptation by means of education, integration of migrants, migration studies, ethno-confessional stereotypes*

Authors Info: Omelchenko, Elena A. — Doctor of History, Dean of the Faculty for Regional Studies and Ethnocultural Education, Professor of the UNESCO Chair of International Education and the Integration of Migrants, Deputy Director, Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: etno1@dol.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2019-2586

Shevtsova, Anna A. — Doctor of History, Professor of the the UNESCO Chair of International Education and the Integration of Migrants, Institute of Social Studies and Humanities, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: ash@inbox.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3602-4728

For citation: Omelchenko, E. A., and A. A. Shevtsova. 2025. Teachers' Professional Competencies as a Resource for the Adaptation of Foreign Minors and Children with a Migration Background. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 122–131.
Funding: The research was conducted within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation (theme №124031100002-4 **"**The Socio-Cultural Environment as a Resource for the Adaptation of Foreign Minors and Children with a Migration History".

Среди важных задач в сфере национальной и миграционной политики, сформулированных в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г., решение которых невозможно без участия современной системы образования, однозначно важно выделить задачу формирования системы социальной и культурной адаптации иностранных граждан в Российской Федерации и их интеграции в российское общество (Стратегия 2012). В свою очередь, Концепцией государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. (Указ 2018) определены направления государственной политики по созданию для адаптации иностранных граждан и их несовершеннолетних детей условий, способствующих: успешному освоению русского языка; успешному освоению общепризнанных в российском обществе норм поведения (правил общежития) с учетом социальных и культурных особенностей территорий, на которых они проживают; формированию у них присущих российскому обществу правосознания и правовой культуры; и, наконец, приобщению их к традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Задачи поставлены, направления определены: остается понять, какие изменения должны произойти в системе российского образования, чтобы эти задачи были успешно решены? В ранее опубликованных научных статьях мы уже много писали о тех нормативных и методических документах, которые принимаются Министерством просвещения Российской Федерации и в целом Правительством РФ и которые призваны выстроить в образовательных организациях всех субъектов РФ системную работу по языковой и социально-культурной адаптации обучающихся с миграционной историей. В официальных документах, как правило, используется термин «несовершеннолетние иностранные граждане», но наши многолетние исследования в разных регионах России показали, что целевой аудиторией программ по ускоренной языковой и социокультурной адаптации должны становиться не только и не столько дети-иностранцы, сколько ученики, уже приобретшие гражданство РФ (или даже получившие его при рождении), но при этом до школы воспитывавшиеся в иноязычном и инокультурном окружении и мало взаимодействовавшие с русскоязычным населением страны (*Омельченко, Шевцова* 2023а, *Омельченко, Шевцова* 2023б). Даже самые приблизительные данные, полученные в ходе Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., свидетельствуют о том, что в России живет, как минимум, более 350 000 таджиков, более 323 000 узбеков, более 137 000 киргизов (Итоги ВПН 2021). Можно полагать, что это, в основном, выходцы из центрально-азиатских стран в первом или втором поколении, поскольку в предыдущей переписи 2010 г. численные данные по этим народам были значительно ниже.

Предложенный нами термин «обучающиеся / дети с миграционной историей» начинает использоваться в статистических и методических документах, но официальная трактовка его пока не была опубликована. Предлагается понимать под «детьми с миграционной историей» тех детей, у которых хотя бы один родитель родился за пределами Российской Федерации. Минпросвещения России для целей статистического учета, в

свою очередь, предложило причислять к «детям с миграционной историей» тех, кто получил российское гражданство в течение последних пяти лет. В любом случае, важно, что его начали применять, а значит, эта категория обучающихся, имеющих особые образовательные потребности, не должна остаться без внимания.

В настоящей статье хотелось бы затронуть, прежде всего, проблему профессиональных компетенций педагогов, работающих с такими обучающимися. Очевидно, что именно учителя становятся основными помощниками и «направляющими» в сложном процессе языковой и социально-культурной адаптации, который проходит такой ребенок в школе. Полиэтничность российского государства влияет на содержание образования, которое во многих субъектах РФ имеет значимую этнокультурную составляющую, особенно в рамках внеурочной деятельности и дополнительного образования (*Горшенина* 2013). Она определяет и повседневные практики педагогических работников — учителей и воспитателей, которые ежедневно приходят на работу в классы и группы, где за партами сидят дети самой разной этнической и конфессиональной принадлежности. Для успешного взаимодействия с ними и особенно с их родителями и членами семей, педагогу важно обладать межкультурной компетентностью и владеть технологиями адаптации и интеграции иноэтничных обучающихся в классные коллективы (*Заркенова* 2017; *Мартынова* 2014; *Железнякова* 2012), причем с учетом специфики этносоциального контекста (*Павлова, Назранова* 2015).

Организация проведения мероприятий, направленных на повышение квалификации педагогических работников и специалистов, работающих с несовершеннолетними иностранными гражданами в образовательной среде, предусмотрена пунктом 12 Комплекса мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан (Комплекс мер 2022), ответственность за этот вид деятельности несут органы исполнительной власти субъектов РФ. Эта работа ведется, и Федеральным координационным ресурсным центром по психологической и социокультурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан (Федеральный 2024) ежегодно в рамках мониторинга собирает данные о числе педагогов, освоивших по этой теме дополнительные профессиональные программы. Но что вкладывается в содержание этих программ и насколько они эффективны и практико-ориентированы, сказать сложно. Ряд исследователей отмечает относительно слабую этнокультурологическую подготовку педагогов (*Урусова, Джанибекова* 2014), при этом даже в последние годы при подготовке будущих педагогов формирование представлений о поликультурном российском обществе строится без учета миграционного фактора (*Поберезкая, Терентьева* 2023).

Поделимся некоторыми соображениями о том, какие аспекты должны быть отражены в содержании любой подобной программы ПК.

1. Глобальная миграция в современном мире и ее влияние на системы образования. Через знание этой темы важно донести до учителей понимание того, что миграция в нашей стране — это часть глобальных мировых процессов, показать, как интенсивность миграционных потоков связана с потребностями экономики и демографической ситуации. Понимание того, что миграция — это не временное «затруднение», а часть глобальных трендов, поможет перестать «закрываться» от этой темы и заставит педагога занять более деятельную позицию по отношению к обучающимся с миграционной историей, будет способствовать снижению конфликтности и ксенофобных настроений в педагогических коллективах («это надолго, значит, с этим надо научиться справляться»).

2. Права человека и права ребенка. Важно знание основных международных и российских правовых документов, на основе которых осуществляется предоставление права на образование детям из семей мигрантов.
3. Понимание основных принципов методики РКИ и ее отличия от преподавания русского языка как родного. Мы должны научить наших учителей любых предметов использовать методические приемы РКИ в учебной деятельности, готовить сценарии уроков с применением элементов методики РКИ (для работы в классе, где есть дети-инофоны), готовить дифференцированные задания, применять индивидуальный подход и т. п. Очень важно учить этим принципам не только учителей русского языка (которые как раз в этом смысле не оптимальная группа), а и учителей других предметов школьного цикла.
4. Предметная подготовка детей-инофонов: особенности и основные приемы облегчения восприятия учебного материала и содействия формированию у обучающихся всех четырех видов речевой деятельности. В программе повышения квалификации должен быть раздел для предметников: какие информационно-коммуникационные технологии и технологии искусственного интеллекта можно применять в работе с инофонами, как визуализировать материал, как адаптировать научные тексты и т. п. Так мы формируем понимание, что языковая и социокультурная адаптация ребенка с миграционной историей — дело всего педагогического коллектива, а не только учителя русского языка и классного руководителя.
5. Диагностика: входная, промежуточная и итоговая: с принципами ее проведения важно знакомить всех участников дополнительных профессиональных программ. Эти виды диагностик уровня языковой адаптации должны быть взаимосвязаны, а анализ результатов диагностики должен помогать формировать индивидуальные маршруты обучения и адаптации ребенка в зависимости от того, какие виды речевой деятельности и в какой степени у него сформированы или не сформированы.
6. Социализация, психологическая и культурная адаптация: как организовать ее в условиях образовательной организации. Очень важно в этом разделе говорить не только о технологиях работы с детьми мигрантов, а ориентировать педагогов на то, что интеграция — двусторонний процесс, и что нельзя его пройти успешно без подготовки «принимающего общества». А, значит, мы должны научить педагогов и прежде всего классных руководителей формировать и развивать межкультурную компетентность всех обучающихся, освоить вместе с ними технологии внеучебной и воспитательной работы в поликультурных классах и т. п.
7. Лучшие практики по обучению и социализации детей с миграционной историей школ в разных субъектах РФ. Представляется, что эта тема в профессиональных дополнительных программах, реализуемых региональными институтами развития образования, вообще не освещается, а это ведь крайне важно для управленческих и педагогических коллективов.

Курсы, направленные на развитие профессиональных компетенций педагогов по работе с обучающимися с миграционной историей, должны быть строго практико-ориентированными. Московский педагогический государственный университет и Московский государственный психолого-педагогический университет в конце 2023 г. подготовил и в 2024 г. запустил сетевую программу повышения квалификации с включением всех вышеперечисленных аспектов (Программа 2024). Итогом обучения по программе является разработка сценариев учебных и внеурочных занятий для проведения

в поликультурном классе. Но одной программы, на наш взгляд, недостаточно: Министерству просвещения РФ имеет смысл подумать о возможности запуска модели подготовки профессиональных тьюторов для субъектов РФ по данной теме, чтобы сделать возможным дальнейшее повышение квалификации учителей по единой схеме и единому содержанию. Такой опыт по подготовке у Минпросвещения России есть: например, он применялся при введении в образовательные программы начальной школы нового предмета «Основы религиозных культур и светской этики» в 2013–2014 гг.

Проблематику адаптации и интеграции обучающихся с миграционной историей и особенностей педагогической работы с поликультурными коллективами важно решать и на этапе подготовки будущих учителей — как в педагогических вузах, так и в классических университетах, реализующих программы подготовки по направлению «Педагогическое образование» и «Психолого-педагогическое образование». Для решения этой задачи важно включать в образовательные программы и учебные планы такие дисциплины, как «Этнология и социально-культурная антропология», «Этнокультурное пространство России», «Основы поликультурного образования» и др. Это поможет расширить этнографический кругозор будущих учителей и сформировать у них все компоненты межкультурной компетентности.

Факультетом регионоведения и этнокультурного образования Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета по заказу Минпросвещения и Минобрнауки России разработаны и распространены во все вузы Российской Федерации рекомендации для профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования по включению модуля по социализации и языковой адаптации несовершеннолетних иностранных граждан в образовательные программы подготовки педагогических работников и специалистов, работающих с несовершеннолетними иностранными гражданами (Рекомендации 2023). В рекомендациях определено, что содержание модуля по социализации и языковой адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей в образовательных программах подготовки педагогических работников и других специалистов сферы образования должно быть приоритетно направлено на решение задач социализации этой категории обучающихся в российском обществе. Соответственно, будущие педагоги и другие специалисты должны приобрести знания и компетенции, направленные на реализацию в будущем следующих основных направлений педагогической работы с обучающимися из числа несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей:

- усвоение обучающимися принятых в российском обществе российских базовых конституционных норм и ценностей;
- формирование в сознании обучающихся приоритетности уважения, соблюдения, следования традиционным российским духовно-нравственным и социокультурным ценностям, правилам и нормам поведения в российском обществе, уважения исторического и культурного наследия народов России, российского общества и государства (вне зависимости от социокультурных особенностей стран и регионов происхождения обучающихся);
- профилактику конфликтного поведения обучающихся в российском обществе, не комплементарного отношения обучающихся к российским базовым конституционным нормам и ценностям, традиционным духовно-нравственным ценностям народов России (с учётом особенностей стран, регионов происхождения

мигрантов), проявлений обучающимися экстремизма на почве неуважения прав и свобод человека и гражданина в России, российских традиционных духовно-нравственных ценностей;

- формирования в будущем базовой (с учетом уровня языковой подготовки контингента обучающихся) российской гражданской и культурной идентичности обучающихся, приверженности соблюдению прав и свобод граждан в Российской Федерации, исполнению обязанностей человека и гражданина в Российской Федерации, воспитание российского патриотизма и чувства уважения к России, ее истории и культуре; примерно так же обозначены основные направления по социальной и культурной адаптации иностранных граждан в документе Федерального агентства по делам национальностей (Методические рекомендации 2023).

Содержание соответствующей дисциплины для будущих педагогов должно быть примерно таким же, как предлагалось ранее для программ дополнительного профессионального образования — повышения квалификации учителей. Но для того, чтобы в педагогических вузах введение этой дисциплины дало эффект, нужно, во-первых, подготовить соответствующие учебники и учебные пособия, а во-вторых, обучить тех преподавателей, которые возьмут на себя ведение этой дисциплины в будущем. Кажется принципиально важным, чтобы подготовка учителей для работы с обучающимися с миграционной историей велась по единым стандартам, с единым подходом и более-менее единым содержательным «ядром».

В завершение хотелось бы высказать два тезиса, которые кажутся крайне важными в свете последних законодательных инициатив Государственной Думы РФ (Государственная Дума 2024) и повышенного внимания к теме обучения детей из семей мигрантов в информационном пространстве. Во-первых, хотелось бы напомнить, что все дети мигрантов в определенной степени являются «невольными», «вынужденными» мигрантами. Они сами не принимают решение о переселении на новое место жительства, они следуют за своими родителями, по их решению. И было бы крайне негуманно перекладывать ответственность за эти решения взрослых на плечи детей, ставить под угрозы возможности их полноценного обучения и развития (заметим здесь, что старшеклассники с миграционной историей «нацелены на получение высшего образования. Большинство хотели бы остаться в России, жить и работать наравне с другими гражданами страны. Для многих детей важно вхождение в принимающее общество, они в большей степени считают себя “своими” среди местных и отделяют от тех “абстрактных мигрантов”, о которых слышат по телевизору» (*Деминцева* 2019: 109). Миграционная тема — крайне сложная и высокочувствительная, и отрицательный образ взрослых мигрантов, формируемый сейчас в российском информационном поле, может оказать негативное влияние на отношение к детям с миграционной историей, как правило, имеющим иную этническую принадлежность, нежели большинство других учеников, внутри школьных коллективов. Эти риски возникновения ксенофобии и межэтнических конфликтов важно предотвратить.

Во-вторых, обучение и адаптация детей с миграционной историей в России — это своего рода «мягкая сила», одна из составляющих развития гуманитарного сотрудничества на международной арене, определяющая в конечном счете отношение к России и россиянам, к русскому языку и культуре жителей дружественных нам стран, прежде всего, Центральной Азии и в целом Глобального Юга. В международных отношениях действует принцип «зеркальности», взаимности, и очень важно, чтобы, решая конкретные проблемы обучения и социализации детей мигрантов внутри страны, мы вноси-

ли свой вклад в дело продвижения русского языка, культуры и истории России среди иностранных граждан за рубежами нашего государства. За нарушениями прав детей и в целом иностранных граждан в России может в перспективе последовать ухудшение отношения к русскоязычному населению, проживающему в странах исхода мигрантов; имеются также риски сокращения часов, отведенных на изучение русского языка, литературы и культуры в школах этих стран (главное ведь, в соответствии с российской риторикой, — изучение государственного языка!). Безусловно, российские педагоги и российские образовательные организации должны получить поддержку в деятельности по адаптации обучающихся с миграционной историей. Но запретительные меры точно не помогут комплексному решению задач обеспечения межнационального мира и согласия в нашей стране. Возникающие проблемы надо решать комплексно, рассматривая их во взаимосвязи с другими задачами, стоящими перед нашим государством. Система образования Российской Федерации и все ее учреждения являются весьма важными участниками реализации государственной национальной политики России и должны вносить значимый вклад в сохранение единства всех народов, проживающих на территории страны, в том числе и тех, которые недавно приобрели российское гражданство. Подготовка педагогов и других категорий специалистов для работы с полиэтничными детскими и молодежными коллективами, как и масштабная задача по этнографическому просвещению населения — важная составляющая этой работы.

Источники и материалы

Государственная Дума 2024 — В ГД внесен законопроект о запрете зачислять детей мигрантов в школы без знания русского языка // Государственная Дума РФ: [Электронный ресурс]. http://duma.gov.ru/news/60438/ (дата обращения: 25.11.2024).

Итоги ВПН 2021 — Итоги Всероссийской переписи населения-2020. Том 5. Национальный состав и владение языками: [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 12.11.2024).

Комплекс мер 2022 — Комплекс мер по социализации и психологической адаптации несовершеннолетних иностранных граждан, подлежащих обучению по образовательным программам дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, высшего образования на период до 2025 года (утв. В 2022 году Минпросвещения России, Минобрнауки России, ФАДН России). [Электронный ресурс]. https://sudact.ru/law/kompleks-mer-po-sotsializatsii-i-psikhologicheskoi-adaptatsii/ (дата обращения: 12.11.2024).

Методические рекомендации 2023 — Методические рекомендации для органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по повышению эффективности реализации государственной политики в сфере социальной и культурной адаптации иностранных граждан на территории Российской Федерации (базовый вариант утвержден приказом ФАДН России от в ред. 29.12.2022 г. № 199, актуальная редакция документа, учитывающая изменения, внесенные в Концепцию государственной миграционной политики на период до 2019–2025 годы, утверждена приказом ФАДН России от 22.12.2023 г. № 211)

Программа 2024 — Программа повышения квалификации «Технологии адаптации несовершеннолетних иностранных граждан и детей с миграционной историей в рамках предметов образовательной программы». [Электронный ресурс]. https://dpo.mgppu.ru/programs/elements/ppp-50/ (дата обращения: 12.11.2024).

Рекомендации 2023 — Рекомендации для профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования по включению модуля по социализации и языковой адаптации несовершеннолетних иностранных граждан в образовательные программы подготовки педагогических работников и специалистов, работающих с несовершен-

нолетними иностранными гражданами / сост. А. В. Лубков, Е. А. Омельченко, И. В. Метлик, А. А. Шевцова. М.: МПГУ, 2023. 18 с. [Электронный ресурс]. https://ptoprof.narod.ru/info.html (дата обращения: 26.03.2025).

Стратегия 2012 — Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года. Утверждена Указом Президента РФ от 19.12.2018 г. № 1666, последние редакционные изменения утверждены Указом Президента РФ от 06.12.2018 г. № 703. Статья 21. [Электронный ресурс]. http://kremlin.ru/acts/bank/36512 (дата обращения: 10.06.2024 г.).

Указ 2018 — Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (с изменениями и дополнениями от 12 мая 2023 г.). [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/72092260/ (дата обращения: 10.11.2024).

Федеральный 2024 — Федеральный координационный ресурсный центр по психологической и социокультурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан: официальный сайт. [Электронный ресурс]. https://fkrc.mgppu.ru/ (дата обращения: 12.11.2024).

Научная литература

Горшенина С. Н. Содержательно-процессуальные аспекты подготовки будущих педагогов к этнокультурному образованию школьников // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 6 (22). https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhatelno-protsessualny-e-aspekty-podgotovki-buduschih-pedagogov-k-etnokulturnomu-obrazovaniyu-shkolnikov

Деминцева Е. Б. Этнические VS социальные границы: дети мигрантов в школах // Этнографическое обозрение. 2019. № 2. С. 98–113. https://doi.org/10.31857/S086954150004878-5

Железнякова Е. А. Дети мигрантов в современной российской школе: пути языковой адаптации // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2012. № 28. С. 774–778.

Заркенова Ж. Т. Содержание и структура этнокультурной компетенции будущих педагогов // Научное обозрение. Педагогические науки. 2017. № 3. С. 14–17. https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1614

Мартынова М. Ю. Школьное образование в адаптации мигрантов (зарубежные и российские модели) // Вестник российской нации. 2014. № 2. С. 173–195.

Омельченко Е. А., Шевцова А. А. Дети с миграционной историей в системе образования Оренбургской области // Исторический поиск. 2023а. Т. 4. № 3. С. 109–123. https://doi.org/10.47026/2712-9454-2023-4-3-109-123

Омельченко Е. А., Шевцова А. А. Дети с миграционной историей в системе образования Мурманской области // Муниципальное образование: инновации и эксперимент. 2023б. № 2 (89). С. 27–35.

Павлова О. С., Назранова Л. Ж. Этнокультурная компетентность педагога в условиях среды с полиэтническим составом воспитанников // Психологическая наука и образование psyedu. 2015. Т. 7. № 2. С. 35–47. https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070204

Поберезкая В. Ф., Терентьева С. Н. Модель формирования этнокультурной компетентности у будущих учителей начальных классов (на примере ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина») // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4 (50). С. 149–166. https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-149

Урусова З. М., Джанибекова Э. Х. Этнокультурная компетентность педагога // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2014. № 3. С. 125–129. https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnaya-kompetentnost-pedagoga-1

References

Demintseva, E. B. 2019. Etnicheskie vs sotsial’nye granitsy: deti migrantov v shkolakh [Ethnic vs Social Borders: Children of Migrants in Schools]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 98–113. https://doi.org/10.31857/S086954150004878-5

Gorshenina, S. N. 2013. Soderzhatel'no-protsessual'nye aspekty podgotovki budushchikh pedagogov k etnokul'turnomu obrazovaniiu shkol'nikov [Content & Procedural Aspects of Vocational Training for Teachers to Come in Ethnic Cultural Literacy]. *Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'* 6 (22).

Martynova, M. Yu. 2014. Shkol'noe obrazovanie v adaptatsii migrantov (zarubezhnye i rossiiskie modeli) [School Education in Adaptation of Migrants (Foreign and Russian Models)]. *Vestnik rossiiskoi natsii* 2: 173–195.

Omelchenko, E. A., and A. A. Shevtsova. 2023a. Deti s migratsionnoi istoriei v sisteme obrazovaniia Orenburgskoi oblasti [Children with Migration History in the Education System of the Orenburg Oblast]. *Istoricheskii poisk* 4(3): 109–123. https://doi.org/10.47026/2712-9454-2023-4-3-109-123

Omelchenko, E. A., and A. A. Shevtsova. 2023b. Deti s migratsionnoi istoriei v sisteme obrazovaniia Murmanskoi oblasti [Children with Migration History in the Murmansk Oblast Education System]. *Munitsipal'noe obrazovanie: innovatsii i eksperiment* 2 (89): 27–35.

Pavlova, O. S., and L. Zh. Nazranova. 2015. Etnokul'turnaia kompetentnost' pedagoga v usloviiakh sredy s polietnicheskim sostavom vospitannikov [Ethno-Cultural Competence of Teachers in Environments with Multi-Ethnic Students]. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru* 7 (2): 35–47. https://doi.org/10.17759/psyedu.2015070204

Poberezkaia, V. F., and S. N. Terenteva. 2023. Model' formirovaniia etnokul'turnoi kompetentnosti u budushchikh uchitelei nachal'nykh klassov (na primere Federal'nogo sudarstvennogo biudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia vysshego obrazovaniia "Syktyvkarskii gosudarstvennyi universitet imeni Pitirima Sorokina") [Model of Ethnocultural Competence Formation in Future Primary School Teachers: Case Study of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* (50): 149–166. https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-4-149

Urusova, Z. M., and E. Kh. Dzhanibekova. 2014. Etnokul'turnaia kompetentnost' pedagoga [Ethno-Cultural Competence of a Teacher]. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* 3: 125–129.

Zarkenova, Zh. T. 2017. Soderzhanie i struktura etnokul'turnoi kompetentsii budushchikh pedagogov [Content and Structure of Ethnocultural Competence of Future Teachers]. *Nauchnoe obozrenie. Pedagogicheskie nauki* 3: 14–17. https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1614

Zhelezniakova, E. A. 2012. Deti migrantov v sovremennoi rossiiskoi shkole: puti yazykovoi adaptatsii [Children of Migrants in a Modern Russian School: Ways of Language Adaptation]. *Izvestiia PGU imeni V. G. Belinskogo* 28: 774–778.

МИГРАЦИИ И СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИУМ

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/132-144
Научная статья

© Э. А. Онуфриенко

МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ Г. КРАСНОДАРА (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье рассмотрены миграционные настроения жителей Краснодара и представлены результаты этносоциологического опроса, проведенного автором статьи в 2023 г. Объясняются причины переезда россиян из других регионов в город Краснодар, особенности их адаптации на месте нового проживания и мнение краснодарцев о причинах большого числа новосёлов, выбирающих административную столицу Краснодарского края в качестве места жительства. Автор также рассматривает миграционные настроения краснодарцев, родившихся в городе — его «коренных» жителей, выясняет регионы их желаемого переезда. Информанты давали ответ на вопрос о предпочитаемом месте получения их детьми высшего образования и места более лёгкого поиска хорошей работы, что показало разницу восприятий как Краснодарского края и города Краснодара уроженцами иных регионов России, так и самими краснодарцами — других территорий страны. Статистические данные динамики численности населения Краснодарского края, используемые автором и приводимые в статье, показывают положительное сальдо миграции из большого количества других субъектов РФ, что способствует росту численности населения Краснодарского края. Исследование показало, что большая часть краснодарских новосёлов из других областей России, закрепившись в городе Краснодаре, не желает менять своё новое место жительства.

Ключевые слова: *миграция, демография, Россия, Краснодар, Краснодарский край*
Ссылка при цитировании: *Онуфриенко Э. А.* Миграционные настроения населения г. Краснодара (по материалам этносоциологического исследования) // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 132–144.

Онуфриенко Эдуард Асланович — стажёр-исследователь Центра по изучению межэтнических отношений, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32-А). Эл. почта: audawardiusanafar@gmail.com

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/132-144
Original Article

© *Eduard Onufrienko*

MIGRATION ATTITUDES AMONG THE POPULATION OF KRASNODAR (MATERIALS OF THE ETHNOSOCIOLOGICAL RESEARCH)

The article examines the attitudes to migration among Krasnodar residents and presents the results of an ethnosociological survey conducted by the author in 2023. It focused on the reasons why Russians from other regions choose to move to Krasnodar, how they adapt to the life in the new place and why, in the opinion of the locals, Krasnodar is so attractive as a place for permanent residence. The author also considers the migration attitudes of "native" Krasnodar residents — whether they would like to move and where. The answers to the questions about where the informants would like their children to be educated or what regions they consider to be the best for employment revealed the differences between how newcomers see Krasnodar and the region and how Krasnodar residents see other regions — while the former preferred southern regions, the latter wanted to stay or move to larger urban centers. The statistical data on the population dynamics of the studied region show a positive net migration rate from many other subjects of the Russian Federation, which leads to the growth in the Krasnodar Territory population. The study showed that the majority of new residents of Krasnodar from other regions of Russia, having settled in the city of Krasnodar, do not want to change their new place of residence.

Keywords: *migration, demography, Russia, Krasnodar, Krasnodar Region*
Author Info: Onufrienko, Eduard A. — Research Intern at the Center for the Study of Interethnic Relations, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russia Federation). E-mail: audawardiusanafar@gmail.com
For citation: Onufrienko, E. A. 2025. Migration Attitudes Among the Population of Krasnodar (Materials of the Ethnosociological Research). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 132–144.

За межпереписной период — с 2011 по 2021 гг. включительно население Краснодарского края выросло с 5,26 млн человек до 5,82 млн человек, причём доля городского населения увеличилась на 18,1% — с 2,79 млн до 3,3 млн; численность сельского населения также возросла с 2,46 млн до 2,51 млн, то есть на 2,1%. Краснодар на сегодняшний момент является городом с миллионным населением, административным центром Краснодарского края — третьего по численности населения субъекта Российской Федерации (ВПН 2020).

Тема интенсивных миграционных процессов в Краснодарском крае привлекала внимание целого ряда отечественных исследователей. Т. Т. Тарасова, в частности, считает, что положительная динамика миграции в исследуемый регион как в пределах России, так и из других государств на протяжении 2010-х годов связана не только с выгодными природно-географическими условиями, но и с относительно благоприятной ситуаци-

ей на рынке труда и нехваткой кадров в некоторых отраслях (*Тарасова* 2022: 198). О Краснодаре, как о месте образовательной миграции, которая затрагивает по большей части молодых людей, писали в своей работе В. Н. Ракачёв и Е. В. Морозова (*Ракачёв, Морозова* 2022). В то же время исследователи, в частности, В. В. Плотников и Е. О. Кубякин увидели проблему в интенсификации социальных проблем, связанных с ростом населения Краснодара за счёт миграционных процессов (*Плотников, Кубякин* 2022). Принципы разделения локального сообщества на «местных» и мигрантов можно найти и в работе В. Н. Петрова (*Петров* 2018: 227). Он отмечает пиковые проявления взаимоотношений старожилов и новосёлов на примере конкуренции за рабочие места или на примере территориально-пространственной отпределённости положения мигрантов — их сублокального места жизни. А. В. Баранов в своей статье, основанной на ряде исследований, проанализировал отношение молодёжи Кубани к мигрантам, в том числе, этническим, и точки напряжения между местными и новосёлами (*Баранов* 2020: 181). Н. П. Космарская выявляла разницу восприятия мигрантов в Москве и Краснодаре, также отмечая этнический и региональный элементы миграции (*Космарская* 2018).

Наше этносоциологическое исследование было проведено летом 2023 г. в г. Краснодаре, административном центре Краснодарского края. Использовалась опросная анкета, разделенная на различные тематические блоки. Было опрошено 403 респондента, 45,9% которых составляли мужчины и 54,1% — женщины. В опросе принимали участие совершеннолетние люди, разделенные на три возрастные группы: 1) От 18 до 29 лет — 15,6%; 2) От 30 до 59 лет — 58,1%; 3) От 60 и более лет — 26,3%. Этническая структура опрошенных была не столь важна в контексте данного исследования.

Как показывают результаты проведённого опроса, менее половины респондентов родились в Краснодаре — 44,4%, более же половины являются переехавшими в краевую столицу жителями: 1) из Краснодарского края — 14,6%; 2) из других регионов России — 30,5%; 3) из других государств, в том числе государств, входивших в состав СССР — 10,4%. На диаграмме (*Рис. 1*) отмечено распределение местных жителей и переехавших в регион по полу и возрасту, а также их общее распределение.

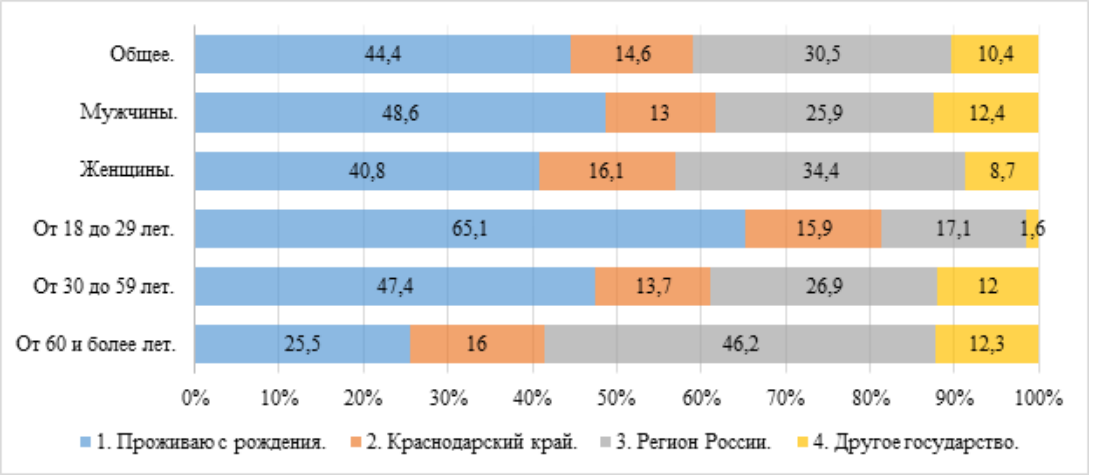

Рис. 1. Распределение респондентов по месту рождения. Диаграмма составлена автором

Распределение респондентов, переселившихся в город Краснодар из других регионов России, сгруппированное по федеральным округам страны, представлено на графике (*Рис. 2*).

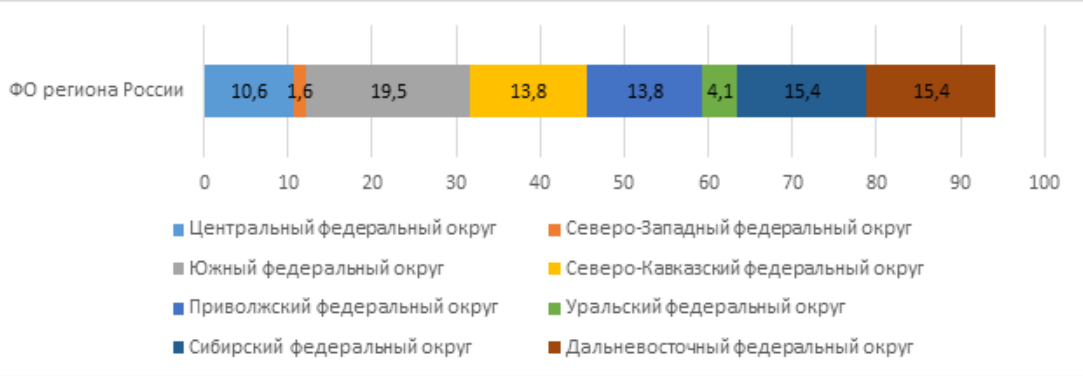

Рис. 2. Федеральные округа, из которых происходят респонденты. График составлен автором

При ответе на вопрос «Хотели бы Вы уехать в другой регион России или другую страну на длительный срок или на постоянное место жительства?» две трети дали отрицательный ответ, десятая часть — затруднилась ответить или не ответила на вопрос (см. диаграмму *Рис. 3*).

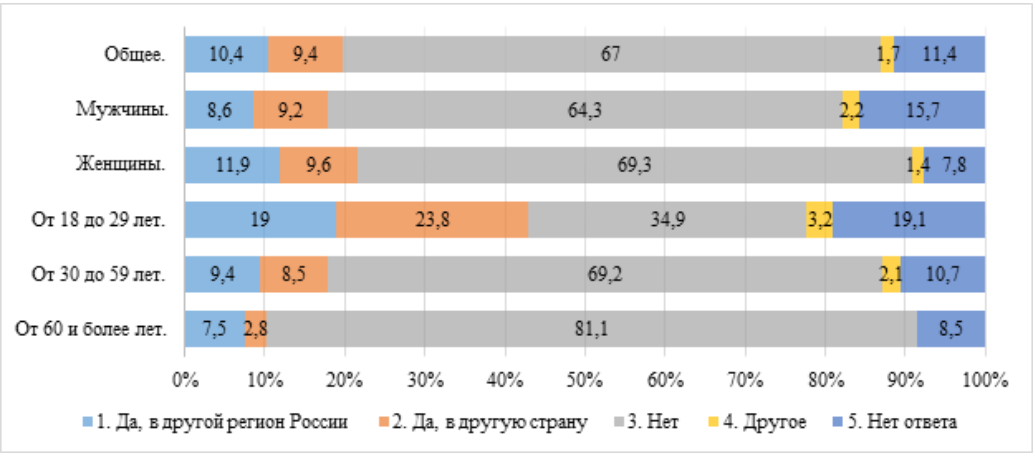

Рис. 3. Регионы, предпочитаемые респондентами для переезда.
Диаграмма составлена автором

Если рассматривать распределение ответов информантов по полу, то можно увидеть, что и мужчины, и женщины примерно в одинаковых пропорциях желают сменить место жительства — от шестой до пятой части опрошенных. Присутствует обратная зависимость возраста респондента и его желания переехать из Краснодара на постоянное место жительства — доля молодёжи, ответившей утвердительно на вопрос, более чем в два раза выше доли «мобильных» информантов среднего возраста и в более чем три раза выше доли пожилых краснодарцев, которые хотели бы переехать. Молодёжь также выбирала вариант ответа «В другую страну» примерно в три раза чаще, чем представители группы среднего возраста.

На следующем графике видны доли ответов информантов, разделённых по месту рождения: родившиеся в Краснодаре, уроженцы Краснодарского края, уроженцы других регионов России и приехавшие из иных государств (*Рис. 4*).

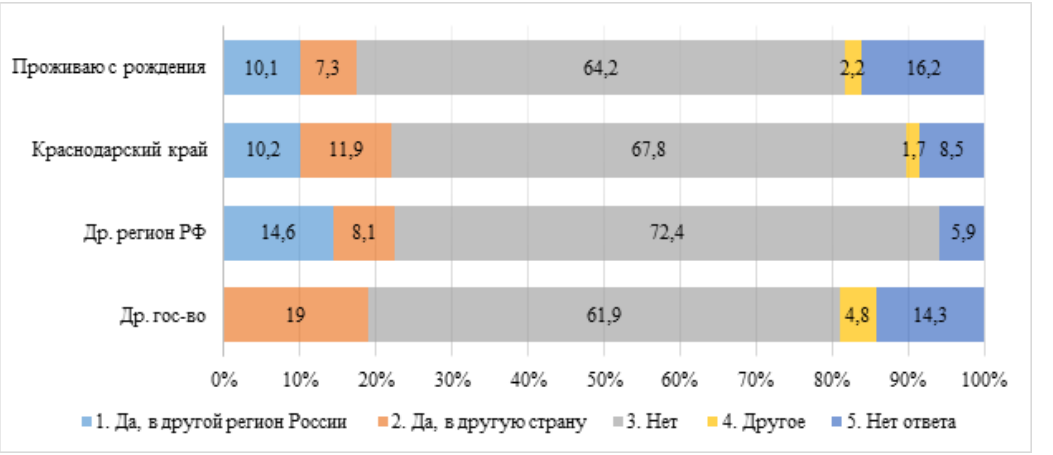

Рис. 4. Распределение ответов респондентов по месту рождения.
График составлен автором

Отвечая на вопрос о желании смены места жительства, более шестой части краснодарцев ответили положительно; в то же время две трети дали отрицательный ответ. Доли желающих сменить место среди приехавших в Краснодар жителей края и переехавших жителей других регионов страны примерно одинаковы — около пятой части ответивших. Процент нежелающих уезжать из Краснодара выше среди приезжих из других регионов, чем среди уроженцев Краснодарского края. Примечательно, что среди ответов жителей Краснодара, переехавших из других государств (в том числе государств бывшего СССР), не были высказаны мнения о желании сменить место жительства в Краснодаре на другой регион страны; при этом пятая часть таких информантов желала бы переехать в другую страну. В целом, большинство ответов всех четырёх данных групп информантов — от менее двух третей до менее трёх четвёртых — дают понять, что они не желают уезжать куда-либо из Краснодара на постоянное место жительства.

Если обращаться к мнению переехавших в краевую столицу новых жителей (в том числе уроженцев Краснодарского края) о причинах их переезда, то видно следующее (см. *Табл. 1*).

В качестве причин для переезда в центр региона жители края чаще остальных групп переселенцев указывали желание продолжить образование — образовательная миграция характерна для всех групп населения данной группы — молодёжи и более старших возрастов, которые переехали из-за детей. Высока доля — менее шестой части — информантов, уроженцев других государств и иных регионов России, отметивших сложные межнациональные отношения как причину своего переезда в город Краснодар. В большинстве своём это русские и украинцы, присутствуют также армяне. Хронология и география данных переселений —регион Северного Кавказа и Закавказье на рубеже 1980-х и 1990-х гг. и территории Донбасса в 2010-х — начале 2020-х гг. Жители края довольно часто сообщали о такой причине переезда как жилищные проблемы — можно предположить, что имеется в виду в том числе желание сельских жителей региона

стать горожанами — жителями города-миллионника, регионального центра, чтобы тем самым улучшить свои жилищные условия.

Таблица 1

Ответы респондентов о причинах переезда в Краснодар

По какой причине Вы переехали из своего региона?

Причины переезда	**Территориальное происхождение информанта**		
	Краснодарский край	**Другой регион России**	**Другое государство**
Безработица	1,7%	0,8%	7,1%
Низкая заработная плата	5,1%	1,6%	
Желание продолжить о бразование (своё и/ или детей)	18,6%	3,3%	9,5%
Плохие экологические условия		4,1%	2,4%
Сложные межнациональные отношения		4,1%	14,3%
Жилищные проблемы	6,8%	1,6%	2,4%
Семейные причины	20,3%	30,1%	38,1%
Состояние здоровья	1,7%	4,9%	
Другое	11,9%	12,2%	7,1%

Итог может не составлять 100%, ввиду возможности информанта выбрать несколько вариантов ответа.

Во всех трёх группах мигрантов в город Краснодар высока доля указавших семейные причины, в которые входит, например, воссоединение семей путём переезда к закрепившимся и осевшим в городе родственникам. Необходимо также отметить более высокий процент информантов-уроженцев других регионов страны, сменивших своё место жительства из-за состояния здоровья — это пожилые люди, выбравшие Краснодарский край «местом дожития». Среди ответов «Другое» и жители края, и уроженцы иных регионов страны и государств указывали причину переезда, связанную с работой. Краснодарцы, переехавшие из других регионов России, также отмечали климат, как причину смены места жительства; они же чаще остальных групп мигрантов, как внешних, так и внутренних, выбирали вариант ответа «плохие экологические условия» (региона своего происхождения).

В *Таблице 2* приводятся ответы информантов согласно их возрастной группе (независимо от региона их миграции).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов по возрастным группам

По какой причине Вы переехали из своего региона?

Причины переезда	Возрастная группа информанта		
	Молодёжь (18–29 лет)	**Средний возраст (30–59 лет)**	**Пожилой возраст (60 лет и старше)**
Безработица	1,6%	0,9%	1,9%
Низкая заработная плата	1,6%	1,3%	0,9%
Желание продолжить образование (своё и/ или детей)	6,3%	3,8%	5,7%
Плохие экологические условия		2,6%	
Сложные межнациональные отношения		3%	3,8%
Жилищные проблемы		1,7%	2,8%
Семейные причины		12%	35,8%
Состояние здоровья		0,4%	5,7%
Другое		8,5%	5,7%

Итог может не составлять 100%, ввиду возможности информанта выбрать несколько вариантов ответа.

Образовательная миграция прослеживается во всех трёх возрастных группах — в большей степени у молодёжи, в меньшей — у двух других групп информантов среднего и старшего возрастов, которые переместились в город из-за детей. Более трети пожилых информантов указали семейные обстоятельства как причины для переезда в краевую столицу — в данном случае можно говорить об их выборе региона как места проведения пенсионного возраста либо же о воссоединении поколений — молодые члены семей забирают к себе своих пожилых родственников.

Кроме выяснения личных причин переезда из своего региона информантам было предложено ответить на открытый вопрос «Как Вы думаете, почему люди переезжают в Краснодарский край на постоянное место жительства?». Распределение ответов по родившимся в краевой столице и приехавшим в неё с территории края, из других субъектов России и других государств показало, что от более половины до двух третей всех ответов во всех четырёх группах отпрошенных были ответы «климат» или связанные с ним; называлось также море — от десятой части (приезжие из других регионов страны) до трети (приезжие из других государств); работу указали — самые большие значения — по примерно пять процентов родившихся в городе краснодарцев и россиян, ставших краснодарцами. Уровень жизни был назван каждым шестым жителем края, переехавшим в краевую столицу, и каждым десятым представителем других трёх групп опрошенных.

Касательно данного вопроса, можно резюмировать следующее — наблюдается создание образа всего региона как благоприятного для жизни ввиду наличия теплого климата и моря, а также как богатого, с высоким уровнем жизни, что и является факторами миграционной привлекательности Краснодарского края и города Краснодара, в частности. Несмотря на незначительные разницы в долях ответов, прослеживается тенденция, которую мы отмечали выше — жители других районов Кубани чаще остальных отвечали про уровень жизни, так как знают ситуацию и в крае, и в краевой столице, чего нельзя сказать о большей части информантов, переезжающих в край издалека, чьи ответы носят, в основном, общий, «эфемерный» характер.

Информантам также было предложено ответить на вопрос «Как Вы считаете, где проще найти хорошую работу?» с возможностью выбора нескольких вариантов ответа, либо предложить свой вариант. Распределение ответов респондентов по их локальному происхождению представлено на следующем графике:

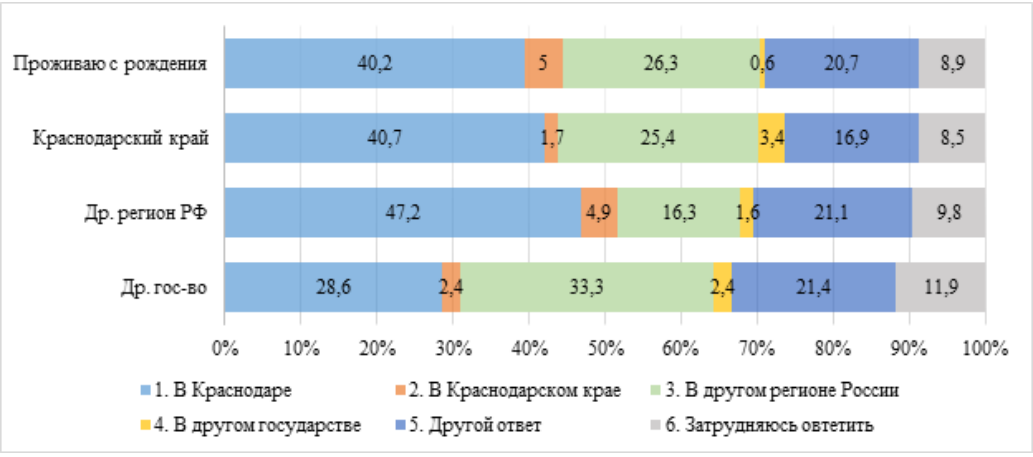

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, где проще найти хорошую работу?» по локальному происхождению. График составлен автором

Данные графика показывают следующее: переехавшие в город Краснодар из других регионов России респонденты чаще остальных указывали краевую столицу как место поиска хорошей работы; они также реже других групп жителей города отмечали возможность поиска хорошей работы в других регионах России, что говорит о перемещении людей из иных регионов страны в Краснодар с целью хорошо трудоустроиться и в дальнейшем остаться там работать и жить (наибольшая доля среди опрошенных — менее трёх четвертей — кто не хотел бы менять своё место жительства, см. выше) в этом городе-миллионере.

Речь также может идти и о формировании образа Краснодара не только как комфортного с точки зрения климата и географии, но и как крупного административного центра, города возможностей. Вариант ответа «В Краснодарском крае» без строгого разделения на группы краснодарцев по их территориальному происхождению часто сопровождался комментариями «Сочи», «Работа на побережье» и подобными им — информанты называли по большей части города Черноморского побережья, являющегося популярным местом рекреации и, следовательно, местом наличия сезонных вакансий. При выборе варианта ответа «В другом регионе России» информанты всех четырёх

групп указывали в основном Москву и Санкт-Петербург. Другой вариант ответа, который выбирали примерно от шестой до пятой части респондентов, содержит высказывания типа «везде», «если хочешь, то везде» и подобные им.

Рассматривая соотношение ответов на этот же вопрос по возрастам информантов, следует заметить, что молодёжь чаще респондентов среднего и пожилых возрастов указывала вариант «В другом регионе России» касательно места простого поиска хорошей работы — до трети молодых людей ответили таким образом, менее четверти представителей среднего возраста и пятая часть пожилых краснодарцев; также молодые люди реже остальных возрастных групп выбирали вариант «В Краснодаре» при ответе на этот же вопрос — менее третьей части молодёжи по сравнению с примерно сорока процентами отпрошенных людей среднего и пожилых возрастов, т.е. видна тенденция большей заинтересованности краснодарцев до 30 лет в поиске работы в других регионах, чем на территории края.

Респондентам было предложено ответить на вопрос «Как Вы считаете, где Вашим детям или внукам лучше получить высшее образование?», доли ответов на который представлены в *Таблице 3*.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос, где лучше получить высшее образование

Как Вы считаете, где Вашим детям или внукам лучше получить высшее образование?

Место получения высшего образования	**Территориальное происхождение информанта**			
	Краснодар	**Краснодарский край**	**Другой регион России**	**Другое государство**
Краснодар	48,6%	33,9%	41,5%	38,1%
Краснодарский край		5,1%	0,8%	
Другой регион России	30,2%	33,9%	32,5%	28,6%
Другое государство	5,6%	6,8%	4,1%	7,1%
Другой ответ	9,5%	16,9%	12,2%	16,7%
Затрудняюсь ответить	7,8%	5,1%	6,5%	7,1%

Итог может не составлять 100%, ввиду возможности информанта выбрать несколько вариантов ответа.

Краснодарцы, родившееся в самом городе, судя по полученным данным, больше других групп опрошенных настроены дать образование своим потомкам в родном городе, высока доля так же ответивших среди переехавших в Краснодар уроженцев других регионов страны. Одинакова и доля краснодарцев, переехавших в краевую столицу из

районов Кубани, которые предпочли бы Краснодар или другой регион страны в качестве места получения своими детьми или внуками высшего образования. Сам Краснодарский край, исключая региональный центр, практически не назывался респондентами. Другие регионы России, названные опрошенными краснодарцами — это Москва и Санкт-Петербург (большинство ответов), также назывались крупные города Сибири, но такие варианты были единичными.

Информанты всех четырёх групп выбирали и «Другой ответ», однако, он ограничивался высказываниями типа «где захочет», «зависит от профиля», «без разницы» и прочие ответы. Из групп опрошенных менее всего нацелены на высшее образование своих детей или внуков в Краснодаре переехавшие в город жители Краснодарского края. Доли тех, кто хотел бы, чтобы их дети или внуки обучались не в Краснодаре и не на Кубани, примерно равны и составляют около или менее трети, ответивших на данный вопрос. Ответы информантов, согласно их принадлежности к возрастным группам, показывают стремление молодёжи дать образование своим детям за пределами родного города — представители среднего и пожилого возрастов в два раза чаще, чем молодые люди, указывали краевую столицу в качестве места обучения своих детей и внуков. Обратная картина наблюдается с другими регионами страны. Как уже было сказано выше, большинство ответов подразумевали Москву и Санкт-Петербург — их молодёжь указывала примерно в полтора раза чаще, чем пожилые краснодарцы и информанты среднего возраста.

При росте населения края за 10 лет на 10,6% и диспропорции роста городского и сельского населения можно сделать вывод не только о приросте населения за счёт миграции, положительное сальдо которой сохраняется на протяжении более десяти последних лет (Краснодарстат 2023), но и об активной урбанизации в пользу краевой столицы. Следует также отметить, что согласно статистическим данным (Витрина статистических данных 2024), большая доля — от трети до менее чем половины — прибывших в Краснодарский край выбирает краевой центр своим новым местом жительства. Изменение населения самого города Краснодара в межпереписной период — 2010-е годы — было таким: с 745 тыс. краснодарцев, согласно данным переписи населения 2010 г. (ВПН 2010), до 1 млн. 99 тыс. жителей по результатам последней переписи (ВПН 2020), то есть на 47,5%, что говорит об очень большой привлекательности краевой столицы как в плане урбанизации для жителей края, так и в плане нового места жительства для россиян из других регионов страны и новосёлов из иных государств.

О миграционной привлекательности Краснодара для молодёжи свидетельствует тот факт, что краевая столица располагает достаточно развитой образовательной инфраструктурой — переезд в город на учёбу актуален для кубанской молодёжи (*Ракачёв*, *Морозова* 2022). Образовательная миграция в Краснодар, по мнению указанных исследователей, также затрагивает соседние регионы Юга страны, Востока и Севера. Сохраняющаяся динамика положительной миграции в Краснодарский край и рост его благосостояния видны на примере увеличения денежных доходов населения и сокращении численности безработных (*Агабекян* 2023: 19).

Результаты наших исследований подтверждают и другие публикации. О миграции в Краснодар и особенностях типов мигрантов также пишут, например, С. К. Пуликовский, В. В. Плотников и Е. О. Кубякин (*Пуликовский* и др. 2020). Авторы статьи выделяют категории переезжающих в краевую столицу новосёлов. Это — студенческая молодёжь — типичные представители наиболее активной социальной группы, пенсионеры,

переезжающие, в частности, с целью повышения качества жизни ввиду благоприятного местного климата, и покидающие места, где по определению он хуже. Переезд пенсионеров может быть связан с покупкой дома и прилегающего участка, если не в самом городе, то в окрестных населённых пунктах — садовых товариществах, станицах и посёлках. Краснодарские новосёлы, прибывающие с целью «разобраться на месте» (то есть новом месте жительства) едут самостоятельно, либо же: в первом случае, оставляя семью в другом регионе, во втором случае — вместе с семьёй. Мигранты, переезжающие без семьи, в случае неудачного опыта могут вернуться.

Сообщается также о проблеме принимающего региона, как места, где нет нужды в некоторых специальностях, так и в номинальных квалификациях новосёлов, которые по приезде работают не по специальности — в сферах услуг, торговле, неквалифицированном строительстве. Проблемой для приезжих порой становится несоответствие их ожиданий жизни в крае и реальности — выражено это может быть, как в злонамеренном искажении образа края заинтересованными лицами, например, застройщиками, так и в добросовестном заблуждении самих новосёлов, в потере актуальности их знаний о новом месте жизни.

При этом для других мигрантов финансовая стабильность является одним из факторов закрепления нового жителя в краевой столице. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что миграционные настроения среди опрошенных жителей города Краснодара сильно разнятся в зависимости от различных факторов — возраста (например, молодые более мобильны для переезда), места рождения (значительная часть респондентов уже переехала в Краснодар, поэтому не высказывали желания о смене места жительства).

Краснодар, как город с миллионным населением и административный центр южного региона страны, являет собой миграционную точку притяжения не только жителей России, но и граждан других государств. В пределах исследуемого субъекта России также наблюдаются урбанистические процессы, которые приводят к притоку жителей районов края в краевую столицу. Согласно данным исследования, миграционные настроения особенно прослеживаются у местной молодёжи и местных жителей среднего возраста, которые видят в других регионах более выгодные для себя проекты — молодёжь — образование, люди среднего возраста — работу. Что касается переехавших в город жителей иных областей страны, а также постепенно уезжающих из «домашних» субъектов членов их семей, воссоединяющихся на новом месте, то их миграционные настроения выражены не так сильно, что говорит об их удовлетворённости жизнью на Юге и выбором его в качестве конечного пункта своего переезда.

Источники и материалы

Витрина статистических данных 2024 — Миграционный прирост населения по полу, возрасту и потокам передвижения // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. https://showdata.gks.ru/report/278004/ (дата обращения: 05.12.2024).

ВПН 2020 — Итоги ВПН-2020. Численность и размещение населения. Таблица 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более // Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Т. 1 [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения: 05.12.2024).

ВПН 2010 — Численность населения России, федеральных округов, субъектов Российской Федерации, районов, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов — районных центров и сельских населенных пунктов с населением 3 тысячи человек и более. Т. 1. С. 73 // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [Электронный ресурс]. https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-05.pdf (дата обращения: 05.12.2024).

Краснодарстат 2023 — Миграционный прирост, убыль населения Краснодарского края // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея [Электронный ресурс]. https://23.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/MN%20.htm?ysclid=m2x8uaeezt306057841 (дата обращения: 05.12.2024).

Научная литература

Агабекян Р. Л. Исследование особенностей миграционных процессов в Краснодарском крае в современных условиях // Вестник Академии знаний. 2023. № 51(1). С. 17–21.

Баранов А. В. Межэтнические и межконфессиональные взаимодействия в Краснодарском крае глазами молодёжи (этносоциологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2020. № 3 (264). С. 176–184.

Космарская Н. П. «Коррупция», «толпы» и «лезгинка»: региональная специфика отношения россиян к мигрантам (на примере Москвы и Краснодара) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 2. С. 187–213. https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.7

Петров В. Н. Населенческие общности и группы социально-территориального пространства: этносоциальные различия и статусы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений» / отв. ред. Т. А. Хагуров, В. Н. Ракачёв, Я. В. Ракачёва, Н. С. Позднякова. Краснодар: Издательство ОК ПРЕСС, 2018. С. 227–247.

Плотников В. В., Кубякин Е. О. Рост этнически не маркированной миграции и проблема социального регулирования в отдельно взятом городе (на материалах исследования по г. Краснодару) // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2022. № 5 (94). С. 87–98. https://poisk.elpub.ru/jour/article/view/178

Пуликовский С. К., Плотников В.В., Кубякин Е.О. Обобщённые результаты исследования идентификационных стратегий этнически немаркированных социальных групп приезжих в г. Краснодаре: анализ точек социальной напряжённости // Поиск: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 3 (80). С. 85–93.

Ракачёв В. Н., Морозова Е.В. Высшее образование как ресурс политики развития региона: пример Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24, № 4. С. 827–855. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-827-855

Тарасова Т. Т. Роль миграции населения в формировании трудовых ресурсов Краснодарского края // Экология. Экономика. Информатика. Серия: системный анализ и моделирование экономических и экологических проблем. 2022. Т. 1, № 7. С. 197–202. https://www.doi.org/10.23885/2500-395X-2022-1-7-197-202

References

Agabekian, R. L. 2023. Issledovanie osobennostei migratsionnykh protsessov v Krasnodarskom krae v sovremennykh usloviiakh [The Study of the Features of Migration Processes in Krasnodar Region in Modern Conditions]. *Vestnik Akademii znanii* 51: 17–21.

Baranov, A. V. 2020. Mezhetnicheskie i mezhkonfessional'nye vzaimodeistviia v Krasnodarskom krae glazami molodezhi (etnosotsiologicheskii aspekt) [Ethnic and Confessional Interactions in the Krasnodar Territory through the Youth's Eyes (Ethnosociological Aspect)]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta* 3: 176–184.

Kosmarskaia, N. P. 2018. «Korruptsiia», «tolpy» i «lezginka»: regional'naia spetsifika otnosheniia

rossiian k migrantam (na primere Moskvy i Krasnodara) [“Corruption”, “Crowds”, and “Lezginka”: Regional Specifics of Attitudes Towards Migrants in Present-Day Russia (the Case-Study of Moscow and Krasnodar)]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* 21(2): 187–213. https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.2.7

Petrov, V. N. 2018. Naselencheskie obshchnosti i gruppy sotsial’no-territorial’nogo prostranstva: ehtnosotsial’nye razlichiia i status [Population Communities and Groups of Socio-Territorial Space: Ethno-Social Differences and Statuses]. In *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ehtnos i obshchestvo v kontekste mezhnatsional’nykh otnoshenii»* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference ‘Ethnos and Society in the Context of Inter-Ethnic Relations’], ed. by T. A. Khagurov, V. N. Rakachev, Ya. V. Rakacheva and N. S. Pozdniakova. Krasnodar: OK PRESS. 227–247.

Plotnikov, V. V., and E. O. Kubiakin. 2022. Rost etnicheski ne markirovannoi migratsii i problema sotsial’nogo regulirovaniia v otdel’no vziatom gorode (na materialakh issledovaniia po g. Krasnodaru) [The Growth of Ethnically Unmarked Migration and the Problem of Social Regulation in a Single City (Based on the Materials of a Study on Krasnodar)]. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiia. Kul’tura* 5: 87–98. https://poisk.elpub.ru/jour/article/view/178

Pulikovskii, S. K., V. V. Plotnikov, and E. O. Kubyakin. 2020. Obobshchennye rezul’taty issledovaniia identifikatsionnykh strategii etnicheski nemarkirovannykh sotsial’nykh grupp priezzhikh v g. Krasnodare: analiz tochek sotsial’noi napriazhennosti [Summarized Results of a Study of the Identification Strategies of Ethnically Unmarked Social Groups Visiting Krasnodar: Analysis of Points of Social Tension]. *Poisk: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologiya. Kul’tura* 3: 85–93.

Rakachev, V. N., and E. V. Morozova. 2022. Vysshee obrazovanie kak resurs politiki razvitiia regiona: primer Krasnodarskogo kraia [Higher Education as a Resource for Regional Development: The Case of Krasnodar]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Politologiia* 24(4): 827–855. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-827-855

Tarasova, T. T. 2022. Rol’ migratsii naseleniia v formirovanii trudovykh resursov Krasnodarskogo kraia [The Role of Population Migration in the Formation of Labor Resources of the Krasnodar Region]. *Ekologiia. Ekonomika. Informatika. Seriia: sistemnyi analiz i modelirovanie ekonomicheskikh i ekologicheskikh problem* 1(7): 197–202. https://www.doi.org/10.23885/2500-395X-2022-1-7-197-202

УДК 39:378+316.77
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/145-160
Научная статья

© М. В. Белозёрова, П. А. Куринских, В. В. Бобылёв

АДАПТАЦИЯ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ: КЕЙС — ТУРКМЕНЫ СОЧИНСКОГО ИНСТИТУТА (ФИЛИАЛА) РУДН ИМ. ПАТРИСА ЛУМУМБЫ

В статье представлены результаты исследования, проведенного в г. Сочи в 2023–2024 годах. Рассматривается опыт Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы по адаптации студентов-туркменов (кейс) и межкультурные коммуникации, определяющие их адаптацию к новой социокультурной среде. Проблему актуализирует увеличение студентов в высших учебных заведениях из азиатских стран бывшего СССР. В процессе обучения студенты-иностранцы объективно сталкиваются с этнопсихологическими, социокультурными и языковыми проблемами. Анализ накопленного опыта на региональном уровне позволяет его учитывать при разработке организационных предложений в системе высших учебных заведений. В статье использованы общенаучные (принципы системного, процессного, выборочного подходов, компаративных анализ, сравнительно-типологический) и специальные (анкетный опрос, интервью, включенное наблюдение) методы и техники (первичной статистической обработки данных, отражения полученных показателей в виде диаграмм, кейс-стади). Для решения поставленной проблемы были разработаны анкеты и вопросник для интервью. Результаты анкетного опроса 2023 г. показали быструю адаптацию студентов-туркменов к условиям иноязычной и инокультурной среды вуза и Сочи в целом. Этому способствовала сложившаяся в институте практика. Это формирование студенческих групп со смешанным этническим составом, привлечение студентов-туркменов к участию в спортивных соревнованиях и культурно-просветительских мероприятиях факультета и института, кураторство преподавателями и сокурсниками, обучение русскому языку в течение всех лет обучения, общение студентов-иностранцев в социальных сетях (ВК, Telegram, WhatsApp), организованных администрацией института и деканата, преподавателями. Однако данные интервью и включенного наблюдения, проведенных в 2024 г. показали, что студенты последую-

Белозёрова Марина Витальевна — д. и. н., доцент, главный научный сотрудник, ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 354002 Сочи, ул. Яна Фабрициуса, 2/28). Эл. почта: mbelozerowa@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3156-2458

Куринских Полина Александровна — к. и. н., заведующий лабораторией этносоциальных исследований, научный сотрудник, ФГБУН Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук» (Российская Федерация, 354002 Сочи, ул. Яна Фабрициуса, 2/28). Эл. почта: polina_alexandrowna@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5756-3643

Бобылёв Владимир Владимирович — к. полит. н., и. о. декана историко-филологического факультета, заведующий кафедрой истории и социально-гуманитарных дисциплин, Сочинский институт (филиал) РУДН (Российская Федерация, 354340 Адлер, ул. Куйбышева, 32). Эл. почта: bob_6767@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7397-8147

* Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ СНЦ РАН FGRW-2024-0002, № гос. регистрации 124022000096-2

щих лет обучения испытывают трудности в общении с представителями других народов и в ходе учебного процесса. В повседневной жизни студенты-туркмены сталкивались с недопониманием, главным образом, в бытовой сфере. Респонденты это связывали с незнанием менталитета, особенностей языка и традиций как туркменов, так и российских студентов, отсутствием общих интересов с однокурсниками. По данным интервью были выявлены и другие проблемы: недостаток знаний по русскому языку, по социальной и этнокультурной жизни региона, проблемы в освоении ряда дисциплин по специальности «История».

Ключевые слова: *иностранные студенты, туркмены, университет, социокультурная адаптация, межкультурная коммуникация, анкетный опрос, интервьюирование*
Ссылка при цитировании: *Белозёрова М. В., Куринских П. А., Бобылёв В. В.* Адаптация студентов-иностранцев: кейс — туркмены Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 145–160.

UDC 39: 378+316.77
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/145-160
Original Article

© Marina Belozerova, Polina Kurinskikh and Vladimir Bobylev

ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS: THE CASE OF TURKMENS IN THE SOCHI BRANCH OF PATRICE LUMUMBA PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

This study presents the results of a questionnaire survey conducted in 2023–2024 at the Sochi Institute (branch) of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University, which examines intercultural communication and adaptation processes among Turkmen students in a new sociocultural environment. The research addresses a growing demographic trend: the increasing enrollment of students from Central Asian states of the former USSR in Russian universities, who often face linguistic, ethno-psychological, and sociocultural challenges during integration. By analyzing regional institutional practices, this work identifies strategies to support foreign students and proposes recommendations for higher education institutions. The methodology combines general scientific approach with anthropological methods (questionnaires, interviews, case studies). Data processing included statistical analysis and visualization of results through charts and case study narratives. The 2023 survey highlighted the rapid adaptation of Turkmen students to the Russian-language academic environment and urban life in Sochi. Successful integration was attributed to such institutional practices as: a) ethnically diverse student groups and the promotion of cross-cultural interaction within academic cohorts; b) extracurricular activities that involve Turkmen students in sports competitions, cultural festivals, and educational events; c) peer mentoring programs and structured support systems that pair newcomers with senior students; d) language immersion initiatives — Russian language workshops integrated with local cultural activities. The research underscores the role of intentional institutional frameworks in mitigating adaptation barriers. These findings contribute to the broader discourse on international student mobility and intercultural pedagogy in post-Soviet educational contexts.

Keywords: *foreign students, Turkmen, university, sociocultural adaptation, intercultural communication, questionnaire survey, interviewing*

Authors Info: Belozerova, Marina V. — Dr. of History, Associate Professor, Senior Researcher, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: mbelozerowa@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-3156-2458
Kurinskikh, Polina A. — Ph.D. in History, Researcher, Head of the Ethnosocial Research Laboratory, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Sochi, Russian Federation). E-mail: polina_alexandrowna@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-5756-3643
Bobylev, Vladimir V. — Ph.D. in Political Science, Acting Dean of the Faculty of History and Philology, Head of the Department of History and Social and Humanitarian Disciplines, Sochi Institute (Branch) of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University (Adler, Russian Federation). E-mail: bob_6767@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7397-8147
For citation: Belozerova, M. V., P. A. Kurinskikh, and V. V. Bobylev. 2025. Adaptation of Foreign Students: The Case of Turkmens in the Sochi Branch of Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 145–160.
Funding: The study was funded by the state assignment research of the Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences FGRW-2024-0002, project No. 124022000096-2.

Введение

Образование является важнейшей сферой жизни общества. Оно выступает как фактор интеграции молодежи в социум, культурную и языковую среду государства. В настоящее время в нашей стране актуализировались проблемы по адаптации и формированию межкультурных коммуникаций иностранных студентов как к высшим учебным заведениям, так и к российской действительности в целом. Во многом это связано с увеличением численности студентов из стран бывшего СССР, особенно из государств Средней Азии. Это отмечается, в том числе и в научном дискурсе. Значимость проблематики обуславливает то, что она соотносится с положениями пунктов 21 (д) и 31 (б) о «…противодействии… социокультурным угрозам,… экстремистской идеологии,… и иным источниками опасности для общества…», о «совершенствовании системы научно-технологического прогнозирования», учитывающего «…возможные сценарии развития социальных,… политических процессов, имеющиеся большие вызовы…» (Указ Президента РФ 2024 а) перечнем важнейших наукоемких технологий (п. 16, 19) «…по системному анализу и прогнозу социального… развития и безопасности Российской Федерации…» при формировании и развитии общественных и межнациональных отношений (Указ Президента РФ 2024 б) и курсом РФ в образовательной политике (ФЗ 2012; ФЗ 1999; Россотрудничество: Экспорт российского образования).

В ходе образовательного процесса студенты-иностранцы объективно сталкиваются с этнопсихологическими, этнокультурными и языковыми проблемами в процессе их обучения и адаптации. С этими явлениями встречаются также российские преподаватели и студенты. Поэтому актуализируются вопросы адаптации студентов-иностранцев, формирования межкультурной коммуникации, развития конструктивного диалога в студенческой среде, а также интеграции студентов-иностранцев в городскую среду другой страны.

Как правило, города, в которых обучаются иностранные студенты, являются крупными промышленными (а Сочи — крупным городом-курортом), образовательными, культурными центрами регионов. Исследование накопленного опыта на местном уровне позволяет не только дать его анализ, но и учитывать при разработке организационных предложений в системе вузов. Рассматривая проблематику в практической плоскости, следует акцентировать внимание и на вопросе дальнейшего формирования социокультурного взаимодействия, продвижения культуры и традиций многонациональной России в странах постсоветского пространства, русского языка, лояльности к России, где студенты-иностранцы получили высшее образование. Поэтому помощь студентам-иностранцам в адаптации и социокультурной интеграции к условиям прежде всего вуза — одна из важнейших задач педагогического коллектива.

Исследование, выполненное авторами статьи, имело целью выяснить, насколько быстро студенты-туркмены адаптируются в коллективе вуза и определить факторы, влияющие на формирование межкультурной коммуникации в студенческой среде. Проведенная работа стала частью исследований по проблематике, заданной тематикой государственного задания (Отчет 2024). Статья основана в первую очередь на материалах анкетных опросов, проведенных у студентов-туркменов, обучавшихся в Сочинском институте (филиале) Российского университета дружбы народов (РУДН) им. Патриса Лумумбы (далее: СИ РУДН) в 2019–2023 гг., а также включенного наблюдения и интервью с туркменскими и российскими студентами в 2024 г.

В исследовании использовались специальные методы: анкетный опрос, интервьюирование, включенное наблюдение. Проведено обобщение результатов анкетного опроса. Были использованы методы первичной статистической обработки данных и техника отражения полученных показателей в диаграммах, которые были составлены авторами. Методологической основой исследования стали принципы системного и процессного подходов. Они дали возможность сфокусировать внимание на участниках процесса — студентах-туркменах, системе создаваемых коммуникационных связей при их адаптации в вузовской среде. При рассмотрении историографических данных, отборе источниковых материалов, их группировке применялись сравнительно-типологический и компаративный подходы. В соответствии с выборочным методом были определены вуз и группа студентов (туркмены), исследование было проведено по территориальному (город Сочи) и хронологическому (2023, 2024 гг.) срезам.

Проблематика рассматривалась в контексте методологического подхода теории секьюритизации (*Buzan* 2006: 172–173; *Варганова* 2006; *Белозёрова* 2011), которая была направлена на исследование изменений общественных приоритетов в случае политизации какого-либо вопроса в общественном дискурсе и разработку необходимых мероприятий по обеспечению безопасности.

В работе использовалась техника исследования «case-study» (*Harling* 2002; *Gerring* 2024; *Михайлов* 2014). Нами был определен кейс — студенты-туркмены, обучавшиеся в СИ РУДН в 2023 г. Далее определялись параметры кейса, его социальная среда и обстановка — это студенты, обучавшиеся на кафедре всеобщей истории историко-филологического факультета, и преподаватели. На третьем этапе происходил сбор информации — изучалась историография вопроса, анализировались документы, разрабатывались анкеты для студентов-туркменов, был проведен анкетный опрос. На заключительном этапе был проведен анализ результатов анкетирования. В ходе исследования обозначенные методики использовались комплексно.

Объект нашего исследования — процессы адаптации студентов-иностранцев в вузах РФ. Предмет — формы адаптации студентов при формировании межкультурных коммуникаций в Сочинском институте (филиале) РУДН им. Патриса Лумумбы. Цель — выявление системы межкультурных коммуникаций, определяющих особенности адаптации студентов-туркменов, обучающихся на историко-филологическом факультете СИ РУДН, к новой для них социокультурной среде.

Авторами были определены источники для решения поставленных задач, сгруппированные в соответствии с сформулированными целями. Работа с ними включала: 1) анализ историографии по заданной проблематике; 2) анализ нормативно-правовой документации по вопросам образовательной политики; 3) составление вопросника для интервью, анкеты, проведение анкетного опроса, включенного наблюдения среди студентов-туркменов, интервью с ними. В качестве основных источников были использованы: 1) нормативно-правовая документация РФ и Туркменистана (Туркмении) по вопросам образовательной политики и обучения русскому языку, 2) результаты анкетного опроса студентов-туркменов, интервью, включенного наблюдения.

Для решения поставленных в исследовании задач по проблеме формирования межкультурных коммуникаций в среде студентов–туркменов, обучавшихся на 4 курсе по специальности «История» отделения бакалавриат в Сочинском институте (филиале) ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (кейс-стади) им была предложена анкета «Проблемы адаптации и межкультурного взаимодействия студентов-иностранцев в Сочинском институте РУДН им. Патриса Лумумбы» (далее: Анкета (Архив ЛЭИ 2023).

Для уточнения данных было проведено интервьюирование и включенное наблюдение в среде студентов-туркменов 3 курса (ПМА 2024). Для лучшего понимания степени вовлеченности студентов-иностранцев в текущую научно-проектную и культурно-просветительскую деятельность университета были применены такие методы цифровой антропологии и киберэтнографии как наблюдение за онлайн-сообществами, анализ сообщений, визуальный анализ фото- и видеоматериалов.

Как уже было сказано, в научном поле существует определенный интерес к проблематике обучения иностранных студентов в вузах РФ, их адаптации. Наработки предшественников, безусловно, учитывались нами в процессе исследования. Заметим, что значительная часть работ российских ученых посвящена вопросам изучения русского языка в Туркменистане, специфике методических взглядов на его изучение как иностранного в учебных программах для туркменских школ (*Кудоярова* 2010: 70, 73), значимости русского языка для молодых жителей Туркменистана, желающих поступать в российские вузы (*Шашнева, Салаева* 2021), истории туркменского языка (*Ювшанов* 2023).

Поднималась проблема «туркменизации», проводившаяся в 1990-е — начале 2000-х гг. как на государственном уровне, так и в учебных заведениях (*Кудоярова* 2010). Исследователями были выделены этапы «языковой политики» в течение тридцати лет с момента обретения независимости Туркменистаном, проведен их анализ. Так, первый этап (1990-е — 2006), по мнению специалистов, характеризовался «конструированием национальной идентичности»; на втором этапе (2007–2022) языковая политика была связана с процессами глобализации (*Чан Сяньминь, Бе Чуньхун* 2022). Внимание уделялось «особенностям этнолингвоориентированного подхода» в преподавании русского языка в туркменской аудитории, а также трудностям при его усвоении, выделялись факторы, которые способствовали «эффективному обучению» русскому в

качестве иностранного с учетом «языковых, культурных, психологических и ментальных особенностей туркмен» (*Хавдок* 2018).

Акцент был сделан на открытии государственных культурных центров Фонда «Русский мир» в странах Центральной Азии, в том числе в СНГ, и организации курсов по обучению русскому языку для абитуриентов (Информационный портал фонда «Русский мир» 2009). Внимание ряда исследователей акцентировалось на опыте академической, социокультурной и языковой адаптации иностранных студентов (*Григорян, Попкова* 2021), в том числе и в российских вузах регионального уровня (*Белякова* и др. 2020). Часть работ посвящена анализу нормативно-правовой документации по образовательной миграции (*Шитова* 2019; *Власов* и др. 2020). Проблема использования социальных сетей как механизма межкультурной адаптации также попадала в поле внимания исследователей (*Sawyer, Chen* 2012; *Lim, Meier* 2012; *Sanusi* et al. 2014; *Hosseini* et al. 2020). Отмечено, что онлайн-общение между соотечественниками из родной страны студента снимало как «аккультурный» стресс у временно проживающего студента, так и стресс и беспокойство дальних родственников (*Sandel* 2014). Интеграционный характер текстовых сообщений в мессенджерах отмечала М. Ю. Мартынова (*Мартынова* 2024).

Таким образом, анализ научной литературы по выбранной проблеме показал, что вопросы формирования межкультурных коммуникаций в среде студентов-туркмен в российских высших учебных заведениях рассматривались в недостаточной степени или не ставились. Поэтому они требуют более подробного освещения.

Опыт адаптации студентов-туркменов в СИ РУДН им. Патриса Лумумбы

Обучение иностранных студентов в российских высших учебных заведениях в нормативно-правовом аспекте основывается на целом ряде законодательных актов, касающихся образовательной сферы. Согласно пунктам 1–8 (а) ст. 78 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» иностранным гражданам предоставляется право получать высшее образование в вузах России (ФЗ 2012). В «Концепцию государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг.» включены положения (ст. 11^1, 11 д, 23 а, г) по образовательной миграции (Указ Президента РФ 2018). «План мероприятий по реализации Концепции в 2024–2025 годах» в пункте 24 предусматривает работу по социальной и культурной адаптации иностранных студентов (Распоряжение Правительства РФ 2024), а также проведение социологических исследований по оценке состояния межнациональных отношений в соответствии с пунктом 38. В 2017 г. был утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», сроки его реализации — 2017–2025 гг. Одна из основных задач, сформулированных в этом документе — «повышение привлекательности и конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг», в частности за счет увеличения численности студентов-иностранцев, обучающихся в российских вузах, усиления интеграционных процессов российских и иностранных студентов (Приоритетный проект 2017; Паспорт 2017).

В Сочинском институте (филиале) РУДН им. Патриса Лумумбы обучаются около двадцати представителей разных стран — Армении, Беларуси, Китая, Туркменистана, Узбекистана и др. Наиболее многочисленная группа, более 200 студентов, получают образование на историко-филологическом факультете по трем направлениям «История», «Филология», «Журналистика». Процесс адаптации студентов к условиям российской

действительности, города Сочи, вуза — многоаспектный. Это необходимость приспособиться к новым климатическим условиям, часовому поясу, усвоить новую образовательную систему, освоить русский язык, адаптироваться к российской социокультурной среде, интернациональным по своему составу студенческим группам.

В 2023–2024 гг. авторами проводилось исследование среди обучающихся по направлению «История». Значимыми стали вопросы межэтнического и межкультурного общения. Они были отражены в анкете и поставлены в интервью.

Результаты исследования представлены далее.

Прежде всего следует отметить практику, существующую в вузе в целом и на историко-филологическом факультете, в частности, по распределению иностранных студентов в студенческие группы со смешанным этническим составом. Анкетный опрос показал (Архив ЛЭИ 2023: 5), что около 59% студентов-туркменов хотели бы обучаться в полиэтничных группах. Это обосновалось тем, что: «так проще найти общий язык и взаимопонимание» и «общий язык помогает в обучении» (ответы распределились поровну); «интересны другие национальности и их традиции» (около 36%), «Сочи — многонациональный город, здесь необходимо поддерживать отношения с представителями разных этносов» (53,8%). Студентам было предложено несколько вариантов ответов. При этом значительная часть студентов (около 36%) хотела бы обучаться на русском языке.

Как показало исследование, адаптации студентов-туркменов в вузе способствует то, что их курирует преподаватель и сокурсники, которые прикреплены к ним. Русский язык, как дисциплина, преподается иностранным студентам в течение четырех лет, то есть в период обучения на бакалавриате. На факультете проводится апробация разных форм взаимодействия. Организовываются совместные мероприятия и встречи иностранных и российских студентов. Определенное значение имеет проведение производственных практик в образовательных и научных учреждениях Сочи. При этом студенты-туркмены, постигая азы специальности, могут общаться с сотрудниками только на русском языке. Иностранных студентов активно привлекают к спортивным соревнованиям. Спортивные команды, как правило, формируются со смешанным этническим составом (*Рис. 1*).

Для студентов-иностранцев проводятся экскурсии, которые знакомят их с историей города-курорта Сочи, культурой и традициями различных народов, проживающих на Черноморском побережье (*Рис. 2*). В то же время инициированные администрацией СИ РУДН проекты по организации отдыха или проведению социальных, культурных, национальных мероприятий интересуют студентов-иностранцев в незначительной степени (10% и 9% опрошенных соответственно). Они участвуют в данных мероприятиях, но предпочитают — спортивные.

Адаптации к вузу и формированию коммуникационных связей в инокультурной среде Сочи, по словам респондентов, способствуют и такие факторы, как посещение мечети, которая находится в сельской местности (Архив ЛЭИ 2023: 8), невозможность для большинства студентов-туркменов поездок домой в период обучения (ПМА 2024). То есть можно констатировать практически полное их «погружение» в иноязычную и инокультурную среду.

Наше внимание в анкетном опросе было уделено общению студентов-иностранцев в социальных сетях. Анализ ответов показал, что помимо организованных администрацией института и деканата, преподавателями чатов существуют тематические сообщества в социальной сети *ВК* и мессенджере *Telegram*. Ими пользуются 18% и 29% опрошенных студентов соответственно. Следует отметить, что анализ мессенджеров и

Рис. 1. Студенты-туркмены — участники спортивных соревнований в составе команды историко-филологического факльтета, 2024 г.
Fig. 1. Turkmen students are participants in sports competitions as part of the team of the Faculty of History and Philology, 2024

Рис. 2. Студенты-туркмены на экскурсии в Адлеле у памятника А. Бестужева-Марлинского. 2024 г.
Fig.2. Turkmen students on an excursion to Adlele at the monument to A. Bestuzhev-Marlinsky. 2024

социальных сетей как одного из механизмов адаптации студентов связано с возрастающим значением данных каналов связи. Так, результаты исследования РОМИР показывают, что большинство опрошенных респондентов считают, что в будущем мессенджеры станут основным средством онлайн-общения (70%) и они намерены ими регулярно пользоваться в долгосрочной перспективе (89%) (*Милёхин* 2024: 76).

Анализ данных анкетного опроса также показал, что мессенджеры и социальные сети наряду с институтом кураторства играют важную роль в адаптации и интеграции иностранных студентов и межкультурных коммуникацией в вузе. Все респонденты регулярно пользуются мессенджером *WhatsApp*. Основными каналами связи являются общий чат для всех студентов-туркменов СИ РУДН и чат однокурсников. Более половины респондентов (55%) используют эти чаты как источник информации и механизм решения вопросов, связанных с учебой. Ответы на вопросы, относящиеся к поиску жилья, подработки, решения бытовых проблем, 26% опрошенных иностранных студентов предпочитает искать в общем чате студентов-туркменов СИ РУДН (*Рис. 3*).

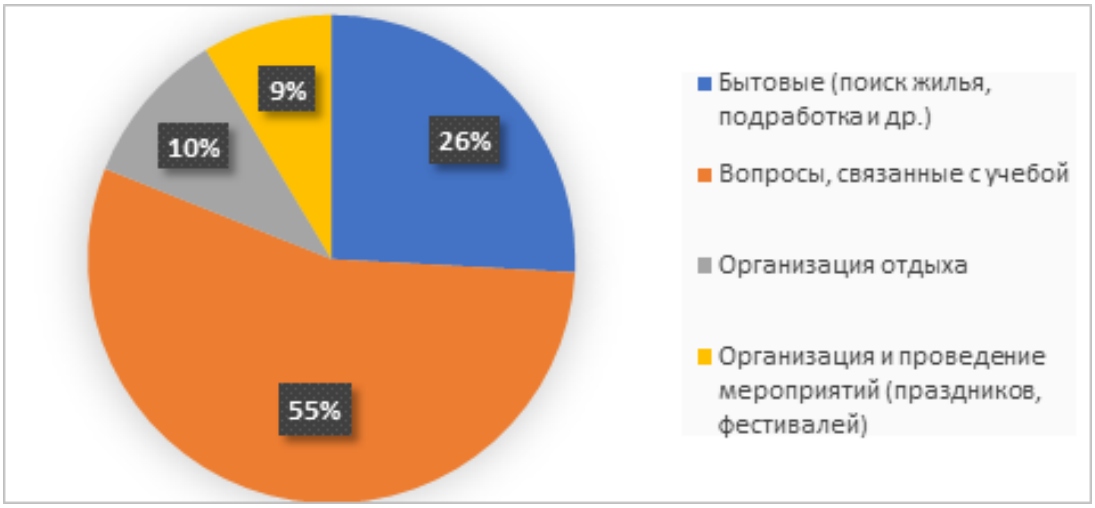

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос
«Какие вопросы помогают решать социальные сети, мессенджеры?»
Fig. 3. Distribution of answers to the question
«What issues do social networks and messengers help to solve?»

Большое значение в адаптации туркменских студентов в российском вузе, безусловно, имеет знание русского языка. Однако с обретением независимости в 1991 г. в Туркмении изменился статус русского языка. В соответствии со статьей 13 Конституции Туркменистана, принятой в 1992 г. (Конституция Туркменистана 1992), в новой редакции от 2016 г. — ст. 21 (Конституция Туркменистана 2016), статьей 2 Закона Туркменистана «Об образовании» государственным языком стал туркменский язык (Закон Туркменистана 2021). Русский перестал быть языком межнационального общения. В учебных заведениях он стал преподаваться как иностранный. Кроме этого, в стране изменилась так называемая «языковая среда» (*Кудоярова* 2010) в связи с уменьшением доли русскоязычного населения и сокращением использования русского языка в различных областях жизнедеятельности.

Обучение в школах Туркменистана ведется на туркменском языке (92,3%) в подавляющем большинстве вплоть до 10–11 классов (69,2%). Он является обязательном предметом (89,7%). Примерно 5,1% от всех опрошенных обучались на английском и столько же на русском языках. Согласно данным проведенного среди студентов-туркменов СИ (филиала) РУДН анкетного опроса, обучение на родном языке у 12,8% респондентов велось в начальной школе и у 12,8% — до 9 класса (Архив ЛЭИ 2023: 3) (*Табл. 1*, диаграмма на *Рис. 4*).

Таблица 1

Данные студентов-туркменов о языке обучения в школах Туркменистана

Table 1

Data from Turkmen students on the language of instruction in schools in Turkmenistan

Язык обучения	**Доля обучающихся студентов**	**Классы**
на туркменском языке	92,3%	до 10-11 классов
на туркменском языке	12,8%	до 9 класса
на туркменском языке	12,8%	в начальной школе
на русском языке	5,1%	нет информации
на английском языке	5,1%	нет информации

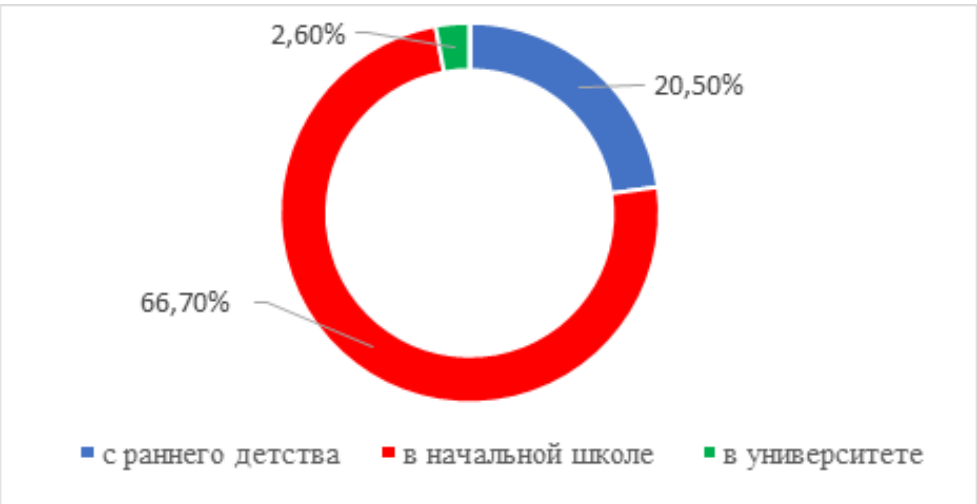

Рис. 4. Показатели возраста студентов-туркменов начала изучения русского языка
Fig. 4. Age indicators of Turkmen students starting to study Russian

Интересен вопрос о том, на каком языке студенты-туркмены хотели бы обучаться и на каком уровне образования (в школе, в университете, на курсах повышения квалификации). Согласно анкетному опросу, в большинстве своем они хотели бы обучаться как на русском, так и на английском языках в школе и в университете; туркменский оказался предпочтительным только для четверти студентов (*Рис. 5*). При этом минимальные значения обучения на всех этих языках относятся к желанию их изучать на курсах повышения квалификации. В анкете респонденты могли обосновать языковое предпочтение. Выбор туркменского языка для обучения студенты аргументировали тем, что им так проще и понятнее усваивать учебный материал (12,8%). Для 2,6% студентов знание родного языка — это возможность сохранения обычаев и традиций своего народа, шанс передать их своим детям. В то же время для подавляющего большинства туркменский и русский языки являются родными, и они не видят трудностей в освоении последнего (64,1%). При этом знание русского языка, по их мнению, является шансом получить хорошее образование и найти интересную работу, но доля ответивших так студентов незначительна — 5,1% опрошенных (Архив ЛЭИ 2023: 4).

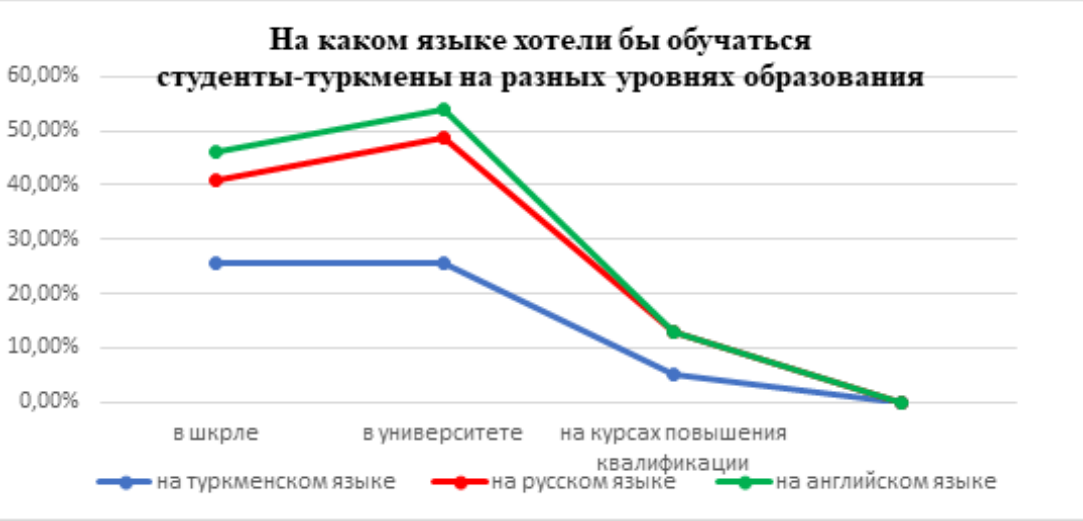

Рис. 5. Распределение мнения респондентов о выборе языка обучения студентами-туркменами на разных уровнях обучения
Fig. 5. Distribution of respondents' opinions on the choice of language of instruction by Turkmen students at different levels of education

Общение в вузе ведется преимущественно на русском языке — это правило учебного заведения, контроль за исполнением которого возложен на кураторов и старосту группы. Студенты–туркмены 2019–2023 годов обучения разговаривали на родном языке в основном между собой вне института.

В настоящее время ситуация с использованием русского языка студентами–туркменами в условиях Сочи не однозначна. По данным интервью и включенного наблюдения, проведенного в 2024 г. в другой группе студентов–туркменов более позднего набора, они за некоторым исключением пытаются общаться на туркменском языке не только между собой, но и с российским студентами и преподавателями даже во время учебного процесса. Например, на туркменском языке отвечают на вопросы преподава-

теля на занятиях или задают вопросы как преподавателям, так и своим сокурсникам. При этом в начале своего обучения в РФ они старались в большей степени использовать русский язык в общении с российским студентами. Затем стали «переходить» на туркменский в социальных сетях, объясняя это тем, что они с трудом говорят на русском языке, предлагая российским студентам выучить туркменский язык и разговаривать со студентами–туркменами на их родном языке (ПМА 2024: 15). Хотя студенты из Туркменистана в своих интервью отмечали, что они изучали русский язык до поступления в СИ РУДН (ПМА 2024: 16), уровень знания ими русского языка различный, многим сложно осваивать русский язык и воспринимать учебный материал по дисциплинам. Отсюда возникают трудности в восприятии лекций, усваивании учебных материалов, его воспроизводстве, ответах на вопросы, в частности по таким учебным дисциплинам, как история европейских стран, история России, источниковедение, историография и другим. Хотя до поступления в вуз они проходили подготовку не только по русскому языку, но и по историческим предметам (ПМА 2024: 17).

Тем не менее в дальнейшем ситуация с обучением русскому языку в Туркменистане может поменяться. Это связано, по мнению ряда исследователей, с тем, что в связи с некоторыми изменениями в образовательных программах Туркменистана (введение российской программы, российских учебников) есть определенная перспектива в повышении уровня изучения прежде всего русского языка. В настоящее время обучение уже стало проводиться по новой программе (взята российская программа) и по российским учебникам (*Кудоярова* 2010).

Выводы

В работе был рассмотрен опыт адаптации студентов–туркменов (кейс), обучающихся на историко-филологическом факультете в Сочинском институте (филиале) РУДН им. Патриса Лумумбы, выявлены межкультурные коммуникации, определяющие успешность их адаптации к новой социокультурной среде. С этой целью были разработаны анкеты и вопросник для интервью.

Результаты анкетного опроса 2023 г. отразили достаточно быструю адаптацию студентов–туркменов к условиям иноязычной и инокультурной среды вуза и города Сочи в целом. Этому способствовал ряд таких факторов, как обучение в группах со смешанным этническим составом, участие в спортивных соревнованиях и культурно-просветительских мероприятиях факультета и института, кураторство преподавателей и сокурсников, обучение русскому языку в течение четырех лет, общение студентов–иностранцев в социальных сетях (ВК, Telegram, WhatsApp), организованных администрацией института и деканата, преподавателями.

Вместе с тем, данные более поздних интервью и включенного наблюдения (2024 г.) показали, что студенты последующих лет обучения испытывают определенные трудности в общении с представителями других народов и в ходе учебного процесса. Однако они стараются быть коммуникабельными и по возможности оказывать поддержку своим российским однокурсникам (ПМА 2024: 15). Большинство студентов–иностранцев предпочитают использовать «студенческие чаты», основное назначение которых — решение бытовых вопросов.

Как показало исследование, в повседневной жизни студенты–туркмены иногда сталкивались с недопониманием со стороны студентов, а в бытовой сфере (например, при

съеме жилья) и со стороны жителей города. Они это связывали с незнанием местными менталитета, особенностей языка и традиций туркменов, с одной стороны, и плохим владением студентами–туркменами языками и традициями местных жителей, отсутствием общих интересов с однокурсниками–россиянами, с другой стороны. Но в последующие годы этой проблемы не возникало.

По данным интервью был выявлен ряд существенных проблем: среди них, прежде всего — недостаточность знаний у студентов–туркменов по русскому языку, по социально-политической, этнокультурной жизни региона, сложности в освоении ими ряда дисциплин по специальности «История».

Анализ ответов респондентов был многокомпонентным и позволил актуализировать опыт педагогического коллектива СИ РУДН по адаптации студентов–туркменов в высшем учебном заведении, а также определить проблемы, с которыми иностранцы сталкиваются в период обучения. Полученные сведения могут быть учтены при дальнейшей подготовке иностранных студентов в вузах России.

Источники и материалы

Архив ЛЭИ 2023 — Архив лаборатории этносоциальных исследований ФИЦ СНЦ РАН. Анкета «Проблемы адаптации и межкультурного взаимодействия студентов-иностранцев в Сочинском институте РУДН». 2023 г. / Сост. М. В. Белозёрова, П. А. Куринских. 9 с.

Закон Туркменистана 2021 — Закон Туркменистана «Об образовании» от 5 июня 2021 года № 380-VI. [Электронный ресурс]. https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=132841 (дата обращения: 11.01.2025).

Информационный портал фонда «Русский мир» 2009 — Старчак М. В. Российское образование на русском языке как фактор влияния России в Центральной Азии: что происходит и что делать // Информационный портал фонда «Русский мир». 16.02.2009. [Электронный ресурс]. https://russkiymir.ru/publications/190915/ (дата обращения: 23.01.2025).

Конституция Туркменистана 1992 — Конституция Туркменистана. Принята 18 мая 1992 г. (г. Ашгабат). [Электронный ресурс]. http://www.untuk.org/publications/legislation/nat/001.htm (дата обращения: 11.01.2025).

Конституция Туркменистана 2016 — Конституция Туркменистана. Новая редакция в соответствии с Законом Туркменистана от 14.09.2016 // Туркменистан. Золотой век [Электронный ресурс]. https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya

Отчет 2024 — Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Методология и методы информационного обеспечения национальной политики. Научное прогнозирование изменения этносоциальной обстановки в субъектах российской федерации» / А. Н. Садовой, М. В. Белозёрова, П. А. Куринских, К. А. Хищенко, В. И. Юристова и др. Рег. № 124022000096-2, FGRW-2024-0002 (промежуточный). Сочи: ФИЦ Субтропический научный центр РАН, 2024. 256 с.

Паспорт 2017 — Паспорт «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Протокол от 30 мая 2017 г. № 6. [Электронный ресурс]. http://government.ru/projects/selection/653/28013/ (дата обращения: 23.04.2024).

ПМА 2024 — Материалы полевых исследований М. В. Белозёровой. Интервью со студентами историко-филологического факультета Сочинского института (филиала) РУДН им. Патриса Лумумбы. 2024 г. 21 л.

Приоритетный проект 2017 — Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам Протокол от 30 мая 2017 г. № 6. [Электронный ресурс]. http://government.ru/projects/selection/653/28013/ (дата обращения: 15.03. 2024).

Россотрудничество — Экспорт российского образования [Электронный ресурс] // Россотрудничество. [Электронный ресурс]. http://rs.gov.ru/ru/activities/10/projects/17 (дата обращения: 07.02. 2020).

ФЗ 1999 — Федеральный закон от 24 мая 1999 года № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 11.04.2024).

ФЗ 2012 — Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об образовании в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/61481667d956e25b4c53b1febedf53ed1121e78c/ (дата обращения: 16.10.2024).

Указ Президента РФ 2018 — Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025годы» (с изменениями и дополнениями от 12 мая 2023 г.) [Электронный ресурс]. https://base.garant.ru/72092260/ (дата обращения: 23.04.2024).

Указ Президента РФ 2024а — Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-стратегического развития Российской Федерации». [Электронный ресурс]. http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358/page/1 (дата обращения: 25.09.2024).

Указ Президента РФ 2024б — Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий». Перечень важнейших наукоемких технологий. [Электронный ресурс]. http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202406180018 (дата обращения: 25.09.2024).

Harling 2002 — *Harling K.* An Overview of Case Study // Paper Presented at the Learning Workshop Case Studies: Their Future Role in Agricultural and Resource Economics. LongBeach, California: July 27, 2002. [Электронный ресурс] https://www.academia.edu/78519736/An_Overview_of_Case_Study (дата обращения: 04.03. 2024).

Научная литература

Белозёрова М. В. К проблеме толерантности и межкультурного взаимодействия в студенческой среде // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 2 (46). С. 5–9.

Белякова Л. Ф., Сидорова Т. Л., Петрунева Р. М., Васильева В. Д. Туркменские студенты в Волгоградском государственном техническом университете // Высшее образование в России. 2020. № 4. С. 127–135.

Варганова Г. В. Кейс-стади как метод научного исследования // Библиосфера. 2006. № 2. С. 36–42.

Власов С. Д., Паницков А. С., Назинцева А. Ю. Некоторые проблемы нормативно-правового регулирования образовательной миграции в РФ // Актуальные проблемы и перспективы инновационной агроэкономики. Саратов: Центр социальных агроинноваций СГАУ, 2020. С. 43–47.

Григорян А. А., Попкова Е. Б. Обучение русскому языку студентов из Туркменистана // Филологический класс. 2021. Т. 26, № 4. С. 302–315.

Кудоярова Т. В. Русский язык в современной образовательной среде Туркменистана // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 3. С. 70–74.

Мартынова М. Ю. СМС-сообщения и вайбер-коммуникация — современный письменный разговор глазами социального антрополога // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 389–395. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/389-395

Милёхин А. Мир человека: Демография. Социология. Психология. Маркетинг. М.: Типография «Ваш формат», 2024. 202 с.

Михайлов А. С. Кейс-стади — исследовательская стратегия или мета-метод? // Экономика и социум. 2014. № 3 (12). С. 543–551.

Хавдок А. Н. Проблемы этнолингвоориентированного обучения русскому языку как иностранному в туркменской аудитории // Ежеквартальный рецензируемый, реферируемый научный журнал «Вестник АГУ». 2018. № 4 (228). С. 99–105.

Чан Сяньминь, Бе Чуньхун. Эволюция языковой политики в Туркменистане периода независимости // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 359–361.

Шашнева Е. Н., Салаева С. К. Значение русского языка в Туркменистане // Шуйская сессия студентов, аспирантов, педагогов, молодых ученых: Материалы XIV Международной научной конференции, Москва-Иваново-Шуя, 06–07 октября 2021 года / Отв. ред. А. А. Червова. Шуя: Шуйский филиал ФГБОУВО «Ивановский государственный университет», 2021. С. 73–75.

Шитова Н. Б. Понятие «образовательная миграция»: отражение государственно-правового взгляда в актах стратегического планирования // Журнал юридических исследований. 2019. Т. 4. № 4. С. 7–13.

Ювшанов Х. Б. Туркменский язык и периоды его развития // Вестник науки. 2023. Т. 5. № 10 (67). С. 483–485.

Buzan B. The "War on Terrorism" as the New Macro-Securitization. Oslo: Workshop papers, 2006. 25 p.

Gerring J. What Is a Case Study and What Is It Good for? // American Political Science Review. Vol. 98. № 2. 2024. P. 341–354. http://www.jstor.org/stable/4145316?origin=JSTOR-pdf

Hosseini Z., Kotilainen S., Okkonen J. The Potential of Social Media to Enhance Cultural Adaptation: A Study on Iranian Student in the Finnish Context // Information Technology and Systems: Proceedings of ICITS 2020 / ed. by Á. Rocha et al. Cham: Springer International Publishing, 2020. P. 535–549. https://doi.org/10.1007/978-3-030-40690-5_52

Lim K., Meier E. B. International Students' Use of Social Network Services in the New Culture. A Case Study with Korean Youths in the United States // Asia Pacific Education Review. 2012. № 13. P. 113–120. https://doi.org/10.1007/s12564-011-9173-x

Sandel T. L. «Oh, I'm Here!»: Social Media's Impact on the Cross-cultural Adaptation of Students Studying Abroad // Journal of Intercultural Communication Research. 2014. № 43. P. 1–29. https://doi.org/10.1080/17475759.2013.865662

Sanusi B. O., Omowale A., Kayode O. J. Adapting Social Media for Formal Learning in Nigeria: Challenges and Prospects // Arabian Journal of Business and Management Review (OMAN Chapter). 2014.Vol. 3. № 9. P. 22–30.

Sawyer R., Chen G. M. The Impact of Social Media on Intercultural Adaptation // Intercultural Communication Studies. 2012. Vol. 21. № 2. P. 151–169.

References

Beliakova, L. F., T. L. Sidorova, R. M. Petruneva, and V. D. Vasilieva. 2020. Turkmenskie studenty v Volgogradskom gosudarstvennom tekhnicheskom universitete [Turkmen Students at Volgograd State Technical University]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* 4: 127–135.

Belozerova, M. V. 2011. K probleme tolerantnosti i mezhkul'turnogo vzaimodeistviia v studencheskoi srede [On the Problem of Tolerance and Intercultural Interaction in the Student Environment]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* 2: 5–9.

Buzan, B. 2006. *The "War on Terrorism" as the new Macro-Securitization*. Oslo: Workshop papers. 25 p.

Chang Xianmin, and Bie Chunhong. 2022. Evoliutsiia yazykovoi politiki v Turkmenistane perioda nezavisimosti [Evolution of Language Policy in Turkmenistan in the Period of Independence]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia* 2: 359–361.

Gerring, J. 2024. What Is a Case Study and What Is It Good for*? American Political Science Review* 98(2): 341–354. http://www.jstor.org/stable/4145316?origin=JSTOR-pdf

Grigorian, A. A., and E. B. Popkova. 2021. Obuchenie russkomu yazyku studentov iz Turkmenistana [Teaching Russian to Students from Turkmenistan]. *Filologicheskii klass* 26(4): 302–315.

Hosseini, Z., S. Kotilainen, and J. Okkonen. 2020. The Potential of Social Media to Enhance Cultural Adaptation: a Study on Iranian Student in the Finnish Context. In *Information Technology and Systems: Proceedings of ICITS 2020,* ed. by Á. Rocha et al. Cham: Springer International Publishing. 535–549. https://doi.org/10.1007/978-3-030-40690-5_52

Khavdok, A. N. 2018. Problemy etnolingvoorientirovannogo obucheniia russkomu yazyku kak inost-

rannomu v turkmenskoi auditorii [Problems of Ethnolinguistic-Oriented Teaching of Russian as a Foreign Language in the Turkmen Audience]. *Vestnik AGU* 4: 99–105.

Kudoiarova, T. V. 2010. Russkii yazyk v sovremennoi obrazovatel'noi srede Turkmenistana [Russian Language in the Modern Educational Environment of Turkmenistan]. *Vestnik RUDN. Seriia Voprosy obrazovaniia: yazyki i spetsial'nost'* 3: 70–74.

Lim, K., and E. B. Meier. 2012. International Students' Use of Social Network Services in the New Culture. A Case Study with Korean Youths in the United States. *Asia Pacific Education Review* 13: 113–120. https://doi.org/10.1007/s12564-011-9173-x

Martynova, M. Yu. 2024. SMS-soobshcheniia i vaiber-kommunikatsiia — sovremennyi pis'mennyi razgovor glazami sotsial'nogo antropologa [SMS Messages and Viber Communication — Modern Written Conversation from the Social Anthropologist's Perspective]. *Vestnik antropologii* 2: 389–395. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/389-395

Mikhailov, A. S. 2014. Keis-stadi — issledovatel'skaia strategiia ili meta-metod? [Case Study — a Research Strategy or a Meta-method?]. *Ekonomika i sotsium* 3: 543–551.

Milekhin, A. 2024. *Mir cheloveka: Demografiia. Sotsiologiia. Psikhologiia. Marketing* [The World of Man: Demography. Sociology. Psychology. Marketing]. Moscow: Vash format. 202 p.

Sandel, T. L. 2014. «Oh, I'm Here!»: Social Media's Impact on the Cross-cultural Adaptation of Students Studying Abroad. *Journal of Intercultural Communication Research* 43: 1–29. https://doi.org/10.1080/17475759.2013.865662

Sanusi, B. O., A. Omowale, and O. J. Kayode. 2014. Adapting Social Media for Formal Learning in Nigeria: Challenges and Prospects. *Arabian Journal of Business and Management Review (OMAN Chapter)* 3(9): 22–30.

Sawyer, R., and G. M. Chen. 2012. The Impact of Social Media on Intercultural Adaptation. *Intercultural Communication Studies* 21(2): 151–169.

Shashneva, E. N., and S. K. Salaeva. 2021. Znachenie russkogo yazyka v Turkmenistane [The Importance of the Russian Language in Turkmenistan]. *Shuiskaia sessiia studentov, aspirantov, pedagogov, molodykh uchenykh. Materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (06–07 oktiabria 2021)* [Shuya Session of Students, Postgraduates, Teachers, Young Scientists. Proceedings of the XIV International Scientific Conference (October 06–07, 2021)], ed. by A. A. Chervova. Shuya: Shuiskii filial FGBOUVO "Ivanovskii gosudarstvennyi universitet". 73–75.

Shitova, N. B. 2019. Poniatie «obrazovatel'naia migratsiia»: otrazhenie gosudarstvenno-pravovogo vzgliada v aktakh strategicheskogo planirovaniia [The Concept of the "Educational Migration": Reflection of the State-Legal View in Strategic Planning Acts]. *Zhurnal yuridicheskikh issledovanii* 4(4): 7–13.

Varganova, G. V. 2006. Keis-stadi kak metod nauchnogo issledovaniia [Case Study as a Method of Scientific Research]. *Bibliosfera* 2: 36–42.

Vlasov, S. D., A. S. Panitskov, and A. Yu. Nazintseva. 2020. Nekotorye problemy normativno-pravovogo regulirovaniia obrazovatel'noi migratsii v RF [Some Problems of Legal Regulation of Educational Migration in the Russian Federation]. *Aktual'nye problemy i perspektivy innovatsionnoi agroekonomiki* [Actual Problems and Prospects of Innovative Agroeconomics]. Saratov: Tsentr sotsial'nykh agro-innovatsii SGAU. 43–47.

Yuvshanov, H. B. 2023. Turkmenskii yazyk i periody ego razvitiia [Turkmen Language and Its Development Periods]. *Vestnik nauki* 5(10): 483–485.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/161-172
Научная статья

© Е. В. Фролова, А. И. Хайруллина

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЫХ МИГРАНТОВ В ГОРОДАХ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

Актуальность статьи обусловлена необходимостью изучения процессов социокультурной адаптации молодых мигрантов в регионах Российской Федерации. Статья написана на материалах этносоциологического исследования, проведенного в Татарстане в 2024 г. среди молодых представителей сообществ мигрантов, проживающих в городах республики. Цель статьи заключается в анализе языковых практик и социокультурных установок в среде молодых мигрантов в городах Республики Татарстан. Авторами рассмотрены актуализированные лингвокультурные практики респондентов; изучены установки на взаимодействие с представителями принимающего населения, а также органами государственной власти, местного самоуправления и иными официальными учреждениями. Проанализированы факторы, влияющие на социокультурную и языковую адаптацию приезжих. Сделан вывод о том, что испытываемый в ряде случаев психологический дискомфорт имеет ситуативный характер и связан с конкретными бытовыми ситуациями, бюрократическими сложностями, которые не имеют долгосрочных последствий. Показано, что молодые респонденты нацелены на получение высшего образования в Республике, приехавшую молодежь привлекает возможность более самостоятельно выбирать будущие образовательные, трудовые и семейные траектории. Материалы статьи могут быть полезными для социологов, психологов, социальных и культурных антропологов, политологов, а также представителей органов и структур, курирующих вопросы миграционной и молодежной политики.

Ключевые слова: *молодежь, миграция, этничность, языковые практики, социокультурные ориентации, этнический негативизм*

Ссылка при цитировании: *Фролова Е. В.*, *Хайруллина А. И.* Языковые практики и социокультурные ориентации молодых мигрантов в городах Республики Татарстан (по материалам этносоциологического исследования) // Вестник антропологии. 2025. № 2. С.161–172.

Фролова Елена Валерьевна — к. и. н., доцент, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, д.18). Эл. почта: elenaieup@mail.ru

Хайруллина Аделя Ильмировна — к. и. н., доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнографии, Казанский (Приволжский) федеральный университет (Российская Федерация, 420008 Казань, ул. Кремлевская, д.18). Эл. почта: aikhayrullina@mail.ru

* Работа выполнена за счет предоставленного в 2024 г. Академией наук Республики Татарстан гранта на осуществление фундаментальных и прикладных научных работ в научных и образовательных организациях, предприятиях и организациях реального сектора экономики Республики Татарстан.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/161-172
Original Article

© *Elena Frolova and Adela Khairullina*

LINGUISTIC PRACTICES AND SOCIO-CULTURAL ORIENTATIONS OF YOUNG MIGRANTS IN THE CITIES OF TATARSTAN (MATERIALS OF THE ETHNOSOCIOLOGICAL STUDY)

The processes of socio-cultural adaptation of young migrants in the regions of the Russian Federation is a topic of crucial importance in contemporary social studies. The article is based on the materials of an ethnosociological study conducted in Tatarstan in 2024 among young members of migrant communities living in the cities of the republic. The purpose of the article is to analyze linguistic practices and socio-cultural attitudes of young migrants in the cities of the Republic of Tatarstan. The authors reviewed the current linguistic and cultural practices of the respondents; studied attitudes towards interaction with representatives of the host population, government authorities and other official institutions. The factors affecting the socio-cultural and linguistic adaptation of newcomers are analyzed. It is concluded that the psychological discomfort experienced in some cases is situational in nature and is associated with specific everyday situations and bureaucratic difficulties that do not have long-term consequences. The analysis further showed that young respondents are motivated to pursue higher education in the Republic, and young people who have arrived are attracted by the opportunity to choose future educational, work and family trajectories independently. The findings of the article can be of interest to sociologists, psychologists, social and cultural anthropologists, political scientists, and representatives of bodies and structures in charge of migration and youth policy issues.

Keywords: *youth, migration, ethnicity, linguistic practices, socio-cultural orientations, ethnic negativism*

Authors Info: Frolova, Elena V. — Ph.D. in History, Associate Professor, Kazan State University (Kazan, Russian Federation). E-mail: elenaieup@mail.ru
Khairullina, Adela I. — Ph.D. in History, Associate Professor, Kazan State University (Kazan, Russian Federation). E-mail: aikhayrullina@mail.ru

For citation: Frolova, E. V., and A. I. Khairullina. 2025. Linguistic Practices and Socio-Cultural Orientations of Young Migrants in the Cities of Tatarstan (Materials of the Ethnosociological Study). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 161–172.
Funding: The work was carried out at the expense of a grant provided in 2024 by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan for the implementation of fundamental and applied scientific work in scientific and educational organizations, enterprises and organizations of the real sector of the economy of the Republic of Tatarstan.

Республика Татарстан является одним из основных регионов-реципиентов иммиграции в Российской Федерации. Согласно официальным данным, Республика занимает четвертое место в России по количеству мигрантов (Статья РБК 2024). Традиционным стало и то, что большинство пребывающих ежегодно мигрантов — граждане стран Центральной Азии, при этом первые три места занимают выходцы из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана (Росстат 2025).

За последние 30 лет контингент прибывающих из указанного региона претерпел значительные изменения, обусловленные сменой поколения, имевшего опыт проживания в едином государстве — Советском Союзе. Различные стратегии суверенного социокультурного развития самостоятельных центральноазиатских государств со временем привели к увеличению культурной дистанции между их жителями и населением Российской Федерации. В этой связи актуализируется необходимость изучения особенностей социокультурной адаптации молодых иностранных граждан (в нашей работе мы будем использовать также термин «мигранты» как синомимичный) в поликультурной среде Республики.

Среди отечественных ученых этнологов присутствует достаточно скептическая оценка перспектив адаптации и аккультурации выходцев из Центральной Азии в российское общество (*Абашин* 2014). В тоже время конкретные субъекты Российской Федерации, и, в частности, Татарстан уже длительное время демонстрируют, что эффективность адаптации мигрантов и их дальнейшие стратегии, связанные с нахождением на территории страны, могут варьироваться в зависимости от комплекса факторов, сформировавшихся в конкретном сообществе. Этнологами республики на протяжении последних десятилетий осуществляются регулярные исследования, посвященные различным сторонам жизни иммигрантов и их взаимодействию с местным населением (*Дробижева, Рыжова* 2016). Ряд исследований охватывал отдельные категории мигрантов, например, женщин — мигранток (*Frolova* et al. 2015; *Титова Т. А.* и др. 2014), трудовых мигрантов и молодых мигрантов (*Козлов* и др. 2016), а также религиозный фактор в межгрупповых отношениях (*Сагитова* 2017).

Исследование, составившее источниковую базу настоящей статьи, проводилось с помощью качественных методов (21 глубинное интервью). Респонденты являются представителями наиболее многочисленных сообществ мигрантов в Республике Татарстан: узбеки, таджики, туркмены, киргизы, казахи. В качестве сопоставительных использовались также данные исследования 2023 г., в котором приняли участие 21 респондент узбекской, таджикской и киргизской национальностей, а также исследования межнациональных отношений в Республике Татарстан в 2024 г.

По уровню языковой компетенции можно выделить респондентов с достаточно высоким уровнем владения русским языком (в результате смешанных браков, языковой политики государства исхода, личной стратегии) и с низким уровнем языковой компетенции. Определение единого превалирующего фактора, повлиявшего на владение опрошенными русским языком, не представляется оправданным, поскольку в равной степени свою роль сыграли следующие обстоятельства:

- наследие языковой политики в период СССР, в результате которой в 1940-ые — 1980-е годы значительно выросла доля владеющих русским языком среди населения Центральной Азии;
- действующая языковая политика стран Центральной Азии (в Кыргызстане конституционно русский язык закреплен в качестве официального, в Узбекистане

русский язык таким статусом не обладает, но образовательными программами школ предусмотрено изучение русского языка или обучение на русском языке (осуществляется в 10% школ (сайт Правительства России 2023), в Таджикистане русский язык конституционно закреплен в качестве языка межнационального общения, поддерживается система образования на русском языке);

- личная стратегия, ориентированная на получение более качественного, по мнению респондентов, образования, а также на проживание в России как в стране, по мнению респондентов, с более высоким уровнем экономического, образовательного и социального развития.

К группе с уверенным владением русским языком относятся респонденты, изучавшие русский язык в школе и / или проживавшие в полиэтничной среде до переезда в республику, а также респонденты старшего возраста, получившие языковую практику в советский период. Эти респонденты демонстрируют достаточно свободное владение русским языком. Вместе с тем родным языком большинство из них считает язык своей национальности. Из интервью:

«До переезда я говорила со своей семьей и друзьями на своем родном языке. Я изучала русский язык от начальной школы до последнего класса средней школы. Поскольку там, где мы жили, были русские соседи, я говорила с ними по-русски. Поэтому я улучшила свои знания русского языка и приобрела разговорную практику. Мы переехали в Россию с семьей в деловых целях. Поскольку они, как и я, с детства говорили по-русски, трудностей после переезда у нас не возникло. На самом деле мой отец проходил военную службу в России в советский период. Поэтому после переезда в Россию у нас не было проблем с адаптацией к языку и общественной жизни» (ПМА, интервью 2024 г., жен., казашка, 23 года).

Респонденты — выходцы из Таджикистана, где русский язык конституционно закреплен в качестве языка межнационального общения, обладают достаточной языковой практикой благодаря изучению русского языка в школе, а также опыту межнационального взаимодействия; эти респонденты говорят о хорошем владении русским языком. Из интервью:

«Трудностей в изучении русского языка не было. У меня вообще в детстве было так, что я начинала говорить предложение на таджикском языке, продолжала на татарском, а заканчивала на русском языке. Дома слушали разные татарские, русские песни. Так как я училась в русской школе, мы разговаривали все на русском. И у меня не было акцента. Приехав сюда в Россию некоторые даже удивлялись, что я говорю на чистом русском языке» (ПМА, интервью 2024 г., жен., таджичка, 26 лет).

«Говорил на таджикском и русском. В Таджикистане знание русского очень полезно, потому что многие документы и общение с людьми из других регионов проходят на русском языке. Это помогло мне при переезде в Россию, хотя и здесь пришлось адаптироваться» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 27 лет).

«У нас таджикская семья. Но у нас в квартале, где мы проживали, жили и русские, и крымские татары, корейцы живут, и афганцы живут, и иранцы живут, то есть у нас такой многонациональный микрорайон. Они все друг друга понимают, поскольку общаются на русском языке. Дети, например, таджики и афганцы хотят изучать русский язык — пошли к бабушке русской, и она их учит бесплатно» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 28 лет).

Туркменистан по уровню владения русским языком занимал одно из ведущих мест в бывшем Советском Союзе. Сейчас русский язык имеет там статус языка межнационального общения, и респонденты-туркмены говорят о хорошем знании русского языка. Из интервью:

> «В нашем городе все предпочитают на русском языке разговаривать. Я русскую школу закончил в Чартжоу (в Туркменабаде). У нас много русских школ. В принципе, вся наша страна на русском разговаривает. У нас много русских живёт, мы все русскоязычные и культура такая же русская» (ПМА, интервью 2024 г., муж., туркмен, 28 лет).

Результаты исследований 2023 г., продемонстрировали, что высокий уровень знания русского отмечается и у выходцев из Киргизии, что обусловлено как наследием прошлого, так и его высоким статусом в государстве. Из интервью:

> «Папа у меня только на русском разговаривает, ему так комфортнее, мама — только на киргизском, ей так удобнее. А я и на русском, и на киргизском разговариваю» (ПМА, интервью 2023 г., киргизка, жен., 23 года).

> «В семейном кругу на своем родном кыргызском языке, а в обществе я разговаривал на официальном русском языке… у нас имеются неписанные семейные правила говорить только на родном языке дома…» (ПМА, интервью 2023 г., киргиз, муж., 21 год).

> «В Кыргызстане, на Нарыне именно… Ну это такой город, где русский язык не так распространён, имеется в виду, мало кто разговаривает, потому что большинство по национальности являются там кыргызами. …большинство разговаривает на кыргызском. …У нас в Кыргызстане это является вторым языком. Я с детства учил русский язык (родным языком считаю кыргызский)» (ПМА, интервью 2023 г., киргиз, муж., 23 года).

Высокий уровень владения русским язык демонстрируют также выходцы из г. Ферганы Узбекистана (Ферганская область входит в число областей Узбекистана, в которых компактно проживает большая часть российских соотечественников) (Посольство РФ в Республике Узбекистан 2025), а Ферганский округ является одним из 5 округов Ташкентской и Узбекистанской епархии Среднеазиатского митрополичьего округа Русской Православной церкви (Патриархия 2025). Из интервью с респондентом, являющимся узбеком по национальности:

> «Пока я не пошел в русскоговорящую школу, я предпочел разговаривать только на узбекском. После того, как я пошел в школу, я разговаривал на русском» (ПМА, интервью 2023 г., узбек, муж., 22 года).

Также молодые выходцы из Ташкента, как и Ташкентской области, доля русских среди населения которой является одной из наиболее высоких в Узбекистане, даже в случае мононациональной узбекской семьи демонстрируют уверенное владение русским языком.

Немаловажное значение приобретает и среда, в которой воспитывались иностранные граждане. Так, респондент, выходец из г. Бухары, обучавшийся до переезда в г. Казань в Бухарском государственном университете, говорит о том, что в семьях интеллигенции изучение нескольких языков, в том числе русского, является нормой. Из интервью:

> «Я родился в Республике Узбекистана, в городе Бухара, вот мы в семье как раз образованных учителей можно сказать, тогда мы относимся по социальному статусу, к среднему классу, так как все учителя, интеллигенция».

И: «На каком языке вы говорите дома? Вы говорили до переезда на русском языке? Если да, то где вы его изучали?»

Р: «Дома мы разговариваем по-разному, ну, так как мы относимся к интеллигенции в основном с родителями я могу запросто общаться на русском языке и вот можем разговаривать на персидском языке» (ПМА, интервью 2024 г., муж., узебек, 25 лет).

Дополнительным обстоятельством, способствующим усвоению русского языка, является наличие близких родственников — русских по национальности, либо представителей других народов Поволжья. Респонденты говорят о том, что, будучи выходцами из смешанных семей, они практиковали двуязычие как в сфере внутрисемейной коммуникации, так и в сфере дружеских и профессиональных контактов:

И: «На каком языке вы предпочитали разговаривать в период проживания в Узбекистане?»

Р: «На русском. Я училась там в русском классе, но потом в колледж я когда поступила, там был узбекский колледж, я там как-то чуть-чуть пыталась на узбекском разговаривать, но я туда просто заходила редко. Вот, и в институте тоже уже русская группа была, то есть на русском чаще» (ПМА, интервью 2023 г., отец — узбек, мать — русская, жен., 22 года).

«Со стороны, получается, отца узбекско-башкирские корни, а со стороны мамы — русско-таджикские корни… Больше себя, как сказать, 50 на 50 чувствую… Русское и таджикское. Восточные есть нотки, но больше, конечно, русское, я считаю, европейское. Больше разговаривала на таджикском. Ну, обучение я проходила на русском языке и школу закончила, да. И институт у нас, получается, российский, который я заканчивала там. … мы наполовину так общались (по-русски), да. А наполовину так (по-таджикски)» (ПМА, интервью 2023 г., таджичка, жен., 29 лет).

«Дома с родителями мы могли говорить и на туркменском, и на русском. Мама и папа в целом хорошо владеют русским языком, потому что в нашем населённом пункте русские являются второй по численности группой. Первое место занимаем мы. В окружении моих родителей много коллег и друзей русских. Более того, старшая сестра моей мамы вышла замуж за русского, младший брат моего папы тоже женился на русской. У всех у них есть по нескольку детей, которые тоже говорят на двух языках. Во время семейных праздников мы собираемся все вместе, поэтому говорить только на одном из языков невозможно. С бабушками и дедушками я, как правило, чаще всего говорю на туркменском языке, потому что русским они владеют плохо. Русский язык я знаю не только благодаря родителям и родственникам, но и благодаря тому, что в нашей школе преподавался русский как иностранный язык. В школе и в колледже у нас, помимо туркмен, были ребята разных национальностей — татары, узбеки, казахи. Больше всего было русских. Во многом именно поэтому мой круг общения состоял и из туркмен, и из русских, и из татар. Все перечисленные факторы и помогли мне выучить русский язык ещё до того, как переехать в Россию» (ПМА, интервью 2024 г., жен., туркменка, 24 года).

Таким образом, с одной стороны, на уровень владения языком влияют факторы, которые можно отнести к макросоциальным (статус языка в государстве выхода). Однако

большое значение имеют и микросоциальные факторы — этнически смешанная или этнически однородная семья; полиэтничный или моноэтничный характер среды, в которой происходила социализация, язык обучения в школе.

Вместе с тем, когда в школе русский язык изучается на недостаточно высоком уровне, его освоение обеспечивается благодаря языковой компетенции старшего поколения. Можно говорить о сохранении эффективных механизмов вертикальной трансмиссии в передаче языковых компетенций от старшего поколения к младшему. Из интервью:

«Только на таджикском. То есть у меня не было такого специального, скажем так, курса по изучению русского языка. Просто мой дед служил в России. Он три года служил в России в военно-морском флоте. Я с детства вырос с дедом. И мы каждый день смотрели русские боевики, скажем так, фильмы. … (В школе) не то, что не учил, конечно, учил, но там просто один час в неделю, скажем так, просто там, да и то, просто приходишь, там учитель задаёт какие-то задания, учит это, учит то-то. … То есть учеба не… очень-то повлияла на то, что я изучаю русский язык» (ПМА, интервью 2023 г., таджик, муж, 19 лет).

Необходимо отметить роль СМИ в распространении и освоении русского языка. Респонденты, декларировавшие высокий уровень знания русского языка, связывали этот факт с популярностью видеопродукции на русском языке. Из интервью:

«У нас телевидение в основном на русском было. Там сериалы, мультфильмы. С раннего детства я любил смотреть мультфильмы на русском. И так, так, потихоньку учимся. … целенаправленно не учили» (ПМА, интервью 2023 г., таджик, муж., 22 года).

«В школе там в неделю было два урока английский и русский. И получается, в школе тоже учил, грамматика там и так далее. Потом был типа как колледж, ну не как колледж, там платные курсы, грамматика. А так с папой политику много смотрели и постоянно у папы спрашивал чего-то, как-то» (ПМА, интервью 2024 г., муж., туркмен, 27 лет).

Молодые иностранные граждане рассматривают повышение языковой компетенции как важный фактор успешной интеграции в принимающее сообщество. Представители группы респондентов, приехавших в Россию с недостаточным знанием языка (чаще это жители небольших поселков или моноэтничных регионов), говорят о том, что улучшали его по мере пребывания в Татарстане:

«К сожалению, нам тяжело изучать русский язык, но я пытался. У меня планы были не в Россию (ехать), а, например, в Малайзию или в Америку. Я больше учил английский, ну и одновременно арабский. Но в итоге я приехал сюда, ну у меня были базовые знания, но потом я сидел и учил русский язык, чтобы разговаривать и отвечать на вопросы преподавателей в университете. Я учил русский язык, самоучка: изучал источники, переводил тексты и много общался, чтобы стало легче» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 24 года).

Относительно низкий уровень языковой компетенции выявлен у женщин-домохозяек со средним общим образованием, которые переехали в Татарстан вслед за мужем. Вместе с тем знание русского языка достаточно для обсуждения тем, затронутых в рамках интервью. Это объясняется стратегией поведения с перспективой на длительное проживание, вместе с тем с допущением возможного возвращения на родину. Из интервью:

«У нас в семье говорят на таджикском. Но муж часто сюда раньше работать приезжал, сказал учить язык, что мы в Россию поедем, чтобы я там могла жить. У нас не все знают русский язык, хотя много кто говорит. …, дети пока будут учиться, я думаю, они тут привыкнут, захотят здесь образование получать, особенно сын, он уже нам такое говорил, я думаю, так и будет. А мы, наверное, все-таки вернемся через несколько лет в Таджикистан, если дети не попросят остаться. Не знаю, я бы хотела жить на Родине, там тепло, хорошо, как-то по-своему» (ПМА, таджичка, жен., 29 лет).

В целом, социокультурная адаптация респондентов в принимающее сообщество проходит достаточно благоприятно. Многие молодые респонденты отмечают, что получают помощь от земляков и заявляют о достаточно активном взаимодействии с национально-культурными объединениями в Ассамблее народов Татарстана, как по утилитарным причинам, так и для удовлетворения этнокультурных потребностей. Общение с представителями своей национальности в рамках национально-культурной организации, общение на национальном языке, и в тоже время возможность взаимодействовать с представителями других культур, проживающих на территории Республики, способствует формированию комфортного психологического фона, облегчающего адаптацию. Из интервью:

«Для меня ярким примером взаимопомощи является Дом дружбы народов [Татарстана]. Это место, куда можно прийти со своей проблемой и тебе помогут. Я познакомилась здесь со многими людьми и соотечественниками. Я благодарна сестре, что она привела меня сюда. Находясь среди людей, которые тоже приехали из Таджикистана, есть возможность хотя бы услышать родную речь. Это очень здорово, особенно когда ты находишься в другой стране и далеко от дома» (ПМА, интервью 2024 г., жен., таджичка, 26 лет).

«Я чувствую себя здесь в безопасности. Потому что местные жители, как правило, татары и мусульмане. Поэтому у нас есть этнические, культурные и религиозные связи. Это позволяет нам чувствовать себя в безопасности. Мы не чувствуем себя здесь совсем чужими. Мы можем легко завести друзей. Татарская культура не так уж далека для нас. Потому что мы тюрки. Мы этнически и культурно родственны. Мне очень нравится Рамадан здесь. Он полон радости, и люди больше поддерживают друг друга. Русская культура другая, но адаптироваться не так сложно» (ПМА, интервью 2024 г., жен., казашка, 23 года).

Часть респондентов отмечает определенный психологический дискомфорт, связанный с климатом, бытовыми сложностями и культурными различиями. В частности, отмечают, что привыкли к большей внутригрупповой сплоченности, более строгим правилам поведения в общественных местах: Из интервью:

«Местная культура... Я бы не сказала, в повседневной жизни она не сильно отличается. Тут, наверное, люди более закрытые, чем у нас. У нас постоянная сборность родственников с друзьями. Мы любим пировать. Народ такой сам по себе. А тут этого меньше. Я только в этом отличие, наверное, увидела. А так, в принципе, всё так же» (ПМА, интервью 2023 г., жен., киргизка, 24 года).

«Проблем я не замечал. Честно говоря, для меня было все очень комфортно. Единственный момент, который для меня, видимо, был культурным шоком, то, что люди моего возраста, то есть в основном что парни, что девушки, они грубо выражались, нецензурно, и было пристрастие к алкоголю. Эти вот привычки для меня были не-

множко непонятны и в том числе доставляли психологический дискомфорт» (ПМА, интервью 2023, муж., узбек, 26 лет).

Отмечается и влияние ситуативного опыта, оказывающего влияние на формирование представления о принимающем населении в целом. Из интервью:

«Я бы сказала, что мне сильно бросилось в глаза эта разница в воспитании и менталитете. Нас с раннего возраста учат, воспитывают в уважении и почитании к старшим, как нужно себя вести, например, с чужими. Здесь же мне нужно было привыкнуть, что всё по-другому, потому что в некоторые моменты мне казалось: «как же так можно, грубо разговаривать с матерью?», услышав разговор одной девушки. Я понимаю, что по одному человеку нельзя судить обо всех, но всё равно» (ПМА, интервью 2024 г., жен., таджичка, 26 лет).

Большинство респондентов заявляет об отсутствии негативного опыта взаимодействия непосредственно с органами власти. Из интервью:

«В бытовом, адаптационном и юридическом плане мне помогал отдел адаптации иностранных граждан, комитеты по работы с мигрантами. Они также знакомили нас с российской и татарской культурой, их особенностями, организовывали для нас разные мероприятия и поездки» (ПМА, интервью 2024 г., жен., туркменка, 24 года).

Вместе с тем респонденты отмечают сложности с бюрократическими процедурами, оформлением необходимых документов. Из интервью:

«Бюрократия тоже была сложной. Помню, как мы с друзьями бегали по разным инстанциям, пытаясь оформить все документы. Было много непонимания, но со временем привыкли» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 27 лет).

Об открытых проявлениях этнического негативизма респонденты говорят редко, однако такие случаи, очевидно, имеют место. Из интервью:

«Затем были трудности с, наверное, не сказать, что такое было постоянно со стороны всех людей и так далее, но иногда, то ли по моему внешнему виду, то ли по моим внешним характеристикам, именно черт-лица, как-то сказывалось, что я являюсь иностранцем. И находились люди, которые могли себе позволить вести себя неэтично и порой даже снисходительно. Были случаи и в университете, были и работники, например, сети магазинов «Магнит». Не раз сталкивался с таким. Однако людей гуманных, этичных куда больше, что очень греет душу» (ПМА, интервью 2023 г., муж., узбек, 26 лет).

Отмечается и субъектное острое восприятие нахождения в инокультурном принимающем сообществе, где любое проявление дихотомии «мы–они» рассматривается как заведомо враждебное:

«Есть пассивная агрессия со стороны местных. Это не ощущается, но все равно постоянные вопросы: “А ты тут останешься? Почему ты сюда приехала?” и так далее. Все, что вы спросили, у меня практически раз в неделю обязательно должны спросить. Это и знакомые, и незнакомые, и просто какие-то левые люди на работе. И все, кому не лень, должны спросить, почему я выбрала Казань, как и с кем я тут живу, какие у меня родители, почему я выбрала медицину, как я зарабатываю, как я живу. Вот такие вопросы. Я немного устала от таких вопросов. Мне не тяжело ответить, но когда это происходит постоянно, это немного

подбешивает. Такое повышенное внимание получается к этому вопросу. И все равно тут нужно постоянно доказывать, что ты достойная. Допустим, условно я устраиваюсь на работу, я должна доказать, что я стою этого места. А не просто потому, что я работник. То есть мне нужно прилагать в два раза больше усилий, чем остальные» (ПМА, интервью 2023 г., жен., киргизка, 24 года).

Выходцы из Таджикистана и Узбекистана отмечают, что после событий в Крокус Сити отношение со стороны принимающего населения стало более настороженным. Из интервью:

«Ну, после Крокуса немножко как раз… ну в Татарстане начались немножко проверки и вот кто где проживает. Ну, слава Богу, я живу в общаге и там зарегистрирован. У меня никаких проблем не было, а вот те, которые, ну, такие знакомые дальние, которые как раз на работу приезжали, у них вот стали появляться проблемы. У них, как вам сказать, когда они прилетели, их стали проверять, вот, у них были сложности» (ПМА, интервью 2024 г., муж., узбек, 25 лет).

«Люди стали настороженнее и недоверчивее. После этих событий многие стали смотреть на нас с подозрением. Это неприятно, но стараюсь не обращать на это внимание и доказывать своими действиями, что мы не такие» (ПМА, интервью 2024 г., муж., таджик, 27 лет).

Изучение настроений в среде принимающего населения Республики Татарстан показывает, что сохраняется обеспокоенность от ощущения присутствия большого количества инокультурных мигрантов почти у каждого пятого респондента. Во многом влияет на ситуацию тиражирование эксцессов, связанных с иностранными гражданами, в социальных сетях. Из материалов интервью:

«У некоторых поведение не очень адекватное, например, в отношении девушек, женщин и т. д. если мы говорим про эмигрантов из СНГ из Азии здесь минусы, наверное, в том, что у них не правильная адаптация к нашей стране и ощущение того, что они могут продолжать жить таким же образом как они жили у себя на родине. …в последнее время все чаще наблюдаю в соцсетях, это может быть такая целенаправленная акция в Интернете, видео где мигранты агрессивно себя ведут, мне это не приятно. ругань, мат в отношении девушек, женщин, или как они себя ведут в транспорте — здесь возникает неприязнь из-за того, что все это публикует очень часто» (ПМА, интервью 2024 г., женщина, татарка, 35 лет, Нижнекамск).

«[Изменилось ли ваше отношение к мигрантам за последнее время?] Изменилось в худшую сторону из-за то и дело поступающих сообщений о преступлениях, совершенных мигрантами…. Мигранты, в большинстве своем, плохо владеют русским, обладают низким уровнем образования, являются носителями собственной культурной идентичности» (ПМА, интервью 2024 г., мужчина, русский, 44 года).

Традиционно высказывается мнение, что мигранты должны соблюдать культурные нормы принимающего сообщества:

«Я поддерживаю такую точку зрения, что если ты мигрант, то будь добр выучи язык страны или местности, в которую ты приехал. Понятно, что у нас государство многонациональное, но русский все-таки основной язык государства и все конфликты в большей степени заключаются в незнании языка» (ПМА, интервью 2024 г., муж. 25 лет, русский).

«Ну, вот минусы, то, что они приезжают, пытаются тут установить свои порядки. То есть они как-то там привыкли у себя на Родине жить. И они пытаются сюда это, так сказать, установить, внедрить. То есть нарушает этот уклад жизни, который уже сложился. Это вносит какую-то нервозность в текущий момент» (ПМА, интервью 2024 г., муж. 53 года, татарин).

«Мигранты, они тоже приезжают со своей религией, со своим убеждением, со своим верованием. Тут надо, прежде всего, думать о влиянии, но все продумывать вперед… Среди любой национальности находятся люди как положительные, так и отрицательные. А в основном у нас ведь все нормально, у нас нет таких конфликтов, все нормально» (ПМА, интервью 2024 г., жен., 68 лет, марийка).

В целом же, согласно материалам исследований разных лет, у граждан нашей страны сложилось представление о целесообразности пребывания иностранных граждан с экономической точки зрения, а также присутствует готовность к принятию инокультурных граждан в российский социум.

«Я считаю, что Татарстан — многонациональная республика… Приверженцы основных конфессий нашей республики — ислама и православия — распределяются примерно поровну. Следует признать, что национальный состав населения республики динамично меняется. В городах и районах Татарстана появляются новые этнические группы, образуемые преимущественно выходцами из бывших союзных республик. Все это значительно повышает чувствительность региона к любым проявлениям национализма и религиозной нетерпимости… Каждая национальность имеет возможность изучать свою культуру и язык, это и объединяет людей в Республике Татарстан, на мой взгляд» (ПМА, интервью 2024 г., жен., 25 лет, русская, татарка).

Резюмируя, можно отметить, что язык является для молодых мигрантов важным инструментом, способствующим их успешной социокультурной адаптации. Знание русского языка рассматривается как одна из стратегий достижения успеха в принимающем сообществе.

Таким образом, проводимая нашим государством миграционная политика, его многонациональность и многоконфессиональность, общая история со странами, граждане которых составляют большинство среди прибывающих иностранцев, становятся значимыми факторами в налаживании благоприятного взаимодействия между мигрантами и принимающим населением. Вместе с тем, необходимо обратить особое внимание на характер информации о миграционной ситуации, транслируемой в медиасреде, поскольку последняя оказывает значительное влияние на формирование общественного мнения.

Источники и материалы

Патриархия 2025 — Ташкентская епархия // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. http://www.patriarchia.ru/db/text/81237.html (дата обращения: 03.02.2025).

ПМА — Материалы полевых исследований авторов. Фонд 1. Опись 1. Интервью с иностранными гражданами Республики Татарстан (молодыми мигрантами). Количество: 21 единиц. 2024 год.; Материалы полевых исследований авторов. Фонд 2. Опись 1. Интервью с иностранными гражданами Республики Татарстан. Количество: 21 единиц. 2023 год.

Посольство РФ в Республике Узбекистан 2025 — Согласно данным Посольства Российской Федерации в Республике Узбекистан [Электронный ресурс] // Посольство России в Республике Узбекистан [сайт]. https://uzbekistan.mid.ru/ru/countries1/rossiya_i_uzbekistan_dvustor/sootechestvenniki/ross_sootech_v_respublike_uzbekistan/ (дата обращения: 03.02.2025).

Росстат 2025 — количественные данные представлены на официальном сайте Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан в разделе «Статистические сборники» [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики (Росстат): [сайт]. https://16.rosstat.gov.ru/publication_collection (дата обращения: 03.02.2025).

Сайт Правительства России 2023 — Из выступления Премьер-министра Республики Узбекистан А. Н. Арипова на 4-м заседании Совместной комиссии на уровне глав правительств России и Узбекистана 18 сентября 2023 года [Электронный ресурс] // Правительство России [сайт]. http://government.ru/news/49526/ (дата обращения: 03.02.2025).

Статья РБК 2024 — В Татарстане выросло число выданных мигрантам патентов на работу [Электронный ресурс] // РБК [сайт]. https://rt.rbc.ru/tatarstan/10/07/2024/668e4c139a7947775dc9e1d1 (дата обращения: 03.02.2025).

Научная литература

Абашин С. Движение из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства // Pro et Contra. 2014. Т. 62. № 1–2. С.73–83.

Дробижева Л. М., Рыжова С. В. (отв. ред.). Позитивные межнациональные отношения и предупреждение нетерпимости: опыт Татарстана в общероссийском контексте. М.; СПб.: Нестор–История, 2016. 152 с.

Козлов В. Е., Фролова Е. В., Вятчина М. В. Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: этносоциологические очерки. Ч. III. / отв. ред. Т. А. Титова. Казань: Глаголь, 2016. 152 с.

Сагитова Л. В. Реисламизация в постсоветском Татарстане и новые культурные границы // Религии и радикализм в постсекулярном мире / отв. ред. Е. И. Филиппова, Ж. Радвани. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 2017. С. 91–114.

Титова Т. А. и др. Диаспоры и сообщества мигрантов в Республике Татарстан: женская трудовая миграция. Этносоциологические очерки. Часть II. Казань: Глаголь, 2014. 245 с.

Frolova E. V. et al. Ethnic Cultural and Religious Practices of Migrant Women in the Republic of Tatarstan // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol. 8. № 4. P. 177–186. http://dx.doi.org/10.5539/jsd.v8n4p177

References

Abashin, S. 2014. Dvizhenie iz Tsentral’noi Azii v Rossiiu: v modeli novogo miroustroistva [Movement from Central Asia to Russia: in the Model of the New World Order]. *Pro et Contra* 62(1–2): 73–83.

Drobizheva, L. M., and S. V. Ryzhova (eds.). 2016. *Pozitivnye mezhnatsional’nye otnosheniia i preduprezhdenie neterpimosti: opyt Tatarstana v obshcherossiiskom kontekste (kollektivnaia monografiia)* [Positive Interethnic Relations and Prevention of Intolerance: the Experience of Tatarstan in the All-Russian Context]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor–Istoriia. 152 p.

Frolova, E. V. et al. 2015. Ethnic Cultural and Religious Practices of Migrant Women in the Republic of Tatarstan. *Journal of Sustainable Development* 8(4): 177–186. http://dx.doi.org/10.5539/jsd.v8n4p177

Kozlov, V. E., E. V. Frolova, and M. V. Viatchina. 2016. *Diaspory i soobshchestva migrantov v Respublike Tatarstan: etnosotsiologicheskie ocherki* [Diasporas and Migrant Communities in the Republic of Tatarstan: Ethnosociological Essays], ed. by T. A. Titova. Part 3. Kazan’: Glagol’.152 p.

Sagitova, L. V. 2017. Reislamizatsiia v postsovetskom Tatarstane i novye kul’turnye granitsy [Re-Islamization in Post-Soviet Tatarstan and New Cultural Borders]. In *Religii i radikalizm v postsekuliarnom mire* [Religions and Radicalism in the Post-Secular World], ed. by E. I. Filippova and Zh. Radvani. Moscow: Institut etnologii i antropologii imeni N. N. Miklukho-Maklaia RAN. 91–114.

Titova, T. A. et al. 2014. *Diaspory i soobshchestva migrantov v Respublike Tatarstan: zhenskaia trudovaia migratsiia. Etnosotsiologicheskie ocherki* [Diasporas and Migrant Communities in the Republic of Tatarstan: Female Labor Migration. Ethnosociological Essays]. Part 2. Kazan’: Glagol’. 245 p.

АНТРОПОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ЧЕЛОВЕКА

УДК 008+39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/173-186
Научная статья

© Е. В. Грязнова

АНТРОПОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ЧЕЛОВЕКА: К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Понятие «цифровой человек» сегодня все чаще становится предметом исследования комплекса социально-гуманитарных наук. На мировоззренческом уровне философские, теологические и другие близкие к ним отрасли знания делают попытки разработать определение данного феномена в рамках универсальных всеобщих категорий и законов. Такой подход дает представление о природе происхождения человека цифровой эпохи, формах его бытия, возможных трансформациях человеческой сущности в будущем и т. д. Общенаучный и частно-научный уровни, представленные такими науками, как социология, психология, педагогика, антропология и др. и их более узкие отрасли разрабатывает методологию изучения «цифрового человека» с общетеоретических и частно-научных позиций. В результате складывается определенное знание о новом человеческом феномене, распределенное по секторам: философия цифрового человека, антропология цифрового человека, социология цифрового человека и т. д. Исследователи цифровой трансформации человека сталкиваются с проблемами выбора методологии исследования и категориального аппарата, так как в современных условиях развития междисциплинарных, межуровневых, межотраслевых взаимосвязей научного знания становится все сложнее ориентироваться в предметах и областях исследования. В новом направлении исследований человека будущего, интегрирующего в себе множество видов научного знания не хватает строго теоретического уровня, на котором должна разрабатываться методология исследования, категориальный аппарат, законы и принципы появления, существования и развития «цифрового человека». В данной работе автор предпринимает попытку обозначения такового уровня в рамках антропологии.

Ключевые слова*: цифровая культура, цифровой человек, цифровая социализация, антропономия, цифровая антропология*

Ссылка при цитировании: *Грязнова Е. В.* Антропология цифрового человека: к вопросу о методологии исследования // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 173–186.

Грязнова Елена Владимировна — д. ф. н., профессор кафедры философии и теологии, НГПУ им. К Минина (Российская Федерация, 603005 Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1). Эл. почта: egik37@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3093-2602

UDC 008+39
DOI:10.33876/2311-0546/2025-2/173-186
Original Article

© *Elena Gryaznova*

THE ANTHROPOLOGY OF A DIGITAL HUMAN: RESEARCH METHODOLOGY

The concept of the "digital human" is increasingly becoming the subject of research in various social sciences and humanities. At the worldview level, philosophical, theological and other related disciplines are trying to develop a definition of this phenomenon within universal categories and laws. This approach gives an idea of the origin of man in the digital age, the forms of his being, possible transformations of the human essence in the future, etc. General scientific and specific scientific levels, represented by sociology, psychology, pedagogy, anthropology, etc. and their sub-disciplines are developing a methodology for studying the "digital human" from a scientific point of view. As a result, new knowledge about a new human phenomenon is being produced, but it is divided into sectors: the philosophy of the digital human, the anthropology of the digital human, the sociology of the digital human, etc. Researchers of human digital transformation face the problem of choosing a research methodology and a categorical apparatus, since in the current context of interdisciplinary, interlevel, and intersectoral connections of the scientific knowledge, it is becoming increasingly difficult to navigate the subjects and fields of research. In the emerging paradigm of human research, which integrates diverse scientific knowledge, there is a lack of a strictly theoretical level at which the research methodology, categorical apparatus, laws and principles of the emergence, existence and development of the "digital human" should be developed. In this work, the author attempts to designate such a theoretical framework within anthropology.

Keywords: *digital culture, digital man, digital socialization, anthroponomy, digital anthropology*

Author Info: Gryaznova, Elena V. — Doctor of Philosophy, Professor, Department of Philosophy and Theology, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: egik37@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3093-2602

For citation: Gryaznova, E. V. 2025. The Anthropology of a Digital Human: Research Methodology. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 173–186.

Введение

Исследований в области антропологии проблем цифровизации современной жизни человека в научном контенте сегодня достаточно много (*Равочкин* 2023; *Ильянович* 2022; *Смирнов* 2022). Сама антропология как отрасль знания представляет собой комплекс наук о человеке. В самом общем виде все человеческое знание можно разделить по четырем основным направлениям в зависимости от предмета исследования: естествознание (науки о природе), науки о технике — технознание (технические науки), науки об обществе — обществоведение (социальные науки), науки о человеке — человековедение (гуманитарные науки). Однако развитие межкомплексных, межотраслевых,

междисциплинарных областей научного знания приводит к тому, что границы предметных областей обозначить становится не всегда возможным. Особенно это наблюдается в социально-гуманитарном направлении. В современном контексте антропология является таким примером и может быть отнесена к любому из указанных блоков, а может определяться и как весь четвертый блок — комплекс наук о человеке.

В номенклатуре научных специальностей в нашей стране антропология имела собственный шифр и была выделена в отельную отрасль как наука о человеке. Однако ее пограничное положение между всеми комплексами научного знания потребовало пересмотра. Действительно, антропология как изучение человека с физической и духовной стороны определяет ее место и в естественных, и в социально-гуманитарных науках, а также в науках о технике. Особенно актуальными сегодня становятся исследования проблем цифровизации культуры. Не случайно получают развитие такие направления как кибернетическая антропология, антропология техники, цифровая антропология и др.

В новой номенклатуре антропология нашла свое место среди «социально-гуманитарных наук» в научной специальности «5.6.4. Этнология, антропология и этнография», отнесенной к историческим наукам, где собраны все актуальные ее направления: политическая антропология, антропология права, антропология искусства и т. д. В философских науках определено место «философской антропологии». Она направлена на изучение философских вопросов о сущности человека, его природе, формах бытия, законах его существования и развития и т. д. Ее предметное поле включает проблемы сущности человека, его отличия от иных сущностей и т. п. Интересующие нас вопросы о человеке в условиях цифровой культуры исследуются в направлении «Философия личности и проблема идентичности». При этом, например, вопросы цифровой социализации личности рассматриваются и в социальной философии, и в социальной психологии, и в социологии, и в педагогике, и в других смежных областях знания. Каждое направление, изучающее вопросы о «цифровом человеке», раскрывает своей предмет исследования, направленный на определенный аспект данной проблемы. Можно привести пример такого направления исследования теологии, как христианская антропология, где понятие личности и ее становления в условиях цифровой культуры являются одним из актуальных вопросов.

Получается, что антропология как бы распадается на два уровня — на изучение конкретных явлений человеческой сущности и, собственно, самой этой сущности. В рамках узких специальностей исследуются вопросы биологического и социального состояния человека, например, физическая антропология — наука о происхождении и эволюции человека, правовая антропология — наука о процессах юридизации бытия человека и т. д. В современной методологии научного знания данный уровень принято обозначать как частно-научное знание. Изучение вопросов сущности и бытия человека можно отнести к уровню мировоззренческому или философскому. При таком подходе исчезает общенаучный уровень изучения человека, либо его функции пытаются выполнить два указанных вида знания, развивая дополнительные отрасли междисциплинарных связей. Правильно ли это и справляются ли они в полной мере с такой задачей?

Целью данной статьи мы определи исследование методологических возможностей антропологии в изучении цифровизации человеческой жизни и выявлении закономерностей дальнейшего его развития как представителя человеческого рода.

Антропология или антропономия в исследовании сущности цифрового человека будущего?

В истории развития антропологического знания имеется множество попыток обозначить учение о человеке как единый комплекс наук. Действительно, пытаясь сформулировать, например, антропологическую проблему цифровой социализации личности, мы сталкиваемся с первым вопросом, а в какой антропологии следует работать, какой методологией пользоваться? В поисках ответа на данный вопрос некоторые исследователи выходят на решение обратиться к несколько иному направлению знаний о человеке — антропономии. Так, в одном из наиболее известных словарей иностранных слов дается следующее ее определение: «от греч. anthropos — человек, и monos — закон. Учение о законах, управляющих человеческой жизнью; у Канта: разум человека, создающей эти законы» (Словарь 1910: 97).

Исследуя концепцию антропономии создателя Нижегородской философской школы Л. А. Зеленова, А. М. Пищик отмечает: «Антропономия — интегральная наука среднего уровня, общее учение о человеке. Она ориентирована на изучение человеческого индивида как единичного представителя человеческого рода. Антропономию следует отграничить от смежных дисциплин, изучающих, как человечество в целом, так и те или иные объединения людей (этнология, демография, социология и др.)» (*Пищик* 2015: 123).

На общетеоретическом уровне учения о человеке осмысливают психология, социология и философская антропология. Но Л. А. Зеленов приводит следующие аргументы: «Что касается психологии или социологии, то они уже по специфике своего предмета не могут претендовать на статус общей теории человека (они не изучают его в целостности). Философская антропология в ее разных вариациях или превращается в философское учение о человеке (а это относится к мировоззренческому ядру человековедения), или в социальную антропологию (что тоже не охватывает всей проблематики. К тому же важно отметить, что нет смысла заимствовать уже давно исторически занятые термины, например, “антропология”. Не проще ли использовать эксплицитное понятие “общая теория человека” или терминологический эквивалент, т. е. имплицитное понятие — антропономия» (*Зеленов* 2003: 16).

Мировоззренческий уровень знаний о человеке определяет, как правило философия. Здесь философская антропология займет свое центральное место. Но к ней будут примыкать и все другие виды мировоззрений, направленные на познание человеческой сущности, например, религия, искусство и др. В этой связи на современном этапе развития номенклатуры специальностей к такому типу мировоззрения следует отнести и антропологическую теологию, основной вопрос которой заключается в исследовании отношений в системе «Бог — Человек», в отличие от философии, для которой основной является система отношений «Универсум — Человек». И в этом случае следует отметить, что религиозная философия тоже включает в свой предмет проблемы становления личности. Проблемы цифровизации человека становятся предметом изучения и этих наук (*Теплых, Левицкая* 2022).

Автор идеи введения в научный оборот антропономии как интегрального учения о человеке Л. А. Зеленов обосновывает положение о том, что она (антропономия) включает в себя целый спектр теоретических разделов: «1. Теория рождения человека. 2. Теория потенциала человека (потребности и способности). 3. Теория социализации человека. 4. Теория деятельности человека. 5. Теория социальных отношений. 6. Теория социальных институтов. 7. Теория судьбы человека. 8. Теория идеального человека» (*Зеленов* 2003: 19).

Если вдуматься в содержание каждого из разделов, то на, первый взгляд, покажется, что это предметы других наук. Так, например, первый раздел, как мы уже отмечали, раскрывает естественнонаучная антропология, исследуя законы появления и развития человека. Но она не ставит перед собой задачу разработки теоретических оснований данного процесса. Она опирается на результаты других естественных наук, таких как археология, генетика, медицина, этнография и т. д. Это знание формирует только одну часть картины мира о человеке, но не всю ее. За скобками остается решение таких проблем как законы перехода от телесного к духовному, законы и принципы превращения потенциального бытия человека в актуальное, грани между социальным и биологическим существованием человека, закономерности формирования, развития и трансформации родовых качеств человека, отличающих его от иных сущностей (естественных и искусственных) и т. д. Эти вопросы решаются уже на мировоззренческом уровне в рамках например, философских, теологических наук. Такое знание создает свой фрагмент картины мира о человеке, расширяя, а не ограничивая проблемное поле исследования. И философия, и теология направляют человеческую мысль к дальнейшему поиску ответов, не давая их самих, а если и дают, то проверить результат не всегда возможно. Эта проблема мировоззренческого знания имела место всегда и для философии, и для теологии, что до сих пор является предметом дискуссии о научном статусе этих форм человеческого познания. Кроме того, плюралистичность философской антропологии, ее специфика не решает задач выработки четкой методологии исследования самого человека: «Нет никакого особого одного-единственного метода для философского познания человека. Есть лишь философский подход к человеку, взгляд, учитывающий наличие субъективности и сознания, видящий человека через призму его собственных интересов и возможностей. А этот взгляд может осуществляться с разных точек зрения, порождать разнообразные «антропологические конфигурации философии». На самом деле существует множество философских антропологий, множество разнообразных ответов на вопросы о том, что такое человек, как и зачем ему жить» (*Золотухина-Аболина* 2024: 7).

По мнению Л. А. Зеленова необходимо создать общетеоретический уровень исследования человека, на котором, например, теория рождения человека будет включать в себя такие аспекты как: «а) объективная детерминация рождаемости, б) социальная регламентация рождаемости, в) индивидуальная мотивация рождаемости» (*Зеленов* 2003: 20). Конечно, данные положения требуют осмысления и доработки. Но его идея о том, что необходимо освободить мировоззренческие и частные науки от задач построения научных теорий вполне правомерна.

Внеся в заголовок статьи словосочетание «цифровой человек», мы обязаны сделать разъяснения. Дать определение нового вида человека в рамках данной статьи мы не сможем. Наша задача заключается в обосновании выбора методологии для дальнейшего изучения такого сложного феномена будущего. Для начала будем отталкиваться от понимания цифрового человека как социального субъекта, социализация которого проходит в условиях цифровой культуры. Что касается понятия «цифровая культура», которое тоже важно определить, то философская антропология с мировоззренческих позиций определяет ее следующим образом: «Прежде всего, в культуре постиндустриализма следует выделить цифровую и нецифровую составляющие. К последней относится, во-первых, метафизическая реальность, включающая сверхчувственные первоначала, присутствующие в духовном мире человека, но недоступные рациональному мышлению. Во-вторых, невозможно «оцифровать» мировоззренческие основания, духовные процессы, порожда-

емые высшими ценностями и смыслами. В-третьих, нравственные, культурные аспекты религий, искусств, литературы, поэзии и т. п. развиваются по собственным алгоритмам, но никак не по технологиям цифровой сферы. Следовательно, культура современного общества не может быть в целом «цифровой» и нуждается в постоянной демаркации. За термином «цифровая культура» в литературе закрепляются смыслы, позволяющие представить данный феномен на трех уровнях: прикладном, институциональном, цивилизационном. На прикладном уровне на первый план выходит соответствующая совокупность знаний, навыков, практик, учитывающая владение информационными технологиями, умение работать с базами данных, программами, сервисами, вести поиск необходимой информации, осуществлять ее отбор в потоке сведений и т. д.» (*Чернавин, Баринова* 2023: 31). Анализируя философское определение или подход к пониманию сущности цифровой культуры, можно видеть, что он действительно, мировоззренческий. Для определения необходимых нам понятий важно обратиться к общенаучной методологии для построения целостного понимания исследуемых феноменов.

Нами уже была предпринята попытка обосновать с точки зрения философской и антропономической методологии тройственную природу цифровой культуры: «… Субстрат цифровой культуры есть триединство трех составляющих: цивилизационной, социальной и антропологической. Каждый вид субстрата наделяет цифровую культуру атрибутами и модусами. Цивилизационный субстрат определяет такие атрибуты, как цифровые технологии, цифровые социальные отношения и институты, цифровой потенциал (потребности и способности). Социальный субстрат делает атрибутами цифровой культуры все виды цифровой деятельности. Антропологический субстрат порождает новые цифровые формы родовых качеств человека — языка, деятельности, общения и сознания» (*Грязнова* 2021: 73).

Результат применения философской и антропономической методологии к исследованию природы цифровой культуры показал, что она, с одной стороны, является следствием деятельности человека, а с другой стороны, оформившись как цивилизационный и социальный феномен, оказывает воздействие на природу самого человека. Для развития теории цифровой культуры мы обратились к методологии классической антропологии и антропономии, обосновав положение о том, что: «Фундаментальная методология зарубежного и отечественного социально-гуманитарного научного опыта позволяет выделить в исследовании цифровой культуры цивилизационный, социальный и антропологический уровни, каждый из которых раскрывает цифровую культуру как информационный компонент культуры в целом (цивилизационный уровень), как систему сфер общественной жизни на основе парадигмы цифровых социальных взаимодействий (социальный уровень) и как систему родовых качеств человека, получающие новый вектор развития и перехода к цифровизации языка, деятельности, общения и сознания» (*Грязнова* 2024: 126). В данном исследовании мы частично показали эффективность применения антропономии Л. А. Зеленова именно как методологии для построения теории цифровой культуры.

Обобщение результатов мировоззренческого и общенаучного исследования цифровизации культуры показывает, что данный феномен в современном обществе приводит к изменению технологии социального взаимодействия между людьми. Это выражается в смене самой его парадигмы, меняя все структурные элементы и отношения между ними: трансформация социального субъекта, объекта, средств, формы и способов социальных отношений, изменение социокультурного пространства в целом и т. д. В новых

условиях человеку требуется изменение механизмов вхождения в социум, адаптации к условиям новой культуры. Иными словами, меняется специфика передачи и усвоения социального опыта. Для изучения закономерностей данных процессов, их взаимосвязи необходимо обратиться к теории социализации, предлагаемой в рамках антропономии.

Понимая социализацию личности как передачу социального опыта от одного поколения к другому в обществе, Л. А. Зеленов с точки зрения антропономии выделяет три основных ее этапа: идентификацию, индивидуализацию и персонализацию. Он представил данную матрицу для всех возможных разновидностей социализации личности, считая, что меняться могут ее механизмы: система образования, воспитания и обучения. Именно они определяют и формирование трех подсистем культуры: информационную (образование), праксиологическую (обучение) и аксиологическую (воспитание) (*Грязнова, Зеленов* 2015: 70–73).

Человек всегда будет проходить весь путь от потенциального человека до становления личности, меняя время прохождения этапов социализации и технологии передачи и усвоения социального опыта. Его родовая сущность определяет данные закономерности до тех пор, пока человек будет оставаться таковым и не перейдет на новую стадию своего развития, полностью изменив свои родовые качества. «Применение результатов и выводов психолого-педагогических наук к анализу исторических источников, оценка исторического развития общества с учетом образовательно-воспитательного воздействия на определенное поколение, на наш взгляд, содержит серьезные перспективы формирования нового, практически значимого, знания о принципах, закономерностях и перспективах антропогенеза в его историческом преломлении» (*Сомов* 2024).

Сегодня мы имеем дело с новым видом социализации личности — цифровой. Антропономия как теоретический базис человековедения для разработки категориального аппарата и ввода новых понятий обращается не только к собственной методологии, но и к результатам исследования близких ей наук. Так, например, в психологии можно видеть следующее определение цифровой социализации: «Цифровая социализация, рассматриваемая как процесс адаптации изменяющегося человека к возможностям и рискам динамичной социотехнологической среды, характеризуется на современном этапе четырьмя ключевыми измерениями, определяющими жизнь современного ребенка в условиях цифровизации: гиперподключенность к интернету, смешанная реальность, расширенная личность и цифровая социальность» (*Солдатова* 2022: 259). Как можно видеть, психологов интересует конкретный возраст и конкретное влияние на формирование личности в условиях цифровой культуры. Однако следует отметить, что в понимании цифровой социализации личности основной акцент сделан на цифровых технологиях.

В своих работах мы многократно обращались к диалектической взаимосвязи цифровой культуры и цифровой социализации личности (*Gryaznova* et al 2020; *Gryaznova* et al 2020a). В частности, согласно теории социализации, в антропономии, следует признать, что для любой формы социализации, и цифровой в том числе, неизменными остаются три основных этапа. На первом из них — идентификации человек должен сформировать свою позицию при ответе на вопрос «Кто я?». При традиционных формах социализации, где преобладают непосредственные формы общения и совместной деятельности между людьми, ответ у ребенка в течении дошкольного возраста вполне ожидаем — я человек. В условиях же цифровой социализации данный ответ не всегда очевиден. Речь идет о гипертрофированной форме социализации, когда на первом ее этапе преобладают цифровые способы социального взаимодействия и идентифицировать себя ребенок,

исключенный из живого реального общения может с объектами цифровой реальности, т. е. с цифровыми квазисубъектами, исполняющими роль реального субъекта. Исследуя риски развития цифровой зависимости у младших школьников, которые активно погружаются в работу с цифровыми технологиями с ранних лет, авторы получили следующие результаты: «Полученные результаты свидетельствуют о том, что 11,7% младших школьников могут быть классифицированы как зависимые от цифровых устройств. Наиболее ярко у детей проявляются показатели, связанные с изменением настроения, обусловленным невозможностью использования цифрового устройства (средний балл 8,1); оторванность от семьи, сужение круга интересов (средний балл 7,0). При этом младшие школьники достаточно редко вступают в открытый конфликт с родителями (средний балл 3,5) и прибегают к обману взрослых о количестве времени и о том, что они делают на своих цифровых устройствах (средний балл 3,0). Было выявлено слабое различие цифровой зависимости между мальчиками и девочками. Также показана взаимосвязь между степенью цифровой зависимости и отдельными параметрами дивергентного мышления ребенка (rs = - 0,45; p <0,01)» (*Волчегорская* и др. 2022: 355).

Второй этап социализации личности обозначается как индивидуализация, когда человеку предстоит дать ответ на вопрос «Чем я отличаюсь от других индивидов, меня окружающих?». Задача этого этапа заключается в том, чтобы те люди, которые формируют и развивают растущего человека, помогли ему раскрыть все свои индивидуальные качества: способности, одаренность, талант и т. д. Выявить склонность или уникальные способности к той или иной деятельности у человека можно только в процессе этой деятельности. Именно на этапе индивидуализации, охватывающей основной период обучения (школы, профессиональные учебные заведения и др.) важными остаются традиционные формы социализации, когда образование, обучение и воспитание проходят в ситуации непосредственного взаимодействия между субъектами на основе традиционных форм культуры (*Zakharova, Kudryavtseva* 2024). И снова, следует отметить, что, активно подключая на данном этапе цифровые формы социализации личности, мы открываем возможность для индивида развиваться не только под воздействием представителей той культуры, в которой он родился, живет и действует в данный момент, но и субъектов иных культур. Причем таковыми могут быть не только реальные субъекты, но и вновь цифровые квазисубъекты, несущие любые шаблоны и штампы, чаще всего, идущие в разрез с мировоззрением традиционной культуры, в которой социализируется человек. «Цифровая среда … рассматривается как новая окружающая человека среда, новый умвельт, то есть непосредственное окружение, влияющее на внутренний мир человека. Поэтому знаки и стимулы, возникающие в процессе цифровой коммуникации, оказывают столь существенное воздействие на когнитивные процессы. Коммуникационная ситуация современного человека в определенном смысле парадоксальна: несмотря на постоянно усложняющиеся технологии, сам процесс коммуникации обедняется и стандартизируется. Это негативно воздействует на эволюцию мозга, так как не стимулируется возникновение новых нейронных связей» (*Петрова* 2022: 99). Исследователи все чаще приходят к выводам о том, что утрата традиционных, природных способов развития человеческого сознания приводит к деформации всех его родовых качеств.

Третий этап социализации — это персонализация. Он заключается в том, что человек должен реализовать свой потенциал и быть готовым в большей степени передавать, чем принимать социальный опыт следующим поколениям. Основа — традиционные формы социализации личности, отрабатываемые тысячелетиями, — позволяют это сде-

лать согласно диалектическим законам, отфильтровывая социальную практику, когда происходит отрицание всего того, что не оправдало себя. Когда же речь идет о цифровой социализации, то сам передающий социальный опыт субъект и принимающий его субъект, среда социализации, ее средства и технологии могут не являться реальными социальными феноменами. Роли всех элементов социализации в условиях цифровизации выполняют информационные квазисубъекты, объекты, условия, средства и т. д. О возникновении противоречий между цифровым и реальным субъектом социализации пишут исследователи, обозначая следующие проблемы: «Результаты исследования показали, что учителя и родители имеют иллюзорную картину относительно времяпровождения школьников в Интернете, а также их неподготовленность в вопросах «контроля». Выявлена разница качества использования Интернета в учебном процессе в столичных и областных школах, что может сказаться и на качестве знаний выпускников в целом» (*Ташмухамедова* 2023: 256). Проблемам цифрового разрыва между поколениями сегодня посвящено достаточно много работ (*Романова, Брель* 2022).

Таком образом, можно видеть, что само понятие социализации личности, ее этапы остаются едиными для всех форм и видов данного процесса. Трансформируются элементы, составляющие ее: субъект, объект, средства, среда, условия, результат и т. д., превращаясь в цифровые феномены. Информационные технологии, развиваясь, позволяют всему человечеству переходить от одного к другому цивилизационному уровню. Так, архаическая и аграрная эпохи дают человеку в качестве основных способов передачи социального опыта такие средства как устная и письменная речь. Именно его родовые качества (сознание, общение, язык и деятельность) позволяют выработать первые человеческие формы социализации личности, которые сегодня и определяются как традиционные. С помощью этих технологий и сам опыт имеет особое количество и качество, задаваемые примитивными средствами передачи, обработки и хранения информации.

Далее индустриальная эпоха позволяет перейти к новым информационным технологиям, таким как книгопечатание, затем электронные средства реализации информационных процессов. Эти технологии дают возможность изменить весь процесс социализации, переходя к более эффективным ее средствам, делая доступным широким массам получение социально важной информации. Обратная сторона такой трансформации заключается в выработке единых унифицированных форм передачи социального опыта в границах не только одной культуры, но и за ее пределами. Традиционные формы социализации личности не исчезают, а дополняются новыми.

И, наконец, современный этап цивилизационного развития — цифровой. Он характеризуется тем, что нарушается необходимый баланс между традиционными и цифровыми формами социализации личности, когда родовые качества человека в меньшей степени развиваются на основе веками выработанных способов передачи социального опыта и в большей степени привлекаются новые технологии, способствующие повышению эффективности социализации и адаптации к меняющимся условиям культуры.

Цифровая цивилизация приводит к нарушению такого баланса, когда человек биологически и эволюционно еще не готов быстро адаптироваться к стремительно развивающимся информационным технологиям. Для этого возникает необходимость перехода сначала, частичного, а в будущем и возможно полного к цифровой социализации личности. Конечно, она имеет амбивалентный характер. Где критерии и границы ее положительного и отрицательного влияния на деформацию родовых качеств человека? Человеческая эволюция проходит по своим законам, согласно определенной скорости

качественных и количественных изменений, которые раскрывает и изучает антропология: «… Сформулированные принципы биосоциальной эволюции позволяют реконструировать достаточно логичные и осмысленные механизмы формирования главных морфологических новаций в антропогенезе, причем, как и следовало ожидать, теснейшим образом сопряженные с развитием поведенческих практик, ментальных установок и социальных отношений» (*Розов* 2021: 188). Иными словами, именно родовые качества человека позволяют ему стать личностью.

Совершенствование информационных процессов, которые становятся одним из основных эволюционных механизмов, обеспечивают развитие человечества по пути, когда происходит неуклонный рост значимости в антропогенезе культурной составляющей эволюции, способной при определенных условиях полностью заместить в ходе антропогенеза биологическую составляющую. Цифровая социализация наглядно демонстрирует данный процесс. Победа социального над биологическим неизбежно приведет к существенным трансформациям человеческой сущности. Теории антропономии отражают данные закономерности. Например, теория потенциала человека раскрывает положения о том, что родившийся человек является только кандидатом быть им: «Это двойственное переходное состояние выражается понятием “потенциальный человек” или “кандидат в человека”» (*Зеленов* 2003: 20). Выше приведенные Н. С. Розовым принципы биосоциальной эволюции только подтверждают, что развитие человека происходит за счет противоречивого единства его потребностей и способностей. Что же происходит с потенциалом человека в условиях цифровой культуры? Как меняются законы социализации личности? Как меняется идеал человека, его деятельность, сознание, язык, общение?

Одной из серьезных проблем цифровой социализации ученые называют перенос социальных отношений и институтов в цифровое информационное пространство. Это приводит к изменению экономических, политических, социальных и духовных отношений в обществе. В свою очередь, переход к цифровым общественным отношениям требует изменения системы образования, обучения и воспитания, т. е. основных механизмов социализации личности. Уже в период идентификации современный ребенок вступает во взаимодействие с цифровыми квазисубъектами. Оно проще, чем выстраивание реальных отношений со сверстниками или взрослыми, не требует психических усилий даже в играх, т. к. цифровое пространство предоставляет сюжеты и персонажи в готовом виде. Как отмечено в психологических исследованиях из-за нарушения баланса между реальным общением и цифровым ребенок лишается необходимой практики ручной, разговорной и мыслительной деятельности, что является важным механизмом в переходе от потенциального человека к личности. Это уже на ранних этапах социализации приводит к трансформации родовых качеств человека, которые продолжаются на этапе индивидуализации, а затем и персонализации.

Цифровая социализация в теории социализации личности должна определяться достаточно однозначно как передача и освоение социального опыта с помощью цифровых форм образования, обучения и воспитания. В структуре всех цифровых педагогических процессов имеют место только цифровые виды субъекта, объекта, средства, условий, результата, среды. Цифровой субъект — информационный квазисубъект, цифровой объект — это информация, с которой работает человек, куда и попадет весь социальный опыт, подвергаясь отцифровке, результат — формирование цифровой личности и т. д. Цифровая культура при этом является единственным условием и результатом цифровой социализации личности. В этом случае неуместными становятся оговорки, ког-

да в определении цифровой социализации личности включаются реальные элементы. Это уже смешанные формы социализации. На данном этапе они и распространены в большей степени. Человечество еще пока не отказывается полностью от традиционной социализации, но вектор развития направлен именно в эту сторону.

Теория цифровой социализации личности должна раскрыть закономерности трансформации родовых качеств человека, социальных отношений в обществе, ответив на вопросы что будет представлять собой человек, полностью перешедший к жизни в цифровой среде. Развивая системы искусственного интеллекта, биотехнологии, стремясь к преодолению биологических ограничений, человек пытается решить проблемы собственного потенциала, личности, идеала. Меняя аксиологическую составляющую собственной культуры, человек неизбежно будет стремиться к иным значениям собственной телесности и духовности. Первые виды таких трансформаций мы уже наблюдаем. В цифровой среде иные ценности, идеалы, духовность. Именно в этом кроется причина и цивилизационных изменений, которые не всегда прогрессивны. Глобализация и цифровизация уже привели к формированию новых стандартов оснований культуры, к которым стремятся, считающие себя передовыми страны и люди. Духовный кризис, гибридные войны, нестабильность в современном мире — это творение рук человека нового поколения цифровой эпохи, у которого именно такие идеалы и ценности.

Заключение

Проведенное исследование возможностей антропологических исследований человека будущего (человека цифрового) показало, что антропология как богатейший потенциал естественно-научных и философских (мировоззренческих) знаний о человеке нуждается в создании собственной теоретической базы, т. е. общенаучного уровня знаний о человеке. В исследовании феномена будущего — цифрового человека необходимо раскрыть закономерности его цифрового рождения; формирования, развития и реализации его цифрового потенциала; законы и принципы цифровой деятельности, социальных отношений; специфику и закономерности цифровой социализации личности; закономерности трансформации родовых качеств человека в условиях цифровой культуры. Эти проблемы станут предметом исследования следующих работ автора в области антропологии и антропономии.

Источники и материалы

Словарь 1910 — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка / сост. под ред. А. Н. Чудинова. Санкт-Петербург: В. И. Губинский, 1910.

Научная литература

Волчегорская Е. Ю., Жукова М. В., Шишкина К. И., Фролова Е. В. Риски цифровой зависимости у детей младшего школьного возраста // Перспективы науки и образования. 2022. № 4 (58). С. 355–368. https://doi.org/10.32744/pse.2022.4.21

Грязнова Е. В. Феномен цифровой культуры как предмет изучения современной науки // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 119–128. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/118-128

Грязнова Е. В. Субстратный подход в исследовании цифровой культуры // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 68–75.

Грязнова Е. В., *Зеленов Л. А.* Прикладные проблемы философии: научно-педагогический опыт: монография. Гжель: ГГУ, 2015. 161 с.

Зеленов Л. А. Человековедение — стратегический междисциплинарный комплекс // Мир человека: альманах. Вып. 2 (5). Н. Новгород: ВВАГС. 2003. С. 13–28.

Золотухина-Аболина Е. В. Философская антропология. Учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. 251 с.

Ильянович Е. Б. Цифровая антропология: новые возможности исследований человека // Практическая философия: состояние и перспективы: сборник материалов V научной конференции, Симферополь-Ялта, 26–27 мая 2022 года / Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского; Институт «Таврическая академия». Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. С. 88–94.

Петрова Е. В. Экология цифровой среды как попытка ответа на цивилизационные вызовы цифровой эпохи // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 99–109. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109

Пищик А. М. Научно-исследовательская программа Нижегородской методологической школы: концепция антропономии // Евразийский союз ученых. 2015. № 10–6 (19). С. 123–126.

Равочкин Н. Н. Цифровая антропология: теоретический фундамент и поиск новых моделей человека // Российский гуманитарный журнал. 2023. Т. 12. № 1. С. 19–28. https://doi.org/10.15643/libartrus-2023.1.2

Розов Н. С. Законы биосоциальной эволюции и главные морфологические новации в антропогенезе // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 180–188. https://doi.org/10.17223/15617793/470/21

Романова Е. А., Брель Е. Ю. К проблеме исследования социализации обучающихся и педагогов в цифровой образовательной среде в разрезе теории поколений // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 1 (89). С. 92–98. https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-92-98

Смирнов С. А. Место человека в антропологии будущего. Концептуальный контур // Человек как открытая целостность: монография / отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 54–62.

Солдатова Г. У. Поколение цифровой социализации: гиперподключенность и новая социальность // Перспективы развития исследований в сфере наук об образовании: Материалы международной научно-практической конференции, Москва, 06–07 декабря 2021 года. Москва: Российская академия образования, 2022. С. 259–264.

Сомов В. А. Педагогическое искусство К. Д. Ушинского сквозь призму исторической действительности // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12. № 1 (46). https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-1-4

Ташмухамедова Д. Г. Подросток в виртуальном мире (на материалах Узбекистана) // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 256–276. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/256-276

Теплых Г. И., Левицкая А. А. Теология в контексте угроз цифровизации // Теологическое образование в условиях цифровизации: вызовы, смыслы, практики: сборник материалов регионального этапа V Всероссийской научно-практической конференции «Теология в научно-образовательном пространстве». Екатеринбург, 21–22 октября 2021 г. Екатеринбург, 2022. С. 8–20.

Чернавин Ю. А., Баринова Г. В. Человек в пространстве цифровой культуры // Вопросы философии. 2023. № 4. С. 29–39. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39

Gryaznova E. V., Treushnikov I. A., Goncharuk A. G. The Role of Information Culture in the Formation of a Cultural Ideal // Perspectives of Science and Education. 2020. No. 1 (43). P. 379–388. https://doi.org/10.32744/pse.2020.1.27

Gryaznova E. V., Lanskaya I. A., Kozlova T. A. Virtual reality as a category of psychology within the information concept // Perspectives of Science and Education. 2020a. No. 2 (44). P. 308–316. https://doi.org/10.32744/pse.2020.2.24

Zakharova V. T., *Kudryavtseva I. S.* Spiritual and Moral Features of Training Master's Students: Social and Humanitarian Aspect // Relacoes Internacionais no Mundo Atual. 2024. Vol. 4. No. 46. P. 60–77. https://doi.org/10.21902/Revrima.v4i46.7239

Reference

Chernavin, Yu. A., and G. V. Barinova. 2023. Chelovek v prostranstve tsifrovoi kul'tury [Man in the Space of Digital Culture]. *Voprosy filosofii* 4: 29–39. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-29-39

Gryaznova, E. V. 2021. Substratnyi podkhod v issledovanii tsifrovoi kul'tury [Substrate Approach in the Study of Digital Culture]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 464: 68–75.

Gryaznova, E. V. 2024. Fenomen tsifrovoi kul'tury kak predmet izucheniia sovremennoi nauki [Digital Culture as a Subject of Modern Cultural Studies]. *Vestnik antropologii* 2: 119–128. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/118-128

Gryaznova, E. V., I. A. Lanskaya, and T. A. Kozlova. 2020a. Virtual Reality as a Category of Psychology Within the Information Concept. *Perspectives of Science and Education* 2(44): 308–316. https://doi.org/10.32744/pse.2020.2.24

Gryaznova, E. V., I. A. Treushnikov, and A. G. Goncharuk. 2020. The Role of Information Culture in the Formation of a Cultural Ideal. *Perspectives of Science and Education* 1(43): 379–388. https://doi.org/10.32744/pse.2020.1.27

Gryaznova, E. V., and L. A. Zelenov. 2015. *Prikladnye problemy filosofii: nauchno-pedagogicheskii opyt* [Applied Problems of Philosophy: Scientific and Pedagogical Experience]. Gzhel': Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniia Gzhel'skii gosudarstvennyi universitet. 161 p.

Ilyanovich, E. B. 2022. Tsifrovaia antropologiia: novye vozmozhnosti issledovanii cheloveka [Digital Anthropology: New Opportunities for Human Research]. In *Prakticheskaia filosofiia: sostoianie i perspektivy: sbornik materialov V nauchnoi konferentsii, 26–27 maia 2022 goda* [Practical Philosophy: Status and Prospects: Proceedings of the V Scientific Conference (May 26–27, 2022)]. Krymskii federal'nyi universitet im. V. I. Vernadskogo; Institut «Tavricheskaia akademiia». Simferopol': Tipografiia «Arial». 88–94.

Petrova, E. V. 2022. Ekologiia tsifrovoi sredy kak popytka otveta na tsivilizatsionnye vyzovy tsifrovoi epokhi [Ecology of the Digital Environment as an Attempt to Respond to the Civilizational Challenges of the Digital Age]. *Voprosy filosofii* 11: 99–109. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-11-99-109

Pishchik, A. M. 2015. Nauchno-issledovatel'skaia programma Nizhegorodskoi metodologicheskoi shkoly: kontseptsiia antroponomii [Scientific Research Program of the Nizhny Novgorod Methodological School: The Concept of Anthroponomy]. *Evraziiskii soiuz uchenykh* 10–6(19): 123–126.

Ravochkin, N. N. 2023. Tsifrovaia antropologiia: teoreticheskii fundament i poisk novykh modelei cheloveka [Digital Anthropology: Theoretical Foundation and Search for New Human Models]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* 12(1): 19–28. https://doi.org/10.15643/libartrus-2023.1.2

Romanova, E. A., and E. Yu. Brel. 2022. K probleme issledovaniia sotsializatsii obuchaiushchikhsia i pedagogov v tsifrovoi obrazovatel'noi srede v razreze teorii pokolenii [On the Problem of Studying the Socialization of Students and Teachers in the Digital Educational Environment in the Context of the Theory of Generations]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* 24(1): 92–98. https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-92-98

Rozov, N. S. 2022. Zakony biosotsial'noi evoliutsii i glavnye morfologicheskie novatsii v antropogeneze [The Principles of Biosocial Evolution and the Main Morphological Innovations in Anthropogenesis]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* 470: 180–188.

Smirnov, S. A. 2022. Mesto cheloveka v antropologii budushchego. Kontseptual'nyi kontur [The Place of Man in the Anthropology of the Future. Conceptual Contour]. In *Chelovek kak otkrytaia tselostnost'* [Man as an Open Integrity: monography], ed. by L. P. Kiiashhenko, T. A. Sidorova. Novosibirsk: Akademizdat. 54–62.

Soldatova, G. U. 2022. Pokolenie tsifrovoi sotsializatsii: giperpodkliuchennost' i novaia sotsial'nost' [The generation of Digital Socialization: Hyperconnection and New sociality]. In *Perspektivy razvitiia issledovanii v sfere nauk ob obrazovanii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 06–07 dekabria 2021 goda* [Prospects for the Development of Research in the Field of Educational Sciences: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (December 06–07, 2021)] Moscow: Rossiiskaia akademiia obrazovaniia. 259–264.

Somov, V. A. 2024. Pedagogicheskoe iskusstvo K. D. Ushinskogo skvoz' prizmu istoricheskoi deistvitel'nosti [Pedagogical Art of K. D. Ushinsky Through the Prism of Historical Reality]. *Vestnik Mininskogo universiteta (Vestnik of Minin University)* 12: 1(46). https://doi.org/10.26795/2307-1281-2024-12-1-4

Tashmukhamedova, D. G. 2023. Podrostok v virtual'nom mire (na materialakh Uzbekistana) [Teenager in the Virtual World (The Case of Uzbekistan)]. *Vestnik antropologii* 1: 256–276. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/256-276

Teplykh, G. I., and A. A. Levitskaia. 2022. Teologiia v kontekste ugroz tsifrovizatsii [Theology in the Context of Threats of Digitalization]. In *Teologicheskoe obrazovanie v usloviiakh tsifrovizatsii: vyzovy, smysly, praktiki: sbornik materialov regional'nogo etapa V Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Teologiia v nauchno-obrazovatel'nom prostranstve». 21–22 oktiabria 2021 g.* [Theological Education in the Context of Digitalization: Challenges, Meanings, Practices: Collection of Materials from the Regional Stage of the V All-Russian Scientific and Practical Conference "Theology in the Scientific and Educational Space" (October 21–22, 2021)]. Ekaterinburg. 8–20.

Volchegorskaia, E. Yu., M. V. Zhukova, K. I. Shishkina, and E. V. Frolova. 2022. Riski tsifrovoi zavisimosti u detei mladshego shkol'nogo vozrasta [Risks of Digital Addiction in Primary School Children]. *Perspektivy nauki i obrazovaniia* 4(58): 355–368. https://doi.org/10.32744/pse.2022.4.21

Zakharova, V. T., and I. S. Kudryavtseva. 2024. Spiritual and Moral Features of Training Master's Students: Social and Humanitarian Aspect. *Relacoes Internacionais no Mundo Atual* 4(46) 60–77. https://doi.org/10.21902/Revrima.v4i46.7239

Zelenov, L. A. 2003. Chelovekovedenie — strategicheskii mezhdistsiplinarnyi kompleks [Human Studies — a Strategic Interdisciplinary Complex]. In *Mir cheloveka: al'manakh* [The Human World: Almanac]. Nizhniy Novgorod: Volgo-Viatskaia akademiia gosudarstvennoi sluzhby. 13–28.

Zolotukhina-Abolina, E. V. 2024. *Filosofskaia antropologiia. Uchebnoe posobie* [Philosophical Anthropology. A Manual]. Moscow: Yurait. 251 p.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/187-206
Научная статья

© Е. А. Ягафова

ЧУВАШСКИЙ ЭТНОБЛОГИНГ: ПРАКТИКИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНИЧНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Одной из популярных форм репрезентации этничности в сети Интернет является этноблогинг, активно развивающийся в последние годы среди народов Урало-Поволжья, в т. ч. чувашей. В статье проанализирована ситуация в чувашском сегменте этноблогинга: изучен контент чувашских блогов на разных веб-платформах (YouTube, RuTube, Дзен, в социальных сетях — ВКонтакте, Одноклассники, Telegram и др.), охарактеризованы содержание и формы представления этнически маркированной информации, представлены индивидуальные установки, мотивации активности чувашских блогеров в процессе формирования контента, характер и значимость обратной связи блогеров с пользователями интернета, персональные характеристики чувашских блогеров. Основной целью исследования является определение роли этноблогинга в процессе репрезентации этничности чувашей в киберпространстве. Статья основана на анализе доступного контента в интернете, а также оффлайн-интервью с ведущими чувашским блогерами и экспертами в данном вопросе. Исследование показало, что чувашская блогосфера охватывает все популярные веб-платформы, но предпочтение отдается площадкам с молодежной аудиторией, на которую ориентирован преимущественно контент блогов. Мотивацией активности чувашских блогеров является стремление популяризировать наиболее яркие образцы этнокультурного наследия и стимулировать функциональность чувашского языка, прослеживается и коммерческий интерес. Основным инструментом для репрезентации образа народа в киберпространстве является этнокультурный контент, охватывающий весь спектр традиционного быта чувашей, получающий в блогах авторскую интерпретацию, благодаря чему блогеры конструируют новый образ чувашской этничности. Контент представлен в трех формах — видео, фотографии и тексты. Чувашский язык выступает одним из основных инструментов самопрезентации блогеров. Блоги являются площадкой для обсуждения вопросов истории и культуры народа, которые в совокупности формируют актуальное пространство этничности чувашской пользовательской аудитории в интернете, отражают ее состояние. Творческая активность блогеров оказывает влияние на реальную аудиторию, признающую их авторитет в качестве лидеров общественного мнения.

Ключевые слова*: блог, блогер, интернет, киберпространство, контент, социальные сети, чуваши, этноблогер, этноблогинг*

Ягафова Екатерина Андреевна — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры и искусства, ФГБОУ ВО Самарский государственный социально-педагогический университет (Российская Федерация, 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 59). Эл. почта: yagafova@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2784-8090

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00018, https://rscf.ru/project/23-28-00018/

Ссылка при цитировании: *Ягафова Е. А*. Чувашский этноблогинг: практики репрезентации этничности в киберпространстве // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 187–206.

UDC 39
DOI:10.33876/2311-0546/2025-2/187-206
Original Article

© ***Ekaterina Yagafova***

CHUVASH ETHNOBLOGGING: REPRESENTING ETHNICITY IN CYBERSPACE

One of the ways in which ethnicity manifests itself on the Internet is ethnoblogging, which has been actively developing in recent years among the peoples of the Ural-Volga region, including the Chuvash. The article analyzes the Chuvash segment of ethnoblogging, namely the content of Chuvash blogs on various web platforms (YouTube, RuTube, Zen, in social networks — VKontakte, Odnoklassniki, Telegram, etc.). The author identifies the ethnically marked information, individual attitudes, motivations for Chuvash bloggers, analyzes their personal characteristics and the feedback they receive. The main goal of the study is to determine the role of ethnoblogging in the ethnicity representation within the Chuvash in cyberspace. The article is based on the analysis of available content on the Internet, and on offline interviews with leading Chuvash bloggers and experts in the field. The study showed that the Chuvash blogosphere covers all popular web platforms, but preference is given to websites with young audience, which is the main target of the blogs. The Chuvash bloggers are mainly motivated by the desire to popularize the most striking examples of ethnocultural heritage and stimulate the usage of the Chuvash language; some of them also have commercial interests. The ethnocultural content covers the entire spectrum of traditional Chuvash life as interpreted by the bloggers, which contributes to the construction of a new image of Chuvash ethnicity. The content is presented in three forms — video, photographs, and texts. The Chuvash language is one of the main tools of the bloggers' self-presentation. Blogs are a platform for discussing issues of history and culture of the people, which together form the current space of ethnicity of the Chuvash audience on the Internet. The bloggers' creative activity influences the audience that recognizes their authority as leaders of public opinion.

Keywords: *blog, blogger, Internet, cyberspace, content, social networks, Chuvash, ethnoblogger, ethnoblogging*

Author Info: Yagafova, Ekaterina A. — Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Philosophy, History and the Theory of World Culture and Art, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: yagafova@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2784-8090

For citation: Yagafova, E. A. 2025. Chuvash Ethnoblogging: Representing Ethnicity in Cyberspace. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 187–206.

Funding: The study was funded by the Russian State Foundation, project number № 23-28-00018 https://rscf.ru/project/23-28-00018/

Введение

Одной из популярных форм репрезентации этничности в сети Интернет является этноблогинг, активно развивающийся в последние годы среди народов России, в т. ч. чувашей. В отличие от стихийно формирующегося контента социальных сетей или веб-каналов, деятельность этноблогеров по отбору и представлению в виртуальном пространстве этнической информации выглядит более целенаправленной и осмысленной. Именно блогеры наполняют в значительной степени интернет этнически маркированным контентом — блогами, каналами на различных веб-платформах, в т. ч. в социальных сетях. Блогерство набирает популярность в последние годы благодаря привлекательности этой сферы деятельности в обществе с точки зрения общественного признания (блогеры — лидеры мнений) и коммерческой выгоды. В работе блогера соединены креативность, умение взаимодействовать с аудиторией и технологические навыки, которые привлекают молодое поколение. Типаж «блогер» притягателен и вызывает интерес и восхищение в молодежной среде (*Граждан* 2018: 85), и это относится и к этноблогосфере.

Научный интерес к этноблогингу обусловлен жанровой спецификой данного метода как «этнографии от первого лица», отражающего личностные мотивации, взгляды и предпочтения блогеров. Этнические блогеры формируют киберобраз, который соответствует не столько реальному, сколько образцам привлекательности (*Rötzer* 1996: 126). В этой связи исследователей интересуют способы конструирования этноблогерами этого образа, в частности принципы, формы и мотивации активности блогеров в создании и размещении контента в киберпространстве, а также восприятие этой информации пользовательским сообществом. Исследование конкретных практик этноблогеров позволит ответить на глобальные вопросы о значимости этноблогинга в развитии этнического сообщества в современном мире: Какую роль играют этноблогеры и формируемый ими киберобраз народа в репрезентации этничности группы в киберпространстве? Как воспринимается этого образ потребителями контента? Как воздействуют создаваемые этноблогерами элементы киберобраза и сам образ на состояние и развитие этничности в реальном пространстве? Каковы особенности этнического блогинга в отдельно взятом сообществе? Такие вопросы стоят перед каждым исследователем этноблогинга в современном мире. Отвечая на них, исследователи указывают на социальную значимость данного явления, заключающуюся в сборе, актуализации, популяризации уникального этнографического материала. Важна, по мнению В. А. Головнева, коммуникативная функция этноблогинга — сплочение этнического сообщества в виртуальном пространстве, а также его роль в образовательной и коммерческой (онлайн-торговля национальными товарами) сферах (*Головнев* 2021: 202). Изучая этноблогинг среди эвенков, В. А. Головнев пришел к выводу о том, что «виртуальная самопрезентация этноблогеров становится важным инструментом возрождения» этничности, а сами блогеры являются посредниками «между локальной и магистральной культурами» (*Головнев* 2024: 143, 144). Автором выявлены особенности эвенкийского этноблогинга, в частности характерные способы самопрезентации блогеров и конструирования ими этнической самобытности народа; данный опыт имеет методологическое значение в исследовании практик репрезентации этничности в формате блогинга и был использован при изучении чувашской блогосферы.

В целом, в силу новизны проблематики, исследований, посвященных собственно этническому блогингу немного. Тема затрагивалась при изучении практик репрезентации этничности в работах зарубежных (*Döring* 2000; *Rötzer* 1996 и др.) и российских (*Белоруссова* 2022; *Головнев* и др. 2021; *Киссер* 2019 и др.) исследователей. Собственно

этническому блогингу в России посвящены указанные выше статьи В. А. Головнева по хантам и эвенкам (*Головнев* 2021; *Головнев* 2024). Особенности татарской блогосферы рассмотрены в работе В. З. Гарифуллина и Л. П. Закирова, отметивших татарский язык в качестве главного признака контента (*Гарифуллин, Закиров* 2018). Феномен чувашского этноблогинга рассмотрен в статье А. Г. Гаврилова (*Гаврилов* 2023). Автором выявлены и охарактеризованы языковые практики самоопределения пяти наиболее известных чувашских блогеров, сделаны выводы об использовании чувашского языка, с помощью которого «чувашские этноблогеры подчеркивают свою субъектность в медиасреде и визуально запоминаются пользователям» (*Гаврилов* 2023: 153). Таким образом, отдельными исследователями разработаны подходы к изучению этноблогинга, которые применены к анализу чувашской блогосферы в данной статье.

Основной целью исследования является определение роли этноблогинга в процессе репрезентации этничности чувашей в киберпространстве. В статье проанализирована ситуация в чувашском сегменте этноблогинга: изучен контент чувашских блогов на разных веб-платформах (YouTube, RuTube, Дзен, в социальных сетях — ВКонтакте (ВК), Одноклассники (ОК), Telegram, Instagram[1], TikTok и др.), охарактеризованы содержание, смысловые акценты и формы представления этнически маркированной информации, представлены индивидуальные установки, мотивации активности чувашских блогеров при создании контента, характер и значимость обратной связи блогеров с пользователями интернета.

Статья основана на анализе доступного контента в сети интернет, а также офлайн-интервью с ведущими чувашским блогерами Ксенией Романовой (*Чăваш пики*) (ПМА 5), Ксенией Кошелевой (*Чувишенка*, подкаст «Хёрсем») (ПМА 4), Константином Доброхотовым (каналы «Чуваш ТВ» / «Чăваш ТВ» / «@chavashtv») (ПМА 2), Алексеем Александровым (*Элтияр с радио / Эльдиярчик / Элтияр Александров Чувашия*) (ПМА 3), Анастасией Сайковой (подкаст «Ан та кала») (ПМА 4) и блогерами, выступившими также в качестве экспертов по данной теме: известным чувашским активистом, создателем чувашской языковой школы «Хавал» Александром Блиновым (ПМА 1), чувашским журналистом и общественным деятелем Константином Малышевым (ПМА 6), культурологом Александрой Никитиной (ПМА 7). Основными критериями отбора блогеров было соответствие размещаемого ими контента чувашской тематике, число подписчиков (не менее тысячи хотя бы на одной из используемых веб-платформ), активность блогов в настоящее время. Дополнительно были изучены материалы интервью с чувашскими блогерами в эфире Национального телевидения Чувашии (передача «Ир пулсан») и в подкасте «Ан та кала» (Интервью с К. Доброхотовым 2023; Интервью с К. Романовой 2024).

Чувашские блогеры: персональные портреты

Чувашская блогосфера возникла в начале 2000-х гг. благодаря единичным пользователям интернета, заинтересованным в популяризации чувашского языка и культуры (ПМА 7), однако наиболее активно стала развиваться с 2020 г., на фоне прогресса информационных технологий, роста разнообразия, доступности и качества веб-сервисов, а также популярности этнического медиаконтента в глобальной сети. Значительным стимулом

[1] Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ в марте 2022 г.

для активизации чувашских блогеров стали ограничения в период пандемии COVID-19, вынудившие находившихся в изоляции пользователей интернета попробовать себя в блогосфере (Интервью с К. Доброхотовым 2023). Первые успешные посты, собравшие миллионные просмотры, сотни подписчиков вдохновили чувашских блогеров на творческую активность на разных площадках. За три-четыре года произошли значительные изменения в качестве контента, характере и форме его подачи, выросло число блогеров.

Одним из первых чувашских блогеров стала жительница Казани Ксения Романова (*Чăваш пики*). Другие блогеры признают ее родоначальницей жанра в чувашском сегменте (Интервью с К. Романовой 2024). Свой первый блог в Instagram К. Романова создала в 2018 г. после знакомства с татарскими блогерами. Затем появился аккаунт чувашской газеты «Сувар» в TikTok с видеоконтентом (2019, более 50 тыс. подп.), который Ксения ведет по настоящее время. В 2021 г. она создала канал «Чăваш пики Ксения Романова» (6,71 тыс. подп., 143 видео, более 3 млн просмотров) на платформе YouTube. После утраты аккаунта в Instagram в 2022 г. она перешла на платформу Telegram (680 подп.) и в социальную сеть ВКонтакте (672 подп.), создала в 2023 г. новый аккаунт в Instagram (7,8 тыс. подп.). На всех платформах блог называется *Чăваш пики | Чувашка говорит*. Основной контент — развлекательные короткие видеосюжеты (ПМА 5).

Константин Доброхотов создал свой первый блог в 2020 г. TikTok (273,4 тыс. подп., более 5 млн. просмотров) и Instagram (52,1 тыс. подп.), является одним из самых успешных чувашских блогеров по числу подписчиков и количеству просмотров. Его блог *Чуваш ТВ» / «Чăваш ТВ* представлен также на платформе YouTube (50,9 тыс. подп.), в Telegram (4,45 тыс. подп.), в сети ВК (1 тыс. подп.) и на платформе Дзен (0,08 тыс. подп.), содержит разнообразный контент, в основном, культурно-просветительского и развлекательного характера. Создание блога автор связывает с желанием восполнить недостаток информации в интернете на чувашском языке и показать примеры использования чувашского языка в многонациональном городе, рассказать о чувашах и «чувашском»: праздниках, костюме, пище и т. д. (ПМА 2).

Блогер *Чувишенка* (Ксения Кошелева) создала свой первый канал на платформе YouTube в 2016 г., сегодня он насчитывает 1,28 тыс. подписчиков и более 54 тыс. просмотров. В 2018 г. одноименный канал возник в Instagram (в настоящее время насчитывает 8,9 тыс. подписчиков). Telegram-канал «Чувишенка», созданный в марте 2022 г., собрал более 2 тыс. подписчиков, является сегодня основным для блогера К. Кошелевой. Своей миссией в чувашской блогосфере автор считает стремление «*осовременить нашу культуру, вывести на другие формы*». Кроме того, в видеохостинге YouTube с февраля 2023 г. К. Кошелева совместно с А. Олангиной ведут проект «Хĕрсем» (Девушки; 0,99 тыс. подп., 7 видео, более 24 тыс. просмотров) — видеобеседы на чувашском языке о современных проблемах культуры, вопросах семьи, общения и т. д. (ПМА 4).

Элтияр (Алексей Александров) более известен чувашской аудитории как радио- и тележурналист «Национального телевидения Чувашии», однако с 2020 г. он ведет блоги в Instagram (4,2 тыс. подп.), с 2022 г. — в Telegram (0,27 тыс.), на платформе Дзен (0,79 тыс.), с 2023 г. — также в YouTube (0,02 тыс.) и в ОК (0,02 тыс.); наиболее активная площадка блогера — страница в ВК (6,5 тыс., до 13 тыс. просмотров, до 100 комментариев). Профессиональная подготовка в области журналистики и чувашского фольклора позволяет *Элтияру* удачно сочетать текстовый и аудиовизуальный материал на разные темы, посвященные этнической культуре чувашей. Главной целью своих блогов автор считает «*желание рассказать людям то, что знаю сам*» (ПМА 3).

Подкаст А. Сайковой «Ан та кала» (И не говори) появился в 2022 г. и быстро завоевал популярность в Telegram (2,16 тыс. подп.) и в ВК (0,51 тыс. подп.). Эпизоды подкаста размещены также на платформах Apple Podcasts, Castbox, PODCAST.RU, RSS feed, Яндекс Музыка и др. В отличие от других чувашских блогеров, автор с трудом причисляет себя к ним, поскольку свой блог Анастасия создавала для друзей, периодически рассказывая им о чувашской культуре. Появление новых подписчиков стимулировало создание подкаста «Ан та кала» (существует в формате аудио и видео), который автор представляет как «*подкаст о людях, которые делают интересные проекты в регионах*», в т. ч. и о чувашских блогерах (ПМА 4).

Чувашская тематика широко представлена на личных страницах в социальных сетях ВКонтакте (7,8 тыс. подп.), Одноклассники (0,16 тыс. подп.) и Instagram (2,2 тыс. подп.) казанского журналиста Константина Малышева. Будучи главным редактором чувашской республиканской газеты «Сувар» и активным участником национально-культурного движения в Татарстане, он регулярно освещает жизнь чувашей в регионе, вопросы истории и культуры народа, размещает анонсы о чувашских мероприятиях (концертах, конференциях, фестивалях и т. п.) и отчеты об их проведении. Кроме того, К. Малышев является администратором региональных и районных групп и сообществ в ВК и ОК, где также дублируется общечувашская и региональная информация. Цель своей активности он видит в объединении чувашей в виртуальном пространстве: «*Собираю чувашскую аудиторию . . . Чăвашсене пуçтаратăп. . .*» (ПМА 6).

Становление чувашского этноблогинга происходит на фоне бурного развития этой сферы медикоммуникации, в целом, но также под влиянием этноблогинга соседних народов. Сами блогеры в интервью признаются в следовании формам и содержанию контента татарских, башкирских, удмуртских блогеров. Значительную роль для чувашских блогеров сыграло проведение в регионах Поволжья медиапроектов и блогерских школ. Так, «Форум чувашской молодежи-2019» стал стартовой площадкой для ряда популярных блогеров: К. Доброхотова, А. Александрова и др. Последующие форумы в Казани (2023, 2024), Чебоксарах (2024) способствовали консолидации сообщества, привлекли новых этноблогеров. В 2023 г. в Казани была организована блогерская школа «Шеп» для этноблогеров, представлявших наиболее многочисленные этнические группы в Республике Татарстан — татар, русских, чувашей, марийцев, удмуртов и кряшен. Обмен опытом, встречи с аудиторией читателей блогов содействовали расширению охвата интернет-площадок, углублению тематики, более тщательной подготовке и структурированной подаче контента. Совместное участие в фестивалях чувашской молодежи, медиапроектах сплачивает чувашских блогеров, стимулирует их творческую активность, поиск новых форм создания и размещения контента. Из интервью с А. Сайковой:

> «Я не думала быть блогером, у меня просто был канал. Когда я приехала, у меня было 300 подписчиков, я думала, что это очень-очень мало… Мне казалось, что я не блогер, но приехали сюда и очень вдохновились друг другом, ребята все в проектах, …мне захотелось сделать проект» (ПМА 4).

Наиболее востребованной платформой в течение последних 5–6 лет для чувашского блогинга является Instagram (см. *Табл. 1*). Число подписчиков варьирует от нескольких сотен до десятков (52 тыс. в блоге «ЧувашТВ» Константина Доброхотова) и сотен тысяч (243 тыс. в блоге Полины Осиповой). Привлекательность Instagram вызвана возможностью размещения на ней разнообразного контента — фото, видео, небольших текстов и общения с подписчиками. Возрастными особенностями последних, вероятно,

объясняется предпочтение площадок — платформ с молодежной аудиторией (Telegram, Instagram, ВК) и практическое отсутствие в ОК, являющей традиционно социальной сетью для среднего и старшего поколения пользователей интернета.

Таблица 1

Активность чувашских блогеров на интернет-площадках (год создания блога / канала; число подписчиков)

блогеры		**Telegram**	**Instagram**	**TikTok**	**YouTube**	**RuTube**	**VK**	**Одноклассники**	**Дзен**
Чуваш ТВ / Чăваш ТВ / chavashtv	год	2020	2020	2020	2010	–	2018	–	2023
	подп.	4,45	52,1	273,4	50,9	–	1,0	–	0,08
Chuv / Полина Осипова / polinatammi	год	2022	2015	***	–	–	***	–	–
	подп.	1,5	243,0	50,1	–	–	–	–	–
Чăваш пики	год	2022	2018; 2023	2021	2021	–	2022	–	–
	подп.	0,68	7,8	2,02	6,71	–	0,67	–	–
Чувишенка	год	2022	2018	–	2016	–	2022	–	–
	подп.	2,0	8,9	–	1,28	–	0,42	–	–
Элтияр с радио / Эльдиярчик / Элтияр Александров Чувашия	год	2022	2018	–	2023	–	2013	2023	2022
	подп.	0,27	4,2	–	0,02	–	6,5	0,02	0,79
Ан та кала	год	2022	2022	–	2022	–	2022	–	–
	подп.	2,16	1,3	–	2,62	–	0,51	–	–
Константин Малышев /Малышев К.А. malyshev_oficial / ТРК ЧНК хыпарлать	год	2022	***	2021	–	–	2017	2015	–
	подп.	0,23	2,2	0,006	–	–	7,8**	0,16**	–
Александра / Шанăçпи Урукова	год	2022	2022	–	–	–	2023	–	–
	подп.	0,19	1,87	–	–	–	0,45	–	–
OMLA	год	2022	2020	–	–	–	2022	–	–
	подп.	0,37	1,98	–	–	–	0,55	–	–

блогеры		Telegram	Instagram	TikTok	YouTube	RuTube	VK	Одноклассники	Дзен
Тăнăç / Юма Андреева / Юма / Uma	год	2022	2022	–	–	–	2017*	–	–
	подп.	0,78	1,72	–	–	–	0,23**	–	–
КАШКĂР / by.volchara Kate Volkova	год	2024 г.	2014	2021	–	–	2023	–	–
	подп.	0,36	1,16	0,09	–	–	0,34	–	–
НĔRACHA / Херача	год	2024	2018	–	–	–	2017	–	–
	подп.	0,16	1,45	–	–	–	0,13	–	–
Сухви калать	год	2023	2021	–	–	–	2012*	–	–
	подп.	0,47	0,70	–	–	–	0,33**	–	–
Александр Блинов / Алпарух / Чăвашсен «Хавал» пуçару ушкăнĕ	год	2018	***	–	2009	–	2015	–	–
	подп.	0,45	0,99	–	1,47	–	1,6	–	–
Хĕрсем	год	–	–	–	2023	–	–	–	–
	подп.	–	–	–	0,99	–	–	–	–
Улып — Чăваш культури тата Ваттисен йăли	год	2023	–	–	–	–	–	–	–
	подп.	1,1	–	–	–	–	–	–	–
кра́й	год	2023	–	–	–	–	–	–	–
	подп.	1,1	–	–	–	–	–	–	–
Чуваши как в кино	год	2023	–	–	–	–	–	–	–
	подп.	0,52	–	–	–	–	–	–	–

Примечания: * — личная страница; ** — число друзей и подписчиков; *** — информация отсутствует.

Стремительный рост чувашской блогосферы наблюдается с 2022 г. Одной из относительно новых площадок стала социальная сеть ВКонтакте, хотя отдельные сообщества и личные страницы были заведены блогерами ранее. Вновь созданные сообщества привлекают внимание разновозрастной аудитории, существенно пополнившейся после блокировки социальной сети Facebook[1] на территории РФ. Однако по числу под-

[1] Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ в марте 2022 г.

писчиков (в основном блоги насчитывают несколько сотен) она значительно уступает Instagram. Расширение чувашской блогосферы, вероятно, стало закономерным этапом в ее развитии, связанный с рядом факторов — доступностью интернета для пользователей, наличием веб-платформ, активностью молодых блогеров.

Особенно большие изменения произошли в последние годы в Telegram, ставшим одной из основных площадок активности чувашских блогеров после исключения Instagram из реестра социальных сетей в РФ в марте 2022 г. В течение 2022 г. были созданы каналы Александры / Шанăçпи Уруковой (194 подп.), «OMLA» (367 подп.), «chuv» (1,5 тыс. подп.), «Чувишенка» (2 тыс. подп.), «Тăнăç» (784 подп.), подкаст «Ан та кала» (2,1 тыс. подп.). В 2023 г. продолжился рост активности блогеров именно в Telegram — возникли каналы «Чуваши как в кино» (522 подп.), «Улып — Чăваш культури тата Ваттисен йăли» (349 подп.), «крáй» (1,1 тыс. подп.), «Сухви калать» (471 подп.), в первой половине 2024 г. — также каналы «КАШКĂР» (360 подп.) и «HĚRACHA» (156 подп.). В блогосферу вошли молодые активные творческие личности, проявившие себя в пространстве современной чувашской культуры, имеющие опыт организации и участия в медиапроектах или разработки собственных брендов стилизованной этнической одежды и украшений. Одним из популярных каналов в Telegram (1,5 тыс. подп.) является «chuv» — канал художницы Полины Осиповой, получившей мировую известность благодаря оригинальным разработкам одежды и аксессуаров, в том числе на этнической (чувашской) основе. Блогер *Savănpi* (Софья Толстова) — организатор фотоссесий чувашского костюма, мастер-классов, участник фотовыставок и разных чувашских мероприятий. Блогер *КАШКĂР* (Катя Волкова) призналась, что создала свой канал, «чтобы поделиться своими исследованиями чувашской культуры и моим поискам самой себя в этой среде» (Катя Волкова 2025). Исследовательский подход она реализует в форме виртуальных интервью с блогерами и дизайнерами этнической одежды. На своем канале автор представляет «бренд современной одежды с национальными смыслами» (Кашкăр 2025). Создатели бренда чувашских украшений «OMLA» Людмила и Вадим Семеновы, описывая свою продукцию, заявляют, что создавали ее, «опираясь на чувашскую культуру, чувствуя и интерпретируя национальную эстетику» (Чăваш капăрлăхĕ). Бренд «Хĕрача» создан сестрами Иссенкель (Изаслава) и Велла Ахтемир (Сорокины), имеет свои сайты (https://heracha.com/ru), но и каналы, на которых размещается информация о чувашском костюме, использовании традиций при разработке собственных коллекций. Telegram-канал «Сухви калать» принадлежит графическому дизайнеру Софии Кумачевой (Дизайнер Софья Кумачёва 2025), работающей также в этностилистике. Канал «Тăнăç» создан талантливым художником, дизайнером украшений Татьяной (Юмой) Андреевой.

«Взрывной» рост чувашской блогосферы в последние годы обусловлен творческой активностью молодого поколения, воспитанного на волне национально-культурного возрождения 1990-х–2000-х гг., в благоприятных для восприятия чувашского языка и культуры условиях, заложивших основы устойчивого этнического самосознания будущих чувашских блогеров. Вместе с тем это поколение было лишено возможности воспринять этнические традиции от родителей, воспитанных в советское время, но сохраняло при этом тесную эмоциональную связь с поколением бабушек и дедушек — хранителей традиций, что, вероятно, и пробудило в нем интерес к своей культурной самобытности (ПМА 7). Чувашские блогеры — в основном молодые люди в возрасте 25–30 лет, как правило, имеющие образование (часто — высшее и не одно), профессию, опыт работы, нередко в сфере IT-технологий. Появление в медиапространстве нередко

сопряжено с их профессиональной деятельностью в качестве смм-специалистов, видеографов, тележурналистов.

Важное значение для развития чувашского этноблогинга на современном этапе играет отсутствие конкуренции — блогеров, создающих и размещающих в интернете контент на чувашском языке или о чувашской истории и культуре на русском языке — единицы. Поэтому их блоги пользуются огромной популярностью среди чувашских пользователей интернета, собирают в десятки раз больше просмотров, чем блоги на русском языке (ПМА 5). Такой успех позволяет чувашским блогерам, с одной стороны, не особо заботиться о качестве контента в надежде, что пользователи примут его в любом виде (ПМА 2), но, с другой стороны, заставляет пробовать себя в разных жанрах в поиске оптимальных форм подготовки и подачи контента, выборе наиболее комфортной для ведения блога веб-платформы. При этом один и тот же блогер по-разному преподносит информацию на разных площадках в зависимости от ее направленности и особенностей пользовательской аудитории: если в Instagram публикуются зарисовки из повседневной жизни («сторис») или конкретный медиапродукт, как, например, рисунки по мифологическим сюжетам К. Кошелевой, то в TikTok преобладает развлекательный и юмористический контент. Как призналась К. Кошелева, «*на разных платформах я немного разный человек*» (ПМА 4).

В процессе определения приоритетных для себя платформ формируются и имиджевые портреты чувашских блогеров, одни в большей степени ориентированы на научно-популярный этнографический материал (К. Доброхотов, Э. Александров), другие — на развлекательно-юмористические сюжеты (К. Кошелева, К. Романова), третьи — на образовательные и социокультурные проекты (А. Блинов, А. Урукова, А. Сайкова, А. Никитина и др.). Поиск своего направления стимулирует и личностный рост блогеров, в отдельных случаях — повышение образовательного уровня, квалификации, освоение нового опыта работы с медиатехнологиями, поскольку секрет успеха блогера таится в качественной технике, интересном материале и его подаче, разнообразном контенте (ПМА 5).

Чувашский блогинг: содержание и формы представления контента

Тематика контента чувашских блогов охватывает весь спектр традиционного быта чувашей: предметы материального быта, в первую очередь, костюм, народные праздники, свадьбы. Посты, содержащие соответствующий этнически маркированный контент — это основной инструмент для репрезентации образа народа в киберпространстве. В чувашском сегменте этноблогинга доминируют три формы представления контента — видео, фотографии и тексты. Основная форма ведения блога — короткие видеосюжеты (shorts, stories, reels), тематически связанные с чувашским языком, этнокультурными особенностями: например, диалектными различиями в лексике этнографических и локальных групп, формами коммуникации, обычаями и т. д. Непродолжительные по времени и лаконичные по сюжету видеоролики призваны привлечь как чувашскую аудиторию, так и, возможно, иноязычную к интересным фактам истории и культуры народа. Такая форма преобладает на видеохостингах YouTube и RuTube, а также в Telegram-каналах, на платформах TikTok и Instagram. Контент дублируется в социальных сетях ВК и ОК.

Более продолжительные по времени тематические видеосюжеты, в частности авторские репортажи с крупных общественных мероприятий (например, сюжеты о праздни-

ках «Уяв», «Акатуй», проводимых в общероссийском масштабе) размещены на платформе YouTube. Одним из таких примеров является канал К. Доброхотова «ЧувашТВ» на платформе YouTube, на котором блогер размещает «все, что связано с чувашским народом», в т. ч. репортажи с чувашских праздников, видеопредставление чувашских традиций, например, изготовления лаптей, музыкальных инструментов, рассказы о блюдах национальной кухни, инсценировки обрядов и т. д. Контент регулярно обновляется. Постоянной темой блогов являются чувашские свадьбы, профессиональные съемки которых автор ведет в качестве приглашенного видеографа. Национальный колорит видео придают костюмы — основные участники обряда, а иногда и жених с невестой, одеты в традиционные костюмы своей этнографической группы. В целом, блогеры активно используют изображения чувашского женского и девичьего костюма и их элементов в ходе репрезентации этнического образа, особенно на платформах Instagram, YouTube, что соответствует наблюдению Н. А. Волокитиной о том, что «сейчас репрезентация идентичности большей частью визуальная» (*Волокитина* 2019: 42).

Пример текстового блогерства представлен на платформе Дзен — канал молодого чувашского журналиста и исследователя чувашского фольклора Алексея Александрова «Элтияр с радио» (762 подп.). Основной контент — это авторские тексты, более 60 статей о религии, мифологии, языке, истории чувашей. Контент отличает от блогов других авторов глубокое знание чувашского фольклора, лингвистического и этнографического материала, корректная авторская интерпретация, удачная подача в форме кратких статей. Именно поэтому блог регулярно собирал комментарии и «лайки» читателей.

Одной из продуктивных форм работы с аудиторией стали подкасты «Ан та кала» (И не говори), «Итле-ха!» (Послушай-ка), «Хĕрсем». Автор подкаста «Ан та кала» Анастасия Сайкова берет за основу интервью «*интересные проекты в регионах*», связанные, к примеру, с чувашским костюмом, но при этом планирует расширить тематику, включив и другие народы (ПМА 4). Свое начинание авторы проекта «Хĕрсем» охарактеризовали как «проект о нас — девушках из регионов в Москве». «Ломаем стереотипы, обсуждаем значимые события и хотим, чтобы о нас как чувашах узнали еще больше людей», — так обозначили свои приоритеты его авторы. Канал призван восполнить недостаток молодежного контента на чувашском языке (Хĕрсем 2025).

Значимым вопросом в ведении блогов является вопрос о языке. Чувашская блогосфера как особый сегмент выделяется на фоне других этнических блогингов по языку, выступающему одним из основных инструментов самопрезентации блогеров. Контент представлен, как правило, на чувашском языке. Однако, учитывая, что значительная часть потенциальной чувашской аудитории блогов, особенно молодежь, не владеет чувашским языком, блогеры вынуждены размещать переводы к своим видео в виде субтитров, что существенно замедляет и усложняет производство контента. Текстовые блоги также авторы чаще ведут на русском языке для расширения пользовательской аудитории. Такой подход сами блогеры и эксперты считают верным, поскольку он позволяет приобщить к чувашской культуре широкий круг интересантов, в том числе чувашей по самосознанию, но не владеющих чувашским языком (ПМА 3; 5).

Индивидуальные установки, мотивации активности чувашских блогеров

Мотивацией абсолютного большинства чувашских блогеров является неравнодушное отношение к языку, истории и культуре своего народа, желание популяризировать наиболее яркие образцы этнокультурного наследия (костюм, песни, мифы и т. д.), стимулиро-

вать функциональность чувашского языка. Вместе с тем, в этом стремлении большинство блогеров — молодые люди в возрасте 27–30 лет — ориентированы не столько на аутентичные образцы, хотя признают их эстетическую ценность и значимость для сохранения культуры, сколько на стилизованные формы, современные интерпретации традиционных элементов, авторами которых они нередко сами и являются (*Чувишенка*, *Чăваш пики, HĔRACHA, Юма* и др.). Этот осознанный шаг продиктован желанием преподнести общественности чувашскую культуру в выгодном свете. Показательно в этом отношении признание А. Сайковой, фрагмент из интервью с ней приведен ниже:

> «Чувашская культура была для меня деревенская культура, это бабушки, дедушки, их традиции, и было связано с деревенским бытом, не совсем понятно мне идеологически, но со временем рос мой кругозор, мое образование, росли мои какие-то наблюдения, у меня появился запрос на то, чтобы узнавать информацию…. И когда начала все искать, читать, на удивление, много интересного можно найти, и я понимала, насколько чувашская культура репрезентована нестильно, некрасиво. Она репрезентована как что-то вторичное... Нужно от хлама очистить и выставить в красивой оболочке… хочется сохранить, чтобы красиво, даже не сохранить, а поделиться этим» (ПМА 4).

В поисках привлекательных сюжетов чувашской истории и культуры блогеры останавливаются на популярных, ярких явлениях, таких как вышивка, украшения, в целом, народный костюм, мифы, обряды, песни. Таким образом, они открывают для себя мир чувашской культуры, но в определенном, интересующем их ключе, и в авторской интерпретации транслируют его в киберпространство, конструируя свой образ этнической культуры, сравнимый с личной музейной витриной блогера. Личные интересы и предпочтения («*показать то, что мне нравится, и то, чем я горжусь*» (ПМА 4: Сайкова) выступают, пожалуй, главным локомотивом этноблогинга. По мнению эксперта А. Никитиной, у блогеров «*нет стремления раскрыть всю глубину чувашской культуры, а рассказать о себе больше*» (ПМА 7). Как справедливо отмечает А. Г. Гаврилов, «в центре внимания этноблогеров — не сам этнос и его культура, а идентичность автора, его самопрезентация через транслирование понимания им принадлежности к тому или иному народу» (*Гаврилов* 2023: 154).

Избирательность информации в соответствии с личными вкусами («…*для меня критерий отбора — красота — хитре…*» (ПМА 4: Сайкова) и интересами блогеров («*Мне интересно, потому я это делаю*» (*Чувишенка*), тем не менее, не ограничивает их в стремлении донести и глубинные смыслы традиции. Как отметила А. Сайкова, «*мне важно, чтобы понравилось что-то идейное, исполнение, мне интересны смыслы из прошлого, очень нравится прослеживать исторические связи*» (ПМА 4). Стремление «*соединить современных творцов и традицию*» порождено желанием показать чувашский народ «*современным*», что стимулирует блогеров искать место для традиции в новом пространстве городской культуры (например, чувашский язык в городе), в мире моды (дизайнерская продукция по мотивам традиционных украшений), в медиапространстве (фильмы, видеосюжеты о чувашской истории и культуре и т. д.). Поиск новых смыслов в знакомых явлениях культуры А. Никитина, автор Телеграм-канала «Чуваши как в кино», объясняет как стремление «*найти себя и, в то же самое время, через это уникальное выйти в глобалитет, то есть стать известным благодаря своей уникальности и вписаться в эти общие тенденции, но со своим лицом, показать самого себя, какой я есть, показать свою собственную культурную идентичность*» (ПМА 7).

Этнический образ формируется блогерами на основе доступных популярных источников — книг, журнальных статей, интернет-ресурсов и т. д., следствием чего становится «приобретение» ими традиции через тексты, а не от старшего поколения. При этом они «приобретают» традицию, которой в реальности в повседневной жизни уже нет и которая, тем не менее, вдохновляет их на поиск и создание собственных образов чувашской культуры, будь то в кино или в дизайнерской одежде, а глобально — на конструирование нового образа чувашской этничности, в котором отдельные сюжеты этнической истории и традиционные элементы или же их стилизованные формы встраиваются в контуры современной культуры. По мнению А. Никитиной, «*идет процесс невероятного какого-то переосмысления и складывания другой чувашской культуры*» (ПМА 7). В этом контексте становится понятной роль блогеров как «*нью-спикеров чувашской культуры*», которые, по мнению А. Блинова, «*обновляют древнюю культуру, смотрят на нее новым, современным взглядом, чтобы сохранить старинное*» (ПМА 1).

Блоги выступают не только просветительским каналом, но и площадкой для реализации коммерческих проектов по продаже предметов декоративно-прикладного искусства (украшений, аксессуаров, картин и т. д.), развлекательных услуг — фото — и видеосъемки, организации торжественных мероприятий (К. Доброхотов, *Элтияр*), образовательных услуг (А. Урукова и др.). В этом смысле чувашская аудитория, на которую ориентированы блогеры, является одновременно и потребительской массой, которую стараются привлечь «интересным» этническим контентом. Часть блогеров не скрывает своей заинтересованности в монетизации своих блогов, как и стремление адаптировать контент под интересы подписчиков, от числа которых зависит и еще одна сторона блога как бизнес-проекта — размещение рекламы. Поэтому привлечение новых подписчиков — актуальный вопрос для блогеров, заинтересованных, прежде всего, в коммерческом успехе своего блога.

Коммерческий подход к блогингу проявляется в отношении к нему как бизнес-проекту, в котором блогеру необходимо занять свою нишу, т. е. тематику (желательно, с небольшой конкуренцией), найти клиентов (чувашских пользователей) и выбрать платформу, извлекать выгоду, «продавая» товары, услуги, наконец, информацию. Коммерчески ориентированные блогеры нацелены на площадки, которые пользуются популярностью у потенциальных потребителей — Instagram, TikTok, YouTube — и рассматривают каждую веб-платформу с точки зрения потенциальных возможностей для коммерческого блогинга (ПМА 5). Эта мотивация определяет, в свою очередь, качество контента — он должен быть легким и простым для восприятия, поскольку, как полагают блогеры, «*сейчас молодежь не хочет погружаться в умные мысли*» (ПМА 4), а «*заходит, чтобы время провести*» (ПМА 2). Этому требованию лучше всего соответствует жанр коротких юмористических видео, которые активно снимают К. Романова и ряд других блогеров (Э. Борисова, А. Яшков и др.), они же составляют основную часть контента их блогов (ПМА 5). Тема «шортов» и «рилсов» — диалектные особенности чувашского языка (наиболее популярная тема с миллионными просмотрами), фразеологизмы и другие расхожие выражения, бытовые сцены из деревенской жизни или чувашские обычаи, которые подаются в шутливой форме. Другое направление активности блогера *Чăваш пики* — записи выступлений артистов чувашской эстрады 2000-х гг. И те, и другие, по мнению автора, понятны подписчикам и вызывают у них ностальгию по малой Родине, а значит, могут привлечь больше подписчиков и обеспечить просмотры (ПМА 5).

По мнению ряда экспертов, именно коммерческий интерес лежит в основе этнического блогерства, в том числе и чувашского («*Статус этноблогера — один из путей к монетизации*» (ПМА 6)); исключение составляют каналы и подкасты, которые изначально создавались авторами «для души», как способ их самовыражения в пространстве интернета, из потребности высказаться в публичном пространстве, как хобби («Ан та кала», *Чувишенка*, «Хĕрсем»). Сами же блогеры рассматривают монетизацию как «*приятный бонус*» в качестве вознаграждения за потраченное время и усилия; создание сложного контента (видеосюжетов, видеоподкаста) требует часто собственных вложений, в том числе и средств, вырученных от монетизации блогов, поиск дополнительных источников. Кроме того, они полагают, что коммерческий успех, в свою очередь, может привлечь в эту сферу новых блогеров и стимулировать ее развитие (ПМА 4; 5).

От полной коммерциализации проектов блогеров удерживает желание сохранить творческую свободу, возможность реализовать ее в рамках хобби, а также следовать культурно-просветительской цели, с которой они начинали свои блоги (ПМА 2). По их признанию, именно стремление показать культуру родного народа другим, рассказать о ней, стимулировало активность в интернете (ПМА 3). Неслучайно пробуждение интереса к родной культуре у некоторых блогеров происходило именно в иноэтничной среде либо в городах, либо за пределами Чувашии — в Москве, за рубежом и т. д. (ПМА 4). Определенную роль сыграли и личные обстоятельства: воспитание в чувашской семье, общение со старшим поколением и даже детские травмы, полученные в ходе общения с детьми другой национальности. Для многих из них чувашская культура связана с семейными историями и переживаниями по поводу ухода старшего поколения, бабушек и дедушек, фотографии которых или даже личные вещи часто становятся поводом к размышлениям в блогах (ПМА 4; 7). Обостренное восприятие свой этничности возникало на фронтире межкультурных контактов — с друзьями, коллегами, сокурсниками, знакомыми, и это выступало в последующем триггером для этноблогинга.

Блогеры vs аудитория

Проблема обратной связи актуальна в контексте обозначенной выше коммерческой составляющей блогерства. Вместе с тем и вне этого аспекта блогеры восприимчивы к реакции виртуальной аудитории, вдохновляясь позитивными откликами и расстраиваясь от негативных примеров. Потребность в признании, лежит, по мнению самих блогеров, в природе их творчества — блогерами становятся люди, жаждущие общения с публикой и уверенные в себе при общении с ней (ПМА 5).

Большинство блогеров постоянно отслеживают интерес к своим блогам по росту / убавлению числа подписчиков, комментариям, числу просмотров и т. д. Если позитивная динамика стимулирует их творческую активность, то негативная заставляет задуматься о ее перспективах:

> «Когда снимаешь видео, на это уходит много денег и сил, и когда тебя смотрят 500 человек, то, наверно, я больше не буду выкладывать. Потому что рационально это не будет соответствовать тому, что хочется» (ПМА 4).

Чтобы увеличить число просмотров, блогеры прибегают к уловкам — могут осознанно допускать ошибки в фактах, словах, которые, как правило, вызывают волну критики со стороны пользователей, но одновременно и привлекают их внимание (ПМА 5). Одним из положительных показателей считается донат на развитие блога или на

конкретные проекты. Для креативных блогеров, не имеющих коммерческого интереса, число подписчиков не является главной мотивацией работы блога. Они уверены, что «*даже с маленьким числом подписчиков можно сделать столько классного и продвигать свою продукцию* (ПМА 4).

Одной из проблем для личностного роста чувашских блогеров является хейтерство, негативные отклики на размещаемую информацию. Такое отношение наблюдается чаще со стороны старшего поколения. Стремление блогеров транслировать традиционные ценности народа, его наследие, выраженное в мифах, сказках, костюме, художественном творчестве, сочетается с желанием выразить свою, возможно, альтернативную общепринятой точку зрения на современную жизнь, разрушить традиционные установки, стереотипы в отношении молодежи (ПМА 4), что нередко приводит к дискуссиям с возрастными пользователями интернета. Заметно более строгое отношение к контенту демонстрирует чувашская аудитория, высказывая претензии как к содержанию блогов, так и к уровню владения блогерами чувашским языком (ПМА 3). Пользователи воспринимают блогеров как специалистов в области чувашского языка, истории, культуры и требуют обстоятельных комментариев по отдельным вопросам и часто критикуют за отсутствие таковых. Любительский, часто поверхностный, взгляд на историко-культурное наследие народа, который наблюдается среди большинства блогеров, не устраивает публику и нередко приводит к длительным дискуссиям, виртуальным конфликтам в комментариях. Причиной последних могут быть и расхождения между авторами контента и пользователями интернета в «версиях» этнической истории народа, в интерпретации этнокультурной специфики (например, «почему чуваши не ели свинины?»), неприятие ее реальных проявлений («чуваши не носили лаптей») и т. д., которые вызывают жесткую взаимную критику, воспринимаемую блогерами достаточно болезненно («*тяжело читать…на душе становится грустно*» (ПМА 3). Однако, сами блогеры полагают, что такая реакция может и способствовать развитию блога, заставляя исправлять допущенные ошибки, корректировать контент и более тщательно подбирать содержание и форму подачи информации (Интервью с К. Романовой 2024). С этой точки зрения блогерство положительно влияет на личностный рост блогеров, стимулирует повышение ими своего образовательного уровня (поступление на учебу), расширение кругозора (ПМА 2; 4).

Лучшей площадкой для общения блогеры считают Telegram-каналы благодаря активной обратной связи с подписчиками («*Там ребята активные, можно отследить, какое настроение у людей, какие там есть больные точки*») и их доброжелательности («*Там единомышленники, есть поддержка»* (ПМА 4), в то время как YouTube-каналы подвергаются более жесткой критике со стороны пользователей, во многом из-за возможности оставить анонимные комментарии (ПМА 5). Популярность Telegram обеспечивает молодежная аудитория, выбирающая в последние годы именно эту платформу для коммуникации в интернете. Самая доброжелательная аудитория, по мнению блогеров, — это Instagram, где размещаемый ими чувашский контент получает поддержку, одобрение, чаще со стороны зарубежных пользователей этой сети и чувашей, живущих в отдаленных регионах России и за рубежом (ПМА 4). Этнический контент, часто на деревенскую тему, вызывает у них ностальгию по детству, родным местам (ПМА 2). Разнообразный активный отклик получают блогеры и на площадке Дзен (ПМА 3).

Привлекательность контента, его восприятие обусловлены возрастными особенностями основного контингента пользователей соцсети или веб-платформы и содержанием информации. Так, фольклорно-этнографические «зарисовки» *Элтияра* одинаково

интересны молодежи и более возрастной аудитории в ВК и Дзене, в то время как визуальный контент его блога в Instagram ориентирован скорее на молодежь (ПМА 3). В целом, блоги выступают площадкой, где пользователи могут обсудить важные с их точки зрения вопросы истории и культуры народа, происхождения чувашского языка, связей с другими языками и его распространения, трансформации культуры в современных условиях и другие интересующие их темы, которые в совокупности формируют актуальное пространство этничности чувашской пользовательской аудитории в интернете, отражают ее состояние. Этнический образ формируется в процессе обратной связи блогеров с подписчиками и читателями/зрителями контента, которая направляет и корректирует содержание блогосферы. Значима роль блогов в объединении чувашской аудитории вокруг различных тем/проблем, обсуждаемых в комментариях (ПМА 6).

Киберавторитеты и киберуспех

Роль чувашских этноблогеров в популяризации этнокультурного наследия очевидна. Благодаря им на просторах интернета растет объем этнически маркированного контента о чувашах, на чувашском языке. В этом смысле этноблогеры выступают конструкторами этничности в киберпространстве. Вместе с тем их творчество оказывает влияние непосредственно на реальную аудиторию. Благодаря популярности в виртуальном пространстве чувашские блогеры становятся признанными авторитетами и в реальном мире. Они — лидеры общественного мнения, признанные авторитеты для своих подписчиков/читателей, в большинстве — молодежи. Их узнают на улице, обращаются за советами, благодарят. Из интервью с К. Кошелевой:

> «Такие отзывы, когда люди к тебе подходят, говорят, что ты нас вдохновила, говорят слова благодарности, и это так искренне происходит, конечно, это говорит о том, что мы делаем не зря, имеем какой-то вес среди молодежи, как-то их направляем, возможно» (ПМА 4).

Благодаря блогам К. Романовой и К. Доброхотова несколько молодых людей, не владеющих чувашским языком, начали учить его, интересоваться чувашской культурой (ПМА 2; 5). По признанию К. Доброхотова, его встречают в школах «*как национального героя*», что позволяет блогеру пропагандировать среди школьников ценности народной культуры, значимость знания чувашского языка (ПМА 2). Подкаст «Ан та кала» А. Сайковой ориентирован на разновозрастную аудиторию, даже больше внешнюю, не чувашскую, и автора вдохновляет влияние создаваемого ею контента на эту часть подписчиков:

> «Я много бэков получают от московских друзей, который получают много информации о чувашской культуре через мой продукт. У меня подружка посмотрела подкаст и сама попыталась сделать чувашское украшение — ходит, звенит. И вот такие моменты мне очень нравятся» (ПМА 4).

Статус нового авторитета, носителя культурного багажа и транслятора национальных традиций (*Гаврилов* 2023: 154) накладывает на них особую ответственность, которую сами блогеры также осознают:

> «Так как мы лидеры мнений, то должны показывать народ с хорошей стороны, создавать положительные впечатления. Ведь когда смотрят блоги, создают мнение не только о блогере, но и обо всем народе. Поэтому у этноблогеров большая ответственность» (ПМА 5).

По мнению К. Малышева, именно от блогеров зависит, какая информация о чувашском народе дойдет до современного пользователя интернета:

> «Блогер — это имиджевое явление. Мы не должны показывать себя с плохой стороны» (ПМА 6).

Блогеры вполне осознают свою миссию популяризаторов чувашской культуры как внутри народа, так и вне его, видят свою роль в том, чтобы показывать молодежи пример гордости чувашской культурой. Из интервью с К. Романовой:

> «Я почему еще решила стать блогером, потому что мне не хватало современности. Мне очень хотелось создать образ «крутой» девушки, живущей в городе, не стесняющейся говорить по-чувашски, чтобы у людей не возникло ассоциации, что на чувашском говорят только в деревне и что чувашский никому не нужен» (ПМА 5).

Аналогичная мотивация стимулирует блог *Элтияра* в Instagram:

> «Я показываю, какое место занимает в моей жизни чувашское… Я выкладываю, как пою и танцую, радуюсь… Те, кто смотрит, узнает это благодаря чувашскому языку. И получается, что это рабочий язык. Не только с родителями разговаривает, но и, получив информацию из интернета, пользуется ею… Я сам решил построить свою жизнь по-чувашски» (ПМА 3).

По мнению К. Доброхотова, благодаря чувашским блогам, чуваши видят возможности использования родного языка в жизни, богатство народной культуры, что положительно влияет на их этническое самосознание (ПМА 2). Наглядно демонстрирует этот тренд, например, блогер *Savănpi* на фотосессиях в чувашских стилизованных нарядах местных брендов этнической одежды и украшений «Виҫӗ хӗвел» (Три солнца), «Омла», «Кӗмӗл Чӑваш Ен» (Серебряная Чувашия), Юмы Андреевой, Анастасии Хотиновской и др. (https://t.me/savanpiki).

Немаловажным аспектом активности чувашских блогеров является успех среди пользовательской аудитории — киберуспех, признаками которого считают, как правило, число подписчиков и просмотров, реакцию пользователей. Однако, по мнению К. Романовой, показателем успешности блогера является личный бренд, благодаря которому его знают лично и приглашают на разные мероприятия в качестве эксперта (ПМА 5). Ориентиром для чувашских блогеров являются «Дневник удмуртки» Веры Трефиловой (TikTok — 307,8 тыс., ВК — 30,1 тыс., Instagram — 23,6 тыс., YouTube — 16,4 тыс., Дзен — 900 подп.), позволившей автору стать успешным профессиональным блогером, участником разных крупных медиапроектов, или блоги татарского этноблогера Ильнура Идрисова (TikTok — 862,1 тыс., YouTube — 263 тыс., Instagram — 70,9 тыс., Telegram — 3,1 тыс., ВК — 542 подп.), также профессионально занимающего блогингом. Чувашских этноблогеров привлекает опыт успешной монетизации деятельности, востребованности в медиасообществе (ПМА 5). На этом фоне они отмечают недостатки чувашской блогосферы, например, отсутствие грамотного маркетинга, который бы позволил (по примеру татарских блогеров) демонстрировать в киберпространстве яркие явления народной культуры (ПМА 5). Большинство блогеров находятся в поиске своей ниши и пробуют разные темы, формы подачи информации, а потому не имеют оригинального концепта блогинга, что наряду со стремлением приукрасить свое окружение, показать его лучше, чем есть на самом деле, составляет существенную проблему чувашской блогосферы на данном этапе развития (ПМА 3). Тем не менее, чувашский

блогинг развивается, и его представители, делавшие свои первые шаги спонтанно, со временем начинают осмысленно относиться к нему, размышляя о перспективе чувашской блогосферы, и видят ее в конкретных медиапроектах, призванных консолидировать чувашское сообщество в киберпространстве (ПМА 4).

Заключение

Становление чувашского этноблогинга происходит в последнее десятилетие на фоне бурного развития этой сферы медиакоммуникации и под влиянием этноблогинга соседних народов. Чувашская блогосфера охватывает все популярные веб-платформы (Instagram Telegram, YouTube, ВКонтакте и др.), но предпочтение отдается площадкам с молодежной аудиторией, на которую ориентирован преимущественно контент блогеров, в большинстве также молодежи. В процессе определения приоритетных для себя платформ формируются и имиджевые портреты чувашских блогеров, связанные либо с культурно-просветительской, либо с развлекательной направленностью блогов. Мотивацией активности чувашских блогеров является стремление популяризировать наиболее яркие образцы этнокультурного наследия и стимулировать функциональность чувашского языка, прослеживается и коммерческий интерес. Основным инструментом для репрезентации образа народа в киберпространстве является этнокультурный контент, охватывающий весь спектр традиционного быта чувашей, получающий в блогах авторскую интерпретацию, благодаря чему знакомые явления народной культуры приобретают новый смысл. Блогеры конструируют новый образ чувашской этничности. Контент представлен в трех формах — видео, фотографии и тексты, основная форма ведения блога — короткие видеосюжеты. Отличительной чертой чувашской блогосферы является чувашский язык, ставший одним из основных инструментов самопрезентации блогеров.

Блоги выступают площадкой для обсуждения вопросов истории и культуры народа, которые в совокупности формируют актуальное пространство этничности чувашской пользовательской аудитории в интернете, отражают ее состояние. Этнический образ формируется в процессе обратной связи блогеров с подписчиками и читателями / зрителями контента, которая направляет и корректирует содержание блогосферы. Творческая активность блогеров оказывает влияние на реальную аудиторию, признающую их авторитет в качестве лидеров общественного мнения.

Источники и материалы

Дизайнер Софья Кумачёва 2025 — Дизайнер Софья Кумачёва: [Электронный ресурс]. https://sofia-kumacheva.tilda.ws/ (дата обращения: 03.01.2025).

Интервью с К. Доброхотовым 2023 — Интервью с К. Доброхотовым // Ан та кала [Подкаст]. Выпуск от 24.09.2023 г. ВКонтакте: [Электронный ресурс]. https://vk.com/podcast-219584113_456239102 (дата обращения: 24.09.2023).

Интервью с К. Романовой 2024 — Интервью с К. Романовой // Ир пулсан. Эфир Национального телевидения Чувашии от 21.02.2024 г. ВКонтакте: [Электронный ресурс]. https://vk.com/video-216452215_456241039 (дата обращения: 28.03.2025).

Катя Волкова 2025 — Катя Волкова Канал посвящен моим собственным исследованиям чувашской культуры в нынешнее время и моим поискам самой себя в этой среде. Телеграм-канал: [Электронный ресурс]. https://t.me/kashkartumlan (дата обращения: 1.04.2025).

Кашкăр 2025 — Кашкăр Бренд одежды. ВКонтакте: [Электронный ресурс]. https://vk.com/

kashkar_byvolchara?w=club219533030 (дата обращения: 03.01.2025).
ПМА 1 — Полевые материалы автора (ПМА) 1. 2023, г. Чебоксары. Интервью с А. Блиновым.
ПМА 2 — Полевые материалы автора (ПМА) 2. 2023, г. Чебоксары. Интервью с К. Доброхотовым.
ПМА 3 — Полевые материалы автора (ПМА) 3. 2023, г. Чебоксары. Интервью с А. Александровым.
ПМА 4 — Полевые материалы автора (ПМА) 4. 2024, г. Казань. Интервью с А. Сайковой и К. Кошелевой.
ПМА 5 — Полевые материалы автора (ПМА) 5. 2024, г. Казань. Интервью с К. Романовой.
ПМА 6 — Полевые материалы автора (ПМА) 6. 2024, г. Казань. Интервью с К. Малышевым.
ПМА 7 — Полевые материалы автора (ПМА) 7. 2024, г. Чебоксары. Интервью с А. Никитиной.
Хĕрсем 2025 — Хĕрсем_2 февр. 2023 г.: [Электронный ресурс]. https://www.youtube.com/@nastyaksusha (дата обращения: 03.01.2025).
Чăваш капăрлăхĕ 2025 — Чăваш капăрлăхĕ Чувашские Украшения Omla: [Электронный ресурс]. https://omla.space/ (дата обращения: 03.01.2025).

Научная литература

Белоруссова С. Ю. Коренные малочисленные народы России: виртуальная этничности и сетевые опыты // Этнография. 2022. № 4. С. 84–111.
Волокитина Н. А. Этническая культура и репрезентация этнической идентичности в интернет-пространстве // Культурология. 2019. № 3 (33). С. 39–45. https://doi.org/10.34130/2223-1277-2019-3-39-45
Гаврилов А. Г. Чувашские этноблогеры как субъекты медиасреды: языковые практики самопрезентации // Язык и слово. Сборник статей Всероссийской научной конференции (Чебоксары, 23 ноября 2023 года) / ред. Г. Е. Корнилов, А. М. Иванова, Е. Р. Якимова. Чебоксары: ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2023. С. 153–157.
Гарифуллин В. З., Закиров Л. П. Роль блогосферы в развитии национального интернет-пространства // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160. Кн. 4. С. 872–883.
Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Виртуальная этничность и киберэтнография. СПб.: МАЭ РАН, 2021. 280 с.
Головнев В. А. Медиатрансформации в этнографии и рождение этноблогинга (на примере хантов реки Тромъёган) // Этнография. 2021. № 4 (14). С. 186–210.
Головнев В. А. Эвенкийский этноблогинг: виртуальная самопрезентация и теория социальной драматургии // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 129–146. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/129-146
Граждан Е. Н. Лингвокультурный типаж «блогер» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10 (88). С. 84–87. https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.17
Киссер Т. С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 64–84. https://doi.org/10.17223/2312461X/24/4
Döring N. Identität + Internet = Virtuelle Identität? // Forum Medienethik. 2000. № 2. P. 65–75.
Rötzer F. Interaktion — das Ende herkömmlicher Massenmedien // Medien und Öff entlichkeit. Positionierungen, Symptome, Simulationsbrüche. München, 1996. P. 96–114.

References

Belorussova, S. Yu. 2022. Korennye malochislennye narody Rossii: virtual’naia etnichnost’ i setevye opyty [Indigenous Small-Numbered Peoples of Russia: Virtual Ethnicity and Network Experiences]. *Etnografiia* 4: 84–111.
Döring, N. 2000. Identität + Internet = Virtuelle Identität? [Identity + Internet = Virtual Identity?]. *Forum Medienethik* 2: 65–75.
Gavrilov, A. G. 2023. Chuvashskie etnoblogery kak sub”ekty mediasredy: iazykovye praktiki samoprezentatsii [Chuvash Ethnobloggers as Subjects of the Media Environment: Linguistic Practices of

Self-Presentation]. In *Yazyk i slovo. Sbornik statei Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (23 noiabria 2023)* [Language and Word. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (November 23, 2023)], ed. by G. E. Kornilov, A. M. Ivanova, E. R. Yakimova. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I. N. Ul'ianova. 153–157.

Garifullin, V. Z., and L. P. Zakirov. 2018. Rol' blogosfery v razvitii natsional'nogo internet-prostranstva [The Role of the Blogosphere in the Development of the National Internet Space]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriia «Gumanitarnye nauki»* 160 (4): 872–883.

Golovnev, A. V., S. Yu. Belorussova, and T. S. Kisser. 2021. *Virtual'naia etnichnost' i kiberetnografiia* [Virtual Ethnicity and Cyberethnography]. Saint Petersburg: Muzei antropologii i etnografii imeni Petra Velikogo Rossiiskoi akademii nauk. 280 p.

Golovnev, V. A. 2021. Mediatransformatsii v etnografii i rozhdenie etnobloginga (na primere khantov reki Trom"egan) [Mediatransformation in Ethnography and the Birth of Ethnoblogging (The Case of the Khanty of the Tromyegan River)]. *Etnografiia* 4 (14): 186–210.

Golovnev, V. A. 2024. Evenkiiskii etnobloging: virtual'naia samoprezentatsiia i teoriia sotsial'noi dramaturgii [Ethno-Blogging among the Evenks: Virtual Self-Presentation and the Theory of Social Dramaturgy]. *Vestnik antropologii* 2: 129–146. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/129-146

Grazhdan, E. N. 2018. Lingvokul'turnyi tipazh «bloger» [Linguocultural Type "Blogger"]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* 10 (88): 84–87. https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-10-1.17

Kisser, T. S. 2019. Virtual'naia identichnost' rossiiskikh nemtsev [The Virtual Identity of The Russian Germans]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 64–84. https://doi.org/10.17223/2312461X/24/4

Rötzer, F. 1996. Interaktion — das Ende herkömmlicher Massenmedien [Interaction — the End of Traditional Mass Media]. In *Medien und Öff entlichkeit. Positionierungen, Symptome, Simulationsbrüche* [Media and the Public. Positionings, Symptoms, Simulation Breaks], ed. by R. Maresch. München: Boer. 96–114.

Volokitina, N. A. 2019. Etnicheskaia kul'tura i reprezentatsiia etnicheskoi identichnosti v internet-prostranstve [The Ethnic Culture and the Representation of Ethnic Identity Through the Internet]. *Kul'turologiia* 3: 39–45. https://doi.org/10.34130/2223-1277-2019-3-39-45

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/207-222
Научная статья

© З. А. Махмутов

ТАТАРСКИЕ ВИРТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ, ФУНКЦИИ И РИСКИ КОНФЛИКТОГЕНОСТИ

Данная статья посвящена изучению татарских виртуальных сообществ (Интернет-сообществ, онлайн-сообществ, сетевых сообществ) в киберпространстве. Основной целью исследования стало определение их значимости в современных этнокультурных процессах. Для достижения обозначенной цели были рассмотрены история появления, востребованность и функции татарских виртуальных сообществ. Также были проанализированы особенности репрезентации этничности в Интернете. Одним из главных методов изучения стали онлайн-наблюдение, а также дискурс-анализ. Исследование показало важную роль, которую в настоящее время играют татарские виртуальные сообщества в жизни народа. Через киберпространство они объединяют дисперсно расселенных представителей данной этнической группы, создают ощущение ее социальной сплоченности и культурной интеграции, актуализируют когнитивный компонент этнической идентичности. Татарские онлайн-объединения являются своеобразным архивом коллективной памяти, площадками использования и изучения национального языка, а также местом для политических дискуссий и этнической солидарности. Дискурс-анализ контента виртуальных сообществ позволил выявить важные компоненты репрезентации этнической идентичности татар и этнокультурные символы, транслируемые группой в виртуальное пространство. Исследование киберэтничности открывает новые возможности в изучении этнокультурных процессов у разных народов.

Ключевые слова: *киберэтничность, виртуальные сообщества, Интернет-сообщества, онлайн-сообщества, сетевые сообщества, татары*

Ссылка при цитировании: *Махмутов З. А.* Татарские виртуальные сообщества: репрезентация идентичности, функции и риски конфликтогенности // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 207–222.

Махмутов Зуфар Александрович — д. и. н., ведущий научный сотрудник, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Российская Федерация, 420039 Казань, ул. Исаева, д. 12). Эл. почта: zufar@inbox.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1063-4061

*Публикация подготовлена по государственному заданию № 0599-2019-0043 «Проблема отклоняющегося поведения в системе современного человековедения».

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/207-222
Original Article

© Zufar Makhmutov

TATAR VIRTUAL COMMUNITIES: IDENTITY REPRESENTATION, FUNCTIONS AND CONFLICT RISKS

This article is devoted to the study of Tatar virtual communities in the cyberspace. The primary objective of the study was to evaluate their role in the contemporary ethnocultural processes among the Tatars. We examined the history and functions of Tatar online communities and the demand for them. We also studied how ethnicity is manifested in cyberspace using the methods of online observation and discourse analysis. The study demonstrated that virtual communities play an important role in the current ethnocultural processes among the Tatars. They create a sense of social cohesion and cultural integration, unite dispersed communities, actualize the cognitive component of ethnic identity, serve as an archive of collective memory, a platform for the use and study of the national language, and a place for political discussions and manifestations of ethnic solidarity. Discourse analysis of the content created by virtual communities allowed us to identify important components of the Tatar ethnic identity and ethno-cultural symbols broadcast by the group in the virtual space. The study of cyber-ethnicity opens new opportunities in the study of ethnic processes among different peoples.

Keywords*: cyberethnicity, virtual communities, Internet communities, online communities, online communities, Tatars*

Author Info: **Makhmutov, Zufar A.** — Doctor of History, Senior Researcher, the Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Kazan, Russian Federation). E-mail: zufar@inbox.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-1063-4061

For citation: Makhmutov, Z. A. 2025. Tatar Virtual Communities: Identity Representation, Functions and Conflict Risks. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 207–222.

Funding: The research was conducted within the framework of the state assignment № 0599-2019-0043.

Введение

Развитие новых коммуникационных технологий, в частности Интернета, кардинально меняет все традиционные представления об обществе и общественных связях. Интернет выводит социальные взаимодействия из пространственных и временных контекстов. В пространстве потоков важнее становится связь, а не локация (*Hine* 2000: 85). Как отмечает М. Кастельс, «локации высвобождаются из своего культурного, исторического, географического значения и реинтегрируются в функциональные сети или в коллажи изображений, создавая пространство потоков, заменяющее пространство мест…» (*Castells* 1996: 375). Исследователь считает, что отношения между местом и потоками возможны, но «не предопределены» (*Castells* 1996: 423).

Цифрофизируются разные сферы жизни, в том числе этническая. Представители этнических групп, проживающих в разных уголках мира, создают виртуальные сообще-

ства, используя возможности Интернета. Можно согласиться с мнением исследователей А. В. Головнева, С. Ю. Белоруссовой, Т. С. Киссер, согласно которому эта активность связана с тем, что Интернет для диаспор и этнических меньшинств замещает одно из оснований этничности — «единство территории» (*Головнев* и др. 2018: 100).

К. Диамандаки обращает внимание на то, что так называемое, киберпространство позволяет поддерживать коммуникацию между членами этнических групп, поднимает моральный дух. В то же время виртуальная паутина является своеобразным архивов коллективной памяти, площадкой для этнополитических заявлений и дискуссий, платформой для изучения национального языка и истории (*Diamandaki* 2003). Исследователь также полагает, что всемирная паутина может использоваться этническими меньшинствами и для развития стратегических альянсов с низовыми активистами, тем самым давая им возможность оказывать глобальное давление на свои правительства (*Diamandaki* 2003: 32). Во многом солидарен с К. Диамандаки Р. Саундерс. По его мнению, Интернет позволяет разным этническим образованиям самостоятельно формировать медийный контент, содержащий специфические символы и смыслы, и сохранять свою культуру (*Saunders* 2011: 197).

Т. Эриксен рассматривает киберпространство как площадку для объединения этнонациональных групп, куда они вынуждены уйти под давлением действий правительственных структур или разных обстоятельств. В таких условиях сотрудничество не может быть реализовано вне виртуального пространства. Ученый считает, что интернет-ресурсы для наций помогают создать ощущение социальной сплоченности и культурной интеграции (*Eriksen* 2007). Исследователи А. Линдридж, Д. Хендерсон, А. Экпо связывают активность этнических потребителей в Интернете с противодействием дискриминации, общими интересами, конструированием позитивной этнической идентичности (*Lindridge* et. al. 2015).

В настоящее время в России активно изучаются самые разные этнические сообщества, в т. ч. кряшенские, нагайбакские, немецкие, русские саамские, татарские, чувашские и др. (*Белоруссова* 2018; *Киссер* 2019; *Сибгатуллин* 2008; *Махмутов, Габдрахманова* 2016; *Федорова* 2020; *Разумова, Сулейманова* 2021; *Ягафова* 2024).

С исследовательской точки зрения, этнические виртуальные сообщества интересны нам как механизм репрезентации реальной идентичности и этнических процессов в киберпространстве. Репрезентацию реальной идентичности в интернете многие исследователи называют виртуальной (*Астафьева* 2007). Сравнивая виртуальную и реальную идентичность, Е. Солдатова и Д. Погорелов отмечают, что вторая более аутентична, в то время как первая очень часто связана с психологическими масками (*Солдатова, Погорелов* 2018: 114). Некоторые исследователи обращают внимание на факты смены одной этнической идентичности другой в виртуальном пространстве, называя это «этническим туризмом» (*Nakamura* 2002).

Однако необходимо отметить, что ряд современных исследований свидетельствует о том, что пользователи социальных сетей в основном предоставляют о себе достоверную информацию, и это касается не только формальных социально-демографических характеристик, но и личностных особенностей (*Yurchisin* et. al. 2005), а национальность в меньшей степени подвергается фальсификации в виртуальном пространстве чем такие категории, как имя, возраст, семейное положение, внешность, хобби и т. д. (*Белинская* 2016*; Back* et. al. 2010).

И. Ким, Дж. Юнг, С. Болл-Рокич акцентируют внимание на том, что современная виртуальная этничность в большинстве случаев обладает свойством контекстной об-

условленности, которая выражается в связях этнической идентичности пользователей социальных сетей со сложным комплексом факторов, окружающих их в оффлайн-пространстве: конкретного места и времени пребывания, этно-расового состава окружения и индивидуальных особенностей социоэкономического положения (*Kim* et. al. 2007).

Таким образом, виртуальную этническую идентичность правомерно воспринимать как проекцию реальной, принимая во внимание некоторые искажения.

Методология

Этническая идентичность рассматривается нами с позиции социального конструктивизма (*Barth* 1969; *Anderson* 1991). Важную роль в информационную эпоху при конструировании «воображаемого сообщества» начинают играть интернет-активисты, в том числе администраторы сообществ. Они формируют медийный контент для представителей своей этнической группы, наполняя его символами и смыслом. Одним из главных методов исследования стали онлайн-наблюдение, а также дискурс-анализ. Для обработки большого массива данных мы использовали приложение Popsters (popsters.ru) и «AdSpoiler» (https://adspoiler.com). Приложение Popsters позволяет обрабатывать цифровые следы, устанавливать популярность того или иного контента среди аудитории. Популярность измеряется при помощи коэффициента вовлеченности ER post, который рассчитывается как отношение суммы лайков, репостов, комментариев к количеству пользователей. Приложение «AdSpoiler» может производить анализ численности сообществ, ее динамики, подсчет активных пользователей.

Татарские онлайн-сообщества

История татарского Интернета (Татнета) берет свое начало в 1994 г. В это время татары, проживавшие в США и Турции, создали e-mail-рассылку TMG (англ. Tatar e-Mail Group) по обмену сообщениями и файлами. В 1995 г. появился сайт «Татарстан в сети Интернет», в 1996 г. — сайт «Самарские татары», в 1997 г. — сайт татарского исполнителя Алхана Акидила и т. д. (*Сибгатуллин* 2008). В 2003 г. начал свою работу раздел Википедии на татарском языке. В настоящее время в нем насчитывается более 500.000 статей, написанных как на кириллице, так и на латинском шрифте. По количеству статей татарская Википедия занимает 31 место в мире среди всех секций и второе место среди секций на тюркских языках, уступая лишь турецкому. Появившиеся в середине 2000-ых годов социальные сети позволили иметь персональный профиль: установить фото, указать личные данные, выражать свое собственное мнение, оставляя лайк, комментарий или делая репост, общаться и обмениваться информацией с контактами из повседневной жизни, выбрать сообщества по интересам и активно коммуницировать с единомышленниками. В середине 2000-ых годов на площадках социальных сетей «OK» («Одноклассники»), «VK» («ВКонтакте») стали формироваться многочисленные татарские сетевые сообщества. Татарские виртуальные сообщества можно условно разделить на нескольких типов: трансграничные, локализованные, этнонишевые. В трансграничных сообществах главным маркером консолидации подписчиков выступает идентичность, а регион их проживания не имеет значения.

К популярным татарским трансграничным объединениям можно отнести группы:

- «Татары и татарочки» (Татары и татарочки), 132285 участника на 21.01.2025;

- «Татарлары | Татарлар | Татары» (Татарлары), 180091 участника на 21.01.2025;
- «ВСЕ ТАТАРЫ НА «ОДНОКЛАССНИКАХ»» (Все татары на одноклассниках), 65932 участника на 21.01.2025 и т. д.

Однако стоит отметить, что данные сообщества все равно объединяют татар, проживающих преимущественно на территории России. Согласно данным приложения «Adspoiler», например, лишь только около 10% подписчиков группы «Татары и татарочки» и «Татарлары | Татарлар | Татары» находятся за пределами России (AdSpoiler 2025).

Существуют множество онлайн сообществ, которые консолидируют татар, проживающих в какой-то конкретной местности (городе, области, стране). К многочисленным татарским локализованным сообществам можно отнести группы:

- «Татары и татарочки Москвы» (Татары и татарочки Москвы), 18803 участника на 21.01.2025;
- ******ТАТАРЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ******» (Татары Нижегородской), 4082 участника на 21.01.2025;
- «Татары Узбекистана») (Татары Узбекистана), 2196 участников на 21.01.2025 и т. д.

В группе «Татары Узбекистана» администратор амбициозно заявляет, что эта площадка должна стать важным местом для общения местных татар и их взаимопомощи:

*«*Часто слышим, что Татарской Молодежи Узбекистана почти негде общаться... Давайте попробуем здесь, создадим поистине дружную атмосферу))) Можно друг друга увидеть, обсудить интересные темы, назначить встречи, мероприятия, потом разместить красочные фото))))), а также постараться по мере возможности протягивать руку помощи, в трудную минуту.. от этого крепнет настоящая дружба*...»* (Татары Узбекстана: 30.10.2024).

Часто подобные татарские локализованные виртуальные сообщества создаются также для того, чтобы проводить реальные действия в оффлайн формате: играть в волейбол, помогать в проведении ифтаров, организовывать праздники и просто общаться и т. д.

Причиной организации татарских виртуальных сообществ является и стремление татар слушать национальные песни, совершенствовать знание национального языка, а также интерес к исламу и истории своего народа (этнонишевые сообщества). Многие татары, используя Интернет, пытаются найти брачного партнера своей национальности. Популярными в этнической группе сайты знакомств «Анаем» (Анаем), «Tatarlove» (Tatarlove) и такие сетевые сообщества, как «Знакомства для татар и татарочек | Татары России» (Знакомства для татар и татарочек, 75068 участников на 21.01.2025) и «Знакомства для татар» (Знакомства для татар, 35115 участников на 21.01.2025) и др.

Идентичность

Виртуальная идентичность татар тесно связана с позитивным образом «мы». В социальной сети «VK» есть группы с названием «АКЫЛЛЫ ТАТАРИН» (Акыллы татарин, 100740 участника на 21.01.2025), «Дәртле Татарлар» (Задорные татары) (Дәртле Татарлар, 99163 участника на 21.01.2025) или «ОЯТСЫЗ ТАТАРИН» (Наглый татарин) (Оятсыз татарин, 94066 участника на 21.01.2025). В контенте сообществ артикулируются позитивные татарские стереотипы:

«татары грамотные (Кызык-мызык 1), сплоченные (Типичный татарин 1), целеустремленные и предприимчивые (Татары и татарочки 1), сильные духом (Тата-

ры и татарочки 2), хозяйственные, созидательные (Татары и татарочки 3), трудолюбивые (Татары и татарочки 4), бережливые (Кызык-мызык 2), уважающие старших и ведущие трезвый образ жизни (Татары и татарочки 5), а татарочки самые красивые (Кызык-мызык 3).

В одной из публикаций в группе «Татары и татарочки» приводятся воспоминания татарского балетмейстера Х. М. Нуреева, актуализирующего оппозицию «мы» — «они»:

«Я не могу точно определить, что значит для меня быть татарином, а не русским, но я в себе ощущаю эту разницу. Наша татарская кровь течет как-то быстрее и готова вскипеть всегда. И, однако, мне представляется, что мы более вялые, чем русские, более чувственные; в нас некая азиатская мягкость и вместе с тем горячность наших предков, этих великолепных худощавых всадников. Мы — странная смесь нежности и грубости, сочетание, которое редко встречается у русских; вероятно, именно поэтому я обнаружил такую близость со многими героями Достоевского. Татары быстро воспламеняются, быстро лезут в драку. Они самонадеянные, но в то же самое время страстные, а временами хитрые, как лисы. Татарин — хороший комплекс звериных черт, — и это то, что есть я» (Татары и татарочки 6).

Самой популярной в группе «Татары и татарочки» стала публикация, где сатирик М. Задорнов сравнивает Россию и Татарстан, а также татар и русских:

«…Здесь (в Татарстане — *З. М.*) большая часть народа умеет работать. Здесь почти нет гастарбайтеров. Зачем они нужны, если татары сами работящие. Это в Москве москвичи не хотят работать, зарплаты, видите ли, маленькие… Почему русские деревни похожи на развалины? Почему никто не занимается фермерством? У любого русского спроси, почему он не хочет ферму организовать, ответит — законы ему, видите ли, мешают. Но законы-то в России и в Татарстане одинаковые. Почему татарским земледельцам законы не мешают?... А ещё чему можно поучиться у татар? Это уважению к своим корням» (Татары и татарочки 7) (1,575 лайков, 234 репоста, 39 комментариев на 31.10.2024 ERpost = 1.63% при среднем 0.140%).

Активизация автостереотипов осуществляется также через лозунги и призывы, например: «Мы можем!» «*Без булдырабыз!*» (Татары и татарочки 8), «*Татары рулят!*» (Кызык-мызык 4) и т. д.

О наличии тюркского компонента в виртуальной идентичности татар свидетельствуют, например, публикации в группе «Татары и татарочки» с подписью на татарском и турецком языках «*Берлектә көч! /Birlikte gücümüz!*» (Наша сила вместе! — *З. М.*) на фоне флагов Татарстана, Турции, Узбекистана и Азербайджана (Татары и татарочки 9), или «*Türk milleti bölünmez ber bütündür*» (Тюркский народ неделим и един! — *З. М.*) (Татары и татарочки 10). Одним из популярных комментариев к публикации стали комментарии «*Яшасын бирлигимиз!*» (Да здравствует наш союз — *З. М.*) и «*Салам тюркоязычным братьям!»* (Татары и татарочки 9). Однако образ государства Туран (в отличие от Золотой Орды или Татарстана) в контенте сообщества практический отсутствует. Российская идентичность у подписчиков татарских виртуальных сообществ проявляется слабо.

Крайне редко в контенте сообщества можно встретить поздравление с Днем России от участников сообществ или администратора (отмечается 12 июня).

В группе «Татары и татарочки» на вопрос администратора сообщества: «*Кто как относится к этому дню? Кого поздравить? Кому не нравится этот праздник? Для*

кого этот праздник не имеет значения?» (Татары и татарочки 11) наиболее популярным ответом стал: «*Мин андый «бэйрэмнэрне» котламыйм*» («Я этот “праздник” не отмечаю» — *З. М.*). В группе администратор сообщества отмечает, что гражданство для татар не имеет особого значения:

> «У Татар может быть различное гражданство: Российской Федерации, Казахстана, Узбекистана, Финляндии, США, Германии, Турции и другие. Но где бы мы ни жили, везде должны оставаться Татарами!» (Татары и татарочки 12).

Культура и язык

Для этнической группы наиболее востребованным компонентом в онлайн пространстве является татарская музыка. Наиболее многочисленные татарское сообщество «Иң шәп татарча җырлар» (Самые лучшие татарские песни) в социальных сетях «VK» и «OK» (Иң шәп татарча: VK, 403038 участника на 21.01.2025) (Иң шәп татарча: OK, 7817 участника на 21.01.2025), телеграмм- каналы «Татарча яңа жырлар | Татарские песни» (Татарча яңа жырлар, 10566 участника на 21.01.2025), «Татарча җырлар / Татарская музыка» (Татарча жырлар, 8556 участника на 21.01.2024). Эти виртуальные платформы были созданы активистами для того, чтобы татары имели возможность прослушать национальные песни и смотреть музыкальные видео-клипы, а также узнать новости из музыкальной жизни. Вторыми по популярности следуют ресурсы, предназначенные для чтения татарского юмористического контента. Главным из них который является сообщество «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор)» (Интересное жужжание (Татарский юмор) в социальной сети «VK» (Кызык-мызык: VK, 189651, участник на 21.01.2025), в «OK» (Кызык-мызык: OK, 15451 участник на 21.01.2025), в телеграмм-канале (Кызык-мызык: TG, 1668 подписчиков на 21.01.2025). Многочисленны татарские паблики, где можно узнать или самому поделиться рецептами татарскими национальных блюд: «ТАТАР ХАЛЫК АШЛАРЫ (Татарская народная кухня)» в социальной сети «OK» (Татар халык, 72391 участник на 21.01.2025), и «ТАТАР АШЛАРЫ | ТАТАРСКИЕ РЕЦЕПТЫ | ТАТАРЧА ГАЗЕТА» (Татарская еда, татарские рецепты, татарская газета) в социальной сети «VK» (Татар ашлары, 145834 участника на 10.07.2024).

В трансграничных татарских сообществах культурный контент так же достаточно разнообразен. В группе «Татары и татарочки» публикуются не только аудиозаписи татарских песен и татарские стихи (Татары и татарочки 13), но и комиксы (Татары и татарочки 14), сказки (Татары и татарочки 15), пословицы (Татары и татарочки 16), рекомендуются для просмотра фильмы на татарском языке (Татары и татарочки 17) и театральные постановки (Татары и татарочки 18).

Многие виртуальные сообщества татар образовались на теме обучения татарскому языку (группы «Учим татарский язык!» (Учим татарский), 71090 участника на 21.01.2025; «ӘЙДӘ! ONLINE — ИЗУЧАЕМ ТАТАРСКИЙ» (Әйдә! Online), 13036 участника на 21.01.2025 или его защите и популяризации («Татар ата-аналары / Татароязычные родители» (Татар ата-аналары), 12866 участника на 21.01.2025).

Группа «Татар ата-аналары / Татароязычные родители» была создана 8 сентября 2017 г., после того как федеральные власти решили сделать преподавание татарского языка в школах добровольным в республике. Численность группы быстро достигло более 12000 подписчиков (*Махмутов* 2021: 2595).

На этой площадке сообщества активисты заявили, что они требуют:

- «преподавания татарского языка как государственного в обязательном порядке наравне с русским во всех общеобразовательных учреждениях Республики Татарстан, как основу межнационального мира и согласия между народами Республики Татарстан;
- открытия и наличия в достаточной степени школ с татарским языком обучения, татарских классов в общеобразовательных учреждениях;
- возможности сдачи Единого государственного экзамена на татарском языке как языке обучения;
- возможности обучаться на татарском языке в вузах, а также защищать научные степени» (Татар ата-аналары, на 31.10.2024).

Татарские активисты использовали также сообщество для новостного информирования, координации коллективных действий (администраторы группы «Татарата-аналары / Татароязычные родители» собирали подписи под открытым письмом В. В. Путину с требованием сохранить изучение татарского языка как государственного) как площадку для дискуссии, инструмент консолидации и увеличения численности сторонников. Дискурс анализ контента паблика показал, что подписчики косвенно участвовали и в радикализации конфликта, транслируя на аудиторию «образы врагов» и ложную атрибуцию (*Махмутов* 2021: 2595).

В виртуальном пространстве также прослеживаются символьная и коммуникативная функции языка.

В контенте сообщества «Татарата-аналары / Татароязычные родители» можно найти следующие утверждения:

> «Крайне важно помнить, кто вы, язык — это культурный код народа, нации, его костяк» (Татар ата-аналары 1);

> «Спасибо вам, Асия Закировна и Роза Кирамовна (учителя татарского языка. — *З. М.*). Сейчас я вижу, как много вы сделали. Вы всё-таки сделали нас татарами» (обучив татарскому языку. — *З. М.*) (Татар ата-аналары 2).

Администраторы сообщества «Татары и татарочки» считают, что национальный язык хранит религию (Татары и татарочки 19) и историю татар (Татары и татарочки 20). Подписчики пишут в паблике, что национальный язык красивый и могучий (Татары и татарочки 21) и он является основой нации (Татары и татарочки 22).

Татарский язык продолжает использоваться как основное средство коммуникации во многих татарских пабликах («Татарча жырлар| Татарские песни, татарская эстрада», «КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор)), в то же время в некоторых из них, например, в группе «Татары и татарочки», преобладает уже русский язык.

Ислам

Несмотря на то что среди татар есть и христиане (кряшены), важнейшее влияние на идентичность и этнические процессы народа оказывает ислам.

Администраторы сообщества «Татары и татарочки» подчеркивают уникальность татарского ислама, заключающийся в его устойчивости и умеренности:

> «Есть в татарском Исламе что-то настоящее, базисное, что делает его настолько устойчивым и несмотря на отдаленность от центров Исламской цивилизации

близким к пророческому идеалу. Отсутствие отступлений, сколько-нибудь значительных ересей, тяготение к умеренному наиболее адекватному Исламу и удивительно, и, на первый взгляд, необъяснимо» (Татары и татарочки 23).

В татарских пабликах можно найти много сообщений с видеоописаниями порядка совершения намаза на примере женщины (Татары и татарочки 24), проповеди пророка Мухаммада (Татары и татарочки 25), суры из Корана (Татары и татарочки 26), способы саадака (Татары и татарочки 27), время намазов, сухура и ифтара в г. Казани (Татары и татарочки 28) и т. д.

Одними из популярных публикаций, вызывающих реакцию пользователей в татарских сообществах, являются поздравления с мусульманскими праздниками. Девизом группы «Татары и татарочки» является «Ислам. Нация. Родина» (Татары и татарочки). Администраторы виртуального сообщества отмечают, что ислам стал одной из главнейших черт татарского народа (Татары и татарочки 29) и спас татарскую нацию (Татары и татарочки 30). Они используют также различные эффектные изображения, нередко с юмором, чтобы подчеркнуть важность ислама. На одном из них изображён младенец, сопротивляющийся крещению (Кызык-мызык 5). Принятие ислама другими народами, в том числе русскими, делает их близкими и своими для членов татарских виртуальных сообществ. Статьи по этой теме в группе «Татары и татарочки» сопровождаются такими лексическими единицами, как «братья» или «*Машаллах*» (междометное выражение, часто используемое в арабских и других мусульманских странах как знак изумления, радости, хвалы и благодарности Богу — *З. М.*). Таким образом, религия играет важную роль и в формировании векторов межэтнического взаимодействия.

Происхождение

В условиях постепенной утраты татарами знания своего национального языка все большую роль начинает играть для них фактор происхождения. Интерес татар к своей национальной истории подтверждает существование в Интернете таких сообществ, как «Старинные татарские фотографии | Иске сурәтләр» (Старинные татарские фотографии), 12919 участников на 21.01.2025, «История татар» (История татар), 3780 участников на 21.01.2025, «Лилия Габдрафикова Татар йорт» (Лилия Габдрафикова Татар йорт), 1467 участников на 21.01.2025.

Большой исторический контент представлен в группе «Татары и татарочки». В нем уделяется внимание таким трагическим событиям из жизни казанских и крымских татар, как взятие Казани Иваном Грозным (Татары и татарочки 31), голод 1920–1921 гг. (Татары и татарочки 32), депортация из Крыма в 1944 году, которая получила название «Татарская «Катынь»» (Татары и татарочки 33).

Актуальной темой является и вопрос этногенеза татар. Администраторы группы «Татары и татарочки» ставят следующий вопрос для голосования подписчиков: «*Татары — уникальная нация, исторически проживающая между Азией и Европой, но все же кто мы?*». В голосовании приняло участие более 700 человек, и ответы их разделились с небольшим перевесом в пользу «европейского», а не «азиатского» происхождения (Татары и татарочки 34).

С заголовком «Очень интересная статья!» администраторы сообщества приводят ссылку на публикацию директора Института истории Рафаэля Хакимова: «На самом деле, русские не более европейцы, чем татары» в Интернет-издании «Бизнес-онлайн»

(Татары и татарочки 35). Таким образом, ось «Азия — Европа» или «Восток — Запад» является актуальной в национальном публичном дискурсе виртуального сообщества. Одним из исторических примеров успешной государственности татар в публикациях сообщества предстает Золотая Орда, которая давала своим подданным защиту от иноземных нападений, собирала небольшие налоги и предоставляла все условия для развития торговли (Татары и татарочки 36). Это древнее государство является символом единения многих тюркских народов, в том числе крымских и казанских татар (Татары и татарочки 37), что, очевидно, важно для конструирования тюркской идентичности.

Другие символы идентичности

Помимо языка, культуры, религии, происхождения, важным символом татарской идентичности выступает образ успешного государства — Республики Татарстан. В группе «Татары и татарочки» можно найти следующие публикации о Республике.

> «Мы гордимся нашим Татарстаном! 2015 г. для нашей республики был непростым, но Татарстан подтвердил известный слоган Минтимера Шаймиева: «Без булдырабыз».
>
> Судите сами:
>
> — Татарстан — единственная республика в РФ, которой удалось отстоять должность президента;
>
> — Татарстан продемонстрировал, что способен вести самостоятельную внешнюю политику (что оговорено в конституции РТ).
>
> В отличие от остальных субъектов РФ Татарстан сохранил связи с Турцией;
>
> — Татарстан на высшем уровне провел чемпионат мира по водным видам спорта.
>
> Мы гордимся нашей республикой!» (Татары и татарочки 38).
>
> В ряде публикаций проявляется отношение подписчиков «Татары и татарочки» к Республике Татарстан как к сакральной ценности, например:
>
> «Где бы я ни жил, меня всегда будет тянуть к этой Республике» (Татары и татарочки 39).
>
> «Защищайте свою Родину…Татарстан» (Татары и татарочки 40).

Важную ценность для администратора сообщества представляет статус Президента Республики Татарстана:

> «Президент — это не просто название должности. Это — важный государственный институт, институт президентства» (Татары и татарочки 41).

Когда федеральная власть решила переименовать должность президента в республиках администраторы группы «Татары и татарочки» призвали виртуально поддержать сохранение института президентства в Татарстане, разместив на главной фотографии своей личной страницы в социальной сети прикрепленный плакат с надписью: «*Сохранить институт Президентства в Республике Татарстан*» (Татары и татарочки 42), а также в комментариях на личной страничке Президента РТ Р. Н. Минниханова написать: «*Хәерле иртә, Президентыбыз*!» («*Доброе утро, Президент*!» — *З. М.*) (Татары и татарочки 43).

Данный флешмоб поддержали и некоторые другие татарские паблики, например, ВКонтакте (Татары и татарочки 44). Однако данные усилия не возымели силу. После вступления в силу закона о поправках в конституцию Татарстана 6 февраля 2023 г. должность президента стала именоваться Раисом.

Заключение

Виртуальные сообщества получили большое распространение среди татар. Они объединяют представителей этого народа, проживающих в разных странах, а также на конкретной территории (страны, области, города). Наиболее многочисленные татарские он-лайн группы насчитывают более 300 000 участников, что подчеркивает важность подобных объединений в современной жизни народа.

Татарские виртуальные этнические сообщества актуализируют горизонтальные связи, выполняют досуговую, информативную, образовательную функции, популяризируют культуру народа, помогают сохранить национальный язык и найти брачного партнера из своей этнической группы.

Нередко подписчики используют данные виртуальные сообщества для коллективных действий (в том числе и для отстаивания своих этнокультурных и политических прав). Данные паблики могут использоваться в радикализации конфликта, транслируя на аудиторию сообществ «образ врага» и ложную атрибуцию. Их мониторинг позволяет оценивать риски конфликтогенности, отношение представителей этнических групп к проводимой национальной и языковой политики в государстве и другим народам.

Виртуальные группы помогают подписчикам поддерживать позитивную этническую идентичность, конструируют положительные стереотипы и оппозицию «мы» — «они».

Татарские виртуальные сообщества не только влияют, но и отражают этнокультурные процессы, происходящие среди татар, в том числе процессы «языкового сдвига», ориентацию на моноэтничные браки и т. д.

Контент онлайн-сообществ демонстрирует весомость для этнической группы следующих компонентов: языка, музыки, религии и происхождения, что позволяет говорить о виртуальной идентичности, как своеобразной проекции реальной. Большое значение для татарских пользователей имеют такие символы государственности, как Золотая Орда в прошлом и Республика Татарстан в настоящем. В виртуальной самоидентификации татар прослеживается и тюркский компонент, однако он, как и гражданский, менее значим, чем религиозный.

Источники и материалы

Акыллы татарин — «АКЫЛЛЫ ТАТАРИН» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/otatarin (дата обращения: 21.01.2025).

Анаем — «Анаем» // Анаем. Татарский сайт знакомств [электронный ресурс]. https://anaem.ru (дата обращения: 30.10.2024).

Все татары на одноклассниках — «ВСЕ ТАТАРЫ НА «ОДНОКЛАССНИКАХ»» // Одноклассники [социальная сеть]. https://ok.ru/fsetatari (дата обращения: 21.01.2025).

Дәртле Татарлар — «Дәртле Татарлар» (Задорные татары) // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/tatarsila (дата обращения: 21.01.2025).

Знакомства для татар и татарочек — «Знакомства для татар и татарочек | Татары России» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/pub.tatdating (дата обращения: 21.01.2025).

Знакомства для татар — «Знакомства для татар» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/tatardating (дата обращения: 21.01.2025).

Иң шәп татарча — «Иң шәп татарча җырлар» (Самые лучшие татарские песни) // ВКонтакте (VK) https://vk.com/tatarchamusic ; Одноклассники (ОК) https://ok.ru/tatarchamusic [социальные сети] (дата обращения: 21.01.2025).

История татар — «История татар» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/tatartarih (дата обращения: 21.01.2025).

Кызык-мызык — КЫЗЫК-МЫЗЫК (Татарча юмор)» (Интересное жужжание (Татарский юмор) // Вконтакте (VK) https://vk.com/kizik_mizik ; Одноклассники (ОК) https://ok.ru/kizikmizik ; Telegram (TG) [социальные сети] https://t.me/kizik_mizik (дата обращения: 21.01.2025).
Кызык-мызык 1 — http://vk.com/wall-27570998_100320 (дата публикации: 19.01.2016);
Кызык-мызык 2 — https://vk.com/wall-27570998_113481 (дата публикации: 23.04.2016);
Кызык-мызык 3 — https://vk.com/wall-27570998_128184 (дата публикации: 27.06.2016);
Кызык-мызык 4 — https://vk.com/wall-27570998_112684 (дата публикации: 19.04.2016);
Кызык-мызык 5 — https://vk.com/wall-27570998_84067 (дата публикации: 15.08.2015).

Лилия Габдрафикова Татар йорт — «Лилия Габдрафикова Татар йорт» // Telegram [социальная сеть]. https://t.me/tatar_gabdrafikova (дата обращения: 21.01.2025).

Оятсыз татарин — «ОЯТСЫЗ ТАТАРИН» (Наглый татарин) // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/otatarin (дата обращения: 21.01.2025).

Старинные татарские фотографии — «Старинные татарские фотографии | Иске сурәтләр» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/tatarsyratlari (дата обращения: 21.01.2025).

Татар ата-аналары — «Татар ата-аналары / Татароязычные родители» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/telemtatar (дата обращения: 21.01.2025).

Татар ашлары — «ТАТАР АШЛАРЫ | ТАТАРСКИЕ РЕЦЕПТЫ | ТАТАРЧА ГАЗЕТА» (Татарская еда, татарские рецепты, татарская газета) // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/tatarashlary (дата обращения: 21.01.2025).

Татарлары — «Татарлары | Татарлар | Татары» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/tatarlars (дата обращения: 21.01.2025).

Татар халык — «ТАТАР ХАЛЫК АШЛАРЫ (Татарская народная кухня)» // Одноклассники [социальная сеть]. https://ok.ru/tatarashlary (дата обращения: 21.01.2025).

Татарча җырлар — «Татарча җырлар / Татарская музыка» // Telegram [социальная сеть]. https://t.me/musictatarcha (дата обращения: 21.01.2025).

Татарча яңа жырлар — «Татарча яңа жырлар | Татарские песни» // Telegram [социальная сеть]. https://t.me/tatarmusiclove (дата обращения: 21.01.2025).

Татары Нижегородской — ******ТАТАРЫ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ****** // Вконтакте [социальная сеть]. http://vk.com/club16019 (дата обращения: 21.01.2025).

Татары и татарочки — «Татары и татарочки» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/tatar_vk (дата обращения: 21.01.2025).
Татары и татарочки 1 — https://vk.com/wall-1777_205451 (дата публикации: 05.12.2013);
Татары и татарочки 2 — https://vk.com/wall-1777_368799 (дата публикации: 22.10.2014);
Татары и татарочки 3 — https://vk.com/wall-1777_572448 (дата публикации: 06.05.2016);
Татары и татарочки 4 — https://vk.com/wall-1777_474120 (дата публикации: 01.08.2015);
Татары и татарочки 5 — https://vk.com/wall-1777_82050 (дата публикации: 07.02.2013);
Татары и татарочки 6 — https://vk.com/wall-1777_92960 (дата публикации: 28.03.2013);
Татары и татарочки 7 — https://vk.com/wall-1777_185870 (дата публикации: 10.11.2013);
Татары и татарочки 8 — https://vk.com/wall-1777_132508 (дата публикации: 29.07.2013);
Татары и татарочки 9 — https://vk.com/wall-1777_563298 (дата публикации: 06.04.2016);
Татары и татарочки 10 — https://vk.com/wall-1777_311365 (дата публикации: 02.06.2014);
Татары и татарочки 11 — https://vk.com/wall-1777_115731 (дата публикации: 12.06.2013);
Татары и татарочки 12 — https://vk.com/wall-1777_497149 (дата публикации: 25.10.2015);
Татары и татарочки 13 — https://vk.com/wall-1777_169606 (дата публикации: 11.10.2013);
Татары и татарочки 14 — https://vk.com/wall-1777_439935 (дата публикации: 25.04.2015);
Татары и татарочки 15 — https://vk.com/wall-1777_89801 (дата публикации: 17.03.2013);

Татары и татарочки 16 — http://vk.com/wall-1777_86224 (дата публикации: 28.02.2013);
Татары и татарочки 17 — http://vk.com/wall-1777_65522 (дата публикации: 01.12.2012);
Татары и татарочки 18 — http://vk.com/wall-1777_212437 (дата публикации: 16.12.2013);
Татары и татарочки 19 — https://vk.com/wall-1777_683399 (дата публикации: 06.06.2017);
Татары и татарочки 20 — https://vk.com/wall-1777_776549 (дата публикации: 21.06.2018);
Татары и татарочки 21 — https://vk.com/wall-1777_456988 (дата публикации: 15.06.2015);
Татары и татарочки 22 — https://vk.com/wall-1777_218713 (дата публикации: 30.12.2013);
Татары и татарочки 23 — https://vk.com/wall-1777_543498?w=wall-1777_543498 (дата публикации: 19.02.2016);
Татары и татарочки 24 — http://vk.com/wall-1777_166300 (дата публикации: 01.10.2013);
Татары и татарочки 25 — http://vk.com/wall-1777_296219 (дата публикации: 28.04.2014);
Татары и татарочки 26 — http://vk.com/wall-1777_419041 (дата публикации: 07.03.2015);
Татары и татарочки 27 — http://vk.com/wall-1777_464923 (дата публикации: 05.07.2015);
Татары и татарочки 28 — http://vk.com/wall-1777_126222 (дата публикации: 09.07.2013);
Татары и татарочки 29 — https://vk.com/wall-1777_842916 (дата публикации: 17.09.2020);
Татары и татарочки 30 — https://vk.com/wall-1777_843390 (дата публикации: 26.02.2021);
Татары и татарочки 31 — http://vk.com/wall-1777_94755 (дата публикации: 31.03.2013);
Татары и татарочки 32 — http://vk.com/wall-1777_414717 (дата обращения: 01.11.2024);
Татары и татарочки 33 — http://vk.com/wall-1777_107643 (дата публикации: 18.05.2013);
Татары и татарочки 34 — http://vk.com/wall-1777_113460 (дата публикации: 06.06.2013);
Татары и татарочки 35 — http://vk.com/wall-1777_454650 (дата публикации: 06.06.2015);
Татары и татарочки 36 — http://vk.com/wall-1777_547120 (дата публикации: 28.02.2016);
Татары и татарочки 37 — https://vk.com/wall-1777_249584 (дата публикации: 22.02.2014);
Татары и татарочки 38 — http://vk.com/wall-1777_526609 (дата публикации: 31.12.2015);
Татары и татарочки 39 — http://vk.com/wall-1777_233737 (дата публикации: 25.01.2014);
Татары и татарочки 40 — http://vk.com/wall-1777_250020 (дата публикации: 23.02.2014);
Татары и татарочки 41 — https://vk.com/wall-1777_220036 (дата обращения: 01.11.2024);
Татары и татарочки 42 — http://vk.com/wall-1777_519842 (дата публикации: 19.12.2015);
Татары и татарочки 43 — https://vk.com/wall-1777_524118 (дата публикации: 25.12.2015);
Татары и татарочки 44 — https://vk.com/wall-1777_524349 (дата публикации: 25.12.2015).

Татары и татарочки Москвы — «Татары и татарочки Москвы» // Вконтакте [социальная сеть]. http://vk.com/msktatarlar (дата обращения: 21.01.2025).

Татары Узбекистана — «Татары Узбекистана» // Вконтакте [социальная сеть]. http://vk.com/tatary (дата обращения: 21.01.2025).

Татар ата-аналары — Татар ата-аналары / Татароязычные родители // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/telemtatar?ysclid (дата обращения: 21.01.2025).
Татар ата-аналары 1 — https://vk.com/wall153144702_18607 (дата обращения: 31.10.2024);
Татар ата-аналары 2 — https://vk.com/wall153144702_19740 (дата обращения: 31.10.2024).

Учим татарский — «Учим татарский язык!» // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/tatarbelem (дата обращения: 21.01.2025).

Әйдә! Online — «ӘЙДӘ! ONLINE — ИЗУЧАЕМ ТАТАРСКИЙ» // Telegram [социальная сеть]. https://t.me/eydetat (дата обращения: 21.01.2025).

AdSpoiler — AdSpoiler [электронный сервис]. https://new.adspoiler.com (дата обращения: 21.01.2025).

Popsters — Popsters [электронный сервис]. https://popsters.ru (дата обращения: 30.10.2024).

Tatarlove — Татарский сайт знакомств «Tatarlove» [электронный ресурс]. https://tatarlove.ru (дата обращения: 21.01.2025).

Типичный татарин — ТИПИЧНЫЙ ТАТАРИН | Казань, Татарстан // Вконтакте [социальная сеть]. https://vk.com/typicaltatar (дата обращения: 21.01.2025).
Типичный татарин 1 — https://vk.com/wall-35548178_11630 (дата публикации: 03.05.2012).

Научная литература

Астафьева О. Н. Виртуальные сообщества: «сетевая» идентичность и развитие личности в сетевых пространствах // Вісник Харківського національного університета: Теорія культури та філософія науки. 2007. № 776. С. 120–133.

Белинская Е. П. Взаимосвязь реальной и виртуальной идентичностей пользователей социальных сетей // Образование личности. 2016. №2. С. 31–39.

Белоруссова С. Ю. Нагайбаки в киберпространстве // Кунсткамера. 2018. № 1. С. 71–77. https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-1-71-77

Головнев А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Уральский исторический вестник. 2018. № 1 (58). С. 100–108. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108

Киссер Т. С. Виртуальная идентичность российских немцев // Сибирские исторические исследования. 2019. № 2. С. 64–84.

Махмутов З. А., Габдрахманова Г. Ф. Особенности этнической идентичности виртуальных татарских сообществ в социальной сети ВКонтакте // Историческая этнология. 2016. Т. 1. № 2. С. 276–292.

Махмутов З. А. Роль виртуальных сообществ в языковом конфликте в Татарстане // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 12. С. 2592–2596. https://doi.org/10.30853/mns20210474

Разумова И. А., Сулейманова О. А. Саамские сетевые сообщества в «этническом интернете» России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. № 2 (179). С. 114–122. https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.299

Сибгатуллин А. А. Татарский Интернет. Нижний Новгород: ИД «Медина», 2008. 60 с.

Солдатова Е. Л., Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С 106–124. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124

Федорова А. А. Сетевые репрезентации этнонациональных групп в виртуальном пространстве русской этничности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. СПб., 2020. 343 с.

Ягафова Е. А. Киберэтничность чувашей: репрезентационные практики // Вестник антропологии. 2024. № 2. С. 147–158. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/147-158

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1991. 224 p.

Back M. D., Stopfer J. M., Vazire S., Gaddis S., Schmukle S. C., Egloff B., Gosling S. D. Facebook Profiles Reflect Actual Personality Not Self-Idealization // Psychological Science. 2010. Vol 21. P. 372–374. https://doi.org/10.1177/0956797609360756

Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. Oslo: Universitetsforlaget, 1969. 153 p.

Castells M. The Rise of the Network Society. Oxford: Blackwell, 1996. 625 p.

Diamandaki K. Virtual Ethnicity and Digital Diasporas: Identity Construction in Cyberspace // Global Media Journal. 2003. Vol 2 (2). P. 1–22.

Eriksen T. Nationalism and the Internet // Nations and Nationalism. 2007. Vol 1 (13). P. 1–17. https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2007.00273.x

Hine C. Virtual Ethnography. London: SAGE Publications, 2000. 188 p. https://doi.org/10.4135/9780857020277

Kim Y., Jung J., Ball-Rokeach S. Ethnicity, Place, and Communication Technology: Effects of Ethnicity on Multi-Dimensional Internet Connectedness // Information Technology & People. 2007. Vol 3. P. 282–303. https://doi.org/10.1108/09593840710822877

Lindridge A., Henderson G. R., Ekpo A. E. (Virtual) Ethnicity, the Internet, and Well-Being // Marketing Theory. 2015. Vol 15 (2). P. 279–285. https://doi.org/10.1177/1470593114553328

Nakamura l. Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet. New York: Routledge, 2002. 190 p.

Saunders R. Ethnopolitics in Cyberspace: The Internet, Minority Nationalism, and the Web of Identity. Lanham: Lexington Books, 2011. 232 p.

Yurchisin J., Watchravesringkan K., McCabe D. B. An Exploration of Identity Re-Creation in the Context of Internet Dating // Social Behavior and Personality. 2005. Vol. 33 (8). P. 735–750. https://doi.org/10.2224/sbp.2005.33.8.735

References

Anderson, B. 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism.* London: Verso. 224 p.

Astafieva, O. N. 2007. Virtual'nye soobshchestva: «setevaia» identichnost' i razvitie lichnosti v setevykh prostranstvakh [Virtual Communities: "Network" Identity and Personal Development in International Spaces] *Visnik Kharkivs'kogo natsional'nogo universiteta: Teoriia kul'turi ta filosofiia nauki* 776: 120–133.

Back, M. D., J. M. Stopfer, S.Vazire, S. Gaddis, S. C. Schmukle, B. Egloff, and S. D. Gosling. 2010. Facebook Profiles Reflect Actual Personality Not Self-Idealization. *Psychological Science* 21: 372–374. https://doi.org/10.1177/0956797609360756

Barth, F. 1969. *Ethnic Groups and Boundaries*. Oslo: Universitetsforlaget. 153 p.

Belinskaia, E. P. 2016. Vzaimosviaz' real'noi i virtual'noi identichnostei pol'zovatelei sotsial'nykh setei [The Relationship Between Real and Virtual Identities of Social Networks Users]. *Obrazovanie lichnosti* 2: 31–39.

Belorussova, S. Yu. 2018. Nagaibaki v kiberprostranstve [Nagaibaks in Cyberspace]. *Kunstkamera* 1: 71–77. https://doi.org/10.31250/2618-8619-2018-1-71-77

Castells, M. 1996. *The Rise of the Network Society.* Oxford: Blackwell. 625 p.

Diamandaki, K. 2003. Virtual Ethnicity and Digital Diasporas: Identity Construction in Cyberspace. *Global Media Journal* 2(2): 1–22.

Eriksen, T. 2007. Nationalism and the Internet. *Nations and Nationalism* 1(13): 1–17. https://doi.org/10.1111/j.1469-8129.2007.00273.x

Fedorova, A. A. 2020. *Setevyie reprezentatsii etnonatsional'nykh grupp v virtual'nom prostranst russkoi etnichnosti* [Network Representations of Ethno-National Groups in the Virtual Space of Russian Ethnicity]. Ph.D. diss., Saint Petersburg State University.

Golovnev, A. V., S. Yu. Belorussova, and T. S. Kisser. 2018. Veb-etnografiia i kiberetnichnost' [Web Ethnography and Cyber Ethnicity]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 1: 100–108. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108

Hine, C. 2000. *Virtual Ethnography*. London: SAGE Publications. 188 p. https://doi.org/10.4135/9780857020277

Kim, Y., J. Jung, and S. Ball-Rokeach. 2007. Ethnicity, Place, and Communication Technology: Effects of Ethnicity on Multi-Dimensional Internet Connectedness. *Information Technology & People* 3: 282–303. https://doi.org/10.1108/09593840710822877

Kisser, T. S. 2019. Virtual'naia identichnost' rossiyskikh nemtsev [Virtual Identity of Russian Germans]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 64–84. https://doi.org/10.17223/2312461X/24/4

Lindridge, A., G. R. Henderson, and A. E. Ekpo 2015. (Virtual) Ethnicity, the Internet, and Well-being. *Marketing Theory* 15 (2): 279–285. https://doi.org/10.1177/1470593114553328

Makhmutov, Z. A., and G. F. Gabdrakhmanova. 2016. Osobennosti etnicheskoi identichnosti virtual'nykh tatarskikh soobshchestv v sotsial'noi seti VKontakte [Features of Ethnic Identity of Tatar Virtual Communities in the "VKontakte" Social Network]. *Istoricheskaia etnologiia* 2: 276–292.

Makhmutov, Z. A. 2021. Rol' virtual'nykh soobshchestv v yazykovom konflikte v Tatarstane [The Role of Virtual Communities in the Language Conflict in Tatarstan]. *Manuskript* 12: 2592–2596. https://doi.org/10.30853/mns20210474

Nakamura, l. 2002. *Cybertypes: Race, Ethnicity, and Identity on the Internet*. New York: Routledge, 190 p.

Razumova, I. A., and O. A. Suleimanova. 2021. Saamskie setevye soobshchestva v “etnicheskom internete” Rossii [The Sami Network Communities in the “Ethnic” Internet in Russia]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* 2: 114–122. https://doi.org/10.15393/uchz.art.2019.299

Saunders, R. 2011. *Ethnopolitics in Cyberspace: The Internet, Minority Nationalism, and the Web of Identity.* Lanham: Lexington Books. 232 p.

Sibgatullin, A. A. 2008. *Tatarskii Internet* [The Tatar Internet]. Nizhniy Novgorod: ID «Medina». 60 p.

Soldatova, E. L, and D. N. Pogorelov. 2018. Fenomen virtual’noi identichnosti: sovremennoe sostoianie problemy [The Phenomenon of Virtual Identity: The Contemporary Condition of the Problem]. *Obrazovanie i nauka* 5: 106–124. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2018-5-105-124

Yagafova, E. A. 2024. Kiberetnichnost’ chuvashei: reprezentatsionnye praktiki [Cyberethnicity of the Chuvash: Representational Practices]. *Vestnik antropologii* 2: 147–158. https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/147-158

Yurchisin, J., K. Watchravesringkan, and D. B. McCabe. 2005. An Exploration of Identity Re-Creation in the Context of Internet Dating. *Social Behavior and Personality* 33(8): 735–750. https://doi.org/10.2224/sbp.2005.33.8.735

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/223-240
Научная статья

© С. Ю. Белоруссова

ОТКРЫТОСТЬ И ЗАКРЫТОСТЬ: ЭТНИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В ВИРТУАЛЬНОСТИ И РЕАЛЬНОСТИ

В данной статье затрагивается тема открытости и закрытости в реальности и виртуальности и предпринимается попытка ответить на вопрос, насколько стратегии открытости и закрытости того или иного сообщества связаны с их виртуальной и реальной средой взаимодействия. Являются ли позиции открытости или закрытости добровольным выбором этнической группы? Виртуальность сегодня — это инструмент для обозначения своей позиции среди других или внутренний ресурс поддержания этнической идентичности? Как показывают примеры этнических сообществ, сегодня физическая и виртуальная среда оказываются взаимосвязанными в проявлении себя и своей культуры. Желание быть узнаваемыми мотивирует бесермян выбирать открытый тип позиционирования, напротив, из-за неоднозначности внешних обстоятельств тубалары предпочитают коммуникацию внутри своего сообщества. В случае сойотов территориальная отдаленность является ключевым фактором их закрытости в цифровой среде. Предпочитаемый тип может меняться в зависимости от разного рода обстоятельств: как показывает опыт нагайбаков, при неблагоприятных факторах они демонстрируют повышенную сетевую активность (открытость), а при относительном этническом спокойствии она снижается (закрытость). В более широком смысле представленные модели демонстрируют сегодняшнюю подвижность этнической культуры и ее готовность к последующим адаптациям. Виртуальность становится вписанной в реальность и оказывает влияние на контексты культур, взаимодействия и стратегии этнических групп.

Ключевые слова: *открытость, закрытость, виртуальность, этничность, идентичность, коренные малочисленные народы, бесермяне, тубалары, нагайбаки, сойоты*

Ссылка при цитировании: *Белоруссова С. Ю.* Открытость и закрытость: этнические стратегии коренных малочисленных народов в виртуальности и реальности // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 223–240.

Белоруссова Светлана Юрьевна — к. и. н., заведующая лабораторией музейных технологий, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3). Эл. почта: svetlana-90@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2069-3452

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10079, https://rscf.ru/project/23-78-10079/

UDC 39
DOI:10.33876/2311-0546/2025-2/223-240
Original Article

© *Svetlana Belorussova*

OPENNESS AND CLOSEDNESS: ETHNIC STRATEGIES OF INDIGENOUS MINORITIES IN VIRTUALITY VS REALITY

In this paper, the author touches on the topic of openness and closedness in reality and virtuality and tries to answer the question of how much the strategies of openness and closedness of a particular community are related to their virtual and real interaction environment. Are the positions of openness or closedness shaped as a voluntary choice of an ethnic group? Is virtuality today serving as a tool for establishing one's position among others or an internal resource for maintaining ethnic identity? As we can conclude from the reviewed cases of several ethnic communities, these days there is a strong interconnectedness between the physical and virtual environments whenever we speak of these groups' self- and cultural manifestation. The desire to be recognized motivates Besermyans to choose an open type of positioning; on the contrary, due to the ambiguity of external circumstances, Tubalars prefer communication solely within their community. The Soyots case proves that territorial remoteness is a key factor of their closedness in the digital environment. The preferred type can change depending on different kinds of circumstances: as the experience of Nagaybaks shows, under unfavorable factors they demonstrate increased network activity and openness while it decreases into closedness under relative ethnic tranquility. In a broader sense, the presented models demonstrate the current mobility of ethnic culture and its readiness for subsequent adaptations. Virtuality becomes inscribed into reality and it readily influences the contexts of cultures, interactions, and strategies of ethnic groups.

Keywords: *openness, closedness, virtuality, ethnicity, identity, indigenous peoples, Besermans, Tubalars, Nagaybaks, Soyots*

Author Info: Belorussova, Svetlana Yu. — Ph.D. in History, Head of the Laboratory of Museum Technologies, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: svetlana-90@yandex.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2069-3452

For citation: Belorussova, S. Yu. 2025. Openness and Closedness: Ethnic Strategies of Indigenous Minorities in Virtuality vs Reality. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 223–240.

Funding: The study was supported by the Russian Science Foundation, grant № 23-78-10079, https://rscf.ru/project/23-78-10079/

О цифровой виртуальности как отдельном феномене социальных наук начали говорить с 1980-х годов. Если поначалу исследователи в большей степени анализировали цифровой мир в качестве его благотворности или бесполезности для развития реальности, то в дальнейшем они сосредоточились на разработке методологии изучения сети, (кибер)полевых опытах и тематическом потенциале интернет-среды. Вплоть до недавнего времени исследования по изучению сети были выстроены на дихотомии реальности/виртуально-

сти, онлайн/офлайн, физического и цифрового взаимодействия. Однако сегодня реальный и виртуальный миры сложно отделимы и не имеют столь очевидных границ, как это было 20–30 лет назад. Сегодня степень виртуальной активности зависит от внутреннего запроса группы, ее внешней значимости и принятия со стороны других сообществ. Киберактивизм представляется не целью, а средством самопрезентации и самоактуализации.

В данной статье будет затронута тема открытости и закрытости в реальности и виртуальности, которая, впрочем, имеет давние философские, социальные и культурные истоки. Исследуя идентичность коренных малочисленных народов, я не раз замечала, насколько неоднородны стратегии их позиционирования — одни выбирают более активные и открытые модели, другие — пассивные и закрытые. Причем в контексте виртуализации их матрицы приобретают новые ракурсы и контексты (*Белоруссова, Хохолькова* 2023).

Неслучайно, что в названии статьи на первом месте стоит «виртуальность», поскольку именно на основе сетевого представления будут рассматриваться модели этнических сообществ. Работая над проектами, связанными с этничностью коренных малочисленных народов, мы обратили внимание, что сетевое пространство как будто ярче очерчивает границы открытости и закрытости, что выражается в стратегиях самопрезентации, коммуникации, представлении информации о себе или наоборот сокрытие ее от других.

В статье я попытаюсь ответить на вопрос, насколько модели открытости и закрытости того или иного сообщества связаны с их виртуальной и реальной средой взаимодействия. Являются ли позиции открытости или закрытости добровольным выбором этнической группы? Виртуальность сегодня — это инструмент для обозначения своей позиции среди других или внутренний ресурс поддержания этнической идентичности? В рамках представленного исследования особую важность составляет выявление причин обращения людей к сети (или отсутствия такового) как инструменту решения определенных задач, связанных с конструированием и функционированием этнической идентичности.

В фокусе внимания будут четыре группы коренных малочисленных народов — представители бесермян, нагайбаков, сойотов и тубаларов, численность каждого из которых не превышает 10 тыс. человек. Данные сообщества удобны для изучения феномена открытости и закрытости благодаря характерной им компактности, устойчивости и однородности. Каждый из разделов будет описывать стратегии этнических сообществ, сравнивать реальное и виртуальное взаимодействие, физическую и цифровую среду. Сойоты и тубалары, с моей исследовательской точки зрения, представляют закрытые модели, которые, впрочем, имеют разные основания: их я обозначаю условно как «субъективная» (тубалары) и «объективная» (сойоты). Если бесермян можно назвать «открытым сообществом», то нагайбаки представляют собой переходную модель — в разные периоды истории они демонстрировали как открытое, так и закрытое позиционирование. Задачей каждого из разделов является определение причин и факторов, способствовавших появлению той или иной модели или ее смене. Следует оговориться, что стратегии рассматриваемых сообществ не имеют четких критериев и им характерны рассеянные черты открытости или закрытости.

Данное исследование было подготовлено в сочетании физического и виртуального наблюдения. В течение длительного срока (более десяти лет) я участвовала в полевых исследованиях на территории проживания коренных малочисленных народов России, а в последние годы слежу за процессом цифровизации их этнической культуры. В течение нескольких лет я наблюдаю за группами, персональными страницами, постами,

комментариями и чатами во ВКонтакте, Facebook*, Instagram*[1], Telegram, WhatsApp, Viber, Одноклассники, YouTube и TikTok, периодически провожу тематические интервью и опросы. Для подготовки статьи я использовала подготовленную нашей исследовательской командой базу данных по группам коренных малочисленных народов во ВКонтакте, Одноклассниках и Telegram.

Данная статья разделена на 5 разделов: «Открытость и закрытость: тенденции во времени», «Стратегии открытости (бесермяне)», «Стратегия закрытости (тубалары)», «Стратегия закрытости (сойоты)», «Переходная модель (нагайбаки)».

«Открытость и закрытость»: тенденции во времени

Концепция открытого и закрытого типов общества появилась в 1940-е годы благодаря исследованию К. Поппера «Открытое общество и его враги» (Лондон, 1945 г.). По словам автора, мотивом для написания книги были события Второй Мировой войны: «Опубликована она была в 1945 г., когда война в Европе уже окончилась, но работу над ней я считал своим вкладом в победу. Она была направлена против нацизма и коммунизма, против Гитлера и Сталина, которых пакт 1939 г. сделал на время союзниками» (*Поппер* 1992: 2).

По мнению Поппера, демократия является единственной моделью управления, позволяющей совершать изменения без насилия над людьми. Такое сообщество для него является *открытым*. Напротив, тоталитарные системы в виде коммунизма и нацизма способствуют подавлению личности и характеризуются стагнацией развития. Подобные общества считаются *закрытыми*. Концепция К. Поппера выстроена на дихотомии «открытости-закрытости», где «закрытое» общество представляет племенную или коллективистскую модель, которая характеризуется статичной социальной структурой, ограниченной мобильностью, неспособностью к инновациям, традиционализмом, догматичной авторитарной идеологией. «Открытое» является тем обществом, в котором индивидуумы принимают решения на основе собственного выбора, в нем уважается свобода, а также мирно сосуществуют различные течения, движения и культуры (*Поппер* 1992).

Концептуальная парадигма Поппера, с одной стороны, была прорывом для своего времени, поскольку в ней были отражены философские идеи послевоенной действительности. С другой, теория является во многом политизированной и односторонней, поскольку не учитывает нюансов каждой из конкретных систем. В ее анализе отражена в большей степени оценка, что открытость — это положительный феномен, а закрытость — напротив, отрицательный и пагубный для человечества.

Спустя более полувека Дж. Сорос продолжил развитие концепта открытости и закрытости. Открытым типом он обозначил сообщества «с динамичной социальной структурой, высокой мобильностью, способностью к инновациям, критицизмом, индивидуализмом и демократической плюралистической идеологией». Отсутствие жестких указаний, ценностей и целей он считает также необходимым атрибутом свободы (*Сорос* 1997).

Концепция закрытости впоследствии получала уточнения — в частности были введены «восточные» и «малые» типы. Под восточным типом Ф. Жюльен понимал «замкнутые и непроницаемые иерархически организованные социальные сети, а также приоритет не личности, а ее растворение в группе» (*Жюльен* 1999). А. Н. Олейник, исследуя

[1] Деятельность компании Meta, которой принадлежат социальные сети, признана экстремистской и запрещена в России.

группы тюремных заключенных, продвигал концепцию малой группы. В это понятие он вкладывал «отсутствие взаимосвязи между повседневной жизнью людей и формальной властью, и неразвитостью политического представительства интересов обычных людей» (*Олейник* 2001: 16). Основным критерием подобных сообществ является их персональная «недостаточность», невостребованность (личность не может принимать решения, проявлять субъектность) и жесткую иерархическую организацию социума (в том числе наличие непреодолимых противоречий между «верхами» и «низами») (*Радина* 2009).

Впоследствии исследователями были определены еще четыре формы закрытой группы: вынужденная изоляция (оторванность от социума независимо от желания, например, заблудившаяся в тайге экспедиция); принудительная изоляция (изоляция вопреки воле в силу определенных социальных правил, например а) осужденные, б) солдаты срочной службы); добровольная изоляция (добровольное уединение: монахи, отшельники); добровольно-вынужденная (закрытые профессиональные группы, а также закрытые профессионально-специализированные образовательные учреждения) (*Кондратьев* 1997). Таким образом, в концептуальных воззрениях появляется б*о*льший плюрализм относительно оценки закрытой модели, в том числе в контексте ее осознанного выбора.

Впоследствии в трудах ученых появляется тенденция определения закрытости как элитарной обособленности. По словам Е. Г. Томбиянца, «Верхние слои любой общественной системы всегда в той или иной степени стремятся к закрытости, работают на определенную консервацию общественных отношений, хотя при этом могут содействовать дополнительным каналам мобильности» (*Томбиянц* 2013: 40). К. Д. Джонстон в работе *Open versus Closed: Personality, Identity, and the Politics of Redistribution* («Открытое против закрытого: личность, самоидентификация и политика перераспределения») предполагает, что каждому человеку присуща как открытая, так и закрытая модели, однако «большинство людей можно отнести скорее к одной из сторон, чем к другой» (*Johnston et al.* 2017: 18). При этом «две ориентации обладают уникальным набором преимуществ и недостатков» (*Johnston et al.* 2017: 31). Таким образом, в последние десятилетия модель закрытости понимается не только в контексте вынужденного решения, но и добровольного принятия.

Что касается цифрового взаимодействия, то Интернет в свое время предоставил возможности для тех, кого не удовлетворяет или тяготит физическое взаимодействие. В определенном смысле те, кто находился в сообществе «закрытости» (=угнетенности) в реальной среде получили возможность «открытия» себя и других через сеть. Согласно исследованию Д. Миллера, среди пользователей силен стереотип, что социальные сети представляют нечто «ненастоящее» и замещающее «правдивую» реальность. Как показало исследование в промышленном Китае, там виртуальный мир считается более «честным» и открытым пространством, чем реальный. Дружба в Интернете имеет название «chun» («чище») и «не несет прагматических мотивов», которые бывают в отношениях офлайн. По словам жителя индустриального Китая, «они [онлайн-друзья] любят вас и разговаривают с вами, потому что им действительно нравится, что вы — это вы, а не потому, что вы богаты, чтобы они могли занимать у вас деньги, или вы могущественны, чтобы они могли получить от вас работу. Здесь [в интернете] все намного чище без участия власти и денег» (*Miller et al.* 2016: 108).

За годы значимость виртуальности выросла настолько, что в некоторых случаях действия в Интернете стали получать б*о*льшую «силу», чем в реальности: в Чили романтические отношения обретают значимость только после публикации о них на Facebook,

а признание в любви в онлайн-чате среди жителей индустриального Китая считается более «правдивым», чем признание в реальности (*Miller et al.* 2016: 109).

В начале XXI века на основе открытой и закрытой моделей начали создавать цифровые сообщества. В. П. Поправко, исследуя в социальных сетях группы любителей музыки с ограниченным числом пользователей, искал «внутренние» и «внешние» причины их закрытости. Внешней причиной являлся нелегальный обмен аудиовизуальными материалами, который, согласно законодательству, является пиратством. Внутренней — желание «создать сообщество заинтересованных, мотивированных пользователей, способных активно принимать участие в накоплении и обмене материалом на ресурсе». Тем самым «сообщество ограждает себя от немотивированных пользователей, а также поверхностной, часто негативной коммуникации, имеющей место на общедоступных ресурсах» (*Поправко* 2009).

Иногда встречаются обратные примеры закрытости, когда она работает не на ограничение круга пользователей, а наоборот, на рост аудитории. К примеру, социальная сеть Club House в свое время привлекала участников, в том числе использованием стратегии закрытости (регистрация по ограниченным приглашениям) и избранности (участие в ней известных персон — Илона Маска, Марка Цукерберга, Кевина Харта, Олега Тинькова[1] и др.) (*Белоруссова* 2021: 133).

Исследователи В. ван Оша и Б. Булгурку изучали открытые и закрытые группы корпоративных сетей (EMS) и ввели понятия bonding и bridging, которые в переводе на русский язык обозначаются единым словом «связующий», однако несут собой разные смыслы и оттенки. «Bonding» — понятие, присущее закрытым группам, оно означает связь и вовлеченность внутри определенного количества людей и дает возможность «глубинного» погружения. «Bringing» — черта открытых сообществ, ей свойственно широкое взаимодействие и больший охват распространения. В работе исследователи выводят несколько гипотез относительно bonding и bringing. К примеру, «в открытых группах, чем сильнее взаимосвязи в группе, основанной на ESM, тем больше генерируется идей» (bringing), «в закрытых группах, чем теснее взаимосвязи в группе, основанной на ESM, тем больше идей генерируется внутри группы» (bonding). Демонстрируя преимущества и характерные черты моделей открытости и закрытости, авторы представляли их не противоречащими, а дополняющими друг друга (*Van Osch, Bulgurcu* 2020).

С появлением социальной сети «ВКонтакте» объединение в виртуальные группы стало одним из популярных функциональных сервисов. Если поначалу группы оставались преимущественно открытыми, то впоследствии некоторые сообщества предпочитали «закрываться» в связи с желанием сохранения узкого круга контактов. Это были группы одноклассников, односельчан, пользователей с общими интересами и др. Сегодня пользователи не столь активно пользуются функционалом групп социальных сетей, но по сходному принципу создают коммуникативные чаты.

За последние восемьдесят лет концепция открытых и закрытых сообществ получила ряд уточнений, изменений и дополнений. На ее трансформацию существенно повлияла и цифровая среда, предоставив более широкий инструментарий для выбора той или иной модели. В последующих разделах разберем концепции открытости и закрытости на практике — в контексте виртуальной этничности на примере конкретных сообществ коренных малочисленных народов.

[1] Внесен в реестр иноагентов России.

Стратегия открытости (опыт бесермян)

Бесермяне компактно обосновались на территории Северной Удмуртии и по последней переписи населения 2020–2021 гг. насчитывают 2067 человек. Они проживают преимущественно в сельской местности, говорят на бесермянском наречии удмуртского языка, по религии являются православными. Бесермяне включились в виртуальную жизнь относительно недавно: первая группа бесермян ВКонтакте «МИ БЕСЕРМАНЪЁС» [«Мы бесермяне»] была основана в 2012 г. председателем Общества бесермянского народа в Удмуртской Республике С. Антугановым, который долгое время оставался ее администратором. Несколько лет «МИ БЕСЕРМАНЪЁС» оставалась едва ли не единственной виртуальной группой сообщества, пока в 2018 г. не случился бум киберактивности бесермян. На сегодняшний день у них более 19 сообществ со средней численностью 200–500 участников; большая часть из которых (18 групп) имеет открытый характер. По прошествии времени бесермяне не забрасывают деятельность в сети и поддерживают функциональность групп.

Цифровая активность бесермян распространяется за пределами сетевой коммуникации и некоторые считают, что их виртуальная жизнь стала едва ли не более значимой, чем реальная. По словам исследовательницы Елены Поповой, нынешняя численность бесермянской группы ВКонтакте ««Жувам Гуртэ» больше, чем население деревни Жувам». Сегодня при знакомстве бесермяне обмениваются не телефонными контактами, а добавляются в друзья ВКонтакте. По словам жителей, страницы во ВКонтакте имеют и «90-летние бабушки», причем некоторые из них являются активными участниками киберпространства. На конференции «Язык, история, культура бесермян: состояние и перспективы исследований», проводившейся в апреле 2023 г. в Удмуртской республике (г. Глазов), отдельные доклады представили модераторы бесермянских групп ВКонтакте. Сам факт, что руководителей виртуальных сообществ приглашают для участия в научных мероприятиях, демонстрирует высокую значимость сетевого пространства в повседневной жизни бесермян.

В чем причина активности и открытости бесермян в виртуальности? Исходя из результатов проведенного исследования можно выделить два фактора. ***Во-первых***, бесермяне проживают в Республике Удмуртии — субъекте Российской Федерации, стратегия которой связана с сохранением этнокультурного наследия. При этом поддержка и выделение среди других в большей степени касается сообщества удмуртов. Бесермяне, которые официально включены в перечень коренных малочисленных народов, однако имеют небольшую численность, оказываются «обделенными вниманием». Удручает их и то, что культуру бесермян часто смешивают с удмуртской.

На одной из конференций, посвященной бесермянам, заведующий жувамским домом культуры Сергей Невоструев поделился переживаниями: «Иногда пишут, что бесермянский народ произошел от древних удмуртов… А кто такие древние удмурты?». Невоструев недоволен, что «на центральных каналах представляют наши (бесермянские — *С. Б.*) костюмы, а рассказывают про удмуртов и представляют нашу песенную культуру». Он опасается, подобная путаница и присвоение «чужого» приведет к тому, что попытки бесермян продвигать свою самобытность могут оказаться бесполезными, поскольку люди так и не начнут выделять их в отдельное сообщество. Представление в сети дает бесермянам необходимые ресурсы для творчества и презентации себя в том виде, который удовлетворяет членов этнической группы.

Второй причиной проявления бесермян в сети стало резкое снижение численности их населения. Впервые бесермяне были учтены в переписи 1926 г., и их количество

тогда составило 10034 чел. В ходе учета численности бесермян нового времени обнаружилась неблагоприятная тенденция: по переписи 2002 г. их количество составило 3122 чел. (более, чем в три раза меньше, чем в 1926 г.), а восемь лет спустя в 2010 г. население сократилось еще почти на 1000 чел. — до 2201 чел. Тревожная перспектива утраты целого народа мотивировала бесермян к поиску новых рычагов поддержки культуры и восстановлению себя. Набравшие популярность в 2010-х годах социальные сети стали удобным инструментом демонстрации культуры для внутреннего и внешнего пользования (*Белоруссова* 2024: 64–67).

В преддверии проведения новой переписи 27 января 2021 г. бесермяне создали группу ВКонтакте «Мон — бещерман. Я — бесермянин, бесермянка». Первая запись группы состоит из видеообращения бесермянских лидеров — председателя общества бесермянской культуры с. Ворцы Рафаила Дюкина (обращение к пользователям на родном языке) и активистки бесермянского движения Надежды Сидоровой (обращение на русском языке):

> «Уважаемые бесермяне, в этом году состоится Всероссийская перепись населения. Призываю каждого из вас в строке «национальность» указать себя бесермянином. По итогам последней переписи нас записано чуть более двух тысяч человек, но это далеко не все бесермяне. Друзья, задумайтесь об этом. Только мы сами и только вместе сможем сохранить наследие наших предков. Мы, современные бесермяне, можем изменить самосознание и развивать народную культуру. Мы не должны позволить исчезнуть нашей народности с планеты Земля. Бесермяне, объединяйтесь! Под таким призывом и лозунгом к вам мы с Рафаилом Дюкиным создадим группу ВКонтакте с целью объединения нашего народа» (Мон бещерман 2021).

В течение года в группе ВКонтакте модераторы «поддерживали» бесермянскую идентичность: делились публикациями о мероприятиях, создавали памятки по прохождению переписи, выкладывали бесермянские фото и видео. Акция продолжалась вплоть до окончания проведения переписи в декабре 2021 г. По результатам новой переписи выяснилось, что численность народа хоть и снизилась, но не критично — бесермянами записались 2067 человек (сокращение на 130 чел.). Бесермяне восприняли эту новость как радость и всеобщее достижение, а модераторы группы отдали должное виртуальному инструменту:

> «Благодаря нашей группе нашлись бесермяне… болеющие за свой народ, желающие внести свой вклад в развитие своего народа! И... У нас получилось! Цифра 2067 (в 2010 бесермян насчитывалось 2201 человек) для малочисленного коренного народа приятна и радостна! Я как истинная бесермянка, горда за свой народ! Благодарна безмерно молодому бесермянскому поколению за участие в переписи» (Мон бещерман 2021).

По словам Алексея Караваева, благодаря позиционированию в сети, некоторые «узнали, то они бесермяне», что также помогло получить хорошие показатели переписи. Сегодня проекты бесермян также проводятся на стыке реальности и виртуальности. В рамках фестиваля «Чеброс» пользователи записывают видео со стихами бесермянского поэта Михаила Федотова и выкладывают в сети с хэштегом #Чеброс2023#М_И_Федотов. Обычно во флешмобе собирается много участников, большинство из которых относятся к заданию творчески — надевают национальные костюмы, погружаются в

атмосферу того времени, используя звуковые эффекты. В июне 2023 г. на празднике «Корбан» организаторы сконструировали окошко в виде экрана мобильного телефона, в котором каждый из участников мог поздравить сородичей или передать привет тем, кто не смог приехать на фестиваль. Таким образом, праздник охватил не только реальных участников, но и связал с теми, кто находился по ту сторону экрана.

По словам администратора группы «Мон бещерман» Анны Вершининой, сегодня наблюдается столкновение между цифровой и традиционной культурой, однако это является не сдерживающим, а поддерживающим фактором: «Сохранить культуру в современном мире можно только современными методами. По принципу «клином клином вышибают». То есть не противиться этому, а активно использовать то, что нам сегодня представляет современный век» (ПМА 2023). Исходя из позиции Вершининой, можно предположить, что сегодня традиционная культура нуждается в опоре на новые способы репрезентации, в том числе в виде виртуального позиционирования. Несомненным преимуществом социальных сетей бесермяне видят их «возможности коммуницировать друг с другом». Тем более, что сеть стала площадкой объединения бесермян по всему миру, предоставляя «доступ» к собственной этнической идентичности.

Таким образом, сегодняшняя открытость бесермян в сети вызвана желанием проявления среди других, а также потребностью сохранения собственной идентичности. Внешнюю среду бесермян можно обозначить как «неудовлетворяющую» реальность, которая не соответствует ожиданиям народа, однако поддается улучшению и компенсируется через инструменты виртуальности. Опыт бесермян также показывает, что неблагоприятные факторы в реальности являются дополнительной мотивацией в деле развития своей культуры и консолидации в сети.

Стратегия закрытости (опыт тубаларов)

Тубаларов в отечественной этнографической традиции принято относить к северным алтайцам. Они издавна проживали в бассейне верхнего течения реки Бии и в верховьях реки Иши. Обычно тубаларов делят на три этнотерриториальные группы по проживанию в селах Майминского, Турачакского и Чойского районов республики Алтай. Большая часть тубаларов проживает в Турочакском районе вблизи Телецкого озера.

Тубалары в отличие от бесермян слабо представлены в виртуальном пространстве. У них от одной до трех групп в каждой из социальных сетей: три во ВКонтакте («Тубалары. Алтай», «Тубалары», «ОБЩИНА «ЧАПТЫГАН» (СВЯЩЕННАЯ ГОРА)»), три в Одноклассниках («ТУБАЛАРЫ», «Тубалары Чойского района», «Тубалары Черневой тайги», один Telegram-канал («ТУБАЛАРЫ») и две страницы в Instagram* («Тубалары», «Сообщество КМН Чойского района»). По результатам анализа выяснилось, что из представленных групп «живыми» является только одна группа во ВКонтакте и две в Одноклассниках.

Согласно виртуальному анализу, казалось, что тубаларов мало интересует практика представления себя в цифровом формате. Однако исследование в физическом пространстве выявило, что тубалары взаимодействуют в сети, однако предпочитают закрытые чаты WhatsApp и Telegram. К примеру, в WhatsApp есть группа «КМН “Алтын Кель”», в которой обсуждают «правовую, культурную и социальную жизнь населения», в чате «Тубалары» происходит «изучение родословной, различные объявления по КМН. Вопросы и ответы по КМН». Есть группы, посвященные изучению родного языка («Төрөн тылим», «Изучаем туба тил»), а также семейно-родовые группы («Төрөннор»).

Создательница группы «Төрөн Тылим» («Родной язык») Татьяна Балашева уже несколько лет работает над учебником тубаларского языка, который будет включать разделы по грамматике, самоучитель и разговорник. По ее словам, соплеменники давно ждут такую работу и постоянно интересуются ходом ее деятельности. Закрытый чат «Төрөн Тылим» является продолжением ее работы по созданию учебника в физическом пространстве: в сети она выкладывает задания тем, кто хочет выучить тубаларский язык:

> «Я создала эту группу, чтобы проводить обучение. Допустим первый урок — это легко. Это родственные отношения тубаларов, к кому как обращаться. А потом все стало сложнее и сложнее. Когда я уже столкнулась, что нужно объяснить, например, окончания в словах, какие аффиксы нужно ставить во множественном числе, то поняла, что делать это по WhatsApp нереально» (Төрөн Тылим).

На сегодняшний день закрытый чат «Төрөн Тылим» в большей степени ориентирован на общение между тубаларами. Балашева сообщает в нем о ходе подготовки учебника по тубаларскому языку и получает в этом поддержку от соплеменников.

Как и в случае с бесермянами, выбор модели позиционирования тубаларов в виртуальности напрямую связан с внешней и внутренней ситуацией в отношении их идентичности в реальности. ***Во-первых***, одним из событий, способствовавших «закрытию» тубаларов, является включение в начале 2022 г. их ведущей организации «Туба калык»*[1] («Тубаларский народ») в список иностранных агентов. По словам представителя Таира Бодрошева, организация стала иноагентом в связи с получением гранта от Всемирного фонда дикой природы для обучения общественных наблюдателей, которые бы следили за вырубкой лесов на Алтае. Включение в перечень иноагентов вызвало непонимание и недоумение у тубаларов, а комментариев в Министерстве юстиции РФ им получить не удалось. По их мнению, несмотря на то что их деятельность была направлена на защиту природной среды тубаларов, своим проектом организация кому-то «серьезно навредила».

Термин «иноагент» несет в себе негативную окраску — в советское время так обозначали «предателей» и «антисоветчиков», а отголосок прошлой эпохи отражается и в нынешнем понимании иноагентов. Наделение подобным статусом ведущей организации сообщества вызвало широкую трактовку о том, что «тубаларский народ является иноагентом». В средствах массовой информации даже выходили поясняющие статьи о том, что статус относится не ко всем тубаларам, а к конкретной организации (Эксперт 2022). Тем не менее данный слух продолжает существовать: к примеру, в поисковой строке Яндекс при запросе на тему «Тубалары» вторым вариантом предложения ввода данных является «Тубалары иноагенты».

После получения статуса иноагента тубалары начали искать поддержку у жителей Горного Алтая. К примеру, в комментариях к публикации издания «Новости Горного Алтая» Таир Бодрошев написал: «ПОДДЕРЖИТЕ ДРУЗЬЯ НАС». Пользователи неоднозначно восприняли просьбу: комментатор под ником «Горожанин» высказался: «Поделом Вам, работать идите! Полезного все равно ничего не сделали! Ни народ свой ни защитили, ни земли!». Пользовательница «Миа» в свою очередь тоже поделилась мнением: «Посмотрите на фотографию — группа милых доброжелательных, улыбающихся людей… Особенно умилил задний фон — полуразваленные избушки и повалившийся забор. Вот она наша современная действительность. Что-то не верится, что финанси-

[1] Внесена в реестр иноагентов России.

рование достаточно значительное, чтобы везде теперь писать приставку — иноагент» (Организацию тубаларов 2022).

По словам председателя комитета по национальной политике и связям с общественностью Республики Алтай Людмилы Варванец, случай тубаларов вызвал скорее сочувствие, чем всеобщее порицание: «Пришлось объяснять, что законодательство Российской Федерации изменилось, в том числе для тех, кто получает финансирование из соседних, не всегда дружественных государств. И твоя позиция может быть не совсем твоей позицией, а позицией тех, кто дает тебе этот грант».

Второй причиной сетевой закрытости является угроза внешних сил: тубалары, проживающие преимущественно на землях по берегу Телецкого озера, опасаются утраты своих земель из-за повышенного внимания к ним со стороны инвесторов и предпринимателей. В целом закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» направлен на защиту исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности и промыслов малочисленных народов. При этом, по словам одной из активисток тубаларского движения Натальи Кочегановой, им сложно отследить конкурсы Минприроды на осуществление закупки природных объектов и тем более полноценно в них участвовать. Тем не менее, не так давно одна из тубаларских организаций получила территорию в пос. Артыбаш, на которой, согласно условиям, тубалары должны построить два торговых центра этнической направленности. В защите родных земель заинтересованы не только тубалары, но и другие местные жители, независимо от их этнической принадлежности. Они, пользуясь правами тубаларов, отстаивают право на свои земли — таким образом, пытаются сохранить «свое» и сопротивляться активизации извне (ПМА 2023).

В отличие от бесермян, у тубаларов отсутствует проблема сокращения численности населения. Напротив, за 10 лет, в период между переписями 2010 по 2021 годы их количество выросло почти в два раза — с 1964 по 3620 чел. Тубалары даже выступают за контроль тех, кто себя записывает «тубаларом», поскольку, по их мнению, многие являются «ненастоящими» и «лжетубаларами», ориентированными на получение льгот и преференций КМН, а не на развитие традиционной культуры. Этот фактор также демонстрирует осмотрительность тубаларов в деле презентации своей идентичности во внешней среде. Таким образом, тубалары сегодня включены в сетевое пространство, однако в большей степени ориентированы за закрытую коммуникацию. Последние события заставляют их словно «защищать» свою культуру от происходящих событий, что говорит, однако, не столько о замкнутости, а сколько о выборе соответствующей стратегии.

Стратегия закрытости (опыт сойотов)

Сойоты компактно проживают в Окинском (с. Сорок и с. Орлик) и Тункинском (с. Монды) районах Республики Бурятия, но подавляющее большинство все-таки в Окинском, поэтому в научной литературе их часто называют окинскими сойотами (*Жуковская* 1994: 12). По типу хозяйства и образу жизни они таежные охотники и оленеводы (*Монгуш* 2012). Как и в случае с тубаларами, сойоты мало представлены в открытой виртуальной среде. В социальной сети ВКонтакте существует две группы, в которых представлены сойоты — это «Sayan Uula» и «Этнографический музей народов Забайкалья», в Одноклассниках одна группа под названием «Сойоты», в Telegram чатов и каналов не обнаружено. Но даже имеющиеся виртуальные сообщества сойотов требуют

пояснений относительно их деятельности. Сообщество «Sayan Uula» не имеет четкой этнической окраски и позиционирует себя как туристическая группа: «Группа Спортивной Организации «Саяан Уула». Ока от А до Я: Туры в Окинский район». При этом руководство сообществом ведется из пос. Орлик сойотом Сультимом Базаровым, а по хэштегам обнаруживается записи, посвященные сойотам. Группа «Этнографический музей народов Забайкалья» имеет мультиэтнический характер и представляет культуру сойотов наряду с другими этническими группами Бурятии. Группа в Одноклассниках «Сойоты» была образована в 2012 году, но никогда не функционировала.

Почему у сойотов низкая активность в сетевом пространстве? ***Во-первых***, это связано с их территориальной отдаленностью. Несмотря на то, что в местах проживания сойотов находится много природных объектов, привлекающих внимание туристов, путь в с. Орлик (административный центр района) непростой. Чтобы добраться из пос. Монды нужно проехать 150 км по гравиевой дороге, которая может быть опасна для новичков. Более того, из с. Орлика до туристических мест можно доехать только на специальном транспорте (например, самосвале «Урал»), что значительно утяжеляет поездку с точки зрения временных и финансовых ресурсов. Сами сойоты относятся к отсутствию туристического потока скорее положительно, поскольку таким образом сохраняется первозданная природа этих мест. По словам организатора поездок по Окинскому району Сультима Базарова, «в плане экологии здесь хорошо, потому что дорога здесь — сдерживающий фактор. Многим хорошо, что это сдерживающий фактор, а в плане экономики… Если бы дорога была, то был бы поток туристов. Но по опыту скажу, что лучше пусть так будет, пусть такая дорога будет».

Еще одним фактором является то, что сойотским местам проживания свойственны частые отключения света и сбой работы телекоммуникаций. Для сойотов кажется естественным не выходить на связь неделями, а потеря телефона не является проблемой. По словам жительницы Орлика, когда надолго отключают свет она начинает «целыми днями лепить позы» (во избежание порчи мяса в неработающих морозильных камерах).

Закрытость сойотов можно назвать «естественной» или «объективной» — она вызвана не внешними событиями или происшествиями, а спецификой природной среды. Территориальная закрытость отразилась на характерных чертах их этнической идентичности. Сойоты подчеркивают, что «закрыты горами», считают себя скромными, без стремления выделяться среди других. По их словам, у сойотов нет потребности позиционировать себя в сетях: «Мы сами как-то общаемся. И нести про себя в мир особо не хотят. Вообще в менталитете такого нет, чтобы выпячивать, про себя рассказывать». В этом отношении бурятские сойоты мало включены в виртуальную жизнь, и даже телефонная связь не несет для них той значимости, как реальное взаимодействие.

Для поддержки идентичности сойоты участвуют в этнических проектах, в основном в тех, которые реализуются внутри собственного рода и семьи. Ежегодно они выезжают на родовое место (чаще всего устья рек) и проводят встречи с родней, общаются и угощают друг друга. Считается, что сойоты ведут свое происхождение от озера Ильчир, и не так давно они выиграли всероссийский конкурс по этнокультурному туризму с проектом «Ильчир — сокровище сойотов». Туристический маршрут задействует этнокомплекс «Ильчир» — основанный в 2009 году музей под открытым небом, который сохранил культуру древних сойотов. Местные жители готовы реализовывать данный проект, однако подчеркивают, что Ильчир — священное место для сойотов и хотели бы сохранить объекты в чистоте, как в духовной, так и физической.

Второй причиной закрытости сойотов является их мультиэтничная идентичность, поскольку большинство считает себя одновременно и бурятами, и сойотами. Межэтнические браки непризнанных сойотов с бурятами в советский период привели к тому, что сегодня «чистых сойотов уже не осталось»: взрослые говорят о своем родстве с сойотами во втором и третьем поколениях (1/4 и 1/8 крови), а дети — четвертом и пятом (1/16 и 1/32 крови). Все из них записываются сойотами, хотя многие признают, что «значительная их часть — бурятская». На вопрос, почему им важно обозначать себя сойотами, а не бурятами, жительница с. Орлика ответила: «Четверть крови, хоть какая-то же есть, поэтому мы себя чувствуем сойотами». Директор школы улуса Сорок прокомментировала это так: «Это же наши предки. Все равно сойотами были — они здесь жили». Связь с родством, в том числе территориальным, является важным фактором их самоидентификации. По словам заведующей архивом с. Орлик Елены Цымбаевой, «для меня быть сойоткой — это желание возродить корни, традиции. Раньше наши предки здесь проживали. А ведь не зная родословной ты как бы и не человек» (ПМА 2023).

Из риторики сойотов можно заметить внимательное отношение к своему прошлому. Отчасти это объясняется тем, что одной из черт идентичности сойотов является уважение к предкам и почитание родни. Наличие в себе разной «крови» воспринимается как разные части себя, которые требуют внимания и почитания, и в этом отношении этничность потомков сойотов множественна и разнообразна. Будучи записанными сойотами, они также идентифицируют себя с бурятами: говорят на родном языке, проводят праздники и обряды. Их отличает не только этнический синкретизм, но и религиозный. Как сказала сойотка Анжелика: «У меня 8 кровей. Я хожу к ламе, шаману, и иногда ставлю в церкви свечку за русских родственников» (ПМА 2023).

Рассказывая о сойотах, жители Окинского района (записавшиеся сойотами) обычно говорят о них в третьем лице, например, «у них был свой язык», «они были оленеводами», «мы так и не нашли их костюм». По словам краеведа Алексея Папаева (тоже сойота), «они себя сойотами не осознают, но себя к ним относят». Таким образом, нынешние сойоты признают дистанцию и этнический разрыв между собой и предками.

Как и в случае с тубаларами, сойоты имеют устойчивый рост численности группы по данным последних переписей. В 2002 г. сойотами записались 2769 чел., 2010 г. — 3608 чел., 2020 г. — 4368 чел. Получается, что в период с 2010 по 2021 годы их население выросло на 17,4 %, а с 2002 по 2021 — на 36,6 %. Именование себя сойотами в переписи имеет в большей степени желание сохранить память о своих предках и местах их проживания.

В виртуальной среде сойоты в большей степени презентуют не сойотскую идентичность, а территорию своего проживания — природные объекты, наследие предков и родовые места. К примеру, в группе «Sayan Uula» администратор группы Сультим Базаров в основном пишет о поездках в интересные места Окинского района. Сойотский блогер Алексей Папаев публикует записи о природном наследии Саянских гор, традициях местных жителей и археологических памятниках родного района. Таким образом, сойоты не так часто говорят о себе, как об отдельной этнической группе, однако среда их проживания является ключевой для отождествления себя с народом — через нее объединяется их мультиэтническая идентичность, память о предках и надежды о будущих поколениях.

Переходная модель (опыт нагайбаков)

Нагайбаки компактно проживают в Нагайбакском районе Челябинской области; они являются православными по религии, тюрками по языку и в прошлом представляли

казачье сословие. Нагайбаки широко представлены в виртуальном пространстве: у них не менее 17 групп во ВКонтакте, три в Одноклассниках и один канал в Telegram. Наибольшее количество подписчиков зафиксировано в группе «Нагайбакский мир» в Одноклассниках: в ней состоит 912 человек. Группы нагайбаков во ВКонтакте создавались в основном в период с 2010 по 2018 годы. Среди них сложно выделить основную — все они организованы разными пользователями, модераторами и активистами исходя из их тематических запросов и интересов. У нагайбаков особенно развиты музейные группы, а также этнохарактерные сообщества, посвященные ключевым чертам их идентичности — языку, религии и казачеству.

Наиболее активно и продуктивно у нагайбаков происходит общение через «сельский» чат (к примеру, «Подслушано Париж»), чем через чат этнический (в названии или описании которого было бы упоминание о нагайбаках). Отдельным видом виртуальных групп являются сообщества, созданные пользователями, которые недавно покинули родные места. Сообщество «Питерские нагайбаки» основано уроженцем пос. Остроленский Петром Юскиным: по его описанию, «группа создана для помощи, общения и взаимодействия тех, кто переехал из Нагайбакского района в Санкт-Петербург, либо является другом или знакомым из Нагайбакского района». Хотя в группе так и не случилось общения между питерскими нагайбаками (контент группы не обновлялся несколько лет), вероятно, создание виртуального сообщества послужило психологической опорой для пользователя, желающего на новом месте найти соплеменников. Подобная судьба у группы «Париж и парижане», основанной уехавшими в Казань жителями села Париж Дмитрием и Викторией Кадыкеевыми. Сегодня сообщество неактивно, правда, время от времени в нем оставляют объявления и вопросы по поводу переезда в Париж — но не в нагайбакский, а во французский.

Сегодня половина из созданных групп не функционирует и перешла в статус «заброшенных». Судя по всему, многие из них были созданы ситуативно и не ставили задачу продолжительного существования. Если в начале 2010-х годов интернет-пространство служило площадкой виртуального позиционирования нагайбаков, то последние пять лет было заметно снижение киберактивности: обсуждения в группах практически не ведутся, а прежние блогеры не выкладывают записей. В 2015 г. 78-летняя пенсионерка Ольга Барышникова занималась переводом интерфейса *ВКонтакте* на родной язык (ее инициатива была встречена с интересом в медиапространстве), однако данная работа так и не была завершена (*Белоруссова* 2023).

В чем причина снижения сетевой активности нагайбаков последних десяти лет? Как и в случае с другими сообществами желание сетевой презентации связано с происходящими событиями в реальной жизни. С момента возникновения нагайбакского сообщества в XVIII и вплоть до сегодняшнего дня их идентичность развивалась турбулентно и неоднородно. В советское время нагайбаков перестали считать отдельным народом и причислили к татарам, а их этнический реванш пришелся на постсоветский кризис. С того времени нагайбаки начали реализовывать проекты: в каждом селе создали собственный нагайбакский музей, ездили по местам боевой славы своих предков (проект «Из Парижа в Париж» (*Белоруссова* 2014)), основали более десяти творческих коллективов. Таким образом, после советского подавления в 1990-е — начале 2000-х годов у нагайбаков произошел всплеск самосознания. Последние десять лет у нагайбаков наблюдается этнический спад. Одним из трагических моментов этнической истории нагайбаков стал пожар в музее пос. Остроленский в 2012 г., который полностью унич-

тожил здание и большую часть экспонатов. Если раньше народные праздники были масштабными событиями с приглашением гостей, то сегодня у них чаще проводятся мероприятия «для своих».

С одной стороны, создается впечатление, что реальная, а вместе с ней виртуальная жизни народа «сошли на нет». С другой, сегодня нагайбаки в большей степени ориентированы не на обозначение «себя» для «других», а на внутренний поиск. Это находит выражение в периодическом, несколько бессистемном обновлении контента на персональных аккаунтах и неспециализированных группах.

В последнее время нагайбаки вновь активизировались в сети: поводом стало создание виртуальных групп для желающих помочь специальной военной операции. В ноябре 2023 г. была образована группа «Нагайбак_фронту», которая сегодня является одной из востребованных в нагайбакском сообществе. При этом в группе нет выраженного этнического контента, в большей степени в нее приглашаются «нагайбакцы» — жители Нагайбакского района Челябинской области. При этом для обоснования некоторых действий, в том числе самого желания помогать, используются этнические акценты: пользователи сообщают, что «нагайбаки всегда стояли на страже родины». В мае 2023 г. нагайбаки собрали средства и отправили на фронт автомобиль УАЗ 452 («буханка»), который украшает надпись «Нагайбак». В начале 2024 г. поступила информация, что «народный» автомобиль был подбит, что опять же спровоцировало нагайбаков на сбор средств по его восстановлению через группу ВКонтакте.

Не так давно в подворьях пос. Остроленский была зафиксирована «африканская чума» среди поголовья свиней. На предписание к полному уничтожению домашних животных жители пос. Остроленский начали защищать свои хозяйства. Нагайбаки выложили в сеть видеообращение к губернатору Челябинской области, в котором акцентировали внимание на своей идентичности, связи с казачеством и приверженности родине. Кроме того, в ролике остроленцы упомянули легенду о том, как их предки «купали коней в парижских фонтанах» в период Заграничных походов 1813–1814 годов.

Вскоре, как реакция на видео, в сети появилась песня «Нагайбаки спасают свиней», содержащая следующие слова: «Мы остроленцы, мы нагайбаки, нас трогать нельзя, мы злые собаки», «можете хоть весь спецназ собрать, но наших свиней вам не достать». За короткое время песня превратилась в местный хит, который широко распространился в нагайбакской цифровой среде. Таким образом, сегодня нагайбакам свойственно ситуативное проявление этнической идентичности в сети: при определенных угрозах (как в случае с «африканской чумой») или чувстве этнического долга (желание помочь специальной военной операции) нагайбаки демонстрируют себя в сети, при отсутствии актуализации этнической идентичности, у них снижается активность. И в дальнейшем их идентичность может перейти в движение для адаптаций и изменений, что также имеет значение для их самосознания и ощущения принадлежности к группе.

* * *

Как показывают представленные примеры этнических сообществ, сегодня физическая и виртуальная среда оказываются взаимосвязанными в проявлении себя и своей культуры. Цифровое пространство по-своему становится «лакмусовой бумагой» и помогает более четко отражать процессы, происходящие в реальности. Желание быть узнаваемыми мотивирует бесермян выбирать открытый тип позиционирования, напротив, из-за

неоднозначности внешних обстоятельств тубалары предпочитают коммуникацию внутри своего сообщества. В случае сойотов территориальная отдаленность является ключевым фактором их закрытости в цифровой среде. Предпочитаемый тип может меняться в зависимости от разного рода обстоятельств: как показывает опыт нагайбаков, при неблагоприятных факторах они демонстрируют повышенную сетевую активность (открытость), а при относительном этническом спокойствии она снижается (закрытость).

В более широком смысле представленные модели демонстрируют сегодняшнюю подвижность этнической культуры и ее готовность к последующим адаптациям. Виртуальность становится вписанной в реальность и оказывает влияние на контексты культур, взаимодействия и стратегии этнических групп.

Источники и материалы

Мон бещерман 2021 — Мон бещерман. Я — бесермянин, бесермянка // Вконтакте. [Электронный ресурс]. 2021. https://vk.com/public202166920?ysclid=m9x2v5n1uk719220274

Организацию тубаларов 2022 — Организацию тубаларов внесли в список иностранных агентов // Новости Горного Алтая. 4 февраля 2022. https://www.gorno-altaisk.info/news/138809 (дата обращения: 20.08.2024).

ПМА 2023 — Полевые материалы автора, Республика Удмуртия, Республика Бурятия, Республика Алтай, 2023.

Төрөн Тылим — Төрөн Тылим. [Электронный ресурс, закрытый чат]. (дата обращения: 20.08.2024).

Эксперт 2022 — Эксперт: «Иностранным агентом признан не народ, а отдельное юрлицо…» // kmns.ru. [Электронный ресурс]. 10 февраля 2022. https://kmns.ru/blog/2022/02/10/эксперт-иностранным-агентом-признан/ (дата обращения: 20.08.2024).

Научная литература

Белоруссова С. Ю. Взлеты и падения: как меняется численность коренных малочисленных народов (по результатам переписи 2021 г.) // Сибирские исторические исследования. 2024. № 2. С. 46–70. https://doi.org/10.17223/2312461X/44/3

Белоруссова С. Ю. Из Парижа в Париж: путешествие нагайбаков по дорогам предков // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 128–135.

Белоруссова С. Ю. Исчезают ли нагайбаки? // Этнография. 2023. № 1 (19). С. 203–224. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224

Белоруссова С. Ю. Киберэтнография: методология и технология // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 123–145. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145

Белоруссова С. Ю., Хохолькова Н. А. Виртуальность и глобальность (на примере коренных народов России и Африки) // Этнография. 2023. № 4 (22). С. 160–180. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180

Жуковская Н. Л. Республика Бурятия: этнорелигиозная ситуация (1991–1993 гг.) / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 1994. № 56. С. 4–22.

Жюльен Ф. Трактат об эффективности. М.: Московский философский фонд, 1999. 288 с.

Кондратьев М. Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: Институт практической психологии, 1997. 335 с.

Монгуш М. В. Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк // Новые исследования Тувы. 2012. № 2. С. 62–78.

Олейник А. Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти. М.: Инфра-М, 2001. 416 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. М.: Фонд «Культурная инициатива»; Открытое общество «Феникс». 525 с.

Поправко В. Н. Закрытое интернет-сообщество как форма коммуникации в виртуальном пространстве // Вестник Томского Государственного университета. 2009. № 322. С. 52–54.

Радина Н. К. Трехфакторная модель А. В. Петровского для анализа «закрытой группы» и «закрытого общества» // Материалы Всерос. науч.-практической конференции «Социальная психология малых групп», посв. памяти А. В. Петровского. М.: МГППУ, 2009. С. 110–116.

Сорос Дж. Новый взгляд на открытое общество. М.: Магистр, 1997. 30 с.

Томбиянц Ю. Г. «Открытое» и «закрытое» общество в истории: мифы и реальность // Евразия: духовные традиции народов. 2013. № 1–2. С. 34–49.

Johnston C. D., Lavine H. G., Federico C. M. Open versus Closed: Personality, Identity, and the Politics of Redistribution. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 282 p.

Miller D., Costa E., Haynes N., McDonald T., Nicolescu R., Sinanan J., Spyer J., Venkatraman S., Wang X. How the World Changed Social Media. London: UCL Press, 2016. 286 p.

Van Osch W., Bulgurcu B. Idea Generation in Enterprise Social Media: Open versus Closed Groups and Their Network Structures // Journal of Management Information Systems. 2020. № 37 (4). P. 904–932. https://doi.org/10.1080/07421222.2020.1831760

References

Belorussova, S. Yu. 2014. Iz Parizha v Parizh: puteshestvie nagaibakov po dorogam predkov [From Paris to Paris: The Nagaibak's Voyage Along the Roads of the Ancestors]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* 3 (44): 128–135.

Belorussova, S. Yu. 2021. Kiberjetnografija: metodologija i tehnologija [Cyberethnography: Methodology and Technology]. *Etnografia* 3(13): 123–145. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145

Belorussova, S. Yu. 2023. Ischezaiut li nagaibaki? [Are Nagaibaks Disappearing?]. *Etnografiia* 1(19): 203–224. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-1(19)-203-224

Belorussova, S. Yu. 2024. Vzlety i padeniia: kak meniaetsia chislennost' korennykh malochislennykh narodov (po rezul'tatam perepisi 2021 g.) [Ups and Downs: How the Number of Indigenous Peoples Is Changing (According to the Results of the 2021 Census)]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia* 2: 46–70. https://doi.org/10.17223/2312461X/44/3

Belorussova, S. Yu., and N. A. Khokholkova. 2023. Virtual'nost' i global'nost' (na primere korennykh narodov Rossii i Afriki) [The Virtual and the Global: Indigenous Peoples of Russia and Africa in Digital Environment]. *Etnografiia* 4(22): 160–180. https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180

Johnston, C. D., H. G. Lavine, and C. M. Federico. 2017. *Open versus Closed: Personality, Identity, and the Politics of Redistribution*. Cambridge: Cambridge University Press. 282 p.

Julien, F. 1999. *Traktat ob effektivnosti* [Treatise on Efficiency]. Moscow: Moscow Philosophical Foundation. 288 p.

Kondratiev, M. Yu. 1997. *Podrostok v zamknutom kruge obshcheniia* [Adolescent in a Closed Circle of Communication]. Moscow: Institute of Practical Psychology. 335 p.

Miller, D., E. Costa, N. Haynes, T. McDonald, R. Nicolescu, J. Sinanan, J. Spyer, S. Venkatraman, and X. Wang. 2016. *How the World Changed Social Media*. Moscow: UCL Press. 286 p.

Mongush, M. V. 2012. Tofalary i soioty: istoriko-etnograficheskii ocherk [The Tophas and the Soyots: Historical and Ethnographic Essay]. *Novye issledovaniia Tuvy* 2: 62–78.

Oleynik, A. N. 2001. *Tiuremnaia subkul'tura v Rossii: ot povsednevnoi zhizni do gosudarstvennoi vlasti* [Prison Subculture in Russia: From Everyday Life to State Power]. Moscow: Infra-M. 416 p.

Popper, K. 1992. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Vol. 1. Moscow: Cultural Initiative; Phoenix. 525 p.

Popravko, V. N. 2009. Zakrytoe internet-soobshchestvo kak forma kommunikatsii v virtual'nom prostranstve [Closed Internet Community as a Form of Communication in Virtual Space]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta* 322*:* 52–54.

Radina, N. K. 2009. Trekhfaktornaia model' A. V. Petrovskogo dlia analiza «zakrytoi gruppy» i

«zakrytogo obshchestva» [A. V. Petrovsky's Three-Factor Model for the Analysis of 'Closed Group' and 'Closed Society']. In *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Sotsial'naia psikhologiia malykh grupp», posviashchennoi pamiati A. V. Petrovskogo* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference «The Social Psychology of Small Groups» in the Memory of A. V. Petrovskii]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi psikhologo-pedagogicheskii universitet. 110–116.

Soros, G. 1997. *Novyi vzgliad na otkrytoe obshchestvo* [A New Look at the Open Society]. Moscow: Magister. 30 p.

Tombiyants, Yu. G. 2013. «Otkrytoe» i «zakrytoe» obshchestvo v istorii: mify i real'nost' ['Open' and 'Closed' Society in History: Myths and Reality]. *Evraziia: dukhovnye traditsii narodov* 1–2: 34–49.

Van Osch, W., and B. Bulgurcu. 2020. Idea Generation in Enterprise Social Media: Open versus Closed Groups and Their Network Structures. *Journal of Management Information Systems* 37(4): 904–932. https://doi.org/10.1080/07421222.2020.1831760

Zhukovskaya, N. L. 1994. Respublika Buriatiia: etnoreligioznaia situatsiia (1991–1993 gg.) [Republic of Buryatia: Ethno-Religious Situation (1991–1993)]. *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* 56: 4–22.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/241-258
Научная статья

© Д. Г. Зубко

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКИХ МИФИЧЕСКИХ СУЩЕСТВ НА СОВРЕМЕННУЮ ПОП-КУЛЬТУРУ: ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА ДРАКОНА В ВИДЕОИГРАХ

В статье рассматривается влияние китайских мифических драконов на современную поп-культуру на примере видеоигр, а также анализируется трансформация образа китайского дракона в культурном контексте. Особое внимание уделяется адаптации этого символа, включая возможные изменения в его символике и значении под влиянием массовой культуры. Автор исследует историческое и культурное значение образа дракона в китайской мифологии, его символику и эволюцию в культурном контексте Китая, а также анализирует, как китайские мифические драконы представлены в современных видеоиграх, созданных в Китае, и определяет ключевые черты их образа. Исследование охватывает особенности визуального и смыслового восприятия дракона, а также его роли в сюжетах и механике популярной видеоигры Black Myth: Wukong. Анализ представления китайских мифических драконов в современных видеоиграх, созданных в Китае, позволил выявить культурные трансформации, которые претерпевает этот древний символ в контексте современной поп-культуры. В видеоиграх дракон не только сохраняет свои традиционные черты, но и получает новые интерпретации, отражающие современные тенденции и культурные особенности. Статья освещает способы, с помощью которых китайский мифологический дракон стал значимым культурным элементом, способствующим межкультурному обмену и диалогу между Востоком и Западом.

Ключевые слова: *дракон, видеоигра Black Myth: Wukong, роман «Путешествие на Запад», мифологический образ, Сунь Укун*
Ссылка при цитировании: *Зубко Д. Г.* Влияние китайских мифических существ на современную поп-культуру: исследование образа дракона в видеоиграх // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 241–258.

UDC 39
DOI:10.33876/2311-0546/2025-2/241-258
Original Article

© Darya Zubko

THE INFLUENCE OF CHINESE MYTHICAL CREATURES ON CONTEMPORARY POP CULTURE: A STUDY OF DRAGON IMAGERY IN VIDEO GAMES

The article deals with the influence of Chinese mythical dragons on modern pop culture on the example of video games, and analyses the transformation of the Chinese dragon

Зубко Дарья Геннадьевна — к. и. н., преподаватель, Второй Пекинский институт иностранных языков (Китай, 100024 Пекин, ул. Чаоян, Нанли 1). Эл. почта: dasha.zubko.2018@mail.ru

image in the cultural context. Special attention is paid to the adaptation of this symbol, including possible changes in its symbolism and meaning under the influence of mass culture. The author explores the historical and cultural significance of the dragon image in Chinese mythology, its symbolism and evolution in the Chinese cultural context, and analyses how Chinese mythical dragons are represented in modern video games created in China and identifies key features of their image. The study covers the visual and semantic perception of the dragon and its role in the plots and mechanics of the popular video game Black Myth: Wukong. The analysis of the representation of Chinese mythical dragons in modern video games created in China allowed us to identify the cultural transformations that this ancient symbol undergoes in the context of modern pop culture. In video games, the dragon not only retains its traditional features, but also receives new interpretations that reflect contemporary trends and cultural characteristics. The article highlights the ways in which the Chinese mythological dragon has become a significant cultural element that promotes intercultural exchange and dialogue between East and West.

Keywords: *dragon, Black Myth: Wukong video game, Journey to the West novel, mythological image, Sun Wukong*

Author Info: Zubko, Darya G. — Ph.D. in History, Teacher, Beijing International Studies University, BISU (Beijing, China). E-mail: dasha.zubko.2018@mail.ru

For citation: Zubko, D. G. 2025. The Influence of Chinese Mythical Creatures on Contemporary Pop Culture: A Study of Dragon Imagery in Video Games. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 241–258.

Введение

Постановка проблемы. Китайская мифология представляет собой богатую и сложную систему, наполненную мифическими существами, которые на протяжении тысячелетий служили источником вдохновения для художников, писателей и широкой общественности. Эти существа, такие как драконы, фениксы, цилинь (который изображается либо в виде единорога, либо как животное с телом оленя, головой однорогого дракона, львиной гривой и хвостом быка), и многие другие, занимают ключевое место в китайских легендах и играют важную роль в формировании культурного и духовного наследия Китая. Дракон является одним из наиболее значимых и почитаемых существ в китайской мифологии. Феномен «дракона» привлек внимание мировой научной среды и стал объектом изучения в рамках различных дисциплин, которые впоследствии были объединены в драконологию. В отличие от западных драконов, которые часто ассоциируются с злыми и разрушительными силами, китайские драконы (龙, Lóng) воплощают разнообразные аспекты и имеют глубокое символическое значение, тесно связанное с китайской культурой и мифологией.

Современная поп-культура активно использует мифологические образы и символы, в том числе и из китайской мифологии, для создания ярких и запоминающихся персонажей. Исследовательская проблема заключается в необходимости выявления и анализа механизмов интеграции и трансформации китайских мифических существ, таких как драконы, в современную поп-культуру на примере видеоигр, а также в определении степени их влияния на восприятие и понимание китайской культуры в международном контексте.

Актуальность исследования обусловлена несколькими важными факторами. Во-первых, в последние десятилетия наблюдается рост интереса к китайской культуре во всём мире, что выражается в увеличении числа туристов, интересующихся китайскими традициями, популярности китайских фильмов, сериалов и литературы. Во-вторых, китайские мифические драконы находят своё отражение в современном искусстве, кино, анимации и видеоиграх. Понимание их символики и роли в китайской культуре может обогатить восприятие и интерпретацию современных произведений искусства и медиа, где используются эти образы.

Кроме того, в различных культурах мифические существа, такие как драконы, обладают разной символикой и значением. Исследование китайских мифических драконов позволяет выявить, как эти символы трансформируются и адаптируются в различных культурных контекстах, способствуя межкультурному диалогу и пониманию. В этом контексте исследование влияния китайских мифических драконов на современную поп-культуру не только обогащает знания о китайской мифологии, но и способствует более глубокому пониманию процессов культурного обмена и взаимодействия в современном мире.

Обзор исследований. Исследованиями образа дракона в китайской мифологии занимаются ученые из разных стран и охватывают несколько научных сфер:

1. *Мифология и филология:* исследователи в этих областях изучают происхождение, эволюцию и функции дракона в китайской культуре. Они анализируют мифы, легенды, народные предания, поэзию и прозу, связанные с драконом, его символическое значение и роль: Рифтин Б. Л. (*Рифтин* 1979), Ступникова В. В. (*Ступникова* 2015; *Ступникова* 2016), М. В. де Фиссер (*Фиссер* 2008) и др.
2. *Культурология и искусствоведение:* ученые в этих областях исследуют дракона как культурный символ, его значение в китайской идентичности, национальной и культурной традиции, изучают визуальное представление дракона в китайском искусстве. Это включает в себя анализ изображений дракона в живописи, скульптуре, декоративно-прикладном искусстве и архитектуре, а также влияние этих изображений на восприятие дракона в обществе: Лю Дэцзэн (*Лю Дэцзэн* 2013), Виногродский Б. Б. (*Виногродский* 2017), Бянь Цзылун (*Бянь Цзылун* 2022), Виноградова Н. А. (*Виноградова* 2011), Богачихин М. М. (*Богачихин* 1998) и др.
3. *История и политология:* историки и политологи изучают эволюцию образа дракона в контексте различных исторических эпох и социальных изменений в Китае, как этот символ влияет на восприятие Китая в других странах, особенно в контексте его растущей экономической и военной мощи. Они исследуют, как дракон использовался в официальной символике, государственных ритуалах и как изменялись его интерпретации со временем с приходом к власти нового правителя: Сомкина Н. А. (*Сомкина* 2016), Решетов А. М. (*Решетов* 1996), Терехов А. Э. (*Терехов* 2016) и др.
4. *Религиоведение и философия:* в рамках религиоведения и философии исследуется значение дракона в китайских религиозных традициях, включая даосизм, буддизм и конфуцианство. Ученые рассматривают роль дракона в ритуалах, верованиях и его связь с представлениями о божественных существах и силах природы: Гарридо В. В. (*Гарридо* 2023), Иванова М. Г. (*Иванова* 2017), Маслов А. А. (*Маслов* 2006) и др.

Эти научные дисциплины взаимосвязаны и часто пересекаются в исследованиях, посвященных образу дракона, что позволяет получать более полное представление о его значении в китайской культуре. Несмотря на широкое использование этого образа в видеоиграх, влияние китайских мифических существ, таких как драконы, на совре-

менную поп-культуру, а также способы трансформации этих образов в международном контексте остаются недостаточно исследованными.

Необходимость изучения этой темы обусловлена ростом популярности видеоигр как ключевого элемента современной поп-культуры и их роли в глобальном распространении и интерпретации мифологических образов. В частности, важно понять, как китайские драконы, будучи глубокими культурными символами, преобразуются и воспринимаются в разных культурных контекстах, особенно в тех странах, где китайская мифология не является частью национальной культурной идентичности.

Целью настоящей работы является исследование роли и влияния китайских мифических драконов на современную поп-культуру на примере видеоигр, а также анализ восприятия и трансформации образа китайского дракона в культурном контексте. Особое внимание уделяется адаптации этого символа, включая возможные изменения в его символике и значении под влиянием массовой культуры. Задачи исследования включают:

1. Исследовать историческое и культурное значение образа дракона в китайской мифологии, его символику и эволюцию в культурном контексте Китая.
2. Проанализировать, как китайские мифические драконы представлены в современных видеоиграх, созданных в Китае, и определить ключевые черты их образа.
3. Сформулировать выводы о роли и влиянии китайских мифических драконов на современную поп-культуру, а также об их значении в контексте межкультурного взаимодействия.

Эти задачи позволят глубже понять значимость китайских мифических драконов и их влияние на современное общество, а также помогут выявить способы, посредством которых мифологические образы остаются актуальными и значимыми в сегодняшнем мире.

К ***методам исследования,*** применяемым в работе, относятся: *1) Исторический анализ:* исследование эволюции образа дракона от традиционной мифологии до современных игр. *2) Семиотический анализ:* изучение видеоигр, включающих китайских драконов, для выявления характерных черт образа, символики и функции; анализ игровых элементов (графика, сюжеты, персонажи) и их соответствие или отклонение от традиционного китайского мифического образа дракона.

В качестве эмпирической базы исследования была отобрана видеоигра Black Myth: Wukong (Черный миф: Укун) от китайских разработчиков, в которой элемент сюжетной и визуальной композиции составляет образ дракона. Выбор данной игры был обусловлен тем, что она представляет собой современную интерпретацию классических китайских мифологических сюжетов, в частности образов драконов.

Обращение к видеоиграм становится всё более актуальным, поскольку они представляют собой значимый элемент современной культуры и активно формируют мировоззрение, ценности и социальные практики миллионов молодых людей по всему миру. Видеоигры часто используют традиционные культурные элементы, включая мифы, легенды и фольклор, и адаптируют их к современному контексту. Это делает их важным инструментом в изучении того, как культура сохраняется, изменяется и интерпретируется в эпоху цифровых технологий. Анализ видеоигр может выявить, каким образом культурное наследие преобразуется в цифровой среде и как эти трансформации влияют на восприятие и понимание культуры.

Таким образом, видеоигры становятся важным объектом исследования, позволяя изучать не только современную культуру и общество, но и выявлять более глубокие процессы, происходящие на стыке технологий, медиа и культуры.

Основная часть

Китайская культура насчитывает тысячи мифов и легенд о драконах, и каждая провинция может иметь свои уникальные версии и интерпретации. Поскольку точное количество мифов и легенд о драконах в Китае сложно определить, так как эти истории передавались устно на протяжении тысячелетий и включают множество вариаций. Однако, можно выделить несколько основных тематических аспектов, в которых китайские драконы играют важную роль:

1. **Космогонические мифы**: Драконы часто упоминаются в мифах о создании мира. Один из таких мифов рассказывает о Нюйве, первом существе и творце людей, которая имела драконоподобные черты: голова человека и тело змеи (*Чжан Тунъян* и др. 2019).
2. **Императорские легенды**[1]: Драконы ассоциируются с императорами и имперской властью. Считалось, что императоры Китая являются потомками драконов, могут превращаться в них либо управлять ими (*Ма Чжэнь* 2020).
3. **Народные легенды**[2]: В этих историях драконы часто выступают как защитники людей или как олицетворение природных сил, таких как реки и моря (*Ма Чжэнь* 2020).
4. **Ритуальные и религиозные тексты**: Драконы появляются в даосских и буддийских текстах как духовные существа, обладающие магическими способностями (*Ежов* 2004).
5. **Легенды о героях**: В таких легендах драконы могут быть как союзниками, так и противниками героев (*Ежов* 2004).

Исторически образ дракона формировался под влиянием различных культурных и религиозных течений, начиная с древних шаманских верований и заканчивая конфуцианством, даосизмом и буддизмом. Дракон считался покровителем императоров и символом их божественного происхождения, что отражается в многочисленных артефактах, архитектурных элементах и ритуальных практиках (*Гарридо* 2023).

Эволюция символики дракона в китайской культуре прослеживается в изменении его роли и значений на протяжении столетий. В древние времена дракон ассоциировался с дождем и плодородием, что было жизненно важно для аграрного общества. Со временем образ дракона стал более сложным и многогранным, включая аспекты мудрости, защиты и контроля над стихиями (*Ступникова* 2015).

Современная китайская культура продолжает использовать образ дракона, сохраняя его традиционные символические значения, одновременно адаптируя его к новым культурным и социальным условиям. В искусстве, литературе, кино и других формах культурного выражения дракон по-прежнему занимает важное место, выступая как символ национальной идентичности и культурного наследия Китая.

К основным символам китайского дракона можно отнести:

1. *Сила и Могущество.* Император Китая традиционно олицетворялся с образом дракона, который выступал символом императорской власти и могущества. Императора называли «Сыном Дракона», а его трон именовали «Драконовым тро-

[1] Это совокупность мифов, преданий, связанных с правителями Китая, их сверхъестественным происхождением, подвигами, мудростью или связью с божественными силами. Они служили для легитимизации власти императоров, укрепления национальной идентичности и передачи моральных ценностей.

[2] Это богатый пласт фольклора, отражающий глубокую связь китайской культуры с мифологией, природой и духовными традициями.

ном», что подчеркивало его божественное происхождение и абсолютную власть над земным миром. Дракон также символизировал единство империи, представляя собой объединяющий элемент в политической и культурной жизни государства. В древнем Китае изображения девяти драконов на императорских одеждах служили подтверждением легитимности власти императора и его центральной роли как объединяющей фигуры всей страны.

2. *Защита и Покровительство.* В китайской культуре дракон часто выступает в роли защитника и тесно связан с водой, реками, морями и дождем. Считалось, что драконы управляют водными ресурсами и могут вызывать или прекращать дождь. Они защищали от засухи, наводнений и других природных бедствий. Это покровительство водами подчеркивало их роль как благодетелей, обеспечивающих процветание сельского хозяйства и защиту урожая.
3. *Процветание и Удача.* Драконы считаются приносящими удачу и благополучие. Во время китайского Нового года драконий танец исполняется для изгнания злых духов и привлечения удачи на весь предстоящий год. Образ дракона также часто используется в архитектуре и украшениях как символ богатства и процветания.
4. *Гармония и Уравновешенность.* В китайской философии дракон часто олицетворяет баланс сил природы, обеспечивая гармонию между Инь и Ян, небом и землей, водой и огнем. Как защитник, дракон символизирует сохранение порядка и гармонии в мире, предотвращая хаос и разрушение.
5. *Бессмертие и Духовность.* Дракон часто ассоциируется с бессмертием и духовными силами. В китайской мифологии драконы могут жить тысячи лет и трансформироваться в различные формы, включая людей. Это делает их символом бессмертия и мудрости.

Эти примеры показывают, как глубоко и многослойно значение дракона в китайской культуре, где он воплощает в себе самые важные аспекты жизни и космоса.

Анализ представления китайских мифических драконов в современных видеоиграх, созданных в Китае, позволяет выявить культурные трансформации, которые претерпевает этот древний символ в контексте современной поп-культуры. В видеоиграх дракон не только сохраняет свои традиционные черты, но и получает новые интерпретации, отражающие современные тенденции и культурные особенности.

Видеоигра Black Myth: Wukong, вдохновлённая классическим китайским романом «Путешествие на Запад», который был написан в конце XVI века, создана китайской студией Game Science и выпущена 20 августа 2024 г. Игра получила положительные отзывы от специализированных изданий. В игре игроку предстоит управлять персонажем, созданным на основе мифологического образа Сунь Укуна, и сражаться с разнообразными врагами на разных уровнях.

Уникальность романа У Чэн-эня «Путешествие на Запад» с мифологической точки зрения обусловлена несколькими аспектами:

1. *Синтез мифологических традиций:* роман объединяет элементы буддизма, даосизма и народных верований, создавая многообразный мифологический мир.
2. *Адаптация мифа о путешествии:* сюжет основан на реальном путешествии монаха Сюаньцзана за сутрами, но превращается в символическое изображение духовного пути к просветлению.
3. *Система мифологических персонажей:* герои, такие как Сунь Укун, воплощают архетипы и духовные аспекты человека, что придаёт образам многослойность и универсальность.

4. *Даосская фантастика:* роман построен по канонам жанра, затрагивая темы трансформации и бессмертия.
5. *Аллегоричность:* «Путешествие на Запад» наполнено символами, отражающими философские идеи, такие как борьба с внутренними демонами и стремление к освобождению.

Таким образом, уникальность романа заключается в глубоком синтезе мифологии и философии, создающем многослойное повествование с богатым культурным содержанием.

В романе У Чэн-энь «Путешествие на Запад» образы драконов также занимают важное место и представлены в различных формах, отражающих как традиционные китайские мифологические представления, так и оригинальную интерпретацию автора. Драконы в романе представлены как сложные мифологические образы, которые сочетают в себе традиционные черты китайской мифологии и символические функции, связанные с темами трансформации, искупления и духовного поиска. Они служат как мощными союзниками, так и воплощением природных сил, что добавляет глубину мифологическому миру романа.

Образ дракона в игре *Black Myth: Wukong* присутствует по нескольким важным причинам, связанным с мифологической, культурной и символической ролью драконов в китайской традиции, а также их значением в контексте источника вдохновения игры — романа «Путешествие на Запад». Среди противников главного героя Сунь Укуна в игре представлены шесть видов драконов: Канцзинь-лун (亢金龙), Чэнь-лун (辰龙), Чижань-лун (赤髯龙), Цинбэй-лун (青背龙), Сяохуан-лун (小黄龙), Сяоли-лун (小骊龙). Драконы в игре служат символом силы и являются сложными испытаниями для главного героя, Сунь Укуна (Царя Обезьян). Это соответствует традиции, где герои часто сталкиваются с драконами как с могущественными существами, проверяющими их способности, мудрость и силу. В игровом контексте такие встречи реализованы в виде сложных боевых сражений, где драконы выступают в качестве боссов или охранителей важных сюжетных объектов.

1. В контексте нашего исследования интересным представляется образ **Канцзинь-лун (亢金龙)** — полурыба-полудракон. В романе этот персонаж упоминается лишь однажды — в эпизоде, где он помогает Сунь Укуну выбраться из золотого круга. По китайской мифологии данный дракон относится к одному из четырех небесных животных в созвездии китайского лунного зодиака и отвечает за восточное направление.

Китайский лунный календарь, основанный на движении Луны, является важной частью китайской астрономической и культурной традиции. Данный календарь развивался на протяжении тысячелетий и стал основой многих аспектов китайской жизни, включая сельское хозяйство, религиозные обряды и общественные праздники. Одним из его важнейших элементов является система из 28 созвездий, которые были использованы для деления небесной сферы и прогнозирования влияния небесных явлений на земные события. Эти созвездия представляют собой важный аспект китайской астрономической традиции и обладают богатым культурным значением.

Система 28 созвездий или «宿» уходит корнями в древнюю китайскую астрономию, которая тесно переплеталась с мифологией и фольклором. Каждое созвездие представляет собой часть лунного пути, вдоль которого Луна совершает свой оборот вокруг Земли. Эти созвездия также связаны с четырьмя небесными животными, которые, в свою очередь, управляют четырьмя сторонами света: Синюя (Черный воин или Черная черепаха) на севере, Цин-лун (Зеленый либо Лазурный дракон) на востоке, Байху (Белый тигр) на

западе и Чжуцюэ (Красная птица) на юге. В самом центре находится Желтый дракон (*Кобзев* 2017). В каждой стороне света имеются свои стоянки (созвездия), которым присвоена связь с одним из 28 животных, а также добавлен один из иероглифов, обозначающих Солнце, Луну, металл, дерево, воду, огонь или землю, чтобы создать их названия.

Одно из таких созвездий — 亢金龙 (Канцзинь-лун). Название звезды — «Кан», элемент — «золото», тотем — «дракон». Это второе по счету восточное созвездие, расположенное в области шеи в группе звезд Цин-лун (Зеленый дракон) и представляет сущностью Зеленого дракона.

В храме Юйхуан в Цзэчжоу (город Цзиньчэн) находятся сделанные в эпоху Юань яркие скульптуры 28 созвездий, которые выглядят удивительно живыми. Интересно, что образ Канцзинь-луна значительно отличается от привычного представления. Это единственная разгневанная богиня среди девяти женских фигур. Её волосы развеваются вверх, глаза, похожие на феникса, сурово устремлены в сторону, а под правой рукой извивается дракон, чья голова направлена в ту же сторону, куда смотрит богиня. Вся скульптура не только передаёт мощь, но и демонстрирует мастерство древней китайской полихромной скульптуры и романтическую фантазию, связанную с изображением созвездий (山西云媒体 2024).

Восточный Зелёный дракон (Цин-лун 青龙) — одно из самых известных мифических существ в китайской культуре и символ Востока. Цин-лун, известный под разными названиями, отражает его богатую и многогранную природу. Наиболее распространенное название «Цин-лун» переводится как «Лазурный дракон» или «Зеленый дракон», подчеркивая его ассоциацию с синим или зеленым цветами. Согласно концепции пяти стихий (дерево, огонь, земля, металл и вода) и их взаимосвязи с пятью сторонами света, считалось, что восток связан с деревом и имеет зеленый цвет, поэтому этот дракон был назван «Цин-лун». В контексте четырех символов Цин-луна иногда называют «Восточным драконом» или «Драконом Востока», подчеркивая его роль хранителя восточного направления. Кроме того, в определенных астрологических контекстах Цин-лун связан с элементом Дерева, что еще больше подчеркивает его связь с ростом, жизненной силой и весенним обновлением (*Nitten Nair* 2024). Он *«представляет синий дворец (сектор) востока и тепла, весны и утра, сектор Дерева и Юпитера... Восточный дворец неба есть одна четвертая его часть, которая из зодиакальных созвездий включает в себя Деву, Весы, Скорпиона и Стрельца...»* (*Арефьев* 1999: 116). Легенды гласят, что Цин-лун защищает эту часть неба и управляет восточным ветром, который приносит дожди и обновление природы. Экстраординарные силы и способности Цин-луна укрепляют его статус божественного существа-защитника. Будучи драконом, он повелевает водой и погодой, призывая дождь для питания земли и поддержания баланса в природе. Это господство над водой также символизирует ее роль в гармонии и равновесии. Способность Цин-луна трансформироваться по желанию позволяет ему адаптироваться и эффективно защищать свое царство (*Nitten Nair* 2024).

В Средние века Цин-лун и Бай-ху считались духами-хранителями дверей. В более поздних народных картинах Цин-лун изображался в виде животного, и его образ имел оберегающий и благопожелательный смысл. Присутствие Цин-луна считается благословением. В древности его наносили на военные знамёна, которые несли впереди войска во время походов (ЭС 2009). Согласно мифу, первопредок Фуси на Зеленом драконе отправлялся путешествовать (*Ма Чжэнь* 2020).

Внешний вид Цин-луна (*Nitten Nair* 2024):

1. *Тело:* Дракон имеет длинное, извивающееся тело, похожее на змею, что символизирует гибкость и динамичность.
2. *Рога:* На голове у дракона обычно изображаются оленеподобные рога и/или рог единорога, что придает ему мистический и величественный вид, символы силы и благородства.
3. *Чешуя:* Тело дракона покрыто мелкими чешуйками, напоминающими рыбу или змей, что ассоциируется с его связью с водой.
4. *Усы и грива:* Дракон имеет длинные усы и пышную гриву, которые развеваются по бокам его головы. Это символизирует мудрость и силу.
5. *Когти:* У Цин-луна по четыре когтя на каждой лапе (иногда изображают три, пять). Некоторые художественные интерпретации включают светящуюся жемчужину, зажатую в его когтях, символизирующую мудрость и просветление.
6. *Цвет:* Основной цвет дракона — зелёный либо лазурный (синий), символизирующий рост, природу, свежесть и энергию весны, обладает энергией Ян и покровительствует мужчинам.
7. *Глаза:* Большие, яркие глаза дракона сверкают, придавая ему выражение силы и проницательности.
8. *Крылья:* В классических изображениях китайские драконы часто не имеют крыльев, однако они способны летать благодаря своей божественной природе.

Цин-лун часто изображается парящим в небе среди облаков, что подчеркивает его небесное происхождение и связь с природными силами.

В мифах и легендах Цин-лун часто ассоциируется с природными циклами, небесными явлениями и защитой императора. В китайской практике Фэншуй Цин-лун также играет ключевую роль. Он ассоциируется с восточной частью участка и символизирует удачу и защиту. В классических текстах по Фэншуй говорится, что «Лазурный дракон является хранителем Востока и предвестником хороших изменений в жизни» (Библиотекарь.Ру 2024).

Присутствие Цин-луна находит отражение в архитектуре и градостроительстве, где мотивы дракона широко используются для украшения зданий, обеспечивая символическое привлечение его защитной энергии. Принципы фэншуй часто включают в себя символику Цин-луна, его влияние особенно высоко ценится на востоке, где он ассоциируется с привлечением положительной энергии. В массовой культуре образ Цин-луна сохраняет своё очарование, часто встречаясь в фильмах, телесериалах и видеоиграх, где его изображают как могущественного и благожелательного стража, что способствует интеграции древних мифов в современные повествования (*Nitten Nair* 2024).

В игре Black Myth: Wukong визуально Канцзинь-лун выделяется среди других мифологических драконов игры уникальными чертами, сочетающими традиционные образы драконов с элементами мифических существ. Как и в мифах, этим драконом управляет разгневанная Богиня. Только игровой образ Богини сильно отличается от мифического образа. В игре дракон Канцзинь-лун появляется как важный элемент, интерпретирующий классические мифологические мотивы Китая. Его образ прослеживается через эстетическое оформление и символизм игры.

Внешний вид Канцзинь-луна в игре:

1. *Тело:* Канцзинь-лун имеет длинное, извивающееся змееподобное тело, что символизирует его связь с водой и воздушными потоками. Он изображен без крыльев, но парящим в небе.

2. *Голова:* Характерной чертой является массивная голова с широкой пастью усами и большой гривой.
3. *Рога и гребень:* Наличие рогов и гребня на голове подчеркивает божественное происхождение Канцзинь-луна.
4. *Чешуя:* Его тело покрыто плотной серебристо-белой чешуей, что подчеркивает его связь с водной стихией и защитные свойства.
5. *Зубы:* Канцзинь-лун изображается с крупными острыми зубами, что символизирует его устрашающую мощь.

Особенности образа Канцзинь-луна в Black Myth: Wukong:

1. *Мифологическая точность:* В игре дракон представлен в соответствии с традиционными китайскими мифами. Он связан с водной стихией, и его появление на озере подчеркивает эту связь.
2. *Дизайн и визуализация:* Визуально Канцзинь-лун представлен с длинным телом, чешуей и устрашающим видом, что напоминает классические изображения.
3. *Символика и функции:* В игре дракон символизирует защиту, власть и связь с природными элементами, управляя молниями и охраняя храм.
4. *Интерактивность:* Канцзинь-лун выступает в роли мощного противника, с которым игроку предстоит взаимодействовать.

Таким образом, разработчики *Black Myth: Wukong* предлагают новое осмысление образа Канцзинь-луна, наделяя его способностью управлять громом и молнией, что является отсылкой к мифу о Тяньюе, сыне Цин-луна, ассоциируемом с контролем над молнией. Существенным отступлением от традиционного представления становится изменение цвета чешуи дракона, которая отличается от классических зелёных или лазурных оттенков. Кроме того, его появление в заснеженном ущелье нарушает традиционную связь Цин-луна с весенним циклом. Фигура богини, управляющей драконом, ближе к образу Будды, однако, несмотря на эти нововведения, образ сохраняет мифологические корни и остаётся важным как в визуальном, так и символическом плане в рамках китайской культурной традиции.

2. Дракон **Чэнь-лун (辰龙)** является уникальным образом, поскольку в романе «Путешествие на Запад» он не представлен как отдельный персонаж. Этот образ имеет собирательный характер и символизирует всех драконов, так как знак дракона в китайском зодиаке занимает пятую позицию в системе «двенадцати земных ветвей» и связан с ветвью «чэнь» (辰), что объясняет его название «Чэнь-дракон». Дракон соотносится с элементом «чэнь-земля» (辰土). В древнекитайской культуре дракон олицетворял императорскую власть и обладал способностью управлять ветром и дождём. Поскольку дракон ассоциируется с водной стихией, а «чэнь-земля» символизирует водохранилище, он занимает пятую позицию в зодиакальном круге. Годы, связанные со знаком дракона, включают Цзя-чэнь (甲辰), Бин-чэнь (丙辰), У-чэнь (戊辰), Гэн-чэнь (庚辰) и Жэнь-чэнь (壬辰) (韩农 2020).

Час, соответствующий знаку дракона, называется «чэнь-час» и длится с 7 до 9 утра, когда часто наблюдается туман. Согласно мифам, дракон может парить в облаках и исчезать в туманной дымке, когда виден только его хвост, а голова скрыта. Хотя это лишь легенда, в реальной жизни люди могли воображать образ дракона, видя его «силуэт» в густом тумане. Таким образом, дракон связывается с «чэнь-часом» и получил название «Чэнь-дракон» (韩农 2020).

В игре *Black Myth: Wukong* Чэнь-лун (辰龙) представлен в виде небольшого пожилого дракона, обладающего способностью атаковать молниями и периодически взмывающего в воздух, что делает его недосягаемым для главного героя. Дракон использует свой длинный хвост в качестве оружия, нанося удары по противникам.

Внешний облик Чэнь-лун соответствует традиционным представлениям о китайском драконе: он имеет длинное, змееподобное тело, рога и усы, что отражает его символическое значение мудрости, силы и покровительства. Однако персонаж обладает и антропоморфными чертами, что отличает его от классического образа китайского дракона. В частности, он стоит на задних лапах, одет в традиционное восточное одеяние зелёного цвета с золотыми элементами и держит в руке жезл жуи — талисман, символизирующий власть, удачу и счастье. Чэнь-лун имеет изогнутую длинную шею, мощные когтистые лапы и украшенную рогами голову с вытянутой мордой и длинными усами, что соответствует типичным чертам китайского дракона.

После победы над этим персонажем он помогает главному герою, что подчёркивает его роль в развитии сюжета. Таким образом, Чэнь-лун в *Black Myth: Wukong* сохраняет основные характеристики китайского дракона, такие как помощь герою, форма тела и символичность, однако адаптирован под игровую среду путём добавления антропоморфных черт и боевых функций.

В китайской мифологии не все образы оставшихся драконов (Чижань-лун 赤髯龙, Цинбэй-лун 青背龙, Сяохуан-лун 小黄龙, Сяоли-лун 小骊龙) присутствуют, но многие упоминаются в романе «Путешествие на Запад». Несмотря на отсутствие описания их внешнего облика в тексте, визуальные интерпретации этих персонажей присутствуют в фильмах и иллюстрациях к детским изданиям, основанным на данном произведении, что позволяет проследить особенности их внешнего облика.

Поскольку этот роман сочетает буддийские и даосские элементы, объединяет народные мифы и верования, создавая многослойный мир, в котором люди, боги и демоны переплетаются в сюжетах. С точки зрения мифологии, роман вводит архетипы и символические образы, такие как путешествующие герои, мифические существа, и среди них важное место занимает образ дракона. В романе представлены драконы как представители водной стихии и как хранители космического порядка, что усиливает их значение в китайской культуре как символов силы, мудрости и баланса. Благодаря «Путешествию на Запад» некоторые уникальные образы драконов (например, Чижань-лун 赤髯龙, Цинбэй-лун 青背龙) обрели популярность в игре и начали восприниматься как отдельные мифологические фигуры, даже несмотря на отсутствие их описания в традиционной мифологии.

Кроме того, роман переосмысливает некоторые традиционные китайские мифы и показывает, как различные божества и духи могут сосуществовать и взаимодействовать. Таким образом, «Путешествие на Запад» расширяет и обогащает мифологический канон Китая, оказывая влияние на его народные верования и современную культуру. Поэтому оставшиеся образы драконов (Чижань-лун 赤髯龙, Цинбэй-лун 青背龙, Сяоли-лун 小骊龙, Сяохуан-лун 小黄龙) нами описаны через роман и их представление в искусстве Китая.

В Китае существует пословица: «Дракон рождает девятерых, и все они различны» («龙生九种, 九种各别»), что указывает на представление древнекитайских мифов о девяти детях дракона, каждый из которых отличается уникальными чертами, характером, качествами и предпочтениями. Различные источники приводят разные списки имен, однако наиболее часто встречаются такие имена, как Цюню (囚牛), Яцзы (睚眦), Чаофэн (嘲

风), Пулао (蒲牢), Суанни (狻猊), Бисю (狴犴), Бицянь (狴犴), Фуси (负屃) и Чивэнь (螭吻) (*Сомкина* 2016).

В классическом китайском романе «Путешествие на Запад» изображаются различные драконьи короли — от повелителей Четырёх Морей до властителей рек, озёр и даже небольших водоёмов. У речного дракона, согласно тексту, девять сыновей, что можно рассматривать как отсылку к мифологическому мотиву, хотя их образы отличаются от традиционных представлений о девяти сыновьях дракона. Для нашего исследования важны только те драконы, которые упоминаются в игре. Статус драконов в романе достаточно скромен и сопоставим с положением местных чиновников, что ограничивает их полномочия. Несмотря на это, драконы ведут обеспеченную жизнь в подводных дворцах и садах, будучи избавленными от материальных нужд. В игровом же контексте, как и в мифологическом, этим персонажам нередко приписываются сила и могущество, что позволяет их образам обрести полное воплощение в виртуальном мире.

3. В 43-й главе романа «Путешествие на Запад» упоминается, что у Дракона реки Цзинхэ было девять сыновей. **Чижань-лун (赤髯龙)** — один из них, занимая четвёртое место по старшинству. Он выполняет роль стража реки Хэду 河渎 (Жёлтой реки). Хотя в романе его внешний облик и характер не раскрыты, происхождение имени Чижань-лун можно трактовать исходя из его составных элементов: «чижань» (赤髯) — «красная борода», что, вероятно, указывает на красный цвет его гривы. В древнекитайской культуре красный цвет ассоциировался с процветанием и авторитетом, что также подчёркивает высокое положение Чижань-луна в семье драконьего короля реки Цзинхэ, поскольку он управляет Желтой рекой. В дальнейшем образ этого персонажа не раскрывается. Также данный дракон отсутствует в китайской мифологии.

В игре Black Myth: Wukong Чижань-лун в переводе на русский язык имеет имя Красный лун и представлен как мистическое существо с красной гривой и огромными ветвистыми рогами, массивным телосложением и внушительным обликом. Его образ включает способность парить в небесах, скрываться в глубинах, странствовать среди гор и рек, демонстрируя необычайную силу и мистическую привлекательность. Этот дракон атакует молниями. Интересен этот образ и тем, что на спине этого дракона имеется несколько искрящихся емкостей, похожих на курильницы Бошань. Эти визуальные и символические характеристики не только дополняют облик Чижань-луна, но и делают его важным элементом представления китайцев об этом драконе в игровом пространстве.

4. Дракон **Цинбэй-лун (青背龙)** — персонаж романа *«Путешествие на Запад»*, который занимает третье место по старшинству. Согласно иероглифам имени, «цинбэй» (青背) указывает на наличие у него зелёной спины. Этот дракон, согласно описаниям, обитает в районе реки Цзянду (江渎), которую ныне ассоциируют с рекой Янцзы. Однако в китайской мифологии как таковой образ Цинбэй-лун отсутствует.

В игре *Black Myth: Wukong* данный персонаж известен среди российских игроков под именем «Синий лун» в связи с его сине-зелёной окраской чешуи. Его облик включает черты мифического существа и древнего воина. Тело дракона мускулистое, с крупными когтями на ногах, напоминающими лапы животного, что обеспечивает ему устойчивость и добавляет мощи. Перемещается он на задних лапах, демонстрируя способности парить в воздухе и плавно двигаться, как будто «плавая» по арене, но при этом оставаясь близко к земле.

В руках «Синий лун» держит длинный меч, украшенный резными узорами и красными вставками, усиливающими его образ мистической силы. Меч обладает уникальной способностью создавать электрические разряды. На голове дракона располагаются ветвистые рога, напоминающие древесные ветви, что символизирует его связь с природой и древнюю сущность. Одежда дракона включает элементы, напоминающие корни или ветви, которые обрамляют его шею и плечи, завершая целостный образ.

5. Малый Желтый Дракон **Сяохуан-лун (小黄龙)**, как следует из иероглифов «сяо» (小) — малый, «хуан» (黄) — желтый, представляет собой дракона с желтой чешуей. Этот персонаж изображен в романе «Путешествие на Запад» как старший сын Дракона реки Цзинхэ. В произведении Сяохуан-лун представлен как обитатель реки Хуай, где он выполняет функцию Драконьего Короля, ответственного за управление водами реки. В мифологии данный дракон также находит отражение, сохранились различные версии народных сказаний, где он часто предстает в образе юноши. По легендам, Желтый Дракон способен вызывать дождь, тем самым оказывая помощь людям.

Ин-лун (应龙), также известная как Крылатый Дракон или Хуан-лун (黄龙 — «Желтый Дракон»), описывается в древнекитайском тексте «Книга гор и морей» как божественное существо, олицетворяющее гром и дождь и считающееся одной из первых мифологических фигур. Интересен факт, что в ряде источников Ин-лун представлена как существо женского рода, в то время как в других она упоминается преимущественно как мужская особь.

Во время великого наводнения, случившегося в период правления Великого Юя, Ин-лун пришла ему на помощь. Великий Юй, взявший на себя миссию по спасению пострадавшего населения, использовал помощь Ин-луна, которая, сметая хвостом землю, проложила водные пути, став героиней эпохи Юя. Впоследствии Ин-лун стала символом императорской власти и превратилась в Желтого Дракона, образ которого украшал царские артефакты. Однако ее крылья, изначально являвшиеся самой узнаваемой чертой, с середины эпохи Чжоу постепенно трансформировались в узоры, напоминающие облака (作者：不详。年代：先秦).

Ин-лун ассоциировалась с небесными божествами и выступала в роли покровителя Желтого императора. В мифах ей приписываются способности влиять на окружающую среду, включая управление водными потоками, облаками и туманом, а также умение изменять размеры и форму тела. Ин-лун символически сочетает в себе стихии воды и огня, что подчеркивает ее амбивалентную природу и значимость в китайской мифологической традиции.

Будучи символическим представителем центра и стихии земли в системе Пяти Сторон и Пяти Элементов, Ин-лун считалась покровителем облаков, дождя, грома, а также рек и каналов. Она почиталась как небесное божество и супруга бога Тайи, ей приписывали титул Ин-лун Шэнь — «божество, хранящее порядок и процветание».

Происхождение Ин-лун описывается в двух версиях. По одной из них она была рождена от Маоду и Юцзя, что связывало ее с фениксом и цилинем. Другая версия гласит, что дракон, доживший до 1500 лет, трансформируется в Ин-луна, становясь сначала Рогатым Драконом через 500 лет, а спустя еще тысячу лет — превращаясь в Крылатого Дракона Ин-лун (作者：不详。年代：先秦).

В игре *Black Myth: Wukong* персонаж Сяохуан-лун (小黄龙), известный русскоязычным игрокам как Желтый лун, представлен как один из королей-демонов и относится

к числу четырёх божеств рек. Его облик имеет антропоморфные черты с элементами дракона: он стоит на задних лапах, имеет три хвоста, голубоватую кожу, длинные рога, направленные вверх, и белые усы и волосы, собранные в пучок. Его костюм состоит из желтого одеяния с широкими рукавами и поясом, украшенного символами. В правой руке Сяохуан-лун держит гуань дао (关刀) — древнекитайское оружие, сочетающее функции копья, меча и шеста, называемое «генералом всех оружий». Это оружие обладает способностью излучать молнии при ударе. Кроме того, Желтый лун может парить в воздухе и атаковать противника.

Таким образом, игра адаптирует традиционные мифологические архетипы для создания более динамичного и уникального персонажа, сохраняя при этом элементы китайской мифологической традиции.

6. Дракон **Сяоли-лун (小骊龙)** также является персонажем романа «Путешествие на Запад» и занимает второе место по старшинству. Этот дракон упоминается и в традиционной китайской мифологии. Малый Ли Дракон, Черный дракон или Лилун (骊龙), согласно китайским мифам, также получил своё имя в соответствии с цветом тела. Иероглиф «ли» (骊) означает чёрный цвет тела Малого Ли Дракона. Малый Ли Дракон в романе управляет рекой Цзиду (济渎), современное название Цзишуй.

Согласно народной китайской легенде, существует Черный дракон, под челюстью которого скрывается жемчужина, стоящая тысячу золотых. Тот, кто завладеет ею, обретет великую мудрость. Лилун прячется на дне глубокого морского ущелья, и лишь дождавшись, пока он уснет, можно попытаться украсть жемчужину из-под его челюсти (人文记实录 2020). В Китае существует пословица «不思万丈深潭计，怎得骊龙颔下珠», которая означает: «Если не рискнуть спуститься в глубокую бездну, не достанешь жемчуг из-под челюсти Чёрного дракона». Используется как метафора, означающая, что без риска сложно получить ценные вещи. Также указывает на то, что без дальновидного плана невозможно достичь значительных результатов.

В китайской мифологии Черный дракон (骊龙, Lílóng) имеет особое значение и символику, тесно связанную с водной стихией и управлением дождем, облаками и водоемами. Он часто ассоциируется с силами природы и считается владыкой рек, озер и других водных источников. Черный дракон — один из важных духовных существ в китайском мифологическом пантеоне, наряду с другими водными драконами, такими как дракон из Восточного моря (青龙, Цин-лун) и белые или желтые драконы, символизирующие иные стихии и стороны света. В китайской мифологии драконы связаны с направлениями света, и Черный дракон символически представляет Север. Он ассоциируется также с зимой и холодом, что подчеркивает его отличия от огненных или солнечных образов драконов. Черный цвет традиционно ассоциируется с неизвестностью, загадкой и скрытыми силами, что наделяет Черного дракона мистическим ореолом. Его скрытность также символизирует опасность и силу, которая таится в глубинах. Черный дракон также связан с мудростью, проницательностью и знанием, которое он использует для управления водной стихией и тем самым оказывает влияние на судьбы людей. Он часто представлен как носитель древнего знания и охранитель природных ресурсов.

В искусстве и литературе Черный дракон изображается змееподобным с изысканной черной или темно-синей чешуей, мощными когтями, зловещими глазами, небольшими рогами, длинными усами и бородой и, как правило, с жемчужиной в лапах. Согласно иллюстрации к детскому изданию книги «Великие монстры в Запретном городе» (作

者：常怡 2019) Черный дракон нарисован в традиционном китайском стиле. Дракон изображен сидящим с черной чешуей, держащим светящуюся жемчужину в лапах. Он облачен в красную традиционную одежду, украшенную узорами.

В игре *Black Myth: Wukong* персонаж Сяоли-лун, получивший имя Черный Лун, имеет облик, напоминающий иллюстрацию к детской книге «Великие монстры в Запретном городе». Он обладает массивным, мускулистым телом, покрытым тёмно-зелёной чешуёй, и крупным животом. Ходит на задних лапах. Голова существа украшена рогами и длинными усами, что перекликается с образом традиционного китайского дракона. Черный Лун вооружён двумя крупными булавами, на поверхности которых расположены светящиеся шарообразные выступы, напоминающие жемчужины. Главная сила персонажа сосредоточена в этих булавах, с помощью которых он наносит серию мощных ударов по противнику, сопровождаемых электрическими разрядами. Черный Лун представлен в игре как враждебное существо, настроенное на сражение, и, в отличие от традиционного мифологического образа, не ассоциируется со стихией воды.

Таким образом, образ Черного Луна в *Black Myth: Wukong* значительно отличается от традиционного китайского представления. Персонаж адаптирован под атмосферу и мир игры, что привело к трансформации его внешнего вида и характера, придав ему более зловещий и физически угрожающий облик, с акцентом на боевую мощь. Лишь отдельные элементы сохраняют отсылки к традиционным мифологическим чертам.

Выводы

В игре Black Myth: Wukong, которая основана на мифологии и сюжетах романа «Путешествие на Запад», образы драконов переносятся в игровой мир с сохранением ключевых черт, характерных для оригинального произведения, но при этом претерпевают адаптацию для соответствия современной игровой эстетике и атмосфере:

Могущественные магические существа: драконы в игре представлены как мощные, магические создания, которые олицетворяют силу, подобно своему образу в романе. Их внешний вид и способности в игре подчеркивают величие и опасность, что делает их мощными противниками для главного героя.

Атмосфера и визуальный стиль: драконы в Black Myth: Wukong представлены в духе китайской мифологии, но в современном игровом оформлении. Их дизайн сочетает традиционные элементы, такие как удлинённое тело, усы и чешуйчатая кожа, с более реалистичным или фэнтезийным подходом, адаптированным к визуальному стилю игры. Это позволяет сохранить мифологическую основу, но делает её более захватывающей и зрелищной для современного зрителя.

Драконы как хранители и противники: подобно роману, в игре драконы выполняют роль хранителей определённых территорий или важнейших артефактов. Взаимодействие с ними представляет испытания и сражения, где драконы выступают как опасные противники или сложные боссы, что соответствует их статусу в китайской мифологии как существ, требующих уважения и силы для преодоления. Это передаёт дух оригинальных встреч с драконами в «Путешествии на Запад», где герои, чтобы продвинуться дальше, должны были доказать свою мудрость или силу.

Символика трансформации и духовного пути: драконы в игре также сохраняют символику трансформации и духовного роста. В китайской культуре и в романе дракон ассоциируется с внутренним развитием и преодолением трудностей. В игровом

мире это выражено через сюжетные линии, где драконы играют роль испытаний, которые главный герой должен преодолеть на своём пути к более высокому пониманию или новым силам.

Создатели *Black Myth: Wukong* стремятся сделать мифологические темы привлекательными для широкой аудитории, включая как китайских игроков, знакомых с оригинальной историей, так и международных поклонников. Образ дракона, являющийся одним из ключевых символов восточной мифологии, играет значимую роль в привлечении внимания игроков, интересующихся китайскими легендами, и в формировании аутентичного игрового мира. Этот мир гармонично объединяет элементы традиционной китайской культуры с современными игровыми механиками. Примечательно, что образы драконов, созданные разработчиками игры, приобрели столь высокую популярность, что начали восприниматься как подлинные мифические сущности. Впоследствии была опубликована книга, включающая иллюстрации игровых персонажей и вымышленные легенды, выполненная в стилистике древних китайских текстов.

Таким образом, в *Black Myth: Wukong* образы драконов адаптированы с учётом оригинальной мифологии «Путешествия на Запад», сохраняя символическое и культурное значение драконов, но при этом обогащены новыми визуальными и геймплейными элементами, которые делают их актуальными для игровой среды.

Источники и материалы

Арефьев 1999 — *Арефьев Б. А.* Дракон «раскусит» звездочета? // Знак вопроса. 1999. № 4. С. 84–124.

Библиотекарь.Ру 2024 — Великие талисманы Фэн-Шуй // Библиотекарь.Ру [электронный ресурс]. https://bibliotekar.ru/f/31.htm (дата обращения: 25.09.2024).

Богачихин 1998 — *Богачихин М. М.* Керамика Китая: История, легенды, секреты. М.: Фастпринт, 1998. 386 с.

Виноградова 2011 — *Виноградова Н. А.* Дракон в художественной культуре Китая // Искусство. Учебно-методическая газета для учителей МХК, музыки и ИЗО. М.: Первое сентября, 2011, № 16. С. 28–31.

Ежов 2004 — *Ежов В. В.* Мифы древнего Китая. М.: ООО Издательство АСТ, 2004. 496 с.

Ма Чжэнь 2020 — *Ма Чжэнь.* Мифы и легенды Китая. Пер. с кит. Н. О. Поверинова. М.: Международная издательская компания «Шанс», 2020. 143 с.

Чжан Тунъян, Ху Фанфан и др. 2019 — *Чжан Тунъян, Ху Фанфан, Янь Синъе.* Мифы и легенды Китая. Пер. с кит. А. С. Жмак. Москва: Шанс, 2019. 244 с.

ЭС 2009 — Энциклопедический словарь [электронный ресурс]. https://dic.academic.ru/dic.nsf/es/92505/ЦИН (дата обращения: 21.09.2024).

Nitten Nair 2024 — Qinglong: The Azure Dragon. https://mythlok.com/qinglong/ (дата обращения: 19.09.2024).

山西云媒体 2024 — 山西文物奇遇记：亢金龙. [Необычные находки артефактов в Шаньси: Дракон Канцзинь-лун] https://view.inews.qq.com/a/20240926A03QFQ00?media_id=&suid= (дата обращения: 17.09.2024).

人文记实录2020 — 民间故事。骊龙之珠 [Народные сказки. Жемчужина Черного дракона]. https://mbd.baidu.com/newspage/data/landingsuper?rs=4242527047&ruk=Y__IFwV0w-EC5QoOxVlMkg&urlext=%7B%22cuid%22%3A%22_uHjagusH8gCuHupluBDi_89vi_ZaS8I_8SVtguP-805uSivl8-3u08rSR5OiQOC98XmA%22%7D&isBdboxFrom=1&pageType=1&sid_for_share=&context=%7B%22nid%22%3A%22news_9564072005490554726%22,%22sourceFrom%22%3A%22other%22%7D (дата обращения: 03.11.2024).

作者：不详。年代：先秦 — 山海经 [Книга гор и морей]. http://www.chunzang.com/shanhaijing/ (дата обращения: 29.11.2024).

常怡 2019 — 故宫里的大怪兽：追踪骊龙 [Великие монстры в Запретном городе].
韩农 2020 — 韩老师精解汉字生肖《辰龙》[Интерпретация китайского зодиака — «Дракон Чэнь»]. https://mp.weixin.qq.com/s/6hq29zpwraOvjKB3M4F1Eg (дата обращения: 13.10.2024).

Научная литература

Бянь Цзылун. Иконография образа дракона в традиционном китайском декоративно-прикладном искусстве. Дисс. канд. искусствоведения. СПб., 2022. 150 с.
Виногродский Б. Б. Искусство управления переменами. Т. 1. Знаки Книги Перемен 1–30. Сост. Ли Гуанди. М.: Эксмо, 2017. 864 с.
Гарридо В. В. Историко-философское осмысление символа дракона в духовной культуре Китая. Дисс. канд. филос. наук. М., 2023. 266 с.
Иванова М. Г. Культурные архетипы как объект историко-философского анализа. Дисс. канд. филос. наук. М., 2017. 197 с.
Кобзев А. И. Китайская астрология // Китайская астрология. Сакральное на традиционном Востоке / отв. ред. А. Л. Рябинин. М.: ИВ РАН, 2017. С. 22–32.
Лю Дэцзэн. Образы Дракона и Феникса в китайской культуре. СПб.: «КАРО», Пекин: «Шанс» Zhonghua Book Company, 2013. 123 с.
Маслов А. А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз. М.: Алетейа: Культурный центр «Новый Акрополь», 2006. 480 с.
Решетов А. М. Дракон в китайской политической традиции // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции / под ред. В. А. Попова. СПб.: С.-Петерб. тип. № 1 РАН, 1996. С. 142–163.
Рифтин Б. Л. От мифа к роману: Эволюция изображения персонажа в китайской литературе. М.: Наука, 1979. 358 с.
Сомкина Н. А. Девять сыновей дракона — феномен китайской культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 8–2. С. 213–218.
Ступникова В. В. Философско-лингвистическое прочтение образа дракона (на основе материалов гадательных надписей цзягувэнь) // Вестник БГУ Философия. 2016. № 3. С. 127–134.
Ступникова В. В. К вопросу о происхождении образа китайского дракона // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 8. С. 21–26.
Терехов А. Э. Представления о совершенных мудрецах (шэн) в китайских апокрифах (чэньвэй) эпохи Восточная Хань (25–220 гг. н. э.). Дисс. канд. ист. наук. СПб., 2016. 334 с.
Фиссер М. В. Дракон в Китае и Японии. М.: «Профит Стайл», 2008. 272 с.

References

Bian Zilong. 2022. *Ikonografiia obraza drakona v traditsionnom kitaiskom dekorativno-prikladnom iskusstve* [The Iconography of the Dragon in Traditional Chinese Decorative and Applied Arts]. Ph.D. diss., Herzen University. Saint Petersburg. 150 p.
Fisser, M. V. 2008. *Drakon v Kitae i Yaponii* [The Dragon in China and Japan]. Moscow: Profit Stail. 272 p.
Garrido, V. V. 2023. *Istoriko-filosofskoe osmyslenie simvola drakona v dukhovnoi kul'ture Kitaia* [The Historical and Philosophical Interpretation of the Dragon Symbol in the Spiritual Culture of China]. Ph.D. diss., The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Moscow. 266 p.
Ivanova, M. G. 2017. *Kul'turnye arkhetipy kak ob"ekt istoriko-filosofskogo analiza* [Cultural Archetypes as an Object of Historical and Philosophical Analysis]. Ph.D. diss., The Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia. Moscow. 197 p.
Kobzev, A. I. 2017. Kitaiskaia astrologiia [Chinese Astrology]. In *Kitaiskaia astrologiia. Sakral'noe na traditsionnom Vostoke* [Chinese Astrology. The Sacred in the Traditional East], ed. by Riabinin, A. L. Moscow: IV RAN. P. 22–32.
Liu Detszen. 2013. *Obrazy Drakona i Feniksa v kitaiskoi kul'ture* [The Images of the Dragon and the Phoenix in Chinese Culture]. Saint Petersburg: KARO; Pekin: Shans' Zhonghua Book Company. 123 p.

Maslov, A. A. 2006. *Kitai: ukroshchenie drakonov. Dukhovnye poiski i sakral'nyi ekstaz* [China: Taming Dragons. Spiritual Quest and Sacred Ecstasy]. Moscow: Aleteia: Kul'turnyi tsentr "Novyi Akropol''. 480 p.

Reshetov, A. M. 1996. Drakon v kitaiskoi politicheskoi traditsii [The Dragon in Chinese Political Tradition]. In *Simvoly i atributy vlasti: genezis, semantika, funktsii* [Symbols and Attributes of Power: Genesis, Semantics, Functions], ed. by V. A. Popov. Saint Petersburg: Musei antropologii etnographii (Kunstkamera) RAN. 142–163.

Riftin, B. L. 1979. *Ot mifa k romanu: Evoliutsiia izobrazheniia personazha v kitaiskoi literature* [From Myth to Novel: The Evolution of Character Representation in Chinese Literature]. Moscow: Nauka. 358 p.

Somkina, N. A. 2016. Deviat' synovei drakona — fenomen kitaiskoi kul'tury [The Nine Sons of the Dragon: A Phenomenon of Chinese Culture]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* 8–2: 213–218.

Stupnikova, V. V. 2016. Filosofsko-lingvisticheskoe prochtenie obraza drakona (na osnove materialov gadatel'nykh nadpisei tsziaguven') [A Philosophical and Linguistic Interpretation of the Dragon Image (Based on Oracle Bone Inscriptions)]. *Vestnik BGU Filosofiia* 3: 127–134.

Stupnikova, V. V. 2015. K voprosu o proiskhozhdenii obraza kitaiskogo drakona [On the Question of the Origin of the Chinese Dragon Image]. *Vestnik Viatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* 8: 21–26.

Terekhov, A. E. 2016. *Predstavleniia o sovershennykh mudretsakh (shen) v kitaiskikh apokrifakh (chen'vei) epokhi Vostochnaia Khan' (25–220 gg. n. e.)* [Concepts of Perfect Sages (Sheng) in Chinese Apocrypha (Chenwei) of the Eastern Han Era (25–220)]. Ph.D. diss., The Russian Academy of Sciences Institute of Oriental Manuscripts. Saint Petersburg. 334 p.

Vinogrodskii, B. B. 2017. *Iskusstvo upravleniia peremenami* [The Art of Managing Change]. Vol. 1. *Znaki Knigi Peremen 1–30* [The Signs of the Book of Changes 1–30]. Moscow: Eksmo. 864 p.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ И СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/259-280
Научная статья

© *А. А. Сулейманов*

«КОНЕЦ ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЫ?»: ВЛИЯНИЕ ДЕГРАДАЦИИ МНОГОЛЕТНЕМЕРЗЛЫХ ПОРОД НА ЛОКАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ЯКУТИИ (НА ПРИМЕРЕ с. ЮНКЮР)

В статье рассмотрены последствия активизации процессов вытаивания подземного льда (термокарст) для населения с. Юнкюр, расположенного в Олёкминском районе Якутии. Исследование базируется, главным образом, на материалах, полученных автором в ходе ежегодных полевых изысканий в этом населенном пункте, проводившихся в течение 2019–2023 гг. Отмечено, что развитие в последние десятилетия термокарста на территории и в окрестностях с. Юнкюр оказывает значительное негативное влияние на жизнь местного населения. Деградация «вечной мерзлоты» имеет следствием деформацию жилых и хозяйственных построек. Часть из пострадавших сооружений местное население вынуждено регулярно ремонтировать, либо отстраиваться на новом месте. Происходящее, естественно, отрицательно сказывается на материальном положении людей, оказывая влияние, в том числе, на формирование их жизненных стратегий. Значительные издержки, включая репутационные, приходятся и на местные органы власти. Процессы деградации мерзлоты, наложившиеся на общий упадок сельского хозяйства в постсоветский период, ограничивают возможности занятия традиционной хозяйственной деятельностью, имеющей в этом населенном пункте одну из самых богатых в Якутии земледельческих традиций. В процессе поиска ответов на возникшие вызовы природного характера, которые в силу отмеченных в статье причин, в основном носят самостоятельный характер, местное население вырабатывает оригинальные адаптационные решения, трансформирующие, в том числе, привычную для локального сообщества материальную среду.

Ключевые слова: *Якутия, антропология холода, локальные сельские сообщества, многолетнемерзлые породы, термокарст, изменение климата*

Ссылка при цитировании: *Сулейманов А. А.* «Конец вечной мерзлоты?»: влияние деградации многолетнемерзлых пород на локальные системы жизнеобеспечения сельских поселений юго-западной Якутии (на примере с. Юнкюр) // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 259–280.

Сулейманов Александр Альбертович — к. и. н., старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Российская Федерация, 677027 Якутск, ул. Петровского 1). Эл. почта: alexas1306@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8746-258X

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 19-78-10088, https://rscf.ru/project/19-78-10088/

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/259-280
Original Article

© *Alexander Suleymanov*

"THE END OF PERMAFROST?": THE IMPACT OF PERMAFROST DEGRADATION ON LOCAL LIFE SUPPORT SYSTEMS OF RURAL SETTLEMENTS IN SOUTHWESTERN YAKUTIA (THE CASE OF THE YUNKYUR VILLAGE)

The article discusses the consequences of the intensifying processes of underground ice (thermokarst) thawing for the population of the Yunkyur village (Olekminsky district of Yakutia). The study is based mainly on the materials obtained by the author during the annual field researches in this locality, carried out in 2019–2023. It was found that the development of thermokarst in recent decades on the territory and in the vicinity of the Yunkyur village has a significant negative impact on the life of the local population. The degradation of permafrost results in the deformation of buildings, so the local population is forced to regularly repair some of the damaged structures or rebuild them in a new location. This naturally has a negative impact on the financial situation of the people, influencing, among other things, their life strategies. Significant costs, including reputational ones, also fall on local authorities. The degradation of permafrost, superimposed on the general decline of agriculture in the post-Soviet period, limits the possibilities of engaging in traditional economic activities, although this settlement has one of the richest agricultural traditions in Yakutia. While independently searching for answers to emerging natural challenges, the local population develops original adaptation solutions that transform the material environment familiar to the local community.

Keywords: *Yakutia, cryoanthropology, local rural communities, permafrost, thermokarst, climate change*

Author Info: Suleymanov, Alexander A. — Ph.D. in History, Senior Researcher, the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of Siberian branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: alexas1306@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-8746-258X

For citation: Suleymanov, A. A. 2025. The Impact of Permafrost Degradation on Local Life Support Systems of Rural Settlements in Southwestern Yakutia (the Case of the Yunkyur Village). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 259–280.

Funding: The reported study was funded by Russian Science Foundation, project number 19-78-10088, https://rscf.ru/project/19-78-10088/

Введение

Когда в 1977 г. известный чукотский писатель Ю. С. Рытхэу опубликовал свой роман «Конец вечной мерзлоты», посвященный становлению советской власти на крайнем северо-востоке нашей страны, где ленинские идеи «растопили» мерзлоту, он едва ли мог предполагать, что в XXI столетии данное им название приобретет новое звучание, будет наполнено иными смыслами и образами, окажется актуализировано происходящими климатическими трансформациями.

В отношении характеристики изменения климата показательны данные, связанные с переходом с 1 июля 2022 г. подведомственных Росгидромету учреждений на использование в оперативно-производственной практике климатических норм, рассчитанных за 1991–2020 гг. До этого момента основой для расчетов выступали сведения за период с 1961 по 1990 гг. Как отмечает Ю. Б. Скачков, «актуализированные климатические нормы при сравнении с прошлыми базовыми периодами отражают наблюдающееся потепление климата» (*Скачков* 2023: 65). На территории Республики Саха (Якутия) (далее — Якутия) повышение среднегодовых температур воздуха было зафиксировано на всех метеостанциях. Изменения составили от 0,7 до 2,0°С. В среднем для Якутии нормы выросли на 1,4°С (*Скачков* 2023: 65). Однако эти показатели могут серьезно варьироваться в зависимости от географического положения станции, сезонности и масштабов антропогенного воздействия. Например, в г. Якутске в течение 1966–2019 гг. повышение средней зимней температуры воздуха составило 5,1°С против 1,9°С в летний период (*Варламов* и др. 2021: 41).

Подобные климатические изменения отразились на состоянии многолетнемерзлых пород (ММП, «вечная мерзлота»), в зоне сплошного распространения которых находится практически вся территории Якутии. Один из ведущих современных специалистов по изучению проблемы деградации ММП и развития термокарста (вытаивание подземного льда) А. Н. Федоров в этой связи отмечает: «Ледовый комплекс, достаточно стабильно функционировавший до 1990-х гг. в результате климатических сдвигов … быстро теряет устойчивость. В результате в безлесных ландшафтах ледового комплекса в Центральной Якутии грунты из-за таяния подземных льдов проседают со скоростью от 5–10 см до 13–18 см в год в формирующихся термокарстовых западинах. В результате такого потепления до 40–50% пашен на ледовом комплексе деградировали из-за таяния подземных льдов» (*Федоров* 2020: 252).

Возникшие вызовы относятся не только к центральным, но и к другим районам Якутии, включая юго-западные. Так, по расчетам В. М. Лыткина, в течение 1966–2021 гг. среднегодовая температура воздуха в г. Олёкминске повысилась с -8,4°С до -5,1°С (*Сулейманов* и др. 2023: 210). При этом в юго-западной и в южной Якутии отмечается также наибольшее повышение среднегодовых сумм осадков (*Скачков* 2023: 68) — еще одного важного фактора, влияющего на интенсивность термокарста (*Варламов* и др. 2021: 143).

В числе пострадавших от активизации негативных криогенных процессов на юго-западе Якутии — расположенное в Олёкминском районе с. Юнкюр. Актуальность обращения к осмыслению влияния развития термокарста на жизнь населения этого села обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего — историографической ситуацией и практическим значением. Несмотря на значительное число работ, посвященных вопросам деградации ММП в Якутии, в основном они касаются анализа «природного», а не «человеческого» (*Grosse* et al. 2011; *Shiklomanov* et al. 2017; *Fedorov* et. al. 2019; *Федоров* 2020; *Варламов* и др. 2021; *Zhirkov* et al. 2021; *Десяткин, Федоров* 2023 и др.). Исключениями стали исследования «Конструирование учебных материалов экологического образования, связанных с местной историей Сибири, синтезирование культурных воспоминаний с научными знаниями», проводившиеся российско-японским коллективом в 2016–2019 гг. (*Takakura* et al. 2021), и реализация в течение 2019–2024 гг. поддержанного Российским научным фондом проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)». В рамках этого проекта, ру-

ководителем которого являлся автор данной статьи, в свет вышел ряд работ, в которых анализировались различные стороны последствий деградации ММП для населения сел, относящихся к арктической, центральной, юго-западной и западной группам административных районов (улусов) Якутии, включая Юнкюр (*Lytkin* et al. 2021; *Григорьев* 2022; *Лыткин* и др. 2023; *Сулейманов* и др. 2023).

Развитие изысканий позволило рассмотреть проблему в антропологическом разрезе, уделив повышенное внимание жизни простого человека в условиях «конца вечной мерзлоты». К настоящему времени в подобном ключе подготовлены и опубликованы статьи, посвященные ситуации в с. Амга Амгинского (*Винокурова, Григорьев* 2023) и с. Улахан-Ан Хангаласского (*Сулейманов* и др. 2024) районов Якутии. Применительно же к с. Юнкюр работ такого плана не имеется. При этом следует отметить, что, как показывает полученный опыт, несмотря на частую общую схожесть последствий развития негативных криогенных процессов для населения, они зависят, в том числе, от особенностей конкретных геокриологических условий изучаемой местности, направлений хозяйственной деятельности, прочности внутрилокальных связей и т. п. Т. е. для выработки эффективных управленческих решений необходим учет специфики каждого конкретного населенного пункта. В этой связи автор согласен с мнением О. А. Анисимова, Е. Л. Жильцовой и Ю. И. Жегусова о необходимости соответствия государственной политики адаптации тем факторам, которые, по мнению общественности «на местах», требуют первоочередного внимания даже с учетом не всегда объективного восприятия населением происходящих изменений состояния окружающей среды (*Анисимов* и др. 2017).

Целью данного исследования является определение влияния деградации многолетнемерзлых пород на систему жизнеобеспечения с. Юнкюр Олёкминского района Якутии через призму ее последствий для жителей этого населенного пункта. Принимая во внимание многообразие подходов к определению понятия «жизнеобеспечение» и входящих в него в зависимости от трактовки компонентов, автор опирался на широкое понимание, предложенное В. И. Козловым (*Ямсков* 2009). При этом с учетом невозможности охвата в полной мере всех составляющих системы жизнеобеспечения в рамках одного исследования, основной акцент сделан на анализе наиболее рельефно проявляющихся в настоящее время последствий активизации термокарста, выраженных как в материальной, так и нематериальной сферах жизни населения названного села.

Материалы и методы

Источниковой основой для подготовки статьи стали, в первую очередь, материалы полевых исследований автора, которые проводились в с. Юнкюр в течение 2019–2023 гг. ежегодно в сентябре, а также в марте 2023 г. Поскольку автор работал не один, а исследования носили комплексный характер, он считает своим долгом выразить благодарность работавшим вместе с ним коллегам: к. г. н. В. М. Лыткину, м. н. с. Н. И. Башарину (Институт мерзлотоведения им. П. И. Мельникова СО РАН), м. н. с. С. И. Федорову и м. н. с. В. Ю. Голомаревой (Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), без помощи которых подготовка данной статьи в ее текущем виде была бы невозможна. Самых теплых слов благодарности заслуживают и помогавшие не только в проведении, но и в организации исследований жители Олёкминского района.

В ходе выполненных изысканий автор взял 23 интервью у представителей администрации Мальжагарского наслега, руководителей хозяйствующих субъектов и рядовых

жителей. В целях верификации полученных в ходе интервью данных и осуществленных визуальных наблюдений, а также их дополнения проводился социологический опрос в анкетной форме. Всего местные жители заполнили 236 анкет. Для реконструкции имеющих отношение к рассматриваемым вопросам сюжетов из истории хозяйственного освоения и современного социально-экономического положения села были привлечены документы из фондов Муниципального архива муниципального района «Олёкминский район» (г. Олёкминск) и текущего архива администрации Мальжагарского наслега Олёкминского района (с. Юнкюр).

Объект исследования — село Юнкюр: прошлое и настоящее

В административном отношении с. Юнкюр является центром упомянутого выше Мальжагарского наслега. Село расположено на расстоянии 6 км к северо-западу от районного центра Олёкминского района г. Олёкминска на высокой надпойменной террасе р. Лены. Основным драйвером заселения и освоения этой территории после прихода в Якутию русских являлось сельское хозяйство. Уже в середине XVII в., т. е. вскоре после появления в регионе первых русских поселенцев, здесь возникла деревня Олёкминская. Спустя немногим более столетия — деревня Амгинская. Основной задачей жителей обоих населенных пунктов являлось развитие хлебопашества (*Сафронов* 1978: 113–122).

Точную дату выделения Юнкюра в самостоятельное поселение на настоящий момент установить не удалось. В брошюре популярного характера, подготовленной к 375-летию г. Олёкминска, отмечается, что это событие произошло после революции 1917 г., когда в рамках административно-территориальных преобразований большевиков деревни Амгинская и Олёкминская были разделены на села Юнкюр, Куранда и Олёкминское (*Редько* 2010).

Рис. 1. Панорама с. Юнкюр, март 2023 г. Фото автора

Интересно, что этимологию названия села опрошенный автором старожил — информант Ю. К. (1933 г. р., муж.), а также и другие задействованные в исследовании местные жители, относят к слову «провал» и связывают его с наличием водоемов, об-

разовавшихся вследствие вытаивания подземного льда, а также предположением, что «видимо, и раньше почва здесь (в Юнкюре — *прим. авт.*) проваливалась» (ПМА 2; ПМА 4). Проведенный в связи с отмеченным господствующим в Юнкюре мнением анализ Большого толкового словаря якутского языка показал, что оно, возможно, имеет под собой определенные основания. Слово «*үҥкүр*» имеет следующие значения: маленькое озеро/озерцо и высокий/отвесный (БТСЯЯ 2015: 455–456). Село действительно расположено на большей высоте по отношению к другим соседним селам, на крутом обрыве. При этом в окрестностях Юнкюра можно наблюдать и небольшие озера, являющиеся одной из форм развития термокарстового рельефа — *дюёдя*, т. е. они образованы вследствие вытаивания подземного льда и «провала» грунта. Более того, например, М. И. Нестерева (Институт мерзлотоведения им. П. И. Мельникова СО РАН) употребляет термин «*юнкюр*» в качестве обозначений одной из самостоятельных стадий развития термокарста. В данном случае он имеет в целом схожее с дюёдя значение (*Нестерева* 2011: 228). Как бы то ни было, распространенность увязки названия села со словом «провал» является и одним из маркеров остроты проблемы деградации ММП для населения села и ее соответствующего восприятия.

Значительное влияние на развитие Юнкюра в советский период оказала коллективизация. В ее ходе село сперва стало центром товарищества по совместной обработке земли «Нива» (1927), затем — артели (1929) и колхоза (1930) «Искра». В 1951 г. последний вошел в состав объединенного колхоза «Правда». Спустя еще 20 лет был образован совхоз «Олёкминский» — один из крупнейших в Якутии. При этом центральная усадьба названных хозяйствующих субъектов неизменно размещалась в Юнкюре (МА МРОР 66: Л. 1–2). Важнейшими направлениями их деятельности являлось животноводство и выращивание зерновых, а также получившее здесь значительное развитие овощеводство.

В этой связи нельзя не отметить, что все без исключения опрошенные нами жители Юнкюра в возрасте старше 45–50 лет с ностальгией вспоминают период, когда село яв-

Рис. 2. Остатки производственной базы совхоза «Олёкминский», с. Юнкюр, сентябрь 2022 г. Фото автора

лялось управленческим центром совхоза «Олёкминский». Среди популярных аргументов: обилие аккуратно огороженных полей вокруг села, парк техники, в отдельные годы насчитывавший только тракторов более 100 экземпляров и ежегодно обновлявшийся, тотальная занятость населения общественно полезным делом.

При этом развитие шло характерным для экономики Советского Союза в целом и аграрного сектора страны в частности экстенсивным путем, требовавшим введения в сельскохозяйственный оборот все больших площадей. В результате площадь возделываемых Юнкюрским отделением совхоза «Олёкминский» участков, например, в 1977 г. составила 4697 га, а сам Юнкюр был фактически окружен пашнями (МА МРОР 36: Л. 1).

Характеризуя состояние грунтов в этот период, информант С. П. (1957 г. р., муж.) из с. Юнкюр, который работал раньше в совхозе «Олёкминский», отметил, что в целом вверенные ему пашни не подвергались каким-то видимым изменениям, вместе с тем:

> «Самый первый раз с проблемами на полях мы столкнулись в 80-е. Примерно в 1985 г. на одном из зерновых полей, которые выше г. Олёкминска (их еще скопцы возделывали), у нас провалился комбайн. Сел на “брюхо”. Мы его тракторами потом вытаскивали» (ПМА 6).

Однако, исходя из полученных в ходе исследований данных, подобные происшествия, очевидно, связанные с вытаиванием подземного льда, носили в советский период единичный характер.

После распада Советского Союза и социально-экономического кризиса в России Олёкминский совхоз был ликвидирован, а на смену ему пришли значительно более малочисленные предприятия, представляющие как государственную, так и частную формы собственности. В плане рассматриваемой проблематики наиболее важно то, что произошел существенный секвестр площади возделываемых земель. Например, в Юнкюре к 2019 г. эти показатели снизились до 2260 га, т. е. более чем вдвое по сравнению с советским периодом (ТА АМО МН ОР). Тем не менее, основу экономики села по-прежнему составляют мясомолочное скотоводство, мясное табунное коневодство и выращивание зерновых культур (ТА АМО МН ОР). На территории Мальжагарского наслега располагается производственная база одного из современных флагманов сельского хозяйства Якутии — ООО «Кладовая Олёкмы», а также сельскохозяйственный научно-производственный кооператив (СХНПК) «Поиск» и крестьянское хозяйство «Гармония».

Численность населения с. Юнкюр в советский период постоянно увеличивалась: в 1938 г. было зафиксировано 335 чел. (МА МРОР 3/1: Л. 4–5), в 1984 г. — 1058 чел. (МА МРОР 3/2: Л. 2). После распада СССР число жителей села долгое время оставалось приблизительно на одном уровне. Например, в 2012 г. этот показатель равнялся 1139 чел. (ТА АМО МН ОР). Однако в последние годы наметился тренд на сокращение численности населения с. Юнкюр. По данным на январь 2023 г. в Мальжагарском наслеге, в который также входят практически заброшенные села Куранда и Тюбя, проживало 1025 чел. (ФСГС 2023). Таким образом, с. Юнкюр, несмотря на отмеченный выше тренд, имеет достаточно высокие по меркам современной Якутии показатели численности для сельского населенного пункта, который не является административным центром улуса (района) республики и удален от ее столицы. Связан данный факт, прежде всего, с близостью районного центра — г. Олёкминска, куда, по полученным в ходе интервью с главой наслега сведениям, на работу ежедневно ездит из Юнкюра около 3/4 трудоспособного населения (ПМА 3).

Автору не удалось найти актуальные сведения, характеризующие национальный состав населения с. Юнкюр, однако имеющиеся исторические данные, а также собственные визуальные наблюдения позволяют сделать вывод, что в основном в селе проживают якуты (саха) и русские. При этом ни одна из этих двух этнических компонент не имеет в численном выражении какого-то видимого преобладания. Кроме того, в советский период в село также активно переезжали на работу в совхоз представители других национальностей — буряты, татары, украинцы и др. От одного из информантов автор услышал даже выражение «соединенные штаты Юнкюра» применительно к национальному составу села, сформировавшегося в годы деятельности совхоза «Олёкминский» (ПМА 6, инф. М. Г., 1954 г. р., жен.). Языком межнационального общения в селе преимущественно выступает русский.

Сейчас в с. Юнкюр имеются: средняя школа, новое здание для которой, рассчитанное на 165 учащихся, было построено в 2012 г.; детский сад «Колосок», для которого также в 2020 г. было введено в строй новое здание; врачебная амбулатория; Центр культуры им. М. Ф. Габышева, размещающийся в здании 1969 г. постройки, однако подвергшийся спустя 60 лет капитальному ремонту; в нем располагается и почтовое отделение. Кроме того, в селе функционируют три торговые точки. В 2015 г. на территории Центра культуры была установлена детская площадка; в 2020–2021 гг. в селе введена в строй площадка спортивно-игрового комплекса (Олёкминский район 2024). Юнкюр связан с г. Олёкминском регулярными автобусными пассажирскими рейсами, которые в будние дни совершаются 5 раз в течение суток. Таким образом, несмотря на проблемы, о которых пойдет речь далее, а также общие для всех сельских населенных пунктов постсоветской России трудности, развитие рассматриваемого поселения не прекращается.

Последствия термокарста: люди, бизнес, местные власти

В результате исследований, проведенных в течение 2019–2021 гг. в Мальжагарском наслеге, В. М. Лыткин установил, что негативными криогенными процессами охвачено порядка 20% от всех дворовых территорий с. Юнкюр. В область развития одной из форм термокарстового рельефа — *быларов* (начальная стадия термокарста в виде бугристо-западинного микрорельефа) — попадает 249 жилых и хозяйственных строений. При этом на территории села зафиксировано также 21 термокарстовое озерцо — упомянутые *дюёдя* (*Lytkin* et. al. 2021). Максимальная их площадь по состоянию на 2021 г. равнялась 10672 м^2, минимальная — 620 м^2. За период 2019–2021 гг. площадь поверхности некоторых озер увеличилось на 40% — быстрое обводнение территории с. Юнкюр является главной особенностью, отличающей его от других обследованных нами в рамках проекта «Антропология холода…» населенных пунктов (*Сулейманов* и др. 2023: 211–212).

Отмеченные процессы, старт которых местное население относит к 1990-м гг. (ПМА 2), привели к целому ряду негативных последствий для сформировавшейся в селе системы жизнеобеспечения. Прежде всего, деградация ММП в Юнкюре имеет следствием деформацию жилых и хозяйственных построек. Часть из пострадавших сооружений местное население вынуждено регулярно ремонтировать (35% опрошенных).

В числе пострадавших восьмиквартирный «Сиротский дом», предназначенный для социально уязвимых групп населения. Вследствие увеличения температуры многолетнемерзлых грунтов под не имеющим вентилируемого подполья зданием происходит его деформирование:

Рис. 3. Развитие термокарстовых форм рельефа (былары и дюёдя) на территории с. Юнкюр, сентябрь 2023 г. Фото автора

Рис. 4. Обводнение территории с. Юнкюр вследствие активизации термокарста, сентябрь 2022 г. Фото автора

«Дом был построен примерно в 2011 г. Первый год зимой в этом доме было очень жарко — о трубы отопления можно было обжечься. Возможно, это тоже как-то сказалось на оттайке мерзлоты. Вскоре дом стал “уходить” в землю. В квартирах начались проблемы с дверными проемами, все перекосилось. В доме стало холодно. В одну из квартир начала поступать вода. Появилась плесень, — сообщила наш информант А. З. (ок. 35 лет, жен.)» (ПМА 7).

Рис. 5. «Сиротский дом» в с. Юнкюр, сентябрь 2023 г. Фото автора

Однако основной удар в силу преобладания в Юнкюре частного жилого фонда приходится на индивидуальные дома местного населения. Одним из многочисленных примеров является построенный в 2000 г. дом информанта С. П. (1957 г. р., муж.), который отметил следующее:

> «У меня “ушла” одна из сторон дома. Два года назад я его поднимал для ремонта. Когда фундамент подгнивший, его очень сложно удержать домкратами. У меня стояло 10 домкратов, мне помогал племянник. Под домом я выложил наподобие поленницы из горбыля. Пока вроде бы стоит. Есть строительные бригады, но они берут очень дорого, хотя и оправданно, а я пенсионер… У меня столько друзей вынуждены были по второму разу отстраиваться, а это же накладно» (ПМА 6).

В ходе проведенных исследований автором действительно было установлено несколько случаев строительства населением села новых жилых домов вследствие того, что прежние из-за изменения несущей способности грунтов по причине деградации ММП не подлежали восстановлению. Одним из показательных примеров является случай информанта С. П. (1962 г. р., муж.):

> «В 1999 г. мы построили новый дом. Все вокруг было ровно. Однако спустя 3–4 года дом стал скрипеть, начал “ходить”. В последние лет десять разрушающие процессы ускорились. В результате пришлось расчистить место на своем участке и построить новый дом. Сейчас живем в нем. Пока больше никаких проблем нет» (ПМА 7).

Другой репрезентативный пример относится к семье Д. Б. (1958 г. р., жен.):

> «В 1990 г. мы построили новый дом. Здесь была практически идеально ровная поверхность. Со стороны школы была дорога и по краям две небольшие лужицы. Эти лужицы, однако, разрастались и вскоре дороги там уже не было. Примерно через 10 лет после постройки начал “плыть” и сам дом. Он стал проваливаться, “уходить” одной стороной в землю. В доме появились сырость и плесень. Последние лет 5 вода стала заходить в дом. Подполье все лето стоит

полное воды. Прогнили полы. Лопнули стеклопакеты. Пришлось с мужем брать кредиты, покупать дом в Абаге (село в Олёкминском районе — *прим. авт.*) перевозить сюда и собирать. До сих пор расплачиваемся. Из-за этого не могу выйти на пенсию. Теперь еще и начались проблемы с нашей баней» (ПМА 4).

Рис. 6. Заброшенный из-за повышения температуры ММП под фундаментом дом в с. Юнкюр, сентябрь 2023 г. Фото автора

В этой связи следует отметить, что первый раз автор посетил дом данного информанта в 2021 г. Уклон полов тогда составлял порядка 6°. Для того, чтобы можно было пользоваться мебелью, включая спальное место, хозяевам пришлось подкладывать под нее бруски в целях компенсации уклона. Попасть в данный дом автор смог по тропинке, проходившей вдоль *дюёдя* со стороны Юнкюрской СОШ, где работает информант. Уже в 2022 г. такой возможности не было — площадь зеркала водоема еще более увеличилась вследствие аномально больших осадков и увеличения озерной котловины в результате развития термокарста. По этой причине информант в теплое время года вместо прямого пути к месту работы теперь вынуждена делать значительный крюк (ПМА 7).

Таким образом, возросшая из-за деградации «вечной мерзлоты» нагрузка ложится финансовым бременем на плечи местного населения и в результате, в том числе, оказывает влияние на жизненные стратегии людей, которые, например, вместо ухода на заслуженный отдых вынуждены продолжать работать.

Затронув вопросы увеличения финансовой нагрузки, необходимо отметить, что она распространяется не только на рядовых жителей, но и на хозяйствующие субъекты и местную администрацию. Так, по примерным подсчетам одного из руководителей «Кладовой Олёкмы», нашего информанта С. Н. (1953 г. р., муж.), принятые предприятием для повышения устойчивости возводимых сооружений меры, повысили стоимость строительных работ примерно на четверть (ПМА 2). Несмотря на сложности с возможностью выделения в рамках правового поля материальной помощи жителям, дома и приусадебные участки, которые пострадали из-за деградации ММП, экономические издержки несет и администрация наслега (например, безвозмездная передача во временное пользование мотопомпы для откачивания воды с участка).

Основной же объем экономической нагрузки на небезграничный муниципальный бюджет, обусловленный деградацией ММП, связан с производимой отсыпкой территорий общего пользования, в пределах которых активизировался термокарст, а также откачкой грунтовых вод. Отсыпка осуществляется в целях создания дополнительного теплоизоляционного слоя и выполняется по статье «благоустройство» — единственно возможной, по словам действующей главы наслега М. Р. (1968 г. р., жен.), в рамках существующего законодательства.

Занимавший данный пост ранее — до 2022 г. информант Ж. С. (1958 г. р., муж.) сообщал в этой связи следующее:

> «Мы стали отсыпать песком места активного проявления термокарста. Рассчитываем, что это позволит выиграть хотя бы лет пять. Дело для нас, конечно, накладное — одна машина с песком обходится в 2,5 тыс. руб., а таких машин сами видите сколько нужно» (ПМА 5).

Определенные финансовые издержки муниципальному бюджету приносит и необходимость ремонта внутрипоселковых путей сообщения. Проблема пока носит достаточно локальный характер: в Юнкюре существует лишь одна дорога, которую местная администрация вынуждена ежегодно подсыпать из-за увеличения площади *дюёдя* (инф. А. З, ок. 35 лет, жен.) (ПМА 2). Вместе с тем, отмеченный выше случай ограничения подъездных путей к одному или нескольким приусадебным участкам вследствие обводнения территорий в селе, к сожалению, не единичен.

Проблема активизации термокарста несет в себе для местных органов власти и другие издержки — репутационные. Помимо того, что деградация ММП серьезным образом ухудшает качество жизни населения, а администрация наслега объективно не имеет необходимых ресурсов для того, чтобы в каких-то значительных масштабах смягчить последствия развития негативных криогенных процессов, в ходе исследований информанты неоднократно связывали происходящее, например, с прокладкой по инициативе властей несколько лет назад летнего водопровода, который, по их мнению, вызвал растепление грунтов, а также регулярной отсыпкой дорог, препятствующей естественному стоку талых и дождевых вод (ПМА 2; ПМА 4; ПМА 5). Таким образом, даже попытки местных властей повысить уровень благоустройства села у части населения Юнкюра вызывают из-за термокарста негативное отношение.

Достаточно печальной и наглядной иллюстрацией происходящего стал перенос из-за обширного обводнения территории с места на место памятника самому известному уроженцу села — ученому и коллекционеру М. Ф. Габышеву. Это обводнение, в частности, привело к тому, что территория местного Центра культуры уменьшилась за последние годы примерно в три раза (ПМА 2). Директор центра (на момент интервью) — информант М. Г. (1954 г. р., жен.) отметила, что:

> «Здание клуба (Центра культуры — в Юнкюре многие продолжают по традиции называть его таким образом — *прим. авт.*) было построено в 1960-е гг. на месте отсыпанного озера. Вот вода и берет свое. Примерно с середины 1990-х гг. началось ее “наступление”. Раньше территория клуба доходила до дороги. Мы потихоньку стали сокращаться-сокращаться. Сейчас видите, насколько нам пришлось переносить ограждения. Когда же я приехала в Юнкюр в 1977 г. здесь была идеально ровная площадка. А теперь гляньте! Мы сюда сыпим-сыпим песок, чтобы хотя бы подъезд для пожарной машины был, а толку?!» (ПМА 2).

Другим негативным следствием деградации ММП стала получившая в Юнкюре широкое распространение вынужденная ликвидация вырытых под домами подполий для хранения пищевых продуктов, т. к. они могут способствовать растеплению многолетнемерзлых грунтов под фундаментом. К данной мере были вынуждены прибегнуть 25,4% принявших участие в нашем социологическом опросе жителей села. В частности, так поступил информант А. С. (1975 г. р., муж.), который в 2003 г. оборудовал свой новый дом вместительным подпольем (4х2,5 м/2,5 м глубиной):

«На четвертый год его использования начался провал грунта под домом. Стала проваливаться печка, “уходить” дом, подполье начало заваливаться. Пришлось его в 2010 г. закопать» (ПМА 2).

Два других примера, включая собственный, привел уже упоминавшийся в связи вынужденным ремонтом фундамента дома информант С. П. (1957 г. р., муж.):

«У соседа лет 10–12 назад “ушло” подполье. Его сестра живет в Олёкминске, картошку садила здесь, в Юнкюре. Однажды, когда сосед уехал на охоту, она выкопала картошку и засыпала ее в подполье, которое располагалось под домом. В следующий свой приезд сестра не обнаружила своей картошки и спросила у соседа: где она? Сосед с удивлением ответил, что ее не видел. Когда же сосед стал весной доставать собственную картошку на семена — она не кончалась. Выяснилось, что подполье провалилось где-то на метр в глубину. Сам же я сделал глупость. Так как занимался сельским хозяйством и выращивал овощи, при строительстве дома в 2000 г. выкопал большое подполье, в которое входило 300 мешков. Можно было почти во весь рост ходить. В результате открыл доступ к “вечной мерзлоте” и запустился процесс оттайки. Лет через пять начались проблемы. Чего я только не делал. Уменьшал подполье, обносил его срубом. Пришлось в течение нескольких лет закладывать подполье тюками с соломой и опилками — они же хороший теплоизолятор. В прошлом году закончил. Пока помогает. Не знаю, как будет дальше…» (ПМА 6).

В результате, жители с. Юнкюр стараются строить свои новые дома без подполий, что может иметь следствием секвестирование масштабов выращивания на приусадебных участках привычных сельскохозяйственных культур: картофеля, капусты и т. д. Подобные опасения усиливаются в связи с тем, что деградация ММП в селе уже привела к сложностям для привычных практик использования огородов.

К примеру, местная жительница А. Т. (1959 г. р.) в ходе интервью сообщила автору, что, наряду с возрастными ограничениями, из-за развития термокарста и обводнения ее семье пришлось уменьшить площадь возделываемого участка. Показательно, что для его полива при этом они используют воду, откачиваемую с подтопленных территорий. Кроме того, необходимо отметить, что, по ее словам, из-за изменения термовлажностного режима почвы в последние годы стали наблюдаться проблемы с выращиванием овощей (ПМА 4).

Другой информант (N. N., ок. 35–40 лет, жен.), являющаяся многодетной матерью, рассказала следующее:

«На месте нашего старого огорода сейчас стоит вода. Пришлось переносить его в другое место, но там совсем небольшая площадь. Сажу только капусту, т. к. ее я гарантированно выращу — капуста любит много воды. Часть урожая потом можно будет обменять на картофель. Если бы была возможность, то, конечно, садила бы больше» (ПМА 7).

Таким образом, приведенные примеры показывают, что активизация термокарста в Юнкюре не только лимитирует масштабы использования личного приусадебного участка в сельскохозяйственных целях, но и оказывает влияние на выбор культур, которые можно выращивать. Достаточно репрезентативны в этом отношении результаты проведенного по единой анкете упоминавшегося социологического опроса, которые свидетельствуют, что практически 20% опрошенных в этом селе были вынуждены переносить и/или уменьшить размеры своего огорода.

Изменение термовлажностного режима грунтов и поверхности рельефа несет существенные риски и для относительно крупных участников сельскохозяйственного освоения территорий в окрестностях с. Юнкюр, занимающихся аграрной деятельностью на профессиональной основе. Интересны сведения, полученные от руководителя СХНПК «Поиск», уже упоминавшегося респондента А. С. (1975 г. р., муж.), у которого в разное время удалось взять три интервью. Во время первого из них в сентябре 2019 г. он упомянул о том, что за день до интервью в ходе сбора урожая под одним из его тракторов произошло внезапное проседание грунта (ПМА 2). Несколько случаев провала техники случилось в период посевной и уборочной кампаний 2022 г. (ПМА 6). Показателен рассказ информанта об уборке урожая осенью 2023 г.:

> «Вот участок, где я позавчера чуть не “уронил” комбайн. Начали работать, и я обратил внимание, что участок с зерном площадью 6–7 м^2 просел. Комбайн сейчас стоит порядка 15–17 млн руб. Если бы зерно было в хорошем состоянии, не полегло, то я бы этого провала не заметил. Я бы свой комбайн сломал и, во-первых, он бы выбыл из уборочной кампании, во-вторых, запчасти бы обошлись мне в серьезную сумму. Тем не менее, все равно это принесло финансовые потери — часть зерна в результате останется не убранной, т. к. неизвестно, как этот участок нужно будет объезжать, чтобы не провалиться» (ПМА 7).

В этой связи необходимо пояснить, что выбытие даже одного комбайна из уборочной кампании, которую в климатических условиях Якутии необходимо проводить в достаточно сжатые сроки, учитывая низкую рентабельность сельского хозяйства в регионе и фактическое отсутствие у подобных СХНПК «Поиск» предприятий запаса прочности, может иметь достаточно серьезные последствия для их финансовой устойчивости. При этом такие предприятия сейчас являются одними из немногих, не относящихся к государственному сектору экономики, которые создают в сельской местности рабочие места.

Кроме того, термокарст, получивший наибольшую активность на тех землях, которые якутские аграрии прекратили эксплуатировать, сделал фактически невозможным их повторное использование под растениеводство. Причинами этого является то, что вследствие удаления при распашке земель древесного и кустарникового ярусов растительного покрова происходит более сильное прогревание грунтов под воздействием прямых солнечных лучей, что ведет к повышению глубины сезонно-талого слоя и температуры многолетнемерзлых пород (*Варламов* и др. 2021: 144). Если регулярная обработка земли позволяет в какой-то степени нивелировать эти процессы, то после их забрасывания негативные криогенные процессы в условиях современных климатических трансформаций развиваются достаточно быстро. По словам опрошенных информантов, изменения рельефа местности происходили стремительно — в течение 3–5 лет после того, как прекращалось ее эксплуатация (ПМА 2). Более того, в силу продолжающегося углубления западин, которые могут на отдельных участках достигать порядка 3 м, на данных территориях становится затруднительной в принципе любая конструктивная антропогенная деятельность, включая, например, строительство.

Рис. 7. Развитие термокарста на заброшенных пахотных землях совхоза «Олёкминский», с. Юнкюр, сентябрь 2019 г. Фото В. М. Лыткина

В этой связи необходимо отметить, что восприятие подобного положения местным населением усугубляется исторической памятью: не только еще сравнительно недавним благополучием села в период существования совхоза «Олёкминский», но и более ранним периодом. Как отмечалось, с момента появления русских поселенцев на исследуемой территории органичной частью местного ландшафта стали засеянные зерновыми поля, площади которых ритмично возрастали на протяжении более двух веков. Именно с зерноводством было связано формирование, в том числе, на олёкминских землях оригинальной субэтнической группы «пашенных» крестьян (*Боякова* 2012: 76), которые, по мнению ее представителей, отличаются, от материнского этноса, в том числе, менталитетом (ПМА 1). Выращивание зерновых, как представляется, выступало фактором этнической самоидентификации, а пшеничный сноп, размещенный сейчас на гербе Олёкминского района, — одним из ее культурных символов. В настоящее же время заброшенные из-за социально-экономических условий поля даже в среднесрочной перспективе нельзя будет восстановить и использовать «как раньше».

Учитывая, что ранее село, как отмечалось, было фактически окружено пахотными землями, наметились сложные перспективы его пространственного развития. Если с южной стороны этому мешают глубокие овраги, то с северной, восточной и западной — активный термокарст. В центре села имеются заброшенные дома, участки под которыми в данный момент визуально находятся в достаточно стабильном состоянии, однако, по данным упомянутой главы Мальжагарского наслега, нашего информанта М. Р. (1968 г. р., жен.), в основном, их использование и передача другим хозяевам ограничены действующим правом собственности. В этой связи земельные участки приходится формировать на территориях, где уже протекает термокарст (ПМА 6).

Изменение поверхности рельефа в отношении невозможности использования территорий по прежнему назначению не только лимитирует потенциал развития сельского хозяйства, но и ограничивает спортивно-досуговые занятия населения с. Юнкюр. Репрезентативен пример спортивной площадки, находящейся вблизи с построенным

в 2012 г. новым зданием школы. По свидетельству информантов, еще в 2015–2016 гг. здесь была достаточно ровная поверхность, состояние которой позволяло заниматься бегом и играть в футбол. Уже при первом нашем посещении данной площадки в 2019 г. на ней хотя и проводились занятия учеников школы физической культурой, но в достаточно ограниченных масштабах. К 2023 же г. глубина западин и обводнение площадки лишь усугубили ситуацию. Начала деформироваться и поверхность площадки нового спортивно-игрового комплекса, который был введен в эксплуатацию, как отмечалось, только в течение 2020–2021 гг.

Адаптационные решения жителей села

Одним из основных механизмов реагирования населения с. Юнкюр на возникшие вызовы является изменение технологии строительства. Дома здесь стали строить на отсыпке, создавая дополнительный теплоизоляционный слой.

В единичных случаях в селе была отмечена и технология создания вентилируемого подполья путем строительства жилого дома на использованных автомобильных покрышках. Более распространенным подходом, однако, стало возведение в аналогичных целях домов на деревянных лежках.

При этом в Юнкюре удалось зафиксировать, что изменение технологии индивидуального жилищного строительства из-за активизации термокарста распространились и на материалы, из которых жители возводят свои дома. В этой связи было отмечено целенаправленное сооружение домов из легких конструкций, не оказывающих такого давления на многолетнемерзлые грунты и более устойчивых к их возможным деформациям. Первой в с. Юнкюр к применению подобной технологии прибегнула семья информанта автора Г. Г. (1956 г. р., муж.):

> «Мы построились в 1986 г. на территории, где раньше зерновые выращивали. В округе тогда было всего два дома. Рядом весной из-за таяния снега образовывалась небольшая лужа. Мы 5 мешков картофеля садили. Потом помаленьку-помаленьку наше поле вода стала “съедать”. Мы его убавляли-убавляли. В результате совсем убавили. Стал “уходить” в землю наш дом. ... В 2014 г. мы переехали на новое место. Старый дом продали, перед этим починив его. Здесь построили дом из пенопласта на стальном каркасе. Утеплили двумя слоями 5 см изовера. Дом теплый. Сделаны отсыпка и “черный” (двойной — *прим. авт.*) пол, чтобы тепло дома мерзлоту не растапливало. Сам дом стоит на лежках. Финансовой экономии никакой не получилось. Дом из бруса обошелся бы мне примерно в ту же сумму. Пока все хорошо. Сделали по той же технологии вторые этажи в домах наших сыновей» (ПМА 6).

В селе также удалось зафиксировать самостоятельную установку и применение научных разработок, обеспечивающих лучшее промерзание грунтов. Так, наш информант Ю. Ч. (ок. 65 лет, муж.) установил с северной и южной сторон своего дома самодельные сезоннодействующие охлаждающие устройства.

Опыты по внедрению подобных устройств впервые проводились в Якутии в 30-е гг. XX в. В частности, в 1938 г. в г. Якутске инженеры М. М. Крылов и А. Т. Морозов в рамках Якутской экспедиции Совета по изучению производительных сил АН СССР выполнили изыскания по опытному повышению устойчивости зданий. Тогда в грунте у основания фундамента ученые помещали зероторы — сосуды с замерзающими при минусовой тем-

пературе специальными рассолами, удерживающими летом отрицательную температуру (АРАН: Л. 10). Однако впоследствии распространение получили несколько иные системы — зероторы С. И. Гапеева, которые представляют собой металлические замкнутые трубы, погруженные в грунт и заполненные керосином. Подобные системы предназначены для создания мерзлотной перемычки. Они имеют следующий принцип действия: в зимнее время плотность находящегося в верхней части устройства керосина (либо иного подобного вещества) увеличивается, и он перемещается вниз, вытесняя наверх более теплый и, следовательно, менее плотный теплоноситель, обеспечивая тем самым более эффективное промерзание грунтов в радиусе до 2,5 м вокруг себя (*Заболотник* 2016: 21).

Указанный информант поведал автору в связи с этим следующую историю:

> «Я въехал в дом в 1992 г. Потом начались проблемы. По центру дом стал “уходить” в землю. Сперва поднимал его домкратами. Потом сделал “черный” пол. Чистил вокруг дома снег на 3 м. 5 лет назад по совету одного знакомого из г. Олёкминска, который столкнулся ранее со схожими проблемами, установил с помощью сыновей на глубину 8 м с обоих сторон дома трубы, заполненные соляркой. Если раньше в подполье была температура +16°С и к декабрю прорастала картошка, то этой зимой (2022/23 гг. — *прим. авт.*) она опускалась до -2°С. Пришлось, наоборот, накидывать снег. Думаю, теперь поместить над этими трубами емкости с опилками» (ПМА 7).

Следует отметить, что подобное вынужденное самостоятельное внедрение в практику научных разработок жителями сел, территория которых подвержена увеличению сезонно-талого слоя и температур грунтов, с одной стороны, конечно, является позитивным примером народной смекалки, с другой — может иметь и негативный побочный эффект, как, например, избыточное промерзание грунтов и последующая деформация строительных конструкций.

Другим важным ответом на возникшие вызовы стал традиционный сельский коллективизм. Жители села помогают друг другу в случае необходимости ремонта дома и установки домкратов, перевозки строительных материалов. Администрация, как отмечалось, безвозмездно предоставляет мотопомпу для откачивания поступающих на приусадебные участки вод. Упоминавшийся информант Д. Б. (1958 г. р., жен.) сообщила, что может благодаря взаимовыручке хотя бы частично компенсировать потерянные из-за активизации термокарста и обводнения земли, где когда-то ее семья могла сажать 5–6 мешков картофеля. Связано это с тем, что она использует часть огорода своих родственников, проживающих в Юнкюре (ПМА 5). Возможно, в значительной степени именно коллективизм и взаимовыручка удерживают местное население от миграции в другие населенные пункты, во всяком случае по причине ухудшения состояния окружающей среды. В течение 5-летних наблюдений автором и его коллегами был зафиксирован только один случай, когда информант называл причиной переезда из села деградацию ММП. В этой связи показательно, что миграцию из с. Юнкюр в другой населенный пункт как потенциальный ответ на возможное дальнейшее ухудшение состояния мерзлоты допускают только 11,4% опрошенных.

Заключение

Таким образом, активное развитие термокарста на территории и в окрестностях с. Юнкюр в последние годы имеет целый комплекс негативных последствий для жизни

местного населения. Увеличение температуры многолетнемерзлых грунтов под фундаментами и обводнение территории наносит ущерб сохранности жилого фонда и хозяйственных строений, объектов инфраструктуры. Пострадавшие сооружения местные жители вынуждены регулярно ремонтировать, либо забрасывать и отстраиваться на новом месте, что, естественно, отрицательно сказывается на и без того ограниченных материальных ресурсах людей, оказывая влияние, в том числе, на формирование их жизненных стратегий. Значительные издержки, включая репутационные, приходятся и на местные органы власти. Процессы деградации ММП ограничивают возможности занятия традиционной хозяйственной деятельностью. В результате в Юнкюре к шоку от упадка прежнего относительного благополучия в советский период, свойственного для значительной части сельских поселений нашей страны, добавляются проблемы деградации ММП, которые затрудняют ведение имеющего здесь вековые традиции растениеводства, испытывают на прочность оставшиеся в селе предприятия аграрной направленности, а для рядовых жителей влияют на выбор сельскохозяйственных культур и затрудняют процесс хранения урожая. В ходе своего «взаимодействия» с возникшими вызовами природного характера местное население вырабатывает оригинальные адаптационные решения, трансформирующие, в том числе, привычную для локального сообщества материальную среду.

Что можно сделать, чтобы хотя бы частично исправить ситуацию? Помимо организации постоянного научного сопровождения жизни села в условиях активного протекания термокарста, требующего определенных финансовых вложений со стороны органов власти, представляется оптимальным предложение Р. В. Десяткина и А. Н. Федорова об отнесении территорий с высокольдистыми породами, на которых активно протекают процессы деградации «вечной мерзлоты», к зоне экологического бедствия (*Десяткин, Федоров* 2023: 14). Подобное решение способствовало бы, в том числе, восстановлению социальной справедливости, т. к. в настоящее время, государство оказывает помощь, например, пострадавшим от последствий наводнений и пожаров, тогда как жители подверженным деградации мерзлоты населенных пунктов фактически предоставлены сами себе.

Источники и материалы

АРАН — Архив Российской академии наук. Ф. 174. Оп. 26. Ед. хр. 77.

БТСЯЯ 2015 — Большой толковый словарь якутского языка. Т. 12. Новосибирск: Наука, 2015. 597 с.

МА МРОР 3/1 — Муниципальный архив муниципального района «Олёкминский район». Ф. 3. Оп. 1. Ед. хр. 12.

МА МРОР 3/2 — Муниципальный архив муниципального района «Олёкминский район». Ф. 3. Оп. 2. Ед. хр. 378.

МА МРОР 36 — Муниципальный архив муниципального района «Олёкминский район». Ф. 36. Оп. 1. Ед. хр. 87.

МА МРОР 66 — Муниципальный архив муниципального района «Олёкминский район». Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 1.

Олёкминский район 2024 — Муниципальное образование Мальжагарский наслег Олёкминского района РС(Я) // Муниципальный район «Олёкминский район». https://mr-olekminskij.sakha.gov.ru/news/front/view/id/3351949 (дата обращения: 02.02.2024).

ПМА 1 — полевые материалы автора, собранные в с. Исит, Хангаласский улус, Республика Саха (Якутия), август 2017 г.

ПМА 2 — полевые материалы автора, собранные в с. Юнкюр, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия), сентябрь 2019 г.

ПМА 3 — полевые материалы автора, собранные в с. Юнкюр, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия), сентябрь 2020 г.

ПМА 4 — полевые материалы автора, собранные в с. Юнкюр, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия), сентябрь 2021 г.

ПМА 5 — полевые материалы автора, собранные в с. Юнкюр, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия), сентябрь 2022 г.

ПМА 6 — полевые материалы автора, собранные в с. Юнкюр, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия), март 2023 г.

ПМА 7 — полевые материалы автора, собранные в с. Юнкюр, Олёкминский район, Республика Саха (Якутия), сентябрь 2023 г.

Редько 2010 — Редько М. А., Кулагин Ю. Д., Павляк А. Ф., Горизонтов В. В., Горизонтова Т. М., Кузьмина Ф. И., Костенко С. А. Юнкюрский наслег. Олёкминск: Центральная районная библиотека, 2010. 24 с.

ТА АМО МН ОР — Текущий архив администрации МО «Мальжагарский наслег» Олёкминского района РС(Я).

ФСГС 2023 — Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2023 г. // Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx (дата обращения: 19.03.2024).

Научная литература

Анисимов О. А., Жильцова Е. Л., Жегусов Ю. И. Общественное восприятие изменения климата в холодных регионах России: пример Якутии // Лед и Снег. 2017. № 57 (4). С. 565–574. https://doi.org/10.15356/2076-6734-2017-4-565-574

Боякова С. И. Русские старожилы Якутии: культура и ландшафт // Арктика и Север. 2012. № 9. С. 73–80.

Варламов С. П., Скачков Ю. Б., Скрябин П. Н. Мониторинг теплового режима грунтов Центральной Якутии. Якутск: ИМЗ СО РАН, 2021. 156 с.

Винокурова Л. И., Григорьев С. А. Антропология холода: восприятие деградации мерзлоты сельскими жителями Республики Саха (Якутия) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 5. С. 1265–1277. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1265-1277

Григорьев С. А. Температурные изменения, деградация многолетней мерзлоты и новые вызовы в системе жизнеобеспечения Амгинского улуса РС (Я): результаты полевых наблюдений // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2022. № 1. С. 51–62. https://doi.org/10.25693/SVGV.2022.38.1.004

Десяткин Р. В., Федоров А. Н. О катастрофической деградации многолетней мерзлоты и ледового комплекса в условиях глобальных изменений климата // Наука и техника в Якутии. 2023. № 2. С. 11–14. https://doi.org/10.24412/1728-516X-2023-2-11-14

Заболотник С. И. О масштабах растепления грунтов в основании зданий Якутской ТЭЦ // Наука и техника в Якутии. 2016. № 2. С. 19–25.

Лыткин В. М., Башарин Н. И., Жирков А. Ф., Кириллин А. Р., Сивцев М. А. Применение наземного лазерного сканера при изучении годовой и межгодовой изменчивости термокарста в Центральной Якутии // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. 2023. Т. 20. № 5. С. 130–139. https://doi.org/10.21046/2070-7401-2023-20-5-130-139

Нестерева М. И. Пространственные особенности строения разнотипных озерных котловин на территории Якутии // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 4. С. 227–230.

Сафронов Ф. Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в.: управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М.: Наука, 1978. 258 с.

Скачков Ю. Б. Современные климатические нормы Якутии // Устойчивость природных и технических систем криолитозоны в условиях изменения климата: Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 150-летию М. И. Сумгина, Якутск, 22–24 марта 2023 года. Якутск: ИМЗ СО РАН, 2023. С. 65–68.

Сулейманов А. А., Апросимов Д. А., Башарин Н. И., Лыткин В. М. Сельские сообщества Республики Саха (Якутия) в условиях деградации многолетнемерзлых пород (на примере села Улахан-Ан) // Криосфера Земли. 2024. Т. 28. № 2. С. 3–13. https://doi.org/10.15372/KZ20240201

Сулейманов А. А., Лыткин В. М., Винокурова Л. И., Григорьев С. А., Федоров С. И., Голомарева В. Ю., Апросимов Д. А., Башарин Н. И. Сельские сообщества Якутии в условиях деградации многолетнемёрзлых пород: ключевые риски, социальные последствия, механизмы адаптации // Арктика и Север. 2023. № 52. С. 199–231. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.52.199

Федоров А. Н. Эволюция и динамика мерзлотных ландшафтов Якутии. Дисс. докт. геогр. наук. Якутск, 2020. 302 с.

Ямсков А. Н. Трактовки понятия «жизнеобеспечение» в этнической экологии и возможный подход к изучению культурной адаптации // Этнос и среда обитания: сборник этноэкологических исследований к 85-летию В. И. Козлова. Т. 1. М.: Старый сад, 2009. С. 73–94. https://doi.org/10.5281/zenodo.3229010

Fedorov A. N., Konstantinov P. Y., Vasilyev N. F., Shestakova A. A. The Influence of Boreal Forest Dynamics on the Current State of Permafrost in Central Yakutia // Polar Science. 2019. Vol. 22. P. 100483. https://doi.org/10.1016/j.polar.2019.100483

Grosse G., Romanovsky V., Jorgenson T., Anthony K. W. Vulnerability and Feedbacks of Permafrost to Climate Change // Eos Transactions American Geophysical Union. 2011. Vol. 92. № 9. P. 73–74. https://doi.org/10.1029/2011EO090001

Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L., Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I. Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities // Land. 2021. Vol. 10. P. 101. https://doi.org/10.3390/land10020101

Shiklomanov N. I., Streletskiy D. A., Swales T. B., Kokorev V. A. Climate Change and Stability of Urban Infrastructure in Russian Permafrost Regions: Prognostic Assessment based on GCM Climate Projections // Geographical Review. 2017. Vol. 107. № 1. P. 125–142. https://doi.org/10.1111/gere.12214

Takakura H., Fujioka Y., Ignatyeva V., Vinokurova N., Grigorev S., Boyakova S., Tanaka T. Differences in Local Perceptions about Climate and Environmental Changes Among Residents in a Small Community in Eastern Siberia // Polar Science. 2021. Vol. 27. P. 100556–100630. https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100556

Zhirkov A., Permyakov P., Kirillin A., Wen Z. Influence of Rainfall Changes on the Temperature Regime of Permafrost in Central Yakutia // Land. 2021. Vol. 10. No 11. P. 1230. https://doi.org/10.3390/land10111230

References

Anisimov, O. A., E. L. Zhiltsova, and Yu. I. Zhegusov. 2017. Obshchestvennoe vospriiatie izmeneniia klimata v kholodnykh regionakh Rossii: primer Yakutii [Public Perception of Climate Change in Cold Regions of Russia: the Example of Yakutia]. *Led i Sneg* 57(4): 565–574. https://doi.org/10.15356/2076-6734-2017-4-565-574

Boyakova, S. I. 2012. Russkie starozhily Yakutii: kul'tura i landshaft [Russian Old-Timers of Yakutia: Culture and Landscape]. *Arktika i Sever* 9: 73–80.

Desiatkin, R. V., and A. N. Fedorov. 2023. O katastroficheskoi degradatsii mnogoletnei merzloty i ledovogo kompleksa v usloviiakh global'nykh izmenenii klimata [On the Catastrophic Degradation of Permafrost and Ice Complex Under Conditions of Global Climate Change]. *Nauka i tekhnika v Yakutii* 2: 11–14. https://doi.org/10.24412/1728-516Kh-2023-2-11-14

Fedorov, A. N. 2020. *Evoliutsiia i dinamika merzlotnykh landshaftov Yakutii* [Evolution and Dynamics of Permafrost Landscapes in Yakutia]. Doctoral dissertation. Yakutsk, Melnikov Permafrost Institute.

Fedorov, A. N., P. Y. Konstantinov, N. F. Vasilyev, and A. A. Shestakova. 2019. The Influence of Boreal Forest Dynamics on the Current State of Permafrost in Central Yakutia. *Polar Science* 22: 100483. https://doi.org/10.1016/j.polar.2019.100483

Grigorev, S. A. 2022. Temperaturnye izmeneniia, degradatsiia mnogoletnei merzloty i novye vyzovy v sisteme zhizneobespecheniia Amginskogo ulusa RS (Ya): rezul'taty polevykh nabliudenii [Temperature Changes, Permafrost Degradation and Social Challenges in the Life Support System of the Amginsky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia): Field Studies Results]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik* 1: 51–62. https://doi.org/10.25693/SVGV.2022.38.1.004

Grosse, G., V. Romanovsky, T. Jorgenson, and K. W. Anthony. 2011. Vulnerability and Feedbacks of Permafrost to Climate Change. *Eos Transactions American Geophysical Union* 92(9): 73–74. https://doi.org/10.1029/2011EO090001

Lytkin, V. M., N. I. Basharin, A. F. Zhirkov, A. R. Kirillin, and M. A. Sivtsev. 2023. Primenenie nazemnogo lazernogo skanera pri izuchenii godovoi i mezhgodovoi izmenchivosti termokarsta v Tsentral'noi Yakutii [Application of a Ground-Based Laser Scanner in Studying Annual and Interannual Variability of Thermokarst in Central Yakutia]. *Sovremennye problemy distantsionnogo zondirovaniia Zemli iz kosmosa* 20(5): 130–139. https://doi.org/10.21046/2070-7401-2023-20-5-130-139

Lytkin, V., A. Suleymanov, L. Vinokurova, S. Grigorev, V. Golomareva, S. Fedorov, A. Kuzmina, and I. Syromyatnikov. 2021. Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities. *Land* 10(2): 101. https://doi.org/10.3390/land10020101

Nestereva, M. I. 2011. Prostranstvennye osobennosti stroeniia raznotipnykh ozernykh kotlovin na territorii Yakutii [Spatial Features of the Structure of Different Types of Lake Basins on the Territory of Yakutia]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* 4: 227–230.

Safronov, F. G. 1978. *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII — seredine XIX v.: upravlenie, sluzhilye liudi, krest'iane, gorodskoe naselenie* [Russians in the North-East of Asia in the 17th — mid-19th Centuries: Management, Service People, Peasants, Urban Population]. Moscow: Nauka. 258 p.

Shiklomanov, N. I., D. A. Streletskiy, T. B. Swales, and V. A. Kokorev. 2017. Climate Change and Stability of Urban Infrastructure in Russian Permafrost Regions: Prognostic Assessment based on GCM Climate Projections. *Geographical review* 107(1): 125–142. https://doi.org/10.1111/gere.12214

Skachkov, Y. B. 2023. Sovremennye klimaticheskie normy Yakutii [Modern Climatic Norms of Yakutia]. In *Ustoichivost' prirodnykh i tekhnicheskikh sistem kriolitozony v usloviiakh izmeneniia klimata: Materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 150-letiiu M. I. Sumgina, Yakutsk, 22–24 marta 2023 goda* [Stability of Natural and Technical Systems of Cryolithozone in Conditions of Climate Change: Proceedings of the All-Russian Conference with International Participation, Dedicated to the 150th Anniversary of M. I. Sumgin, Yakutsk (March 22–24 2023)]. Yakutsk: Melnikov Permafrost Institute. 65–68.

Suleymanov, A. A., D. A. Aprosimov, N. I. Basharin, and V. M. Lytkin. 2024. Sel'skie soobshchestva Respubliki Sakha (Yakutiia) v usloviiakh degradatsii mnogoletnemerzlykh porod (na primere sela Ulakhan-An) [Rural Communities of the Republic of Sakha (Yakutia) in Conditions of Degradation of Permafrost (on the Example of the Ulakhan-An Village)]. *Kriosfera Zemli* 28(2): 3–13. https://doi.org/10.15372/KZ20240201

Suleymanov, A. A., V. M. Lytkin, L. I. Vinokurova, S. A. Grigorev, S. I. Fedorov, V. Yu. Golomareva, D. A. Aprosimov, and N. I. Basharin. 2023. Sel'skie soobshchestva Yakutii v usloviiakh degradatsii mnogoletnemerzlykh porod: kliuchevye riski, sotsial'nye posledstviia, mekhanizmy adaptatsii [Rural Communities of Yakutia in Conditions of Permafrost Degradation: Key Risks, Social Consequences, Adaptation Mechanisms]. *Arktika i Sever* 52: 199–231. https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.52.199

Takakura, H., Y. Fujioka, V. Ignatyeva, N. Vinokurova, S. Grigorev, S. Boyakova, and T. Tanaka. 2021. Differences in Local Perceptions About Climate and Environmental Changes Among Residents in a Small Community in Eastern Siberia. *Polar Science* 27: 100556–100630. https://doi.org/10.1016/j.polar.2020.100556

Varlamov, S. P., Yu. B. Skachkov, and P. N. Skriabin. 2021. *Monitoring teplovogo rezhima gruntov Tsentral'noi Yakutii* [Monitoring the Thermal Regime of Soils in Central Yakutia]. Yakutsk: Melnikov Permafrost Institute. 156 p.

Vinokurova, L. I., and S. A. Grigorev. 2023. Antropologiia kholoda: vospriiatie degradatsii merzloty sel'skimi zhiteliami Respubliki Sakha (Yakutiia) [Cryoanthropology: Perception of Permafrost Degradation by Rural Residents of the Republic of Sakha (Yakutia)]. *Oriental Studies* 16(5): 1265–1277. https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-69-5-1265-1277

Yamskov, A. N. 2009. Traktovki ponjatija «zhizneobespechenie» v jetnicheskoj jekologii i vozmozhnyj podhod k izucheniju kul'turnoj adaptacii [Interpretations of the Concept of "Life Support" in Ethnic Ecology and a Possible Approach to the Study of Cultural Adaptation]. In *Etnos i sreda obitanija: sbornik jetnojekologicheskih issledovanij k 85-letiju V. I. Kozlova* [Ethnos and Habitat: A Collection of Ethnoecological Studies for the 85th Anniversary of V. I. Kozlov]. Vol. 1. Moscow: Staryj sad. 73–94. https://doi.org/10.5281/zenodo.3229010

Zabolotnik, S. I. 2016. O masshtabakh rastepleniia gruntov v osnovanii zdanii Yakutskoi TETs [On the Scale of Soil Thawing at the Base of the Buildings of the Yakutskaya Thermal Power Plant]. *Nauka i tekhnika v Yakutii* 2: 19–25.

Zhirkov, A., P. Permyakov, A. Kirillin, and Z. Wen. 2021. Influence of Rainfall Changes on the Temperature Regime of Permafrost in Central Yakutia. *Land* 10(11): 1230. https://doi.org/10.3390/land10111230

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/281-300
Научная статья

© Н. А. Дубова, М. Н. Навруzбеков, М. Г. Никифоров

ТРАДИЦИОННЫЙ КАЛЕНДАРЬ И АСТРОНОМИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ДОЛИНЫ ХИНГОУ (ТАДЖИКИСТАН)

В статье представлены результаты этнографического изучения традиционного календаря и астрономических знаний жителей долины реки Хингоу (Сангворский район, Республика Таджикистан), проведённого в 2023 г. В ходе исследования было опрошено 56 информантов из 21 кишлака, которые охватывают всю населенную в настоящее время часть долины. Подробно описаны местные традиции определения важных дат сельскохозяйственного календаря, основанные на наблюдениях за Солнцем и звездами. Особое внимание уделяется праздникам, связанным с земледельческим циклом, таким как Навруз, Джуфт бароронн и значимому дню года, началу зимней чилли. В то же время, такие традиционные земледельческие праздники как «Херман курбон» (жатва пшеницы) и «Мехргон» (завершение сбора урожая) утратили свое прежнее влияние и в большей степени живут в памяти старшего поколения, что связано с сильным влиянием ислама. В долине Хингоу широко известны Сириус, Плеяды и три звезды пояса Ориона, причем последний астеризм использовался для определения наступления Навруза. Помимо этого, в этом регионе обнаружено неизвестное ранее созвездие «Курица и цыплята», которые отождествляются с Альдебараном и звездным скоплением Гиады. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о сохранении в долине Хингоу, фрагментов традиционных астрономических знаний, тесно связанных с земледельческим укладом жизни несмотря на значительные культурные и социальные изменения.

Ключевые слова*: этнография таджиков, народная астрономия, видимость звезд, счет времени*

Ссылка при цитировании: *Дубова Н. А., Навруzбеков М. Н., Никифоров М. Г.* Традиционный календарь и астрономические знания жителей долины Хингоу (Таджикистан) // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 281–300.

Дубова Надежда Анатольевна — д. и. н., главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский проспект, д.32-А). Эл. почта: dubova_n@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4340-1037

Навруzбеков Маснав Ниёзмамодович — младший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии НАНТ (Республика Таджикистан, 7340000 Душанбе, ул. Академиков Раджабовых, д. 9). Эл. почта: n-masnav83@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0108-0981

Никифоров Михаил Геннадьевич — доцент, ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет (Российская Федерация, 119934 Москва, ул. Остоженка д. 38, стр. 1). Эл. почта: followup@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3106-5854

*Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00529.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/281-300
Original Article

© *Nadezhda Dubova, Masnav Navruzbekov and Mikhail Nikiforov*

TRADITIONAL CALENDAR AND ASTRONOMICAL KNOWLEDGE OF THE KHINGOU VALLEY INHABITANTS (TAJIKISTAN)

The article presents the results of an ethnographic study of the traditional calendar and astronomical knowledge conducted in 2023 among the inhabitants of the Khingou River valley (Sangvor district, Republic of Tajikistan). 56 informants from 21 villages, which cover the entire currently populated part of the valley, were interviewed. The paper describes the local traditions of determining important dates of the agricultural calendar based on observations of the Sun and stars. Special attention is paid to holidays related to the agricultural cycle, such as Nowruz, Juft Baroron and the beginning of winter "chilla". At the same time, such traditional agricultural holidays as "Herman kurbon" (wheat harvest) and "Mehrgon" (completion of harvest) have lost their former influence and live more in the memory of the older generation, which is due to the strong influence of Islam. Sirius, the Pleiades and the three stars of the Orion's belt are widely known in the Khingou Valley, with the latter asterism being used to determine the onset of Nowruz. In addition, a previously unknown constellation "Hen and Chickens" has been discovered in this region, which is associated with Aldebaran and the Hyades star cluster. The study revealed that certain fragments of traditional astronomical knowledge in the Khingou Valley have been preserved, and they are closely related to the agricultural way of life despite significant cultural and social changes.

Keywords: *ethnography of Tajiks, folk astronomy, star visibility, time counting, agricultural holidays*

Authors Info: **Dubova, Nadezhda A.** — Dr. of History, Chief Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: dubova_n@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-4340-1037

Navruzbekov, Masnav — Junior Researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of National Academy of Sciences of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan). E-mail: n-masnav83@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-0108-0981

Nikiforov, Mikhail G. — Associated Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: followup@mail.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3106-5854

For citation: Dubova, N. A., M. Navruzbekov, and M. G. Nikiforov. 2025. Traditional Calendar and Astronomical Knowledge of the Khingou Valley Inhabitants (Tajikistan). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 281–300.

Funding: The study was carried out within the framework of the RSF project No. 22-18-00529.

Долина реки Хингоу и история ее исследований

Долина реки Хингоу расположена на живописной высокогорной территории Сангворского района Республики Таджикистан. С севера ее бассейн ограничен хребтом Петра Первого, а с южной стороны — Дарвазским хребтом. Река Хингоу начинается на высоте свыше 2500 м, в месте слияния притоков Киргизоб и Гармо[1]. Раньше рядом находился кишлак Пашимгар, который был самым верхним поселением, если не считать кишлаков, расположенных в долине Обимазора, притока Хингоу. Однако, в настоящее время данная территория заброшена. С этого места река течет вдоль параллели в направлении с востока на запад, делая в нескольких местах повороты то к северу, то к югу. Примерно через 180 км от своего начала Хингоу сливается с Сурхобом, образуя Вахш.

Первым этнографом, исследовавшим долину Хингоу стал Н. А. Кисляков, который работал здесь в середине 30-х годов прошлого века. Его основной целью являлось изучение племенного состава населения этой территории, изучение семейного быта, родовых отношений внутри семьи и взаимоотношения семей внутри сельской общины (*Кисляков* 1936). То есть, исследование Н. А. Кислякова носило в большей степени социологический характер, актуальность которого заключалась в том, что быт и общественные порядки жителей высокогорный районов были очень необычными. Понятно, что местным республиканским властям нужно было понимать, как общаться с местным населением и как «осовременить» это общество.

Согласно Н. А. Кислякову население долины делится на пять больших племен. В верховьях долины, от кишлака Лоджирк и выше проживает племя *вахиочи*, в среднем течении, от Лангара до Тавильдары живут племена *туркийа* и *нижголя*. При этом, согласно его карте, кишлаки *туркийа* в основном находятся на правом берегу Хингоу, а *нижголя* — на левом. Территория ниже Тавильдары населена племенем *хлоз*, а на территориях южнее Тавильдары, которые тоже относятся к бассейну Хиногу, проживает племя *сагырдашчи*. Н. А. Кисляков изучал племя *вахиочи*, которое расселено на наиболее труднодоступной и изолированной территории.

Следующим исследователем долины Хингоу стал М. Р. Рахимов, основной целю которого являлось изучение круга вопросов, связанных с земледелием в дореволюционный период (*Рахимов* 1957). В первую очередь это касалось описания старых орудий труда, местных сельскохозяйственных культур, традиционной техники обработки земли, полива, выращивания и сбора урожая, земледельческих обрядов и традиций. Поскольку для земледельца важно уметь определять сроки посева и сбора урожая, ориентироваться во времени и определять погоду, то часть сведений касались народного календаря, счета времени по телу человека — «хисоби мард» и явлений видимости некоторых звезд, которые служили в качестве маркеров определенных событий.

Следует заметить одну важную деталь, о которой по понятной причине не упоминает М. Р. Рахимов. В послевоенный период, с конца 40-х годов по 1953 г. жители долины Хингоу были принудительно переселены на другие территории Таджикской ССР с целью выращивания хлопка. Логика республиканского руководства вполне понятна. Долина Хингоу представляла собой труднодоступную территорию с плохими дорогами и отсутствием электричества, развитие же региона требовало инвестиций в инфраструктуру. При этом ее население представляло ценный трудовой ресурс, который можно

[1] Это утверждение сделано в рамках современной географической номенклатуры. Во времена Н. А. Кислякова началом Хингоу считалось место слияния рек Арзынг и Обимазор, где расположен кишлак Сангвор (*Кисляков* 1936: 3, 4).

было использовать в другом месте. Интересно отметить, что переселению подверглись даже кишлаки нижнего течения реки до Тавильдары и кишлаки Сагырдаштской группы, хотя по этому пути шла единственная в то время дорога на Памир. При этом были поселения, в которых оставалось по несколько домов, принадлежавших людям, призванным поддерживать дороги в относительно пригодном состоянии.

М. Р. Рахимов изучал долину Хингоу в то время, когда ее жители были уже частично переселены. Самым верхним кишлаком, который он упоминает в своей работе является Сабзихарв, относящийся к среднему течению реки. Наши информанты (ПМА: Хин-109, Хин-112, Хин-115, Хин-123)[1] утверждают, что их переместили в период с 1951 по 1953 гг., причем чем выше по течению расположен кишлак, тем раньше дата его переселения. Отсюда можно предположить, что М. Р. Рахимов не собирал информацию в верховьях Хингоу, и единственным источником информации по этому району являются сведения Н. А. Кислякова.

Повторное заселение долины Хингоу началось в 1980-х годах в первую очередь с поселений, расположенных вдоль памирского тракта по линии Яфуч — Тавильдара — Сафедорон, и среднего течения Хур — Сабзихарв — Аргакун. Даже относительно небольшое знакомство с этими местами позволяет утверждать, что здесь есть крупные кишлаки, а по мнению возрастных информантов, сейчас здесь проживает примерно столько же жителей, что и раньше. Однако с поселениями верхнего течения реки ситуация совсем иная. По сведениям Н. А. Кислякова, в Сангворе было 53 двора, по данным таджикского управления народного хозяйства — 46 дворов, где проживало 426 жителей. Вся территория «Вахио-боло» насчитывала примерно 3300 жителей. Сейчас по словам (ПМА: Хин-107) в Сангворе живет 30 семей, в Найгуфте — 7, в Даргазе — одна. Большая часть кишлаков выше Сангвора так и остается заброшенной, либо там живет всего несколько семей. При этом бытовые условия жизни тоже оставляют желать лучшего. В Сангворе до 2015 г. не было централизованного электричества, жители использовали генераторы, а в упомянутых верхних кишлаках электричества нет и сейчас.

В 2023 г. мы провели изучение календарно-астрономических знаний жителей долины Хингоу, в результате чего было опрошено 56 информантов из 21 кишлака (*Рис. 1*). По всей вероятности, это было первое масштабное этнографическое исследование, проведенное со времени М. Р. Рахимова, поскольку мы не нашли каких-либо опубликованных материалов по этому региону.

Самым дальним кишлаком, в котором проводился сбор материала, был Сангвор, поскольку по словам местных жителей, кишлаки, расположенные выше по течению, очень малочисленны и там нет возрастных информантов. Таким образом, территория «Вахио-боло» представлена двумя кишлаками, Сангвором и Лоджирком. Среднее течение Хингоу, в которых до переселения проживали племена *туркийа* и *нижголя*, представлены девятью кишлаками от Лангара до Хура. Нижнее течение, где проживают *хлоз*, представлено кишлаками Чильдара, Яфуч и Кафтаргузар. Наконец, отдельную компактную группу в южной части долины представляют кишлаки Сагырдаштской группы. Здесь следует отметить одну существенную деталь. Проведенный опрос показал, что, как правило, переселенцы всегда возвращались в свой родной кишлак, а исключения встречаются только в верхнем Вахио. Однако и здесь, если заброшенный кишлак не заселялся заново, то человек переселялся в другой кишлак своего племени.

[1] Здесь и далее с пометкой ПМА в скобках приведены условные обозначения информантов, сведения о которых даны в разделе Источники и материалы.

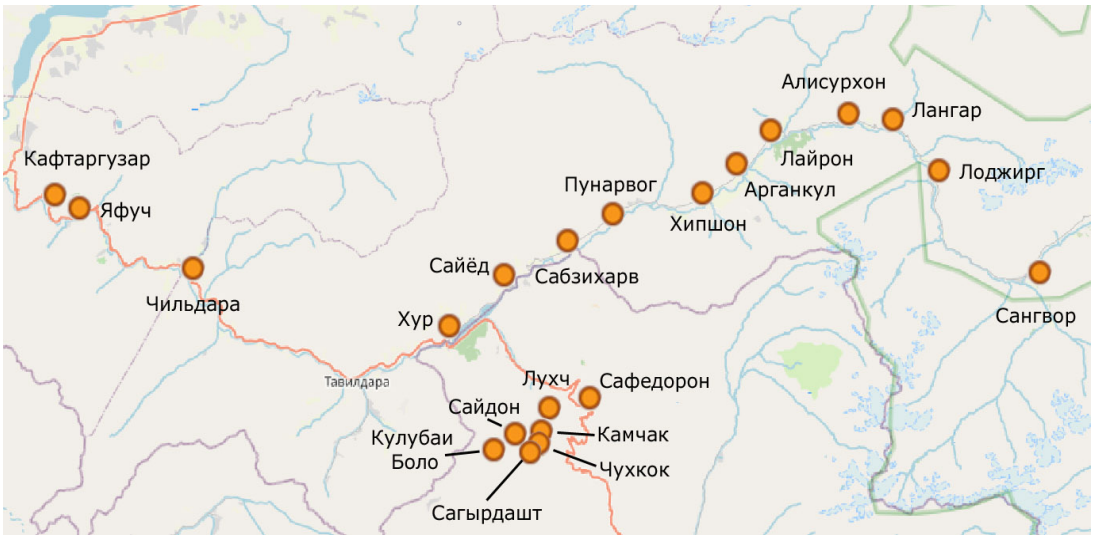

Рис. 1. Карта кишлаков долины Хингоу, в которых проводился сбор материала

Календарный счет, народные праздники и значимые дни года

Вопрос ориентирования во времени всегда занимал очень важное место в повседневной жизни человека, поскольку нужно было уметь определять время начала подготовки к земледельческому сезону, время первой запашки земли и время сбору урожая. Все это требовало определенных наблюдательных навыков и астрономических знаний. Рассмотрим счет времени и старые народные праздники в долине Хингоу.

Большая чилля. По мнению информантов, первый день большой чилли соответствует времени зимнего солнцестояния, которое можно определить из наблюдений — это несколько дней, когда Солнце восходит и заходит в одном месте. С момента зимнего солнцестояния начинается отсчет сорокадневного периода, который и называется большой чиллей (чилаи калон), которая также называется зимней чиллей. В этот день готовят «сандали» — специальная емкость в полу центре комнаты, куда помещают горячую золу, взятую из очага, накрывают ее специальной крышкой и одеялом, затем греют там ноги (ПМА: Хин-134).

В *Табл. 1* приведены даты начала зимней чилли по данным жителей долины Хингоу. В общей сложности нами было опрошено 56 человек, причем, информанты (ПМА: Хин-92, Хин 121) дали по два ответа, поскольку они утверждают, что существуют разные варианты начала зимней чилли. Поэтому, в общей сложности получено 58 оценок.

Согласно *Табл. 1*, самым распространенным ответом является дата 18 декабря, которая имеет самую высокую частотность (f_{18}=30). На втором месте идет вариант начала чилли 20 декабря с частотностью f_{20}=10, и наконец, такую же частотность имеет группа, в которой информанты затруднились дать точный ответ. Отметим, что оба доминирующих варианта с 18 и 20 декабря идут вперемешку, то есть равномерно распределены по территории долины. Это означает, что их нельзя фрагментировать по районам, когда в одном месте распространена одна дата, а в другом другая.

Ситуация с наличием на одной территории двух разных точек отсчета зимней чилли не является новой. Например, в долине реки Язгулем мы наблюдали противоположную

картину, где преобладающей датой начала чилли является 20 декабря, а вариант отсчета с 18 декабря встречается в два раза реже (*Гуломшоев* и др. 2024: 20). Мы полагаем, информация о процентном соотношении дат в соседних регионах может быть использована в качестве объясняющей переменной для построения моделей распространения традиций. Поскольку существуют две разных даты начала чилли, можно отследить их распространение и перемешивание на сопредельных территориях. Поэтому, очень важным является определить вариацию дат начала большой чилли на сопредельных территориях — долинах Ванча, Бартанга и на Дарвазе.

Таблица 1

Даты начала зимней чилли

№	Дата в декабре	Информант	Частота
1	9-10	Хин-107, Хин-142	2
2	16	Хин-92*, Хин-105, Хин-146	3
2	17	Хин-89, Хин-110	2
3	18	Хин-92*, 121* и все остальные.	30
4	20	Хин-97, 102, 109, 111, 114, 119, 121*, 130, 136, 140	10
5	22	Хин-106	1
6	?	Хин-95, 98, 99, 103, 113, 124, 139, 143, 144, 145	10
Итого:			58

Малая чилля. По завершении большой чилли начинается период малой чилли (чилаи хурта), которому соответствует время самых сильных морозов. Существует поверье, что малая чилля сказала: «Если бы за моей спиной не было весны, я бы иссушила в утробе матери козленка (Хин-108) / жеребенка (Хин-109)».

С началом малой чилли начинается счет по телу человека, хорошо известный по ряду работ (*Бобринский* 1908: 109; *Майский* 1934: 103; *Кисляков* 1947: 112; и др.), который называется *хисоби мард* или *нишони*. В разных вариациях он встречается всюду в долине Хингоу, кроме кишлаков нижнего течения, что было отмечено еще М. Р. Рахимовым (*Рахимов* 1957: 155). И действительно, проведенные нами опросы показали, что в кишлаках Кафтаргузар, Яфуч и Чильдара счет *хисоби мард* не известен. В остальных местах он используется как один из способов определения Навруза, поэтому названия и длительности фрагментов счета лучше всего известны до интервалов «*камари навруз*» или «*дил*» (сердце), которые в разных вариациях соответствовали времени Навруза.

По окончанию малой чилли снег посыпали землей, чтобы он быстрее таял (ПМА: Хин-96, Хин-135). При этом респондент из Сагырдашта (ПМА: Хин-135) описывает это время фрагментом счета *зону* (колено), а житель Яфуча (ПМА: Хин-96) — концом малой чилли, поскольку в нижнем течении Хингоу счета по телу человека не было.

Существуют свидетельства (ПМА: Хин-96, Хин-100), что раньше здесь отмечали конец малой чилли, который совпадал с началом месяца Хут (Рыба). Специального названия

этот день не имел, но он считался праздничным: мужчины ходили друг к другу в гости, дома к столу готовили какое-нибудь блюдо (шурпо, плов или курутоб) и приносили его в мечеть, где собирались все вместе. Однако, теперь если его кто и отмечает, то дома, поскольку за это штрафуют. Учитывая, что об этом празднике нам смогли сообщить только два информанта с нижнего течения реки, можно предположить, что, если этот праздник и существовал в долине Хиногу, то его носителем были представители *хлоз*.

Большая часть жителей полагает, что малая чилля длится 20 дней и заканчивается примерно 20–21 февраля. Однако эта часть информантов считает, что малая чилля имеет продолжение в виде более мелких периодов *хисоби мард*, которые длятся до Навруза (ПМА: Хин-121, Хин-123). Поэтому эти люди говорят, что продолжительность малой чилли составляет 50 дней, и она заканчивается Наврузом (ПМА: Хин-111, Хин-115, Хин-133, Хин-136, Хин-140).

В конце малой чилли, в среду, перед Наврузом люди разжигали огонь и прыгали через него (ПМА: Хин-118, Хин-130, Хин-133), поскольку считается, что когда прыгаешь через огонь, сгорают все грехи и несчастья. Затем приносили кувшин с водой и разбивали его, гася таким способом огонь (ПМА: Хин-133). При этом, зачем было разбивать сам кувшин, наш информант ответить не смог. Это представление является реликтом зороастризма, а его следы сохранилось на всех обследованных нами территориях.

Сада. В первый день малой чилли, когда Солнце входит в тело человека и начинается счет *хисоби мард*, припамирские народы отмечают праздник, который на Язгулеме называется *Граваш* (*Гуломшоев* и др. 2024: 20), а на Шахдаре — *Хирпчор* (Солнце в мужчине) (ПМА). В то же время, в остальном Таджикистане отмечают государственный праздник Сада, который наступает за 50 дней и 50 ночей до Навруза.

Мы не будем сейчас рассматривать вопрос тождественности припамирских праздников *Хирпчор* и *Граваш* с праздником Сада, поскольку это может быть предметом отдельного исследования. Однако, интересно, что со слов местных жителей, на территории долины Хингоу этот праздник не отмечают вообще. Его только формально проводят на уровне районных администраций, и он входит в школьную программу. Однако, по мнению информантов из других районов (ПМА: Хин-89, Хин-129), ниже Тавильдары праздник Сада все же отмечался. Мы не можем строить суждения на основе мнения только двух информантов, данные которых противоречат сведениям жителей опрошенных кишлаков нижнего течения Хингоу. Однако, если они правы, то в этом есть своя логика — носителями традиции празднования Сада являются представители *хлоз*.

Навруз. Как и везде в Таджикистане, в долине Хингоу Навруз является главным традиционным праздником, и поэтому каждый житель может рассказать о нем какие-то подробности. Если суммировать сведения от всех информантов, то получится, что Навруз отмечали в период с 16 по 23 марта, причем наиболее часто повторяемой датой является 18 марта. Для определения дня Навруза использовались различные способы, одним из которых является уже упомянутый выше счет по телу человека. Это утверждает такое большое число информантов, что нет смысла их всех перечислять. Поскольку в разных кишлаках отличались как моменты начала зимней чилли, так и длительности фрагментов счета, то и даты Навруза варьировали до нескольких дней.

Другим распространенным методом определения Навруза было наблюдение за движением Солнца на фоне профиля гор. Когда во время восхода или захода оно касалось приметного камня, или попадало в определенную ложбинку, люди определяли дату праздника. Раньше в каждом кишлаке был свой камень, по которому «находили» На-

вруз, причем все такие камни имели собственные имена. Например, в Кафтаргузаре (ПМА: Хин-92) он называется *хавлои* (сумка), в Хипшоне (ПМА: Хин-121) — *каравуль джойга* (страж места), в Сабзихарве (ПМА: Хин-123) — *офтобсанг* (камень Солнца), а Сафедороне (ПМА: Хин-145) — *синаи духтар* (грудь девушки). Однако, в настоящее время большая часть жителей уже забыла названия приметных камней и не может сказать, где они находятся. Но все утверждают, что раньше они здесь были.

До начала переселения 50-х годов прошлого века, в долине Хингоу были распространены дома памирского типа с *рузом* — световым отверстием в потолке и купольной конструкцией — *чорхоной*. Некоторые жители помнят, что в этих домах были отметки, по которым можно было определить время Навруза (ПМА: Хин-96, Хин-134) и время дня (ПМА: Хин-118). Эти сведения подтверждаются описанием дома М. Абдурахимова из кишлака Сафедорон (*Рахимов* 1957: 162). В его доме было три небольших окошка на восточной и юго-западной сторонах, а четвертое располагалось на потолке. В течение дня лучи Солнца, проходя через эти окна, падали на определенные места внутри дома, что позволяло ориентироваться во времени. По словам местных жителей (ПМА: Хин-144-146), дом М. Абдурахимова был заброшен при выселении жителей кишлака и в последствии разрушился. Наконец, еще одним способом определения Навруза было наблюдение захода за гору астеризма Тарозу — трех ярких звезд пояса Ориона. Данный способ нам рассказал информант из Вахио Боло (ПМА: Хин-89), что достаточно подробно отражено в нашей недавней работе (*Гуломшоев* и др. 2024: 26), поэтому, здесь мы не будем на нем останавливаться.

Подготовка к Наврузу и традиции его празднования примерно одинаковы по всей долине Хингоу и совпадали с теми, которые мы зафиксировали в других местах. До Навруза люди делали генеральную уборку, выбрасывали старые вещи, одежду, битую посуду, приводили в порядок после зимы свои дома — белили стены и по необходимости делали ремонт. В день Наруза одевали новые одежды и накрывали праздничный стол, к которому подавали суманак, рисовую кашу, мясную кашу, шурпо, курутоб, кульчу, фатир и прочие лепешки. Также в этот день ходят в гости, принимают гостей и устраивают народные гуляния, которые сопровождаются песнопениями и танцами. Женщины качаются на качелях, и для красоты повязывают запястья рук красным цветком, который оставляет красные следы, в результате чего получатся временная татуировка. Для мужчин организовывают соревнования по борьбе, армреслингу, козлодранию, проводят скачки, бои петухов и куропаток, перетягивание каната.

Во время Навруза матери подбирают сыновьям невест. Если ей понравится какая-то девушка, то потенциальная свекровь дарит ей подарок. Причем, она продолжает дарить подарки и на другие праздники, например, на Курбан, на Рамазан, а потом снова на Навруз, и все это время девушка считается занятой. Иногда дарят подарки и родителям (ПМА: Хин-93, Хин-118). На Навруз некоторые мужчины ходят на кладбища и читают там молитвы (ПМА: Хин-127). В некоторых местах прогоняют злых духов с помощью горящих и дымящихся веток (ПМА: Хин-93).

Джуфт баборон. Этот праздник, или обряд, посвященный первой запашке земли, был широко распространен в долине Хингоу, и его проведение в Вахио-боло достаточно подробно описано Н. А. Кисляковым (*Кисляков* 1936: 113). В целом, собранные нами сведения совпадают с информацией Н. А. Кислякова, однако можно точно утверждать, что сейчас праздник первой запашки потерял свое значение. В большей степени это выражено у информантов, проживающих в нижнем течении Хингоу, большая часть

которых считает, что такого праздника нет, поскольку сейчас копают лопатами, ишаками, небольшими тракторами, а у кого-то просто мало земли. Джуфт бароpон признают праздником в большей степени люди старшего поколения, однако их сведения чаще относятся к советскому времени, а не к современности.

Подготовка к Джуфт бароpон начиналась в конце малой чилли, когда счет по телу человека доходил до колена. В это время снег посыпали землей, чтобы он быстрее таял, проверяли и ремонтировали плуги и прочий земледельческий инвентарь, а быков начинали лучше кормить (ПМА: Хин-106, Хин-113, Хин-130, Хин-134, Хин-138). Первую запашку проводили по погоде и начинали с тех мест, где быстрее всего растаял снег. Иногда это было до или во время Навруза, но чаще всего через одну-две недели после него. Для Вахио-боло, где климат прохладнее, чем в остальной части долины, Н. А. Кисляков приводит дату 01 апреля (*Кисляков* 1936: 85). Большая часть информантов утверждает, что Джуфт бароpон проводили в среду (ПМА: Хин-119, Хин-122, Хин-125, Хин-126, Хин-127, Хин-129, Хин-133, Хин-137, Хин-140, Хин-141, Хин-142, Хин-144, Хин-146). При этом, в качестве альтернативы среде возможными днями были названы понедельник (ПМА: Хин-125), вторник (ПМА: Хин-105) и четверг (ПМА: Хин-129). По мнению информанта (ПМА: Хин-133), выбор среды обусловлен тем, что среда это четвертый день недели — «чоршанбе», а у скота четыре ноги. Поэтому, мероприятия, связанные с отгоном скота или началом пахоты, проводили в четвертый день недели, то есть, в среду. По данным Н. А. Кислякова (*Кисляков* 1936: 113), Джуфт бароpон праздновался либо во вторник, либо в четверг, что также соответствует собранным нами данным.

Информант (ПМА: Хин-133) утверждает, что перед Джуфт барооpоном существовал обычай *лахчасузон*, что буквально переводится как горящий уголь (лахча — уголь, сузон — горит). Для получения угля сжигали древесину абрикоса, шиповника и можжевельника. Этот уголь в дальнейшем использовался в кузнечном деле. Однако мужчина затруднился пояснить смысл этого обряда.

В день первой запашки быков выводили в поле и мазали им маслом рога и шею (ПМА: Хин-89, Хин-104, Хин-109, Хин-112, Хин-115, Хин-117, Хин-122, Хин-123, Хин-132, Хин-136, Хин-140), чтобы ее не натирала упряжка, а для бóльшего урожая головы быков посыпали мукой. Старейшины читали специальную молитву, посвященную деду-земледельцу (ПМА: Хин-111, Хин-125, Хин-134, Хин-146), однако сейчас ее содержание уже никто не помнит. Первые дни на быках распахивали по несколько борозд, постепенно увеличивая нагрузку, чтобы они привыкли. Спустя неделю на быках работали в полную силу.

Некоторые информанты (ПМА: Хин-133, Хин-135, Хин-139) утверждают, что Джуфт бароpон проводили и отмечали на поле только мужчины, поскольку считалось, что земледелие является мужским занятием. В тоже время есть свидетельства (ПМА: Хин-140), что женщины тоже принимали в нем участие. Обратим внимание, что все опрошенные нами люди родились и выросли с советский период, когда права женщин и мужчин существенно выровнялись, поэтому противоречия в информации вполне естественны. Кроме того, факт участия или не участия женщин в обряде первой запашки подчеркнули только жители кишлаков Сагырдаштской группы, а информанты остальной части долины Хингоу почему-то не обратили на это внимание.

Ввиду того, что Джуфт бароpон нередко совпадал с Навpузом, часть информантов (ПМА: Хин-100, Хин-104, Хин-110, Хин-112, Хин-115) сообщают, что праздничное меню было одинаковым или похожим, поэтому нередко среди блюд упоминаются су-

малак и долда. Если подсчитать частотности, то самыми повторяемыми блюдами будут молоко, масло, рисовая каша и различные лепешки. По мнению (ПМА: Хин-113) к столу обязательно должна быть подана еда белого цвета, поскольку белый цвет приносит удачу. Возможно этим же поверьем объясняется обычай повязывать головы быков полоской белой ткани (ПМА: Хин-111, Хин-134). Среди остальных блюд присутствуют плов, курутоб, шурпо, жареная пшеница с горохом, лапша. Однако их частотности в 4–5 раз меньше, чем у основных блюд.

Летняя чилля. Как было упомянуто выше, население долины достаточно уверенно знает, что наступление большой (зимней) чилли связано с зимним солнцестоянием, и в целом, приведенные даты достаточно хорошо с ним согласуются. Однако с летней чиллей, которая соответствует времени летнего солнцестояния, ситуация иная. Совсем ничего не знают про летнюю чиллю 6 информантов, а еще 6 очень неопределенно описали, что ее время приходится на «июль-август». День начала летней чилли значительно варьирует. Среди упомянутых в июне дат были названы 01, 14, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, причем все они имеют частотность от 1 до 3 раз. Наиболее частым ответом про период летней чилли является «с 01 июля по 10 августа», который встречается 7 раз. Хотя продолжительность чилли должна составлять 40 дней, в большинстве случаев это нарушается. В некоторых вариантах ответов она длится ровно месяц, есть варианты с продолжительностью ровно два месяца, а есть и промежуточные значения от 45 до 55 дней, когда завершение чилли знаменует появление Сириуса.

Разброс дат начала летней чилли и несоответствие ответов о ее продолжительности сорокадневному периоду свидетельствуют о том, что сейчас знания о чилле забылись, и она имеет очень малое значение в счете времени. Тем не менее, так было не всегда. Например, информант из к. Хур (ПМА: Хин-130) знает вершину горы «Киргияк», по которой раньше определяли начало летней чилли, а подобными маркерами на профиле гор отмечали наиболее значимые событий.

Праздники сбора урожая. По результатам проведенного опроса можно утверждать, что «Херман курбон» (жатва пшеницы) или «Ноншкан» (разломленный хлеб), а также «Мехргон» (завершение сбора урожая) имеют очень малое распространение среди местного населения. С одной стороны, поскольку эти праздники стали в Таджикистане общегосударственными, то они известны абсолютно всем и их в обязательном порядке проводят на уровне районных администраций и изучают в рамках школьной программы. С другой стороны, большая часть жителей считает, что «эти праздники отмечают “где-то там”, но у нас такого не было». Наиболее популярна точка зрения, которая связывает завершение сбора урожая с традицией *даяка*, когда часть собранного урожая нужно пожертвовать бедным людям (ПМА: Хин-96, Хин-106, Хин-107, Хин-111, Хин-125, Хин-129, Хин-134, Хин-138, Хин-141, Хин-146). В количественном эквиваленте один мешок пшеницы считается вполне хорошим объемом для благотворительности.

Изложенная картина несколько отличается от того, что мы обнаружили в других районах Таджикистана, где народные праздники утратили былую популярность, но почитаются в большей степени. Однако, это все имеет простое объяснение. По словам местных жителей, когда в 1991 г. в долине Хингоу к власти пришли моджахеды, они запретили «все лишнее», включая светские и народные традиции. Поэтому здесь многие жители до сих пор отмечают только два мусульманских праздника и не признают даже Навруз.

В основном информация о праздниках сбора урожая связана у людей с воспоминаниями советского времени. Например, (ПМА: Хин-140) рассказал, что во время жатвы

пшеницы устраивали соревнования. Тот из кишлаков, который первым ее уберет, получал быка. Победитель резал быка и устраивал праздник. Люди старшего поколения помнят, что во время колхозов после сбора урожая собирались все вместе и устраивали праздник. К столу подавали лепешки, фатир с маслом, пшеничную кашу на мясном бульоне, курутоб, шурпо и т. д. Главным считалось, чтобы блюда были приготовлены из нового урожая.

Счет времени. Помимо умения находить с достаточной точностью значимые дни года, человеку необходимо уметь ориентироваться в течение суток, чтобы иметь возможность синхронизировать свою деятельность с другими людьми. Рассмотрим, каким образом это можно было делать без наличия часов.

Наиболее распространенным способом ориентации во времени (20 упоминаний) является попадание солнечного луча, или тени, на определенный камень, расположенный на профиле гор. Обычно такой камень есть в каждом кишлаке, и он виден из любого места. Чаще всего этот камень отмечает половину дня, а поэтому называется «обеденным». При этом, есть упоминания приметных камней, которые отмечают вечернее время.

Вторым по популярности методом определения времени (10 упоминаний) является использование гномона, в качестве которого может употребляться любая прямая палка, а если ее нет, то дерево и даже человек. Суть метода заключается в том, что тень от предмета должна падать в нужном направлении. Например, если известно, где находится юг, а тень от палки падает в ту сторону, это значит, что наступил местный полдень. С помощью той же палки можно разметить и направления, чтобы ввести более мелкие интервалы времени.

Третий по частоте (9 упоминаний) и очень необычный способ, который мы обнаружили только в долине Хингоу является определение времени по тюбетейке (ПМА: Хин-122, Хин-127, Хин-129, Хин-131, Хин-133, Хин-135, Хин-136, Хин-141, Хин-146). Тюбетейка имеет форму квадратной призмы с характерными размерами 17×17×11.5 см и 18.5×18.5×10 см. По мнению местных жителей, обед наступает, когда Солнце попадает в центр тюбетейки. Очевидно, что в описанном виде этот метод не работает, поскольку при движении по эклиптике склонение Солнца изменяется, то будет изменяться его высота в момент наступления полудня. Несложно посчитать, что для первой тюбетейки полуденная высота Солнца составляет h=53.5°, а для второй h=47.2°. По первой тюбетейке можно определить пару дат 25 марта и 14 сентября, по второй — 9 марта и 30 сентября. При этом к каждой дате можно приписать погрешность в несколько дней, в которые метод будет работать с приемлемой точностью. Однако, таким способом не получится определить полдень в апреле, в мае или в июне, поскольку Солнце будет находиться высоко. Интересно заметить, что если ориентировать тюбетейку по сторонам света, то при размерах 17×17×10 или 19×19×11 во время Навруза полуденная тень будет падать в ее центр. Однако, заметим, что если этим способом кто-то пользовался для определения времени Навруза, то этот метод уступает остальным методам по точности. По тюбетейке можно определить время местного полудня следующим образом: если расположить ее по сторонам света, то в полдень тень, отбрасываемая тюбетейкой, будет являться продолжением ее боковых сторон.

Звезды

Перейдем к вопросу о знании звезд жителями долины Хингоу.

Ситораи хунук (Холодная звезда) или Сириус является самой известной звездой в

долине Хингоу. Сведения о ней разной степени детализации нам смогли рассказать 49 из 56 опрошенных жителей, что составляет 88%. При этом оценка знаний 13 информантов или 23% опрошенных, позволяет уверенно предположить, что их знания являются не результатом собственных наблюдений, а пересказом когда-то услышанной информации.

Ситраи хунук — это яркая белая звезда, появляющаяся на юго-востоке в лучах утренней зари в конце августа — в начале сентября, является предвестником осени и сигналом к подготовке к зиме — сбору урожая и сопутствующим работам. Аналогичная картина наблюдается в уже изученных нами районах Таджикистана — на Зеравшане (*Антонова* и др. 2023), в Ягнобе и Язгулеме (*Гуломшоев* и др. 2023; *Гуломшоев* и др. 2024). Поскольку эта звезда и связанные с ней действия людей и события в природе очень подробно описана в уже опубликованных работах, мы не будем на ней останавливаться.

Парвин однозначно отождествляется по форме, количеству звезд, азимуту и времени восхода с Плеядами. Этот астеризм известен 41 из 56 информантов в долине Хингоу, что соответствует 72% опрошенных. Заметим, на других обследованных территориях Плеяды по своей известности то же занимают второе место, но при этом называются иначе. Например, в Ягнобе Плеяды это *Парми* или *Хафт бародарон* (Семь братьев) (*Гуломшоев* и др. 2023), в долине Зеравшана Плеяды именуют только *Хафт бародарон* (*Антонова* и др. 2023: 35), а в долине Язгулема — *Хваг*. Однако известно, что Плеяды называются Парвин на Дарвазе (Таджики Каратегина и Дарваза 1966: 184), и по нашим, еще не опубликованным сведениям, в Шугнане и Вахане.

В долине Хингоу большая часть опрошенных называет Плеяды — Парвин, 11 человек — Хафтдодарон[1], а четверо утверждают, что это одно и тоже (ПМА: Хин-111, Хин-131, Хин-134, Хин-142). При этом, по достаточно подробным описаниям (ПМА: Хин-113, Хин-122 и Хин-127) можно уверенно определить, что Хафтдодарон соответствует Плеядам, а не Большой Медведице. Только один информант (ПМА: Хин-112) отождествил Хафтдодарон с Большой Медведицей, что вероятнее всего, является ошибкой.

Относительно связи появления Парвин с событиями из повседневной жизни интересны слова информанта (ПМА: Хин-122): «Люди говорят, что когда появляется Парвин наступает лето, но сам я найти Парвин не могу». Согласно нашим расчетам, первая утренняя видимость Плеяд[2] наступает около 20 июня[3], что примерно совпадает с днем летнего солнцестояния. Эта информация подтверждается сведениями М. С. Андреева (*Андреев* 1958: 172), у которого появление Плеяд является началом летней чилли и месяца Саратон. Таким образом, из сведений информанта (ПМА: Хин-122) можно сделать два вывода: 1) гелиакальный восход Плеяд является маркером начала лета, как это написано у М. С. Андреева; 2) знания информатора являются фольклорными, то есть они взяты из народа, а не получены в результате собственных наблюдений.

Еще одну интересную традицию, связанную с Плеядами, нам рассказала информант (ПМА: Хин-100). Когда она была школьницей, то смотрела ночью на Парвин в зеркало. Если получалось их увидеть, то загадывала жениха. В какой-то степени это напоминает поверье, которое мы слышали в долине Шахдары, жители которой считают, что когда человек впервые в жизни увидит Парвин, его ждет удача. В обоих случаях наблюдение Плеяд люди связывают с добрым предзнаменованием.

---

[1] Означает то же самое, что «Хафтбародарон».

[2] Речь идет о видимости самой яркой звезде Плеяд — Альционе (η Tau).

[3] Дата может немного изменяться в зависимости от прозрачности атмосферы, которая определяется коэффициентом экстинкции.

Тарозу (Весы) — астеризм, соответствующий трем ярким звездам пояса Ориона, которые находятся примерно на одной линии. Этот астеризм известен во всех исследованных нами районах Таджикистана, а здесь его смогли назвать 31 из 56 информантов, что составляет 55% опрошенных. Данная цифра сравнима с уровнем известности Тарозу в Язгулеме и в 2–2.5 раза превышает знание этого астеризма в Ягнобе, Зеравшане и Бальджуване. Большая часть информантов описывает Тарозу как три звезды, расположенные на одной прямой, но один информант (ПМА: Хин-133) сообщил, что это 8 звезд, которые имеют форму овала. Изначально его сведения вызвали недоверие, но затем он выложил фигуру из трех звезд на одной линии, вписанных в пятиугольник, форма которого соответствует конфигурации звезд α, λ, γ, β, κ Ориона.

Интересно заметить, что пять информантов (ПМА: Хин-104, Хин-118, Хин-133, Хин-143, Хин-144) связывают Парвин вместе с астреизмом Тарозу (Орион), называя их «Парвин Тарозу» (Плеяды и Орион). Поскольку форма и яркость звезд астеризмов отличается, в ряде случаев можно точно установить, что информанты описывают пояс Ориона, а не Плеяды. Тоже самое сочетание «Парвин Тарозу» присутствует в сведениях М. Р. Рахимова (*Рахимов* 1957: 156) и такое объединение двух астеризмов в один немного непонятно. Возможно дело в том, что эти два приметных объекта расположены примерно на одной линии, если ее провести через три звезды пояса Ориона. Возможно, при постепенной деградации уровня народных астрономических знаний, эти два астеризма были объединены в один.

Самой интересной информацией по Тарозу является то, что по заходу этих трех звезд за гору определяли наступление Навруза (ПМА: Хин-89). Сведения о каких-то трех звездах по которым определяли Навруз, можно найти у М. Р. Рахимова (*Рахимов* 1957: 155), а также у Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик (*Таджики Каратегина и Дарваза* 1966: 185), однако эти звезды не были отождествлены. Дополнив сведения (ПМА: Хин-89) информацией из других регионов, мы отождествили эти звезды с тремя звездами пояса Ориона (*Гуломшоев* и др. 2024: 74–75), поэтому не будем здесь обсуждать этот вопрос.

Мурғ (Курица). Это новая звезда или созвездие, упоминание о котором мы впервые встретили в долине Хингоу. Оно отсутствовало в работах советских этнографов. Всего мы нашли 6 информантов (ПМА: Хин-121, Хин-123, Хин-126, Хин-129, Хин-133, Хин-134), которые смогли сообщить о нем хоть какие-то сведения. Приведем описание (ПМА: Хин-123), которое является наиболее полным.

> Есть звезды Курица и Цыплята. Они хорошо видны в сентябре, ночью в середине неба, когда до рассвета еще далеко. Самая яркая из них Курица, она желтоватая или красная. Когда воздух чистый звезд видно больше. Видна в одно и тоже время, что и Парвин. Парвин идет впереди, а за ним следуют Курица и Цыплята.

В этом описании наиболее характерным признаком для отождествления звезды Мурғ является упоминание ее окрашенности, поскольку невооруженным глазом мы можем различать цвет только у самых ярких звезд, а их достаточно мало. Информант (ПМА: Хин-129) называет эту звезду красной, а (ПМА: Хин-133) описывает ее «желтой, как лампочка накаливания». Понятно, что восприятие цвета может немного различаться, особенно у пожилых людей, но из этих сведений можно точно утверждать, что мы ищем звезду с блеском ярче первой величины $m_V \leq 1^m$ и показателем цвета $B\text{-}V \geq 0.7^m$.

Вторым существенным для отождествления признаком является наличие рядом с главной звездой — «Курицей» множества тусклых звезд — «Цыплят». Информант

(ПМА: Хин-123) утверждает, что их число зависит от прозрачности воздуха, то есть иногда их видно больше, а иногда меньше. Информант (ПМА: Хин-133) оценивает их число как 10–12 и говорит, что они расположены чуть ниже «Курицы». Наконец, третьим важным признаком является то, что «Курица» видна одновременно с Плеядами, но выходит после них, а значит расположена восточнее. Кроме (ПМА: Хин-123), об этом утверждают информанты (ПМА: Хин-126) и (ПМА: Хин-133), причем, по мнению первого, «Курица» появляется в июне–июле.

Расчет звездного неба на условные дату и время 15 сентября в 3 часа утра, которые примерно соответствуют описанию (ПМА: Хин-123) показывает, что в юго-восточной стороне находятся Плеяды, а восточнее Плеяд есть всего лишь три звезды-кандидата, которые удовлетворяют условиям блеска и показателю цвета. Это звезда желтого цвета Капелла (α Aur, $m_V \approx 0.08^m$, B-V=0.80^m) и две красные звезды: Бетельгейзе (α Ori, $m_V \approx 0.5^m$, B-V=1.85^m) и Альдебаран (α Tau, $m_V = 0.85^m$, B-V=1.54^m). У всех остальных звезд, например, у Поллукса (β Gem, $m_V = 1.00^m$, B-V=1.14^m), человеческий глаз цвет не различает.

По условию описания рядом с главной звездой — «Курицей» должны находиться «Цыплята» — более тусклые звезды и их должно быть не менее десятка. Этому условию удовлетворяет только одна звезда из трех отобранных звезд — Альдебаран, которая на земном небе проецируется в одном месте с рассеянным звездным скоплением Гиады. Видимый размер звездного скопления составляет около 5.5° и оно насчитывает 15 звезд ярче 5-й величины, среди которых есть относительно яркие θ^2 Tau ($m_V = 3.41^m$), ε Tau ($m_V = 3.53^m$), γ Tau ($m_V = 3.65^m$), δTau ($m_V = 3.76^m$), θ^1 Tau ($m_V = 3.84^m$), которые по блеску сравнимы со звездами Плеяд, кроме самой яркой звезды Альционы (η Tau, ($m_V = 2.87^m$). Поскольку человеческий глаз может различать звезды до 6-й величины, то при прозрачной атмосфере в ночной темноте рядом с Альдебараном можно обнаружить больше десяти звезд.

Помимо этого, Альдебаран удовлетворяет и третьему признаку. Его первая утренняя видимость приходится на конец июня — начало июля, что соответствует описанию (ПМА: Хин-126). Другие кандидаты этому условию не удовлетворяют, поскольку Бетельгейзе восходит в конце июля, а Капеллу можно наблюдать в течение всего года. Из этого следует, что «Курица» должна быть отождествлена с Альдебараном, а «Цыплята» с яркими звездами скопления Гиады.

Кроме проведенного анализа на основе словесного описания видимости звезды мы применили еще один метод, позволяющий независимо проверить наши рассуждения. Два информанта смогли показать из какого места и рядом с каким объектом они видели эту звезду, что позволило нам измерить примерные азимут и высоту, где она бывает видима. Обработка этих данных позволяет определить полосу склонений, соответствующих искомой звезде или созвездию, что существенно для ее идентификации. Идея данного подхода заключается в следующем. Практика показывает, что даже знающие информанты нередко затрудняются точно сообщить все обстоятельства видимости звезды. Для идентификации звезды или астеризма нужно точно знать, в какую декаду месяца, в какой час, на каком азимуте и высоте он был замечен. Однако, проблема в том, что в течение нескольких месяцев звезда будет находиться на разных азимутах и поэтому в признаках, которые характеризуют время, люди часто ошибаются. Зато, человек может точно сказать, что звезда видна над определенной горой, над крышей дома или над деревом. Это позволяет измерить азимут и высоту, где видна звезда и оценить ее склонение.

Информант (ПМА: Хин-129) видит Курицу на азимуте A=145° и высоте H=60°, чему соответствует склонение δ=+13°, а (ПМА: Хин-133) на A=260° и высоте H=40°, чему

соответствует склонение δ=+18°. Расширим этот диапазон и посмотрим, какие из упомянутых нами звезд попадут в полосу склонений от +10° до +21°. Склонение Альдебарана составляет +16.5° и находится примерно посередине между значениями δ=+13° и δ=+18°, а склонения Бетельгейзе: +7.5°, Капеллы: +46° находятся вне этого интервала. Это подтверждает правильность предложенной идентификации Мурғ с Альдебараном.

Другие звезды. Рассмотрим звезды и астеризмы, которые нам не удалось идентифицировать в силу недостаточности информации. Начнем с того, что М. Р. Рахимов упоминает два календарных периода, названия которых связаны с названиями звезд: это *амуд* и *дукак* (*Рахимов* 1957: 156).

> За «газаком» (10–16 октября) идет 7-дневный период, называемый «амуд» (по названию звезды). Если в эти дни начинается дождь, то по поверью, он приносит вред сжатому, но еще не вывезенному с полей и не обмолоченному хлебу… Приблизительно с 17 октября наступает 2-дневный холодный период «дукак» — веретено (по названию звезды), после которого теплые дни становятся уже редкими.

Заметим, что, судя по описанию, более короткий период дукак накладывается по времени на *амуд*. Кроме того, *амуд* переводится как перпендикуляр или вертикаль, что в данном случае является близким по смыслу к слову веретено. Поэтому, вполне возможно, что оба этих названия соответствуют одному и тому же звездному объекту. Проведенный опрос показал, что среди всех опрошенных только один информант (ПМА: Хин-96) смог дать сведения об этой звезде.

> «Амуд» это три яркие звезды, которые выходят утром на востоке в апреле. До ее появления солнечно и нет облаков, а когда она появляется, начинаются дожди.

В принципе, смоделировав небо на середину апреля, можно посмотреть восходящие в этот момент яркие звезды, отобрав из них либо три звезды, расположенные на одной линии (веретено), либо астеризм в форме прямоугольного треугольника, чтобы получился перпендикуляр. Однако делать подобные отождествления на основе сведений только одного информанта не имеет смысла.

Информант (ПМА: Хин-133) сделал описание звезд и астеризмов, которые встретились нам впервые: *Чумбонидан/Элак* (Сито), *Челонгар ва шогирд* (Кузнец и Ученик), *Сипор* (Плуг) и *Махтобча* (малая Луна). Относительно некоторых из них можно строить определенные догадки, но поскольку это единственное упоминание объектов, мы оставим их отождествление до тех пор, пока не получим подтверждение и уточнение сведений от других информантов.

Легенды о звездах. В наш стандартный перечень вопросов входят две легенды, связанные со звездами. Первая из них относится к «Губителю караванов» (*Корванкуш*), когда люди перепутали Венеру с другой яркой звездой, караван вышел в путь не на рассвете, а ночью, в результате сбился с пути и погиб. В одном из вариантов легенды речь идет о гибели каравана ослов, а ложной звездой является Юпитер, который получил название «Губитель ослов» (*Абишев* 1949: 17). Вариации этого предания мало распространены в долине Хингоу. Довольно скудные сведения о нем известны всего лишь трем информантам, которые живут вблизи памирского тракта. Один утверждает (ПМА: Хин-125), что звезда появляется в полночь с 5 по 10 октября, исчезает через час, и после ее исчезновения скот не может найти дорогу домой. Информант (ПМА: Хин-126) знает только то, что звезда появляется в октябре около полуночи, что частично совпадает со сведениями (ПМА: Хин-125). Наконец, информант (ПМА: Хин-142) утверждает, что

из-за этой звезды погиб караван верблюдов, без привязки к календарной дате и времени. В верхнем течении Хингоу легенда о «Губителе караванов» не известна.

Вторая легенда касается «Звезды неблагополучия» («Акраб», или «звезда Скорпиона»), которая приносит людям вред. Впервые, это предание было записано на территории Вахана И. Мухиддиновым (*Мухиддинов* 1975; *Мухиддинов* 1986). Причем ему удалось составить достаточно подробное описание этого объекта. Согласно проведенному нами опросу, в долине реки Хингоу только два жителя из кишлаков Сайдон (ПМА: Хин-142) и Сафедорон (ПМА: Хин-146) смогли подтвердить, что им известна эта звезда. Они оба утверждают, что «звезда, приносящая вред» выходит вечером в августе, до появления Сириуса (ПМА: Хин-146). Ничего другого они сообщить не могут. В результате чего складывается следующая картина. Во-первых, сведения информантов о «звезде, приносящей вред», не позволяет ее отождествить по некому набору общих признаков со «звездой неблагополучия», записанной И. Мухиддиновым. Единственным общим признаком, объединяющим эти легенды, является принесение людям вреда от звезды. Однако, только одного общего признака явно недостаточно для отождествления объектов. Во-вторых, следует обратить внимание на географический фактор. Наши информанты проживают в кишлаках Сагырдаштской агломерации, которая к Дарвазу находится ближе, чем к остальным кишлакам долины Хингоу. Поэтому, даже если предположить, что звезда, описанная И. Мухиддиновым, и звезда, известная нашим информантам, являются одним и тем же объектом, то скорее всего, это знание сюда пришло из Дарваза, а не из долины Хингоу, жители которой ничего не смогли сказать о «звезде неблагополучия». Поэтому, мы полагаем, что легенда о «звезде неблагополучия» в долине Хингоу неизвестна.

Источники и материалы

ПМА — полевые материалы авторов. 2023. См. список информантов.

Список информантов

№	Информант	Год рождения	Кишлак
Хин-92	Махмадов Ирадж	1989	Кафтаргузар
Хин-93	Абдушахидова Гулизо	1956	Кафтаргузар
Хин-94	Умарова Ходжигуль	1960	Кафтаргузар
Хин-95	Кенджаев Джамолетдин	1959	Кафтаргузар
Хин-96	Носио Косир	1930	Яфуч
Хин-97	Мирзаева Боэви	1989	Яфуч
Хин-98	Холиков Шамсулло	1987	Яфуч
Хин-99	Сайфетддинов Абдурахим	1958	Яфуч
Хин-100	Хотвахова Рано	1951	Чильдара

№	Информант	Год рождения	Кишлак
Хин-101	Икромов Хасан	1972	Чильдара
Хин-102	Исоева Одинагуль	1949	Чильдара
Хин-103	Исоев Солтон	1949	Чильдара
Хин-104	Джалолова Зифинун	1939	Сангвор
Хин-105	Маликов Ахмаджон	1974	Сангвор
Хин-106	Абдурахмонов Дона	1935	Сангвор
Хин-107	Курбанов Салим	1980	Сангвор
Хин-108	Курбанова Гульдона	1966	Сангвор
Хин-89	Ахмадов Рахматшо	194?	Лоджирк
Хин-109	Сулаймонов Махмадвали	1964	Лоджирк
Хин-110	Муродов Саиджон	1944	Лангар
Хин-111	Каримова Гулом	1952	Лангар
Хин-112	Хабибов Махмадсаид	1943	Алисурхон
Хин-113	Джангиева Сарагул	1945	Алисурхон
Хин-114	Зибой Ахзам	1999	Алисурхон
Хин-115	Аброров Хадиятулло	1959	Лайрон
Хин-116	Одинаева Резагуль	1951	Лайрон
Хин-117	Саидов Амрулло	1947	Арганкул
Хин-118	Тохиров Искандар	1941	Арганкул
Хин-119	Баротов Мухаббадшо	1965	Арганкул
Хин-120	Футуров Водихуджа	1964	Арганкул
Хин-121	Латипов Давладиор	1939	Хипшон
Хин-122	Шихвалиева Таджинисо	1962	Пунарвог
Хин-123	Лоиков Рахмон	1943	Сабзихарв
Хин-124	Абдуллаева Робья	1966	Сабзихарв
Хин-125	Саидмуродова Мохистон	1944	Сабзихарв

№	Информант	Год рождения	Кишлак
Хин-126	Рафиев Раби	1938	Сайёд
Хин-127	Давлатшоева Лальмо	1951	Сайёд
Хин-128	Мирджонова Зайнура	1948	Хур
Хин-129	Слаков Бобо	1940	Хур
Хин-130	Саидмуродов Махмадмурод	1956	Хур
Хин-131	Саидамонова Заррагул	1956	Хур
Хин-132	Назокатов Кишвар	1943	Сагырдашт
Хин-133	Саидов Химмат	1941	Сагырдашт
Хин-134	Мираков Толибшо	1938	Сагырдашт
Хин-135	Моклаев Саидрахмон	1949	Камчак
Хин-136	Худоеров Донаёр	1955	Камчак
Хин-137	Сабуров Шамсиддин	1955	Камчак
Хин-138	Джумаев Давлатбек	1948	Камчак
Хин-139	Ёров Рахматтулло	1938	Лохч
Хин-140	Шохраматов Мирзо	1936	Лохч
Хин-141	Саидубаров Саидбурхон	1953	Чухкок
Хин-142	Мусоев Тоджидин	1953	Сайдон
Хин-143	Гайратов Рахматшо	1946	Кулубаи Боло
Хин-144	Ибрагимов Исроил	1946	Сафедорон
Хин-145	Ибрагимов Исмоил	1947	Сафедорон
Хин-146	Ибрахимов Насриддин	1956	Сафедорон

Научная литература

Абишев Х. Элементы астрономии и погода в устном народном творчестве казахов. Алма-Ата: Изд. АН КазССР, 1949. 30 с.

Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) / Подг., прим. и доп. А. К. Писарчик. Вып. II. Сталинабад: Изд-во АН Таджикской ССР, 1958. 527 с.

Антонова Н. А., Дубова Н. А., Навруzбеков М. Н., Никифоров М. Г. Звезды в жизни населения долины реки Зеравшан // Вестник антропологии. 2023. № 3. С. 26–41. http://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/26-41

Бобринский А. А. Горцы верховьев Пянджа (Ваханцы и Ишкашимцы). М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1908. 150 с.

Гуломшоев С., Дубова Н. А., Никифоров М. Г., Полякова М. К. Календарно-астрономические представления жителей долины реки Ягноб // Восток (Oriens). 2023. № 3. С. 60–73. https://doi.org/10.31857/S086919080025780-5

Гуломшоев С., Дубова Н. А., Никифоров М. Г. Астрономические знания язгулемцев // Восток (Oriens). 2024. № 2. С. 18–30. https://doi.org/10.31857/S086919080030119-7

Кисляков Н. А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло М.; Л.: Изд. АН СССР, 1936 (Труды Института антропологии, этнографии и археологии. Этнографическая серия № 2). 158 с.

Кисляков Н. А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу // Советская этнография. 1947. № 1. С. 108–125.

Майский Л. Исчисление полевого периода сельскохозяйственных работ у горцев Памира и верхнего Ванча // Советская этнография. 1934. № 4. С. 102–107.

Мухиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). М.: Наука, 1975. 127 с.

Мухиддинов И. Обряды и обычаи припамирских народностей, связанные с циклом сельскохозяйственных работ // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии // Отв. ред. В. Н. Басилов. М.: Наука, 1986. С. 70–93.

Рахимов М. Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. XLIII. Сталинабад: Изд-во Акад. наук Таджик. ССР, 1957. 221 с.

Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе: Дониш, 1966. 380 с.

References

Abishev, Kh. 1949. *Elementy astronomii i pogoda v ustnom narodnom tvorchestve kazakhov* [Elements of Astronomy and Weather in the Oral Folk Art of the Kazakhs]. Alma-Ata: Izdatel'stvo AN KazSSR. 30 p.

Andreev, M. S. 1958. *Tadzhiki doliny Khuf (verhovia Amu-Darii)* [Tajiks of the Khuf Valley (Upper Reaches of the Amudarya River)]. Stalinabad: Izdatel'stvo AN Tajikskoy SSR. 527 p.

Antonova, N. A., N. A. Dubova, M. N. Navruzbekov, and M. G. Nikiforov. 2023. Zvezdy v zhizni naseleniia doliny reki Zeravshan [Stars in the Life of the Population of the Zeravshan River Valley]. *Herald of Anthropology* 3: 26–41. http://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-3/26-4

Bobrinskoi, A. A. 1908. *Gortsy verkhoviev Piandzha (vakhanzy i ishkashimtsy)* [Highlanders of the Upper Reaches of the Panj (Vakhans and Ishkashims)]. Moscow: Tovarishchestvo skoropechati A. A. Levenson. 150 p.

Gulomshoev, S. A., N. A. Dubova, M. G. Nikiforov, and M. K. Polyakova. 2023. Kalendar' i astroomicheskie znaniia zhitelei doliny reki Yagnob [Calendar and Astronomical Knowledge of the Inhabitants of the Yagnob River Valley]. *Vostok (Oriens)* 3: 60–73. https://doi.org/10.31857/S086919080025780-5

Gulomshoev, S. A., N. A. Dubova, and N. G. Nikiforov. 2024. Astronomicheskie znaniia yazgulemtsev. [Astronomical Knowledge of Yazgulemians]. *Vostok (Oriens)* 2: 18–30. https://doi.org/10.31857/S086919080030119-7

Kisliakov, N. A. 1936. *Sledy pervobytnogo kommunizma u gornykh tadzhikov Vakhio-Bolo* [Traces of Primitive Communism Among the Mountain Tajiks of Wahio-Bolo]. Moscow-Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR. 158 p.

Kisliakov, N. A. 1947. Starinnye priemy zemledel'cheskoi tekhniki i obriady, svyazannye s zemledeliem u tadzhikov basseina reki Khingou [Ancient Agricultural Techniques and Rituals Related to Agriculture Among the Tajiks of the Khingou River Basin]. *Sovetskaia etnografiia* 1: 108–125.

Kisliakov, N. A., and A. K. Pisarchik (eds.). 1966. *Tadzhiki Karategina i Darvaza*. [Tajiks of Karategin and Darvaz]. Dushanbe: Donish. 380 p.

Maiskii, L. 1934. Ischislenie polevogo perioda sel'skokhozyastvennykh rabot u gortsev Pamira i verkhnego Vancha [Calculation of the Field Period of Agricultural Work Among the Mountaineers of the Pamirs and Upper Vanch]. *Sovetskaia etnografiia* 4: 102–107.

Mukhiddinov, I. 1975. *Zemledelie pamirskikh tadzhikov Vakhana i Ishkashima v XIX — nachale XX v. (Istoriko-etnograficheskii ocherk)* [Agriculture of the Pamir Tajiks of Vakhan and Ishkashim in the 19th — early 20th centuries]. Moscow: Nauka. 127 p.

Mukhiddinov, I. 1986. Obriady i obychai prioamirskikh narodnostei, sviazannye s tsiklom sel'skokhoziastvennykh rabot [Pamir Peoples' Rituals and Customs Related to the Cycle of Agricultural Works]. In *Drevnie obryady, verovaniia i kulty narodov Sredney Azii* [Ancient Rituals, Beliefs and Cults of Central Asian Peoples], ed. by V. N. Basilov. Moscow: Nauka. 70–93.

Rakhimov, M. R. 1958. Zemledelie tadzhikov basseina r. Khigou v dorevolutsionnyi period [Agriculture of Tajiks from the Khingou River Basin in the Pre-Revolutionary Period]. In *Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnography]. Vol. 43. Stalinabad: Izdatel'stvo Akademii nauk Tajikskoi SSR. 221 p.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/301-323
Научная статья

© Л. И. Никонова

ВОДНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ У МОРДВЫ В ЭТНОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Реки и озера исторически играли огромную роль в жизнедеятельности мордовского населения, расселенного в западных и восточных районах Мордовии, а также сопредельных территорий. Обилие водоемов (1525 рек и около 500 озер) способствовало распространению водных средств передвижения. В традиционном хозяйстве находили применение разные его виды: обычно это были лодка, судно, плот и паром. Лодки строили из тесовых или пиленых досок, или выдалбливали из ствола дерева, они могли быть плоскодонными или с закругленным дном, узкими и длинными (до 20–30 м) или, наоборот, короткими и широкими. Каждый тип лодок имел свое название: струг, шитик, барка, расшива и т. д. По способу изготовления лодки именовали долбленками (челноки-однодеревки, лодки-челны), дощаниками (лодки — шитовки досчатые). Названия давались и по материалу, из которого были сделаны лодки: осиновки, лодки — шитовки досчатые; по месту изготовления — мокшаны, пурдошанки, сурянки. Движение осуществляли при помощи весел, парусов, шестов, которыми отталкивались от дна водоемов. Суда отличались более сложной конструкцией, часто имели специализацию в зависимости от назначения. Были среди них рыболовецкие (расшивы, «прорезные струги»), грузовые (открытые и крытые) и пассажирские (личные, общественные), но нередко одно судно совмещало перевоз людей и грузов одновременно. Крупные суда (баржи, барки) передвигались с помощью лошадей или бурлаков, шедших по берегу реки и тянувших судно за прикрепленные к нему канаты, а с 1817 г. — с помощью пара. Паромы и плоты использовались как переправы и для сплава леса. В терминологии, топонимике, в родном языке нашли отражение многие факты, свидетельствующие о значимости в жизни мордвы водной стихии, водных транспортных средств, об их назначении, обустройстве и т. д. Водные средства передвижения упоминаются в заговорах, пословицах. Сведения источников (архивы, памятные книжки, полевые сведения и др.) и научной литературы позволяют говорить о том, что водные средства передвижения у мордвы, как и у всех народов Поволжья — важная часть системы жизнеобеспечения.

Ключевые слова: *водные транспортные средства, виды, традиция, мордва, судоходство, бурлачество, народные знания, топонимика*

Ссылка при цитировании: *Никонова Л. И.* Водные средства передвижения у мордвы в этнологическом аспекте // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 301–323.

Никонова Людмила Ивановна — д. и. н., профессор, ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии, НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Российская Федерация, 430005 Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3). Эл. почта: congress7@list.ru ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4327-9534

*Здесь и далее: м — мордва-мокша, э — мордва-эрзя.

UDC 39
DOI:10.33876/2311-0546/2025-2/301-323
Original Article

© *Liudmila Nikonova*

MORDOVIAN WATER VEHICLES FROM THE ETHNOLOGICAL PERSPECTIVE

Rivers and lakes have always played an important role in the life of the Mordovian population living in the western and eastern regions of Mordovia and neighboring territories. The abundance of water (1,525 rivers and about 500 lakes) contributed to the spread of water transportation. Various types of boats were used in the traditional economy: boats, vessels, rafts and ferries. Boats were made of sawn planks or carved from tree trunks, they could be flat-bottomed or rounded-bottomed, narrow and long (up to 20-30 meters) or, on the contrary, short and wide. The boats could be moved by oars, sails, or poles that were used to push them. Vessels were more complex in construction, often specialized according to their purpose. There were fishing, cargo and passenger vessels (the latter could be either personal or public), but often a vessel would carry people and cargo at the same time. Large ships were moved by horses or burlaks (boat pullers) who walked along the riverbank and pulled the ship by ropes attached to it. From 1817 some vessels were moved by steam. Ferries and rafts were used to cross the river and to raft timber. The terminology, toponymy and native language reflect many facts that testify to the importance of water elements and water vehicles in the life of the Mordvians. Water vehicles are mentioned in incantations and proverbs. Sources (archives, memorial books, field data, etc.) and scientific literature allow us to say that for the Mordva and all the peoples of the Volga region water vehicles are an important part of the subsistence system.

Keywords: *water vehicles, types, tradition, Mordovians, shipping, boat pulling, folk knowledge, toponymy*

Author Info: Nikonova, Liudmila I. — Doctor of History, Professor, Leading Researcher of the Department of Regional Studies and Ethnology, Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia (Saransk, Russian Federation). E-mail: congress7@list.ru ORCID ID: http://orcid.org/0000-0003-4327-9534

For citation: Nikonova, L. I. 2025. Mordovian Water Vehicles from the Ethnological Perspective. *Herald of Antopology (Vestnik Antropologii)* 2: 301–323.

Средства передвижения по воде: к истории распространения

Развитие водных средств передвижения возможно в тех регионах, где много рек и озер. Республика Мордовия расположена в центральной части Восточно-Европейской равнины в междуречье Оки и Суры. Территория Среднего Поволжья прорезана большими и малыми реками, из которых 1525 протекают в Мордовии.

В западной Мордовии крупными реками считаются Мокша, Вад и Цна, в восточной части — Сура, правый приток Волги. О масштабах водного бассейна можно судить по данным о протяженности местных рек. Так, длина р. Мокши составляет в Республике Мордовия 320 м. Вад и Цна — ее левые притоки. Длина р. Вад — 114 м., ширина

русла до 30 м. Цна — равнинная река, сильно зарегулированная плотинами. Сура при общей протяженности в 841 км, на территории Мордовии имеет длину в 120 км. Сура берёт начало у с. Сурские Вершины Барышского р-на Ульяновской обл., протекает в Нижегородской, Пензенской обл., Мордовии и Чувашии. Как и в других частях мира, окрестности рек в Мордовии активно заселялись с древности. Сура — равнинная река с умеренно извилистым руслом. На ее берегах в Мордовии расположены с. Большие Березники, Николаевка (Большеберезниковский р-н) (*Ямашкин* 2004: 279). На Мокше в Мордовии разрослись г. Ковылкино, Краснослободск, Темников, с. Теньгушево (*Ямашкин* 2003: 556, 557). На Ваде — рп. Ширингуши, с. Журавкино, Авдалово, Вадовские Селищи и др. (*Ямашкин* 2003: 190). На Цне самый большой город — Сасово. Озерные впадины РМ по происхождению преимущественно речные (пойменные впадины).

* * *

В терминологии, топонимике, в родном языке нашли отражение многие факты, свидетельствующие о значимости в жизни мордвы водной стихии, водных транспортных средств, их назначении, обустройстве и т. д.

Заговоры, пословицы, присловицы выражают житейские наблюдения быта народа (*Самородов* 1968: 3), например, с упоминанием водных средств передвижения, их деталей, предназначения и т. п. «Эряфса ки аф муят / ломань венчса аф уят; эрямсто ки а муят — васолов а туят / в жизни путь свой не найдешь — на чужой лодке не поплывешь (далеко не уйдешь) (Мордовские пословицы 1986: 49). В заговоре рыболова произносится молитва к хозяйке воды Ведявы и покровителю воды Ведяти с упоминанием лодки, весла. Придя на реку ловить рыбу, рыболов сначала низко кланялся, потом произносил молитву: «Ведьсэ покшось Ведява, ведень кирди Ведятя. Сюкпрям неинк, кургсо валлон маринк! Кода сован вернес, туян ведьга якамо, ведьс калтнэнь кундамо, илинк кирде венчкем, Илинк кунда веслынем! Моли венчкем молезэ, пани веслам панезэ!» /

Рис. 1. Лодка пассажирская и грузовая, р. Сура // Личный архив Л. И. Никоновой / Фото от Е. И. Полушкина, с. Б. Березники Большеберезниковского р-на РМ

… хозяйка воды — Ведява, покровитель воды — Ведятя…. Мой поклон увидьте, мои слова услышьте! Когда зайду в воду, буду по воде плыть, в воде рыбу ловить, не задерживайте мою лодку, не держите мои весла! Плывущая лодка пусть плывет, гребущее весло пусть гребет! (Устно-поэтическое 1981: 196, 199).

Например, нередко в рисунок мордовских вышивок входило изображение женской фигуры в ладье (*Лузгин, Рогачев* 2005: 21), символизирующей культ богини воды — Ведь-авы. Часто стилизованное изображение этой богини — мордовки вышивали на подоле рубахи спереди. Вода, водная стихия в вышивке, по преимуществу, изображалась в виде волнистой или зигзагообразной линии (*Лузгин, Рогачев* 2005: 35). Мордовские вышивальщицы использовали сермы (знаки) для кодирования религиозно-магической информации, т. к. вышивка в старину, прежде всего, выполняла функцию оберега.

В топонимике, в частности, Пензенского края, выявленной М. С. Полубояровым отражены водные средства передвижения в названиях сел, оврагов, притоков, озер и др. Так, название горы Кораблик, расположенной к югу от Малой Сердобы, по преданию, якобы, происходит от того, что когда-то у подножия горы, спускающейся к реке Сердобе, находили борт корабля (*Полубояров* 1992: 81). Перечислим и другие примеры. Лодка — овраг в Пензенском районе. В переводе с мордовского латко — «овраг» (*Полубояров* 1992: 89). Солик-Лодка — овраг в Сосновоборском районе западнее села Водолей. Ср. морд. Сулика (стекло, бутылка», лодка, латко «овраг»: стеклянный, бутылочный овраг». Происхождение названия, по-видимому», связано с изготовлением стекла в XVIII–XIX вв. на территории Сосновоборского района (*Полубояров* 1992: 133). О тесной связи рек с хозяйственной деятельностью свидетельствуют и другие топонимы. Лашма — левый приток Мокши. Название связано с заготовками корабельного леса во времена Петра Первого, когда некоторые категории крестьян отбывали лашманскую повинность, т. е. занимались заготовкой этого леса (*Полубояров* 1992: 87).

Рис. 2. Лодка-долбленка, р. Сура // Личный архив Л. И. Никоновой /
Фото от Лузиной В. А., с. Б. Березники Большеберезниковского р-на РМ

Лодка и действие с ней отражает другая терминология: «Веньч (э.) М. Кар., Сур. (эрз. село Сурмет бывшего Бугурусланского у. Самарской губ. Средне-Волжского края) Чур., веньчь (м.) Ан., венеш (м.) Пон., веньш эр Стан. — лодка. Веньчке (эрз. М. Карм.), веньчкя (Ан.), веньшке (Стан.) — лодочка. Веньчь сакал (мок. Ан.) —— зарубка, черта на носу лодки для указания емкости её, букв. «Борода лодки». Веньчсэ уйнян (эр М. Карм.) — плаваю на лодке» (*Евсевьев* 1931: 81, 82).

В мордовском языке представлен огромный спектр слов, связанных с реками, нашли отражение основные типы, виды водных транспортных средств, их назначение, действия и др., что засвидетельствовано в словарях:

Баржа / баржа (м., э.), несамоходное грузовое судно, перемещаемое буксиром (Мокшанско-русский 1998: 56); баржа (э.), грузовое судно обычно плоскодонное, несамоходная баржа (Эрзянско-русский 1993: 74).

Барка (э.) / барка / деревянная баржа; грузямс баркантень сюро / грузить хлеб на баржу (Эрзянско-русский 1993: 74).

Баркас / баркас, 1) большая многовесельная лодка, 2) небольшое самоходное судно, пожарный баркас пожарный баркас (м.) (Мокшанско-русский 1998: 56, 57).

Баркас / баркас (э.), большая гребная шлюпка; 2) баркас, небольшой портовый пароход или теплоход; калонь кундыца баркас / рыбацкий баркас; лей чирентень уйсь баркас / к берегу подплыл баркас (э.) (Эрзянско-русский 1993: 71).

Бурлак / бурлак, в старину: рабочий на реке, входивший в какую-либо артель, которая передвигала суда при помощи бечевы или гребли (м.) (Мокшанско-русский 1998: 75).

Бурлак (э.) / бурлак (Эрзянско-русский 1993: 94).

Бурлачамсь (э.) / бурлачить (Эрзянско-русский 1993: 94).

Ватага (м.) / рыбачья артель (Мокшанско-русский 1998: 98).

вене / лодка; венеж нярь (м.) / нос, передняя часть лодки; венеж пула / корма лодки (Мокшанско-русский 1998: 110).

Весла (м.) / весло (Мокшанско-русский 1998: 13).

Катер (м.) / катер (Мокшанско-русский, 1998: 236). Катер (э.) / небольшое судно; прогулкань катер (э.) / прогулочный катер (Эрзянско-русский 1993: 240).

Миле / весло (м.); шуфтонь милеет деревянные весла (Мокшанско-русский 1998: 381). Миле (э.) / весло; миле лапа (э.) лопасть весла (Эрзянско-русский 1993: 383).

Нярь, -рьхть / нос (передняя часть некоторых транспортных средств); венеж нярь / нос лодки (м.) (Мокшанско-русский 1998: 426).

Парус (м.) / парус — укрепленный на мачте кусок толстой ткани, надуваемый ветром и приводящий судно в движение; парус (э.); кепедемс паруст / поднять паруса (Мокшанско-русский 1998: 460; Эрзянско-русский 1993: 460).

Парусина (м, э.) / грубая плотная льняная или полульняная ткань (Мокшанско-русский 1998: 461; Эрзянско-русский 1993: 460).

Паруснай (м.) прил. / парусный; паруснай лодка (м.) / парусная лодка (Мокшанско-русский 1998: 461).

Лодки

Лодки в Мордовии строили из тесовых или пиленых досок, или выдалбливали из ствола дерева, они могли быть плоскодонными или с закругленным дном, узкими и длинными (до 20–30 м) или, наоборот, короткими и широкими. Движение осуществляли при помощи весел, парусов, шестов, которыми отталкивались от дна водоемов. Крупные суда (баржи, барки) передвигались с помощью лошадей или бурлаков, шедших по берегу реки и тянувших судно за прикрепленные к нему канаты, а с 1817 г. — с помощью пара.

Средства передвижения по воде у мордвы существовали с глубокой древности. Наиболее распространенный вид водного транспорта — лодка (м., венеж, э. венч). Первоначально это был челнок из единого ствола дерева, который выдалбливался или выжигался изнутри и обтесывался снаружи. Впоследствии лодки стали изготовлять из отдельных деревянных частей с каркасом и обшивкой, позволившие значительно увеличить их размеры. Управлялась лодка с помощью весла миле (м., э.), венеж кайме (м.), венч койме (э.), уйбаця (м.) (*Мокшин* 2002: 88).

Этнограф В. П. Ежова, находясь в этнографической экспедиции в мокшанских деревнях Мордовии, зафиксировала лодки-осиновки, лодки-шитовки и др.: «Лодки — осиновки паряные с нашивными бортами делают русские плотники из «Старого города». В селе мастеров-лодочников нет. Лодки-шитовки досчатые делают плотники из с. Песочного Конакова. Они же ежегодно наводят паром через р. Мокшу (НА НИИГН И-267. к. № 132).

Лодки в колхозе делаются наемными мастерами из с. Красный яр (за 150 руб. из материала колхоза). Лодка состоит из долбленой осины в 5,10 м длины, внутри — ободы, на края прибиваются по одной доске шириной 25 см. обжигается, потом засмаливают. Второй тип лодок — однодеревки «венч». Третий вид лодки из досок. Весло называется «милле» (с. Кураево Теньгушевского района) (НА НИИГН И-267. к. № 49). Долбленая лодка — «венеш». Нос лодки / «венешпря», корма лодки / «венеш пуло», весло «миле» Дощаные лодки тоже называют «венеш», с. Парапино Ковылкинского района) (НА НИИГН И-267. к. № 4: 167). Лодка — однодеревка, с. Промзино (м.) (НА НИИГН И-496: 48).

В полевых записях (1952 г.) Б. А. Васильевым тоже зафиксированы лодки, записана терминология: «Лодки долбленые разведеные с нашивными бортами» (Морд. АССР, с. Рыбкино Рыбкинского района (м.) (НА НИИГН И-268, к. 259). Терминология: долбленая часть — потмакс кичкорт; нос лодки — пярь; корма — пулапец, лавки — озама (запись терминов В. П. Фролова) (НА НИИГН И-268, к. № 32). «1. Лодки осиновые присутствуют разведенные однодревки. 2. Лодки из теса (Морд. АССР, с. Волгапино Рыбкинского района (мокша) (НА НИИГН И-268, к. 259). Лодки-осиновки пареные с нашивными бортами делают русские плотники из Старого Города». В селе мастеров-лодочников нет. Лодки-шитовки досчатые. Делают плотники из Песчаного Конакова. Они же ежегодно наводят паром через р. Мокшу (плотники из Песчаного Конакова) (с. Подгорное Конаково Темниковского района (мокша) (НА НИИГН И-268, к. 259).

Тип лодки-долбленки фиксируются в с. Большие Березники. Долбленка — это лодка длиной от 2–2,5 м делали их из крепких по структуре деревьев (тополя, осины / «оскорь» — местн. назв.), в другом варианте — длина долбленки должна достигать не меньше 3 м, ширина 60–80 см (ПМА 2023: Большие Березники). В с. Б. Березниках такой тип лодки делали Енцовы. По рассказам местных жителей, тополь, он примерно в диаметре 70 см, вначале спиливают, потом дерево долбят, чтобы днище было 2–3 см, потом греют над костром, чтобы мягче стала структура дерева-долбленки и сразу же вставляют распорки, опрокидывают. Распорки потом выкидывают (ПМА 2023: Большие Березники).

На долбленках в основном плавали по Суре, т. к. лодка-долбленка по весу тяжелая и по речке плыть неудобно. По Суре «…Один раз махнешь веслом и она долго сама плывет!» Весло делают из легкого дерева (липы, березы), чтобы оно по весу было легкое, «иначе все руки измотаешь», а длина весла (1,20–1,5 м) — от роста человека (ПМА 2023: Большие Березники). Долбленки использовали до конца 1950-х гг. и сейчас они сохранились, но из-за ветхости находятся в огородах или сараях (ПМА 2023: Большие Березники).

Лодки изготовляли и из досок (сосна, осина). Вначале делалась «копанка» — каркас, потом она обшивалась досками и смолили или пропитывали дегтем. На вопрос, сколько по объему уходило дегтя или смолы, информатор ответил: «Как дерево будет «принимать» деготь и смолу». В целом ежегодно, чтобы лодка долга не гнила, весной пропитывали даже не новую лодку «Готовились к сезону». Живицу (смолу) собирали за с. Вейсами (ПМА 2023: Большие Березники). В некоторых селах у мордвы не было лодок (с. Паракино, Промза Большеберезниковского р-на). По словам Т. М. Малиновой (Белова) «вода» (река) далеко от этих селений (с. Паракино), поэтому лодок не было (ПМА 2023: Паракино).

Инструменты: для изготовления долбленок были специальные топоры, скобелки. В. Б. Басалаев (с. Большие Березники) говорит: «У нас такой топор ещё сохранился. Отец был мастеровой» (ПМА 2023: Большие Березники). Основными же инструментами лесорубов являлись топор, поперечная пила, железный клин и колотушка (ПМА 2023: Большие Березники).

Лодки-добленки позволяли заниматься рыболовством и мордовским переселенцам Сибири. Делались они там по аналогии как на малой родине. Так, во время этнографической экспедиции в Минусинском районе зафиксировано, что «Енисей с его притоками, разветвленная сеть мелких рек и наличие озер позволяли мордовским переселенцам Сибири заниматься не только потребительским рыболовством, но и промысловым. В Енисейской губернии в той или иной мере рыболовством занималось все мужское население. Темными осенними ночами рыбаки выходили на Енисей в долбленых лодках, укрепив на металлической «козе» горящее смолье, и кололи крупную рыбу железной острогой (д. Алексеевка Каратузского района Красноярского района) (Архив Минусинского музея 2001). В другой записи говорится об употреблении невода для улова рыбы. При промысловом рыболовстве использовались неводы. Промышленники кооперировалась и сшивали неводы, принадлежавшие разным хозяевам, в один. По окончании лова невод расшивали. Во время осеннего и весеннего хода рыбы на Енисее «неводили» круглые сутки. Выловленную рыбу солили на специальных плотах «саликах» и сплавляли вниз по Енисею. Рыбу в соленом, свежем и мороженном виде крестьяне использовали в питании, а также сбывали на «вольном торгу» или через скупщиков на больших ярмарках — Абаканской и Соленоозерской, на базарах и золотых приисках (д. Алексеевка Каратузского района Красноярского района) (Архив Минусинского музея 2001).

Суда и пристани

Со второй половины XVIII в. в Мордовии постепенно сложились центры судостроения, определялись пристани, получили развитие отдельные виды промыслов, по деревообработке (Виндрей, Поводимово); рогожно-кулевого (Ельники и др.), судового (Пурдошки, Большие Березники). Для транспортировки их продукции стали использоваться реки: а мордовские крестьяне обретали новые профессии (лоцманы, водоливы и др.) (*Лузгин* 2016: 126). На Мокше, Суре, Ваду было несколько центров судостроения, обычно совпадающих с пристанями: Рыбкинской, Темниковской, Пурдышевской — по Мокше, Большеберезниковской — по Суре.

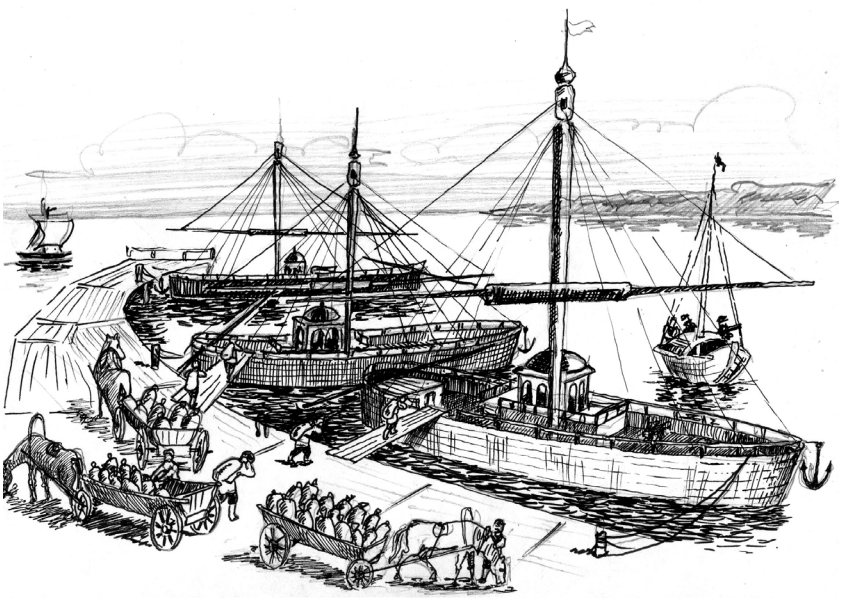

Рис. 3. Погрузка зерна на сурской пристани. Рис. Н. Д. Чикринёва // Мордовия: энц.: в 2 т. Т. 2. Саранск, 2004. С. 378

Во многих документах указываются реки, по которым осуществлялись ходы судами разных наименований (барки, полубарки, расшивы, суряки, мокшаны и др.), описывается их количество и виды грузов, приводятся названия пристаней, расположенных на территории мордовского края. Так, по данным 30-х годов XIX в., по р. Ваду осуществлялся «судовой ход барками». В 1856 г. от Темниковской пристани было отправлено 21 судно (*Лузгин* 2016: 192). В 1857 г. со всех примокшанских пристаней было отправлено до 35 судов (Мордва 1981: 83). К началу 1860-х годов по Мокше ежегодно проходило до 130 судов. Н. В. Прозин свидетельствует: «Река Мокша протекает через весь уезд и разделяет его во вдольном направлении на две почти равные половины. По Мокше расположена большая часть значительных сел и деревень. Село Пурдошек, стоящее при самой реке, служит пристанью для судов, отправляющихся с хлебом в Рыбинск» (*Прозин* 1870: 29) …. «Город Троицк построен при самой Мокше, в котором хлебные торговцы занимаются поставками сплавом хлеба на барках в другие губернии; Троицк по близости к реке Мокше служит пристанью для судов, точно также как и село Русские Пошаты. Таким образом в Краснослободске уезде три пристани: Пурдошанская, Троицкая и Русско-Пошатская» (*Прозин* 1870: 32). В присурских территориях приблизительно в это же время начинает

выделяться судовая пристань в селе Старые Березники Саранского уезда и становится одним из наиболее оживленных торговых пунктов восточной части Мордовии (*Лузгин* 2016: 192, 193). Сура имела более 10 пристаней, из которых только Большеберезниковская находилась на территории Мордовии. До начала 40-х годов XIX в. число судов, ежегодно проплывавших по Суре, обычно не превышало 20. В дальнейшем их количество заметно увеличивалось (в 1856 г. до 50) (*Лузгин* 2016: 193).

В 1868 г. только с Большеберезниковской пристани на 7 барках и 1 расшиве было отправлено 216 тыс. пудов хлебных грузов (Мордва 1981: 83). Суряк (баржа) загружали преимущественно хлебом и спиртом, двигались по течению реки (*Волкова* 2004: 381). Историк А. С. Тувин пишет о судоходство в Мордовии: «Мокша была судоходной от с. Кочелаева. Имела Кочелаевскую, Зубарёвскую, Краснослободскую, Кабановскую, Пурдошанскую, Жегаловскую, Высковскую, Старогородскую, Кадомскую, Черновскую и Лисицкую пристани» (*Тувин* 2004: 376). Навигация начиналась с середины апреля и продолжалась до середины мая, сплав леса — позже. От мокшанских пристаней в 30-е гг. XIX в. в навигацию отправляли 50–55 барок, полубарок, мокшанов и др. судов. Вместе с цнинским караваном к Оке выходило до 520–550 судов (*Тувин* 2004: 376).

Судоходство повлекло за собой распространение рабочих профессий. Среди мордовских крестьян появились лоцманы, водолеи, матросы, бурлаки и др. Согласно данным А. С. Лузгина: «В *1851 году* на р. Суре было *нанято 223* водолива и 24 лоцмана» (*Лузгин* 2016: 195). В Памятной книжке (1911 г.) в разделе «о достопримечательных в географическом, этнографическом отношениях» записано: «Пурдошки Краснослободского у. — в прежние годы здесь была пристань, славившаяся бурлаками, лоцманами и водолеями» (Памятная книжка Пенз губ. 1911: 176). В судоходстве было занято 41 человек мордовских крестьян из сс. Кимляй (22), Ежовка (6), Волгапино (7), Керетино (6). Матросами работали 134 человека из сс. Кимляй (17), Кичатово (5), Ежовка (6), Изосимовка (3), Ковыляй (10) и Троицк (93). В основном это были мордовские крестьяне. Так, в «Списке населённых мест Пензенской губернии» (1869) Ежовка — деревня казённая из 75 дворов (556 чел.) Краснослободского уезда. В 1913 г. в селе было 129 дворов (900 чел.), в 1930 г. — 210 дворов (1161 чел.). Ежовка (Ёжка) — село. Население в основном мордва-мокша (Ежовка 2025). В «Списке населённых мест Пензенской губернии» (1869): Волгапино — село казённое из 79 дворов (596 чел.) Краснослободского уезда. В 1921 г. в селе насчитывалось 1458 чел. в национальной структуре населения мордва-мокша составляла 87% (2002 г.) (История села Волгапино 2025). Кичатово (Сосновка, Пиче веле), находится на реке Мокша. В «Списке населенных мест Пензенской губернии» (1869): Кичатово — село казенное из 88 дворов Краснослободского уезда. Население мокшанское. Керетино (Керата, Кярата) — мокшанская деревня находится на речке Суфляй (Кичатово 2025). В «Списке населенных мест Пензенской губернии» (1869) Каретино (Керетань) — деревня казенная из 65 дворов Краснослободского уезда. В основе названия — мордовское слово керь, «поселение на отшибе, в стороне от основного пункта» (История села Керетино 2025; Список населённых мест Пензенской губернии 1869).

Развитие судового промысла, система перевозок клади на судах стимулировала развитие рогожно-кулевого, веревочно-канатного и др. промыслов. Поскольку их продукция была необходима в обустройстве водных средств передвижения, для транспортировки товаров. В к. XIX — нач. XX вв. на территории Мордовии сложились центры отдельных видов промыслов: по деревообработке — Виндрей, Поводимово; рогожно-кулевого — Ельники и др.; судового промысла — Пурдошки, Большие Березники

(*Лузгин* 2016: 126). В Памятной книжке (1911 г.) указывается, что в селе Верхозовка Мокш. у. в старые годы в значительном числе приготовлялись судоходные снасти (Памятная книжка 1911: 176): циновки, рогожи, кули, паруса и др. реализацией рогож и кулей мордовские кустари занимались *на пристанях*, при которых проходили еженедельные базары. Об этом говорится в более ранних источниках: «В Саранском уезде ими занимаются крестьяне слишком тридцати селений. Ежегодно приготавливается до 70000 циновок, рогож до 100000, кулей разного размера до 7000…. Местами сбыта служат Промзинская пристань Симбирской губ., семь пристаней в самом уезде (шесть на Суре и одна в Инзе), Москва, Нижний-Новгород, Симбирск, Оренбургская губ., местные базары и ярмарки (Саранский уезд 1870: 57–72).

Одним из наиболее распространенных промыслов на территории Мордовского края являлся *рогожно-кулевой,* поскольку (рогожи, циновки, кули и т. п.) обеспечивали транспортировку различных грузов, а также из рогож делались паруса. Центром *рогожно-кулевой* промысла являлся Краснослободский у., в котором было сосредоточено $^{3}/_{4}$ общей численности кустарей-рогожников. Причем из 4974 рогожников уезда 4927 человек (99,1%) проживали в Ельниковской вол. В самих Ельниках, по данным 1912 г. в 450 дворах насчитывалось 2079 рогожников. Рогожи в Мордовском крае вырабатывалось до 15 сортов, что зависело от качества мочала, размера, прочности и назначения. Так, рогожные кули были наиболее распространенной тарой для перевозки различных грузов (*Лузгин* 2016: 144), в т. ч. продовольственных товаров: зерно, хлеб, сало, вяленая рыба и т. д. До конца XIX в. в них перевозилась, в основном на судах, мануфактура. Отдельные кустари специализировались на производстве «рядных рогож» или циновок (изготовлялись из крученого мочала) из которых делали паруса, а также «таевки» для подстилок на баржи (*Лузгин* 2016: 36) и обертывания товаров (*Лузгин* 2016: 190, 191). Как указано в документах, «на судах, ходивших по Мокше, применялись паруса». В Трудах Пензенской Ученой Архивной комиссии записано: «Суда от Пензы …ходъ бываетъ и на парусах» (Труды Пензенской 1905: 71). Мордовские промысловики вили веревки, в т. ч. бечеву, которой в комбинации с парусом, бурлаки тянули груженые барки (Мордва 1981: 85).

Известно, что суда — пурдошанки, мокшаны строились мордовскими плотниками из Виндрея (Виндреевское поселение, инт. ист.). Значительное число крестьян работало в виндреевских лесах, заготавливая лес, возделывая древесину на бревна, хлысты, накатники, распиливая бревна на доски. В числе плотников, строивших суда, были и артели плотников и резчиков из Виндрея, они же нередко украшали корабли резьбой и росписью (особенно корма и нос). Эти артели позднее стали работать также по деревням, занимаясь строительством крестьянских изб, перенося корабельную резьбу на оформление домов и на различную бытовую утварь (прялки, ткацких станках). Памятником резных дел мастерам села Виндрей братьям Ивану и Федору Тимофеевичам Лагуткиным стоит дом в центре села. Мастерили они и различную бытовую утварь. Причем широко использовалась корабельная резьба. На сохранившихся кое-где прялках, ткацких станках, некоторых других хозяйственных предметах можно увидеть замысловатые узоры, выполненные талантливыми виндреевскими мастерами, — пишет А. С. Лузгин (*Лузгин* 2016: 133, 134).

Развитие судоходства по рекам Мордовии существенно повлияло на жизнь мордовских крестьян. Строились пристани, велась торговля сельхозпродукцией, а среди прибрежного населения появились мастера и рабочие, в т. ч. — целые мордовские селения, специализировавшиеся в строительстве судов различных модификаций.

Речные суда издавна изготавливались мордовскими мастерами и для других регионов страны. Например, для азовского флота по указу Петра I темниковские мастера строили лодки-челны. Источники начала XIX в. отмечают, что на р. Вад от «Каргашиной при деревне Подлясовой строят... от семи до десяти судов из пиленого лесу», а на р. Выше «ежегодно приходящие плотники строят от 15 до 20 судов и сплавляют их в талую воду р. Цны» (Мордва 1981: 84). По данным 30-х гг. XIX в., по Ваду осуществлялся «судовой ход барками», которые нагружались разной мелкой «бочерной» посудой, лубом, лыком и мочалами. Как сообщал известный исследователь Тамбовского края И. И. Дубасов, вверх и вниз по реке ходили большие лодки и барки, сделанные местными мастерами из монастырского леса. В память о бывшем промысле местного мордовского населения имелось село под названием Пристань, где «иногда вымывались сильным течением» остовы огромных барж (*Лузгин* 2016: 192).

В 1853 в д. Б. Пошаты Краснослободского у. крестьянин И. Яковлев имел пристань для строительства барок. В 1865–1869 г. на пристанях Мокши было построено 127 судов (4 баржи, 13 барок, 39 гусянок, 24 мокшана, 5 паромов, 41 полубарка и росшива); на Суре — 104 судна (21 баржа, 17 барок, 5 гусянок, 2 дощаника, 2 кладнушки, 8 лодок и 49 полубарок) (*Тувин* 2004: 376).

Как было отмечено выше, по Мокше, Суре, Ваду было несколько центров судостроения, обычно совпадающих с пристанями: Рыбкинской, Темниковской, Пурдышевской — по Мокше, Большеберезниковской — по Суре. Строили здесь разные типы судов: от крупных, способных плавать по Волге, Оке и другим рекам, до мелких, используемых для перевозок грузов местного назначения, а также для рыболовства и перевозки людей. Строились специальные суда для перевозки зерна, свежей рыбы, овощей, мочальных изделий. С развитием судостроения в XVIII–XIX вв. известность получили суда пурдошанки, мокшаны, суряки, строившиеся на территории Мордовии (*Тувин* 2004: 376). Основными грузовыми судами на реках Мокша, Сура и их крупных притоках являлись барки, которые имели различные названия: мокшаны, малые мокшаны, сурянки, гусянки, унжанки и др.

Барки подразделялись на открытые и крытые. Барки представляли собой продолговатые суда длиной 28–30 саженей и шириной 5 саженей. Грузовые суда в основном являлись плоскодонными. Изготовлялись они из сосны (корпус, днище, боковые стенки, крыша со скатами и платформа) и дуба (передние и задние лыжи-водорезы). О видах судов (барках), загрузке их хлебом и маршруте движений по Суре зафиксировано в Трудах Пензенской Ученой Архивной комиссии «…Для грузки делаемыхъ судовъ покупаетца разной хлебъ в городе Пензе на торгу и по близости Пензы отъ господъ которые занавсегда поставляютъ сами прямо всмолотью на городские мельницы и пристани которой по нагрузке и отправляетца весною по полой воде внизъ по Суре до василя Сурского а из василя по уборке судовъ доставляетца вверхъ волгою до рыбинска безвсякой перегрузки не позжія доставляетца половины июня а из рыбинска по перегрузке в барки отправляетца до Санктпетербурга и естли не воспрепятствуетъ мелководіе или разбитія впорогажъ барокъ доставляетца из пензы однимъ летомъ в сентябре и октябре в внизъ извасиля волгою свободно ходятъ до Астрахани» (Труды Пензенской 1905: 70, 71)… «Купцам и жителям весъма желательно было естли бъ от города Пензы до василя сурскаго для ходу больших и малык судов барок во обратной путь разчищены были берега на оных поселившимися обывателями свои дачи чтоб служило к збереженію здесь лесовъ и барки б могли дешевле естли оные будутъ возвращатся и болія бъ гораздо

могло быть промышленниковъ» (Труды Пензенской 1905: 72). 2. По Суре реке судоходство производится в каждый годъ вешнею водою в больших судах и мелкими барками (Труды Пензенской 1905: 71). 7. По Суре вверхъ суда взводютца простые только те которые по выгрузке изгоняютца из рыбинска волгою до василя и от василя Сурою вверх доводютца до Промзина городищъ и вышея а до Пензы не доводютца а остаетца къ взводке будущею весною гораздо меньше но хоша взводить и можно однакож взводимы ее ни кемъ не были (Труды Пензенской 1905: 71).

Центром строительства пурдошанок была Пурдошанская пристань (*Тувин* 2004: 376). Судовым промыслом постоянно занимались крестьяне с. Пурдошки Темниковского у. Наиболее ранние упоминания о пурдошанском промысле относятся к середине XVII в. Среди проданных в 1652 г. местным монастырем товаров был «монастырский старый струг» (старинное деревянное речное судно). В документах более раннего времени строительство стругов (старинное деревянное судно) отмечено возле сел Высокая Поляна, Бабаево Темниковского уезда и на реке Сивинь, притоке Мокши. О мастерстве мордовских корабелов говорит и тот факт, что на Пурдошанских верфях нередко строились речные суда без применения металлических креплений, вместо которых использовались натели деревянные гвозди) (*Лузгин* 2016: 192).

В Пурдашках мастеровые люди успешно занимались судовым промыслом вплоть до 80–90-х гг. XIX в., в результате чего сложились местные типы грузовых судов различных размеров: барки, мокшаны и суряки. Наиболее распространенным, местным, типом было судно средних размеров, называвшееся пурдошанка. Его габариты были следующие: в длину 13 «саженей трехаршинных» (28,08 м), в ширину «в яле» 7 аршинов (5,04 м). «Вышина стенам» стругов обычно составляла «аршин с четвертью» (1,08 м^2). Пурдошанские мастера умели делать и «прорезные струги», на которых, по данным кадомских таможенных книг, вывозилась живая рыба. Размеры таких судов были различными. Средняя грузоподъемность была в пределах 1000 пудов. Главная особенность подобных судов заключалась в том, что их средняя часть (более $^2/_3$ всей длины) была отделена от носовой и кормовой частей двумя глухими, водонепроницаемыми перегородками (переборками): стенки этой средней части были прорезаны по длине досок отверстиями так, что средняя часть лодки представляла садок с живой рыбой. В «прорезях» рыбу вывозили на большие расстояния. Необходимыми струговыми принадлежностями были жести «с оковами», багры, якори «трехрогие» и «четырехрогие» (*Лузгин* 2016: 191, 192).

По реке Мокше плавали даже значительные по размеру баржи, которые назывались «мокшаны». Мокшаны (грузоподъёмность 12–50 тыс. пуд., стоимость до 2 тыс. руб.) строились на Мокше, Суре и Оке. Суда эти были достаточно большими и вместительными. В них загружалось до 35 тысяч пудов хлеба или 45 тысяч ведер спирта. Стоимость такого судна была 6 тыс. рублей ассигнациями 1864 г. Груз отправляли с Рыбкинской и Кочелаевской пристаней. В конце XIX в. Кочелаевская пристань отправляла ежегодно 15 и более судов хлеба и спирта. Спирт отправлялся в основном в Москву, Петербург, Архангельск. Мокшаны имели несколько большие размеры: от 30 до 32,5 сажени в длину и 18,5 аршина в ширину. В них загружалось до 45 тыс. пудов хлеба или 45 тыс. ведер спирта. Отличительной особенностью этих судов (мокшан) была двускатная крыша. Она была нужна, чтобы укрыть от дождя зерно, которое преимущественно возили именно на мокшанах. В с. Пурдошки свою судоверфь имели крупные хлеботорговцы и судовладельцы Ненюковы. У них в 1850-х гг. по Волге ходило 12 паровых судов под назв. «Мокша», «Краснослободск», «Сура», «Пенза» и т. д. общей мощн. в 389 л. с. (*Панов* 1995).

Суряк, тип сплавного грузового судна, применялся до начала XX в. на р. Суре (отсюда назв.), Волге и др. Он имел постепенно сужающееся к корме и носу дно, вертикальные борта; дл. 20–30, шир. 8–12, осадка 1,5 м. Суряки строились на территории Мордовии (с. Большие Березники) и за её пределами из соснового и елового леса без металлических креплений, вместо которых применялись начели (деревянные гвозди). В 1830 г. стоимость одного Сурякка составляла 3 тыс. руб. Их загружали преимущественно хлебом и спиртом, двигались по течению реки. Грузоподъёмность 12–15 тыс. пуд. На небольших реках (в т. ч. на Суре) суряки использовались до наступления межени (меженью называют период низкой водности рек, который устанавливается в зимний и летне-осенний сезоны, поэтому различают зимнюю и летне-осеннюю межень.). На Волге судно ходило до Астрахани не только по течению, но и против (с участием бурлаков) (*Волкова* 2004: 381). В Трудах Пензенской Ученой Архивной комиссии значится, что «Суда строются большою частію большіе плоскодонные длиною отъ 16–17 и 18 саженъ, шириною по днищу 13 и 14 аршинъ и вышиною въ $3^{1}/_{4}$ арш., которые грузятца 8 и не болія 9 четвертей и имеютъ свободной по Суре згрузомъ ходъ, а безгрузу не бываетъ по Суре ходу, а малые суда или полубарки плоскодонные могут ходить по Суре во все лето». Здесь же отмечается, что суда строятся на берегах Суры, а бревна поставляются сверху Суры (Труды Пензенской 1905: 70).

Барки и расшивы изготовлялись на некоторых присурских пристанях, в т. ч. и на Большеберезниковской (Мордва 1981: 85). В нач. XIX в. строительство дощаников, россшив, мокшанов, суряков было налажено в Барышской Слободе, с. Промзино и Большие Березники. Расшива имела закругленное дно, суженную корму (Мордва 1981: 84–85). Расшива имела сплошную палубу, которая расширялась (расшивалась) за границы бортов за счет наставок со стойками. Стойки снаружи обшивались досками. Этот ряд досок назывался «красным поясом» и, как и корма, украшался искусной резьбой, а затем покрывался зеленой и красной красками, а иногда и позолотой. При подходе к большим городам на расшивах поднимались разноцветные флаги. Все это, как писал историк волжского судоходства И. А. Шубин, «делало их очень красивыми, особенно когда они распускали свои огромные белые крылья — паруса, горделиво скользя по величавой шири реки подобно гигантским птицам». Благодаря парусам расшива могла при благоприятном ветре идти против течения. При безветрии её тянули бурлаки (*Шубин* 1927).

Судоходство и бурлачество

География бурлачества ограничивалась берегами Волги и ее притоков. Многоязыкими были бурлацкие артели, хотя преимущественно их составляли русские крестьяне. Бурлаки тянули суда против течения с помощью бечевы — длинной лямки, идя по бечевнику, посредством шестов, весел, забрасывая вперед якоря («завозом») (*Бусыгин* 1966: 391). Е. П. Бусыгин воспроизводит рассказ одного из старых волжских бурлаков, свидетельствующий о многонациональном характере бурлачества: «Нас на Волге в то время было много: весь берег был устлан старыми лаптями, каких там не встретишь — и русских, и мордовских, и татарских» (*Лузгин* 2016: 216). Н. В. Прозин пишет: «Народонаселение Саранского уезда состоит из русских, мордвы и татар. Русские жители охотно оставляют домашний кров и ходят промышлять далеко на чужую сторону. Многие из них занимались … бурлачеством (*Прозин* 1868: 136). «Русские зажиточные крестьяне, а также и татары, имеющие хороших лошадей, принимают на себя перевозку рыбы и соли от Астрахани до

Москвы и товаров на Нижегородскую и Симбирскую ярмарки. В прежнее время более двух тысяч человек уходило на бурлацкую работу» (*Прозин* 1868: 138).

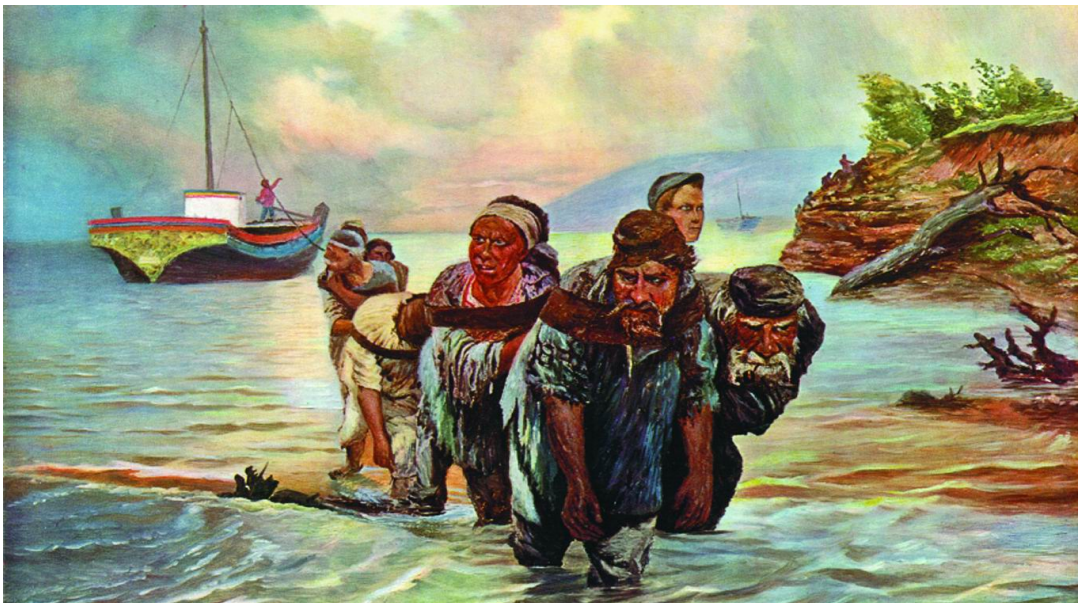

Рис. 4. И. Репин. Бурлаки. 1870-е гг. // Мордовия: энц.: в 2 т. Т. 1. Саранск, 2003. С. 186

Обеспечение грузоперевозок на судах по рекам осуществляли не только большое количество судовых рабочих, грузчиков, но и бурлаков. Так, на Пурдошанской пристани в середине XIX в. ежегодно нанималось до 1 тыс. бурлаков. Из мордовских селений Налитово и Кирдяти в эти годы уходили в бурлаки более 400 человек. В 1850 г. на *Суре* и на Мокше в пределах Пензенской губернии было зафиксировано 6594 бурлака. В *1851 г.* на р. Суре было *нанято 1489 бурлаков*. В 1865 году на реке Суре насчитывалось до 10 тыс. бурлаков. Для передвижения против течения таких крупных судов как мокшаны требовалось от 150 до 180 бурлаков, для передвижения вверх по реке малых мокшан необходимо было 70 — 80 человек. На каждом борту мокшан, кроме этого, имелось от 50 до 80 весел для передвижения судна по течению (*Лузгин* 2016: 195). Для обслуживания одного из наиболее распространенных судов волжского бассейна-расшивы необходимо было от 20 до 55 бурлаков.

С развитием пароходства на Волге бурлачество почти перестало существовать. Частично оно сохранилось на Суре для перевозки грузов местного значения. Так, по данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г., бурлачеством для побочного заработка в Симбирской губ. занималось 362 человека, в то время как, например, в Казанской губ. — только 80 (*Лузгин* 2016: 195). В Наровчатском у. крестьяне всех селений отправлялись по билетам и по паспортам в другие губернии бурлачить на судах (*Лузгин* 2016: 216).

Наем в бурлаки производился на специальных бурлацких базарах, организуемых в середине Великого поста в некоторых поволжских городах, а также на крупных пристанях. Из волжских бурлацких центров для крестьян мордовского края такими центрами были на реке Мокше — Кочелаево, Пурдошки, Темников, а на Суре — Пенза, Большие Березняки, Порецкое, Промзино. На бурлацкие базары съезжались крестьяне из ближних и дальних сел и деревень, а также судовладельцы (в т. ч. и вновь строящихся судов).

На базарах происходило заключение договоров. Нередко мытарь-вербовщик сам приезжал в село (*Лузгин* 2016: 207, 208). Согласно данным мордовских этнографических экспедиций (1953 г.) этнографом В. Н. Белицер зафиксировано: «В деревне имеется новый порядок под названием “бурда”. Этот порядок появился лет 45–50 назад. Население Низовки принадлежало барину Мельчугову. Сам информатор (С. Солдатов) был грузчиком, бурлаком. Летом работал грузчиком и бурлаком, а на зиму домой возвращался (с. Низовка Ардатовского р-на (мордва-эрзя)» (НА НИИГН. И-148, к. 48).

Паромы и плоты

Паромы имели важное значение при переправах через реки. В незаселенных местах для переправ выбирались или верховья, или неглубокие места рек без зарослей и болот. В населенных местах нередко на дно реки настилался камень-булыжник. Такие места назывались каменными бродами. С XIX в. начали возникать паромные переправы. Позднее в местах пересечения рек крупными дорогами стали строиться мосты (Мордва 1981: 85). В ранних источниках содержатся краткие упоминания о мостах, судоходстве и весенних переправах по р. Суре путем паромов и лодок. Так, в Выписке из дела об устройстве мостов (1794 г.) говорится, что Пензенский мещанин Павлухин «обязался иметь четырехлетнее содержание, чтоб состоящая под здешним губернским городом Пензою на реках Суре по Казанской да на Пензе по Саратовской дорогам называемой брегодирской, мосты и мостить, и содержать во всякой исправности, а в разлитье полой воды на тех реках, чтоб проезжающим не могло последовать остановки иметь лотки и паромы...» (Труды Пензенской 1905: 61). Плотники из Песчаного Конакова ежегодно наводили паром через р. (с. Подгорное Конаково Темниковского района (мокша) (НА НИИГН И-268, к. 259).

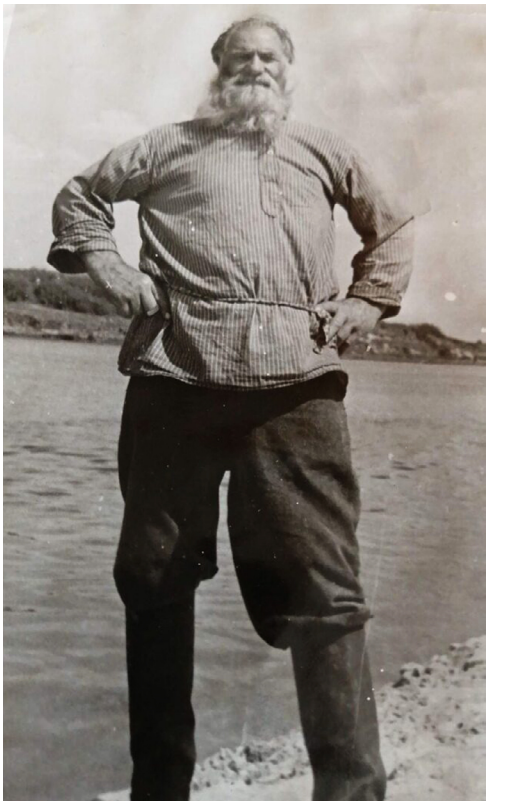

Рис. 5. Паромщик на р. Суре // Личный архив Л. И. Никоновой / Фото от Е. И. Полушкина, с. Б. Березники Большеберезниковского р-на РМ

Плоты издавна изготавливались как средство передвижения через реку и сплава леса для судостроения. Изобилие лесов в мордовском крае, расселение мордвы в прибрежной зоне, способствовало сплаву леса для судостроения. Этнографом В. Н. Ежовой во время этнографической экспедиции по Мордовии зафиксирован рассказ информатора (Н. С. Серьгина, 1887 г. р.): «На месте нашего села когда-то был огромный лес, который называли бором, а деревню вначале стали называть Борапино, а потом Парапино (с. Парапино Ковылкинского р-на)» (НА НИИГН И-267, к. 49: 169), в другой записи говорится: «На этом месте села был стан от с. Старых Пичингушей, — сюда раньше приходили корчевать лес. …. Сейчас ближайший лес в 25 м. от села (с. Новые Пичингуши Ельниковского района)» (НА НИИГН. И-267, к. 49).

Наличие плотов отражено в мордовской терминологии. Плот это: 1) связанные вместе в один или несколько рядов брёвна, предназначенные для сплава или для переправы на них по воде; келувонь плот — березовый плот; панемс плот гнать плоты 2) помост из брёвен или досок на воде около берега (м.) (Мокшанско-русский 1998: 496); плот, сущ. — плот / скрепленные в несколько рядов бревна для сплава или переправы на них по воде. Уемс плот лангсо (э.) /плыть на плоту (Эрзянско-русский 1993: 486).

Определение плота, мы находим в этнографическом справочнике профессора Н. Ф. Мокшина. «Плот (м., э. плот) — скрепленные в несколько рядов бревна для сплава или переправы на них по воде, которые использовались издавна. В настоящее время реки Мордовии несудоходны и по ним передвигаются только на лодках и плотах» (*Мокшин* 2002: 122).

Плотами, паромами такого же типа пользовалось и русское население Поволжья. Для переправы через реки применялись плоты, паромы, различного типа и величины лодки. Для переправы на малых реках обычно служил плот, который передвигался с помощью шестов или веревок, перекинутых с одного берега на другой. Плот составляли из бревен, укладывали их в два ряда и крепко связывая между собой обычно ивовыми прутьями, сверху делали еще дощатый настил. Для устройства парома плоский деревянный настил с перилами по краям ставился на две большие лодки. Часто паромом называли и плот с ровным дощатым настилом и загородками по краям (*Бусыгин* 1966: 393).

Сплав леса в виде плотов проходил по рекам Мордовии: Мокше, Суре, Ваду, что также связано с развитием постройки судов. Материалом для судов чаще всего служил еловый лес (*Лузгин* 2016: 190, 191). В Примокшанье и Присурье в больших количествах заготовлялись твердые породы леса — дуб, ясень, клен, а также мачтовая сосна. В ранних источниках записано: «В 1797 г. вследствие указа 27 февраля «О препоручении водяных коммуникаций по всей Империи в главное ведение и управление Действительного Тайного Советника Сиверса и о доставлении всех нужных по сей части сведений, получены думою вопросы, на которые она и отвечала. …1. Лес пригоняется сверху по течению Суры «болія сосновой»… которой продаетца восемнадцать и шестнатцати аршинной способной краснилке на постройку судов воотърубе ненижея осмии вершковъ отъ трехъ рублей дерево а восми и девяти аршинной не нижея восми вершковъ во отрубе и до двенатцати по 140 р. и по 130 р. сто бревенъ, а для строенія мелкой сосновой и осиновой по отрубе не нижея пяти и не свыше шести вершковъ отъ сорока и не свыше семидесяти рублей» (Труды Пензенской 1905: 70, 71). Далее говорится: «По Суре реке судоходство производится в каждый годъ вешнею водою в больших судах и мелкими барками во все лето, на построение оныхъ въ городе Пензе и лесъ распиливается» (Труды Пензенской 1905: 71).

А. С. Лузгин пишет: «Поскольку постройкой судов занимались обычно с сентября — октября и до вскрытия рек, недалеко от берега. Выбирали обычно небольшой овражек или ручеек, с тем чтобы весной с разливом судно можно было легко столкнуть в реку. Это становилось большим событием для близлежащих сел» (*Лузгин* 2016: 189, 190). В полевых сведениях В. П. Ежовой записано: «Нароватовцы в разлив Ев / Мокши выходили на берег и причитали так же как и Баевцы (с. Нароватово Теньгушевский район)» (НА НИИГН И-267. к. №. 49).

Сплав лесных плотов проходил по рекам Мордовии: Мокше, Суре, Ваду и др. В Памятной книжке Пенз. Губ. (1911 г.) записано: «Из перечня рек Пензенской губ. Суры, Мокша и Хопра, считавшихся прежде даже судоходными, а ныне годными лишь для сплава леса (Памятная книжка Пенз губ. 1911: 129). Лес нагружался на суда или сплавлялся

плотами. Для хранения хлебных грузов по берегам Мокши только в Темниковской округе было устроено восемь складов-матазейнов. Размеры сплава леса по Суре в середине XIX в. увеличились по сравнению с 40-ми годами с 298 до 937 плотов (*Лузгин* 2016: 193).

Рис. 6. Паромная переправа на р. Мокше у г. Краснослободска. Нач. XX в. // Мордовия: энц.: в 2 т. Т. 1. С. 558

В северо-западной части Мордовии имелись лесные рынки (Спасский и Темниковский уезды Тамбовской губернии) и делились они на три группы: передающие, потребляющие и смешанные. В первой группе местом продажи являются лишь передаточные: здесь проводили закупку крупных партий леса. Отсюда они отправлялись дальше на потребляющие рынки. К ним в начале XIX в. относились железнодорожные станции, возникшие в западной части Мордовии: Теплый Стан, Известь, Свеженькая, Пичкиряево, Сасово, Торбеево. Распределительными считались г. Темников, село Пичаево и г. Тамбов. Передаточные рынки питались материалами почти исключительно из казенных лесных дач и части других владений (*Лузгин* 2016: 228).

Лес сплавляли крестьяне и специальные люди специальные приказчики (у промышленников). Крестьяне сплавляли лес по рекам на продажу, в то же время сплавной путь являлся главным транспортным средством по весенним рекам. Бревна сплавляли по Виндрею, Ваду, Парце, Мокше, Цне, Выше и другим рекам На последней сохранилось село с названием Пристань — свидетель тех лет. Сплав проводили двумя способами: россыпью или плотами. Реки северных уездов Тамбовской губ. даже тогда не отличались полноводием, поэтому более удобным считался сплав бревен россыпью. По другому названию — мальком, молевым способом (*Колмыков* 1998: 40). В западной части Мордовии была еще одна судоходная река — Вад, которая по транспортным возможностям уступала Мокше. «Судовой ход» по ней осуществлялся «только в полую воду. В это время на Ваде, «начиная от деревни Каргашиной, также при деревне Подлясовой», ежегодно нагружалось 7–9 судов из «пилного лесу» (*Лузгин* 2016: 192).

У лесопромышленников сплав материалов осуществляли и организовывали специальные приказчики. Иногда это были люди из числа местных жителей, хорошо всех знавшие. Еще зимой они объезжали деревни по берегам рек и заключали договора с

жителями, желающими работать на сплаве. Как только проходил ледоход, подвезенные зимой к берегу реки бревна скатывали с крутых обрывов в воду. Свальщики и сплавные команды заранее вызывались к складам и размещались вдоль берегов, где проходили свалка, сплав. За плывущими бревнами по берегу следовали сплавщики и гнали их. Если стволы выкидывало концами на берег, их сталкивали в реку. От этого сплавщиков иногда звали гонщиками. Вместе с гонщиками служили и лоцманы (хорошо знавшие фарватер реки местные жители). Гнали бревна сплавщики артелью. На западе Мордовии, сплав (до войны и после, в сороковые годы) — гонку плотами, проводили только в половодье. Чтобы плоты не застревали, их строили узкими и длинными. Сплав начинали, когда лед тронется. Лес пускали по Ваду. От деревни Вадово-Сосновка до Потьминского кордона и далее к озеру Имарка. Сплавляли по реке только хвойные породы. Затем бревна вытаскивали и возили в Умёт. В Зубове была специальная сплавная организация (трест). Материал для сплава готовили зимой и свозили его к реке. Плоты связывали веревками. Сплавщики жили в Вадово-Сосновке. Их хорошо снабжали продуктами, выдавали высокие сапоги. Приезжали гонщики и из Виндрея. Они же рубили лес для сплава. Виндрейские работники очень славились (*Колмыков* 1998: 47). Виндрей считался крупным лесхозом. Согласно Списку населенных мест Тамбовской губернии (1866) здесь вместе с русскими проживало много мордвы-мокши (Виндреевское поселение 2025). Вадово-Сосновка — село в Зубово-Полянском районе, основано в конце XIX в. переселенцами из села Мордовская Поляна и до сих пор в национальной структуре населения мордва-мокша составляют 99% (Вадово-Сосновка 2025).

Водные средства передвижения у других народов Поволжья

Водные средства передвижения имели с давних времен большое значение в жизни всего населения. Средством передвижения по воде у чувашей были древнейшего типа лодки-однодеревки (кимĕ). Легкие лодки-ботники выдалбливали из бревна толстой ивы и осины длиной 2–3 м, борта разводили до 60–70 см. В движение лодка приводилась с помощью весел (кĕсмен). Для увеличения устойчивости к бортам нашивали одну–две плахи. Плавание на долбленках требовало определенного навыка, так как они были неустойчивыми. Дощатые лодки-шитики вначале представляли собой усовершенствованные долбленки с наращенными бортами. Более крупные лодки полностью из досок делали для передвижения по реке. Были в употреблении также плоты (сулă) с длинными кормовыми веслами (Культура Чувашского края 1994: 107).

Древнейший тип лодки у чувашей — лодки-однодеревки (кимĕ). Легкие лодки-ботники (путник) выдалбливали из бревна толстой ивы и осины длиной 2–3 м, борта разводили до 60–70 см. В движение лодка приводилась с помощью весел (кĕсмен). Для увеличения устойчивости к бортам нашивали одну–две плахи. Плавание на долбленках требовало определенного навыка, так как они были неустойчивыми. Они использовались для хозяйственных целей — рыбалки, перевозки сена через реку. Ставили параллельно две длинные узкие лодки-долбленки, их соединяли бревнами, укладывали доски. Такой паром вмещал 2–3 нераспряженных воза. На другой берег перетягивали канатом вручную или лошадьми. На пароме, составленном из двух рыбачьих лодок, можно было пару копен сена (до 4 ц.) (*Фокин* 2002: 170).

Были в употреблении у чувашей также плоты (сулă) с длинными кормовыми веслами (Культура Чувашского края 1994: 107). У чувашей развита охота (волков, лис и др.),

рыболовство (реки и озера изобиловали рыбой). «По ночам на лодках выплывали на большие реки и озера, зажигали факел» (*Фокин* 2009: 247).

Через реки натягивали мочальные канаты, которые закреплялись к четырем столбам, по два столба вкапывали на противоположных берегах. На канаты укладывали половинки бревен серединами вверх. Когда телега въезжала на канатный мост, он под тяжестью опускался, оказывался на воде. Такой подвесной мост в то же время был наплавным. В округе устраивали не более одного-двух мостов, поэтому чаще обходились паромами (*Фокин* 2002: 170–171).

В Удмуртии подспорьем для населения, в частности, рабочих Пудемского завода являлось рыболовство (*Васина* 2012: 135). Большинством видов домашней промысловой деятельности у удмуртов занимались мужчины. В т. ч. изготавливали транспортные средства — лодки (*Никитина* 1993: 89).

Марийцы для передвижения по рекам и озёрам издавна использовали различные лодки (пуш) (*Молотова* 2009: 761). Повсеместное распространение имели плоты, лодки-однодеревки, лодки с нашивными бортами, лодки-дощаники и др. Наиболее совершенной была лодка типа каноэ с широкими тонкостенными бортами (тагына пуш). Движение лодки осуществлялось с помощью пары бортовых вёсел или кормового шеста. Встречались у марийцев сдвоенные парные челны. Сдваивание челнов способствовало их устойчивости на воде и повышению грузоподъёмности. Появление лодок с нашивными бортами дало позднее толчок к строительству крупных лодок и судов из составных деталей. Под влиянием русского населения появились у марийцев плоскодонные лодки-дощаники или ботники. Плоты в прошлом связывались канатом из нескольких бревён или плах и снабжались дощатым настилом (*Молотова* 2009: 762). Они использовались для перевозки сена, как переправы через реки. В послеоктябрьский период произошли коренные изменения в развитии и совершенствовании путей и средств сообщения, в появлении и расширении *современных видов транспорта.* Наряду с индивидуальными средствами передвижения значительно возросли масштабы использования обществ, транспорта.

Заключение

Таким образом, территория Среднего Поволжья прорезана большими и малыми реками, и водные средства передвижения имели с давних времен большое значение в жизни населения. Речная сеть и озер сыграли немалую роль в жизнедеятельности мордовского населения особенного расселенного в западных и восточных районах Мордовии, а также сопредельных территорий.

Сведения источников (архивы, памятные книжки, полевые сведения и др.) и научной литературы позволяют сделать следующие выводы.

Водные средства передвижения у мордвы подразделяются на виды: лодка, судно, плот, паром. По способу изготовления лодки называли долбленками (лодка — челноки-однодеревки, лодки-челны (на заказ и сплавляли по р. Цна), дощаниками (лодки — шитовки досчатые); по материалу, из которого были сделаны: лодки — осиновки, лодки — шитовки досчатые (личные, общественные); по назначению: суда грузовые (открытые и крытые), рыболовецкие — расшивы, «прорезные струги» и пассажирские, но нередко одно судно совмещало перевоз людей и груза одновременно; по месту изготовления — мокшаны, пурдошанки, сурянки. Каждый тип лодок имел свое название: струг, шитик, барка, расшива и т. д. Сложились местные типы грузовых и пассажирских судов, в т. ч. по Волге ходило 12 паровых судов под назв. «Мокша», «Краснослободск»,

«Сура», «Пенза» (общей мощностью в 389 л. с.). Особое значение имели плоты (для переправы и сплаву леса для строительства судов) и паромы (с XIX в.).

Со второй половины XVIII в. в мордовском крае сложились центры судостроения и пристани, стимулировавших развитие отдельных видов промыслов: по деревообработке (Виндрей, Поводимово); рогожно-кулевого (Ельники и др.) (рогожи, циновки, таевка, кули, паруса), судового (Пурдошки, Большие Березники). Среди прибрежного населения появились мастера и рабочие (лоцманы, водоливы, матросы, бурлаки, гонщики плотов), в т. ч. целые мордовские селения, специализировавшиеся в строительстве судов различных модификаций и сплаву леса плотами по рекам Мордовии.

Топонимика (в названиях сел, оврагов, притоков, озер и др.) подтверждает связь истории их происхождения с водными средствами передвижения (кораблик, лодка, солик-лодка и др., в. т. ч. связь с заготовками корабельного леса — лашманство), а основные типы, виды, их назначение, действия, место распространения — нашли отражение в многочисленных полевых сведениях этнологов, фольклористов и языковедов, что отражено в мордовских словарях. Мордовские заговоры, пословицы и присловицы, выражающие житейские наблюдения, часто связаны с водными средствами передвижения населения.

Источники и материалы

Архив Минусинского музея 2001— Архив Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова и полевые сборы д. Алексеевка Каратузского района Красноярского края, зап. Л. И. Никоновой. 2001.

НА НИИГН. И-267 — НА НИИГН. И-267. Карточки. Историко-этнографической экспедиции. 1952 год. Составитель Ежова В. П. к. № 49.

НА НИИГН. И-496 — НА НИИГН. И-496. Материалы Мордовской этнографической экспедиции 1957 г. (сост. Н. И. Спрыгина). 327 л.

НА НИИГН. И-148 — НА НИИГН. И-148. Мордовская этнографическая экспедиция в 1953 году по селам Большеигнатовского района Мордовской АССР. / Руководитель В. Н. Белицер. На 164 л.

НА НИИГН. И-268 — НА НИИГН. И-268. К. № 259. Карточки историко-этнографической экспедиции, составленные Васильевым и др.

Вадово-Сосновка 2025 — Населенный пункт «Вадово-Сосновка» // Регионы РФ [Электронный ресурс]. https://regionsrf.ru/respublika-mordoviya

Виндреевское поселение 2025 — Виндреевское поселение Торбеевского муниципального района Республика Мордовия. История // Госуслуги [Электронный ресурс]. https://vindrejskoe-r13.gosweb.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/istoriya/

Евсевьев 1931 — *Евсевьев М. Е.* Эрзянь-рузонь валкс / Мордовско-русский словарь. М.: Центроиздат, 1931. 226 с.

Ежовка 2025 — Село Ежовка Ковылкинского р-на Республики Мордовия // Komandirovka.Ru [Электронный ресурс]. https://www.komandirovka.ru/cities/ezhovka_mord._r./

История села Волгапино 2025 — История села Волгапино Ковылкинского района // Природное и культурное наследие Мордовии [Электронный ресурс]. https://tourismportal.net/object/s-volgapino-706

История села Керетино 2025 — История села Керетино // Регионы РФ [Электронный ресурс]. https://regionsrf.ru/respublika-mordoviya/kovylkinskiy-rayon/keretino/

Кичатово 2025 — Кичатово // Природное и культурное наследие Мордовии [Электронный ресурс]. https://tourismportal.net/object/s-kicatovo-636076339

Мокшанско-русский словарь 1998 — Мокшанско-русский словарь / Ин- языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров-Правительстве Республики Мордовия / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. М.: Рус. яз. Дигора, 1998. 41 000 слов. 920 с.

Мордовские пословицы, присловицы и поговорки / На мордовском-мокша, мордовском-эрзя и русском языках / Вступительная статья, запись, системная обработка текстов и переводы их на русский язык К. Т. Самородова. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1986. 278 с.

Памятная книжка 1911 — Памятная книжка Пенз. губ. за 1911 год. Пенза. 336 с.

Панов 1995 — *Панов Н.* История села Токмово. XIX век. Кустарные промыслы // Голос Примокшанья. 14.11.1995.

ПМА 2023 — Полевой материал Л. И. Никоновой: Цветков Евгений Иванович, 1948 года рождения, с. Большие Березники Большеберезниковского района, записи 2023 г.; Басалаев Виктор Борисович, 1950 года рождения, с. Большие Березники Большеберезниковского района, записи 2023 г.; Малинова (Белова) Таисии Михайловны, 1950 года рождения, с. Паракино Большеберезниковского района, записи 2023 г.

Прозин 1868 — *Прозин Н. В.* Город Пенза // Памятная книжка Пензенской губернии за 1865, 1866 и 1867 годы с прибавлением Адрес-календаря лиц, состоящих на службе в Пензенской губернии к 1 января 1869 года. Пенза: Типография Пензенского Губернского Правления, 1868 г.

Самородов 1968 — *Самородов К. Т.* Мордовские пословицы и присловья. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1968. 88 с.

Саранский уезд 1870 — Саранский уезд и город Саранск Н. В. Прозина (По печатным источникам и письменным документам Статистического Комитета) // Сборник исторических, географических и статистических материалов о Пензенской губернии, с прибавлением распределения судебных мировых участков. Приложение к Памятной книжке за 1868 и 1869 годы. Издан Пензенским Губернским Статистическим Комитетом. Пенза: Типография Пензенского Губернского Правления, 1870. С. 57–72; 128–142.

Список населённых мест Пензенской губернии 1869 — Списки населенных мест Российской империи, составленные и издаваемые Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. XXX. Пензенская губерния. Список населённых мест по сведениям 1864 г. СПб.: Типография Карла Вульфа, 1869. 121 с.

Труды Пензенской 1905 — Труды Пензенской Ученой Архивной комиссии (С приложением двух чертежей). Кн. III. Пенза: Типография Губернского Правления, 1905.

Эрзянско-русский словарь 1993 — Эрзянско-русский словарь: ок. 27 000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской АССР; под ред. Серебренникова Б. А., Бузаковой Р. Н., Мосина М. В. М.: Рус. яз., Дигора, 1993. 803 с.

Научная литература

Бусыгин Е. П. Русское сельское население Среднего Поволжья: историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — нач. XX вв.). Казань: Изд-во Казанского университета, 1966. 403 с.

Васина Т. А. Горнозаводское население (конец XVIII — начало XX века) // Удмуртская Республика: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; науч. ред. А. Е. Загребин. Ижевск, 2012. С. 131–138.

Волкова М. С. Суряк // Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2: М–Я / Гл. ред.: А. И. Сухарев, В. А. Юрченков (зам. гл. ред.), П. П. Кузнецов (отв. секретарь) и др. Саранск: НИИГН при Правительстве РМ, 2004. С. 381.

Колмыков В. И. Жизнь леса: Очерки. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1998. 254 с.

Культура Чувашского края. Учебное пособие (В. П. Иванов, Г. Б. Матвеев, Н. И. Егоров и др. / Сост. М. И. Скворцов. Часть I. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1994. 350 с.

Лузгин А. С., Рогачев В. И. Осмысление традиций орнаментальных мотивов мордвы. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2005. 85 с.

Лузгин А. С. Народные промыслы мордовского края. Вторая половина XIX — начало XX в. (этнокультурные аспекты). Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2016. 272 с.

Мокшин Н. Ф. Материальная культура мордвы: Этнографический справочник. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2002. 208 с.

Молотова Т. Л. Транспорт традиционный // Энциклопедия Республики Марий Эл / Гл. ред. Л. И. Маркелов. Йошкар-Ола: Изд-во МарНИИЯЛИ, Галерея, 2009. С. 761–762.

Мордва: Историко-этнографические очерки / [В. И. Козлов, В. Н. Мартьянов, В. Н. Шитов и др.; редкол.: В. И. Козлов (отв. ред.) и др.]. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1981. 334 с.

Никитина Г. А. Хозяйство и занятия // Удмурты: историко-этнографические очерки / УИИЯЛ УрО РАН; Научный ред. д-р ист. наук В. В. Пименов. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1993. С. 53–103.

Полубояров М. С. Мокша, Сура и другие… Материалы к историко-топонимическому словарю Пензенской области. М.: б/и, 1992. 197 с.

Тувин А. С. Судоходство // Мордовия: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2: М–Я / гл. ред.: А. И. Сухарев, В. А. Юрченков (зам. гл. ред.), П. П. Кузнецов (отв. секретарь) и др. Саранск: НИИГН при Правительстве РМ, 2004. С. 376.

Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 7. Ч. 3. Календарно-обрядовые песни и заговоры / Под общей редакцией *Б. П. Кирдана;* НИИЯЛИЭ при Совете Министров Мордов. АССР. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1981. 304 с.

Фокин П. П. Традиционное хозяйство чувашей левобережья Черемшана (Максимкинский куст) // Проблемы изучения научного наследия Н. В. Никольского: Материалы конференции, посвященной 120-летию со дня рождения ученого. Чебоксары: ЧГИГН, 2002. С. 102–179.

Фокин П. П. Охота и рыболовство // Чуваши: история и культура / Отв. ред. В. П. Иванов. Том 1. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 2009. С. 245–248.

Шубин И. А. Волга и Волжское судоходство. Москва: Транспечать НКПС. 1927. 908 с.

Ямашкин А. А. Мокша // Мордовия / Энциклопедия в 2 т. Т. 1: А–М / гл. ред. А. И. Сухарев, В. А. Юрченков (зам. гл. ред.); П. П. Кузнецов (отв. секретарь) и др. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 2003. С. 556–557.

Ямашкин А. А. Вад // Мордовия / Энциклопедия в 2 т. Т. 1: А–М / Гл. ред. А. И. Сухарев, В. А. Юрченков (зам. гл. ред.); П. П. Кузнецов (отв. секретарь) и др. Саранск: Мордовское книжное. изд-во, 2003. С. 190.

Ямашкин А. А. Сура // Мордовия: Энциклопедия в 2 т. Т. 2: М–Я / Гл. ред. А. И. Сухарев, В. А. Юрченков (зам. гл. ред.), П. П. Кузнецов (отв. секретарь) и др. Саранск: НИИГН при Правительстве РМ, 2004. С. 279.

References

Busygin, E. P. 1966. *Russkoe sel'skoe naselenie Srednego Povolzh'ya: istoriko-etnograficheskoe issledovanie material'noj kul'tury (seredina XIX — nachalo XX vv.*) [Russian Rural Population of the Middle Volga Region: Historical and Ethnographic Study of Material Culture (mid-19th — early 20th centuries)]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. 403 p.

Fokin, P. P. 2002. Traditsionnoe khoziaistvo chuvashei levoberezh'ia Cheremshana (Maksimkinskii kust) [Traditional Household of the Chuvash People of the Left Bank of the Cheremshan River (Maksimkinskiy cluster)]. In *Problemy izucheniia nauchnogo naslediia N. V. Nikol'skogo: Materialy konferentsii, posviashchennoi 120-letiiu so dnia rozhdeniia uchenogo* [Problems of Studying the Scientific Heritage of N. V. Nikolskiy: Proceedings of the Conference devoted to the 120th Anniversary of the Birth of the Scientist], ed. by V. A. Prokhorova, G. B. Matveev. Cheboksary: Chuvashskii gosudarstvennyi institut gumanitarnykh nauk. 102–179.

Fokin, P. P. 2009. Okhota i rybolovstvo [Hunting and Fishing]. In *Chuvashi: istoriia i kul'tura* [The Chuvash People: History and Culture], ed. by V. P. Ivanov. Vol. 1. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo. 245–248.

Kirdan, B. P. (ed.). 1981. Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda [Oral and Poetic Creativity of the Mordovian People]. Vol. 7(3). *Kalendarno-obryadovye pesni i zagovory* [Calendar

and Ritual Songs and Incantations]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 304 p.

Kolmikov, V. I. 1998. *Zhizn' lesa: Ocherki* [Life of the Forest: Essays]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 254 p.

Kozlov, V. I. (ed.). 1981. *Mordva: Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Mordva: Historical and Ethnographic Sketches]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 334 p.

Luzgin, A. S., and V. I. Rogachev. 2005. *Osmyslenie traditsii ornamental'nykh motivov mordvy* [Comprehension of Traditions of Mordvin Ornamental Motifs]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 85 p.

Luzgin, A. S. 2016. *Narodnye promysly mordovskogo kraia. Vtoraia polovina XIX — nachalo XX v. (etnokul'turnye aspekty)* [Folk Crafts of the Mordovian Region. The Second Half of the 19th — the Beginning of the 20th Century (Ethno-Cultural Aspects)]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p.

Mokshin, N. F. 2002. *Material'naia kul'tura mordvy: Etnograficheskii spravochnik* [Material Culture of the Mordvians: Ethnographic Handbook]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 208 p.

Molotova, T. L. 2009. Transport traditsionnyi [Transport Traditional]. In *Entsiklopediia Respubliki Marii El* [Encyclopaedia of the Republic of Mari El], ed. by L. I. Markelov. Yoshkar-Ola: Izdatel'stvo Mariiskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii, Galereia. 761–762.

Nikitina, G. A. 1993. Khoziaistvo i zaniatiia [Economy and Occupation]. In *Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Udmurts: Historical and Ethnographic Sketches], ed. by V. V. Pimenov. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN. 53–103.

Poluboyarov, M. S. 1992. *Moksha, Sura i drugie… Materialy k istoriko-toponimicheskomu slovariu Penzenskoi oblasti* [Moksha, Sura and Others... Contents for the Historical and Toponymic Dictionary of the Penza Region]. Moscow. 197 p.

Shubin, I. A. 1927. *Volga i Volzhskoe sudokhodstvo* [The River Volga and Volga Shipping]. Moscow: Transpechat' NKPS. 908 p.

Skvortsov, M. I. (ed.). 1994. *Kul'tura Chuvashskogo kraia* [Culture of the Chuvash Region]. Textbook. Part 1. Cheboksari: Chuvashskoe kniznoe izdatel'stvo. 350 p.

Tuvin, A. S. 2004. Sudokhodstvo [Shipping]. In *Mordoviia: Entsiklopediia* [Mordovia: Encyclopedia], ed. by A. I. Sukharev. Vol. 2: M–Ya. Saransk: Nauchno-issledovatel'skii institut gumanitarnikh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. P. 376.

Vasina, T. A. 2012. Gornozavodskoe naselenie (konets XVIII — nachalo XX veka) [Highland Mining Population (late 18th — early 20th centuries)]. In *Udmurtskaia Respublika: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Udmurt Republic: Historical and Ethnographic Sketches], ed. by A. E. Zagrebin. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN. 131–138.

Volkova, M. S. 2004. Suriak [Suryak]. In *Mordoviia: Entsiklopediia* [Mordovia: Encyclopedia], ed. by A. I. Sukharev. Vol. 2: M–Ya. Saransk: Nauchno-issledovatel'skii institut gumanitarnikh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. 381.

Yamashkin, A. A. 2003. Moksha [Moksha]. In *Mordoviia: Entsiklopediia* [Mordovia: Encyclopedia], ed. by A. I. Sukharev. Vol. 2: M–Ya. Saransk: Nauchno-issledovatel'skii institut gumanitarnikh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. 556–557.

Yamashkin, A. A. 2003. Vad [Vad]. In *Mordoviia: Entsiklopediia* [Mordovia: Encyclopedia], ed. by A. I. Sukharev. Vol. 2: M–Ya. Saransk: Nauchno-issledovatel'skii institut gumanitarnikh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. 190.

Yamashkin, A. A. 2004. Sura [Sura]. In *Mordoviia: Entsiklopediia* [Mordovia: Encyclopedia], ed. by A. I. Sukharev. Vol. 2: M–Ya. Saransk: Nauchno-issledovatel'skii institut gumanitarnikh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia. 279.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/324-339
Научная статья

© У. В. Окимбеков

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ НЕМУСУЛЬМАНСКИХ ОБЩИН АФГАНИСТАНА XIX в.

На начало XIX в. население Афганистана по своему религиозному составу в подавляющем большинстве состояло из мусульман-суннитов, а также этно-конфессиональных групп, исповедовавших шиизм и представлявшихся как местным населением из числа хазарейцев, так и племенами джамшиды и кызыльбашев, туда переселенных разными правителями. Кроме них имелись и последователи доисламских верований, такие как кафиры — автохтонные народы, сохранившие древние религиозные обряды и традиции, но насильно обращенные в ислам афганскими властями в конце XIX в. Другие небольшие немусульманские общины, переселившиеся или переселенные в эти земли в разные периоды истории, состояли из армян, евреев и индусов. Под последними в источниках во многих случаях понимались все немусульмане выходцы из индийских земель. Несмотря на малую численность они играли важную роль в развитии афганской внутренней и внешней торговли. В отечественной литературе не проводилось комплексное исследование социально-политической и хозяйственной жизни афганских армян, евреев и индусов в XIX в. В настоящей статье предпринимается попытка показать главные причины переселения представителей этих общин в афганские города, проследить динамику их численности, выявить факторы, воздействовавшие на нее, определить их место в социально-политической и торговой жизни Афганистана XIX в., а также показать характер отношений к ним со стороны афганских властей и общества на протяжении указанного столетия.

Ключевые слова*: Афганистан, армяне, евреи, индусы, общество, церковь, синагога, торговля*

Ссылка при цитировании: *Окимбеков У. В.* Социально-экономическая жизнь немусульманских общин Афганистана XIX в. // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 324–339.

Окимбеков Убайд Вафобекович — к. э. н., старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН (Российская Федерация, 107031 Москва, ул. Рождественка 12). Эл. почта: ubayd@inbox.ru

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/324-339
Original Article

© *Ubayd Okimbekov*

SOCIAL AND ECONOMIC LIFE OF NON-MUSLIM COMMUNITIES IN AFGHANISTAN IN THE 19TH CENTURY

In the early 19th century, Afghanistan's population was predominantly composed of Sunni Muslims and various ethno-religious groups practising Shia Islam, including the local Hazara community and the Jamshida and Kyzylbash tribes, who were relocated to the region by different rulers. Additionally, there were adherents of pre-Islamic beliefs — indigenous peoples who maintained ancient religious practices and traditions but were forcibly converted to Islam by Afghan authorities in the late 19th century. Other small non-Muslim groups that migrated to these lands throughout history included Armenians, Jews, and Hindus, with the latter term often referring to all non-Muslim inhabitants from India. Despite their relatively small numbers, these communities played a significant role in developing Afghanistan's domestic and international trade. However, the social, political and economic conditions of Afghan Armenians, Jews, and Hindus during the 19th century have not received sufficient attention in Russian scientific literature. This paper aims to ascertain the main reasons for their migration to Afghan cities, to trace the historical shifts in their population numbers, to identify the factors that influenced these changes, to determine their role in the socio-political and commercial landscape of Afghanistan during this period, and to examine the attitudes of the Afghan government and society towards these groups during the 19th century.

Keywords*: Afghanistan, Armenians, Jews, Hindus, society, church, synagogue, trade*
Author Info: Okimbekov, Ubaid V. — Ph.D. in Economics, Senior Researcher, Center for Near and Middle East Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: ubayd@inbox.ru
For citation: Okimbekov, U. V. 2025. Social and Economic Life of Non-Muslim Communities in Afghanistan in the 19th Century. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 324–339.

Численность афганских армян, евреев и индусов в динамике

История немусульманских общин Афганистана насчитывает несколько сотен лет (*Куповецкий* 1992: 55–56; *Григорьев* 2017: 157–159). Их появление на афганской земле происходило по разным причинам, но в последние столетия оно во многом связывалось с становлением и развитием внутренней (на уровне городов и областей) и внешней (с соседними государствами) торговли, ставшей практически единственным для этих групп занятием в пределах Афганистана. Следовательно, местами компактного проживания армян, евреев и индусов были преимущественно Кабул, Кандагар, Герат, Хульм, Балх, Маймана, а также прочие средние и мелкие населенные пункты, обладавшие в разной степени и форме местными базарами. Если армяне и евреи встречались только в отдельных из перечисленных выше афганских городов, то индусы присутствовали почти везде, где хоть на каком-то уровне имела место торговля.

Относительно численности афганских армян, евреев и индусов в источниках имеется разного рода, порою противоречивая, информация. В силу отсутствия данных, для общей оценки ее динамики нами будут использованы сведения по основным городам и населенным пунктам, где имелись относительно большие группы или отдельные кварталы, принадлежавшие этим группам.

Армяне изначально жили преимущественно в афганской столице и по численности везде уступали двум другим рассматриваемым группам. В Кабул относительно большая община была переселена иранским правителем Надир-шахом Афшаром (1736–1747), а позже основателем афганской государственности Ахмад-шахом Дуррани (1747–1763) (*Forster* 1808 Vol. 2: 98–99), хотя первые представители этого народа в афганской столице появились еще раньше (*Борнс* 1848: 219–221; *Masson* 1844 Vol. 2: 274; *Seth* 1992: 207–208). Надир-шах Афшар переселил в этот город 200 семей или 500 человек (*Allen* 1843: 312–313; *Seth* 1992: 213), из которых, по одним сведениям, к 1830 гг. осталась небольшая группа из 21 человека (*Борнс* 1848: 219), по другим — 23 (4 мужчины и 19 женщин) (*Seth* 1992: 208), а к началу 40-х гг. XIX в. их насчитывалось 35 человек (*Allen* 1843: 313).

Вероятно, в последующие 10 лет среди них имела место миграция в другие государства, поскольку к началу 1850-х гг. сообщается об отъезде очередной семьи из Кабула, а численность оставшихся указывается в 12 человек (*Lee* 2002: 160). К середине 70-х гг. XIX в. наблюдается рост до 100 человек (*Mason* 1893: 16; *Kakar* 1971: 14; *Ромодин* 1990: 65), что, вполне возможно, отчасти произошло за счет высокого уровня рождаемости, отмеченного среди армян Кабула (*Forster* 1808 Vol. 2: 99). Так или иначе эти сведения показывают многократное сокращение их численности со времени массового переселения в Кабул иранским правителем.

Эпоха афганских армян завершается после восстания губернатора афганского Туркестана Исхак-хана (1888 г.), внука Дост Мухаммада, рожденного от брака его сына А’зам-хана с дочерью армянского купца из Кабула. В рамках организованных эмиром мероприятий по подавлению мятежа все родственники губернатора по линии матери были изгнаны из страны и, таким образом, к концу столетия в таких главных городах как Герат, Кабул и Мазари-Шариф их практически не осталось (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 59). Позже, обратно вернувшиеся из Пешавара 21 человек во главе с оружейным мастером, навсегда уехали в Калькутту. Эмир не только надеялся на их возвращение, но и попытался пригласить дополнительно 10–12 других армянских семей из числа специалистов разных профилей. В 1897 г. всех оставшихся из 18 человек (6 мужчин и 12 женщин), якобы по просьбе турецкого султана, эмир депортировал в Пешавар (*Seth* 1992: 208, 213–218; *Lee* 2002: 161).

Хотя средневековыми источниками сообщается о значительном числе евреев в перечисленных выше городах (*Aharon* 2011: 19–21), однако к началу XIX в. их оказалось в разы меньше. В зависимости от социально-политических и торгово-экономических условий отдельные афганские города и места в разные периоды истории могли стать центрами поселения евреев и индусов. На период между XVII–XVIII вв. приходится деловая активность и заметный рост численности, в первую очередь, евреев в Герате. Это, вероятно, происходило по двум главным причинам: во-первых, по мере роста значимости города в качестве торгового центра и узла, связывавшего караванные пути, во-вторых, из-за усиления давления на евреев со стороны сефевидских правителей в Иране. В этот период из иранского Исфахана в афганские города, главным образом Герат, Кабул и Майману переселялись как евреи, так и армяне (*Туманович* 1989: 69–70; *Aharon* 2011: 23).

Относительно их численности по городам имеются такие неполные сведения: Е. К. Мейендорф (начало 20-х гг. XIX в.) писал о 10 еврейских семьях в Герате (*Мейендорф* 1975: 95), однако по информации А. Конолли, побывавшего в Афганистане лет через 10, численность иудейских хозяйств составляла 40 семей (*Conolly* 1834 Vol. 2: 2–3, 34).

Динамика численности гератских евреев находилась в прямой зависимости от положения в соседнем Иране и от его внешней политики. Так, в результате начавшихся гонений против них в Мешхеде в 1839–1840 гг. число иудейских семей в Герате достигло 300 (или 1,5 тыс. человек), большую часть которых составляли беженцы (*Abbott* 1843: 40–41, 44; *Ferrier* 1857: 122–123; *Вамбери* 2003: 212; *Aharon* 2011: 23–24), а очередной поход Ирана в Герат в 1857 г. стал большой проблемой для представителей иудейской общины, которых обвинили в пособничестве гератскому правителю при обороне города. Часть евреев была увезена в Мешхед и только через два года получила возможность вернуться обратно (*Aharon* 2011: 24–25).

Немусульманские общины продолжили жить в Герате и после его окончательного подчинения центральной властью Кабула (1863 г.). К середине 80-х гг. XIX в. там проживало несколько сотен индусов, немного армян и евреев с собственными кварталами (*Yate* 1887: 140), в частности, 220 иудейских семей (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 59). Имеются еще и сведения А. Гамильтона, который без уточнения года пишет о 400 еврейских семьях, живших в этом городе (*Гамильтон* 1908: 22). Кроме того, наличие восьми синагог в Герате также свидетельствует о большом числе иудеев там (*Григорьев* 2017: 160).

В районах афганского севера на протяжении XIX в. численность евреев в целом осталась стабильной. По сведениям Е. К. Мейендорфа в Балхе имелось 30 (*Мейендорф* 1975: 95), а Макгрегора — 1 тыс. еврейских семей (*MacGregor* 1871: 193), что с учетом физического состояния города и общей численности его жителей вызывает сомнения, поскольку согласно В. Муркрофту все население Балха состояло из менее 1 тыс. семей с небольшим числом индусов и евреев (*Moorcroft, Trebeck* 1841 Vol. 2: 494).

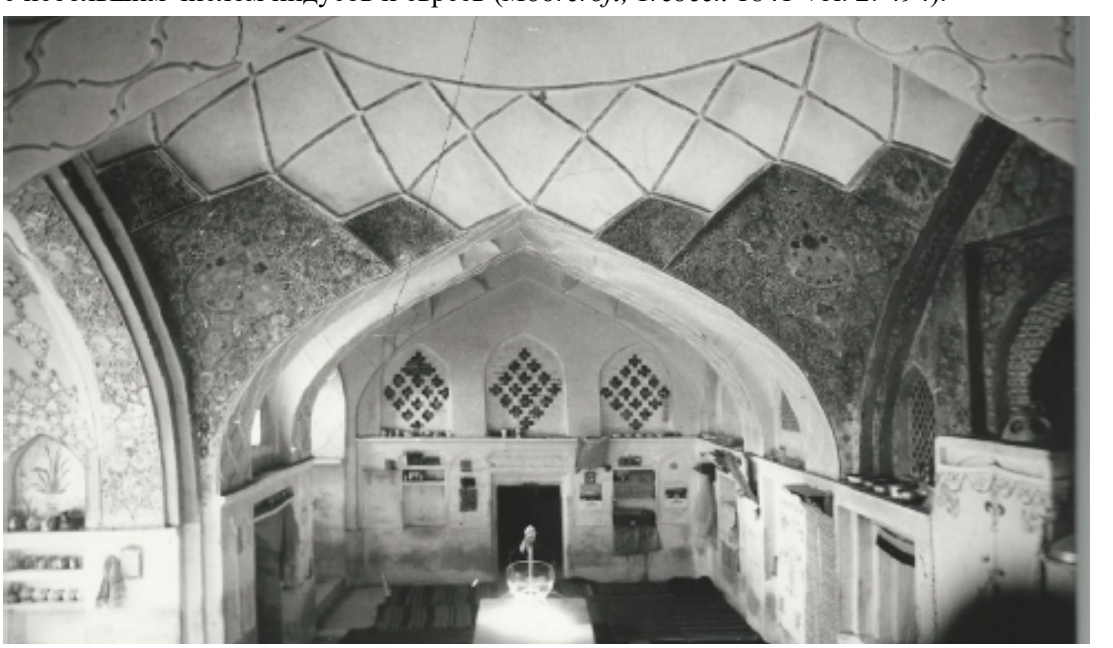

Рис. 1. Синагога муллы Иоава в Герате (годы строительства 1788–1808).
Источник: Lintz 2020b

К 60-м гг XIX в. в соседнем Маймане имелись 50 еврейских семей, пользовавшиеся наряду с другими жителями «равной свободой, и их нимало» не беспокоили «религиозные и национальные различия» (*Вамбери* 2003: 184–185; *MacGregor* 1871: 590), а к середине 80-х гг. все еще сохранился отдельный квартал евреев (*Yate* 1888: 255–256). К концу рассматриваемого столетия на севере и северо-западе евреи преимущественно встречались в таких городах как Балх, Герат, Мазари-Шариф, Маймана и Ташкурган (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 59).

В Кабуле евреев в целом было много, но к 30-м гг. XIX в. их численность наряду с армянами резко сократилась вследствие введения эмиром Дост Мухаммадом (с 1826 по 1834 гг. правитель Кабула, а в 1834–1840 и 1842–1863 гг. эмир Афганистана) запрета на производство алкоголя, служившего основным источником их доходов. За короткое время из нескольких сотен семей в городе остались только три (*Борнс* 1848: 220; *Борнс* 1849: 428), а к концу столетия в столице они вовсе не встречались. Возможно поэтому в отличие от других афганских городов кабульские евреи не обладали собственным кварталом и жили раздроблено, располагая только одной синагогой (*Григорьев* 2017: 160).

По некоторым оценкам «всего в XIX в. в Афганистане было более 60 еврейских общин, численностью около 45 тыс. человек» (*Григорьев* 2017: 160), что кажется сомнительным. Как видно из приведенных выше сведений путешественников, данный показатель был существенно ниже.

Индусов по численности в афганских городах было гораздо больше армян и евреев. Хотя по сведениям конца XVIII в. в Герате имелось 100 купцов-индусов (*Forster* 1808 Vol. 2: 151), к началу 30-х гг. сообщается об 1 тыс. индусов в этом городе (*Conolly* 1834 Vol. 2: 2–3, 34).

Кандагар — единственный среди крупных афганских городов, где не встречались армяне и евреи, но имелось относительно много индусов (*Ferrier* 1857: 493). По данным, относящимся к 50-м гг. рассматриваемого века, в городе насчитывалось 300 хозяйств индусов и 100 кашмирцев (*Lumsden* 1860: 189–190). К 80-м гг. XIX в. их число составило 5 тыс. человек (большинство из них было выходцами из Синда), что примерно равнялось 16% от общей численности населения города (31 тыс. человек) (*Elles* 1893: 16–17). Такое же соотношение имелось в г. Газни с 900 жилыми домами, из которых 150 принадлежали семьям индусов (*Broadfoot* 1885 Vol. 1: 353). Из расчета одной семьи на каждый дом их доля и там могла составить 16%.

Число индусов умеренно росло и в Кабуле. Согласно М. Лал, в 30-х гг. XIX в. их там проживало менее 2 тыс. человек (*Lal* 1846b: 74), а материалы незавершенной афганской переписи 1876 г. в отдельную группу выделяли индусов — 4 тыс. и кашмирцев — 3 тыс. (*Mason* 1893: 16; *Kakar* 1971: 14; *Ромодин* 1990: 65).

Отечественные источники рассматриваемого столетия оценивали общую численность афганских индусов в 300 тыс. человек. Как было выше подчеркнуто, индусы главным образом жили в городах, а совокупное число горожан Афганистана, по тем же сведениям, не превышало 270 тыс. (ВСС 1868: 44–45). Поэтому, на наш взгляд более близкими к реальности являются оценочные данные переписи 1876 г., согласно которым к середине 70-х гг. XIX в. всего индусов в Афганистане насчитывалось 35 тыс., а кашмирцев — 3 тыс. человек (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 55).

Таким образом, сведения по отдельным населенным пунктам показывают, что на протяжении XIX в. произошел относительный рост численности афганских индусов и был он напрямую связан с расширением и ростом объемов торговли Афганистана. Индусы главным образом находились в центральных, южных и восточных областях и связывалось это

с развитием торговли с Индией. Стабильность, в общем и целом, имела место и в отношении евреев, но отличалась тем, что баланс их численности главным образом держался на переселенцах из Ирана, хотя по отдельным городам наблюдались сильные сокращения. Относительно армян можно лишь сказать, что их численность постепенно сокращалась, а мятеж Исхак-хана окончательно положил конец их истории в Афганистане.

Социально-политическая жизнь немусульманских общин Афганистана

Одни источники сообщают о перманентном давлении со стороны властей на немусульман в Афганистане, другие — говорят об имевшейся всесторонней свободе в разных подконтрольных афганским правителям городах. В Кабуле по сообщениям Г. Форстера, например, «христиане, индусы и евреи открыто исповедовали свою веру и без притеснений занимались своими делами» (*Forster* 1808 Vol. 2: 57, 77). А. Конолли, наоборот, говорит о наличии продолжавшихся притеснений и унижений в отношении евреев и индусов, ставшие причиной значительного сокращения их численности (*Conolly* 1834 Vol. 2: 2–3, 34).

Следует отметить, что материальный прессинг властей ощущался практически всем без исключения населением, в частности, хазарейцами и таджиками (*Окимбеков* 2021), поэтому сразу отметим, что источником повышенного внимания властей к рассматриваемым нами группам прежде всего служили полученные сверхдоходы от занятия торговлей, а религиозное отличие местами служило лишь поводом для усиления давления. Хотя на уровне общества к немусульманам отношение было негативное, правителям удавалось в достаточной степени обеспечивать их безопасность и жизнедеятельность. Иными словами, их судьба и положение полностью зависела от настроения и отношения находившихся у власти правителей. В связи с этим им удавалось найти возможность жить и заниматься торговлей в афганских городах, а отдельным лицам из числа индусов подняться на высокие должности при дворах правителей. Немусульмане обладали достаточным материальным состоянием, но, на практике, в окружении коренного населения и из-за страха перед служащими властных структур им приходилось формально демонстрировать простоту, в частности, и в плане ношения одежды (*Ferrier* 1858: 320).

Купцы-иноверцы состояли из двух групп: местных и приезжих. В первую входила часть, жившая на постоянной основе со своими семьями в афганских городах и располагавшая собственностью в виде частных домов и торговых лавок (*Forster* 1808 Vol. 2: 151–152; *Conolly* 1834 Vol. 2: 36), а во вторую — индивиды, десятилетиями занимавшиеся торговлей и ростовщичеством (главным образом, из числа индусов) (*Ferrier* 1858: 453–454).

Единственным преимуществом для немусульман в Афганистане можно назвать освобождение от воинской повинности (*Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 59), однако на них распространялся дополнительный налог — джизья[1]. Поскольку формы и методы взимания всех видов налогов, поборов и пошлин, как и собственно с мусульманского населения, определялись хаотично, то для иноверцев проблема заключалась не столько в их уплате и размерах ставок, сколько в процессе оформления и получения подтверждающего документа (*Adamec* 1979 Vol. 4: 445; *Ferrier* 1857: 141; *Leech* 1839: 30). Уклоняться от налогов, в отличие от пуштунов было сложно, поэтому местами внеш-

[1] Джизья — в мусульманских странах подушная подать с иноверцев в качестве выкупа за обеспечение защиты и безопасности жизни и имущества. Она не распространялась на женщин, стариков, инвалидов, нищих, рабов, а также воевавших в рядах мусульманской армии христиан.

нее сходство с мусульманами и способности владения местными языками, например, помогли евреям и армянам замаскировываться и сливаться с коренным населением, а индусам периодически понадобилось искать всевозможные комбинации для минимизации материальных и моральных затрат (*Conolly* 1834 Vol. 2: 180–181). Поэтому, как мужчины, так и женщины, чтобы не отличаться, одевались в стиле окружающего мусульманского большинства (*Lintz* 2020a).

Купцы в целом испытывали материальное давление при всех правителях, что было связанно с перманентной нехваткой средств в казне, однако серьезной, в частности, для индусов, ситуация стала после получения Дост Мухаммад-ханом титула «эмира» (1834 г.), давшего ему статус духовного предводителя и позволившего принимать соответствующие решения (фетва) в обход представителей духовенства. В частности, эмир поручил требовать с иноверцев дополнительные налоговые суммы, что и было сделано в предельно жесткой форме. Исключением никто не стал, поскольку, завершая кампанию против индусов, власти взялись за мусульманскую часть купцов (*Lal* 1846a Vol. 1: 170–171).

Правители, обладавшие информацией о доходах немусульман, по разным поводам заставляли их организовать сборы средств. В Джелалабаде местных индусов, например, обязывали по праздникам подносить губернатору небольшой по стоимости подарок, который со временем превратился в отдельный вид налога под названием *идана* (досл. праздничный) (*MacGregor* 1871: 410). В целом, официальное и неофициальное налоговое бремя одинаково ощущалось всеми иноверцами, но ставки в разные годы варьировались в зависимости от территорий, личности правителя или материального состояния объекта налогообложения (*Lumsden* 1860: 95; *MacGregor* 1871: 409, 558; *Adamec* 1979 Vol. 4: 259). Серьезные изменения происходили при Абдуррахман-хане, когда повсеместно были официально повышены ставки на джизью. Для индусов вначале вводилась прогрессивная шкала в соответствии с их доходами, а затем каждый взрослый, за исключением инвалидов, пожилых и, предположительно, женщин, должен был платить 16% от своего годового дохода (*Kakar* 1979: 85).

Ставки для иноверцев были выше и по другим распространенным сборам, таким как плата за совершение обряда бракосочетания, которая и так не имела единого стандартного размера, но при союзе мусульманина с индуской, могла вырасти многократно (*Adamec* 1985 Vol. 6: 291). Возможно, такими мерами клерикале старались ограничивать межконфессиональные браки, против которых выступали и сами немусульмане Афганистана. Об этом свидетельствуют конкретные примеры и факты более известным среди которых является отношение армянского купца из Кабула (дед вышеназванного Исхак-хана), противившийся в 1847 г. браку своей дочери с сыном эмира Дост Мухаммада — А’зам-ханом. Для этого он обратился к английскому агенту в Пешаваре за содействием, но брак в итоге состоялся (Journals 1911: 378, 380, 528, 537).

Изолированность общественно-политической жизни афганских регионов в частности и страны в целом снизила спрос на элементарную грамотность, а существовавшая система государственного управления, ограничившаяся небольшим набором расходов и не заботившаяся о вопросе развития, остро не ощущала нужду в образованных кадрах. Эти обстоятельства открыли двери возможностей отдельным немусульманам, в первую очередь индусам, назначаться на высокие посты при дворах правителей, выполнять дела государственной важности, особенно, связанные с денежными операциями, заниматься работой налогового аппарата. В качестве таковых обычно выступали крупные купцы, тесно сотрудничавшие с местными правителями.

Их услугами пользовались не только правители центральной власти, но и независимых и полунезависимых княжеств. При дворе правителя Кундуза Мурад-бега (1815–1842) крупный торговец-индус Диван Атма Рама занимал пост деван-беги (министра). Наряду с контролем торговых операций он ведал задачами, связанными с внешними сношениями (*Masson* 1844 Vol 2: 318–319). На особом счету индусы были и у правителя Герата Яр Мухаммада (1842–1851 гг.), высоко оценившего их вклад в развитие местной экономики и всячески старавшийся обеспечить их безопасность (*Ferrier* 1857: 453–454). При Абдуррахман-хане индусы нанимались на работу в местные казначейства (*Мартин* 1910: 196), а Диван Нирандж Дасс, крупный землевладелец, обладавший большими домами и садами в Кабуле, занимал у эмира должность начальника бюро доходов (сардафтари вучух) (*Катиб* 1915: 1070; *Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din* 1910: 60).

Купцы помимо своего непосредственного занятия предоставляли денежные авансы, решали иные, связанные с куплей-продажей вопросы, внося вклад в развитии торговли афганских городов не только качеством поставляемых товаров, но и наличием практического опыта, знаниями. Служба при дворе в свою очередь иногда давала возможность содействовать улучшению непростого положения соплеменников, пользоваться относительно большей свободой и защитой. Но, в общем и целом, даже несмотря на это их права и безопасность полностью никогда не обеспечивались (*Forster* 1808 Vol. 2: 82–83, 151).

Служащие из числа индусов приносили пользу казне, поскольку предельно тщательно изучали доходы населения и формировали максимально выгодные налоговые ставки, разрабатывали эффективные механизмы сбора податей и таможенных пошлин (*Катиб* 1915: 1070, 1172–1173, 1204, 1223). Они часто сотрудничали с местным населением, привлекая их к той работе, которую сами не всегда были в состоянии выполнять. В сфере транзита товаров, например, в качестве торговых агентов ими эффективно использовалась услуга уважаемых среди афганского общества сейидов (потомков пророка) (*Ferrier* 1858: 320–321), а в Герате откупщики-индусы работу по сбору налоговых средств поручали пуштунам (*Ferrier* 1857: 275).

Евреи напрямую к важным правительственным работам не привлекались, однако могли выполнять важные функции, связанные с деятельностью или в личных интересах представителей королевской семьи (*Катиб* 1915: 579). Гератские евреи при Яр Мухаммаде пользовались большой свободой, что привлекало туда их соплеменников из Мешхеда. Хорошие отношения местного правителя с одной стороны и сравнительно тяжелое положение в Иране с другой, вынуждали их при возникновении угрозы оккупации города прямо или косвенно содействовать местным властям. Во время осады Герата персидской армией в 1837–1838 гг. еврейские купцы при посредничестве английского агента Поттинджера предоставили гератскому правителю денежный аванс (*Катиб* 1915: 131). Поэтому, вполне возможно, что в 1857 г. (см. выше) они, если не прямо, то, по крайней мере косвенно, принимали участие в борьбе против иранских войск, поскольку у переселившихся из Ирана евреев был политический мотив оказывать содействие правителю Герата в этом противостоянии.

Армяне, изначально, также, как и две другие, в Афганистане занимались торговлей. Надир-шах Афшар непосредственно в этих целях переселил в Кабул целые семьи, но при Ахмад-шахе Дуррани они были вовлечены исключительно в военные дела, сопровождая в качестве личной гвардии афганского правителя во время военных походов. Ситуация менялась при Тимур-шахе (1772–1793 гг.), который после непродолжительной службы далее отказался от услуг около 100 оставшихся в живых армян, что самым

негативным образом сказывалось на их материальном положении (*Forster* 1808 Vol. 2: 98–99; *Lee* 2002: 158). Они и в дальнейшем продолжили пользоваться уважением со стороны мусульман в афганской столице. Так, Ч. Массон, сравнивая жизнь немусульман Кабула, писал, что отношение к нескольким жившим в столице еврейским семьям было в целом хорошее и, особенно чувствовалась атмосфера толерантности, но они ни коим образом не могли соревноваться с армянами (*Masson* 1844 Vol. 2: 246–247).

Это отмечалось и другим английским агентом А. Бернсом, побывавшим в те же годы в Афганистане. По его наблюдениям, армяне обладали значительной свободой в плане исправления религиозных церемоний и обрядов, в частности, в рассчитанной на 100 прихожан церкви (*Борнс* 1848: 220), в которой имелась небольшая икона с изображением Святой семьи, алтарь с подсвечниками, два маленьких креста и два экземпляра Святых Евангелий, небольшая карманная Библия на английском, столик с книгой ежедневных молитв, а также том Евангелии на армянском языке. Однако, отсутствие священника не позволяло им на протяжении 13 лет вести служение и только с появлением англичан при первой англо-афганской войне удалось провести обряд крещения (*Allen* 1843: 312, 315–316).

Серьезный материальный и моральный ущерб армянам нанесла карательная операция английских войск осени 1879 г., когда англичане в рамках тотального разрушения Кабула наряду с частными помещениями, принадлежавшими армянам, полностью уничтожили и здание единственной церкви. Многие обедневшие семьи после назначения Исхак-хана губернатором Туркестана просили у эмира Абдуррахман-хана разрешение на переезд в Мазари-Шариф, где к тому времени было больше армян, чем в Кабуле (*Lee* 2002: 160–161). Возможно, разрушение церкви стало другой серьезной причиной окончательного их ухода из Афганистана, поскольку в 40-х гг. XIX в. армяне на вопрос английского офицера о том почему, находясь под постоянным давлением, те продолжают жить в Кабуле, ответили: «Как мы можем оставлять нашу церковь?» (*Allen* 1843: 316).

История армян в Афганистане, как уже отмечалось, завершилась после возникших политических обстоятельств, связанных с восстанием Исхак-хана (1888 г.), которого эмир после мятежа обвинил в сношениях с Россией, называя «армянской слугой России» (*Kakar* 2006: 103). Следует отметить, что английский эмиссар, побывавший в те годы на афганском севере, также подчеркнул факт наличия симпатий у губернатора к России, сказав, что он «красивый мужчина с очень неафганским лицом, несомненно, благодаря тому, что его мать была армянской христианкой» (*Elias* 1886: 89).

Эмир традиционно жестко обращался с родственниками и близкими тех, кто прямо или косвенно имел отношение к хищениям имущества, налоговых средств или принимал участие в восстаниях. Поэтому в числе преследуемых и наказанных оказались не только армяне, имевшие прямые родственные связи с губернатором, но и представители всех остальных народов (*Катиб* 1915: 625). В частности, афганские власти периодически арестовывали и мусульман по обвинению в шпионаже в пользу того или иного иностранного государства. Хотя при Абдуррахман-хане многих обвиняли по сфабрикованным делам, все же не исключено, что среди рассматриваемых групп находились и работавшие на соседние или дальние страны лица. Имели место случаи ареста евреев по подозрению в шпионаже в пользу России и Ирана *(Катиб* 1915: 467).

Возможно, по этим причинам местные власти в 80-х гг. XIX в. начали строго отслеживать процесс оформления афганскими евреями удостоверений личности и в этих целях приказом губернатора Герата от находившихся в Мерве торговцев-евреев требова-

лось в течении двух месяцев вернуться обратно, что вызвало панику среди них. Власти в случае невыполнения указа грозили конфисковать имущество и выдворять членов их семей за пределы страны *(Катиб* 1915: 554).

Социально-политическое положение афганских армян, евреев и индусов на протяжении рассматриваемого столетия носило переменчивый характер и в целом двинулось в сторону ухудшения. Хотя жестокость властей одинаково имела место и в отношении коренного населения, тем не менее, в силу своего материального положения, а местами этно-конфессионального отличия иноверцы оставались более уязвимыми. Отношение общества к немусульманским купцам в определенной степени зависело от политики правителей, нуждавшихся в услугах последних. В этой связи, свобода вероисповедания и открытие в афганских городах культовых сооружений для практики веры — не результат толерантности местных властей, а скорее показатель значимости самих иноверцев для торговой и финансовой жизни афганских городов.

Место и роль немусульманских общин в торгово-экономической жизни Афганистана

Торговля — единственное, что могло в XVIII–XIX вв. привлекать армян, евреев и индусов в афганские города. Переезд тех же иранских евреев в поисках более безопасной жизни в Афганистан происходил с учетом наличия возможностей заняться торговлей. Наряду с получением сверхприбылей они вместе с немногочисленными местными купцами вносили вклад и в общее социокультурное развитие городов, поскольку служили окном во внешний мир, источником информации, поставщиками на внутренний рынок новых образцов товаров европейской мануфактуры.

В начале XIX в. из числа коренных жителей наряду с индусами и евреями операциями по купле-продаже товаров занимались преимущественно таджики. Пуштуны в городах редко вовлекались в систему торговли и в большинстве своем состояли из должностных лиц, воинов, мулл, а также наемных рабочих из числа беднейших слоев населения (*Elphinstone* 1842 Vol. 1: 333; *Moorcroft, Trebeck* 1841 Vol. 2: 413).

В северных владениях узбеки подобно пуштунам мало интересовались торговлей, что предоставляло возможность индусам и евреям пополнять возникший пробел (*Moorcroft, Trebeck* 1841 Vol. 2: 450–451). В отдельных местностях и городах, причем и крупных, они выступали единственными представителями, монополистами торговых и денежных операций. Местами под полный контроль взяли и рынок продовольственных товаров, который обеспечивался за счет продукции внутреннего производителя. Так, в середине 50-х гг. XIX в., в следствие распространения слухов о скором прибытии в Кандагар английской армии и возможным началом новой войны, торговцы-индусы ограничили поставки продовольствия на городской рынок и создали искусственный дефицит с целью последующей продажи продуктов по более высокой цене (*Lal* 1846b: 283; *Bellew* 1862: 187, 228–229). В 1880-х гг. в Кабуле в их руках была «сосредоточена почти вся торговля драгоценными камнями и ювелирными изделиями», поскольку купцы-индусы, пользуясь возникшими условиями продовольственного кризиса, по предельно заниженной цене покупали их у горожан, вынужденных продать свои драгоценности (*Мартин* 1910: 196).

Небольшой по масштабам афганский рынок также заставлял купцов конкурировать между собой. В конце XVIII в. армяне занимали маленькую нишу в торговой сфере Афганистана, однако «они с бесконечной ловкостью управляли индусом, магометанином и

даже евреем, расой, к которой они по религиозным принципам» относились с отвращением, однако «главной причиной их ненависти» являлась «коммерческая конкуренция» (*Forster* 1808 Vol. 2: 108–109, 130–131).

Армяне, евреи и индусы сохраняли за собой большую часть международной торговли Афганистана в целом, и многих афганских городов, в частности, контролировали крупные торговые операции на внутреннем рынке, включая далекие к северу от Кабула районы (*Туманович* 1989: 69). Больше остальных в этом преспевали индусы, которые превратив г. Хульм (на севере Афганистана) в перевалочный пункт, контролировали товаропоток между Кабулом и Бухарой. Весь товарооборот Кундуза с Яркендом в первой половине XIX в. находился под контролем того же Атмы Рамы, установившего монополию над обменом товарами как в Кундузе, так и с запредельными территориями.

Торговля в Кандагаре также находилась в руках индусов и только местами представлялась мусульманами из Шикарпура (Синд), а также таджиками. Индусы могли выступать в качестве агентов торговых фирм Шикарпура, контролировать валютные операции и сделки, связанные с продажей овечьей шерсти (*Lumsden* 1860: 99). В Герате подобно Кундузу и некоторым другим местам, правитель Яр Мухаммад привлекал их к работам по сбору всех видов налогов и податей. Купцы-евреи в этом городе, действительно, имели относительно стабильное положение, однако и там торговля, особенно с Индией, контролировалась индусами, которые имели «очень скромный внешний вид», но были «чрезвычайно богаты» и пользовались «большим уважением» (*Ferrier* 1857: 453–454).

Необходимость скрывать свое материальное состояние в условиях Афганистана, особенно для иноверцев, была подчеркнуто и другими авторами. Относительно кабульских армян один из английских эмиссаров писал следующее: «Они сказали, что много терпели от афганцев и часто подвергались тяжелым поборам. Богаты они или нет, сказать невозможно … Но мужчина и женщина, которых я видел, были хорошо одеты. Если они богаты, а я думаю, что так и есть, с их стороны было бы крайне неразумно как-то это выставлять на показ» (*Allen* 1843: 313).

Гератские евреи, в свою очередь, наряду с соплеменниками из Мешхеда стали важными игроками в торговых отношениях между Средней Азией, Афганистаном и Ираном. Причиной роста их миграции к концу XIX в. в Закаспийскую область, прежде всего, стали чисто торговые и экономические интересы, а не социально-политические условия Афганистана. Пользу евреев для сферы торговли оценили и власти царской России, намеревавшиеся сначала депортировать их за пределы подконтрольных территорий, но затем с учетом вышеуказанных обстоятельств отменившие свое решение (*Куповецкий* 1992: 57).

Хотя после второй англо-афганской войны материальное давление со стороны властей начало одинаково возрастать и на местных купцов, тем не менее иноверцы, в частности, индусы, оставались более уязвимыми и угнетенными (*Ferrier* 1857: 321–322). При Абдуррахман-хане власть посредством повышения налоговых ставок и введения дополнительных поборов начала сильно давить на всех купцов и в результате, многие, причем не только индусы, но и афганцы, перенесли свой капитал на территорию соседних государств (*Kakar* 1979: 204–205). Однако, ситуация для немусульман стало в двойне сложной, поскольку эмир положил начало политике постепенного вытеснения иностранного торгового капитала из Афганистана (*Босин* 2002: 111).

Афганским купцам в какой-то мере было сложно составлять конкуренцию индусам и евреям, поэтому ситуация требовала вмешательство властей. К концу столетия

Абдуррахман-хан начал поощрять афганцев все больше вовлекаться во внешнюю и внутреннюю торговлю. В частности, в этих целях местным купцам предоставлялись беспроцентные ссуды за счет государственной казны (Автобиография 1901 Т. 1: 96–97).

Другим направлением, куда особенно активно проникали индусы, была система откупа. Они выступали в качестве откупщиков торговых коридоров, целых районов, таможенных и транзитных сборов, в частности, на караванных путях между Бухарой и Кабулом (*Lord* 1839: 112). Этим они усиливали материальную нагрузку на торговцев и земледельцев, что, возможно стало одной из причин негативного отношения к ним.

Отсутствие элементарной грамоты у местного населения, как уже было отмечено, в совокупности с ограничениями, введенными нормами ислама в денежно-кредитной сфере, а именно запрета на предоставление ссуды под проценты, стали факторами, позволившими иноверцам контролировать ростовщические операции. Ссуды выдавались, в частности, и властям, совершались операции с векселями для осуществления расчетов в разных городах и странах (*Abbott* 1843: 39, 44, 47–48).

Для представителей немусульманских общин, прежде всего армян и евреев, другим занятием в Афганистане было производство алкогольных напитков в целях продажи. Отметим, что афганские власти, за некоторым исключением, не запрещали им употреблять алкогольные напитки, главным образом в Кабуле и Герате. Большой отток армян и евреев в следствие введенного Дост Мухаммадом запрета на производства вина свидетельствует о прибыльности этой отрасли. В дальнейшем, по мере изменения ситуации они продолжили получать доход от продажи спиртных напитков (*Allen* 1843: 313; *Yate* 1887: 140).

Таким образом, торговля осталась главным занятием для немусульманских общин Афганистана, однако местами, благодаря наличию знаний, им удавалось проникнуть и в систему государственной власти, по поручению правителей выполнять другие виды работы, связанные с налогами и доходами казны. Замкнутая и изолированная от внешнего мира хозяйственная жизнь и ограниченный масштаб внутреннего рынка дали им возможность получать сверхприбыли и в ряде случаев монополизировать внешнюю и внутреннюю торговлю. С другой стороны, этно-конфессиональная общность со многими внешними поставщиками и наличие более развитых навыков в сфере купли-продажи позволили немусульманам более эффективно организовывать поставки товаров на афганский рынок. Афганские власти на всех участников рынка смотрели через призму материальных интересов, поскольку тяжелую нагрузку на себя ощущали и земледельцы, состоявшие исключительно из местного мусульманского населения. Поэтому религиозное отличие иноверцев служил лишь дополнительным поводом для взыскания с них еще больше средств.

Заключение

Столетиями находясь и работая в Афганистане, армяне, евреи и индусы в сообществе мусульманского большинства всегда старались жить автономно, в собственных кварталах. В афганские города их привлекала исключительно купля-продажа товаров, которую местами они взяли под полный контроль. Низкий уровень интереса к торговле у местного населения, а также тотальная безграмотность создали возможность немусульманским общинам заполнять исключительно свободные в местной экономике и общественной жизни ниши. Предоставление ростовщических ссуд, а также производство и продажа спиртных напитков, чем мусульманам формально запрещалось заниматься, но на что имелся в стране спрос, являются самыми яркими тому примерами. Принятие

на службу при дворах правителей, прежде всего индусов, происходило параллельно и было связано с наличием навыков и знаний, которыми те обладали. Торговля, приносившая сверхприбыли, являлась главным, если не единственным фактором, привлекавшим и державшим эти общины в Афганистане и, в то же время, ставшим причиной их постепенного вытеснения из страны.

Их численность на протяжении XIX в. подверглась сильному колебанию вследствие социально-экономического давления властей, выступавших с одной стороны гарантами защиты этих общин, с другой — основными угнетателями. Число индусов в отдельных городах, особенно в крупных, показывало заметный рост, а количество евреев стабильно находилось примерно в пределах одного и того же уровня за счет их постоянного притока из Ирана. Армян также к концу века осталось примерно столько сколько в начале, но политическая ситуация, созданная Исхак-ханом, кардинально изменила для них ситуацию.

Свободное пространство для занятия торговлей иноверцам со стороны афганских властей предоставлялось постольку поскольку они могли демонстрировать полезность, но по мере появления грамотных лиц среди местного населения они теряли свою значимость. Чем сильнее укреплялась структура афганской центральной власти, тем больше повышалась вероятность вытеснения немусульман из национальной торговой сферы. История афганских армян завершилась с уходом XIX в. вследствие чисто политических событий, а численность евреев и индусов продолжила сокращаться в XX в. в процессе более усиленного их вытеснения из афганской торговой сферы.

Источники

Автобиография 1901 — Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана / пер. с англ. М. Грулева. СПб., 1902. В 2-х т. Т. I. СПб: В. Березовский, 1901. 388 с.

Борнс 1848 — *Борнс А.* Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества / пер. с англ. Г. Мина. М.: Университетская типография, 1848. 502 с.

Борнс 1849 — *Борнс А.* Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию, предпринятом по предписанию высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-Индской компанейской службы, Александром Борнсом, членом Королевского общества / пер. с англ. Г. Мина. М.: Университетская типография, 1849. 644 с.

Вамбери 2003 — *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М.: Восточная литература, (1874) 2003. 319 с.

ВСС 1868 — Военно-статистический сборник. Вып. III: Персия, Афганистан, Белуджистан, Средне-Азиятския владения, Китай, Япония, Северо-Американские Соединенные штаты, Мексика, Бразилия и республики Средней и Южной Америки / Сост., общ. ред. Н. Н. Обручев. СПб.: Военная типография, 1868. 338 с.

Гамильтон 1908 — *Гамильтон А.* Афганистан / пер. с англ. С. П. Голубинова. СПб.: В. Березовский, 1908. 334 с.

Катиб 1915 — *Кати, Файз Мухаммад*. Сирадж ат-таварих. Кабул: Матба'а-е дар-ул-салтана, 1331–33 г.х. (1915). 1240 с. (на языке дари).

Мартин 1910 — *Мартин А. Ф.* 8 лет при дворе неограниченного монарха / пер. с англ. Л. В. Омелянович. Ташкент: Коммерческая типография Я. П. Эдельмана, 1910. 252 с.

Мейендорф 1975 — *Мейендорф Е. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. Центральная Азия в

источниках и материалах XIX — начала XX века. М.: Наука, (1826) 1975. 181 с.

Abbott 1843 — *Abbott J.* Narrative of a Journey from Heraut to Khiva, Moscow, and St. Petersburgh, During the Late Russian Invasion of Khiva, with Some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. Vol. I. London: W. H. Allen and co, 1843. 393 p.

Adamec 1979 — *Adamec L. W.* Mazar-i-Sharif and North-Central Afghanistan // Historical and Political Gazetteer of Afghanistan. Vol. IV. Akademische Druck-u. Verlagsanstalt, Graz–Austria, 1979. 691 p.

Adamec 1985 — *Adamec L. W.* (ed.) Kabul and Southeastern Afghanistan // Historical and Political Gazetteer of Afghanistan Vol. VI. Akademische Druck-u. Verlagsanstalt Graz–Austria, 1985. 847 p.

Allen 1843 — *Allen I. N.* Diary of a March Through Sinde and Afghanistan, with the Troops Under the Command of General Sir William Nott and Sermons Delivered on Various Occasions During the Campaign of 1842. London: Hatchard, 1843. 468 p.

Bellew 1862 — *Bellew H. W.* Journal of a Political Mission to Afghanistan, in 1857, under Major (now Colonel) Lumsden; with an Account of the Country and People. London: Smith, Elder and co., 1862. 480 p.

Broadfoot 1885 — *Broadfoot J. S.* Reports on Parts of the Ghilzi Country and on Some of the Tribes in the Neighbourhood of Ghazni; and on the Route from Ghazni to Dera Ismail Khan by the Ghwalari Pass. Royal Geographical Society, Supplementary Papers. Vol. I. Pt. 3. London: J. Murray, 1885. 400 p.

Conolly 1834 — *Conolly A.* Journey to the North of India: Overland from England, Through Russia, Persia, and Affghaunistaun. Vol. II. London: R. Bentley, 1834. 440 p.

Elias 1886 — *Elias N.* Report on a Mission to Chinese Turkistan and Badakhshan in 1885-86. Calcutta: Printed by the Government Printing, 1886. 114 p.

Elles 1893 — *Elles E. R.* The Military Geography of Afghanistan. Part V: Farah and Kandahar. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1893. 31 p.

Elphinstone 1842 — *Elphinstone M.* An Account of the Kingdom of Caubul, and its Dependencies, in Persia, Tartary, and India (1842). Vol. I. London: R. Bentley, 1842. 440 p.

Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din 1910 — *Fakir Saiyid Iftikhar-ud-Din.* Final Report on Afghanistan. British Agent at Kabul (1907–1910). Simla: Government Monotype Press, 1910. 72 p.

Ferrier 1857 — *Ferrier J. P.* Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan; with Historical Notices of the Countries Lying Between Russia and India. London: J. Murray, 1857. 534 p.

Ferrier 1858 — *Ferrier J. P.* History of the Afghans. London: J. Murray, 1858. 491 p.

Forster 1808 — *Forster G.* Journey from Bengal to England: Through the Northern Part of India, Kashmire, Afghanistan, and Persia, and into Russia, by the Caspian-Sea, Vol. II. London: R. Faulder, 1808. 334 p.

Journals 1911 — Journals and Diaries of the Assistants to the Agent, Governor-General North-West Frontier and Resident at Lahore 1846–1849. Allahabad: Pioneer Press, 1911. 584 p.

Lal 1846a — *Lal M.* Life of the Amir Dost Mohammed Khan of Kabul: With His Political Proceedings Towards the English, Russian, and Persian Governments, Including the Victory and Disasters of the British Army in Afghanistan. Vol. I. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1846a. 399 p.

Lal 1846b — *Lal M.* Travels in the Punjab, Afghanistan and Turkistan: To Balk, Bokhara, and Herat; and a Visit to Great Britain and Germany. London: Wm. H. Allen & Co., 1846. 528 p.

Leech 1839 — *Leech R.* Description of the Passes over the Hindoo Coosh Range of Mountains, from the Koh Daman of Cabool (To Accompany the Survey). № VII // Report and Papers. Political, Geographycal and Commercial. Submitted to Government. Calcutta, G. H. Huttmann, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 29–43.

Lintz 2020a — *Lintz U.-Ch.* The Jewish Community of Herat, Afghanistan // Museo-on. June 6th, 2020. [Электронный ресурс]. http://www.museo-on.com/go/museoon/home/projekte/jewishcemetery_heratafghanistan.xhtml (дата обращения: 14.12.2024).

Lintz 2020b — *Lintz U.-Ch.* The Synagogues of Herat, Afghanistan // Museo-on. June 6th, 2020. [Электронный ресурс]. http://www.museo-on.com/go/museoon/home/projekte/synagogues_heratafghanistan.xhtml (дата обращения: 14.12.2024).

Lord 1839 — *Lord P. B.* A Memoir on the Uzbek State of Kundooz, and the Power of its Present Ruler

Mahomed Murad Beg. № XII // Report and Papers. Political, Geographycal and Commercial. Submitted to Government. Calcutta, G. H. Huttmann, Bengal Military Orphan Press, 1839. P. 96–124.

Lumsden 1860 — *Lumsden H. B.* The Mission to Kandahar: with Appendices. With Supplementary Report of the Expedition into Upper Meeránzye and Kourrum in 1856. Calcutta, 1860. 282 p.

MacGregor 1871 — *MacGregor C. M*. Central Asia. Part II: A Contribution Towards the Better Knowledge of the Topography, Ethnology, Resources, & History of Afghānistān: Compiled (for Political and Military Reference) by C. M. MacGregor. Calcutta: Office of the Superintendent of Government Printing, 1871. 870 p.

Mason 1893 — *Mason A. H*. The Military Geography of Afghanistan. Part IV. Kabul. Simla, Government Central Printing Office, 1893. 30 p.

Masson 1844 — *Masson Ch*. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan, the Panjab, & Kalât, During a Residence in those Countries: to Which is Added an Account of the Insurrection at Kalat, and a Memoir on Eastern Balochistan. Vol. II. London: R. Bentley, 1844. 464 p.

Moorcroft, Trebeck 1841 — *Moorcroft W., Trebeck G.* Travels in the Himalayan Provinces of Hindustan and the Panjab, in Ladakh and Kashmir, in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara. Vol. II. London: J. Murray, 1841. 459 p.

Seth 1992 — *Seth M. J*. Armenians in India (From the Earliest Times to the Present Day a Work of Original Research), New Dehli, 1992. 683 p.

Yate 1887 — *Yate A. C*. England and Russia Face to Face in Asia; Travels with the Afghan Boundary Commission. Edinburgh and London: W. Blackwood, 1887. 481 p.

Yate 1888 — *Yate C. E.* Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. Edinburgh and London: W. Blackwood, 1888. 430 p.

Научная литература

Босин Ю. В. Афганистан: Полиэтническое общество и государственная власть в историческом контексте. М.: Издательство «Гуманитарий»; Академия гуманитарных исследований, 2002. 232 с.

Григорьев С. Е. Евреи Афганистана // Евреи Европы и Ближнего Востока: наследие и его ретрансляция. История, языки, литература, культура: Материалы международной научной конференции памяти Э. Брамсон-Альпернене 23 апреля 2017 г. / Отв. ред. М. О. Мельцин. СПб.: Петербургский институт иудаики, 2017. С. 157–163.

Куповецкий М. С. Евреи из Мешхеда и Герата в Средней Азии // Этнографическое обозрение. 1992. № 5. С. 54–64.

Окимбеков У. В. Налоги и налоговая политика Афганистана в первой половине XIX в. (на примере аграрного сектора)» // Мусульманский Ближний и Средний восток: современные процессы, история и историография / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. М.: ИВРАН, 2021. С. 450–475.

Ромодин В. А. Афганистан во второй половине XIX — начале XX в. (Официальная история и историография). М.: Наука, 1990. 141 с.

Туманович Н. Н. Герат в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1989. 287 с.

Aharon S. Y. From Kabul to Queens: The Jews of Afghanistan and Their Move to the United States. New York: American Sephardi Federation: Decalogue Books, 2011. 178 p.

Kakar M. H. A Political and Diplomatic History of Afghanistan, 1863–1901. Boston–Leiden: Brill, 2006. 259 p.

Kakar M. H. Afghanistan: A Study in International Political Developments, 1880–1896. Lahore: Punjab Education Press, 1971. 318 p.

Kakar M. H. Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir ‘Abd al-Rahman Khan. Austin and London: University of Texas Press, 1979. 328 p.

Lee J. L. The Armenians of Kabul and Afghanistan // Cairo to Kabul: Afghan and Islamic Studies Presented to Ralph Pinder-Wilson / ed. by W. Ball and L. Harrow. London, 2002. P. 157–162.

References

Aharon, S. Y. 2011. *From Kabul to Queens: The Jews of Afghanistan and Their Move to the United States*. New York: American Sephardi Federation: Decalogue Books. 178 p.

Bosin, Yu. V. 2002. *Afganistan: Polietnicheskoe obshchestvo i gosudarstvennaia vlast' v istoricheskom kontekste* [Afghanistan: Multi-Ethnic Society and State Power in Historical Context]. Moscow: Izdatel'stvo "Gumanitarii", Akademiia gumanitarnykh issledovanii. 232 p.

Grigoriev, S. E. 2017. Evrei Afganistana [Jews of Afghanistan]. In *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: nasledie i ego retransliatsiia. Istoriia, yazyki, literatura, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamiati E. Bramson-Al'pernene (23 aprelia 2017)* [Jews of Europe and the Middle East: Heritage and its Retransmission. History, Languages, Literature, Culture: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of E. Bramson-Alpernen (April 23, 2017)], ed. by M. O. Mel'tsin. Saint Petersburg: Peterburgskii institut iudaiki. 157–163.

Kakar, M. H. 2006. *A Political and Diplomatic History of Afghanistan, 1863–1901*. Boston–Leiden: Brill. 259 p.

Kakar, M. H. 1971. *Afghanistan: A Study in International Political Developments, 1880–1896*. Lahore: Punjab Education Press. 318 p.

Kakar, M. H. 1979. *Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan*. Austin and London: University of Texas Press. 328 p.

Kupovetskii, M. S. 1992. Evrei iz Meshkheda i Gerata v Srednei Azii [Jews from Mashhad and Herat in Central Asia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 54–64.

Lee, J. L. 2002. The Armenians of Kabul and Afghanistan. In *Cairo to Kabul: Afghan and Islamic Studies presented to Ralph Pinder-Wilson*, ed. by W. Ball and L. Harrow. London. 157–162.

Okimbekov, U. V. 2021. Nalogi i nalogovaia politika Afganistana v pervoi polovine XIX v. (na primere agrarnogo sektora) [Taxes and Tax Policy of Afghanistan in the First Half of the 19th Century (on the Example of the Agricultural Sector)]. In *Musul'manskii Blizhnii i Srednii vostok: sovremennye protsessy, istoriia i istoriografiia* [The Muslim Near and Middle East: Modern Processes, History and Historiography], ed. by V. Ya. Belokrenitskii, N. M. Mamedova, N. Yu. Ul'chenko. Moscow: Institut vostokovedeniia Rossiiskoi akademii nauk. 450–475.

Romodin, V. A. 1990. *Afganistan vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (Ofitsial'naia istoriia i istoriografiia)* [Afghanistan in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. (Official History and Historiography)]. Moscow: Nauka. 141 p.

Tumanovich, N. N. 1989. *Gerat v XVI–XVIII vekakh* [Herat in the 16th–18th Centuries]. Moscow: Nauka. 287 p.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/340-357
Научная статья

© А. Ю. Москвитина (Сиим)

ЗАНЗИБАРСКАЯ ПРИНЦЕССА И АНТРОПОЛОГИЯ РОДСТВА И ГЕНДЕРА

Настоящая статья посвящена анализу и истории изданий книги «Мемуары арабской принцессы» Эмили Рюте, урожденной Салме бинт Саид аль Бу-Саид (1844–1924), дочери султана-имама Омана и Занзибара Сеййида Саида. Это произведение, впервые опубликованное по-немецки в 1886 г., стало первой в истории автобиографической книгой, написанной арабской женщиной. В его дискуссионном тексте, помимо этнографически ценных материалов о социально-политической жизни, положении женщин в мусульманском обществе, в традиционной арабо-суахилийской семье, специфике родства и правилах наследования на Занзибаре, подробно сформулирован и подвержен критике концепт априорной предвзятости Запада в восприятии, интерпретации и исследовании Востока, который впоследствии получил название «ориентализм». Текст книги представляет собой типичное описание культуры и систем родства с позиции субъектов колониальных единиц (native point of view), в связи с чем личность автора и содержание ее работ впоследствии неоднократно актуализировались и подвергались переоценке.

Ключевые слова: *Салме бинт Саид аль Бу-Саид, Эмили Рюте, Занзибар, ориентализм, антропология родства, гендерные исследования*
Ссылка при цитировании: *Москвитина (Сиим) А. Ю.* Занзибарская принцесса и антропология родства и гендера // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 340–357.

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/340-357
Original Article

© Anna Moskvitina (Siim)

PRINCESS OF ZANZIBAR AND ANTHROPOLOGY OF KINSHIP AND GENDER

The article focuses on the analysis and publication history of "Memoirs of an Arabian Princess" by Emily Ruete, born Salme bint Said Al-BuSaid (1844–1924), the daughter of the Sultan-Imam of Oman and Zanzibar, Sayyid Said. Published in Germany in 1886, the work was the first autobiographical research ever written by an Arab Muslim wom-

Москвитина (Сиим) Анна Юрьевна — к. филолог. н., старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Российская Федерация, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 3). Эл. почта: anna.siim@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7298-297X

an. Besides ethnographically valuable insights and discourse on social sctructures and the position of women in Arab-Muslim societies, traditional Arab-Swahili family, kinship system and inheritance rules in Zanzibar, the author suggested and criticized the concept of Western bias in the perception and interpretation of the East, which later was labeled "orientalism." The book provided a typical description of the culture and kinship systems 'from the native's point of view", which led to some critical attitude to the author of the book and her literary contribution in the post-colonial period.

Keywords*: Salme bint Said Al-BuSaid, Emily Ruete, Zanzibar, anthropology of kinship, gender studies*

Author Info: **Moskvitina (Siim), Anna Yu**. — Ph.D. in Philology, Senior Researcher, Peter the Great museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: anna.siim@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-7298-297X

For citation: Moskvitina (Siim), A. Yu. 2025. Princess of Zanzibar and Anthropology of Kinship and Gender. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 340–357.

Уникальные сведения из первоисточника о традиционной арабо-суахилийской семье, специфике родства и правилах наследования на Занзибаре были представлены в Европе в сенсационном дискуссионном тексте «Мемуары арабской принцессы», опубликованном на немецком языке в 1886 г. Этот первый в истории автобиографический роман, написанный арабской женщиной и мусульманкой, принадлежит перу Эмили Рюте (1844–1924), урожденной Салме бинт Саид аль Бу-Саид, дочери султана-имама Занзибара и Омана Саида и черкесской наложницы Джилфидан. Информация о специфике родственных связей в арабо-суахилийском мире представлена в преломлении личной судьбы и семейных обстоятельств автора — рождение и детство в султанском гареме, непосредственное участие в борьбе своих единокровных братьев за власть в султанате, побег с Занзибара с немецким торговым агентом во избежание преследований за нелегитимную связь с европейцем, смена имени, религии и цивилизационной парадигмы, замужество и создание собственной семьи нуклеарного типа в Европе, внутренняя пожизненная ностальгическая приверженность арабо-мусульманским правовым нормам и семейным ценностям. Подробное и достоверное описание брачных отношений, гаремной иерархии официальных жен и рабынь-наложниц *сурий*, переходящих после рождения детей в статус *умм-валад* («мать ребенка»), и связанными с этими перспективами наследования власти, титулов и имущества, феномена узаконенной в исламе полигамии представлено в параллели с субъективно-оценочными характеристиками родства и семьи в европейском понимании, тем самым представляя собой тонкий сравнительный анализ включенного наблюдателя.

Сеййида Салме (разговорная форма имени Салама) была младшей из тридцати шести детей султана Омана и Занзибара Саида бин Султана; все они родились от рабынь-наложниц, матерью Салме была черкешенка Джилфидан. После смерти султана и матери она получила наследство, в юном возрасте участвовала в организации дворцового переворота, в ходе которого ее единокровный брат Сеййид Баргаш пытался свергнуть другого единокровного брата Маджида, после чего оказалась в опале. В 1865 г. состоялось знакомство Салме с германским подданным, гамбургским коммерсантом Генрихом Рюте, в результате связи с которым она забеременела. Опасаясь расправы со стороны

семьи, в 1866 г. Салме совершила тайное бегство в Аден, где родила первенца, умершего через несколько месяцев, а в 1867 г. была крещена в лютеранство под именем Эмили и сочеталась браком с Г. Рюте. Пара уехала в Германию и поселилась в Гамбурге, где у них родились трое детей. После трагической гибели супруга в 1870 г., в 1872 г. вдова получила немецкое подданство. Переезжая из города в город, занимаясь частным преподаванием арабского языка и единолично воспитывая детей, названных двойными немецко-арабскими именами, она смогла дать им классическое европейское образование и обучить своим родным языкам — арабскому и суахили. Будучи лишенной на Занзибаре титула дочери султана за вероотступничество, Салме, тем не менее, рассчитывала на получение долей наследства умерших родственников соответственно мусульманскому наследственному праву. Правительство Германии предлагало ей помощь и протекцию за участие в роли посредника при переговорах с целью расширения сфер влияния в Восточной Африке. Накануне колониальной «схватки за Африку» Салме-Эмили получала предложения о сотрудничестве от Министерства иностранных дел Великобритании в обмен на восстановление в правах на Занзибаре и возможность занятия султанского трона ее сыном Рудольфом-Саидом. Однако визит в Лондон и спланированные Германией поездки на Занзибар в 1885 и 1888 г. оказались непродуктивными, и правительства Германии и Великобритании потеряли к ней интерес. Изданная в 1886 г. книга ее мемуаров была с интересом принята читательской аудиторией, но не возымела ожидавшегося общественно-политического резонанса: состоявшись как неординарный автор, она не смогла заявить о себе как о политическом субъекте, полноправном члене султанской семьи. С 1888 по 1914 г. Салме-Эмили проживала на Ближнем Востоке (Яффо, Иерусалим, Бейрут), где была переводчицей с арабского языка в дипломатических представительствах. Последние годы жизни Салме-Эмили провела в Йене в семье дочери и после смерти была похоронена в Гамбурге на фамильном участке семьи супруга.

Ее драматичная биография, двойная жизнь и изменчивая идентичность на фоне хитросплетений и противоречий колониальной истории неоднократно вызывала интерес исследователей и поэтому хорошо описана в разных контекстах (*Damen* 2009: 231–236; *Donzel, van* 1993: 1–134; *Wijk, van der* 2017: 183–205 и др.). Однако, лучшим биографом Сеййиды Салме остается она сама, красноречивым подтверждением чему является динамика прижизненных и посмертных изданий ее работ в разных странах на разных языках.

Впервые книга Салме бинт Саид, дочери султана-имама Омана и Занзибара вышла в 1886 г. в Берлине в издании Фридриха Лукхардта (Verlag von Friedrich Luckhardt) в двух томах под названием «Мемуары арабской принцессы» (“Memoiren einer Arabischer Prinzessin”) (Memoiren 1886). В дорогостоящем изящно оформленном издании текст напечатан готическим шрифтом, на титульном развороте размещена фотография автора в традиционном оманском костюме и украшениях, под названием произведения — вставка с ее подписью арабской вязью, похожей по композиции на тугры занзибарских султанов, سالمة سعيد سلطان Салма Са`ид Султан, а реальное христианское имя и титул сочинительницы — Эмили Рюте, урожденная принцесса Омана и Занзибара — появляется лишь в конце предисловия. В 1888 г. книга вышла дважды уже по-английски, в переводе писателя Л. Стрейчи: в лондонском издательстве Ward and Downey (Memoirs 1988а) и в нью-йоркском D. Appleton and Company (Memoirs 1988б). Американское издание по внешнему виду и оформлению выглядело проще и дешевле британского и было нелицензированным аналогом последнего (*Roy* 2015: 9). Тем не менее, в каждом из них имя автора указано на титульном развороте после названия — Memoirs of an

Arabian Princess. An Autobiography by Emily Ruete, née Princess of Oman and Zanzibar («Мемуары арабской принцессы. Автобиография Эмили Рюте, урожденной принцессы Омана и Занзибара). Характерный показатель того, как авторский дебют был принят публикой, — восторженный отзыв на книгу с настоятельной рекомендацией к прочтению в женском журнале Women's World Оскара Уайльда. Рецензент, не нуждающийся в представлении, пишет о форме и содержании сочинения так: «Никто из интересующихся положением женщин в восточном обществе, не должен пройти мимо этих прекрасно написанных мемуаров. Сама принцесса — женщина высокой культуры, и рассказ о ее жизни познавателен как история и увлекателен как художественная литература» (*Wilde* 1908: 305). Кроме статьи О. Уайльда, вышло более десятка анонсов и других положительных рецензий на книгу на английском, немецком и французском языках. Спустя недолгое время, еще при жизни Салме в 1905 г. вышел французский перевод книги в парижском издательстве Dujarric et Cie, Editeurs (*Ruete* 1905), а в 1907 г. ее снова выпустили в Нью-Йорке в издательстве Doubleday, Page and Company (Memoirs 1907). В этой последней версии текст английского перевода 1888 г. был сокращен, адаптирован и несколько переструктурирован: каждая глава начиналась с подробного списка ключевых тем (отсутствующего в оригинале), многие подробности, имена персонажей и транслитерированные арабские названия занзибарских реалий оказались изъяты; помимо фотографий автора в восточном и европейском платье, издание дополнено иллюстративной вкладкой с «колониальными» фотографиями обитательниц восточных гаремов. Сегодня все перечисленные книги уже являются библиографическими редкостями; но сами тексты оригинала и переводов регулярно переиздаются в недорогих версиях. Их часто можно увидеть в продаже в книжных и туристических магазинах на Занзибаре, самой знаменитой в мире уроженкой которого вошла в историю Салме-Эмили. Ее эффектные образы, особенно кадры из известной серии сделанных в Германии постановочных фотографий в оманском костюме, заметны повсеместно в историческом центре города, в основных музеях в султанских дворцах Бейт-аль-Аджайб (Нацональный музей Занзибара) и Бейт-ас-Сахель (Народный музей-дворец) ей были посвящены важные части постоянных экспозиций, также популярен среди местных жителей и туристов частный «Музей принцессы Салме». Недавно ее занзибарские адреса (восемь объектов) были объединены в экскурсионный маршрут «Променад принцессы Салме» и отмечены вывесками с фотографиями и экспликациями, и такого внимания не был удостоен ни один знаменитый исторический персонаж занзибарского происхождения.

В 1993 г. вышла четвертая англоязычная версия мемуаров. В престижном научном издательстве E. J. Brill под редакцией выдающегося востоковеда и директора Нидерландского института Ближнего Востока в Лейдене Э. Й. ван Донзела книга воспоминаний была опубликована с научным предисловием и комментарием вместе с перепиской Сейййды Салме и другими ранее не издававшимися ее очерками культурологического характера (*Donzel van* 1993). Это, уже академическое издание «Сейййда Салме / Эмили Рюте. Арабская принцесса между двумя мирами: мемуары, письма на родину, продолжение мемуаров, очерк о сирийских обычаях и традициях», не только преподнесло литературное наследие автора как важный исторический документ, но и представило многогранный исторический и психологический портрет. Такая подача была важна, так как всем предыдущим изданиям была присуща некоторая экзотизация как содержания текста, так и личности автора. Все они были оформлены в колониальном стиле, на обложках помещались, например, изображения несуществующих пейзажей с тропическими

зарослями и похожими на миражи башнями — в духе тогдашней моды на загадочный Восток с пальмами и одалисками. При этом содержание мемуаров очевидно шло вразрез с такими шаблонными ориентальными образами. В работе над этим академическим вариантом были задействованы материалы библиотеки и архива Салме-Эмили и ее наследника Рудольфа-Саида, переданные им в Лейденский Восточный институт (Oosterse Institut), основанный к 70-летию крупнейшего нидерландского востоковеда и исламоведа Х. Снука-Хюргронье, связанного многолетней дружбой с Сейййидой Салме и ее семьей (*Damen* 2009: 235; *Donzel van* 1993: 5–7). История их отношений весьма характерна и свидетельствует о том, что занзибарская принцесса была вхожа не только в круг политическо-дипломатических элит Европы, но и в научно-востоковедческое сообщество. И если люди из первого круга взаимодействовали с ней и даже оказывали ей протекцию с целью вовлечения ее в колониальные политические проекты, то Снук-Хюргронье несомненно проявлял интерес и симпатию к ее личности. У дочери султана-имама Омана и Занзибара, интегрированной в европейское общество как христианка Эмили Рюте и ведущего европейского исламоведа Христиана Снука-Хюргронье, принявшего ислам под именем Абд-аль-Гаффар и дважды женившегося на дочерях представителей мусульманской знати в Индонезии, несомненно было немало точек соприкосновения и паритет статусов. Их знакомство состоялось в Берлине, где преподававшая арабский язык Салме-Эмили приходила на лекции Снука-Хюргронье о его пребывании в Мекке; сохранилась их обширная дружеская переписка за более чем тридцать лет. Любопытно, что старшая дочь Снука-Хюргронье от первого брака в Индонезии была названа Салма Эма (*Koningsveld* 2015: 101). Вероятно, это не случайно.

В 1995 г. мемуары вышли в Нидерландах на голландском языке (*Ruete* 1995). В самой же Германии сборник писем «Briefe nach der Heimat» («Письма на Родину») был издан в 1999 г. в редакции и с научным предисловием и послесловием историка и бывшего посла ФРГ в Танзании Х. Шнеппена (*Ruete* 1999). Спецификой научного издания обладала и издававшаяся в 1989 г. и 2010 г. новая орфографически модернизированная и сокращенная немецкая редакция мемуаров с измененным названием и откорректированным именем автора — Эмили Рюте, урожденная Салме, принцесса Омана и Занзибара «Жизнь в султанском дворце. Мемуары 19-го века» (Emily Ruete, geborene Prinzessin Salme von Oman und Sansibar «Leben im Sultanspalast. Memoiren aus dem 19. Jahrhundert») (*Ruete* 1989). Редактор и автор послесловия, немецкая этнолог-арабист А. Ниппа, справедливо подчеркивает, что мемуары стоит рассматривать как богатый источник этнографической информации и что по стилю и языку изложения они тяготеют к этнографическому описанию, а не к беллетристике (*Nippa* 1989: 280).

На родной для Салме-Эмили арабский язык книга была впервые переведена в Омане в 1985 г. по инициативе Министерства наследия и культуры из интереса к знаменитой за пределами арабского мира представительнице правящей династии Аль Бу-Саид, которую впоследствии стали позиционировать как родоначальницу женской литературы Омана (хотя фактически она ни разу не бывала в этой стране). Muḏakkirāt amīra ʿarabiyya («Воспоминания арабской принцессы») (مذكرات 1985) — это выборочный и произвольный перевод сокращенного англоязычного издания 1907 г. (*Donzel* 1993: 2–3; *Wijk van der* 2017: 199–200). В 2002 г. с таким же названием появился полный арабский перевод с немецкого оригинала, выполненный С. Салих, в дальнейшем он несколько раз переиздавался, однако все тиражи этого улучшенного арабоязычного перевода вышли в издательствах Германии (مذكرات 2002); в 2016 г.

в немецком издательстве Al-Kamel опубликовали в арабском переводе З. аль-Хина'и письма Салме-Эмили "Rasa'il ila-l-watan" («Письма на родину») (رسائل 2016).

Мемуары доступны и в русской версии: в 2011 г. в московском издательстве «Центрполиграф» они вышли под названием «Принцесса Занзибара. Женщины при дворе султана Сеида Саида» в переводе И. Петровской (*Руэте* 2011). Это простое недорогое издание в черной обложке, с которой выразительно смотрят женские глаза через прорезь в никабе, и удачным переводом сокращенной англоязычной версии мемуаров 1907 г., судя по характерным купюрам в тексте. Ненаучный формат издания (книга являлась частью популярной серии о восточных женщинах) не подразумевал выверения исторических и этнографических реалий, поэтому в нем есть некоторое количество фактических погрешностей, и даже имя автора написано в чисто буквенной передаче, а потому неточно — *Эмилия Руэте*. Также стоит упомянуть изданный в 2014 г. русский перевод романа немецкой писательницы Н. Фоссерер «Звезды над Занзибаром» ("Sterne uber Sansibar", 2010, в переводе А. Ченгери), где Салме-Эмили (Салима) является главной героиней, а в основе сюжета — романтическая история ее запретной любви с германским подданным (*Vosserer* 2010; *Фоссерер* 2014); Н. Фоссерер специализируется на женских романах, действие которых переносится в колониальную эпоху и экзотические страны. В контексте того, как книга мемуаров оказалась представлена в нашей стране, стоит отметить, что в самих мемуарах Эмили-Салме есть упоминания российской действительности того времени, например, «круглые, как шар, купола русских православных церквей» и «тиранию должно осуждать, кто бы ни был ее жертвой — бедный негр или цивилизованный белый труженик на сибирском руднике». Здесь стоит сказать и о курьезной версии российского происхождения принцессы по материнской линии: это связано с некорректной территориальной атрибуцией черкесов как жителей «юга России» в аннотации на посвященной Салме части экспозиции в главном музее Занзибара во дворце Бейт-уль-Аджайб (там сообщается, что мать принцессы, Джилфидан, была наложницей-черкешенкой и родилась на юге России). Хотя это следствие очевидной и нелепой контаминации значений слова «черкес», примечательно, что такое могло прийти в голову писавшему текст музейному сотруднику и что это могло увидеть, некритично прочитать и запомнить немалое число посетителей музея (*Сиим (Москвитина)* 2019: 261–262). В настоящее время, здания Национального музея Занзибара и Народного дворцового музея в здании бывшего султанского дворца Бейт-ус-Сахель находятся на реставрации, и часть экспозиции перенесена в помещения одного из пригородных дворцов Каср-ус-Са`ада в Кибвени: там мне неоднократно доводилось слышать от сотрудников музея уже устно озвученные рассказы о русском происхождении Салме.

В приложении к статье представлен мой перевод «Положения женщины на Востоке» ("Stellung der Frau im Orient"), шестнадцатой главы первого тома берлинского издания 1886 г. В сегодняшнем восприятии, факт публикации издания первого литературного сочинения арабской женщины-автора на немецком языке готическим шрифтом придает ему особенный характер в культурной конфигурации той эпохи. Конечно, именно в оригинале лучше всего виден язык и стиль повествования. Сейчас такой стиль прочитывается как несколько устаревший, а манера изложения воспринимается как характерная для образованных людей и интеллектуалов того времени. В целом, нарратив на всем своем протяжении выдержан в несколько усложненных и тяжеловесных грамматических конструкциях, длинных — порой на целую страницу — предложениях с многочисленными инверсиями и синтаксическими оборотами. Это заметно, в первую

очередь, в аналитических главах, к каким относится «Положение женщин на Востоке». В более описательных главах, где собраны детские и юношеские воспоминания о матери, отце, многочисленных любимых и нелюбимых единокровных братьях и сестрах и их матерях-наложницах, язык несколько проще, а стиль более эмоционален, “plain and unaffected”, как справедливо охарактеризовал его Оскар Уайльд. Главы, посвященные описанию мусульманских обычаев и всевозможных сфер социальной жизни и быта на Занзибаре, скрупулезны в деталях, их текст плотный, предельно насыщен фактами и сравним по уровню глубины с основательными немецкими трудами того времени по этнографии. Автор часто осуществляет переходы от бытописания к пространным обобщениям, внутренней полемике между восточным и западным сознанием и восприятием, взвешенно аргументирует свои выводы, сравнивая арабо-мусульманскую и европейскую парадигмы (оппозиция «магометанский Восток» / «цивилизованная христианская Европа», причем слово «цивилизованная» неизменно возникает как ироничная метафора). Так, необходимость объяснить сложные по определению феномены обусловливает сложность организации собственно текста. Салме-Эмили, интуитивно формулирует концепт о непреодолимой предвзятости западного человека в формировании ложных стереотипов о Востоке, выдаваемых за систему знаний — именно такую европейскую идею-симулякр Востока впоследствии назовут «ориентализм». Также она описывает механизмы фиксации западного восприятия на определенных феноменах восточной жизни, которые расцениваются как вопиющие проявления отсталости и неполноценности, и необходимость искоренить их становится поводом для культурной и политической колонизации Востока. Такими феноменами неизменно становятся традиция женского покрывания, символизирующая в глазах европейцев угнетенное положение женщин, и легитимизация исламом института рабовладения. И здесь подробная аналитическая оправдательная интерпретация автором этих неоднозначных реалий особенно важна, так как ее озвучивает не просто носитель восточной культуры, а женщина, сама дочь рабыни-наложницы, к тому же изгой и нарушительница религиозного закона (уже ставшая персоной нон грата за участие в дворцовом перевороте, дочь султана за связь с немусульманином и тайное бегство с ним из страны была объявлена в розыск и в случае возвращения на Занзибар была бы подвергнута наказанию вплоть до смертной казни). В отдельной главе-рассуждении «Рабство» («Versklavung») Салме-Эмили проводит уникальный для своего времени сравнительный анализ атлантической работорговли, американско-бразильского типа рабовладения и арабской работорговли и рабовладения, выявляя их качественные различия, при этом осуждая с гуманистической позиции любое рабство как таковое. Подобные проблемы в настоящее время чрезвычайно актуальны в социальной науке сегодня в рамках таких дисциплин, как антропология рабства и антропология гендера; тем удивительнее то, что эти вопросы были остро поставлены полтора столетия назад в автобиографической книге занзибарской принцессы. Поэтому в качестве иллюстрации я считаю необходимым привести перевод целой главы мемуаров Салме-Эмили.

В заключение стоит сказать, что восточная женщина Сеййида Салме Бинт Саид оставила по себе столь долгую память на Занзибаре и в европейских странах благодаря своей книге. В мемуарах представлены портреты харизматичных единокровных сестер Салме, прекрасных молодых женщин, ярких и деятельных представительниц арабской элиты. Хотя вся их жизнь прошла на Занзибаре, сегодня там их вспоминают гораздо реже, чем их младшую сестру, которая рассказала о них в своих воспоминаниях. Иные предста-

вители занзибарской ветви династии Аль Бу-Саид, среди которых были два правивших султана, в колониальное время волею судеб, как и Салме, оказались в Европе. Так, восьмой султан Сеййид Али бин Хамуд (1902–1911) после девяти лет правления отказался от престола и отправился в политическое убежище во Францию, прожил остаток жизни в Париже и был похоронен на кладбище Пер-Лашез; последний султан Сеййид Джамшид бин Абдулла (1963–1964), при котором Занзибарский султанат получил независимость в декабре 1963 г., после свержения монархии в ходе Занзибарской Революции перебрался в Великобританию, где прожил больше пятидесяти лет, после чего уехал в Оман, где скончался 30 декабря 2024 г. в возрасте девяноста пяти лет. В отличие от Салме-Эмили, их биографии изучают лишь историки- специалисты. Сама принцесса, несмотря на свою неординарную судьбу на родине и в Германии и яркую дипломатическую карьеру на Ближнем Востоке во второй половине жизни, вряд ли бы стала столь почитаемой исторической персоной на Занзибаре и в Германии и вряд ли бы ей были посвящены значительные экспозиционные пространства в музеях, если бы не заявила о себе и своих взглядах в собственной книге, ставшей достаточно сенсационной уже в момент издания и обретшей долгую и благоприятную жизнь даже после смерти своей создательницы. Подтверждением этому представляется и недавний курьезный случай, когда книга, наоборот, в некотором смысле навредила репутации Салме-Эмили. В 2019 г. именем Эмили Рюте назвали площадь в Гамбурге (Emily-Ruete-Platz). Однако два года спустя решением муниципального совета площадь официально лишили названия и позже переименовали по требованию инициативной группы местных жителей, которые, заинтересовавшись личностью Рюте, прочли мемуары «восточной аристократки» и обнаружили в них апологию рабства и пренебрежительные и в современном понимании расистские высказывания о чернокожих невольниках на плантациях Занзибара.

Приложение

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ НА ВОСТОКЕ[1]

Перед тем, как продолжить рассказ о моем собственном опыте, мне бы хотелось добавить несколько глав, затрагивающих разные области восточной жизни. Я не хочу давать подробное описание всех нравов и обычаев; я стремлюсь не писать научную книгу, а лишь попробовать дать европейскому читателю правильное понимание наиболее важных воззрений и обычаев Востока. Частности будут интересовать меня в меньшей степени; тем не менее, не хотелось бы опускать их, так как по крайней мере некоторые из них могут стоить внимания.

Сейчас я перехожу к важнейшему из этих вопросов — положению женщины на Востоке. Мне достаточно трудно обсуждать эту тему. Я уверена, что меня, как уроженку Востока, сочтут пристрастной, и мне так и не удастся искоренить неверные и превратные мнения, которые господствуют в Европе и особенно в Германии, о положении арабской женщины по отношению к мужу. Несмотря на упрощение связей с ним, Восток еще во многом является старинной сказочной страной и о нем можно безнаказанно рассказывать все, что угодно. Путешественник (турист) едет на несколько недель в Константинополь, в Сирию, Египет, Тунис или Марокко и затем пишет толстую книгу

[1] *Ruete E.* Stellung der Frau im Orient // Memoiren einer Arabischer Prinzessin. Berlin: Verlag von Friedrich Luckhardt, 1886 (пер. с нем. Москвитина (Сиим) А. Ю.).

о жизни, нравах и обычаях на Востоке. Он способен заметить лишь некоторые внешние вещи, но никогда не увидит во всей глубине настоящую семейную жизнь. И он довольствуется переходящими из уст в уста и потому все более и более искаженными историями, которые он услышал от официанта — француза либо немца — в гостинице, от матросов или погонщиков ослов, записал и делает выводы по ним! И многое другое тоже нельзя узнать подобным образом; но он просто подключает фантазию и дополняет ею все, сколько его душе угодно. Если его книга написана занятно и интересно, то ее, конечно же, будут читать больше, чем правдивые и предлагающие меньше пикантных подробностей книги, и тогда побеждает мнение большинства.

Примерно так же вышло и у меня: я тоже долгое время оценивала многое в Европе лишь с внешней стороны. Когда я поначалу видела в здешнем обществе сияющие от счастья лица, то конечно, уверилась в том, что отношения между мужчиной и женщиной в Европе устроены гораздо лучше и поэтому браки должны быть намного счастливее, чем на мусульманском Востоке. Однако потом мои дети подросли и более не нуждались в моем постоянном надзоре и заботе, я стала теснее общаться с миром и все больше понимала, что прежде неверно оценивала людей и их отношения и пребывала в большом заблуждении. Я наблюдала некоторые отношения, называемые браком, которые в самом деле, казалось, служили одной лишь цели, — обречь обоих связанных этими узами ужаснейшим мучениям в этом мире. Я видела достаточно несчастливых браков, чтобы разувериться в том, что христианский брак намного более совершенен и делает людей гораздо счастливее, нежели магометанский. По моему убеждению, ни религия, ни действующие обычаи и взгляды не делают брак изначально счастливым либо несчастливым; каким он будет, прежде всего, зависит от истинного взаимопонимания между супругами. Там, где оно есть, будет преобладать и счастье, и мир, выстроится та внутренняя гармония, которая только и превращает брак в настоящий союз.

Наученная этим опытом, я намерена выносить меньше суждений и постараться в дальнейшем рассказать о положении женщины на Востоке, а именно в браке. Мне известно доподлинно положение дел на Занзибаре и в примерно так же — в Омане. В арабском мире и среди арабов мусульманские обычаи сохраняются в чистом виде, и у других народов Востока они полагаются в основу, поэтому в своем описании я берусь говорить обо всем мусульманском Востоке, конечно, опуская искажения и изменения, образовавшиеся в результате тесного взаимодействия с христианским Западом.

Прежде всего, неверно полагать, что на Востоке женщина уважаема обществом меньше мужчины. Равная по положению женщина, — купленные наложницы (*сарари*[1]), разумеются, исключаются из этого ряда, — равна мужчине во всех смыслах и сохраняет свой статус и положенные в соответствии с ним права и достоинства во всей полноте.

В чем арабская женщина может показаться беспомощной и в известной степени наделенной меньшими правами, так это в том, что она живет в затворничестве. Этот обычай существует у всех магометанских (а также у многих немагометанских) народов Востока, и чем к более высокому классу женщина принадлежит, тем строже она должна ему подчиняться. Ей можно быть на виду только у отца, сына, дядьев и племянников и всех рабов;

[1] *Сарари* — мн. ч. от *сури* (*арабск.* «рабыня-наложница»). Здесь и далее выделяются и приводятся слова, обозначающие занзибарские реалии и изначально написанные по-арабски либо на суахили в авторской латинской транслитерации, тем более, что в английских изданиях они часто не сохраняются и даются сразу в переводе. Некоторые из них, возможно, хорошо известны современному читателю и не нуждаются в пояснениях, однако, для европейской аудитории позапрошлого века они могли казаться непонятными.

если ей нужно предстать перед посторонним мужчиной либо говорить с ним, то религия ей предписывает покрывать себя. Часть лица, подбородок, шея и лодыжки должны быть прикрытыми прежде всего. Соответствуя этим требованиям, она полностью свободна в передвижении в дневное время и может без ограничений ходить по улице. Малообеспеченным же женщинам, у которых мало рабов либо их нет вообще, из-за этого приходится часто самим выходить из дома днем, и таким образом они обладают большей свободой. Если спросить у такой женщины, как она к этому относится, то она ответит: «Такие установки созданы лишь для богатых, но не для бедных женщин!» И я могу утверждать, что дамы высшего общества нередко завидуют бедным из-за этого преимущества, и в этом отношении особенно повезло оманским женщинам, которые вследствие бедности их страны могут позволить себе держать лишь немногих рабов-прислужников.

Богатая знатная дама также может, как было сказано, выходить из дома в дневное время. Если кто-то из ее близких вдруг заболел либо умер, она может посетить его в его жилище. Она может также пойти к судье, чтобы лично представлять свои интересы в суде, если у нее нет иного защитника. Однако обычай предписывает пользоваться этим правом лишь в крайних случаях, а милое самолюбие вторит ему, ведь обязательное покрывание уродует женщин и делает их похожими на ходячих мумий.

Сегодня я охотно соглашусь с тем, что в этом отношении на Востоке доходит до чрезмерности, однако при этом я не нахожу европейские обычаи лучше. Если посмотреть на благородную даму в бальном платье, недостаток прикрывающей тело одежды можно не без справедливости счесть еще худшей чрезмерностью.

Одинокой женщине на Востоке остается только посочувствовать. Будучи полностью отгороженной от мужского мира религией и обычаем и потому не имея более надежной защиты, иногда она оказывается в неловком положении. Чиновники и управляющий ее делами, которых она не может увидеть и обратиться к ним, если они такие же арабы, нередко пользуются ее незащищенностью и обманывают ее. Я даже знаю разных дам, которым попросту пришлось выйти замуж, дабы не быть жертвами подобного обмана.

Женское затворничество может оказаться поистине тягостным, и порой это заходит слишком далеко. И все же, не стоит слишком жалеть жительницу Востока так, как это любят делать здесь. Она ощущает на себе это принуждение, однако не особенно жестко. Большая сила привычки постепенно делает терпимой даже самую неприятную жизнь.

Еще больше восточной женщине сочувствуют в связи с многоженством — тому, что ей приходится делить любовь мужа с другой или многими другими. Закон позволяет мусульманину иметь четырех жен одновременно, и — если одна из них умрет либо разведется с ним, — привести и пятую. *Сарари*, или наложниц, он может купить столько, сколько ему позволяют желание и деньги. Но мне ни разу не доводилось видеть кого-либо, у кого действительно было бы одновременно четыре жены. Разумеется, бедный может взять лишь одну жену; богатый так же ограничивает себя, у него может быть, самое большее, две: живут они порознь и каждая из них ведет свое отдельное хозяйство.

Само собой разумеется, что и на Востоке есть женщины, которые умеют сохранять свою независимость. Такие выясняют у претендента на их руку, есть ли у него уже жена, и требуют включить в брачный контракт формальное заверение, что тот не приведет в дом еще одну жену и не купит себе *сури*.

На практике, по большей части преобладает одноженство. Но если кто-то решает-таки воспользоваться дозволенным по закону, часто условия проживания с разными жен-

щинами оказываются пренеприятными. Очевидно, что возникают неприязнь и зависть и что, учитывая горячий темперамент южанок, растет неистовая ревность. Из-за безразличного нам дела или человека нас не может охватить ревность, только если оказывается под вопросом наше обладание теми, кого мы любим всей душой и желаем заполучить их исключительно для себя. И разве частые вспышки такой ревности говорят не о том, что жительница Востока способна любить сильнее, чем более холодная северянка?

Из-за ревности многоженство может стать величайшим мучением, и это довольно хорошо. Многие богатые и знатные мужчины боятся подвергнуться риску таких ежедневных сцен и поэтому становятся приверженцами одноженства. Таким образом этот скверный обычай соблюдается чем дальше, тем реже. Ведь то, что многоженство действительно никоим образом не достойно защиты и оправдания, становится ясно всякому, кто способен здраво мыслить, и прежде всего всякой женщине. Но есть еще один вопрос. Как обстоит дело с браком у христиан, у цивилизованных европейцев? Я полностью умолчу о том, что в христианской стране у называющей себя христианской секты мормонов часто практикуется многоженство. Но в добропорядочном европейском обществе всегда ли брак священен? Разве не часто является чистой иллюзией, когда говорят об «одной» жене? Конечно, христианин может жениться только на одной женщине, и это большое преимущество христианства. Христианский закон благоволит доброму и правильному, магометанский — потакает дурному, но на Востоке существующая традиция и реалии смягчают дурные последствия закона в значительной степени, в то время как здесь вопреки закону довольно часто торжествует грех. Почти единственным различием в положении восточной и европейской женщины мне представляется то, что первой известны число и возможно также личность и характер ее соперниц, тогда как последняя пребывает в благом неведении.

Купить *сарари* конечно же может только состоятельный мужчина. Будучи изначально рабынями, они, как только у них появятся дети, выглядят уже как свободные. Очень редко и только у жестоких мужчин случается так, что после смерти ребенка хозяин снова продаст *сури*, испытывая нужду либо пресытившись ею. Если мужчина умирает, его *сарари* становятся полностью свободными, и над ними больше нет хозяина. Если потом она выйдет замуж за брата либо иного родственника умершего хозяина и освободителя, она как свободная женщина станет ему законной женой.

То, что женатый араб обращается со своей супругой пренебрежительно (как это представляют здесь), — это вымысел. О том заботится уже религия, которая в некоторых отношениях конечно же ставит женщину ниже мужчины, но тут же препоручает ее, словно беспомощного ребенка, защите мужа. Набожному богобоязненному мусульманину столь же присуща человечность, как и воспитанному цивилизованному европейцу. Первый, возможно, даже более требователен к себе, так как всегда помнит о вездесущности Господа, давшего те заповеди, и до последнего вздоха твердо держится веры в справедливое воздаяние за благие и злые деяния.

Конечно, как на Занзибаре, так и здесь, наряду с благородными личностями встречаются тираны, которые не оказывают должной любезности и внимания своим супругам. Однако я могу со знанием дела сказать, что о ласковых мужьях, которые бьют своих жен, здесь я слышала намного чаще, чем у себя на родине. Для достойного араба подобное является позором. Безусловно иначе обстоит дело у негров: достаточно часто у себя на плантации мне случалось разнимать и мирить яростно дерущуюся чету.

Женщина также никоим образом не обязана подчиняться каждому капризу своего

мужа. Если она не хочет допускать подобное по отношению к себе, она всегда находит защиту у своих родственников, либо, если она совсем одна, она имеет право обратиться со своей жалобой к *кади*[1]. А часто она помогает себе сама.

Одна дама, с которой я очень дружна, в шестнадцать лет вышла замуж за кузена, который был многим старше ее и никоим образом ее не достоин. Этот отъявленный прожигатель жизни полагал, что его молодая жена все стерпит, однако он был немало удивлен, когда, однажды вечером, вернувшись домой, вместо жены обнаружил лишь написанное в жестких выражениях письмо. Эту свою подругу я всегда навещала в ее имении наудачу, не извещая заранее о визите. Я знала наверняка, что ее прекрасный супруг предпочитает предаваться городским утехам (развлечениям в городе). Однажды, вскоре после этого, она приехала ко мне и сообщила, что мне больше нельзя приезжать к ней без предупреждения, потому что ее муж теперь все время при ней. Он явился к ней с раскаянием и отчаянно молил ее о прощении. Раз поняв, насколько решительной может быть его юная жена, он очень опасался снова ее обидеть. Похожих примеров независимости восточных женщин я могла бы рассказать много.

При приветствии супруги целуют друг другу руки. Когда едят, их дети находятся вместе с ними. Жена оказывает мужу всевозможные маленькие знаки внимания: подает ему оружие перед выходом и снимает при возвращении, подносит ему воду. В общем, она заботится обо всех приятных мелочах, которые привносят в совместную жизнь душевность и теплоту. Все это чисто добровольные проявления, и она никоим образом не избегает их исполнения.

Все домашнее хозяйство — исключительно под началом женщины: в этом царстве она полновластная госпожа. Понятия денег на хозяйственные расходы, которыми муж обеспечивает свою жену, как такового нет, оба супруга берут средства из одного кошелька. Только мужчина, у которого две жены, которые проживают порознь и каждая ведет свое хозяйство, разделяет свой доход.

До каких пределов простирается это женское царство, зависит от характеров супругов. Однажды, когда я пригласила большую компанию на одну из своих плантаций, поскольку я разослала приглашения довольно поздно и следовало ожидать отказов приехать, и одна дама не могла за короткое время организовать поездку из своего имения ко мне, одна из моих подруг, молодая женщина, предложила прислать мне на помощь необходимое количество оманских ослов в полном снаряжении и даже извозчиков. Я заметила ей, что ей следовало вначале обсудить со своим мужем, не будет ли тот против столь щедрого предложения. И она кратко ответила, что не в ее привычке справляться у мужа о таких пустяках.

Еще одна известная мне дама на Занзибаре распоряжалась всеми делами и деньгами в еще большей степени. Имениями и городскими домами, принадлежавшими ее мужу, управляла она одна. Супруг даже вообще не знал, насколько велик был его доход, и ему отнюдь не было в тягость брать из ее рук деньги в нужном ему количестве. Благодаря ее предусмотрительности и смекалке дела его шли весьма хорошо.

Воспитание детей полностью находится в руках матери, будь то законная жена или купленная рабыня. И в этом она видит величайшее счастье. Если в Англии есть прекрасная традиция — и ей весьма важно следовать, — когда мать за целых двадцать четыре часа один раз ненадолго заглядывает в детскую комнату, если француженка отправляет своего ребенка в деревню и доверяет его совершенно чужим людям, арабка окружа-

[1] *Кади* — мусульманский судья.

ет своих детей постоянной заботой, оберегает их и ухаживает за ними с величайшим вниманием и едва ли отпускает от себя до тех пор, пока они нуждаются в материнской защите. За свою самоотверженность она получает в награду искреннее уважение и глубокую любовь. Привязанность к детям всецело искупает недостатки многоженства и делает ее семейную жизнь счастливой и радостной.

Наблюдавшие легкий и веселый нрав женщин на Востоке должны были убедиться, как мало правды во всех этих историях об их ущемленном униженном положении и неразумных и недостойных человека жизненных чаяниях. Однако более глубокое понимание сути этих отношений невозможно получить, если видишь все это мельком во время краткого посещения. О разговорах не может быть и речи, даже если то или иное более или менее правильно переведут: поэтому едва ли можно выйти за пределы всем известных банальных выражений и общих слов.

При всей своей учтивости, араб не любит, когда чужие люди интересуются его личными делами, и менее всего, если это иностранцы и иноверцы. Однажды к нам пришла гостья из Европы, и мы все вначале уставились на нее, удивляясь, какая она необъятная; тогда в моде были кринолины, которые часто перегораживали собой лестницу во всю ширину. И весьма скудный разговор с обеих сторон едва выходил за рамки тайн разных костюмов. И упомянутую даму приняли как полагается с угощениями, евнух умастил ее розовым маслом, ей преподнесли подарки на прощание, и она покинула нас с такими же знаниями, с какими пришла. Она зашла в гарем, увидела несчастных восточных женщин (да и то только в покрывалах[1], подивилась на нашу одежду, наши украшения, нашу ловкость, с которой мы сидим на полу, — и на этом все. Она никак не может похвастаться тем, что она увидела больше, чем другие европейские гостьи, которые бывали у нас до нее. С ней ходили евнухи, прислуживали ей и проводили обратно; она постоянно оставалась под наблюдением. Едва ли ей покажут какую-либо комнату, кроме той, где ее принимают. И ей часто не удается догадаться, кем в действительности является дама с закрытым лицом, с которой она разговаривала. Короче, ей никоим образом не предоставляется шанса близко соприкоснуться с восточной семейной жизнью и положением женщины[2].

Есть еще существенный пункт для более правильного понимания восточного брака. Замужество девушки никак не меняет ее имя и статус. Жене принца, происходящей из простой семьи, не придет в голову требовать равенства со своим мужем. Несмотря на брачные узы, она остается «дочерью (*бинт*) N. N.» и продолжает так называться. Напротив, принц или вождь в Аравии часто позволяет своей дочери или сестре сочетаться браком со своим собственным рабом. Он говорит себе: «Мой слуга останется также и ее слугой, и она его госпожа, как ранее». А тот посредством этого брачного союза перестает быть рабом, однако конечно же всегда обращается к своей жене «высочество» или «госпожа».

---

[1] В оригинале — причастие *mastiert*, образованное от арабск. مستور «закрытый», «покрытый».

[2] Этим замечаниям об измышлениях европейцев о восточных гаремах весьма созвучны по логике и акцентам слова выдающегося российского индолога Е. Н. Успенской (1957–2015) в разделе ее книги, посвященном устройству жизни раджпутской семьи: «И хотя все исследователи в один голос говорят, что добрая половина всех моральных и политических проблем, которые изнуряли княжеские дома Раджпутаны, были следствием полигамии, большое количество жен и детей было предметом гордости. Особенно иностранцы любили описывать нравы гаремов, порядки, заведенные в таком доме, истории и происшествия, там случившиеся, — как будто они там бывали!» (*Успенская* 2000: 198).

Если муж упоминает в разговоре жену, — чего он однако старается избегать, — то он не называет ее «моя жена», а описывает ее как «дочь такого-то». Самое большее, он может использовать выражение «*ум ийали*[1]», то есть «мать моей семьи», неважно, есть у него дети или нет.

Часто супруги, которые не знали друг друга до брака, не могут найти путь к пониманию. Возникают тяжелые неприятные отношения также и по другим причинам, как то случилось у моего отца с Шехзаде[2] и у Маджида с Аше[3]. Но и для таких случаев мусульманский закон предлагает преимущество — процедура развода чрезвычайно упрощена. И ведь лучше, когда супруги, которые во всех взглядах и характерах резко противоречат друг другу, расстаются мирно, чем когда они навечно остаются связанными и обреченными на взаимные истязания, что так часто приводит к чудовищным преступлениям. Тогда женщина удерживает за собой все свое имущество, которое было в ее полном распоряжении также и во время брака. Если муж запросил развод по суду, то ей отходит также брачный дар, данный ей им на свадьбе; но если требование развода исходит от нее, то она должна этот дар вернуть.

Я полагаю, что из всего сказанного очевидно следует, что женщина на Востоке далеко не столь порабощена, угнетена и бесправна, как представляют себе здесь. Она очевидно не пустое место. Какой власти и какого влияния способны добиться некоторые, можно показать на примере моей мачехи Аззе бинт Сеф[4]. Она имела полную власть над нашим отцом, и двор и государство нередко зависели от ее высочайшей прихоти. Все, что мы, ее так во многом разделенные, но в этом вопросе полностью единые, пасынки и падчерицы ни пытались сделать, чтобы ослабить ее власть, не удавалось в большинстве случаев. Если один из нас хотел чего-то попросить у отца напрямую, это постоянно отклонялось; просьба должна была быть изложена *Биби*[5] Аззе, и без ее одобрения отец ничего не решал. Вплоть до своей смерти у нее получалось сохранять свою власть во всех отношениях.

Вот другой пример. Дочь одного нашего коменданта крепости в Омане переехала со своим мужем оттуда на Занзибар. Они были вполне зажиточные и у них не было детей — как мне говорила сама эта женщина, «к ее счастью». По характеру она была умна и остра на язык (с последним из этих качеств нигде не будешь так счастлив, как у нас), но внешне безобразна, как ночь. Несмотря на это, муж ее просто обожал и выдер-

---

[1] В оригинале — латинская транслитерация *арабск.* ام عائلتي «мать моей семьи».

[2] *Шехзаде* — Шахзаде Шахрузад Ханум, дочь персидского принца Ираджа-мирзы из рода Каджаров, третья жена султана Са`ида ибн Султана, с которой он развелся из-за ее неверности. Об ее экстравагантном образе жизни на Занзибаре Салме-Эмили составила подробное описание в мемуарах (Memoiren 1886: 93–94). Возможно, имеется в виду вторая жена султана, персидская принцесса Шахзаде Шахзада Ханум, внучка Фетх Али-Шаха, недолгий и бездетный брак с которой также закончился разводом из-за семейных противоречий и неверности супруги.

[3] *Маджид* — Маджид ибн Са`ид (1834–1870), сын султана Са`ида ибн Султана, первый султан Занзибара (1856–1870), единокровный брат Салме-Эмили. *Аше* — А'иша Аль Бу-Са`идиййа (Азза), дальняя родственница султанской семьи из Омана, первая жена Маджида ибн Са`ида. Их недолгий брак (1855–1858) закончился разводом по инициативе А'иши, страдавшей от враждебного отношения со стороны сестры Маджида Хадуджи, о чем Салме-Эмили рассказывает в мемуарах (Memoiren 1886: 90) Здесь стоит отметить, что многие женские имена в мемуарах (Аше, Аззе, Хадуджи, Холе и др., включая собственно имя автора — Салме) представлены в мемуарах в разговорной форме того времени.

[4] *Аззе бинт Сеф* — Сейййда Азза бинт Сайф Аль Бу-Са`ид (ум.в 1860 г.), кузина султана Са`ида ибн Султана и его первая и старшая жена, управительница гарема.

[5] *Биби* — уважительное обращение на суахили и арабском к взрослой женщине («дама», «госпожа»).

живал ее многочисленные капризы с поистине ангельским терпением. Когда она хотела выйти в свет, ему приходилось, словно рабу, ее сопровождать и забирать, хотел он того или нет. Он не располагал своим временем, и уже с раннего утра, совершив молитву, должен был ждать ее распоряжений — соизволит ли его госпожа Аше остаться с ним или покинет его на весь день. Он был всецело ее рабом.

Я хочу вспомнить об одной личности из нашей семьи, история которой в особенности разоблачает как ложь эти сказки о неполноценном положении жительниц Востока. Моя двоюродная бабушка[1], сестра моего деда, до сих пор считается у нас примером умной, смелой и деятельной женщины. О ее жизни и поступках всегда рассказывают, и стар и млад слушают о ней с истинным благоговением.

Когда мой дед султан-имам Маската умер в Омане, у него остались трое детей — мой отец Саид, мой дядя Салюм и моя тетя Аше. Моему отцу было тогда девять лет, и поэтому было необходимо учредить регентство. Вопреки всему, моя двоюродная бабушка очень решительно объявила, что она сама возьмет на себя управление до наступления совершеннолетия ее племянников и отклонила все возражения. Министрам, которые не предполагали такого решения и сами рассчитывали занять это место, чтобы на годы самим стать правителями страны, пришлось ей повиноваться. Каждый день правительница созывала их к себе, чтобы они отчитывались ей и получали приказы и распоряжения. Она следила за всем и знала обо всех решениях. К неудовольствию не исполняющих обязанности и нерадивых, ничто не оставалось скрытым от ее зорких глаз.

Узы этикета она попросту отбросила. Перед министрами она представала, покрывшись шалью и в одежде, которую женщины носят на выход. О том, что общество могло это осудить, она не заботилась и неуклонно, энергично и умело шла своим путем.

Вскоре ей пришлось пройти серьезнейшее испытание. Она еще недолго держала в руках бразды правления, когда разразилась весьма опасная война, что, к несчастью, часто бывает в Омане. В близком нашему родственном клане возомнили, что можно малыми усилиями свергнуть власть женщины и заодно завоевать нас. Сжигая и убивая, их толпы прошли по стране и осадили столицу Маскат. Многие тысячи крестьян из разрушенных провинций, были вынуждены, бросив свое имущество, бежать сюда в поисках защиты и поддержки. Маскат хорошо укреплен и мог противостоять осаде. Но какой толк от даже самых крепких стен, когда заканчивается провизия и снаряжение?

В это трудное время моя двоюродная бабушка исключительно себя проявила и снискала удивительное уважение даже со стороны врага. По ночам она всегда одна в мужском костюме объезжала верхом сторожевые заставы; на всех опасных участках она

[1] В этой истории о знаменитой родственнице речь идет о биографии и подвигах не двоюродной бабушки, а родной тети, старшей сестры султана Са`ида ибн Султана А'ише бинт Султан (ум. после 1870 г.), которая выступала в качестве регента от имени Са`ида ибн Султана с 1806 г. Далее есть еще одна неточность. В год смерти султан-имама Султана бин Аль-Имама Ахмада, 1804, Са`иду ибн Султану было тринадцать, а не девять лет. Однако, сэр Р. Ф. Бертон рассказывает со ссылками на авторитетные источники, о Биби Мозе, более известной как Бинт аль-Имам, которая приходилась тетей Са`иду ибн Султану и сестрой его отцу, то есть, действительно «двоюродной бабушкой» Салме-Эмили и «сестрой ее деда». Биби Моза организовала убийство дяди Са`ида ибн Султана по материнской линии, который хотел узурпировать власть, причем убийцы воспользовались кинжалом юного Са`ида ибн Султана; ровно после устранения этого конкурента в 1806 г. Са`ид стал правителем Маската. Подобно тому, как сама Салме с патетическим пафосом называет свою двоюродную бабушку «храброй восточной женщиной», Бертон пишет «в каждом благородном арабском семействе должна быть хотя бы одна такая сильная духом женщина, которая сделала то, на что не решился юный шестнадцатилетний Сеййид Са`ид (*Burton* 1872: 290–291).

следила за солдатами, и иногда ей удавалось избежать внезапного нападения лишь благодаря быстрому коню. Однажды вечером она выехала, будучи очень обеспокоенной: она узнала, что неприятель попытается подкупить стражу, чтобы прорваться ночью в крепость и вырезать всех. Поэтому она решила испытать солдат на верность. Она очень осторожно подъехала к одному из часовых, потребовала *акыда*[1] (офицера высокого ранга) и сделала ему очень заманчивое предложение от имени осаждавших. Страшный гнев отважного воина развеял все ее сомнения в намерениях солдат и даже подверг огромной опасности ее жизнь. Мнимого лазутчика хотели немедленно зарубить, и ей пришлось проявить величайшую ловкость, чтобы ее не убили свои же люди.

Осада Маската становилась все тяжелее. Начался голод, и отчаяние охватило сердца людей. Помощи извне ожидать не приходилось, и, чтобы хотя бы умереть с честью, решили совершить последнюю отчаянную вылазку. Запасов пороха оставалось только на одно сражение, однако полностью закончился столь нужный для ружей и пушек свинец. Тогда правительница приказала собрать для ружей любые гвозди и даже камни подходящего размера, чтобы использовать их вместо пуль. Все предметы из железа и латуни, какие только нашли, были переплавлены и заряжены в пушки. Правительница открыла свою казну и распорядилась переплавить на пули талеры Марии-Терезии[2]. Задействовали все что могли, и вот — отчаянные усилия были вознаграждены. К счастью, враг был ошеломлен и разбежался во все стороны, оставив более половины своих людей убитыми и ранеными. Маскат был спасен. Освободившись от тяжелой напасти, храбрая женщина преклонила колени и в страстной молитве возблагодарила Всевышнего за его милость и помощь.

С тех пор ее правление было спокойным, и она смогла передать своему племяннику, моему отцу, государство в таком порядке, что тот был способен обращать свои взоры уже на иные дальнейшие цели и прежде всего покорить Занзибар. И за то, что обретение этой второй части владений стало вообще возможным, во многом мы благодарны ей, моей двоюродной бабушке. И она тоже была восточной женщиной!

Источники и материалы

Руэте 2011 — *Руэте Э.* Принцесса Занзибара. Женщины при дворе султана Сеида Саида. М.: Центрполиграф, 2011.

Фоссерер 2014 — *Фоссерер Н.* Звезды над Занзибаром. М.: Эксмо, 2014.

Memoiren 1886 — Memoiren einer Arabischer Prinzessin. Berlin: Verlag von Friedrich Luckhardt, 1886.

Memoirs 1888a — Memoirs of an Arabian Princess. An Autobiography by Emily Ruete, née Princess of Oman and Zanzibar. L.: Ward and Downey, 1888a.

Memoirs 1888б — Memoirs of an Arabian Princess. An Autobiography by Emily Ruete, née Princess of Oman and Zanzibar. New York: D. Appleton and Co., 1888б.

Memoirs 1907 — Memoirs of an Arabian Princess. An Autobiography by Emily Ruete, née Princess of Oman and Zanzibar. New York: Doubleday, Page and Company, 1907

Ruete 1905 — *Ruete E.*, nee Princesse d'Oman et Zanzibar. Memoires d'une princesse Arabe. Paris: Dujarric et Cie, 1905.

Ruete 1989 — *Ruete E.*, geborene Prinzessin Salme von Oman und Sansibar «Leben im Sultanspalast.

[1] *Акыд* — арабское воинское звание, соответствующее старшему офицеру (полковнику).

[2] Талер Марии-Терезии — серебряная монета, разновидность конвенцтонного талера, с середины XVIII в. использовавшаяся в мировой торговле, выпускавшаяся и в качестве торговой монеты имевшая хождение как в Европе, так и на Среднем Востоке, в США и Китае. Т. М.-Т. Являлся валютой Маската и Омана.

Memoiren aus dem 19. Jahrhundert». Frankfurt am Main: Athenaum, 1989.
Ruete 1995 — *Ruete E.* Herinneringen van een arabische prinses. Amsterdam: Atlas, 1995.
Ruete 1999 — *Ruete E.* Briefe nach der Heimat. Berlin: Philo, 1999.
Vosserer 2010 — *Vosserer N.* Sterne uber Sansibar. Koln, 2010.
مذكرات أميرة عربية — Muḏakkirāt Amīra ʿarabiyya; Qaysī, ʿAbd al-Mağīd Ḥasīb al-; Masqaṭ: Wizārat al-Turāṯ al-Qawmī wa-al-Ṯaqāfa. 1406/1985. — 1985 ʿ مذكرات
مذكرات أميرة عربية - سالمة بنت سعيد — Muḏakkirāt Amīra ʿarabiyya (Memoiren einer Arabischer Prinzessin). Emily Ruete (Übersetzer: Salma Salih). Koln: Al-Kamel Verlag, 2002. — 2002 مذكرات
رسائل اﻟﻰ الوطن — Rasa'il ila-l-watan (Briefe nach der Heimat). Emily Ruete. Übersetzer: Zahir al-Hina'I, Freiberg am Neckar: Al-Kamel Verlag, 2016. — 2016 رسائل

Научная литература

Сиим (Москвитина) А. Ю. Статус «матери детей» (умм валад): абиссинские наложницы в семьях занзибарских султанов // Петербургская эфиопистика. Памяти Севира Борисовича Чернецова. СПб.: МАЭ РАН, 2019. С. 256–263.
Успенская Е. Н. Раджпуты. Рыцари средневековой Индии. СПб.: Евразия, 2000. 384 с.
Burton R. F. Zanzibar: City, Island and Coast. Vol.1. London: Tinsley Brothers, 1872. 504 p.
Damen J. C. M. Waarom een prinses uit Zanzibar trouwde met een Duitse koopman — en hoe haar bibliotheek in Leiden terechtkwam // De Boekenwereld. Vol. 25. № 3. 2009. P. 231–236.
Donzel van E. Sayyida Salme / Emily Ruete: An Arabian Princess between Two Worlds: Memoirs, Letters Home, Sequels to the Memoirs, Syrian Customs and Usages. Leiden: E. J. Brill, 1993. 550 p.
Koningsveld van P. Sj. Conversion of European Intellectuals to Islam: The Case of Christiaan Snouck Hurgronje alias ʿAbd al-Ghaffār // Muslims in Interwar Europe. A Transcultural Historical Perspective. Series Muslim Minorities, Vol. 17 / ed. by B. Agai, U. Ryad, M. Sajid. Leiden: E. J. Brill, 2015. P. 88–104.
Nippa A. Nachwort von Annegret Nippa' // Emily Ruete, Leben im Sultanspalast / ed. by A. Nippa. Frankfurt am Main: Athenäum, 1989. P. 269–288.
Roy K. Only the "Outward Appearance" of a Harem? Reading the Memoirs of an Arabian Princess as Material Text // Belphégor. Littérature populaire et culture médiatique. 2015. Vol. 13. № 1. P. 1–28. https://journals.openedition.org/belphegor/611
Wijk van der H. Het leven van Salme (1884-1924): prinses van Oman en Zanzibar, en de vroege uitgaven van haar memoires // Jaarboek van het Nederlands genootskap van Bibliofielen / ed. by G. Jaspers. Leiden: Uitgeverij De Buitenkant, 2017. P. 183–205.
Wilde O. Literary and Other Notes V (Woman's World, 1888) // Reviews by Oscar Wilde / ed. by R. Ross. London: Methuen and Co., 1908. P. 300–305.

References

Burton, R. F. 1872. *Zanzibar: City, Island and Coast.* Vol.1. London: Tinsley Brothers. 504 p.
Damen, J. C. M. 2009. Waarom een prinses uit Zanzibar trouwde met een Duitse koopman - en hoe haar bibliotheek in Leiden terechtkwam [Why a Zanzibar Princess Married a German Merchant - and How Her Library Ended up in Leiden]. *De Boekenwereld* 25(3): 231–236.
Donzel, van E. 1993. *Sayyida Salme / Emily Ruete: An Arabian Princess between Two Worlds: Memoirs, Letters Home, Sequels to the Memoirs, Syrian Customs and Usages*. Leiden: E J. Brill. 550 p.
Koningsveld, van P. Sj. 2015. Conversion of European Intellectuals to Islam: The Case of Christiaan Snouck Hurgronje alias ʿAbd al-Ghaffār. In *Muslims in Interwar Europe. A Transcultural Historical Perspective. Muslim Minorities,* Vol. 17, ed. by B. Agai, U. Ryad, M. Sajid. Leiden: E. J. Brill. 88–104.
Nippa, A. 1989. Nachwort von Annegret Nippa' [Afterword by Annegret Nippa], in Emily Ruete, *Leben im Sultanspalast* [Life in the Sultan's Palace] / ed. by A. Nippa. Frankfurt am Main: Athenäum. 269–288.
Roy, K. 2015. Only the "Outward Appearance" of a Harem? Reading the Memoirs of an Arabian Princess as Material Text. *Belphégor. Littérature populaire et culture médiatique* 13(1): 1–28. https://

journals.openedition.org/belphegor/611

Siim (Moskvitina), A. Yu. 2019. Status "materi detei' (umm valad): abissinskie nalozhnitsy v sem'iakh zanzibarskikh sultanov ["*Umm Walad* (Mother-of-child) Status: Abyssinian Concubines in the Families of Zanzibari Sultans]. In *Peterburgskaia efiopistika. Pamiati Sevira Borisovicha Chernetsova* [Ethiopian Studies in St. Petersburg. In The Memory of Sevir Borisovich Chernetsov], ed. by A. Yu. Zheltov and S. A. Frantsuzov. St. Petersburg: MAE RAN. 256–263.

Uspenskaia, E. N. 2000. *Radzhputy. Rytsari srednevekovoi Indii* [Rajputs. The Knights of the Medieval India]. St. Petersburg: Evraziia. 384 p.

Wijk, van der H. 2017. Het leven van Salme (1884–1924): prinses van Oman en Zanzibar, en de vroege uitgaven van haar memoires [The Life of Salme (1884–1924): Princess of Oman and Zanzibar, and the Early Editions of Her Memoirs]. In *Jaarboek van het Nederlands genootskap van Bibliofielen*, ed. by G. Jaspers. Leiden: Uitgeverij De Buitenkant. 183–205.

Wilde, O. 1908. Literary and Other Notes V (Woman's World, 1888). In *Reviews by Oscar Wilde* ed. by R. Ross. London: Methuen and Co. 300–305.

УДК 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/358-375
Научная статья

© Д. В. Пузанов

МИР МЕРТВЫХ И ПРИРОДНЫЕ КАТАКЛИЗМЫ В КНИЖНОСТИ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

В статье реконструируются христианские древнерусские представления о возможностях мертвых влиять (останавливать, или наоборот провоцировать) на масштабные природные явления и мир живых вообще. Дается характеристика социальной среды, в которой сформировались представления о чудесах умерших, оказавшие влияние на всю оригинальную литературу XII–XIII вв. Отмечается, что механизмы чудесного воздействия на мир со стороны людей в такой парадигме подчинялись не столько дихотомии живой / мертвый, сколько представлениям о близости человека к Богу. Умерший праведник вне зависимости от официальной канонизации сохранял после смерти акторность и был способен осознано влиять на мир своими молитвами. В то время как воздействие несвятых мертвецов на мир живых в древнерусских источниках всегда возникает в рамках критики представлений маловерных, принимающих за активность умерших обман бесов. Возникновение сообщений об активности мертвых в рамках описания того или иного феномена неантропоморфного характера было обусловлено и представлениями о возможностях добра и зла в целом. Средневековым проповедникам важно было бороться с представлениями о способности несовместимых с христианским мировоззрением акторов и бесов влиять на урожайность. Но демоны в древнерусской литературе достаточно часто причиняют вред, связанный с физическим воздействием на конкретного человека (становятся причиной некоторых болезней, язв, ранений и т. д.). Развитием этих тенденций следует считать и летописное сообщение под 1092 г. о нападении бесов, принявших облик призраков, на Полоцк, которое в силу своего масштаба воспринимается современными исследователями как стихийное бедствие (эпидемия).

Ключевые слова: *мертвецы, Древняя Русь, природа, святые, бесы, князья*
Ссылка при цитировании: *Пузанов Д. В.* Мир мертвых и природные катаклизмы в книжности домонгольской Руси // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 358–375.

Пузанов Даниил Викторович — к. и. н., научный сотрудник Отдела исторических исследований, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Российская Федерация, 426004 Ижевск, ул. Ломоносова, 4). Эл. почта: lpdmor@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4459-9572

*Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

UDC 39
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/358-375
Original Article

© Daniil Puzanov

THE WORLD OF THE DEAD AND NATURAL DISASTERS IN THE BOOKS OF PRE-MONGOL RUS

The article reconstructs Old Russian Christian ideas about the ability of the dead to influence (stop, or, on the contrary, provoke) large-scale natural phenomena and the world of the living in particular. The author describes the social environment in which such ideas were formed, which influenced all the original literature of the 12th–13th centuries. In the paradigm of that time, the mechanisms of miraculous influence on the world were subject not so much to the living / dead dichotomy as to ideas about the closeness of man to God. A deceased righteous man, regardless of official canonization, kept his significance after death and was able to influence the world with his prayers. At the same time, the influence of the unholy dead on the world of the living always appears in the Old Russian sources as a criticism of the unbelievers, who consider the activity of the dead to be the deception of demons. The tendency to explain the non-anthropomorphic phenomena by the activity of the dead also depended on the understanding of the capacities of good and evil. Medieval preachers struggled with the idea that demons could affect crop yields, as it was incompatible with the Christian worldview. In Old Russian sources, demons often caused harm associated with physical effects on a particular person (diseases, ulcers, wounds, etc.). The chronicle of 1092 about the attack of demons on Polotsk should be considered as a development of these trends, and this attack is associated by modern researchers with a natural disaster (epidemic).

Keywords: *dead man, Old Rus, nature, saints, demons, knyaz*
Author Info: Puzanov, Daniil V. — Ph.D. in History, Researcher, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center Ural Brunch of RAS (Izhevsk, Russian Federation). E-mail: lpdmor@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4459-9572
For citation: Puzanov, D. V. 2025. The World of the Dead and Natural Disasters in the Books of Pre-Mongol Rus. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 358–375.
Funding: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-328).

Осваивавшая евразийские пространства христианская идеология должна была сталкиваться с развитыми и разнообразными представлениями о посмертной судьбе человека и взаимной зависимости миров живых и мертвых. Те средневековые народы, к которым письменность пришла вместе с христианством, сохранили элементы своего политеистического прошлого лишь в зеркале уже христианизированной культуры (в виде пересказов со стороны критиков язычества либо в качестве реликтов в «народной культуре»). Но само христианство тоже не было однородным и переживало исторические метаморфозы. Реконструкция представлений средневековых христиан о разнообразных обстоятель-

ствах взаимодействия миров живых и мертвых должна прояснить некоторые аспекты исторической эволюции взглядов на агентность умерших, а также помочь разобраться в особенностях отражения и искажения древнерусскими авторами чуждых им мифологем.

Исследователи давно пытаются извлечь представления о влиянии мира мертвых на мир живых из древнерусских письменных источников. Последние используются и в реконструкциях мифологем, предполагающих существенное распространение в массовом средневековом европейском сознании веры в управление природными процессами (обычно связанными с урожайностью полей или болезнями) со стороны умерших (*Ginzburg* 1991: 155; *Клейн* 2004). Известия книжников о необычных погребальных практиках давно рассматриваются в контексте более поздних фольклорных представлений об агентности заложных покойников (напр.: *Зеленин* 1995: 92–95; *Петрухин* 2014: 409–410).

Свою историю имеет вопрос изучения культа «навий» (так на Руси могли называть любых умерших), который был описан в церковных древнерусских поучениях, направленных против людей, одновременно исполнявших и христианскую, и языческую обрядность. В рамках этого направления иногда поднимались тонкие вопросы понимания текста. Согласно некоторым древнерусским поучениям, навьям готовили баню и оставляли пищу. Мыться, по мнению авторов поучений, приходили бесы, которые, кроме того, съедали еду и выпивали питье. Н. М. Гальковский считал, что это описание можно объяснить двумя способами: либо книжник отождествлял приходивших мертвых с бесами, либо считал, что демоны просто обманывают легковерных, осуществляя действия, которые народ приписывал активности умерших. Исследователь явно склонялся к последнему объяснению, обосновывая это тем, что точно также как служба бесам, воспринимался и культ рода и рожаниц, пустых «кумиров суетных» (*Гальковский* 2000 Т. 1: 113–114, 203).

Как бы то ни было, все древнерусские источники, которые трактуются в том или ином русле представителями описанных выше историографических направлений в лучшем случае отражают элементы обрядности, связанной с представлениями о посмертной судьбе человека. Обычно они скупы на подробности и сильно тенденциозны, либо могут быть проинтерпретированы альтернативным образом.

Средневековые письменные источники сохранили в целостном виде только книжно-христианский взгляд на феномен человеческой смерти. Было бы неверным полагать, что образ умершего, имеющего свои привязанности в мире живых и влияющего на этот мир, был полностью чужд для христианства. Напротив, со временем в данной религии оформляется развитый культ святых. К последним, наряду с Богом, обращены молитвы. Останки же канонизированных праведников превращаются в своеобразные токены[1] священных локусов, совершенно необходимые в церковной жизни. Наконец, одна из центральных идей христианства — вера в грядущее воскресение умерших *во плоти*. Усвоение данной мифологемы западноевропейскими христианами способствовало тому, что Титмар Мерзебургский с доверием относился к всевозможным быличкам о способных приносить вред мертвецах (в т. ч. захороненных с нарушением ритуала), оговариваясь, впрочем, что чаще всего в виде мертвых людям являются бесы (*Титмар* 2005: 10, 146). Некоторые исследователи приписывают похожую логику и древнерусским книжникам. Например, К. А. Костромин (*Костромин* 2023: 100) предположил, что летописное сообщение под 1092 г. о нападении мертвецов на Полоцк могло вызывать ассоциации с описанным в Евангелии после воскрешения Христа появлением в Иерусалиме умерших (Библия Мф 27: 51–53). Данной интерпретации, тем не менее,

[1] Имеющие материальное воплощение символы.

противоречит тот факт, что в летописи описана атака бесов, принявших вид *невидимых* призраков, а не восставших из могилы *тел праведников*[1].

Культ святых в Древней Руси также подвергался изучению. В рамках описания разных житийных нарративов исследователи безусловно пересказывали и сообщения древнерусских авторов о всевозможных сверхъестественных явлениях, исходящих от праведника. Однако, такие эпизоды редко становились объектом целенаправленного анализа. Тем не менее, широко признана роль чудотворения как одного из важных условий для официальной канонизации в русском православии (напр.: *Топоров* 1995: 11; *Федотов* 2000: 14). Существуют, конечно, и исследования, посвященные семантике некоторых знамений святости человека (напр.: *Ранчин* 2007: 128–137). Тем не менее, упоминания о влиянии святых на стихийные бедствия редки, соответственно они не становятся отдельным предметом целенаправленного изучения.

Важным достижением исследований феномена святости в отечественной историографии стала ранняя постановка проблемы несоответствия строгого понятийного аппарата современного интерпретатора гибким категориям исторической церкви. Еще Е. Е. Голубинский (*Голубинский* 1998: 11–12) отмечал западное происхождение самого термина «канонизация», который не имел точного соответствия в греческой христианской традиции. Г. П. Федотов тоже писал о свободном от церковно-бюрократического формализма отношении церкви к феномену святости. Само определение круга официальных древнерусских святых, по мысли исследователя, проблематично в виду того, что свои местночтимые святые могли быть даже у отдельного монастыря или храма (*Федотов* 2000: 11–12). При этом «церковь никогда не запрещала частной молитвы, то есть обращения с просьбой о молитве к усопшим праведникам, ею не прославленным» (*Федотов* 2000: 11). Исследователь замечал и казусы наименования святыми официально неканонизированных праведников в древнерусской литературе, и факт особого отношения к княжескому служению, которое стирало разницу между канонизированными и неканонизированными правителями (*Федотов* 2000: 79–80).

Прямое отношение к рассматриваемому вопросу имеет дискуссия, возникшая вокруг распространенных в летописании XII–XIII вв. формул, в которых то или иное благо приписывается воздействию молитв умерших князей (реже, высшего духовенства). В данном случае молитва погибшего князя вписывается в более широкий контекст подобных же сообщений о помощи со стороны святых, Богородицы, ангелов, «Честного Креста». Давно было замечено, что молитвенниками при этом могут выступать неканонизированные официально князья. Исследователи усматривают в этом пережиток языческих родовых воззрений (*Федотов* 2001: 269; *Комарович* 2002: 13) либо объясняют появление формулы при помощи гипотезы, согласно которой в раннем христианстве господствовало представление о достаточности крещения для обретения спасения (*Сазонов* 1995: 513–515; *Алексеев* 2016: 16). Сторонникам «христианской» интерпретации удалось собрать и проанализировать бóльшее количество летописных известий. С. В. Сазонов показал, что впервые формула о молитвенном заступничестве князя появляется в переяславском летописании, где речь идет о победе князя Андрея благодаря молитвам живого на тот момент Владимира Мономаха. Позже переяславский книжник повторит эту формулу, описывая событие, во время которого Владимир был уже в мире ином. Но особую популярность эта, образовавшаяся не без воли случая, формула приобретает в летописании Северо-Восточной Руси (*Сазонов* 1995: 509).

[1] «И гроби отврьзошяся. и мънога тѣлеса почивающихъ святыихъ въсташя» (Остромирово Евангелие: л. 190 об. – 191).

И в то же время объяснение помощи мертвых князей верой во всеобщее спасение христиан тоже имеет очевидные проблемы. Последователям этой гипотезы удается показать общее оптимистичное отношение к вопросам спасения в раннем древнерусском христианстве, как и факт существования на рубеже XIII–XIV вв. *одного* источника, полемизирующего с точкой зрения, согласно которой крещения достаточно для того, чтобы попасть в рай (*Сазонов* 1995: 514; *Алексеев* 2016: 66). Однако очевидно, что идея частного суда над мертвым проникает на Русь рано. Слово «мытарства» в значении посмертных испытаний души используется в Житии Феодосия Печерского (СлРЯ 9: 335). Размышления о посмертном воздаянии за грехи в той или иной степени находят отражение в сочинениях разных жанров, точно известных на Руси в XII–XIII вв. А. И. Алексеев признавал озабоченность ряда ранних древнерусских произведений вопросами посмертного воздаяния. Эти произведения автор связывал с духовными устремлениями отдельных авторов (*Алексеев* 2016: 65–66).

Но и приводимые С. В. Сазоновым и А. И. Алексеевым в подтверждение своего тезиса примеры немногочисленны и среди них нет ни одного убедительного случая, когда сам автор того или иного древнерусского произведения проповедовал достаточность крещения для обретения спасения. Исследователи трактуют вырванные из контекста рассуждения антигероев древнерусских сочинений (*Сазонов* 1995: 513; *Алексеев* 2016: 66), путают утверждение о необходимости крещения для обретения спасения с провозглашением достаточности этого условия (*Сазонов* 1995: 513). Обвиняя сторонников «языческо-родовой» интерпретации в модернизации «понятия канонизации» (*Сазонов* 1995: 510), их оппоненты сами модернизируют древнерусские конфессиональные обозначения[1].

П. И. Гайденко (*Гайденко* 2020: 86–87) рассматривал феномен молитв умерших «несвятых» князей в одном ряду с такими проявлениями сакрализации фигуры правителя, как наименование неканонизированных официально правителей «святыми» и «благоверными»; перечисление в сообщении Лаврентьевской летописи под 1237 г. вместе с украденными церковными реликвиями «портов блаженных первых князей»; сопровождение жизни некоторых Рюриковичей (в т. ч. официально неканонизированных) масштабными природными знамениями и т. д.

Отметим, что описанные выше предположения о причинах явственно проявляющейся агентности неканонизированных князей в русском летописании не обязательно противоречат друг другу. В трудах Г. П. Федотова, посвященных разным аспектам древнерусской святости, можно обнаружить суждения, повторенные так или иначе представителями всех трех направлений. Тем не менее, выявить содержащиеся в самих древнерусских произведениях объяснения и реконструировать общий культурный фон, в котором возникали указанные летописные формулы куда важнее, чем пытаться «вывести» их из современных теоретических схем (будь то концепция родовых культов или перенесенная из реконструкций западноевропейского общественного сознания гипотеза об особом «оптимизме» раннего христианства).

[1] По этой причине А. И. Алексеев (*Алексеев* 2016: 66) отнес к идеологам всеобщего спасения христиан Кирилла Туровского, который, с одной стороны, изображает спасенными на Страшном суде христиан вообще (СПКТ: 156), с другой стороны, пишет о прямой зависимости посмертной судьбы человека от характера его *грехов*: «и приимуть въздание кождо по своим дѣломъ — праведници в вѣчную жизнь, а грѣшници в бесконечную смертную муку. Ими же согрѣшить кто, тѣмь и мученъ будеть» (СПКТ: 158). Древнерусские книжники домонгольской эпохи не всегда использовали понятие «христианин» в качестве сугубо формального конфессионального маркера. См. напр.: «крестьяне ся творяще словомъ точию, а заповѣдей моихъ не соблюдосте» (ХБМ: 320), ср.: Библия 1 Ин. 2:4.

Тесно связана с рассматриваемым в данной статье вопросом проблема общих свойств и границ могущества зла в древнерусском сознании. Анализируя агиографические памятники Руси, Д. И. Антонов пришел к выводу, что *бесы* могли наделяться существенной силой: «сокрушать деревья и камни, рушить жилища, насылать бури, поднимать ветер или грозу, “запирать” реки… поражать человека болезнями, наносить ему физический вред, обездвиживать, заставлять бесноваться или — в некоторых случаях — убивать…» (*Антонов* 2010: 63). К такому заключению исследователя привел анализ сборников житийных текстов послемонгольской эпохи, в которых преимущественно собраны переводные биографии святых. Тем не менее, подобные сюжеты можно обнаружить и в агиографических памятниках, известных в домонгольской Руси[1]. Впрочем, иногда в таких сообщениях описываются видения, что не позволяет быть уверенным в том, какую реальность они отражают.

Знакомство древнерусского населения с сочинениями, в которых силы зла достаточно могущественны, резко контрастирует с прямыми высказываниями отдельных книжников, в которых провозглашается немощность демонов. Исследователи давно обратили внимание на особенность раннего летописания, в котором бесы, с одной стороны, выступали источником независимой силы, с другой стороны, характер их влияния на мир сильно ограничивался (*Аничков* 2003: 117). А. В. Лаушкин считал, что христианство в Древней Руси признавало два источника сверхъестественной силы человека. Наградить способностью к чудотворению могли как Бог, так и бесы. Но действия бесов также ограничивались Божьей волей, «попущением» (*Лаушкин* 1998: 30–31). В древнерусской книжности, по мнению исследователя, бесы и служащие им люди обычно не способны провоцировать стихийные бедствия. Атаку невидимых всадников на Полоцк, описанную в «Повести временных лет» под 1092 г., А. В. Лаушкин (*Лаушкин* 1998: 30) считал исключением из правила. Историки давно обращали внимание и на поучения Серапиона Владимирского, в которых сила дьявола ограничивается кознями против конкретных личностей, веривших в могущество зла (*Петухов* 1888: 65–66). В советский период было расшифровано граффито XI–XII в. Софийского собора в Новгороде, в котором оспаривается утверждение, что бес способен управлять облаками. Автор записи полагал, что такое по силу одному Богу. Возникновение данного граффито считают результатом полемики с политеизмом (бесами христиане часто называли языческих богов) или дуалистическими ересями, приписывавшими все злое в природе влиянию дьявола (*Медынцева* 1978: 74–75).

Таким образом, несмотря на то, что древнерусские представления об агентности всевозможных акторов (в т. ч. умерших) так или иначе рассматривались в рамках разных тем исследований, сам механизм того как, по мнению книжника, осуществлялось влияние мертвых на окружающий мир редко интересовал исследователей. К этой проблеме можно подойти с позиций экологических парадигм, в которых отношение изучаемых обществ к природным и социальным феноменам раскрывается сквозь призму взаимодействия человека с нечеловеческими существами. Важно осознавать, что представление о человеке как единственном субъекте земного мира и связанная с ним дихотомия природа / культура возникли недавно. Несмотря на это, явления, слабо зависящие от субъективной воли человека, как мы видели, могли играть определенную роль в выстраивании иерархии разных сущностей. Категориальные рамки, в которых при этом происходило осмысление аспектов окружающей действительности, мы постараемся обнаружить ниже.

[1] В Скитском патерике бес хвастается сатане тем, что устроил бурю на море, и так погубил много людей (СП: 296).

К XIII в. древнерусские представления о посмертной судьбе человека еще не оформились в строгие догмы. С одной стороны, достаточной популярностью пользовалась апокрифическая литература, в которой тот или иной святой посещал загробный мир, в т. ч. ад. Некоторые детали таких апокрифов явственно указывают на то, что речь идет о времени, предшествующем Второму пришествию: в аду пребывают только души, но не тела грешников (ХБМ: 306, 308), прежде чем сопроводить душу в ад или рай ангелы или бесы показывают ей тело, чтобы она могла вернуться ко времени Страшного суда (ВАП: 536, 539). С другой стороны, Кирилл Туровский отрицал существование посмертных мук и ада до Страшного суда: «но блюдомы суть, иже Богъ вѣсть» (СПКТ: 158).

Далее мы обратимся к немногочисленным случаям, когда книжники бесспорно описывали казусы влияния умерших на крупные бедствия неантропоморфного характера, и попытаемся выяснить назначение подобных сообщений.

Атака навий на Полоцк в «Повести временных лет»

Переплетение информации, приписываемой народной среде, и книжных интерпретаций можно обнаружить в сообщении «Повести временных лет», помещенном под 1092 г. Согласно летописцу, ночью на улицах Полоцка раздавался шум, и бесы ходили, подобно людям. Выходивших из дома демоны поражали смертельной «язвою». Большинство полочан не рисковало появляться на улице и сидело дома. Затем бесы стали являться днем на конях. От этих демонических всадников, убивающих людей, видны были только копыта. Инфернальные конники были прозваны в народе навьями (ПСРЛ 1: стб. 214–215). Этот эпизод является единственным прямым свидетельством летописей домонгольского периода, в котором говорится о вере некоторой части населения в способность мертвых оказывать вредоносное влияние на мир живых людей.

Сюжет избиения полочан навьями давно стал предметом пристального изучения исследователей. Многообразие его интерпретаций было подробно разобрано мной в отдельной статье (*Пузанов* 2023). При анализе нарратива с позиций возможных фольклорных заимствований возникает та же проблема, которую Н. М. Гальковский разбирал на примере поучений против культа предков: не понятно отождествлял ли сам книжник бесов с навьями[1].

Исследователь, к сожалению, не акцентировал внимание на различиях данных поучений. Бесы моются и нуждаются в пище только в рукописи XVI в. (О посте: 15). В рукописи XIV–XV вв. все, что делают демоны, — это оставляют следы на пепле, из-за чего «злоумные» думают, что приходили навьи, и *сами* съедают кушанья, оставленные умершим (Слово св. отца: 60). В глазах христианина любая жертвенная пища могла восприниматься как бесовская «трапеза», богохульное подражание Евхаристии. Такой взгляд восходит к посланиям Павла (1 Кор. 10:19–21) и был хорошо известен на Руси (ССб: 134, 240, 290, 297). В свою очередь, известно было и 83-е правило Трулльского собора, запрещавшее причащать мертвых на том основании, что они не способны кушать (ССб: 146). Следы же на пепле могли вызывать ассоциации со способом, которым в Библии пророк Даниил опроверг способность идола Вила питаться жертвоприноше-

[1] В отечественной историографии эта проблема обычно не осознается. Исследователи по-разному прочитывают данный нарратив, опираясь на собственные ощущения. Напр.: *Лаушкин* 1998: 38; *Агапкина* 1999: 156.

ниями[1]: языческое святилище посыпали пеплом. По принятому обычаю жрецы втайне от всех съели оставленные божеству яства. Но на пепле осталось много человеческих следов, из-за чего обман был раскрыт (Библия Дан. 14: 14–22). Благочестивая насмешка Даниила [«И посмияся даниилъ… и рече виждь оубо тьля. и разумѣи чья суть тьи стопы» (РГБ 304: л. 260 об.)] над жрецами вполне могла контрастировать в сознании книжника с насмешкой / обманом бесов: «Бесы же злоумню ихъ смѣющеся. поропръщются в пеплу томь. и следъ свои показають на пролщение имъ» (Слово св. отца: 60). Возможность (пусть и гипотетическая) подобного прочтения памятника усиливает вывод Н. М. Гальковского, согласно которому, обличители культа навий не отождествляли обманывающих народ бесов с душами умерших людей[2].

В свою очередь, в «Повести временных лет» присутствует описание того, как неправедные мертвые могли «воздействовать» на мир. Автор заимствует из Амартола сюжет о чудесах колдуна Аполония, которые тот творил благодаря бесам. После смерти чародея он уже неинтересен книжнику как субъект, но над могилой волхва остаются демоны, которые производят знамения, прельщая и обманывая маловерных (ПСРЛ 1: стб. 40). Это сообщение дошло до нас в той же редакции памятника, в которой встречается информация об атаке мертвых на живых. В Новгородской первой летописи под 1092 г. скупо описывается, как выходящих из дома полочан убивают невидимые воины, от которых видны одни только копыта (ПСРЛ 3: 202). Остальные детали (в т. ч. наименование невидимых существ то «бесами», то «навьями») восходят к варианту текста, отраженного в Лаврентьевской летописи. Более подробное сообщение не только использует информацию неизвестную или пропущенную новгородским книжником. Одновременно оно содержит творческую интерпретацию событий. Полоцкое чудо описано в контексте других экстраординарных бедствий 1091–1092 гг. и вместе с ними трактуется как следствие умножения грехов (ПСРЛ 1: стб. 214–215).

Само по себе явление «войска» бесов определенным образом контрастирует с общей идеологией летописи. Рассуждения положительных героев-христиан в источнике созвучны проповедям Серапиона Владимирского: бесы и служащие им люди, в отличие от Бога, не способны провоцировать голод, мор, засуху и иные «казни» (ПСРЛ 1: стб. 148; СПСВ: 378, 382). Могущество современных автору волхвов ограничено в «Повести временных лет» способностью иногда верно предсказывать события и создавать иллюзии. Чудскому волхву книжник даже вкладывает в уста своеобразное объяснение своего пророческого дара: это пересказ распространенной в разных авраамических религиях мифологемы о подслушивании бесами ангелов (ПСРЛ 1: стб. 179). Иностранные волхвы прошлого, информацию о которых летописец черпал из переводных хроник, выглядят значительно более могущественными. Они не только предсказывают будущее, но и изгоняют из человека бесов, способны прогнать вредных человеку животных, сдерживать речные струи. Однако, когда у такого волхва попросили избавить город от землетрясения, он не смог выполнить просьбу (ПСРЛ 1: стб. 40).

Серьезные ограничения могущества сил зла можно встретить и в оригинальном Киево-Печерском патерике, который возник в одной с «Повестью временных лет» интеллектуальной среде. Наиболее показательно сообщение о Никите Затворнике. Возгор-

[1] Сама по себе параллель к древнерусским поучениям из Книги пророка Даниила уже обращала на себя внимание. Основываясь на ней, И. Н. Данилевский усомнился в том, что тексты о банных процедурах навий отражают реальный языческий обряд (*Данилевский* 2020: 149).

[2] В данном случае не так важно, что в народных интерпретациях злые навьи, убивавшие полочан, не обязательно отождествлялись с навьями, которым был организован культ (*Агапкина* 1999: 156).

дившийся монах, желая обрести дар чудотворения и игнорируя наставления игумена, самовольно ушел в затвор. Никите явился бес в образе ангела и советовал вместо молитв читать книги, а взамен злой дух молился за монаха. При этом при помощи падшего ангела герой научился пророчествовать. После того как братия осознала, что произошло, и изгнала беса, Никита начал послушническую монашескую жизнь и превзошел всех добродетелью. Позже, будучи епископом Новгорода, он «помолився Богу, дождь с небесе сведе и пожар граду угаси» (КПП: 38). Так, один и тот же человек при помощи беса научился пророчествовать, а при помощи Бога — «управлять» дождем и огнем. Но даже верные пророчества беса, согласно памятнику, не свидетельствуют о знании духами зла будущего. Черт возвещал лишь то, чему был сам причиной, влагая в мысли грешникам дурные помыслы (КПП: 37). В других древнерусских житийных памятниках (оригинальных и переводных) способность святых вызывать дождь символизирует особое расположение Бога к человеку (ЖАС: 50) либо возвращение к некогда павшему праведнику святости, искупление его грехов (ССб: 256).

Сообщение о войске навий, помимо прочего, как будто противоречит более раннему утверждению той же редакции произведения о том, что только Бог может наслать мор (ПСРЛ 1: 148). Хотя, строго говоря, сам книжник «мором» нападение бесов не называл. Мы лишь отметим, что перед глазами летописца было достаточно источников, подтверждающих способность демонов наносить физические дефекты отдельным людям. Христианин не может пройти мимо евангельского эпизода (Библия Лк. 13: 11–16), когда Иисус нарушает «субботу», изгоняя «духа недужного», который позже будет назван Мессией «сатаной» (Остромирово Евангелие: л. 105–105 об.). В Александрии содержится сообщение о том, как бесы наносили невидимые ранения войску Александра (АПР: 77). Наконец, в самой «Повести временных лет» присутствует эпизод, в котором на Святополка Окаянного перед его смертью нападает нечистый, «расслабляя» его кости, из-за чего князь теряет способность самостоятельно передвигаться (ПСРЛ 1: стб. 144–145).

В «Повести временных лет» бесы могли обретать серьезную силу и власть, совращая людей, но степень их прямого воздействия на мир оставалась слабой. Однажды дьявол вложил дурные помыслы князьям, став причиной междоусобицы (ПСРЛ 1: стб. 257). При помощи бесовских чудес волхвы доказывали виновность отдельных женщин в неурожайном годе, что, согласно источнику, привело к многим убийствам (ПСРЛ 1: стб. 175–176). Но все эти примеры связаны с воздействием на психологию людей. Широко должна была распространяться и вера в способность бесов наносить физический вред (быть причиной болезней[1], язв и т. д.), который был ограничен нападением на отдельного человека. Описанная под 1092 г. атака бесов на Полоцк не выходит за рамки данной логики, приобретая беспрецедентный для летописи масштаб благодаря многочисленности злых существ и веры в особый замысел Бога, обрушившего на Русь в этот год многие бедствия. Здесь мы видим альтернативные современным способы разграничения несчастий, которые далеки от дихотомии природа / культура.

Что касается наименования демонов навьями, то оно отражает взгляд книжника на интерпретацию событий со стороны «человеков» (ПСРЛ 1: стб. 215), а не его собственную точку зрения. Обретение падшими ангелами облика призраков могло являться всего лишь проявлением распространенного в древнерусской книжности приема, когда активность сверхъестественных существ, в существование которых верят маловерные люди, объясняется воздействием бесов.

[1] Особенно психических и заболеваний опорно-двигательной системы.

Пожары во Владимире и Ярославле

Летописные формулы о помощи мертвых живым потомкам почти всегда встречаются в контексте описания военных столкновений. Масштаб оказанной предками помощи при этом различен: молитвы живого или мертвого князя могут прекращать усобицы (ПСРЛ 1: стб. 440), вызвать панику у врага, даровать победу, укреплять действующего правителя в боевых намерениях (ПСРЛ 1: стб. 324, 376, 390, 395; ПСРЛ 2: стб. 289–290) или спасать его во время битвы или другой военной опасности (ПСРЛ 1: стб. 333, 483; ПСРЛ 2: стб. 438, 431–432).

Сильно выбиваются из общего военно-политического контекста подобных сообщений случаи, когда молитвами умерших князей предотвращаются коллективные Божьи казни. Лаврентьевская летопись под 1193 г. описывает, как во Владимире разыгрался пожар, а княжеский двор по воле Господа и святой Богородицы остался невредим. Стихию остановили молитвы «дѣда его и отца его» (ПСРЛ 1: стб. 409)[1]. Через 28 лет похожая история, согласно той же летописи (под 1221 г.), повторилась в Ярославле. Невредимым также остался княжеский двор благодаря силе «Честного Креста» и молитвам покойного праведника — «доброго Константина» (ПСРЛ 1: стб. 445)[2]. Оба сообщения составлены по одной схеме. Тому, видимо, способствовали и сходные обстоятельства. Оба пожара *книжники* датируют 20-ми числами июня[3]. И в первом, и во втором случае летопись упоминает количество сгоревших церквей. Владимир сгорел наполовину, Ярославль — почти целиком. При этом первое по хронологии сообщение само опиралось на некоторый прецедент.

В это время на Великом Владимирском столе княжил Всеволод Большое Гнездо. Дед Всеволода — Владимир Мономах, показавший еще при жизни действенность своих молитв. Его отец — Юрий Долгорукий также ко времени сообщения о пожаре, по мнению книжника, проявил свою способность влиять молитвами на ход истории. Под 1171 г. описана помощь все тех же покойных на тот момент «отца и деда» в борьбе с половцами (ПСРЛ 1: стб. 363). Именно убежденность книжника в благочестии Юрия Долгорукого вызывает наибольшие возражения отдельных историков (*Федотов* 2001: 268). Но такая исследовательская оценка прямо противоречит языку самой летописи: в сообщении под 1185 г. внук Юрия Долгорукого Владимир Глебович в борьбе с половцами укрепляется молитвами своего деда и отца, причем дед прямо назван святым. Отметим, что летописец дополнительно расставляет акценты на том, что «Володимеръ же Глѣбовичь внукъ Юргевъ» (ПСРЛ 1: стб. 395).

Хотя традиция отображать в летописях определенными словесными формулами помощь потомкам со стороны почивших официально неканонизированных князей начинается с информации о заступничестве в начале живого, а потом умершего Владимира Мономаха, помощь молитв умерших праведников в более ранних источниках тоже демонстрирует довольно гибкое отношение к вопросу о том, к каким мертвым можно обращаться как к святым людям. В «Сказании о Борисе и Глебе» Глеб то просит уже

---

[1] Князя.

[2] Отца сидевшего в тот момент на ярославском столе Всеволода (ПСРЛ 1: стб. 442).

[3] Как показал Н. Г. Бережков, в сообщении о пожаре во Владимире содержится ошибка. Канун дня Бориса и Глеба — это *23 июля*. При этом само сообщение следует датировать 6700 (1192/3) мартовским годом (*Бережков* 1963: 84). Эта же ошибка содержится в сводах, в которых сохранение княжеского двора не объясняется молитвенным заступничеством почивших князей (ПСРЛ 38: 157–158; ПСРЛ 41: 120).

погибшего брата Бориса молиться за него в случае, если его молитвы доходят до Бога (СБГ: 340), то молит Господа избавить от мук *ада* своих живых и мертвых родственников (от Владимира и Бориса до Ярослава и Святополка) и дружину. И тут же вновь обращается в молитвах о заступничестве перед Богом к Владимиру и Борису. В обращении к последнему способность повлиять на Господа более очевидно чем в первый раз связывается со святостью. Но уверенности в праведности Бориса уже больше: «И ты, Борисе брате, услыши гласа моего… нъ ты убо помяни мя о мнѣ къ обьщему Владыцѣ, яко имѣя дьрзновение и престоя у престола его» (СБГ: 342).

Еще более необычные, с точки зрения современного человека, казусы встречаются в Киево-Печерском патерике. Раненному варягу Шимону помогает исцелиться следующая молитва: «Господи, избави мя от горкия сия смерти молитвами пречистыа твоеа Матере и преподобною отцю Антония и Феодосия!» (КПП: 8). В данном отрывке имена еще живых на момент стенаний Шимона Антония и Феодосия упоминаются в одном ряду с Богородицей, а сами монахи названы *преподобными*. Использование такой терминологии в памятнике не случайно: ранее варягу было явлено видение, в котором преподобным был назван создатель Богородичной церкви Киево-Печерского патерика. Именно ссылаясь на этот «факт», Шимон будет уговаривать Феодосия молиться за него и его родственников не только при жизни, но и после смерти (КПП: 9). Феодосий уклончиво отвечает на данную просьбу. Но настойчивость Шимона становится обоснованием для необычного ритуала: святой пишет молитву, которую отныне влагают в руку умершим.

Власть различных существ над окружающим миром в Киево-Печерском патерике нередко образует политическую иерархию, основанием которой является близость определенного актора к Богу. Помимо нарратива о становлении чудотворцем Никиты Затворника можно вспомнить, с какой легкостью герои памятника заставляют работать на себя бесов. Политический характер подробных отношений особенно проявляется в эпизоде, в котором отражена злость демонов из-за того, что ранее им поклонялись как богам люди, а теперь они подобно *смердам* трудятся на благо монахов (КПП: 64). Важным для источника являлось и противопоставление живых и мертвых праведников земным правителям[1].

Умершие праведники в Патерике сохраняют человеческие желания и способны вполне осознанно влиять на мир. Это проявляется не только в сообщениях об их молитвах. Святые герои памятника периодически предстают в парадоксальном свете живых умерших, что явственно связывается с их способностью творить чудеса. Показательны в этом отношении слова константинопольских иконописцев, которые договорились с мертвыми на тот момент Феодосием и Антонием расписать Богородичную церковь. Приплыв в монастырь, мастера увидели, что церковь слишком большая (уговор был по поводу маленькой церкви). Возмущенные иконописцы решили вернуть заплаченное за работу золото и потребовали позвать монахов, которые заключили с ними договор. По описанию заказчиков, братия сообразила, что речь идет о почивших святых. Мастера попросили показать изображения Антония и Феодосия, и в их иконах с ужасом распознали своих «клиентов»: «Сии еста воистину, и вѣруем, яко *жива еста и по смерти* (Курсив мой — *Д. П.*), и можета помогати, и спасати, и заступати уповающих к нима» (КПП: 15).

[1] Помимо широко известных эпизодов сложного взаимодействия монастыря со светской властью см. напр. сопоставление акторных характеристик умершего праведника с могуществом вельмож (КПП: 10). Князь Святоша, ставший по своему желанию монахом, назван в Патерике «болий всѣх князий рускых» (КПП: 32).

История сложных взаимоотношений Агапита с армянским врачом позволяет довольно тесно связать идею живых после смерти чудотворцев с малой эсхатологией. Армянин предсказывает сильно болевшему монаху умереть на третий день. В том предсказании лекарь полностью уверен, т. к. умеет точно определять дату смерти тяжело больных людей. Агапит возражает, что Бог ему сказал умереть через три месяца, что и сбывается. После смерти монаха армянин изъявляет желание перейти в православие и утверждает, что, по его мнению, если бы Агапит захотел жить вечно, то он бы и не умер. А если принял его Бог, то «вѣчный живот дарова ему». Агапит, — продолжает свою мысль армянин, — отошел от этого мира, желая Царствия Небесного, хотя мог еще жить среди живых. 3 месяца жизни он добавил себе, потому что врач предсказал 3 дня. Предсказал бы 3 месяца — Агапит прожил бы 3 года. «Аще умре сий, живъ есть», — заканчивает свои рассуждения армянин (КПП: 42).

В Киево-Печерском патерике акторные характеристики святого (как живого, так и мертвого) описываются достаточно четко. Сподвижник, желающий получить славу не от людей, а от Бога, способен сделать так, чтобы его мертвое тело, брошенное в море, не смогли отыскать (КПП: 25). Когда праведник не успевает вырыть могилу для недавно умершего, он может попросить последнего пожить еще день. И тот оживет, и умрет, когда ему «разрешат» (КПП: 57–58). На обидчиков святого может даже напасть недуг, «по словеси блаженаго» (КПП: 74). Тяжело болеющий Пимен признается, что мог бы исцелить себя молитвами, но терпит болезнь, дабы получить награду на небесах (КПП: 74).

С позиций современной идеологии, не знающей идеи личностей разного порядка и статуса, привычный для Патерика ракурс описания чудес может вызывать ощущение, что не Бог управляет святыми, а праведники как будто аккумулируют в своих руках силы Господа, используя последнего для осуществления своих целей, желаний и устремлений. Но в редких случаях, когда два этих типа личности упоминаются вместе, мы видим, что это иллюзия: то что происходит по слову и желанию чудотворца не в меньшей степени обусловлено волей Бога (КПП: 58).

Описанные выше особенности акторности праведников в Киево-Печерском патерике вполне вписывались в рамки христианской догматики. В известном на Руси сочинении «О почитании святых и их мощей» Иоанна Дамаскина способность мертвого тела совершать чудеса — уникальное свойство останков святого (ССб: 350–351). И души, и тела таких людей, с точки зрения Иоанна, сохраняют акторные характеристики в мире живых, в том числе и потому, что они вовсе не умирают. Физическая смерть человека, обретшего спасение, в представлениях Отца Церкви была подобна сну, а его посмертные чудеса свидетельствуют об этом. Тела святых сохраняют особую одухотворенность священной реликвии, являясь храмом. Души же их после смерти молятся за живых. Интересно, что в том же сочинении святые уподобляются земным властителям и даже богам (ССб: 349). Так преподобный интерпретирует сроки различных книг Библии[1], где Всемогущий называется «цр҃ь цр҃мь», «гд҃ь гд҃емь» (Библия Откр. 19: 16), «бг҃ъ бг҃омъ» (Библия Пс. 49: 1); а Моисей представлен как бог фараона (Библия Исх. 7:1).

Таким образом, грань между живым и мертвым праведником размывается в двух связанных ситуациях. Когда необходимо подчеркнуть способность святого влиять на мир живых после смерти (что само по себе свидетельствует о победе данного человека над смертью) и когда умерший праведник, подобно живому, продолжает молиться Богу и его молитвы доходят до адресата. Усвоению печерскими монахами подобных идеологем в

[1] Эти цитаты были идентифицированы давно (*Бронзов* 1991: 382).

определенной мере способствовал и быт лавры. Киево-Печерский монастырь перенял из палестинских пещерных обителей такую планировку, при которой границы между местом обитания монахов и захоронениями были размыты. М. М. Никитенко (*Нікітенко* 2013: 204, 225) связывает эту практику с представлениями о грядущем воскрешении мертвых и буквальном следовании словам ап. Павла о крещении как смерти и погребении вместе с Христом ради обновленной жизни (Библия Рим. 6: 3–4). Отметим, что Иоанн Дамаскин был монахом палестинского пещерного монастыря святого Саввы. И именно этому монастырю во многих отношениях подражала Печерская лавра (напр.: *Нікітенко* 2013: 215–272). В то же время основные особенности описанной выше идеологии не ограничивались трудами насельников обители и должны были быть известны в домонгольское время. Быть может ими объясняется и равнодушие монахов Киево-Печерского монастыря к точному соблюдению формальных правил проведения отдельных религиозных ритуалов[1] и шокирующий современное религиозное сознание эпизод из «Повести временных лет» и «Сказания о Борисе и Глебе», когда Глеб вымаливает себе мученическую смерть у недавно почившего брата (ПСРЛ 1: стб. 136; СБГ: 340). Приблизившийся к Богу человек обретает власть и над последними днями своей жизни.

Сама же идея, согласно которой, святым может считаться человек, не удостоившийся официальной канонизации, не предполагает наличия особого средневекового сознания. Она воспроизводилась и в гораздо более позднее время. В подтверждение этому уместно привести типологическую параллель. В своих мемуарах митрополит В. Федченков записал, как в годы его детства в одном селе жители попросили священника провести молебен о дожде. Но перед молебном паства вместе с «батюшкой» отправилась служить панихиду, дабы «о нуждах живых своих потомков и близких» помолились и умершие (*Федченков* 2015: 22). После панихиды священник, обращаясь к В. Федченкову, сказал: «Я думаю: сколько, чай, здесь лежит святых…». На вопрос удивленного отрока клирик ответил: «Да как же? Как терпели-то! Крепостное право легко ли было переносить? А несли без ропота до смерти…» (*Федченков* 2015: 23).

Неудивительно и то, почему только в Суздальском летописании умершие князья спасают людей от бедствий неполитического характера. Сама по себе идея молитвенного заступничества правителей и духовенства за землю явственно оформилась еще в трудах монахов Киево-Печерского патерика. Основные черты этой идеологии находились в рамках популярных на Руси догматических сочинений и были унаследованы последующими традициями, развивавшими их в разных направлениях. Не исключено, что на интерпретации книжников влияли некоторые реальные казусы: почивший мог обрести еще при жизни славу человека, чьи молитвы доходят до Бога; благодеяние могло случиться после просьб, произнесенных у останков умершего[2]. В летописании Северо-Восточной Руси приобретает наибольшее развитие идея молитвенного заступничества мертвых и живых князей за землю, соответственно формулы такого заступ-

[1] Монахи соблюли волю Феодосия Печерского, похоронив его вечером-ночью (ПСРЛ 1: стб. 188). К похоронам Иисуса, согласно Евангелиям (Библия Мф. 27: 57; Мк. 15: 42), тоже приступают поздно в пятницу (ГИМ 404: л. 66, 108). Непосредственное подражание Иисусу, который добровольно пошел на казнь, также могло влиять на понимание феномена человеческой смерти.

[2] Недаром «Повесть временных лет» связывает победу Руси над половцами под 1107 г. с обычаем Святополка молиться перед каждым важным делом у гроба Феодосия Печерского (ПСРЛ 1: стб. 282). Эту же привычку данного князя, свидетеля многих чудес, описывает и Патерик (КПП: 56). См. также сообщение новгородских летописей о смерти архиепископа Далмата: «Даи, господи, молитву его святую кланяющимся гробу его» (ПСРЛ 3: 322).

ничества демонстрируют наиболее разнообразные варианты своего воплощения. Так как праведник сохраняет личностные качества и после смерти, и в мире ином от него можно ждать спасительных молитв. Когда в результате страшного пожара огонь удалось «отсечь» от *княжеского* двора, это событие должно было связываться с фигурой предков правителя не меньше, чем благодеяния на княжеском деле — войне.

Общий вывод

В дошедших до нас древнерусских сочинениях механизмы чудесного воздействия на мир со стороны людей подчинялись не столько дихотомии живой / мертвый, сколько представлениям о близости человека к Богу. И мертвые, и живые праведники могли повлиять на окружающий мир своими молитвами. И хотя на стихийные бедствия подобное влияние распространялось редко, соответствующие сообщения все же появлялись там, где этому располагала ситуация. Таким образом, праведник (канонизированный или нет) в представлении образованных христиан не терял своей агентности и после смерти, продолжая действовать в коллективе живых людей как могущественная, обладающая властью над миром личность.

Грешные люди в древнерусских оригинальных произведениях имели возможность совершить чудо благодаря действию бесов. Последние также могли творить чудеса над могилами своих мертвых почитателей. Однако силы зла часто ограничивались способностью воздействовать на отдельных людей. Благодаря особой Божьей воле и многочисленности демонов такое влияние лишь однажды приобрело масштаб, напоминающий воздействие стихийного бедствия. При этом бесы ранили людей, осуществляя действия, традиционно приписываемые силам зла в средневековом христианстве. Книжник сообщает и об альтернативной интерпретации событий: маловерные люди оказались обмануты падшими ангелами и восприняли их выступление как атаку призраков.

В целом, оригинальная домонгольская книжная культура Руси сильно ограничивала масштабы влияния сил зла на окружающий мир. Бесспорных же примеров чудесной активности несвятых *мертвых*, в которую бы верил сам автор сочинения, она не знает. Отметим также, что прямые высказывания, утверждавшие немощность бесов, нередко связаны с описанием неурожайных лет. Они содержатся в «Повести временных лет» под годами, в которых описывается уничтожение волхвами женщин и «старой чади», будто бы препятствующих урожаю (ПСРЛ 1: 148, 176–179). Серапион Владимирский в своих проповедях выступал против народных обычаев выкапывать из могил трупы удавленников и утопленников и убивать женщин, обвиняемых в негативном влиянии на плодородие (СПСВ). Наконец, о том, что вопрос влияния агентов, альтернативных догматико-христианским нормам, на плодородие полей стоял остро, косвенно может свидетельствовать и граффито в Софийском соборе, автор которого опровергал способность бесов управлять облаками (*Медынцева* 1978: 91).

Тот факт, что авторы древнерусских оригинальных произведений не допускали влияния несвятых мертвых на мир живых людей во многом объясняется особенностями древнерусской культуры и у́же, характером той среды, из которой выходили подобные сочинения. Реконструированные в этой работе представления являются лишь отражением мировоззрения части социума. Причем есть основания полагать, что основные черты данной идеологии проникли в русское летописание не позже периода формирования «Повести временных лет» и были тесно связаны с деятельностью Киево-Печерской братии.

Источники и материалы

АПР — Александрия первой редакции // *Истрин В.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893. С. 3–128.

Библия — Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2014. 1377 с.

Бронзов 1991 — *Бронзов А.* Приложения к переводу // *Св. Иоанн Дамаскин.* Точное изложение православной веры. Ростов-на-Дону: Приазовский край, 1991. С. 345–459.

ВАП — Видение апостола Павла // *Мильков В. В.* Древнерусские апокрифы. СПб.: РХГИ, 1999. С. 528–560.

ГИМ 404 — Государственный исторический музей. Син. 404. Евангелие тетр «Галицкое». 1144 г. 260 л.

ЖАС — Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 2000. С. 30–65.

КПП — Киево-Печерский патерик // Древнерусские патерики / отв. ред. А. С. Демин. М., 1999. С. 7–80.

Медынцева 1978 — *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи новгородского Софийского собора. XI–XIV века. М.: Наука, 1978. 312 с.

О посте — О посте к невежам в понеделок 2 недели // *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2. Древне-русские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М.: Индрик, 2000. С. 1–16.

Остромирово Евангелие — Остромирово Евангелие. [Электронный ресурс]. http://expositions.nlr.ru/ex_manus/Ostromir_Gospel/index.php (дата обращения 13.12.2024).

ПСРЛ 1 — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ 2 — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.

ПСРЛ 3 — Полное собрание русских летописей. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. V–XII, 720 с.

ПСРЛ 38 — Полное собрание русских летописей. Т. 38. Радзивиловская летопись. Л.: Наука, 1989. 180 с.

ПСРЛ 41 — Полное собрание русских летописей. Т. 41. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей). М.: Археографический центр, 1995. 184 с.

РГБ 304 — Российская государственная библиотека. Отдел рукописей. Ф. 304. I. № 89. Книги 16 Пророков толковые. 261 л.

СБГ — Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 328–351.

Слово св. отца — Слово св. отца нашего Иоанна Златоуста, архиеписк. Константина града, о том, как первое поганые веровали в идолы и требы им клали и имена им нарекали // *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 2. Древне-русские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М.: Индрик, 2000. С. 55–63.

СлРЯ 9 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (м). М.: Наука, 1982. 360 с.

СП — Из Скитского патерика // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 294–311.

СПКТ — Слова и поучения Кирилла Туровского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. XII век. СПб.: Наука, 2000. С. 142–205.

СПСВ — Слова и Поучения Серапиона Владимирского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб.: Наука, 2000. С. 370–385.

ССб — Антология памятников литературы домонгольского периода в рукописи XV в.: Софийский сборник / под ред. Н. В. Савельевой. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2013. 540 с.

Титмар 2005 — *Титмар Мерзебургский.* Хроника. М.: «SPSL»–«Русская панорама», 2005. 256 с.

Федченков 2015 — *Вениамин (Федченков), митр.* На рубеже двух эпох. М.: Правило веры, 2015. 814 с.

ХБМ — Хождение Богородицы по мукам // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3. XI–XII века. СПб.: Наука, 2000. С. 306–321.

Научная литература

Агапкина Т. А. О тодорцах, русалках и прочих навях (мертвецы-демоны и «нечистые покойники» в весеннем календаре славянских народов) // Studia mythologica slavica. 1999. Vol. 2. С. 145–160.

Алексеев А. И. Духовная культура средневековой Руси. М.: Индрик, 2016. 272 с.

Аничков Е. В. Язычество и Русь. М.: Индрик, 2003. 440 с.

Антонов Д. И. «Беса поймав, мучаше…». Избиение беса святым: демонологический сюжет в книжности и иконографии средневековой Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 1 (39). С. 61–75.

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 377 с.

Гайденко П. И. Когда князь становился святым? Несколько наблюдений о феномене святости древнерусских князей XI–XIII вв. // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2020. № 1 (12). С. 81–94.

Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 1, 2. М.: Индрик, 2000. I–IV, 1–376, 1–308 с.

Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье Общество любителей церковной истории, 1998. 600 с.

Данилевский И. Н. (отв. ред.) Общественная мысль России: с древнейших времен до середины XX века. Т. 1. Становление общественной мысли допетровской Руси. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 528 с.

Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.

Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.

Комарович В. Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. // Из истории русской культуры. Т. 2. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. М.: ЯСК, 2002. С. 8–29.

Костромин К., прот. Размышления над номером (Палеоросия 2023, № 1) // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 1 (21). С. 97–103. https://doi.org/10.47132/2618-9674_2024_1_201

Лаушкин А. В. Стихийные бедствия и природные знамения в представлениях древнерусских летописцев XI–XIII вв. // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 1. Книжная культура. М.: Мануфактура, 1998. С. 26–58.

Нікітенко М. М. Святі гори Київські: побудова сакрального простору ранньохристиянського Києва (кінець X — початок XII ст.). Київ, 2013. 484 с.

Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 464 с.

Петухов Е. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888. I–VII, 1–235, III–IX, 1–19 с.

Пузанов Д. В. Мертвые в городе: о многообразии интерпретаций одного сюжета из Повести временных лет // Палеоросия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2023. № 1 (21). С. 20–33. https://doi.org/10.47132/2618-9674_2023_1_20

Ранчин А. М. Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разработках и комментариях. М.: НЛО, 2007. 576 с.

Сазонов С. В. «Молитва мертвых за живых» в русском летописании XII–XV вв. // Россия в X–XVIII вв. Проблемы истории и источниковедения. Тезисы докладов и сообщений Вторых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. Москва, 26–28 января 1995 г. Ч. 2. М., 1995. С. 508–517.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис» — Школа «Языки русской культуры», 1995. 875 с.

Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 8. Святые Древней Руси. М.: Мартис, 2000. 268 с.
Федотов Г. П. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 10. Русская религиозность. Ч. 1. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. М.: Мартис, 2001. 382 с.
Ginzburg C. Ecstasies Deciphering the Witches' Sabbath. New York: Pantheon Books, 1991. 344 p.

References

Agapkina, T. A. 1999. O todortsakh, rusalkakh i prochikh navyakh (mertvetsy-demony i "nechistye pokoiniki" v vesennem kalendare slavyanskikh narodov) [About Todortsy, Rusalki and Other Navi (Undead-Demons and "Unclean Dead" in the Spring Calendar of Slavic Peoples)]. *Studia Mythologica Slavica* 2: 145–160.
Alekseev, A. I. 2016. *Dukhovnaya kul'tura srednevekovoi Rusi.* [The Spiritual Culture of Medieval Rus]. Moscow: Indrik. 272 p.
Anichkov, E. V. 2003. *Yazychestvo i Rus'* [Paganism and Rus]. Moscow: Indrik. 440 p.
Antonov, D. I. 2010. "Besa poimav, muchashe…". Izbienie besa svyatym: demonologicheskii syuzhet v knizhnosti i ikonografii srednevekovoi Rusi ["Besa poimav, muchashe…". The Beating of a Demon by a Saint: A Demonological Plot in the Literature and Iconography of Medieval Rus]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* 1(39): 61–75.
Berezhkov, N. G. 1963. *Khronologiya russkogo letopisaniya* [Chronology of the Russian Chronicle]. Moscow: AN SSSR. 377 p.
Danilevsky, I. N. (ed.) 2020. *Obshchestvennaya mysl Rossii: s drevneyshikh vremen do serediny XIX veka* [The Social Thought of Russia: From Ancient Times to the Middle of the 20th Century]. Vol. 1. *Stanovleniye obshchestvennoy mysli dopetrovskoy Rusi* [The Formation of Public Thought in Pre-Petrine Rus]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. 528 p.
Fedotov, G. P. 2000. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 8. *Svyatye Drevnei Rusi* [Saints of Old Rus]. Moscow: Martis. 268 p.
Fedotov, G. P. 2001. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 10. *Russkaya religioznost'* [Russian Religiosity]. Pt. 1. *Khristianstvo Kievskoi Rusi. X–XIII vv*. [Christianity of Kievan Rus. 10–13 Centuries]. Moscow: Martis. 382 p.
Gaidenko, P. I. 2020. Kogda knyaz' stanovilsya svyatym? Neskol'ko nablyudenii o fenomene svyatosti drevnerusskikh knyazei XI–XIII vv. [When Did the Prince Become a Saint? Several Observations about the Phenomenon of the Holiness of the Ancient Russian Princes of the 11–13 Centuries]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* 1(12): 81–94.
Galkovsky, N. M. 2000. *Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v drevnei Rusi* [The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Old Rus]. Vol. 1, 2. Moscow: Indrik. 376, 308 p.
Ginzburg, C. 1991. *Ecstasies Deciphering the Witches' Sabbath*. New York: Pantheon Books. 344 p.
Golubinsky, E. 1998. *Istoriya kanonizatsii svyatykh v russkoi tserkvi* [The History of the Canonization of Saints in the Russian Church]. Moscow: Krutitskoe Patriarshee Podvor'e Obshchestvo lyubitelei tserkovnoi istorii. 600 p.
Klein, L. S. 2004. *Voskreshenie Peruna. K rekonstruktsii vostochnoslavyanskogo yazychestva* [The Resurrection of Perun. Towards the Reconstruction of East Slavic Paganism]. Saint Petersburg: Evraziya. 480 p.
Komarovich, V. L. 2002. Kul't roda i zemli v knyazheskoi srede XI–XIII vv. [The Cult of the Family and the Land in the Princely Environment of the 11–13 Centuries]. In *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. 2. Bk. 1. *Kievskaya i Moskovskaya Rus'* [Kievan and Moscow Rus], ed. by A. Litvina, F. Uspenskii. Moscow: IASK. 8–29.
Kostromin, K. 2023. Razmyshleniya nad nomerom (Paleorosiya 2023, № 1) [Reflections on Issue (Paleorosia 2023, No. 1)]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* 1(21): 97–103. https://doi.org/10.47132/2618-9674_2024_1_201
Laushkin, A. V. 1998. Stikhiinye bedstviya i prirodnye znameniya v predstavleniyakh drevnerusskikh letopistsev XI–XIII vv. [Natural Disasters and Natural Omens in the Representations of Old Rus

Chroniclers of the 11–13 Centuries]. In *Russkoe Srednevekov'e.* [Russian Middle Ages]. Issue 1. *Knizhnaia kul'tura* [Book Culture], ed. by A.V. Laushkin. Moscow: Manufaktura. 26–58.

Nikitenko, M. M. 2013. *Svyati gori Kiyivski: pobudova sakralnogo prostoru rannohristiyanskogo Kiyeva (kinec X — pochatok XII st.)* [Holy Mountains of Kiev: Building the Sacred Space of Early Christian Kiev (Late 10 — Early 12 Centuries)]. Kyiv. 484 p.

Petrukhin, V. Ya. 2014. *Rus' v IX–X vekakh. Ot prizvaniya varyagov do vybora very* [Rus in the 9–10 Centuries. From the Vocation of the Varangians to the Choice of Faith]. Moscow: Forum; Neolit. 464 p.

Petukhov, E. 1888. *Serapion Vladimirskii, russkii propovednik XIII veka* [Serapion of Vladimir, a Russian Preacher of the 13 Century]. Saint Petersburg. I–VII, 1–235, III–IX, 1–19 pp.

Puzanov, D. V. 2023. Mertvye v gorode: o mnogoobrazii interpretatsii odnogo syuzheta iz Povesti vremennykh let [The Dead in the City: On the Variety of Interpretations of One Plot from Primary Chronicle]. *Paleorosiya. Drevnyaya Rus': vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* 1(21): 20–33. https://doi.org/10.47132/2618-9674_2023_1_20

Ranchin, A. M. 2007. *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaya knizhnost' v interpretatsiyakh, razrabotkakh i kommentariyakh* [Vertograd Zlatoslovnyi: Old Rus Literature in Interpretations, Developments and Comments]. Moscow: NLO. 576 p.

Sazonov, S. V. 1995. "Molitva mertvykh za zhivykh" v russkom letopisanii XII–XV vv. ["Prayer of the Dead for the Living" in the Russian Chronicle of the 12–15 Centuries]. In *Rossiya v X–XVIII vv. Problemy istorii i istochnikovedeniya. Tezisy dokladov i soobshchenii Vtorykh chtenii, posvyashchennykh pamyati A. A. Zimina (26–28 ianvaria 1995)* [Russia in the 10–18 Centuries. Problems of History and Source Studies. Abstracts of reports and messages of the Second readings dedicated to the memory of A. A. Zimin (January 26–28, 1995)]. Pt. 2. Moscow. 508–517.

Toporov, V. N. 1995. *Svyatost' i svyatye v russkoi dukhovnoi kul'ture* [Sanctity and Saints in Russian Spiritual Culture]. Vol. 1. *Pervyi vek khristianstva na Rusi* [The First Century of Christianity in Rus]. Moscow: "Gnozis" — Shkola "Yazyki russkoi kul'tury". 875 p.

Zelenin, D. K. 1995. *Izbrannye trudy. Ocherki russkoi mifologii: umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki.* [Selected Works. Essays on Russian Mythology: Those Who Died an Unnatural Death and Rusalkaki]. Moscow: Indrik. 432 p.

УДК 903.15(395.1)
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/376-392
Научная статья

© Л. С. Добровольский

СИМВОЛИКА СКИФСКОЙ ПЕКТОРАЛИ ИЗ КУРГАНА ТОЛСТАЯ МОГИЛА В АСПЕКТЕ ОРФИЧЕСКОЙ ДИОНИСИЙСКОЙ РЕЛИГИИ

В статье анализируется семантика образов и композиций трёх ярусов скифской пекторали из кургана Толстая Могила, памятника IV вв. до н. э. Новизна интерпретации заключается в том, что впервые скифская пектораль рассмотрена как культовый предмет в аспекте дионисийской орфической религии. Семантика образов в целостности композиции трёх ярусов подтверждает сообщаемый Геродотом факт о связи скифов с религиозным культом на о. Делос, а также полученные ранее выводы исследователей о широком распространении религиозно-философского учения орфизма на территории Северного Причерноморья в V–IV вв. до н. э., о популярности в севернопричерноморских полисах культа Диониса Элевтерия и повсеместном проведении здесь дионисийских празднеств, в частности Анфестерий. Пектораль из Толстой Могилы безоговорочно считается памятником скифского искусства, следовательно, можно рассматривать её как яркое подтверждение того, что представители эллинизированной скифской знати понимали суть религии Диониса и широко её восприняли. В рамках существовавших в среде скифов культа предков, культа героев и культа вождей семантика образов и целостной композиции трёх ярусов интерпретируется нами в аспекте триетерического культа. Обнаруженная в дромосе Толстой Могилы пектораль, вероятно, была предметом подношения погребённому предку или вождю как знак его апофеоза и героизации потомками на второй день Анфестерий (праздника душ) — в День Хоэс.

Ключевые слова: *Анфестрии, Дионис Загрей, Дионис Меланайгис, Дионис Митрефор, Дионис Элевтерий, орфизм, скифы Северного Причерноморья, триетерический культ*

Ссылка при цитировании: *Добровольский Л. С*. Символика скифской пекторали из кургана Толстая Могила в аспекте орфической дионисийской религии // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 376–392.

Добровольский Любомир Степанович — магистрант, факультет истории и регионоведения, КНУ имени Жусупа Баласагына (Кыргызстан, 720033 г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547). Эл. почта: lubomirdobrovolskiy@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1392-5355

UDC 903.15(395.1)
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/376-392
Original Article

© Liubomyr Dobrovolskyi

THE SYMBOLISM OF THE SCYTHIAN PECTORAL FROM THE THICK GRAVE KURGAN IN TERMS OF THE ORPHIC DIONYSIAN RELIGION

The article analyzes the semantics of the images and compositions of the three tiers of the Scythian pectoral from the Thick Grave kurgan, a site which dates back to the 4th century BC. This is the first time the Scythian pectoral is considered as a cult object in terms of the Dionysian Orphic religion. The semantics of the images in the integrity of the composition of the three tiers confirms the connection of the Scythians with the religious cult on the island Delos reported by Herodotus. It is also in line with the results obtained by earlier studies about the wide spread of the religious and philosophical doctrine of Orphism in the Northern Black Sea region in the 5th–4th centuries BC, about the popularity of the cult of Dionysus Eleutherius in the northern Black Sea city-states and the widespread holding of Dionysian festivals here, in particular the Anthesteria. The pectoral from the Thick Grave kurgan is unanimously considered a monument of Scythian art, therefore it can be seen as a clear confirmation that the Hellenized Scythian nobility understood the essence of the religion of Dionysus and widely accepted it. Within the framework of the cult of ancestors, the cult of heroes and the cult of leaders that existed among the Scythians, the semantics of images and the integral composition of the three tiers is interpreted in terms of a trietheric cult. The pectoral discovered in the dromos of the Thick Grave kurgan was probably an offering to a buried ancestor or leader as a sign of his apotheosis and glorification by his descendants on the second day of Anthesteria (the festival of souls)— on the Day of Choes.

Keywords: *Anthesteria, Dionysos Zagreos, Dionysos Eleuthereos, Dionysos Melanaigis, Dionysos Mitreforos, orphism, Scythians of the North Pontic Area, trieteric cult*
Author Info: Dobrovolskyi, Liubomyr S. — Master's Student, Faculty of History and Regional Studies, Jusup Balasagyn Kyrgyz National University (Bishkek, Kyrgyzstan). E-mail: lubomirdobrovolskiy@gmail.com ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1392-5355
For citation: Dobrovolskyi, L. S. 2025. The Symbolism of the Scythian Pectoral from the Thick Grave Kurgan in Terms of the Orphic Dionysian Religion. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 376–392.

Постановка проблемы

Одной из наиболее сложных проблем скифологии является интерпретации образов и композиций, запечатлённых в памятниках искусства, особенно тех, которые, как отмечает Б. Н. Мозолевский, представляют реалистические сюжеты из скифской жизни (*Мозолевський* 1979: 218). Непревзойдённым источником в изучении истории и культуры скифского общества он считает пектораль из Толстой Могилы, компози-

ция которой отображает реальный скифский мир реалистическими художественными средствами (*Мозолевський* 1979: 226).

Рис. 1. Золотая пектораль из Толстой Могилы.
Музей исторических драгоценностей Украины (Киев)
Fig.1. Golden Pectoral from Thick Grave. Museum of Historical Treasures of Ukraine (Kyiv)

Л. С. Клочко отмечает выдающееся художественное совершенство, символичность произведения, глубину его содержания и большую информативность относительно различных аспектов, благодаря которым пектораль из Толстой Могилы является важным этнографическим и историческим источником (*Клочко* 2021: 79).

Ю. Б. Полидович рассматривает пектораль из Толстой Могилы как выдающийся памятник скифского искусства, высшее достижение древнегреческого ювелирного искусства, вобравшее в себя основы философско-мифологического понимания жизни скифов, по заказу которых и создали украшение. Однако, в современной скифологии нет согласия во мнениях о содержании образов и сцен трёх ярусов пекторали из Толстой Могилы, рассматриваемых как отдельно, так и в единстве композиции и сюжета. Смерть и жизнь, их противопоставление и взаимообусловленность — основные темы бытия, отраженные на пекторали; а еще — мифологические образы, тайные ритуалы, жертвенность смерти ради жизни (*Полідович* 2021: 58, 75).

Анализ литературы

Центральная сцена верхнего яруса пекторали является ключевой в понимании смысла общей композиции и, в то же время, остаётся особенно загадочной для нас (*Полідович* 2021: 58, 75). Согласно обзору Л. И. Бабенко, насчитывается более двадцати её интерпретаций (*Бабенко* 2013: 111–113). Сгруппируем их по общему содержанию:

1) *бытовые сцены*: два знатные воины расчёсывают рубашку-панцырь, вывернутую мехом навыворот (*Манцевич* 1980); скифы-ремесленники шьют кафтан из овечьей шкуры (*Іллінська* 1976);

2) *символические сцены*: племенные вожди или цари шьют рубашку в ознаменование заключения союза между враждующими племенами (*Брашинский* 1979); два претендента на царство в эпизоде соперничества за обладание шкурой принесённого в жертву барана, т. е. за обладание золотым руном как символом царской власти (*Петрухин* 2001); обряд переодевания или разрывания руна с целью определения победителя для овладения им большей долей собственности (*Ермоленко* 2008); момент передачи таинственной рубашки-панцыря представителями племён скифов-кочевников и скифов-царских (*Даниленко* 1975); ритуальный пошив, связанный с идеологией царской власти и его религиозными функциями (*Шауб* 1999; *Шауб* 2008);

3) *легендарные события:* легендарный первопредок обучает людей искусству пошива одежды из овчины (*Бессонова* 1983); знатные воины (один из них, возможно, Таргитай) после победного боя рассматривают пробоины на магическом панцыре-рубашке, спасшей жизнь её собственнику, и извлекают коготь побеждённого чудовища (*Шрамко* 1983; *Шрамко* 1984); персонажи, близкие мифическим Палу и Напу или Колаксаю и Арпоксаю, или же иранский эпический правитель Хушанг и его брат Вегерд, участвуют в ритуальном действии календарного цикла или сюжета скифского мифа; сцена является центром космограммы, выражающей идею о мировом порядке (*Раевский* 1978; *Раевский* 1985); первопредки-полубоги (например, иранский эпический правитель Хушанг-шах), обучающие людей технологии обработки шкур, шерсти и ткачества (*Бессонова* 1991); кузнец Кавэ и царь Фаридун (или Траэтон) разворачивают изготовленный из цельной шкуры фартук кузнеца Кавэ, делая его флагом царской династии в борьбе с Заххаком (*Яценко* 1999); первопредок (персонаж без повязки), передающий власть сыну в процессе ритуального переодевания (*Мошинский* 2002); скифские боги Гойтосир и Арес, соответствующие иранским Митре и Веретрагне (*Полідович* 2021);

5) *сакральные (культовые) сцены*: процесс пошива рубашки из бараньего руна как кульминация жертвоприношения с целью обеспечить переход родового фарна умершего старшего скифа (тестя) под заступничество младшего скифа (зятя), имеющего более низкий статус, для сохранения и приумножения фарна обоих родов (*Михайлин* 2005); приобщение воина (царя) с луком, производимое жрецом с повязкой на голове, к сакральному знанию и бессмертию в символическом обряде нового рождения (*Бессонова* 1991); боспорский правитель Левкон I посвящает скифского правителя Атея в дионисийские таинства и заключает договор о мире и военной взаимопомощи (*Русяева* 1992); переход знатных скифов в энареи или обряд, связанный с культом великой женской богини (*Мачинский* 1978); обряд сакрального очищения двух скифов и исповедание вины предков перед женским божеством (*Балонов* 1994); избрание царя в день весеннего равноденствия и его военная инициация (изображены жрецы, а царь присутствует условно – одевая на себя пектораль, он воплощает собой мировую ось) (*Бабенко* 2013).

По мнению Ю. Б. Полидовича, нижний фриз пекторали воплощает концепцию смерти в сценах терзания, борьбы, нападения и погони. Жертвенные животные, изображённые на пекторали (лошади, кабан и олень), были таковыми и в скифских обрядах (*Полідович* 2021: 62). Д. С. Раевский также считает, что это метафорическое обозначение смерти во имя рождения, а сцены терзания являются изобразительными эквивалентами жертвоприношения ради поддержания установленного миропорядка: животные, терза-

емые в нижнем регистре, погибают для того, чтобы произошел акт рождения, воплощенный в образах верхнего регистра (*Раевский* 2006: 484).

Как отмечает Ю. Б. Полидович, символику среднего фриза все исследователи воспринимают довольно однозначно — как связанную с мифологическим образом Мирового дерева (*Полідович* 2021: 74).

Сцены верхнего фриза, по мнению Ю. Б. Полидовича, изображают торжество жизни**.** Главными персонажами большинства сцен этой части пекторали являются домашние животные, представленные попарно — мать и дитя. Порядок размещения животных от центра к краям (кобыла — корова — овца — коза) соответствует иерархии животных в жертвоприношениях в древних религиозных системах, например древнеиндийской. Рядом с овцой изображён не ягнёнок, а детёныш человека, и таким образом подчёркивается плодоносная функция скота (*Полідович* 2021: 65).

Интерпретируя главную тему верхнего фриза — жизнь в его развитии, — Ю. Б. Полидович отмечает, что каждая последующая сцена говорит о росте малышей с момента рождения (левый жеребенок и правый теленок) через взросление (правый жеребенок, левый теленок, мальчик и юноша, правый козленок) до первых шагов в самостоятельной жизни (левый козленок) (*Полідович* 2021: 67–68). Ю. Б. Полидович рассматривает все три сцены с участием людей на верхнем фризе как целостный рассказ, связанный с царским мифом, бытовавшим издавна у разных народов. Так, центральная сцена повествует о богах, которые создают фарн (судьбу, путь, нрав) будущего царя, воплощенный в куртке из овчины. Это повествование об предопределенности рождения царя и его будущей судьбы воина-победителя. Образ мальчика-пастуха указывает на следующий ключевой сюжет — удивительное спасение и пребывание героя у пастухов. Впоследствии юноша становится виночерпием (изображённым в виде юноши с амфорой) в свите обладателя-узурпатора. Сам герой надевает пектораль и становится новым справедливым обладателем. По идее, скифы актуализировали данный сюжет по эпической истории для манифестации богоизбранности конкретного властителя, узаконения и сакрализации его власти (*Полідович* 2021: 73–74).

Как полагает Л. И. Бабенко, основополагающий смысл центральной сцены пекторали заключается в идее рождения (уравновешивается количество семи смертей и рождений). Композиция пекторали иллюстрирует церемонию избрания царя в день весеннего равноденствия: обряд инициации с обязательным сакральным испытанием, получение инвеститурных атрибутов и сакрализация власти с помощью обретения царём фарна — божественной благодати, воплощённой в пекторали как священном золоте. Изображён трёхступенчатый обряд перехода избранника на царство: символическая смерть инициированного в его предыдущем статусе → рубежный период (буферная зона) → новое рождение, переход в новый статус, обретение фарна (*Бабенко* 2013: 114–119).

Б. Н. Мозолевский допускает вероятность культовой семантики изображений на пекторали, её принадлежность к культовым вещам, а ее властителя — к сословию царей-жрецов, подтверждая это анализом художественной композиции нагрудника, очень близкой с композицией Чертомлыцкой амфоры (*Мозолевський* 1979: 218–219). Так, согласно мнению Е. Е. Кузьминой (*Кузьмина* 1976: 69–74), композиция амфоры отражает космогонические представления скифов и индоиранскую концепцию трех сфер мироздания; пояс с изображением терзания грифоном оленя трактуется как изображение весеннего равноденствия, циклической смены явлений природы, возрождение ее через уничтожение; растительный пояс (нижний) воспроизводит дерево жизни как символ

богини-матери и воплощение питающих сил земли; антропоморфный средний пояс изображает отлов лошадей для ритуального жертвоприношения в день солярного Нового года и коронации земного воплощения бога – царя, одержавшего победу.

Б. Н. Мозолевский отмечает совпадение отдельных деталей на сценах пекторали с деталями элевсинских мистерий. Это широкие шерстяные повязки, которые носили жрецы, но часто в них изображаются и сами божества плодородия — Кибела, Артемида, Дионис и т. д. Двое основных героев готовят, по мнению Б. Н. Мозолевского, культовую одежду из шкуры барана к предстоящему празднику, что подтверждается древними упоминаниями о большом значении бараньих шкур в различных процедурах элевсинских мистерий. Исключительно лишь культовым характером сцены на пекторали объяснима обнаженность основных ее персонажей, поскольку нагота не была характерной для эстетики вещей из севернопричерноморских памятников, но была обязательной в религии мистерий.

Необходимым ритуалом культовых праздников, отражавших акт творения, было причастие определёнными блюдами и напитками, и, по мнению Б. Н. Мозолевского, юноши верхнего яруса пекторали заняты заготовкой блюд и напитков к предстоящему празднику, который объединяет в одно целое все группы композиции. Как в элевсинских мистериях страшные картины и звуки воплощали в себе загробные страдания грешников, а сменявшие их светлые и успокаивающие сцены внушали мысль о вечном блаженстве людей добродетельных и посвященных в таинства, так и на пекторали антитеза ужасных сцен терзания и буйства бессмертной природы завершается их синтезом в сюжете верхнего яруса, где изображена подготовка к ритуальному празднику, что является, по мнению Б. Н. Мозолевского, изображением акта первотворения. Недвусмысленность символического содержания всей композиции пекторали в целом, как считает Б. Н. Мозолевский, прослеживается в подчеркнутом изображении на верхнем ярусе целого сонма самок домашних животных с пометом — это был весенний праздник пробуждения природы и чествования живительной силы земли (*Мозолевский* 1979: 223–225).

Осознавая неясность конкретного содержания будущего ритуала, к которому готовятся персонажи верхнего яруса, Б. Н. Мозолевский всё же утверждает бесспорность связи этого праздника с почитанием царя, исполнявшего роль культового героя как избранника богов и наделенного бессмертием носителя плодовитости, изображению которого посвящена триединая композиция пекторали. Б. Н. Мозолевский также допускает вероятность совершения этого ритуала во время праздника, связанного с чествованием золотых даров, упавших скифам с неба (*Геродот* (IV, 7) 1972: 188–189), и, таким образом, вполне доказанной считает связь ритуала чествования священных даров с весенним праздником обновления природы (*Мозолевский* 1979: 226).

М. В. Русяева также полагает, что, несмотря на эллинское происхождение пекторали, она характеризуется как памятник скифской (индо-иранской) мифологии и религии, а её композиция универсальна, глубоко синкретична и её нужно изучать в синтезе с боспорской культурой IV в. до н. э. (*Русяева* 1992: 36, 43). Исследовательница выдвигает гипотезу, что в центральном изображении нужно видеть двух правителей — боспорского и скифского — перед проведением в Пантикапеи Великих Дионисий и мистериальных таинств (один из правителей уже принял посвящение, а другой готовится к нему и этим актом они скрепляют свою дружбу и мирные взаимоотношения между двумя государствами) (*Русяева* 1992: 40, 43). Лента на голове одного из персона-

жей, судя по её толщине и продольным линиям, шерстяная, может обозначать, что он уже прошёл мистериальное посвящение, в котором лента, овчина или другая шкура, вино и жертвоприношения играли главную роль (*Русяева* 1992: 41).

М. В. Русяева допускает, что в руках мужчин шкура если и овечья, то уже имеет специальную обработку и они взлохмачивают шерсть или приспосабливают веревку для того, чтобы её можно было прикрепить на спину или грудь и в ритуальной процессии перебросить через плечо или накинуть на плечи. Торсы у мужчин обнажены, поскольку в дионисийском культе всегда обязательным было обнажение хотя бы верхней части тела, а в мистериях участники одевали или вешали на себя меха овцы, козы, оленя, быка или пантеры, украшали ими статуи Диониса и его спутников — сатиров, Пана, силенов, которые наделялись атрибутами животных — длинной шерстью, козьими или конскими хвостами, в обрядах и на сцене выступали в мохнатом убранстве (*Русяева* 1992: 34, 39).

На то, что собственник пекторали имел отношение к дионисийскому культу, указывают и другие предметы из его погребения: изображение Пана с заячьим крюком в окружении двух козлов на обивке рукояти парадного меча; круглые украшения с изображением головы юного Диониса с повязкой на лбу, бляшки с рогатым грифоном с бычьей или бараньей головой, подвеска с менадой на пантере или грифоне; миниатюрный сосуд для вина в захоронении ребёнка (*Русяева* 1992: 42, 45).

Трактовка автора

Предлагаем иную трактовку, исходящую из наших предыдущих исследований, в которых раскрывается связь звериных образов и композиций восточноевропейского скифского звериного стиля с дионисийской религией и идеями орфизма (*Добровольский и др.* 2023; *Добровольский, Умиткалиев* 2023*а*; *Добровольский, Умиткалиев* 2023*б*; *Добровольский, Умиткалиев* 2024).

М. В. Русяева, проанализировав многочисленные изображения на памятниках торевтики и посуде, происходящих из погребений, заключает, что представители эллинизированной знати широко воспринимали религию Диониса и понимали её суть. Вакхические мистерии пропагандировались греками в скифской среде (*Русяева* 1995).

По мнению А. С. Русяевой, наиболее значительную роль в причерноморских полисах играл Дионис в ипостаси Элевтерия (*Русяева* 2005). Как отмечает К. Кереньи, свою статую и своего жреца Дионис получил тогда, когда его публично перевезли из Элевтер, горной деревушки на границе с Беотией, в Афины. Отсюда происходит эпиклеза Диониса — Элевтерий (*Кереньи* 2007: 112). Как Элевтерий он также имел эпиклезу Меланайгис («тот, кто носит черную козью шкуру». В жертву ему приносили черных коз (*Кереньи* 2007: 201).

Повсеместно в различных областях Греции в честь Диониса праздновались мистерии. Древнейшей, изначальной формой мистического служения Дионису были триетериды в честь Диониса-Загрея, обрядовая практика которых восходила к первобытной эпохе (*Кузина* 2008: 16). Распространение культа Диониса в северопонтийском регионе происходило с VI в. до н. э. Во всех античных центрах Северного Причерноморья проводились общественные празднества в честь Диониса — Ленеи, Анфестерии и Дионисии. Религиозное, политическое и культурное влияние Афин прослеживается в усилении общественно-политического аспекта культа Диониса в Ольвии и Боспорском царстве (*Кузина* 2008: 18–19).

Начиная с VI в. до н. э. мистериальная сторона культа Диониса испытывала влияние религиозно-философского учения орфизма, развивавшего идеи бессмертия и обретения лучшей участи в загробном мире. Центром орфизма были Афины времени Писистрата. В V–IV вв. до н. э. орфическое учение получило широкое распространение от Великой Греции до Северного Причерноморья. С V в. до н. э. достижение бессмертия и обретение лучшей участи в загробном мире становятся ведущими идеями вакхических таинств (*Кузина* 2008: 17).

Н. В. Кузина высказывает предположение о том, что культ Диониса и его фиаса служили своеобразным политическим инструментом для устойчивости экономических и культурных контактов с окружающими племенами, элита которых восприняла его основные элементы и включила в число почитаемых божеств, иными словами, варварам оказались близки идеи хтонического культа Диониса, связанные с загробной жизнью и возрождением — элементы хтонического культа Диониса могли включаться в систему религиозных представлений варваров о круговороте жизни и смерти (*Кузина* 2008: 19–20).

Как отмечает К. Кереньи, «внутренняя логика двухгодичного периода, его живая диалектика, соответствовавшая возникновению, уничтожению и возрождению жизни, проявлялась втайне. Ее непрерывное осуществление в триетерическом культе можно считать доказанным для времени начиная с микенского и даже минойского периода. Несмотря на то, что она держалась в тайне, её смысл поддаётся реконструкции на основе точных данных» (*Кереньи* 2007: 131).

Из сообщений Геродота нам известно, что скифы участвовали в перенесении завёрнутых в солому сокровищ на о. Делос (*Геродот* (IV, 33) 1972: 195). Рассмотрим семантику изображений на скифской пекторали в аспекте триетерического культа.

Название «триетерида» обозначает один двухгодичный период. Бог, которого чествовали в первый и во второй год, носил имя Триетерик, поскольку празднества повторялись начиная с третьего года. Также, он носил имя Амфиет — “тот, кто охватывает оба года». Как Триетерик и Амфиет, Дионис имел в Дельфах свой влиятельный культ, охватывающий два года (*Кереньи* 2007: 131, 139). Как отмечает К. Кереньи, для афинян Дельфы «оставались вышестоящей священной инстанцией: и ввиду культа Аполлона Пифийского, и ввиду дионисийского культа, который в Дельфах находился в неразрывной корреляции с культом Аполлона. Афины сохраняли причастность триетерическому культу, который начиная с беотийской границы был общепризнанной формой дионисийской религии» (*Кереньи* 2007: 140).

В основу дельфийского календаря был положен год Сириуса, начало года в Дельфах приходилось на середину лета. Триетерида начиналась годом отсутствия бога. В гимне Амфиету говорится, что Дионис погружает в сон на весь триетерический период, сам проводя время сна в священном чертоге Персефоны. В солнечном году сменяющие друг друга триетерические фазы приходились приблизительно на один и тот же зимний промежуток времени, который начинался (приблизительно 2 ноября) с первым зимним месяцем дадофорием (подобное название он заслуживал только каждый второй год) и длился до весеннего месяца бизия, когда 7 числа, якобы в день рождения Аполлона, начинал вещать оракул (*Кереньи* 2007: 132–141).

В первый год триетериды, начиная с первого зажжённого факела в месяц дадофорий (что соответствует по времени 2 ноября), происходили мистериальные события: восхождение на Парнас, где по окончании танцевального периода совершалась тайная фиадическая церемония пробуждения Диониса-Ликнита в Корикийской пещере, справа

от входа которой была надпись, прославлявшая Пана и нимф — законных владетелей пещер, особенно сталактитовых; одновременно с этим, в храме Аполлона, где, как считалось, хранились останки расчлененного Диониса, вернее, в дельфийском Дионисионе — маленьком святилище за пределами большого священного участка, совершался другой обряд — «чистые мужи», жрецы-хранители дельфийских преданий приносили тайную жертву. Дельфийский оракул, как известно, не мог бы функционировать без принесения в жертву козы, однако «чистые мужи» приносили в жертву быка — заместительную жертву, как предполагает Кереньи, приносимую “под знаком тождества между божеством, человеком и животным — тождества, столь характерного для дионисийской религии” (*Кереньи* 2007: 145–152).

Второй год триетериды бог присутствовал. «Теперь он не божество, побуждающее живых существ к жизни, повелитель царства мертвых, сам желающий быть воскрешенным, а уже повелитель всех живых существ, который подстрекает к убийству и в смерти убиенных настолько редуцируется, что снова нуждается в пробуждении. Дионис — охотничья добыча и жертвенное животное, которое заживо разрывают: бык и козленок, но одновременно и тот, кто питается сырым мясом, Омадий и Омест (*Кереньи* 2007: 134). На Парнасе происходила мрачные церемонии фиад в «менадический» год — разрывание на части животных и поедание сырого мяса. Прообразом событий второго года триетериды со времен Ономакрита, обосновавшего в VI в. до н. э. новую концепцию мрачного жертвоприношения, убийцами, разорвавшими Диониса на части, считались титаны (*Кереньи* 2007: 149).

Весенний месяц бизий, в других частях Греции называвшийся физий («*месяц роста*»), соответствовал аттическому анфестериону (нашему февралю), когда появлялись первые цветы (от глагола ἀνθεῖν *гр.* «*цвести, расцветать*» происходят названия месяца и праздника Ἀνθεστήρια и Ἀνθεστηριών) (*Кереньи* 2007: 141, 151). Для этого времени римляне использовали выражение «*mundus patet*», что означало: на несколько дней нижний мир стоял открытым для бога, которого с ноября призывали явиться из подземного царства (*Кереньи* 2007: 190). В Афинах праздновались Анфестерии — праздник душ. Три праздничных дня приходились на 11, 12, 13 числа месяца. Первый день назывался Πιθοιγία (*гр.* «День открытия пифосов», пифос — большой глиняный сосуд для вина). В день Пифоигии, когда подземный мир стоял открытым для восхождения из него Диониса, окрылённые мертвые души слетаются под надзором предводителя душ Гермеса к наполовину зарытому в землю и открытому пифосу, жаждущие вина и влекомые его запахом. 12-ое число месяца — праздник Хόες, по названию кувшинов для вина. Афиняне верили в присутствие в городе в «День кувшинов» многочисленных духов. Событие ночи после дня Хоэс: Дионис являлся как верховный супруг всех женщин. 13-ое число месяца — Χύτροι (*гр.* «День горшков»), посвящённый изгнанию и умиротворению духов. Горшки содержали варёные корнеплоды и семена. Сам Дионис, в соответствии с триетерическим календарем, оставался теперь наверху в течение последующих 12 месяцев. От женских мистериальных обрядов мужчины были отвлечены состязанием в питье вина — таким был их способ причастности к Дионису (*Кереньи* 2007: 186–194).

В следующем месяце, аттическом элафеболионе, «дионисийском марте» (второй половине нашего марта и первой половине апреля), жертвенным животным становился козёл (*Кереньи* 2007: 201). Культ Диониса-Меланайгиса (Меланайгис — «тот, кто носит черную козью шкуру») был основан дочерьми Элевтера, которым явился призрак Диониса в черной козьей шкуре. Меланайгис — темный Дионис, связанный с духами мерт-

вых. Именно этому своему качеству, как отмечает К. Кереньи, бог был обязан позднее своим успехом в афинской трагедии (*Кереньи* 2007: 112–113). В греческой церемонии козлёнка расчленяли на семь частей, которые после варки жарили на вертелах. Они варились в молоке матери-козы, и этот обряд, как отмечает Кереньи, воскрешал в памяти картину младенческого счастья единения с матерью — ставший богом козленок воссоединился с нею, подобно тому, как Дионис поступил со своей божественной матерью, ведь, согласно мифу, он спускался за ней в подземное царство (*Кереньи* 2007: 162–164).

В захоронениях IV–II вв. до н. э. на Крите, на острове Липари и в районе Сибариса в Южной Италии были обнаружены золотые листы, предназначенные для сопровождения посвященных в орфические мистерии в потусторонний мир. Рядом с Сибарисом, на месте возникшего впоследствии греческого города Фурии, были найдены два таких листа. На первом из них написано: «*Козленком я пал в молоко».* Надпись на втором гласит: «*Здравствуй, о ты, перенесший страданье, какого раньше не ведал: Богом ты стал из человека, козленком пал в молоко!»*. На первом листе так говорит о себе посвящённый, ожидая хорошего приема у богов подземного мира. Надпись на другом листе предполагает, что боги сами обратятся к нему с этими словами. Он отождествляет себя с козленком, упавшим в молоко (то, что это произошло не с целым, а с расчлененным козленком, не уточняется), и удостоверяет тем самым свой божественный статус. В словах «*перенесший страданье, какого раньше не ведал*» заключен явный намек на расчленение, а далее констатируется результат ритуала, апофеоз: «*Богом ты стал из человека!*» Здесь содержится недвусмысленное указание на инициацию через мистическую жертвенную церемонию. Жертвенный козленок был сварен в молоке, дабы затем доказать все же свою божественную неиссякаемую природу. Идентификация человека одновременно с животным и с богом была дополнением к первоначальному священному обряду, который у орфиков был не только переосмыслен, но использован в целях личного апофеоза. По мнению К. Кереньи, ни один греческий или римский автор не говорил о варении в молоке при исполнении мистической жертвенной церемонии яснее, чем эти краткие орфические тексты на золотых листах (*Кереньи* 2007: 162–163).

Анализируя изображение на амфоре, хранящейся в городе Гисен (Германия), К. Кереньи отмечает, что оно «раскрывает мистерию смерти так, словно это была мистерия возвышенной жизни в божественном браке... С такой концепцией смерти дионисийская религия в биосе поздней античности почти полностью освобождала себя от моральной философии орфиков. Ужас смерти преодолевался через идентификацию умершего мужчины с Дионисом или через веру в то, что умершая женщина отдавалась в любви богу. Миф об убиении Диониса-младенца в его первоначальном смысле как доказательство неиссякаемости жизни сохранял свое исключительное значение. Муки мистического жертвоприношения понимались как необходимая фаза в дионисийском *биосе*, как акт символического самопожертвования, который должен был содействовать скорейшей идентификации с богом» (*Кереньи* 2007: 236).

Там, где дионисийская религия распространилась в виде мистического культа, было усвоено и мистическое жертвоприношение, служившее для орфиков апофеозом, однако необязательно в сочетании с морально-философским истолкованием в духе Ономакрита. Сама жертва и акт идентификации посвященного с жертвенным животным изображаются так же редко, как и в других мистериях. Показываются только приготовления к мистическому обряду (*Кереньи* 2007: 237).

Верхний фриз пекторали

Здесь изображены молодые животные: только что родившиеся телёнок и жеребёнок, а также резвящиеся более старшие козлята. В нашей трактовке резвящийся козлёнок на верхнем фризе изображает Пана — хранителя Корикийской пещеры. Сам Дионис назывался также Ἔριφος (*гр. «козлёнок»*). В мифологии это было его наиболее известное зооморфное воплощение. В Дионисийском жертвоприношении козлёнка закалывали и варили в котле (*Кереньи* 2007: 158). Скиф, одетый в сельскую одежду, доит овцу, но её детёныша нет в композиции. Полагаем, это можно объяснить тем, что ягнёнок был отнят у матери для жертвенной церемонии. Возможно, это животное заменяло козлёнка с целью сокрытия тайной церемонии. Так, на саркофаге в Мюнхене центральная сцена изображает подготовку к мистическому жертвоприношению: обнажённый мальчик скачет та баране, на голове у него ликнон; барана, который заменяет козла в силу тайны обряда, ведёт для принесения в жертву юноша с тирсом (*Кереньи* 2007: 239, ил.138). Козлёнка нужно было сварить в молоке матери. Таким образом, надоенное скифом молоко служило культовым целям.

Загадкой для исследователей есть содержимое амфоры. Считается, что там либо надоенное молоко, либо напиток, изготовленный на основе молока, похожий на сому из индоиранских ритуалов, либо вино, которое использовали как своеобразный суррогат сомы или закваски для приготовления кисломолочного сакрального напитка (см. обзор (*Полідович* 2021: 69). Ю. В. Полидович считает, что юноша является виночерпием и в амфоре — вино.

В нашей трактовке скиф, держащий в руках раскупоренную амфору с вином, изображает традицию раскрытия горшков с вином для духов предков в День Хоэс, праздновавшийся в Афинах на второй день Анфестерий, соответствовавших по времени месяцу бизию в Дельфах.

Скиф, изображённый справа в центральной композиции, закрепляет тесёмки на шкуре, предназначенной для скифа, изображённого слева. Указательный палец и взгляд правого скифа устремлены на левого скифа, которому, как мы предполагаем, предстояло одеть на себя шкуру и который является погребённым в Толстой Могиле (на это указывает его колчан, подвешенный выше головы и на расстоянии, что демонстрирует состояние покоя и контрастирует с положением колчана правого скифа — он находится рядом, у самих ног воина, для быстрого использования). Поскольку в Дионисийской традиции смерть мужчины трактовалась как его уподобление Дионису (*Кереньи* 2007: 236), мы полагаем, что на голове у левого скифа изображена митра (повязки на голове служили в дионисийском культе украшениями Диониса Митрефора) и теперь он будет облачён в шкуру черного козла как атрибут Диониса-Меланайгиса, которого, как отмечает К. Кереньи, чествовали в Афинах на второй день Анфестерий и приносили ему в жертву чёрных коз (*Кереньи* 2007: 201). Чтобы продемонстрировать свою идентификацию с Дионисом, достаточно было украсить голову повязками Диониса Митрефора (*Кереньи* 2007: 178, 198); ср. также сцены на саркофаге в Принстоне, где атрибутами посвящённого маленького бога являются ленты на голове и руке, а также единственная одежда — небрида, охотничий сапог и тирс (*Кереньи* 2007: 240, ил. 140).

Ю. Полидович обращает внимание на то, что расположенные на концах верхнего фриза птицы (утка и хищная птица) тематически сочетают внутренний и внешний фризы и кажутся взлетающими навстречу друг другу в замкнутом круге, а их предстоящая встреча приведет к столкновению хищника и его жертвы. Как предполагает исследова-

тель, возможна также интерпретация образа птицы как символа умершей души и, в таком случае, здесь содержится прямой намек на будущую смерть и выраженный переход темы «жизнь — смерть» (*Полідович* 2021: 65, 68).

Полагаем, что изображение утки в правом конце верхнего фриза можно трактовать как воплощение Пенелопы — матери Пана, входившего в свиту Диониса (см. древнегреческие легенды о семантике имени Пенелопа, обозначающего утку) (*Кондрашов* 2005) и научившего Аполлона искусству прорицания (*Лосев* 1996: 412).

Лето приносит с острова Делос на Парнас (гору вакхических празднеств в честь Диониса) своего маленького сына, Аполлона, который, еще находясь на руках у матери, убивает змею (*Кереньи* 2007: 138). Как известно, Дионисийский культ в Дельфах находился в неразрывной корреляции с культом Аполлона (*Кереньи* 2007: 140). Таким образом, мы полагаем, что в левом конце верхнего фриза изображена не хищная птица, а летящая перепёлка, связанная в мифе с островом Делос, ранее называвшимся Ортигия (*гр. «перепёлка»*) — местом рождения Аполлона (*Лосев* 1996: 412).

Средний фриз пекторали

В центре, на наш взгляд, изображён год отсутствия Диониса. Бог завершал одну триетериду и в середине третьего года начинал новую (новый год — год Сириуса — в Дельфах начинался в июле). На первый год он был Хтониос, «подземный», Дионис. Но в этот промежуток времени он не почитался как бог мёртвых, т. е. не воплощал состояние смерти. Гимнами воспевали жизненный аспект «подземного» Диониса. Цветы (*гр. ἄνθη*), появлявшиеся уже в феврале, служили указанием на пробуждение бога и начало Анфестерий — афинского весеннего праздника (*Кереньи* 2007: 132). Цветущая растительность и птицы изображают здесь время пробуждения жизни, призыв отсутствующего двенадцать месяцев Диониса Хтонического, находящегося в чертогах Персефоны, к жизни. Изображённое на среднем фризе растение акант (*Медвежья лапа*) является греко-римским знаком триумфа и преодоления жизненных испытаний, символом которых были длинные и мощные шипы этого растения. На капителях коринфского ордера изображались стилизованные листья аканта в связи с греческим мифом о том, что акант вырастает на могиле героя (*Тресиддер* 2001).

Нижний фриз пекторали

Здесь, на наш взгляд, изображены события второго года триетерид — растерзание Диониса. Начиная с первого месяца зимы каждый второй год менады совершали восхождения на Парнас, которые в месяце бизий оканчивались мистериальной церемонией, триетерическим ритуалом, растерзания и пожирания сырого мяса молодых животных. Также, сцены терзания двумя животного третьего изображают мистический акт растерзания Диониса-Загрея двумя Титанами (введёнными в миф орфиками).

Сцену погони собаки за зайцем Ю. Б. Полидович считает аналогичной эпизоду преследования зайца героем-охотником в нартовском эпосе, где в образе зайца выступала дочь божества водного царства. Финалом становится женитьба и рождение нового героя. Поскольку у скифов встречаются изображения охоты на зайца, то, вероятно, у них также существовал эпический сюжет, близкий нартовскому. То, что могло завершиться смертью, на самом деле есть продолжением жизни. Такой переход темы логично заканчивается в брачных парах кузнечиков (*Полідович* 2021: 65).

Однако, мы полагаем, что гонка собаки за зайцем изображала преследование и растерзание Дионисом своего врага — Пенфея. К. Кереньи приводит упоминание об охоте на Пенфея, благодаря чему горный ландшафт между Дельфами и Фивами превращается в одно сплошное охотничье угодье (*Кереньи* 2007: 149). Пенфей был темой и героем «пратрагедии», а страдающий Дионис некогда звался «Пенфей» («Страдалец»). К. Кереньи отмечает, что, как герой, это имя мог носить только враг бога и одновременно его жертва — в фиванском мифе это был Пенфей и, согласно мифу, на него, как на зайца, была устроена охота, а дионисийские женщины (среди них его собственная мать) разорвали его на части, приняв за льва (*Кереньи* 2007: 207).

Зайца, забежавшего в сеть, оглушали палкой и ловили при помощи шкуры. К. Кереньи приводит изображения на римском саркофаге, украшенном греческими композициями, где молодой бог-охотник (культовый образ, параллельный бородатому Дионису) держит в руках *pedum* (кривой посох, предназначенный для охоты на зайцев) и другой предмет, в котором легко можно узнать сеть. Здесь изображён лишенный мистического ореола Дионис-Загрей, бог-охотник. Согласно Эсхилу, своего врага Пенфея Дионис затравил «словно зайца», предав его разрыванию на части (*Кереньи* 2007: 70–71).

Слева и справа фриз завершают два парных изображения самки и самца кузнечика, природе которых присущ каннибализм, и, следовательно, как нам представляется, они символизируют свершившийся акт каннибализма, поскольку Титаны сварили, зажарили и съели расчленённого на семь частей Диониса. Тайная жертвенная церемония служила окончанием триетериды (*Кереньи* 2007: 160).

Выводы

Результаты нашего исследования о семантике образов и композиции пекторали из Толстой Могилы, памятнике IV вв. до н. э., а также наши исследования о семантике звериных образов и композиций в восточноевропейском скифском зверином стиле (*Добровольский и др.* 2023; *Добровольский, Умиткалиев* 2023*а*; *Добровольский, Умиткалиев* 2023*б*; *Добровольский, Умиткалиев* 2024) согласуются с утверждением Н. В. Кузиной (2008) о широком распространении религиозно-философского учения орфизма от Великой Греции до Северного Причерноморья в V–IV вв. до н. э.

Предложенная в статье интерпретация семантики образов и композиции трёх ярусов пекторали из Толстой Могилы в аспекте триетерического культа согласуется с предположением М. В. Русяевой о том, что представители эллинизированной знати понимали суть религии Диониса и широко её восприняли (*Русяева* 1995), а также с выводом А. С. Русяевой о наиболее значительной роли в причерноморских полисах Диониса в ипостаси Элевтерия (*Русяева* 2005) и заключением Н. В. Кузиной (*Кузина* 2008) о том, что в античных центрах Северного Причерноморья проводились общественные празднества в честь Диониса, в частности Анфестерии.

В среде скифов существовал культ предков, культ героев и культ вождей (*Бессонова* 1983: 62–66). Из сообщений Геродота известно, что скифы устраивали особый ритуал на могиле погребённого вождя спустя год (*Геродот* (IV, 72) 1972). Таким образом, можно предположить, что пектораль, обнаруженная в дромосе Толстой Могилы, была предметом подношения погребённому предку/ вождю как знак его апофеоза и героизации потомками спустя некоторое время, возможно, год после погребения, на второй день Анфестерий — праздника душ в Афинах — в День Хоэс («День кувшинов»).

Перспективы. Поскольку в современной истории и археологии вопросы региональной специфики формирования, развития и распространения дионисийского культа и орфизма и отношения к нему автохтонного окружения греческих городов являются малоизученными и актуальными, перспективным полагаем дальнейшее исследование отображения орфизма в скифском искусстве.

Источники и материалы

Геродот. История в 9 кн. Перевод и прим. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. Кн. IV. 600 с.

Переводчикова Е. В. Толстая Могила // Большая российская энциклопедия 2004–2017. https://old.bigenc.ru/archeology/text/4195811

Научная литература

Бабенко Л. І. До семантики центральної сцени пекторалі з Товстої Могили // Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 12. 2013. С. 111–122.

Балонов Ф. Р. Пекторaль из Толстой Могилы как модель мифопоэтического пространства-времени // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб: Государственный Эрмитаж, 1994. С. 17–23.

Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка, 1983. 140 с.

Бессонова С. С. «Мужское» и «женское» в сакральной сфере скифов // Духовная культура древних обществ на территории Украины / отв. ред. В. Ф. Генинг. К.: Наукова думка, 1991. С. 84–95.

Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л.: Наука, 1979. 144 с.

Даниленко В. Н. Исторические сюжеты некоторых шедевров эллино-скифской торевтики // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. К.: Наукова думка, 1975. 150 с.

Добровольский Л. С., Сыдыков Е. Б., Умиткалиев У. У., Каженова Г. Т. Семантика образов «грифоно-гиппокампа» и «рогатой рыбы» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 113–126. https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.113.126

Добровольский Л. С., Умиткалиев У. У. Орфический миф в искусстве скифов Северного Причерноморья // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». Т. 9 (75). № 3. 2023а. С. 3–18.

Добровольский Л. С., Умиткалиев У. У. Семантика сюжета «терзания копытного кошачьим хищником или грифоном» в скифском зверином стиле восточноевропейской зоны // Археология Евразийских степей. 2023б. № 5. С. 23–37. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.23.37

Добровольский Л. С., *Умиткалиев У. У.* Z-символика в трактовке семантики формы S-видных и Г-образных скифских псалиев восточноевропейской зоны // Поволжская археология. № 1 (47). 2024. С. 125–138. https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.125.138

Ермоленко Л. Н. О троичной и двоичной композиционных структурах в искусстве Скифии // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. II. С. 25–27.

Іллінська В. А. Зображення ремісників на античних виробах з Північного Причорномор'я // Археологія. 1976. Вип. 20. С. 31–36.

Кереньи К. Дионис: Прообраз неиссякаемой жизни: Пер. с нем. М.: Ладомир, 2007. 319 с.

Клочко Л. С. Світ земний в образах верхнього ярусу пекторалі // Симфонія пекторалі / отв. ред. Ю. Б. Полидович. К.: Мистецтво, 2021. С. 76–79.

Кондрашов А. П. Легенды и мифы Древней Греции и Рима. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2005. 701 с.

Кузина Н. В. Культ Диониса в античных государствах Северного Причерноморья: содержание, общественно-политический аспект, локальная специфика. Автореф. дис. канд. ист. наук. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. 24 с.

Кузьмина Е. Е. О семантике изображений на Чертомлыцкой вазе // Советская археология. 1976. № 3. С. 68–75.

Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 975 с.
Манцевич А. П. Золотой нагрудник из Толстой Могилы // Thracia Serdicae. 1980. Vol. V. P. 97–120.
Мачинский Д. А. Пекторали из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии // Культура Востока: Древность и раннее средневековье / отв. ред. В. Г. Луконин. Л.: Аврора, 1978. С. 131–150.
Мозолевський Б. М. Товста Могила. К.: Наукова думка, 1979. 252 с.
Михайлин В. Ю. Тропа звериных слов: Пространственно-ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 528 с.
Мошинский А. П. Пекторали из Толстой Могилы как символ царской власти // Донская археология. 2002. № 1–2. С. 84–88.
Петрухин В. Я. «Золотое руно»: Св. Георгий и «скифская космограмма» // МИФ. № 7. София, 2001. С. 147–156.
Полідович Ю. Б. Пекторали: у пошуках смислів // Симфонія пекторалі / отв. ред. Ю. Б. Полидович. Київ: Мистецтво, 2021. С. 58–75.
Раевский Д. С. Из области скифской космологии (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы) // Вестник древней истории. 1978. № 3. С. 115–134.
Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тысячелетия до н. э. М.: ГРВЛ, 1985. 256 с.
Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.
Русяева А.С. Региональные особенности культа Диониса в Причерноморье // Боспорские исследования. Симферополь-Керчь, 2005. Вып. IX. С. 65–83.
Русяева М. В. Основний сюжет на пекторалі з Товстої Могили // Археологія. 1992. № 3. С. 34–46.
Русяева М. В. Діонісійські сюжети на пам'ятках торевтики із скіфських курганів // Археологія. 1995. № 1. С. 22–33.
Тресиддер Дж. Словарь символов. М.: Фаир-Пресс, 2001. 444 с. https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/2.htm
Шауб И. Ю. Италия — Скифия (иконография и семантика одного сюжета) // Итальянский сборник. 1999. № 3. С. 5–10.
Шауб И. Ю. Италия — Скифия: культурно-исторические параллели. М.; СПб: ИИМК РАН, 2008. 155 с.
Шрамко Б. А. Рецензия на: Мозолевський Б. М. Товста Могила. Київ, 1979 // Советская археология. 1984. № 1. С. 272–280.
Шрамко Б. А. К вопросу о некоторых источниках изучения скифского ремесла // Вестник Харьковського университета. Харьков, 1983. № 238: История и культура досоциалистических формаций. С. 119–125.
Яценко С. А. О некоторых антропоморфных сюжетах номадов Европы V–IV вв. до н. э. // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. К 100-летию Б. Н. Гракова / отв. ред. П. П. Толочко. Запорожье: Изд-во Запорожского государственного университета, 1999. С. 282–285.

References

Babenko, L. I. 2013. Do semantiki tsentral'noï stseni pektorali z Tovstoï Mogili [On the Semantics of the Central Scene of the Pectoral from Thick Grave]. *Drevnosti 2013. Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik* 12: 111–122.
Balonov, F. R. 1994. Pektoral' iz Tolstoi Mogily kak model' mifopoeticheskogo prostranstva-vremeni [The Pectoral from Thick Grave as a Model of Mythopoeic Space-Time]. In *Elitnye kurgany stepei Evrazii v skifo-sarmatskuiu epokhu* [Elite Barrows of the Eurasian Steppes in the Scythian-Sarmatian Era], ed. by A. Yu. Alexeev, N. A. Bokovenko, L. S. Marsadolov, Vl. A. Semenov. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh. 17–23.
Bessonova, S. S. 1983. *Religioznye predstavleniia skifov* [Religious Beliefs of the Scythians]. Kiev: Naukova dumka. 140 p.

Bessonova, S. S. 1991. «Muzhskoe» i «zhenskoe» v sakral'noi sfere skifov ["Male" and "Female" in the Sacred Sphere of the Scythians]. In *Dukhovnaia kul'tura drevnikh obshchestv na territorii Ukrainy* [Spiritual Culture of Ancient Societies on the Territory of Ukraine], ed. by V. F. Gening. Kiev: Naukova dumka. 84–95.

Brashinskii, I. B. 1979. *V poiskakh skifskikh sokrovishch* [In Search of Scythian Treasures]. Leningrad: Nauka. 144 p.

Danilenko, V. N. 1975. Istoricheskie siuzhety nekotorykh shedevrov ellino-skifskoi torevtiki [Historical Plots of Some Masterpieces of Hellenic-Scythian Toreutics]. In *150 let Odesskomu arkheologicheskomu muzeiu AN USSR* [150 years of the Odessa Archaeological Museum under the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR], ed. by P.O. Karyshkovskii. Kiev: Naukova dumka. 150 p.

Dobrovolskyi, L. S., E. B. Sydykov, U. U. Umitkaliev, and G. T. Kazhenova. 2023. Semantika obrazov «grifono-gippokampa» i «rogatoi ryby» v skifskom zverinom stile vostochnoevropeiskoi zony [Semantics of the Images of "Griffin-hippocampus" and "Horned fish" in the Scythian Animal Style of the Eastern European Zone]. *Povolzhskaia arkheologiia* 1(43): 113–126. https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.113.126

Dobrovolskyi, L. S., and U. U. Umitkaliev. 2023a. Orficheskii mif v iskusstve skifov Severnogo Prichernomor'ia [Orphic Myth in the Art of the Scythians of the Northern Black Sea Region]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriia «Istoricheskie nauki»* 9(75)3: 3–18.

Dobrovolskyi, L. S., and U. U. Umitkaliev. 2023b. Semantika siuzheta «terzaniia kopytnogo koshach'im khishchnikom ili grifonom» v skifskom zverinom stile vostochnoevropeiskoi zony [Semantics of the Plot of "The Torment of an Ungulate by a Feline Predator or a Griffin" in the Scythian Animal Style of the Eastern European Zone]. *Arkheologiia Evraziiskikh stepei* 5: 23–37. https://doi.org/10.24852/2587-6112.2023.5.23.37

Dobrovolskyi, L. S., and U. U. Umitkaliev. 2024. Z-simvolika v traktovke semantiki formy s-vidnykh i g-obraznykh skifskikh psaliev vostochnoevropeiskoi zony [Z-symbolism in the Interpretation of the Semantics of the Form of S-shaped and Γ-shaped Scythian Cheekpieces of the Eastern European Zone] *Povolzhskaia arkheologiia* 1(47): 125–138. https://doi.org/10.24852/pa2024.1.47.125.138

Yermolenko, L. N. 2008. O troichnoi i dvoichnoi kompozitsionnykh strukturakh v iskusstve Skifii [On the Ternary and Binary Compositional Structures in the Art of Scythia]. In *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Suzdale* 2. Moscow. 25–27.

Illinska, V. A. 1976. Zobrazhennia remisnikiv na antichnikh virobakh z Pivnichnogo Prichornomor'ia [Depictions of Artisans on Antique Products from the Northern Black Sea Region]. *Arkheologiia* 20: 31–36.

Kerényi, K. 2007. *Dionis: Proobraz neissiakaemoi zhizni: perevod s nemeckogo* [Dionysus: Prototype of Inexhaustible Life: Translated from German]. Moscow: Ladomir. 319 p.

Klochko, L. S. 2021. Svit zemnii v obrazakh verkhn'ogo yarusu pektorali [The Earthly World in the Images of the Upper Tier of the Pectoral]. In *Simfoniia pektorali* [Symphony of the Pectoral], ed. by Yu. B. Polidovich. Kiïv: Mistetstvo. 76–79.

Kondrashov, A.P. 2005. *Legendy i mify Drevnei Gretsii i Rima* [Legends and Myths of Ancient Greece and Rome]. Moscow: Ripol klassik. 701 p.

Kuzina, N. V. 2008. *Kul't Dionisa v antichnykh gosudarstvakh Severnogo Prichernomor'ia: soderzhanie, obshchestvenno-politicheskii aspekt, lokal'naia spetsifika* [The Cult of Dionysus in the Ancient States of the Northern Black Sea Region: Content, Socio-political Aspect, Local Specificity]. Ph.D. diss. abstract, Ivanovskii gosudarstvennyi universitet. 24 p.

Kuzmina, E. E. 1976. O semantike izobrazhenii na Chertomlytskoi vaze [On the Semantics of Images on the Chertomlyc Vase]. *Sovetskaia arkheologiia* 3: 68–75.

Losev, A. F. 1996. *Mifologiia grekov i rimlian* [Mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl'. 975 p.

Mantsevich, A. P. 1980. Zolotoi nagrudnik iz Tolstoi Mogily [Golden Breastplate from Thick Grave]. *Thracia Serdicae* V: 97–120.

Machinskii, D. A. 1978. Pektoral' iz Tolstoi Mogily i velikie zhenskie bozhestva Skifii [Pectoral from Thick Grave and the Great Female Deities of Scythia]. In *Kul'tura Vostoka: Drevnost' i rannee srednevekov'e* [Eastern Culture: Antiquity and the Early Middle Ages], ed. by V. G. Lukonin. Leningrad: Avrora. 131–150.

Mozolevs'kii, B. M. 1979. *Tovsta Mogila* [Thick Grave]. Kiïv: Naukova dumka. 252 p.

Mikhailin, V. Yu. 2005. *Tropa zverinykh slov: Prostranstvenno-orientirovannye kul'turnye kody v indoevropeiskoi traditsii* [The Trail of Animal Words: Spatially Oriented Cultural Codes in the Indo-European Tradition]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 528 p.

Moshinskii, A. P. 2002. Pektoral' iz Tolstoi Mogily kak simvol tsarskoi vlasti [Pectoral from Thick Grave as a symbol of royal power]. *Donskaia arkheologiia* 1–2: 84–88.

Petrukhin, V. Ya. 2001. «Zolotoe runo»: Sv. Georgii i «skifskaia kosmogramma» ["Golden Fleece": St. George and the "Scythian Cosmogram"]. *MIF* 7: 147–156.

Polidovich, Yu. B. 2021. Pektoral': u poshukakh smisliv [Pectoral: in Search of Meanings]. In *Simfoniia pektorali* [Symphony of the Pectoral], ed. by Yu. B. Polidovich. Kiïv: Mistetstvo. 58–75.

Raevskii, D. S. 1978. Iz oblasti skifskoi kosmologii (Opyt semanticheskoi interpretatsii pektorali iz Tolstoi Mogily) [From the Field of Scythian Cosmology (An Attempt at Semantic Interpretation of the Pectoral from Thick Grave)]. *Vestnik drevnei istorii* 3: 115–134.

Raevskii, D. S. 1985. *Model' mira skifskoi kul'tury. Problemy mirovozzreniia iranoiazychnykh narodov evraziiskikh stepei I tysiacheletiia do nashei ery* [Model of the World of Scythian Culture. Problems of the Worldview of the Iranian-speaking Peoples of the Eurasian Steppes of the 1st Millennium BC]. Moscow: GRVL. 256 p.

Raevskii, D. S. 2006. *Mir skifskoi kul'tury* [The World of Scythian Culture]. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur. 598 p.

Rusiaeva, A. S. 2005. Regional'nye osobennosti kul'ta Dionisa v Prichernomor'e [Regional Peculiarities of the Cult of Dionysus in the Black Sea Region]. *Bosporskie issledovaniia* IX: 65–83.

Rusiaeva, M. V. 1992. Osnovnii siuzhet na pektorali z Tovstoï Mogili [The Main Plot on the Pectoral from Thick Grave]. *Arkheologiia* 3: 34–46.

Rusiaeva, M. V. 1995. Dionisiis'ki siuzheti na pam'iatkakh torevtiki iz skifs'kikh kurganiv [Dionysian Scenes on the Monuments of Toreutics from Scythian Burial Mounds]. *Arkheologiia* 1: 22–33.

Tresidder, Dzh. 2001. *Slovar' simvolov* [Dictionary of Symbols]. Moscow: Fair-Press. 444 p. https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/2.htm

Shaub, I. Yu. 1999. Italiia — Skifiia (ikonografiia i semantika odnogo siuzheta) [Italy — Scythia (Iconography and Semantics of One Plot)]. *Ital'ianskii sbornik* 3: 5–10.

Shaub, I. Yu. 2008. *Italiia — Skifiia: kul'turno-istoricheskie paralleli* [Italy — Scythia: Cultural and Historical Parallels]. Moscow, Saint Petersburg: IIMK RAN. 155 p.

Shramko, B. A. 1984. Review of Tovsta Mogila, by B. M. Mozolevs'kii. *Sovetskaia arkheologiia* 1: 272–280.

Shramko, B. A. 1983. K voprosu o nekotorykh istochnikakh izucheniia skifskogo remesla [On the Issue of Some Sources for Studying Scythian Crafts]. *Vestnik Khar'kovs'kogo universiteta* 238: 119–125.

Yatsenko, S. A. 1999. O nekotorykh antropomorfnykh siuzhetakh nomadov Evropy V–IV vv. do n. e. [On Some Anthropomorphic Stories of the Nomads of Europe in the 5th–4th Centuries BC]. In *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii Severnogo Prichernomor'ia. K 100-letiiu B. N. Grakova* [Scythian-Sarmatian Archaeological Studies of the Northern Black Sea Region. To the 100th anniversary of B. N. Grakov], ed. by P. P. Tolochko. Zaporozh'e: Izdatel'stvo Zaporozhskogo gosudarstvennogo universiteta. 282–285.

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/393-403
Научная статья

© А. Н. Пяткин, Д. В. Дуков, И. В. Аверченко, Е. В. Веселовская

ИЗУЧЕНИЕ КРАНИОФАЦИАЛЬНОГО СООТВЕТСТВИЯ СТРУКТУР ГЛАЗНОЙ ОБЛАСТИ НА АНАТОМИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ. МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Особенности глазной области лица человека определяются индивидуальными соотношениями морфологии костной орбиты и окружающих мягких тканей, создавая неповторимость каждого лица. Понимание зависимостей строения век и постановки глазного яблока обеспечивает точное воспроизведение прижизненного облика на основе черепа. В статье представлена программа изучения особенностей краниофациальных взаимоотношений на анатомическом материале. Авторы использовали методы диссекции, фотофиксации и замеров на препаратах и их изображениях. Определяли позицию центра зрачка по отношению к костной орбите на препаратах анфас и профиль. Фиксировали места прикрепления кантальных связок и их расположение относительно внутреннего и наружного углов глаза. Проводили детальные измерения костных и мягкотканных структур глазной области. Впервые предложен способ определения площади открытия глазной щели по отношению к площади основания орбиты. Доля площади глазной щели от площади основания орбиты составляет около 50%. В нашем случае центр зрачка смещен вверх в сторону верхнего края орбиты. Результаты сопоставлены с аналогичными исследованиями других авторов и на другом материале.

Ключевые слова: *антропологическая реконструкция внешности, морфология глазной области, орбиты, анатомический препарат*

Пяткин Алексей Николаевич — старший преподаватель кафедры судебных экспертиз (дисциплины криминального цикла), Юридический институт, Красноярский государственный аграрный университет КрасГАУ (Российская Федерация, 660049 Красноярск, ул. Ленина, 117). Эл. почта: pjatkin77@mail.ru

Дуков Денис Владимирович — ассистент кафедры судебной медицины ИПО ФГБОУ ВО, Красноярский государственный университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого МЗ РФ (Российская Федерация, 660022, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1). Эл. почта: denis_garant@mail.ru

Аверченко Иван Васильевич — к. м. н., доцент кафедры судебной медицины ИПО ФГБОУ ВО, Красноярский государственный университет им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого МЗ РФ (Российская Федерация, 660022, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1). Эл. почта: ivvn.doc@mail.ru

Веселовская Елизавета Валентиновна — д. и. н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет (Российская Федерация, 125993 Москва, Миусская площадь, д. 6); главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Российская Федерация, 119334 Москва, Ленинский пр., 32А). Эл. почта: veselovskaya.e.v@yandex.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2932-9884

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-28-00819 «Антропологическая реконструкция лица и проблемы идентификации внешности»

Ссылка при цитировании: *Пяткин А. Н., Дуков Д. В., Аверченко И. В., Веселовская Е. В.* Изучение краниофациального соответствия структур глазной области на анатомическом материале. Методические аспекты // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 393–403.

UDC 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/393-403
Original Article

© Aleksey Pyatkin, Denis Dukov, Ivan Averchenko, Elizaveta Veselovskaya

THE STUDY OF CRANIOFACIAL CORRESPONDENCE OF THE EYE REGION STRUCTURES ON ANATOMICAL MATERIAL. METHODOLOGICAL ASPECTS

The unique characteristics of the human facial eye area are determined by the specific relationships between the bone orbit morphology and surrounding soft tissues, creating the distinctiveness of each individual face. Understanding of the relationship between the eyelids structure and the position of the eyeball ensures accurate reconstruction of a face based on the cranial characteristics. The paper presents a protocol for studying craniofacial relationships on anatomical material. It includes dissection, photo-recording and measurements on anatomical specimens and their images. The position of the pupil center in relation to the bone orbit was determined on full-face and profile specimens. The attachment sites of the canthal ligaments and their position in relation to the inner and outer corners of the eye were recorded. Detailed measurements of the bone and soft tissue structures of the eye region were taken. The author also proposes a method for determining the area of the opening of the palpebral fissure relative to the area of the orbital base. The ratio of the palpebral fissure area to the area of the orbital base was about 50%. In our case the pupil center was positioned superiorly towards the upper edge of the orbit. The results were compared with similar studies on different material.

Keywords: *anthropological reconstruction of the appearance, morphology of the ocular region, orbit, anatomical specimen*

Authors Info: Pyatkin, Aleksey N. — Senior Lecturer, Department of Forensic Examinations (Criminal Cycle Disciplines), Law Institute, Krasnoyarsk State Agrarian University KrasSAU, (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: pjatkin77@mail.ru
Dukov, Denis V. — Assistant, Department of Forensic Medicine, Institute of Postgraduate Education, Prof. V.F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: denis_garant@mail.ru
Averchenko, Ivan V. — Ph.D., Associate Professor, Department of Forensic Medicine, Institute of Postgraduate Education, Prof. V. F. Voino-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University, Ministry of Health of the Russian Federation (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: ivvn.doc@mail.ru
Veselovskaya, Elizaveta V. — Doctor of History, Professor, the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation); Chief Researcher, the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and

Anthropology (Moscow, Russian Federation). E-mail: veselovskaya.e.v@yandex.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-2932-9884
For Citation: Pyatkin, A. N., D. V. Dukov, I. V. Averchenko, and E. V. Veselovskaya. 2025. The Study of Craniofacial Correspondence of the Eye Region Structures on Anatomical Material. Methodological aspects. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 393–403.
Funding: The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00819 «Anthropological Reconstruction of the Face and Problems of Identification of Appearance».

Введение

Взаимосвязь костных структур и мягких тканей лица обусловлена их неразрывной связью на всем протяжении формирования и развития анатомических структур головы в онтогенезе. Своеобразие черт лица, составляющее индивидуальность внешнего облика человека, напрямую связано с особенностями строения черепа.

Костная орбита представляет собой сложную анатомическую структуру, которую образуют следующие кости черепа: лобная, скуловая, верхнечелюстная, слезная, решетчатая и клиновидная. В процессе онтогенеза костная основа формирует прочный каркас, определяющий морфологию мягких тканей. Глазное яблоко окружают жировая и мышечная ткани, изнутри орбита выстлана эпителием. Костные и мягкотканные компоненты взаимосвязаны и формируют индивидуальные особенности строения глазной области, которая в свою очередь во многом определяет индивидуальный облик человека.

До недавнего времени орбитная область, определяющая во многом конфигурацию среднего этажа лица и лицевого скелета черепа, оставалась мало изученной. Обычно измерения ограничиваются шириной и высотой глазницы. В. Ю. Бахолдина, автор недавно вышедшей монографии, предлагает расширенную методику, включающую измерения и расчёт признаков, характеризующих форму и размеры орбитной камеры (*Бахолдина* 2024). Методические рекомендации из этой книги были использованы при проведении настоящего исследования.

Целью настоящего исследования была разработка программы изучения особенностей краниофациальных взаимоотношений на анатомическом материале путем препарирования глазной области для изучения зависимостей детальных особенностей глазной области и морфологии подлежащих костных структур.

Методы исследования

При работе с анатомическим материалом важно строгое соблюдение законности и этических норм. К анатомическому препарированию допускают тела при условии установлении личности и невостребованности тела (Постановление Правительства РФ 2012). Изучение области орбиты проводили на анатомических препаратах (личность установлена, тело не востребовано), демонстрирующих костные и мягкие ткани головы человека. Применялись методы диссекции, фотодокументирования, измерения структур и элементов глазной области (*Медведев* 1945; *Солохин, Солохин* 1997).

1. Диссекция — метод рассечения биологических тканей. В данном исследовании применяли для изготовления анатомического препарата, позволяющего деталь-

но рассмотреть и измерить костные структуры орбиты и соответствующие им мягкие покровы. Выявляли разницу в строении костной основы, которая приводит к разным особенностям внешнего строения глазной области.

И у мужчин, и у женщин внутренняя камера орбиты приближается по форме к пирамиде. Основание пирамиды, вход в орбиту, имеет форму четырёхугольника со сглаженными углами (гранями), и значительно варьирует по размерам граней у индивидов. Пирамидальное углубление орбиты глаза является местом расположения глазного яблока и комплекса органов, обеспечивающих физиологическую работу зрительной системы в целом, таких как: экстраокулярные мышцы, обеспечивающие движение глазного яблока; жировая клетчатка, поддерживающая стабильное положение глазного яблока; слёзная железа и слёзоотводящие каналы; фасции и связки, стабилизирующие глазное яблоко и мышцы, в том числе медиальные и латеральные кантальные связки, имеющие ключевое значение в поддержании функциональности и эстетики глаза, обеспечивая положение век.

Особенности строения основания этой пирамиды, взаимное расположение кантальных связок в плоскости основания орбиты глаза, формируют индивидуальные особенности глазной области, такие как положение оси и форма глазной щели, выдвинутость глазного яблока, развитие складки верхнего века в проксимальном, медиальном и дистальном отделах. Изучение этих особенностей в нашем случае очень важно, так как они являются индивидуализирующими признаками внешности человека.

2. Фотофиксация: для отображения объектов исследования с целью дальнейшего их изучения производилась съёмка препарата с разных ракурсов для фотодокументирования результатов и последующего их анализа на произведенных изображениях. Фотофиксация объектов исследования производилась с помощью четырёх камер смартфона Samsung galaxy A22:
   1) 48mp, f/1, 8 wide PDAF;
   2) 8mp, f/2, 2,123(ultrawide), 1/4, 0, 1, 12μm;
   3) 2mp, f/2, 4, (macro);
   4) 2mp, f/2, 4, (depth).

Разрешение 4000 X 3000 pixels, размер сенсора 6.40 mm. X 4.80 mm.; фокусное расстояние 4.65 mm.; диафрагма f/1,8; цифровое увеличение 4.0, без включения эффектов улучшения съемки. Имеющиеся оптические искажения изображения не критичны для характеристик размеров и формы элементов на полученных изображениях. Съемка проводилась без зумирования, при обязательном сопровождении изображения линейки. Полученные изображения калибровались с предварительной установкой масштаба в соответствии с данными цифровых измерений.

Производили документирование общего состояния объекта исследования до применения метода диссекции: состояние и вид тканей верхнего века, положение и размер оси глазной щели, форма глазной щели, состояние и вид тканей складки верхнего века. После изготовления препарата методом диссекции производилось фотодокументирование положения глазного яблока в орбите глаза, тканей вокруг глазного яблока, мест прикрепления кантальных связок на внутренней поверхности орбиты, с целью уточнения их расположения и выявления особенностей в формировании внутреннего и наружного углов глазной щели.

3. Измерения: получение размерных характеристик изучаемых объектов исследования производилось с использованием штангенциркуля, масштабной фотосъёмки и метода измерений на фотоизображении. Получение размерных характеристик

с натурного объекта исследования производилось с использованием штангенциркуля ШЦ-1 с нониусом, второго класса точности, погрешность 0,1 мм.

Масштабная фотосъёмка, с последующей калибровкой масштабной линейки и предварительной установкой масштаба изображения, проводилась в графическом редакторе, для приведения измерительных данных к реальным размерам.

Был исследован один индивид мужского пола, европеоидного антропологического типа.

Использована номенклатура точек и размеров в соответствии с принятыми обозначениями в отечественной антропологии и криминалистике (*Алексеев, Дебец* 1964; *Усачева, Токарева* 2010). В настоящем исследовании мы опирались на следующие точки. На черепе: maxilofrontale (mf) — точка на пересечении внутреннего края орбиты с лобно-верхнечелюстным швом; frontomalareorbitale (fmo) — точка на пересечении наружного края орбиты с лобноскуловым швом; entoorbitale (eno) — эта точка находится на внутреннем крае орбиты на изгибе переднего слёзного гребня лобного отростка верхнечелюстной кости, в том месте, где этот острый край переходит в плоскую площадочку, примерно на уровне средней трети слёзной кости; exoorbitale (eo) — точка, лежащая на латеральном крае орбиты возле глазничного бугорка. Этот бугорок располагается либо на краю орбиты, либо несколько углублен и фиксируется на внутриглазничной поверхности скуловой кости; ektokonchion (ek) — точка пересечения наружного края орбиты с линией, проведенной из максилофронтальной точки параллельно верхнему краю орбиты. Позиция двух последних точек часто совпадает. На лице: canthion (ca) — наиболее выступающая вперед точка глазного яблока; entocanthion (en) — внутренний угол глазной щели; ektocanthion (ex) — наружный угол глазной щели.

Результаты и обсуждение

При изучении анатомических препаратов можно с большой точностью измерить детали костных структур глазной области, определить расстояния между ключевыми точками, позволяющие выявить некоторые количественные взаимосвязи.

На *Рис. 1* представлено фото области правого глаза до препарирования. Измерение размеров глазной щели проводили прямым способом штангенциркулем. Длина глазной щели (ДГЩ) = 28,8 мм. Высота глазной щели (ВГЩ) = 8,4 мм.

Далее для получения других интересующих размеров был изготовлен препарат левой глазницы, на котором были освобождены от мягких тканей костные границы орбиты, а глазное яблоко находится на своем месте (*Рис. 2, 3*).

На изготовленном препарате анфас (*Рис. 2*) замеряли ширину и высоту радужной оболочки, ширину и высоту орбиты также прямым способом. Ниже приведены взятые размерные характеристики. Размер радужной оболочки исследуемого объекта составил: по горизонтали = 12.5 мм, по вертикали = 12.0мм. Ширина орбиты (ШО) = 40,8мм; высота орбиты (ВО) = 36,7мм.

Вышеприведенные размеры использовали для дальнейшего исследования. Сначала определяли положение центра зрачка по отношению к границам орбиты на препарате анфас. Для этого на представленном изображении строили линии, соединяющие следующие точки 1. maxillofrontale (mf) — ektokonhion (ek); 2. fronto-malare-orbitale (fmo) — entoorbitale (eno) (*Рис. 2*).

Видно, что на изображении анфас центр зрачка (точка кантион), находится примерно на пересечении этих двух линий. Рассмотрим позицию точки кантион по отношению к верхнему и нижнему краям орбиты. Для этого построим линию, как кратчайшее

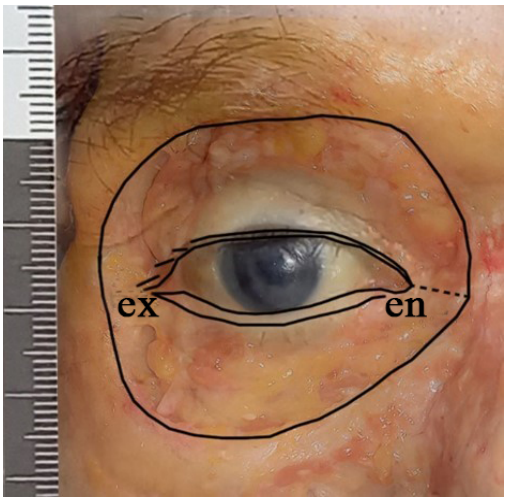

Рис. 1. Глазная область до препарирования с прорисовкой границ костной орбиты
Fig. 1. The eye area before dissection with the drawing of the boundaries of the bony orbit

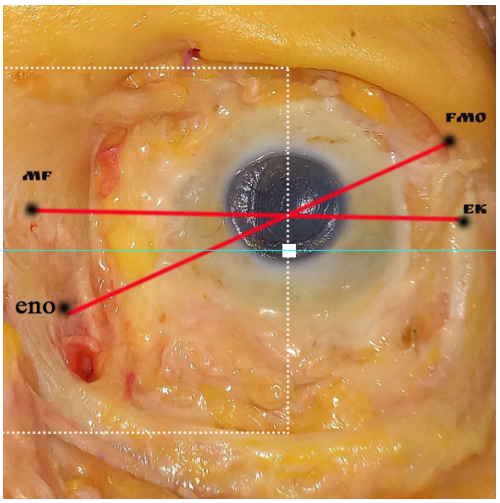

Рис. 2. Определение позиции точки кантион. Ракурс анфас
Fig. 2. Determining the position of the cantion point. Full-face view

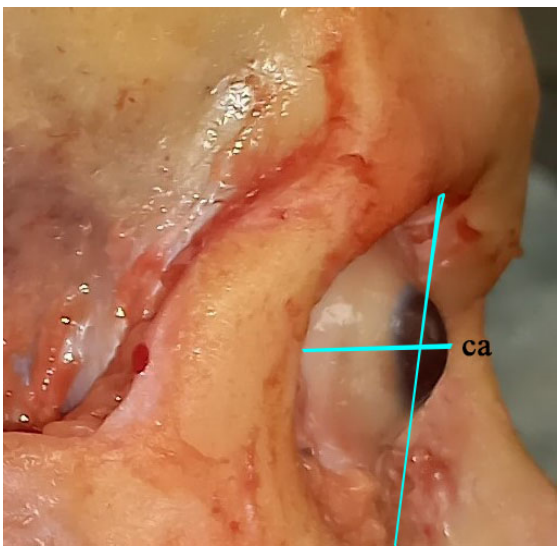

Рис. 3. Определение позиции точки кантион. Ракурс профиль
Fig. 3. Determining the position of the cantion point. Foreshortening profile

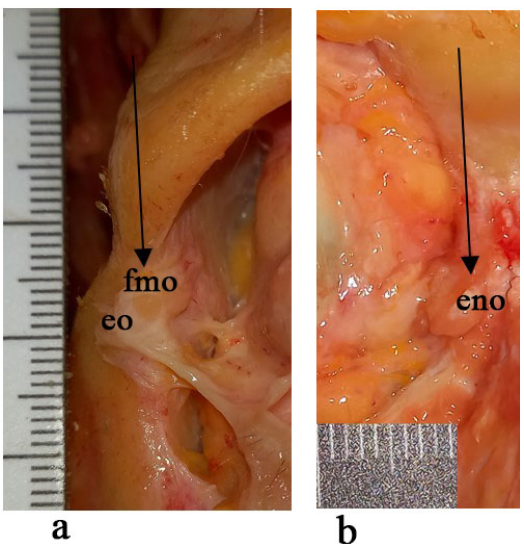

Рис. 4а, 4б. Места крепления латеральной (а) и медиальной (б) кантальных связок
Fig. 4a, 4b. Attachment points of the lateral (a) and medial (b) canthal ligaments

расстояние между краями орбиты и проходящую через кантион (на *Рис. 2* она проведена пунктиром). Высота этой линии соответствует высоте орбиты 36,7 мм. На *Рис. 2* хорошо видно, что точка кантион заметно смещена вверх по отношению к центру этой линии. Расстояние от точки кантион до верхнего и нижнего края орбиты, если бы глазное яблоко располагалось по центру, было бы одинаково и составляло 36,7 мм: 2 = 18, 35 мм. В данном случае расстояние от верхнего края орбиты до центра зрачка состав-

ляет 12,7 мм, а от нижнего — 24 мм. Следовательно, глазное яблоко смещено вверх по вертикали на 18,35 мм — 12,7 мм = 5,65 мм (или 24 мм — 18,35 мм = 5, 65 мм).

Далее рассмотрим позицию точки кантион на препарате в ракурсе профиль (*Рис. 3*). Расстояние от точки кантион до наиболее глубокой точки орбиты по горизонтали составляет 14, 1 мм. Проведем линию, соединяющую верхний и нижний края орбиты. Выступание точки кантион вперед от этой линии составляет 2 мм.

Сопоставим полученные результаты с другими исследованиями. В работе австралийских ученых, посвященной изучению глазной области на анатомических препаратах, приводятся очень близкие к нашим цифры: 15,9 мм — расстояние от кантион до наиболее утопленной точки орбиты и 3 мм — выступание кантион от линии, соединяющей верхний и нижний края орбиты в профиль (*Stephan et al*. 2008). Эти исследования проводили на мужских европеоидных трупах преклонного возраста, общим числом 9 индивидов. Среднее расстояние от центра зрачка до верхнего края орбиты составило 16,9 мм, до нижнего края — 19,4 мм. Это означает, что в среднем глазное яблоко смещено вверх по отношению к центру глазницы, хотя и не так значительно, как в нашем случае (12,7 мм и 24 мм). Авторы из Австралии отмечают смещение центра глазного яблока и по горизонтальной оси латерально, что согласуется с данными, полученными нами ранее на препаратах череп/прижизненное фото. В работе Стефана с соавторами приведены литературные данные по расстоянию от точки кантион до наиболее глубокой точки орбиты в ракурсе профиль (*Stephan et al*. 2009). Эта величина колеблется от 14 до 17 мм в европеоидных выборках. В нашем случае — 15,9 мм.

На анатомических препаратах мы также рассматривали расположение кантальных связок, которые отвечают за формирование оси и формы глазной щели. Препарировали места их прикрепления к медиальной и латеральной внутренним стенкам глазницы (*Рис. 4а, 4б*).

Данные связки отвечают за крепление мягких тканей, мышц и связок, образующих верхнее и нижнее веки, к надкостнице орбиты. Латеральная позиция связки, как и в работах других исследователей, зафиксирована в области антропологической точки exoorbitale (eo), где анатомические структуры формируют глазничный бугорок. Эта точка часто совпадает с анатомической точкой ektokonhion (ek). Соединение с костной структурой имеет протяженность около 5 мм и начинается на расстоянии примерно 5 мм книзу от точки fronto-malare-orbitale(fmo). Латеральная часть складки поддерживает подвижный наружный угол глаза на расстоянии примерно 6,0 мм внутрь орбиты от места фиксации (*Рис. 4а*). Медиальное прикрепление кантальной связки зафиксировано в проекции черепа латеральной нормы (профиль), на уровне средней трети слёзной кости, практически на изгибе переднего слёзного гребня лобного отростка верхней челюсти (точка entoorbitale eno). Место прикрепления также имеет протяженность около 5 мм. Медиальная связка поддерживает подвижный внутренний угол глаза на расстоянии примерно 6 мм от места фиксации (*Рис. 4б*).

Сопоставим полученные значения с исследованиями, проведенными на другом материале. В статье, посвященной изучению деталей строения глазной области, выполненному на препаратах череп/ прижизненное фото того же индивида (16 случаев), были получены следующие цифры. Внутренний угол глаза отступает на 8 мм от костной орбиты, а наружный на 6 мм. В отношении наружного угла глаза результаты, полученные разными методами, совпадают. В отношении внутреннего угла разница измерений совсем небольшая, это можно объяснить индивидуальными вариациями. Следовательно, данные полученные на разном материале очень близки. В статье австралийских ученых

отмечается незначительное смещение глазного яблока в рамках орбиты в латеральную сторону (*Stephan et al*. 2009). Исследования южноафриканских ученых, проведенные как на анатомическом материале, так и на компьютерных томограммах головы (выборка африканского происхождения), выявляют очень схожие результаты: внутренний и наружный углы глазной щели отступают от границ орбиты на 5 мм (*Dorfling et al*. 2018). Эта информация имеет важное значение при восстановлении облика по черепу еще и потому, что линия, соединяющая места прикрепления кантальных связок, является осью глазной щели. Позиция этой оси различается у разных индивидов и относится к варьирующим индивидуальным признакам внешности. На представленном рисунке ось глазной щели имеет горизонтальную направленность.

Также мы поставили себе задачу проверить, как работают уравнения регрессии, используемые в отечественных работах по антропологической реконструкции в применении к нашему препарату (*Веселовская* 2018). Согласно программе «Алгоритм внешности» длину глазной щели определяют на основе ширины орбиты по формуле: ДГЩ = 11,633 + 0,335хШО, а высоту на основе высоты орбиты по формуле: ВГЩ = 5,158 + 0,132хВО. Применим эти уравнения к нашему случаю. Получаем ДГЩ = 11, 633 + 0,335х 40,8 = 25,3 мм. ВГЩ = 5,158 + 0,132 х 36,7 = 10, 0. Видно, что рассчитанная длина глазной щели на 3,5 мм меньше, чем реальная, а рассчитанная высота на 1,6 мм больше. Эти расхождения можно, по всей видимости объяснить в первом случае тем, что при измерении длины глаза мы учитывали слезный бугорок, длина которого как раз и составляет 3–4 мм. Высота отличается ненамного и некоторое опускание верхнего века в нашем случае может быть обусловлено посмертным падением тургора тканей. Следует принять во внимание, что уравнения регрессии дают усредненную величину, а в исследованном случае мы рассматриваем один индивидуальный препарат. В целом цифры достаточно близки. Увеличение количества исследований поможет внести корректировки в существующие способы определения размеров глазной щели на основе размеров орбиты.

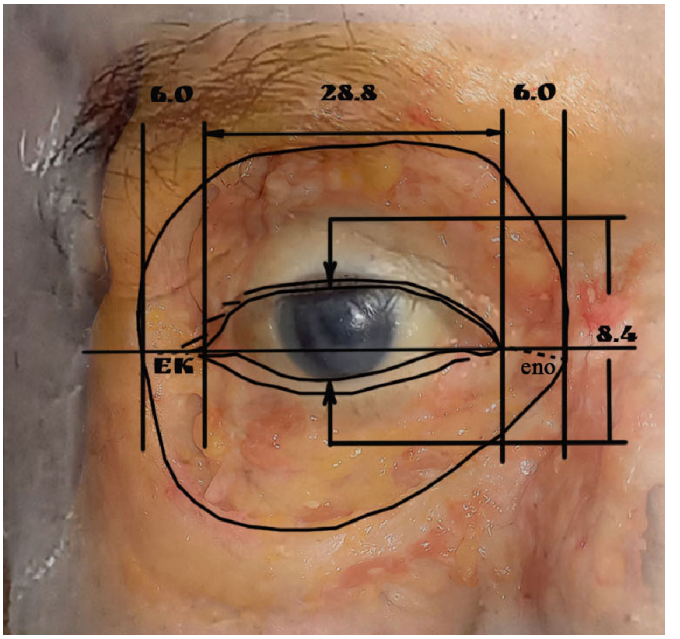

Рис. 5. Схема для расчета площади основания орбиты и глазной щели на анатомическом препарате

Fig. 5. Diagram for calculating the area of the base of the orbit and the ocular fissure on an anatomical preparation

В диссертационном исследовании С. Ван дер Уолт приводятся средние цифры пропорций глазной щели относительно размеров орбиты, так длина глаза составляет для европеоидов 65,35 % от ширины орбиты, а высота — 24,65% от высоты глазницы (*van der Walt* 2024). Рассчитаем, насколько близки эти пропорции к нашему препарату. Ширина орбиты в нашем случае 40,8 мм, умножим на 0,6535, получаем 26,7 мм. Эта величина близка к

наблюдаемой — 28, 8 мм, отличается на 2 мм, кстати в ту же сторону, что и рассчитанная по уравнению регрессии. В отношении высоты глазной щели получаем: 36,7 мм х 0, 2465 = 9, 05 мм. Отличие от наблюдаемой величины (8,4 мм) всего 0,65 мм. Вполне понятно, что индивидуальные значения колеблются вокруг средних, не обязательно совпадая. Таким образом, при расчете размеров глазной щели по черепу можно рекомендовать использовать указанные выше пропорции.

В настоящем исследовании мы попытались оценить, какую часть площади основания орбиты занимает глазная щель (*Рис. 5*). Это предложено впервые.

Для этого были произведены следующие расчеты:

Площадь (Soo) основания орбиты Soo = ШО х ВО; Soo = 40,8 мм х 36,7 мм = 1497,36 мм^2

Площадь (Sгщ) глазной щели Sгщ = π х Шгщ х Вгщ. Sгщ = 3,14 х 28,8 мм х 8,4 мм = 759,62 мм^2

Где S — площадь, ШО — ширина орбиты, ВО — высота орбиты, ШГЩ — ширина глазной щели, ВГЩ — высота глазной щели, π — математическая константа, которая обозначает отношение длины окружности к её диаметру (в нашем случае используется для расчета площади эллипса) и равна приблизительно 3,14.

Долю площади глазной щели от площади основания орбиты рассчитали по следующей формуле:

$$\frac{\text{Sгщ}}{\text{Soo}} \cdot \text{x} \cdot 100; \cdot \frac{759{,}62}{1497{,}36} \cdot \text{x} \cdot 100 \cdot = \cdot 50{,}73\%$$

Таким образом, глазная щель занимает примерно половину площади основания орбиты. Для получения достоверных статистических данных, конечно, необходимы дополнительные исследования представителей мужского и женского пола европеоидного антропологического типа. Если это соотношение окажется более или менее постоянным, то для определения высоты глазной щели можно рекомендовать следующий алгоритм:

Расчёт величины раскрытия глазной щели. Сначала произведем расчёт площади глазной щели при неизвестном X. В нашем случае **X** это и будет высота глазной щели. Для этого вычислим 50,73% от площади основания орбиты:

$$\frac{\text{Soo x \% сокрытия}}{100} \; ; \qquad \frac{1497{,}36 \text{ x } 50{,}73\%}{100} = 759{,}62$$

Далее рассчитаем величину раскрытия глазной щели (высоту глазной щели X)

$$x = \frac{\text{Sгщ}}{\text{π x (шо} - \text{r)}}; \qquad x = \frac{759{,}62}{3{,}14 \text{ x } (40{,}8 - 12{,}0)} = 8.4\P$$

Где **r** — в нашем исследовании это суммированная разница между шириной орбиты в области точек **ek** — **en**, (проекция оси глазной щели) и длиной глазной щели. В нашем случае r составляет 12 мм, по 6 мм с каждой стороны от внутреннего и наружного углов глаза.

Результаты данного исследования подтверждают важность анатомического метода для изучения краниофациальных соответствий. Понимание взаимосвязей между основанием глазницы, черепом в целом и глазной областью на живом лице поможет более точно воспроизводить признаки внешности при плоскостной реконструкции и при

построении 3D-модели в случае объемной реконструкции глазной области человека. Расчёт величины раскрытия и длины глазной щели, позволят создавать более точные плоскостные и 3D-модели, при реконструкции лица с учётом индивидуальных размерных характеристик строения костей, формирующих основание орбиты глаза.

Заключение

Анатомический метод является действенным инструментом для изучения краниофациальных соотношений головы в целом и области основания орбиты глаза в частности. В настоящей статье мы предложили программу для исследования этих черепнолицевых соответствий, впервые представив алгоритм расчета площади глазной щели по отношению к площади основания орбиты. Это может помочь определению размеров глазной щели на основании измерений костной орбиты. Полученные данные и дальнейшее изучение особенностей строения верхнего этажа лица, а также увеличение выборки, подбор и анализ контрастных вариантов различных признаков позволят глубже понять взаимосвязи тканевых структур и формирование индивидуальных особенностей внешнего облика. Наша работа продемонстрировала подходы к детальному изучению глазной области на анатомическом материале, ряд которых используют и зарубежные коллеги. Это позволило провести сопоставление результатов, полученных на различающихся в антропологическом отношении группах по литературным данным. Предложенная программа, примененная к большому количеству различающихся вариантов, позволит получить необходимые статистические данные. Проверочные расчёты изучаемых величин, представленные в данной статье, подтверждают правомерность использования выбранного подхода.

В перспективе необходимы четкие рекомендации, которые позволят точно разместить модель глазного яблока в основании орбиты на 3D модели черепа; рассчитать размеры глазной щели; сформировать индивидуальные особенности строения верхнего и нижнего века и складок века в зависимости от конкретных размеров и особенностей костной орбиты. Основанием для этого может послужить фундаментальное исследование области орбит на черепе, выполненное В. Ю. Бахолдиной (*Бахолдина* 2024). Это особенно важно при разноракурсной реконструкции облика, при моделировании головы человека на основе черепа в трёхмерном пространстве.

Источники и материалы

Постановление Правительства РФ 2012 — Постановление Правительства РФ от 21 июля 2012 г. N 750 «Об утверждении Правил передачи невостребованного тела, органов и тканей умершего человека для использования в медицинских, научных и учебных целях, а также использования невостребованного тела, органов и тканей умершего человека в указанных целях». https://base.garant.ru/70206830/?ysclid=m8dcziwpn2805100572

Научная литература

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.

Бахолдина В. Ю. Орбитная область черепа человека: методика изучения и сравнительный анализ. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2024. 244 с.

Веселовская Е. В. «Алгоритм внешности» — комплексная программа антропологической реконструкции // Вестник Московского университета. Серия XXIII. Антропология. 2018. № 2. С. 38–54. https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.2.038-054

Медведев И. И. Основы патологоанатомической техники с элементами диагностики. Посо-

бие для прозекторов эвакогоспиталей и больниц и для студентов. М.; Свердловск: Медгиз (Свердловск: 5-я тип. треста «Полиграф книга»), 1945. 143 с.

Солохин А. А., Солохин Ю. А. Руководство по судебно-медицинской экспертизе трупа. М.: РМАПО, 1997. 264 с.

Усачева Л. Л., Токарева Ю. А. Восстановление внешнего облика по черепу: Учебное пособие. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. 150 с.

Dorfling H. F., Lockhat Z., Pretorius S., Steyn M., Oettle A. C. Facial Approximations: Characteristics of the Eye in a South African Sample // Forensic Science International. 2018. Vol. 286. P. 46–53. https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2018.02.029

Stephan C., Huang A., Davidson P. Further Evidence on the Anatomical Placement of the Human Eyeball for Facial Approximation and Craniofacial Superimposition // Journal of Forensic Sciences. 2009. Vol. 54. №. 2. P. 267–269. https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00982.x

Stephan C., Davidson P. The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification / Journal of Forensic Sciences. 2008. Vol. 53. № 2. P. 612–619. https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00718.x

van der Walt Soné. Creating Guidelines for the Approximation of the Eye and Periorbital Regions of South Africans using Cone Beam Computed Tomography Scans. Ph.D. thesis in Anatomy. Pretoria, 2024.

References

Alekseev, V. P., and G. F. Debets. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry. Methodology of Anthropological Research]. Moscow: Nauka. 250 p.

Bakholdina, V. Yu. 2024. *Orbitnaia oblast' cherepa cheloveka: metodika izucheniia i sravnitel'nyi analiz* [Orbital Region of the Human Skull: Study Methods and Comparative Analysis]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdanii KMK. 244 p.

Dorfling, H. F., Z. Lockhat, S. Pretorius, M. Steyn, and A. C. Oettle. 2018. Facial Approximations: Characteristics of the Eye in a South African Sample. *Forensic Science International* 286: 46–53. https://doi.org/10.1016/j.forsciint.2018.02.029

Medvedev, I. I. 1945. *Osnovy patologoanatomicheskoi tekhniki s elementami diagnostiki: Posobie dlia prozektorov evakogospitalei i bol'nits i dlia studentov* [Fundamentals of Pathological Anatomical Technique with Elements of Diagnostics: A Manual for Dissectors of Evacuation Hospitals and for Students]. Moscow; Sverdlovsk: Medgiz. 143 p.

Solokhin, A. A., and Yu. A. Solokhin. 1997. *Rukovodstvo po sudebno-meditsinskoi ekspertize trupa* [Guide to Forensic Medical Examination of a Corpse]. Moscow: RMAPO. 264 p.

Stephan, C, A. Huang, and P. Davidson. 2009. Further Evidence on the Anatomical Placement of the Human Eyeball for Facial Approximation and Craniofacial Superimposition. *Journal of Forensic Sciences* 54(2): 267–269. https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00982.x

Stephan, C., and P. Davidson. 2008. The Placement of the Human Eyeball and Canthi in Craniofacial Identification. *Journal of Forensic Sciences* 53(2): 612–619. https://doi.org/10.1111/j.1556-4029.2008.00718.x

Usacheva, L. L., and Yu. A. Tokareva. 2010. *Vosstanovlenie vneshnego oblika po cherepu: Uchebnoe posobie* [Reconstruction of Appearance from the Skull: Tutorial]. Moscow: Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 150 p.

van der Walt, Soné. 2024. *Creating Guidelines for the Approximation of the Eye and Periorbital Regions of South Africans using Cone Beam Computed Tomography Scans*. PhD diss., University of Pretoria.

Veselovskaya, E. V. 2018. «Algoritm vneshnosti» — kompleksnaia programma antropologicheskoi rekonstruktsii [«The Algorithm of Appearance» — a Comprehensive Program of Anthropological Reconstruction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriia 23. Antropologiia* 2: 38–54. https://doi.org/10.32521/2074-8132.2018.2.038-054

УДК 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/404-419
Научная статья

© С. Б. Боруцкая

КОМПЛЕКСНОЕ ОСТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПОСАДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДА КУРСКА XI–XIII вв.

Проведено остеологическое исследование посадского некрополя древнерусского города Курска XI–XIII вв. Всего обнаружен 31 скелет людей, 20 из которых принадлежали взрослым индивидам. Для мужчин и женщин группы были характерны среднее и выше среднего значения интермембрального индекса, чаще были типичны несколько удлиненные верхние конечности. У большинства мужчин и женщин отмечается среднее или около среднего соотношение длин сегментов рук и ног. Женщины группы отличались узкоплечестью и средней шириной таза. Прижизненная длина тела мужчин была 155,9 см — 174,7 см, то есть для мужчин был характерен рост от малого до большого. Прижизненный рост женщин варьировал в пределах 151,4 см — 164,9 см, то есть рост женщин был вариабельным от ниже среднего до большого. Скелет рук и ног мужчин группы отличался средней и высокой степенью массивности всех костей. У женщин группы ключицы и локтевые кости по степени массивности были разными, плечевые кости чаще были средне массивными и грацильными, лучевые кости были средне массивными, высоко массивными и ультрамассивными. Кости ног отличались средней и высокой массивностью. Для мужчин и женщин группы были характерны сильная уплощенность в сагиттальном направлении и хорошее развитие межкостного края лучевых костей, слабая сагиттальная уплощенность локтевых костей, сильная уплощенность в поперечном направлении большеберцовых костей. У большинства мужчин и женщин локтевые кости в верхней части диафиза средне расширены, или эуроленичны. У большинства мужчин диафиз бедренных костей посередине сужен, у некоторых имеется слабо или среднеразвитый костный пилястр. Бедренные кости женщин характеризовались как расширенным, так и суженным диафизом посередине кости. Задний костный пилястр был развит слабо у всех женщин. Более 50% мужчин имели уплощенный и сильно уплощенный диафиз бедренных костей в верхнем ярусе. У большинства женщин диафиз бедренных костей сверху был очень сильно уплощен, гиперплатимеричен. Для мужчин и женщин группы были более характерны мезокнемичные, или средне расширенные в верхней части большеберцовые кости.

Ключевые слова: *остеометрия, индексы пропорций, индексы массивности (прочности), платоления, пилястрия, платимерия, платикнемия, реконструируемая прижизненная длина тела*

Боруцкая Светлана Борисовна — к. б. н., доцент, старший научный сотрудник, кафедра антропологии биологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (Российская Федерация, 119234, Москва, Ленинские горы, 1/12). Эл. почта: vasbor1@yandex.ru

* Статья подготовлена в рамках гранта РНФ-БРФФИ 23-48-10011 «Биоархеологическая реконструкция образа жизни и физических характеристик средневекового населения Беларуси и европейской части России».

Ссылка при цитировании: *Боруцкая С. Б.* Комплексное остеологическое исследование погребений средневекового посадского населения города Курска XI–XIII вв. // Вестник антропологии. 2025. № 2. С. 404–419.

UDC 572
DOI: 10.33876/2311-0546/2025-2/404-419
Original Article

© *Svetlana Borutskaya*

A COMPREHENSIVE OSTEOLOGICAL STUDY OF THE BURIALS OF MEDIEVAL KURSK POSAD (11TH–13TH CENTURIES)

The paper presents an osteological study of the Posad necropolis of the ancient Russian city of Kursk of the 11th — 13th centuries. A total of 31 human skeletons were found, 20 of which belonged to adult individuals. The males and females of the group are characterized by an average and above average value of the intermembrane index, with slightly elongated upper limbs more common. Most males and females have an average or near average ratio of arm and leg segment lengths. The females are characterized by narrow shoulders and average pelvic width. The lifetime body length of men ranged from 155.9 cm to 174.7 cm, that is, men's height ranged from small to large. The lifetime height of females ranged from 151.4 cm to 164.9 cm, that is, the height of women varied from below average to large. The bones of the arms and legs in the male sample are characterized by an average and high degree of massiveness. In in the female sample, the clavicles and ulna bones are different in terms of massiveness — the humeri are either medium massive or gracile, while the radii are medium massive, highly massive or ultramassive. The leg bones are of medium to high massiveness. Both male and female samples are characterized by strong sagittal flattening and notable development of the interosseous edge of the radii, weak sagittal flattening of the ulnae, and strong transverse flattening of the tibiae. In most males and females, the ulnae in the upper part of the diaphysis are moderately wide or eurolenic. In most males, the diaphysis of the femoral bones is narrow in the middle, some have a poorly or moderately developed bone pilaster. The femoral bones of females are characterized by both an expanded and narrowed diaphysis in the middle part of the shaft. The posterior bone pilaster is poorly developed in all females. More than 50% of men have a flattened and strongly flattened diaphysis of the femoral bones in the upper part. In most females, the diaphysis of the femoral bones is very flattened and hyperplatimeric. Both males and females are characterized by mesoknemic, or moderately dilated in the upper part, tibia.

Keywords: *osteometry, indices of proportions, indices of massiveness (strength), platoleny, pilastry, platymery, platycnemy, reconstructed lifetime body length*

Author Info: Borutskaya, Svetlana B. — Ph.D. in Biology, Researcher of the Department of Anthropology of the Faculty of Biology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vasbor1@yandex.ru

For Citation: Borutskaya, S. B. 2025. A Comprehensive Osteological Study of the Burials of Medieval Kursk Posad (11th–13th Centuries). *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 2: 404–419.

Funding: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and Basic Research Foundation grant 23-48-10011 «Bioarchaeological Reconstruction of

the Lifestyle and Physical Characteristics of the Medieval Population of Belarus and the European Part of Russia».

Введение

В 2012 г. проводились исследования на территории г. Курска в ходе спасательных археологических раскопок исторического культурного слоя. Площадь исследуемого объекта превышает 1300 кв. м. Изученная территория содержит разновременные культурные напластования: XI–XIII вв. (Древняя Русь), XVII — начала XX (Новое и Новейшее время). В общей сложности на территории памятника были зафиксированы более 100 объектов поселенческой инфраструктуры. 31 захоронение датируется периодом Древней Руси, погребения выполнены по христианскому обряду (*Енуков* 2022).

Раскопки проводил научный коллектив под руководством директора НИИ Археологии юго-востока России Курского госуниверситета В. В. Енукова. Впервые объект культурного наследия был обнаружен экспедицией под руководством С. И. Жаворонкова в 2018 г., затем разведкой территории занималась команда Н. А. Тихомирова (шурфовка и картография).

В письменных источниках Курск впервые упоминается уже в первой половине XI века. Из «Слова о Полку Игореве» становится известно, что в 1185 г. курский князь Всеволод принимал участие в походе на половцев. Археологи установили, что центральным элементом поселения, как и положено, являлся Детинец (мысовое городище на берегу реки Тускарь), близ которого располагались Верхний и Нижний посады. Были обнаружены остатки неглубокого рва, который служил оборонительным укреплением.

В общей сложности на обследованной территории были выявлены культурные напластования IX–XIII вв., XVII–XIX вв., а также некрополь XVII–XVIII вв. В середине прошлого века археологи у самых границ г. Курска обнаружили находки, датируемые поздним неолитом — ранней бронзой.

В ходе раскопок создавались планиграфические и стратиграфические полевые чертежи. Среди обнаруженных артефактов встречаются фрагменты изделий круговой керамики древнерусского времени (XI–XIII вв.), а также посуда с ложбинкой на внутренней стороне, что характерно для монгольской керамики начиная с XII в. Также встречаются фрагменты стенок круговой кухонной посуды, которую относят к домонгольскому периоду. Вывод о столь древней датировке основывается на составе материала, из которого изготовлены сосуды. Фрагменты часто встречающихся сосудов сделаны из красножгущегося теста без видимых примесей, иногда с вкраплениями песка. Эти сосуды в основном принадлежат более позднему временному периоду XIV–XVII вв.

В ходе раскопок были обнаружены крупные объекты, условно называемые «горны», хотя следы металлургического производства в непосредственной близости не обнаружены. Однако исследователи едва ли могут говорить об использовании этих объектов для целей отопления. Намного более вероятно их применение в качестве печей для хлеба, но не круглый год, а только летом.

Итак, на кладбище посадской территории древнерусского Курска было обнаружено 31 погребение. Большая часть скелетов ориентирована головой на юго-запад. Среди похороненных встречаются останки детей, в том числе новорожденных. Большая часть погребений были осуществлены в гробах, которые не сохранились, но на их

существование указывают обнаруженные кованные железные гвозди. В отдельных погребениях местоположение костей или украшений было смещено усилиями подземных животных. В достаточно большом количестве захоронений черепа раздавлены под тяжестью верхних напластований. На одном женском черепе обнаружено глубокое рубленое ранение, скорее всего и послужившее причиной смерти, так как не наблюдается следов заживления. Перстнеобразное височное кольцо из бронзы — находка в женском погребении, датируется XI–XIII вв. В отдельных могильных ямах обнаружены золотостеклянные бусины родом из Византии. Такие украшения бытовали на Руси преимущественно в XI в. В этот же период времени появляются и золотостеклянные бусы местного изготовления, однако они внешне сильно отличаются от византийских.

В данной работе нами планировалось провести комплексный остеологический анализ: провести половозрастное определение скелетов, измерение костей конечностей останков взрослых индивидов, расчет различных индексов, в том числе индексов пропорций, массивности, реконструкция прижизненной длины тела.

Материалы и методы

Для исследования был предоставлен 31 скелет, обнаруженный в некрополе. Материалом исследования послужили 20 скелетов взрослых людей. 9 скелетов принадлежали мужчинам, 11 скелетов были женскими. Остальные 11 скелетов принадлежали детям разного возраста и в данной работе остеологически не анализировались. Половозрастное определение проводили по традиционным антропологическим методикам (*Алексеев, Дебец* 1964; *Алексеев* 1966; *Добряк* 1960; *Никитюк* 1960а; *Никитюк* 1960б; *Пашкова* 1958; *Пашкова* 1963; *Ubelaker* 1978; *Buikstra, Ubelaker* 1994). При измерении костей с поврежденными концевыми частями использовалась методика реконструкции исходной длины Н. Н. Мамоновой (*Мамонова* 1968). Далее рассчитывались индексы пропорций скелета и конечностей, показатели степени массивности (или прочности) костей конечностей, указатели степени расширенности и укрепленности костей рук и ног в разных ярусах диафизов. Для сравнения приведены данные по вариабельности соответствующих индексов у человека современного типа из литературных источников, а также рубрикации некоторых индексов (*Алексеев* 1966; *Рогинский*, *Левин* 1978; *Хрисанфова* 1978). При расчете прижизненной длины тела мы использовали формулы Пирсона и Ли, Бунака, Дюппертью и Хеддена (*Алексеев* 1966). Результаты исследования приведены в *Табл. 1–8.*

Результаты исследования

В *Табл. 1* приведены результаты расчета индексов пропорций скелета и конечностей, а также прижизненной длины тела мужской части группы из некрополя древнерусского Курска. Звездочками помечены некорректные цифры, полученные при расчете среднегрупповых значений индексов, по причине малого количества наблюдений.

Интермембральный индекс. Определяет соотношение длины плеча и предплечья к длине бедренной плюс большеберцовой костей, то есть соотношение длин руки к ноге. В большинстве случаев индекс имеет средние значения. У двух индивидов значения этого индекса оказались немного выше среднего.

Таблица 1

Индексы пропорций, некоторые показатели скелета и рассчитанная прижизненная длина тела у мужчин из древнерусского Курска

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Интермембральный 1п+1л / 2б+1ббк	8	71,28	67,99	75,31	60–84
Плече-бедренный 1п/2б	8	73,30	68,99	78,59	68,8–72,9
Луче-большеберцовый 1л/1ббк	9	69,01	66,41	73,48	62–71
Лучеплечевой 1л/1п	8	75,81	73,65	78,21	71–82
Берцово-бедренный 1ббк/2б	9	80,48	76,10	84,13	77,3–86,6
Ключично-плечевой 1к/2п	2	46,47*	45,15	47,78	40,1–52,1
Формы лопатки 2лп/1лп	1	60,48*	–	–	60,3–72,5
Ширина плеч (см)	2	34,48*	32,6	36,35	–
Плече-ростовой	2	21,55*	20,91	22,19	–
Ширина таза (см)	4	25,4	23,2	28,1	–
Тазовый	4	84,70	80.07	87,11	–
Тазово-ростовой	4	15,73	14,43	17,61	–
Тазово-плечевой	2	76,69	76,07	77,30	–
Широтно-высотный указатель крестца 5кр/2кр	1	112,62	–	–	–
Изгиба тазовой поверх-ти крестца 2кр/1кр	1	86,56*	–	–	–
Длина тела (см)	9	166,0	155,9	174,7	–

Плече-бедренный индекс. Определяет соотношение длины плечевой кости к длине бедренной кости. У одного индивида индекс был минимальным, у всех остальных — высоким или чрезмерно высоким, у одного мужчины индекс, можно сказать, имел ультравысокую величину. Не считая одного индивида, высокая величина плече-бедренного индекса, является характерной для группы и указывает на относительную удлиненность плечевого отдела (или наоборот, относительную укороченность бедренного отдела, согласно плече-бедренному индексу).

Луче-большеберцовый индекс. Показывает соотношение длины лучевой кости к большеберцовой. Для группы мужчин были характерны величины индексов от средних до высоких. То есть предплечья и голени имели или среднее соотношение по длине, или предплечья были удлиненными. Здесь в группе видна определенная закономерность.

Лучеплечевой индекс. Показывает соотношение медиального и проксимального сегментов руки. У мужчин группы индексы были ниже среднего, средние и выше среднего. Низких и высоких значений указателя не обнаружено. То есть для мужских индивидов были характерны примерно одинаковые соотношения длин предплечья и плеча. Ну, в одном случае, можно сказать, это соотношение более явно было в сторону удлиненного предплечья, но значение индекса все равно не дотягивало до высокой величины.

Берцово-бедренный индекс. Показывает соотношение длин медиального и проксимального сегментов ноги. У семи индивидов величина индекса оказалась малой или средней. Только у двух индивидов этот указатель был выше среднего, но все равно не высоким. И среднегрупповое значение берцово-бедренного индекса оказалось немного ниже среднего. Таким образом, у большинства индивидов голень была или укороченой или средней. Выраженно удлиненных голеней у мужчин группы не было.

Только у двух индивидов нам удалось измерить длину ключиц. По длине ключиц далее была рассчитана ширина плеч. Мы воспользовались формулами Д. Ражева (*Ражев* 2003). У одного индивида оказалась небольшая ширина плеч (всего 32,6 см), у второго — средняя (36,4 см), хотя относительно его роста (почти 164 см) и не большая.

У одного индивида выявлена очень узкая лопатка. При этом он еще и был довольно высокорослым. К сожалению, у всех остальных мужских индивидов целых лопаток в погребениях обнаружено не было.

Только четыре мужских скелета имели более-менее целые тазовые кости и крестцы (хотя бы верхнюю часть), что позволило измерить ширину и высоту таза. У одного индивида таз оказался довольно широким, но при этом величина тазового индекса соответствует таковой у мужчин. У остальных индивидов по всем показателям таз был сильно узким и высоким.

Из всей группы лишь у одного индивида в погребении был целый крестец. Он характеризовался, согласно широтно-высотному индексу, платихерией, то есть был очень широким. Кроме того, крестец был довольно сильно изогнут.

По формулам Пирсона и Ли, Бунака, Дюпертюи и Хеддена была рассчитана прижизненная длина тела мужчин группы. У одного мужчины, согласно рубрикациям Р. Мартина, рост был очень низким (155,9 см), что относится к малой величине длины тела современного человека (*Рогинский, Левин* 1978). Также у одного мужчины рост был ниже среднего. У трех мужчин прижизненный рост был средним. У трех мужчин прижизненный рост, можно считать, был большим. У большинства индивидов группы прижизненная длина тела была средней и ниже, вплоть до малой длины.

В *Табл. 2* представлены результаты расчета индексов пропорций для женщин группы, а также результаты вычисления прижизненной длины тела.

Интермембральный индекс. Согласно величинам этого индекса, все женщины в группе характеризовались средним или немного выше среднего соотношением длин рук и ног.

Плече-бедренный индекс. Анализ индекса показал среднее или выше среднего соотношение длин плечевого отдела руки и бедра. Причем у шести женщин величина индекса намного превышает таковое у человека современного типа, согласно литературным сведениям. Таким образом, у большинства женщин плечевой отдел был сильно удлиненным относительно бедра, согласно плече-бедренному индексу.

Таблица 2

Индексы пропорций, некоторые показатели скелета и рассчитанная прижизненная длина тела у женщин из древнерусского Курска

Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций
Интермембральный 1п+1л / 2б+1ббк	10	70,63	67,30	75,09	60-84
Плече-бедренный 1п/2б	10	72,86	69,41	76,61	68,8-72,9
Луче-большеберцовый 1л/1ббк	10	67,91	65,00	73,13	62-71
Лучеплечевой 1л/1п	11	75,40	72,95	80,21	71-82
Берцово-бедренный 1ббк/2б	10	80,67	77,48	83,00	77,3-86,6
Ключично-плечевой 1к/2п	6	44,49	42,55	49,60	40,1-52,1
Формы лопатки 2лп/1лп	–	–	–	–	60,3-72,5
Ширина плеч (см)	7	32,9	31,2	34,1	–
Плече-ростовой	7	20,89	19,59	22,59	–
Ширина таза (см)	10	27,4	26,3	29,6	–
Тазовый	8	74,44	68,92	82,51	–
Тазово-ростовой	8	17,38	15,95	18,84	–
Тазово-плечевой	6	84,24	78,04	89,57	–
Широтно-высотный указатель крестца 5кр/2кр	3	109,09*	95,00	120,00	–
Изгиба тазовой поверх-ти крестца 2кр/1кр	3	91,16*	89,55	94,02	–
Длина тела (см)	11	156,4	151,4	164,9	–

Луче-большеберцовый индекс. Примерно у половины женщин величина индекса средняя, чуть ниже или чуть выше среднего. Здесь можно говорить о среднем относительном соотношении длин предплечья и голени. У остальной половины группы женщин из некрополя отмечается относительная удлиненность предплечья, причем в одном случае очень сильная (*Табл. 2*).

Лучеплечевой индекс. Из одиннадцати индивидов у пяти индекс имеет средние или около среднего значения. У пяти женщин — ниже среднего, но не низкие. У одной женщины индекс оказался из разряда высоких, но ниже, чем самые большие значения у человека современного типа. Таким образом, у большинства женщин соотношение длин предплечья и плеча среднее, или предплечье немного укороченное. У одной женщины предплечье было немного удлиненное.

Берцово-бедренный индекс. У семи женщин из одиннадцати соотношение длин голени и бедра было среднее или почти среднее. У трех индивидов голень, согласно индексу, была укороченной. Этот результат близок к таковому у мужчин группы.

Для шести женщин группы из Курска удалось рассчитать ключично-плечевой и плече-ростовой индексы, а также рассчитать ширину плеч по формулам Д. Ражева (*Ражев* 2003). Все женщины отличались узкоплечестью по абсолютной величине. Среднее значение ширины плеч также этому соответствует. Относительно длины тела ширина плеч женщин была или малой, или в двух случаях почти средней.

Абсолютная ширина таза у большинства женщин была средней, в пределах 26,3–27,7 см. У трех женщин таз был более широким (28,2–29,6 см). Согласно тазовому индексу, у наиболее узкотазой женщины таз был самым высоким. У четырех женщин таз был средневысоким (нормальным для женщин). У трех женщин таз был очень низким с сильно развернутыми крыльями.

У трех женщин удалось проанализировать остеометрические данные крестца. Крестцы были очень разными по ширине. У одной женщины крестец был выраженно узким, или долихохеричным. У двух других — широким в разной степени, но в обоих случаях — платихеричным. У женщины со среднеширокими крестцом степень изогнутости небольшая. В двух других случаях — немного более высокой.

По формулам Пирсона и Ли, Бунака, Дюпертюи и Хеддена был рассчитан прижизненный рост женщин группы из древнерусского Курска (*Алексееву* 1966). Две женщины из одиннадцати отличались ростом ниже среднего, согласно рубрикациям Р. Мартина (*Рогинский, Левин* 1978). У четырех женщин длина тела была средней, и еще у четырех — выше среднего. У двух женщин прижизненная длина тела была большой. Таким образом, прижизненный рост женщин был вариабельным от ниже среднего до большого.

В *Табл. 3* приведены результаты определения степени массивности (или прочности) костей конечностей мужчин группы.

Массивность ключиц удалось определить только у двух мужчин, и в обоих случаях она была выше среднего. Массивность плечевых костей у четырех мужчин из семи была средней, у трех — высокой. Прочность (массивность) лучевых костей у всех мужчин группы была высокой или даже ультравысокой. Массивность локтевых костей у четырех мужчин была средней, у трех мужчин — высокой и даже сильно высокой. Прочность бедренных костей у трех мужчин была средней или немного ниже среднего. У остальных — высокой и даже очень высокой у одного из них. Массивность большеберцовых костей в средней части диафиза у всех мужчин группы была высокой, причем у большинства из них — более, чем высокой. Массивность в нижней части диафиза у семи мужчин из одиннадцати была средней, у одного — ниже среднего, еще у одного мужчины — запредельно высокой.

Таким образом, скелет рук и ног мужчин группы отличался средней и высокой степенью массивности всех костей.

В *Табл. 4* представлены результаты определения степени массивности (прочности) костей рук и ног женщин группы.

Ключицы женщин, согласно индексу массивности, были очень вариабельны. У двух женщин ключицы были грацильными, у трех женщин ключицы обладали средней степенью прочности, у двух женщин ключицы были массивными. Плечевые кости у семи женщин из одиннадцати имели среднюю степень массивности, у трех женщин плечевые кости были грацильными, у одной женщины плечевая кость была сверхмассивной.

Массивность лучевых костей у трех женщин была средней, а в остальных случаях — массивной и высоко массивной (у двух женщин индекс намного превышает таковой у человека современного типа). Прочность локтевых костей женщин из древнерусского Курска почти в половине случаев — средняя или почти средняя. У двух женщин отмечаются грацильные локтевые кости, у трех женщин — массивные, причем у одной из них — высоко массивные. Бедренные кости у шести женщин из десяти имеют почти среднюю степень прочности, у остальных женщин бедренные кости были массивными, у одной их них — ультрамассивной.

Таблица 3

Результаты вычисления индексов массивности длинных костей конечностей мужчин из древнерусского Курска

Индексы	n	X	Min	Max	Размах вариаций у человека
Ключица 6/1	2	27,25*	26,0	28,15	20-30
Плечевая 7/1	7	21,14	20,06	22,26	18-22
Лучевая 3/1	9	18,97	17,31	20,50	14-18
Локтевая 3/2	7	17,38	16,17	19,13	15-18
Бедро 8/2	9	20,56	18,56	22,91	18-21
ББК 10/1	9	23,84	22,22	26,52	20-22
ББК 10b/1	9	22,10	20,67	25,24	18-23

Таблица 4

Результаты вычисления индексов массивности длинных костей конечностей женщин из древнерусского Курска

Индексы	n	X	Min	Max	Размах вариаций у человека
Ключица 6/1	8	24,65	21,53	28,46	20-30
Плечевая 7/1	11	20,12	17,41	26,69	18-22
Лучевая 3/1	11	17,71	15,39	19,74	14-18
Локтевая 3/2	10	16,49	14,25	18,61	15-18
Бедро 8/2	10	20,20	18,89	22,60	18-21
ББК 10/1	10	22,62	20,87	25,93	20-22
ББК 10в/1	10	21,01	19,17	23,77	18-23

Большеберцовые кости у трех индивидов в средней части диафиза были средне массивными, у остальных семи женщин — массивными, а у четырех из них — сверхмассивными. В нижней части диафиза у шести женщин большеберцовые кости были средне массивными, немного ниже и немного выше среднего. У остальных — массивными, у одной из них — высоко массивными.

Таким образом, у женщин группы ключицы по степени массивности были вариабельными, плечевые кости по большей части — средне массивными и грацильными, лучевые кости были средне массивными, высоко массивными и ультрамассивными, локтевые кости по степени прочности тоже были вариабельными. Кости ног (бедренные и большеберцовые) характеризовались как средне массивные и высоко массивные.

В *Табл. 5* и *6* показаны результаты расчета индексов сечения некоторых костей конечностей людей из некрополя древнерусского Курска.

Таблица 5

Результаты расчета индексов сечения длинных костей конечностей мужчин из древнерусского Курска

Кости. Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций у человека
Плечевая 6/5	8	79,13	76,0	84,62	–
Лучевая 5/4	9	69,77	59,41	74,19	–
Локтевая 11/12	9	80,32	68,57	90,32	–
Большеберцовая 9/8	9	72,12	63,49	84,62	60-90

Плечевые кости (*Табл. 5*). Уплощенность середины диафиза, где сбоку находится дельтовидная шероховатость, у мужчин группы в половине случаев выражена довольно сильно, в половине — средне. У мужчин, у которых уплощенность середины диафиза заметная, была неплохо развита дельтовидная шероховатость. У остальных индивидов — дельтовидная шероховатость была менее выражена.

Степень уплощенности лучевых костей в сагиттальном направлении у всех мужчин — очень сильная, что соответствует хорошо развитому и сильно выступающему межкостному краю, к которому прикрепляется межкостная мембрана. На межкостном крае у мужчин группы заметна шероховатость, а сам край несколько утолщен.

Уплощенность диафиза локтевых костей в области наилучшего развития межкостного края у мужчин группы в основном выражена слабо. Сагиттальный диаметр был довольно велик. Лишь у одного индивида наблюдается выраженно сильное уплощение диафиза локтевых костей в области наилучшего развития межкостного края, и этот межкостный край был развит очень хорошо.

Поперечная уплощенность большеберцовых костей у мужчин группы из древнерусского Курска у большинства индивидов выражена довольно сильно, то есть кости в той или иной степени посередине были сужены. Только у одного индивида диафиз в этой области был явно расширен.

Плечевые кости *(Табл. 6)*. Индекс сечения в средней части диафиза, где сбоку находится дельтовидная шероховатость, у женщин группы оказался сильно вариабельным,

что видно из размаха его значений в группе. Примерно в половине случаев можно отметить сильную уплощенность диафиза, что в некоторой степени связано с неплохой выраженностью дельтовидной шероховатости. В остальных случаях, в шести, эта уплощенность выражена слабее, в одном из них — крайне слабо. У этих женщин дельтовидная шероховатость была развита слабо.

Таблица 6

Результаты расчета индексов сечения длинных костей конечностей женщин из древнерусского Курска

Кости. Индексы	n	X	min	max	Размах вариаций у человека
Плечевая 6/5	11	78,52	70,45	90,00	–
Лучевая 5/4	11	66,68	55,00	76,92	–
Локтевая 11/12	11	79,21	70,97	85,71	–
Большеберцовая 9/8	10	71,02	65,52	76,07	60-90

Степень уплощенности диафиза лучевых костей у всех женщин группы — высокая, при этом хорошо выступает межкостный край, к которому прикрепляется межкостная мембрана. Сам межкостный край — более тонкий, чем у мужчин и шероховатость на нем развита слабее. У двух женщин поперечный диаметр лучевых костей оказался почти в два раза больше сагиттального. То есть, у этих женщин кость в области наилучшего развития межкостного края была крайне сильно уплощена.

Уплощенность в сагиттальном направлении диафизов локтевых костей у семи женщин оказалась слабой, а у трех из них — крайне слабой. То есть, у этих женщин сагиттальный диаметр был велик, а межкостный край выступал слабо. У остальных четырех индивидов наблюдалась средняя степень уплощенности диафиза и слабое выступание межкостного края.

Большеберцовые кости в средней части диафиза у женщин были уплощены в поперечном направлении средне или сильно. Об этом свидетельствует и среднегрупповое значение индекса (*Табл. 6)*.

В *Табл. 7* и *8* приведены результаты расчета индексов сечения костей конечностей, относительно которых имеются рубрикации и (или) для которых нельзя определить среднегрупповое значение (*Алексеев* 1966).

Локтевые кости. ***Индекс платолении***. Рассчитывается как соотношение поперечного диаметра к сагиттальному верхней части диафиза локтевой кости. У 11,11% мужских индивидов (точнее, у 1 человека из всех) кости в верхней части диафиза были сужены, или платоленичны, гребень супинатора был выражен слабо. Большинство индивидов, 77,78%, имели средне расширенные в верхней части диафиза, или эуроленичные, локтевые кости. Гребень супинатора чаще всего был развит слабо или средне. 11,11% мужских индивидов (точнее, у 1 человека) обладали гиперэуроленичными локтевыми костями. Диафиз в верхней части был сильно расширен, у кости неплохо был развит гребень супинатора.

Таблица 7

Результаты расчета индексов сечения длинных костей конечностей мужчин из некрополя древнерусского Курска, с учетом имеющихся рубрикаций

Кости. Индексы	Рубрикации индексов	n	% индивидов в группе	Вариации в группе
Локтевая 13/14	Индекс платолении … - 79,99 платоления 80 - 99,99 эуроления 100,0 - … гиперэуроления	∑9 1 7 1	11,11% 77,78% 11,11%	75,86-100,0
Бедренная 6/7	Индекс пилястрии … - 98,99 расширенный диафиз 99,0- 101,0 округлый диафиз 101,1 - … суженный диафиз	∑9 2 – 7	22,22% – 77,78%	85,71-118,52
Бедренная 10/9	Индекс платимерии … - 74,99 гиперплатимерия 75,0 - 84,99 платимерия 85,0 - 99,99 эуримерия 100,0 - … стеномерия	∑9 2 3 4 –	22,22% 33,33% 44,44% –	54,55-96,30
Большеберцо-вая 9а/8а	Индекс платикнемии (… - 55,0 гиперплатикнемия) … - 64,99 платикнемия 65,0 - 69,99 мезокнемия 70,0 - … эурикнемия	∑9 – 1 6 2	– 11,11% 66,67% 22,22%	62,50-75,94

Бедренные кости. ***Индекс пилястрии***. Индекс рассчитывается, как соотношение сагиттального диаметра середины диафиза к поперечному. Нередко сагиттальный диаметр увеличивает находящийся на задней стороне кости рельсообразный костный пилястр, на котором находится шероховатая линия бедра. Индекс пилястрии может быть, как меньше 100%, так и больше. То есть, бедренная кость посередине будет или расширенной, или суженной с возможно находящимся сзади на кости пилястром (а, возможно, и нет при индексах ненамного больше 100%). Если же индекс по значению близок к 100%, можно предположить почти округлую форму сечения. Мы решили выделить этот вариант в отдельную категорию, отступив от 100% в одну и другую сторону по 1%. То есть, если индекс равен 99,0% — 101,0%, то форму сечения считаем округлой, или по крайней мере в этом случае сагиттальный диаметр почти или абсолютно равен поперечному. В исследованной группе у мужчин 22,22% (2 индивида) обладали расширенным диафизом и отсутствующим пилястром. Остальные мужчины (77,78%) имели суженный диафиз и разную степень выступания костного пилястра. У пяти индивидов пилястр был слабым, у двух мужчин — средним (индексы пилястрии: 112,35% и 118,52%).

Степень сагиттальной уплощенности бедренных костей в верхней части диафиза под малым вертелом определялась индексом платимерии. 22,22% мужчин имели очень сильно уплощенный сагиттально диафиз в верхнем ярусе (гиперплатимерия). 33,33% индивидов имели средне уплощенный диафиз в этой области (платимерия). Остальные

44,44% мужчин обладали диафизом, хорошо развитым в сагиттальном направлении (эуримерия). Кости этих мужчин можно посчитать лучше всего укрепленными в верхней части диафиза.

Большеберцовые кости. На уровне питательного отверстия определяется степень уплощенности кости, или платикнемии, как соотношение поперечного диаметра к сагиттальному. Для 11,11% мужчин (для 1 человека) были характерны сильно уплощенные, почти саблевидные, большеберцовые кости (платикнемичные). Большинство мужчин (66,67%) имели средне уплощенные, или мезокнемичные, большеберцовые кости. И 22,22% индивидов обладали очень сильно расширенными на уровне питательного отверстия большеберцовыми костями.

Таблица 8

Результаты расчета индексов сечения длинных костей конечностей женщин из некрополя древнерусского Курска, с учетом имеющихся рубрикаций

Кости. Индексы	Рубрикации индексов	n	% индивидов в группе	Вариации в группе
Локтевая 13/14	Индекс платолении … – 79,99 платоления 80 – 99,99 эуроления 100,0 – … гиперэуроления	∑11 3 8 –	 27,27% 72,72% –	72,09–90,00
Бедренная 6/7	Индекс пилястрии … – 98,99 расширенный диафиз 99,0 – 101,0 округлый диафиз 101,1 – … суженный диафиз	∑11 4 2 5	 36,36% 18,18% 45,46%	80,35–122,74
Бедренная 10/9	Индекс платимерии … – 74,99 гиперплатимерия 75,0 – 84,99 платимерия 85,0 – 99,99 эуримерия 100,0 – … стеномерия	∑11 6 1 4 –	 54,55% 9,09% 36,36%	64,18–94,06
Большеберцовая 9a/8a	Индекс платикнемии (… – 55,0 гиперплатикнемия) … – 64,99 платикнемия 65,0 – 69,99 мезокнемия 70,0 – … эурикнемия	∑11 – 1 6 4	 – 9,09% 54,55% 36,36%	62,50–72,50

Локтевые кости. Индекс платолении. 27,27% женщин имели суженные в верхней части диафиза локтевые кости (платоленичные). На костях был совершенно не развит гребень супинатора. Большинство женщин, 72,72%, обладали эуроленичными, или средне расширенными в верхней части диафиза, локтевыми костями.

Бедренные кости. Индекс пилястрии. 36,36% женщин имели расширенный диафиз бедренных костей в середине диафиза и отсутствующий задний пилястр. Интересно, что у 18,18% женщин (у 2 индивидов) диафиз бедра в средней части был почти округлым. 45,46% обладали суженным диафизом, но выраженный пилястр при этом не обнаружен.

Бедренные кости. Индекс платимерии. Более, чем у 50% женщин (54,55%) степень уплощенности бедренной кости в верхней части диафиза была максимальной. Такие кости можно назвать гиперплатимеричными. 9,09% женщин (1 женщина) обладали расширенными, или платимеричными бедренными костями. У 36,36% женщин бедренные кости в верхнем ярусе диафиза были достаточно хорошо укреплены, сагиттальный диаметр был довольно велик, кости — эуримеричные.

Большеберцовые кости. Индекс платикнемии. Только 9,09% женщин (точнее, 1 женщина) имели на уровне питательного отверстия сильно сплющенные поперечно большеберцовые кости, почти саблевидные, или платикнемичные. Более, чем у 50% женщин, точнее у 54,55%, большеберцовые кости в этой области были средне расширенными, или мезокнемичными. 36,36% женщин обладали сильно расширенными в поперечном направлении на уровне питательного отверстия большеберцовыми костями, то есть, эурикнемичными большеберцовыми костями.

Заключение

Остеологическое исследование посадского некрополя древнерусского города Курск XI–XIII вв. выявило следующее. Для мужчин и женщин группы были характерны среднее и выше среднего значения интермембрального индекса, чаще были характерны несколько удлиненные верхние конечности. У большинства мужчин и женщин отмечается среднее или около среднего соотношение длин сегментов рук и ног. Женщины группы отличались узкоплечестью и средней шириной таза.

Прижизненная длина тела мужчин была 155,9–174,7 см, то есть для мужчин был характерен рост от малого до большого. Прижизненный рост женщин варьировал в пределах 151,4–164,9 см, то есть рост женщин был вариабельным от ниже среднего до большого.

Скелет рук и ног мужчин группы отличался средней и высокой степенью массивности всех костей. У женщин группы ключицы и локтевые кости по степени массивности были вариабельными, плечевые кости чаще средне массивными и грацильными, лучевые кости были средне массивными, высоко массивными и ультрамассивными. Кости ног (бедренные и большеберцовые) отличались средней и высокой массивностью.

Для мужчин и женщин группы были характерны сильная уплощенность в сагиттальном направлении и хорошее развитие межкостного края лучевых костей, слабая сагиттальная уплощенность локтевых костей, сильная уплощенность в поперечном направлении большеберцовых костей.

У большинства мужчин локтевые кости в верхней части диафиза средне расширены, или эуроленичны. У большинства мужчин диафиз бедренных костей посередине сужен, у некоторых имеется слабо или среднеразвитый костный пилястр. Более 50% мужчин имели уплощенный и сильно уплощенный диафиз бедренных костей в верхнем ярусе. Для мужчин группы были более характерны мезокнемичные, или средне расширенные, большеберцовые кости.

У большинства женщин, как и у мужчин, локтевые кости в верхнем ярусе диафиза были средне расширенными, или эуроленичными. Бедренные кости характеризовались как расширенным, так и суженным диафизом посередине кости. Задний костный пилястр был развит слабо у всех женщин. В верхнем ярусе диафиза бедренные кости у большинства женщин были сильно уплощены в сагиттальном направлении, или гиперплатиме-

ричные. Большеберцовые кости характеризовались средней степенью расширенности диафиза на уровне питательного отверстия, или мезокнемией, так же, как и у мужчин.

Работа выполнена с привлечением материалов ЦКП «ФЦФА ИЭА РАН».

Источники и материалы

Енуков 2022 — *Енуков В. В.* Отчет об археологических раскопках объекта археологического наследия «Исторический культурный слой г. Курска» в границах проектируемого строительства по адресу: г. Курск, ул. Димитрова, д.14, ул. Семеновская, д.15, д.17 в 2022 г. Открытый лист № 2708 от 13.12.2018.

Научная литература

Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. М.: Наука, 1964. 127 с.

Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.

Добряк В. И. Судебно-медицинская экспертиза скелетированного трупа. Киев: Госмедиздат УССР, 1960. 192 с.

Мамонова Н. Н. Определение длины костей по их фрагментам // Вопросы антропологии. 1968. Вып. 29. С. 171–177.

Никитюк Б. А. О закономерностях облитерации швов на наружной поверхности мозгового отдела черепа человека // Вопросы антропологии. 1960а. Вып. 2. С. 115–121.

Никитюк Б. А. Определение возраста человека по скелету и зубам // Вопросы антропологии. 1960б. Вып. 3. С. 118–129.

Пашкова В. И. Определение пола и возраста по черепу. Ставрополь, 1958. 24 с.

Пашкова В. И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз, 1963. 153 с.

Ражев Д. И. Погрешность измерения длинных костей и реконструкция ширины плеч // Вестник антропологии. 2003. Вып. 10. С. 198–203.

Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Антропология. М.: Высшая школа, 1978. 528 р.

Хрисанфова Е. Н. Эволюционная морфология скелета человека. М.: Издательство Московского университета, 1978. 216 с.

Buikstra J. E., Ubelaker D. H. (eds.). Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey Vol. 44, 1994. 272 p.

Ubelaker D. H. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Smithsonian institution. Chicago: Adline Publishing Company, 1978. 172 p.

References

Alekseev, V. P. 1966. *Osteometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Osteometry. Anthropologic Research Technique]. Moscow: Nauka. 251 p.

Alekseev, V. P., and G. F. Debets. 1964. *Kraniometriia. Metodika antropologicheskikh issledovanii* [Craniometry. Anthropologic Research Technique]. Moscow: Nauka. 127 p.

Buikstra, J. E., and D. H. Ubelaker (eds.). 1994. *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains. Proceedings of a Seminar at the Field Museum of Natural History*. Fayetteville: Arkansas Archeological Survey. Vol. 44. 272 p.

Dobriak, V. I. 1960. *Sudebno-meditsinskaia ekspertiza skeletirovannogo trupa* [Forensic Medical Examination of Skeletonized Cadaver]. Kiev: State Medical House of the Ukrainian SSR. 192 p.

Khrisanfova, E. N. 1978. *Ehvoliutsionnaya morfologiia skeleta cheloveka* [Evolutionary Morphology of the Human Skeleton]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 216 p.

Mamonova, N. N. 1968. Opredelenie dliny kostei po ikh fragmentam [Determination of the Length of Bones from their Fragments]. *Voprosy antropologii* 29: 171–177.

Nikitiuk, B. A. 1960a. O zakonomernostiakh obliteratsii shvov na naruzhnoi poverkhnosti mozgovogo otdela cherepa cheloveka [On the Patterns of Obliteration of Sutures on the Outer Surface of the Cerebral Part of the Human Skull]. *Voprosy antropologii* 2: 115−121.

Nikitiuk, B. A. 1960b. Opredelenie vozrasta cheloveka po skeletu i zubam [Determining the Age of a Person from Skeleton and Teeth]. *Voprosy antropologii* 3: 118−129.

Pashkova, V. I. 1958. *Opredelenie pola i vozrasta po cherepu* [Determination of Sex and Age from the Skull]. Stavropol'. 24 p.

Pashkova, V. I. 1963. *Ocherki sudebno-meditsinskoi osteologii* [Essays on Forensic Osteology]. Moscow: Medgiz. 153 p.

Razhev, D. I. 2003. Pogreshnost' izmereniia dlinnykh kostei i rekonstruktsiia shiriny plech [Error in Measuring Long Bones and Reconstruction of Shoulder Width]. *Vestnik antropologii* 10: 198–203.

Roginskii, Ya. Ya., and M. G. Levin. 1978. *Antropologiia* [Anthropology]. Moscow: Vysshaia shkola. 528 p.

Ubelaker, D. H. 1978. *Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Smithsonian Institution.* Chicago: Adline Publishing Company. 172 p.

Научное издание

ВЕСТНИК АНТРОПОЛОГИИ

2025. № 2

HERALD OF ANTHROPOLOGY (Vestnik Antropologii)

Выпускающий редактор — М. Ю. Мартынова

Литературные редакторы — М. Ю. Мартынова, О. А. Зыкина
Корректоры — О. А. Зыкина, Н. В. Павлова, Е. С. Бастрикина
Редактор английских текстов — Т. А. Сюткина
Редактор текстов раздела по физической антропологии — О. М. Григорьева

Компьютерная верстка — Н. А. Белова
Художественное оформление обложки — Е. В. Орлова

Подписано к печати 01.06.2025 Формат 70 x 108/16
Усл.-печ. л. 36,75 Заказ № 2

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в типографии Т8 «Издательские Технологии»